
Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	МГУП РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусеку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ - III
Пятнадцать лет спустя

Под редакцией
Геннадия Бордюгова

Научные консультанты проекта:

Дмитрий Андреев
(МГУ им. М.В. Ломоносова)

Леннарт Самуэльсон
(Стокгольмская школа экономической истории)

Москва
2011

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной программы «Культура России»

Дизайн и верстка: *Сергей Щербина.*

Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией
Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 584 с. – ISBN 978-5-91022-176-9.

В 3-м томе проекта внимание авторов сосредоточено на особенностях историографического процесса 2003–2011 гг., заявлении властью новой идеологии и её влиянии на условия и проблемы изучения прошлого. Авторы учитывают, что современное историознание не принадлежит только профессиональным историкам, а возникает в Интернете, его поисковых системах и форумах.

Книга предназначена специалистам, а также магистрам и аспирантам.

ISBN 978-5-91022-176-9

© Авторы, 2011

© АИРО-XXI, оформление, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕД НОВЫМ-СТАРЫМ ВЫБОРОМ. Предисловие <i>Геннадий Бордюгов</i>	9
---	---

I. УСЛОВИЯ И СРЕДА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

Василий Молодяков

Определение понятий • Историческая политика: историки не нужны? • Историографическая ортодоксия: апология «твердой власти» • Юбилей: Сталин возвращается • Против «фальсификаторов истории»: недостаточно забытое старое • Государственная десталинизация? • С новым 1975 м годом, товарищи!.....	15
--	----

КУРС НА «ПОЗИТИВНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ».

О НОВЕЙШЕЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО ИСТОРИИ

Татьяна Филиппова

Учебник истории как исследовательская проблема • Драмы истории – драмы историков • Стандарты или эталоны? На пути к положительному сценарию.....	36
---	----

КНИЖНЫЕ ИЗДАНИЯ ПО ИСТОРИИ И СТРУКТУРЫ ЧТЕНИЯ

Андрей Макаров

Смена парадигм чтения и модели книгоиздания • Книги по истории в российском книжном пространстве	53
---	----

ИСТОРИЯ В КИНО И НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

Борис Соколов

Иван Грозный – авторитарный тиран или безумец? • Литература и история на экране: классика против революции • Красные против белых: старые и новые стереотипы • Был ли заговор Тухачевского? • Польша – «главный провокатор» Второй мировой войны • Великая Отечественная: идеологическая борьба на экране • От войны к миру: стабильность как высшая ценность • История как телешоу	59
--	----

II. СТАРО-НОВАЯ КОНЪЮНКТУРА

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ: НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ

Ольга Голечкова

Механизмы функционирования политических систем • Морфология власти и историческая динамика • Презентации и легитимация власти • Новые фокусировки кратологической оптики • Носители власти • Другие субъекты пространства власти • В тени столыпинианы, или как не надо политизировать историю • Двадцатилетие 1991 года: что отмечаем? • Бархатно-цветные транзиты: революция как технология власти • Историческая кратология: промежуточные итоги и возможные горизонты.....	111
--	-----

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ: БЕЗ ПРЕДВЗЯТОСТИ

Елена Котеленец

«Назад к Ленину» • «Неизвестный Ленин» • Анафема или осмысление? • Зарубежная «лениниана»	144
--	-----

СТАЛИН И СТАЛИНИЗМ: «ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ»

Екатерина Суровцева

Трудности оценки личности Сталина • Издательские проекты • Важнейшие аспекты изучения личности Сталина и феномена сталинизма 160

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: ВЕЛИКАЯ «ЗАБЫТАЯ» ВОЙНА

Игорь Гребенкин, Ирина Белова

Пространство проблем: Мир и Война... • ...Война и «Мирь» • От тематического многообразия к обобщениям • Подходы и методы: поиски и находки..... 183

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Антон Посадский

Варианты восприятия войны • Новые тенденции и подходы • Проекты, структуры и региональные аспекты изучения..... 212

ЭПОХА РЕПРЕССИЙ: СУБЪЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ

Алексей Тепляков

Публикаторский бум: перлы и плевелы • Новые аспекты изучения советских репрессий • Органы госбезопасности глазами гражданских историков • Ведомственные особенности изучения проблемы..... 224

ПРЕДЫСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Михаил Мельтюхов

Политический кризис 1939 г. • Отношения СССР с великими державами Запада • Политика советского руководства в Восточной Европе. • Военные аспекты подготовки Советского Союза к войне 255

НОВЫЕ РАКУРСЫ И ПРОБЛЕМЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Борис Соколов

Основные направления современного изучения Второй мировой войны • События 1939–1941 годов • Размер советских военных потерь • Роль Сталина, народа, отдельных советских полководцев и советского народа в достижении победы в войне • Проблема коллаборационизма и партизанского движения • Роль ленд-лиза и вооруженных сил западных союзников в достижении Победы • Уровень советского военного искусства в Великой Отечественной войне • Преступления Красной Армии в Европе в 1944–1945 годах • Историческая память различных народов о войне и «войны памяти» на постсоветском пространстве • Причины советской победы в войне 291

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»: РОССИЙСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Петр Черёмушкин

Американские авторы о «холодной войне» по-русски и по-английски • Мэтлок против течения • Российские историки об истоках и происхождении «холодной войны» • Берлин-1961 – самое опасное место на земле • Апогей «холодной войны» • Секретный канал разрядки • Роль советского ВПК в «холодной войне» и истощении ресурсов СССР • Ближний Восток: на сцене и за кулисами • Военная операция СССР в Афганистане • И все таки Польша • Африка грез и действительности..... 318

РУССКИЙ МИР И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Алексей Антошин

Организация, источниковая база, историографические разработки • Основные проблемы эмиграции из Российской империи • «Первая волна» послереволюционной эмиграции • Российские эмигранты и Вторая мировая война • «Вторая волна» эмиграции из СССР и состояние российской диаспоры в середине 1940 х – 1960 е гг. • «Третья» волна эмиграции из Советского Союза и современная российская диаспора 344

III. МЕТОДЫ И МОДЕЛИ ПОЗНАНИЯ

ИМПЕРСКАЯ ИСТОРИЯ. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ

Светлана Лурье

Методология «имперской ситуации» и «имперских историй» • От имперской ситуации к контекстообразующему и когнитивному повороту • Примеры имперских ситуаций • Проблема концептуального определения «империи» и «национального государства» • Методологические проблемы типологизации империй379

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ ПОИСКА, МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ

Петр Акульшин, Игорь Гребенкин

В поисках метода и источников • Профессионалы и любители • Темы и проблемы397

МИР ВЕРЫ И МИР ИСТОРИИ: «ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ВСЕЛЕННЫЕ» ИЛИ «СТАЛКИВАЮЩИЕСЯ МИРЫ»?

Сергей Антоненко

Институционализация историко-конфессионального дискурса: обретения и проблемы • Два президентства, два патриаршества. Новый «язык смыслов» как императивное требование эпохи • Актуализация «византийского дискурса» • «Священство и царство»: в поисках утраченной симфонии? • Образовательный аспект: ОПК/ОРКСЭ417

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ОТ ВСЕОБЩЕГО УВЛЕЧЕНИЯ И КРИТИКИ К ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Ирина Реброва

Возможности устной истории как метода анализа памяти о прошлом • Тематическая палитра устно-исторических исследований в современной России454

ВИЗУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ОСВОЕНИЕ НОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Екатерина Щербакова

Точки зрения • Светопись. Но не фото • Город как «визуальная среда обитания» • Желаемая реальность • Образ мира • Кривое зеркало • Не глазом единым473

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ. ФЕНОМЕН «СОВЕТСКОГО»

Владимир Сомов

«Черты советского человека» • В поисках методологии • Мы родом из детства • Назад в будущее?489

ДИКТАТУРА ЮБИЛЕЕВ. МЕМОРИАЛЬНЫЙ БУМ КАК ПРИЗРАК ИНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Андрей Кузнецов, Артем Маслов

К постановке проблемы • Память о Смуте и юбилеи событий начала XVII столетия: размышления о судьбах «одного» «главного» «праздника» накануне десятилетия коммемораций • А судьи кто? Историки на страже юбилеев514

СНОВА О ВЫБОРЕ, НО О ДРУГОМ. Послесловие

Дмитрий Андреев549

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН553

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ573

Геннадий БОРДЮГОВ
Перед новым-старым выбором
Предисловие

После выхода первой книги «Исторические исследования в России: тенденции последних лет» прошло 15 лет. Спустя семь лет вторая книга завершила этот сложный проект выводом: «Современному исследователю, несмотря на все разнообразие форм внутрицеховой коммуникации, скорее всего, придется быть готовым к индивидуальному обретению знаний об историографическом процессе, к самостоятельному и тонкому прочтению результатов очевидного или неочевидного консенсуса дискурсов различных гуманитарных дисциплин»¹. Но прошли годы, и многие коллеги в АИРО стали настаивать на возобновлении проекта. Не потому, что в научном сообществе появилось немало «новичков» со своими тематическими предпочтениями и ценностными ориентациями, а потому, что опровергнут наивный тезис, прозвучавший в 2003 г.: российская власть способна воздержаться от того, чтобы задавать набор схем, создающих дискурс эпохи, определять, что именно является нормой, истиной и знанием².

Действительно, последние шесть лет отмечены решительными шагами в официальном идеологическом строительстве. Оно мотивировалось реприватизацией, которая стала доходным бизнесом для новой элиты и одновременно дискредитировала российскую власть, и одновременно чередой «бархатных революций» на постсоветском пространстве. Эти революции вызвали у многих чиновников и предпринимателей впечатление неизбежности аналогичного развития событий и в России, сделали их активными сторонниками подобного сценария – реванша за их неучастие в перделе собственности. А ставки на монополизм, прагматизм и технократизм в управлении оказались недостаточно для упрочения нового политического режима. Откладывая заявление нового идеологического проекта, который должен был неминуемо повлиять на характер значительной части исторических исследований, уже было невозможно.

Новая идеология, обнародованная в самом общем виде весной 2005 года, явочным порядком стала называться суверенной демократией. Из альтернативы пораженческой и антигосударственной идеологии сторонников «бархатного» транзита власти в России эту концепцию постепенно превращали в основу для национальной консолидации и для обличения коррумпированной части элиты. Суверенная демократия утверждала приоритет национальных интересов над международными нормами и практиками. Стремление к восстановлению России как сверхдержавы диктовало определенный порядок действий во всех сферах общественной жизни.

Однако новый смысловой поворот не означал продуманного его исполнения. Уже на шумевшей встрече В.В. Путина с историками и обществоведами (июнь 2007 г.) можно было наблюдать попытки «присвоения» Путина, стремление поместить его изречения по поводу истории в яму редуccionизма. В комментариях почему-то опускались моменты, когда он пытался осаживать выступавших и напоминать им: «Нельзя навязывать позицию по некоторым оценкам нашей новейшей истории... Нельзя навязывать любую точку зрения, в том числе, если она кажется представителям власти правильной. Нельзя этого делать». Призыв к добросовестности в подходе к фактам не замечался на ангажированных сайтах,

равно как и то, что Путина покоробил призыв создать «заповедники» в отношении прошлого, игнорировалась его просьба не забывать о Большом терроре. Борьба «за Путина» подразумевала пресловутый (но такой желанный для многих!) монизм в историознании.

Противоречивыми оказались и предложения по формированию позитивной идентичности, основанной на обучении школьников «счастливой истории», равно как и создание Комиссии при президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, призванной защитить традиционные для советского периода исторические оценки. Представленная же в 2011 г. президентским Советом по правам человека программа по десталинизации продемонстрировала очевидный разрыв с предыдущей исторической политикой. Всё это подтверждало старо-новую тенденцию – история становится инструментом политики.

Эта тенденция накладывалась на состояние массового исторического сознания во всё более стареющем российском социуме, на сложный способ передачи опыта от старшего поколения, верящего в советский строй и Сталина, младшему. По данным «Левада-центра», совсем малая доля молодых (10–15 процентов) интересуется советским прошлым (приблизительно 13–15 процентов составляют долю тех семей, где есть пострадавшие от сталинских репрессий). Подавляющее большинство не хочет знать о советском прошлом, оно им неинтересно³. Если передачи опыта в семьях не происходит, эту задачу берёт на себя школа. Но в школе, по мнению Б. Дубина, преподают прошлое «с иголки», которое не стыдно показать соседям, а «любая критика, любая дистанцированная точка зрения из школьного знания вытесняется»⁴.

В какую же сторону в этих условиях делает выбор историческая наука? Вернее, за какой выбор ведется открытая или закрытая дискуссия? Об этом прямо или косвенно рассказывает наша книга. Из неё можно узнать, как выстраиваются сегодня историческая политика и политика памяти, почему исторические юбилеи заняли самые высокие рейтинги в общественной и академической среде, а историография, источниковедение и методы исследования оказались чуть ли не маргинальными. Как смогут убедиться читатели, политическая проблематика, власть, бюрократия, «пространство власти» по-прежнему остаются в центре исторических исследований. К этой теме примыкают биографии носителей верховной власти – цари, Столыпин, Ленин, Сталин, история различных институций власти, прежде всего, её чрезвычайных органов и армии. Особое место занимают вооруженные конфронтации и катастрофы, связанные с Первой и Второй мировыми войнами, «Холодной войной», Гражданской войной. Но как видно по второму и третьему томам проекта, расширяют свое пространство имперская, гендерная, антропологическая, аграрная, конфессиональная, также устная и визуальная истории, история повседневности и памяти.

20-летие распада СССР обострило интерес к истории постсоветского периода. Преобладающая еще концепция исторического транзита⁵ подвергается серьезной критике⁶. Под сомнение поставлены произошедшая в 1991 г. мирная демократическая либеральная революция, переход от диктатуры к демократии, от плановой экономики к рынку, от империи к национальному государству и открытому обществу. Данный процесс, считает Ю.Н. Афанасьев, – совсем необязательно «движение по восходящей», «переход к положительной социальной динамике», а «продолжение все того же русского кружения, когда с каждым витком углубля-

ется вековая колея в болотной трясине»⁷. Исходя из различных оснований, автор определяет нынешнюю власть не только как продукт деградации и разложения прежней советскости во всех проявлениях такого разложения, но и как «возрождение в иных условиях, в другой социокультурной среде, в новых формах и почти неузнаваемых одеждах все того же (по глубинному родству) сталинского тоталитарного режима»⁸.

Однако Афанасьев сохраняет слабую надежду, скорее даже чистую фантазию: «Решить накопившиеся для этого Нового русского времени задачи можно одним махом, за несколько лет, мощным рывком. Освободить пространство, на котором бы началось не просто очередное изменение, а развитие России. Да сделать этот рывок не поголовным уничтожением одних другими, а отысканием в ходе выяснения отношений принципиально нового, срединного начала. Нетрудно догадаться, что в данном случае речь идет ни много ни мало о смене самой русской парадигмы. Но за 76 + 20 лет наш социум исковеркан так, что в нём нет уже ни способности хотя бы помыслить такой рывок, ни, тем более, хотения и воли, чтобы на него решиться»⁹.

Новые проблемы, методы и модели познания обострили внимание к состоянию собственно научного сообщества историков России и его положению в составе гуманитарной элиты страны, способам репрезентации историков, содержанию и восприятию собственной миссии, отношениям с властью и способам воздействия на общество¹⁰. При этом не скрывается тревога по поводу того, что заметная часть научного сообщества историков по-прежнему живет «по законам феодального мира, где каждый возделывает «аллод» своей темы отпущенный ему, чтобы мог явиться в срок по призыву и исполнить повинность», – «сосед, возделывающий между рядом, может принадлежать другому клану»¹¹.

Безусловно, трудно сейчас сказать, чему будут в дальнейшем способствовать труды историков – ускорению или замораживанию политического процесса. У науки свои задачи, а у тех историков, которые отстают от политического процесса, возможно, скрывается инстинкт профессионального самосохранения. Все ли в этот сложный период останутся верными своей научной территории? Сумеют ли отделять себя как историка от политика, идеолога или моралиста¹²? Но одно очевидно для всех – «присвоение прошлого» кем бы то ни было невозможно. Историческое знание возникает уже не только в рамках сообщества историков, не только в академических журналах и монографиях, но и в Интернете, его поисковых системах, специализированных и популярных порталах. Надежды на уединение исключительно в библиотеках и архивах, в башне из слоновой кости несбыточны. Без интерактивности, электронной коммуникации невозможно приобщение к прошлому, его смыслам. Причём в новом формате дискуссий, как правило, все равны, здесь нет директоров, материального фактора, корпоративных связей и зависимостей.

Путь к пониманию новой ситуации и обретению способности справиться с ней, осознанию утраты монополии в интерпретации прошлого, по всей видимости, снова проходит через развилку, через кризис, сравнимый с началом 1990-х гг. К тому же историки далеко не первые в академической и университетской среде, на образовательном и интеллектуальном рынках. Но именно они не позволяют размывать прошлое, превращать его в модные, произвольно конструируемые, текстуальные миры, подчинять мифам и этноцентризмам. Профессиональные историки всегда уникальны и неповторимы, потому что даже когда

разделяются на еретиков и тяготеющих к официозу, они способны устанавливать диалог с исследуемым «внешним» объектом, искать в документах разных эпох скрытые смыслы и противоречия, обнажать зло, ложь и неправду.

Не будем забывать о великом предназначении историков: «Антиквары хранят, хронисты описывают, специалисты по генеалогии составляют родословные людей... Труд же историков нацелен на нечто большее. Конечно, прошлое человеческого общества – это главный предмет их исследования; но историки также пытаются выяснить значимость, объяснение и смысл истории – этого триумвирата исторической истины, которая пробивается на свет благодаря работе историков, даже несмотря на скептицизм, присущий современной эпохе»¹³. Перед нами новая (неважно какая по счёту!) попытка последовать этому предназначению. И если она окажется хотя бы чуточку удачнее, нежели у наших предшественников по цеху, можно будет с полным основанием считать собственную профессиональную миссию выполненной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исторические исследования – II. Семь лет спустя. – М.: АИРО-XXI, 2003. С. 12.

² Там же. С. 10.

³ Дубин Борис. Выступление на конференции «Старшее поколение: общество и политика (октябрь 2011 г.) // <http://uroki.istorii.ru/memory/conf/2447>

⁴ Там же. Крайне важным на конференции было выступление Арсения Рогинского, председателя правления Международного общества «Мемориал». Он обратил внимание на то, что среди молодых имеет шанс на успех тот опыт старших, который проблематизирован и имеет отношение к сегодняшнему дню. Таким опытом могут быть: «1. Стратегии выживания. Рассказы об условиях страданий не интересны. Все знают про 125 блокадных грамм – это ужасно, и всё. Но если поставить вопрос: как ты, мама/бабушка, в этих условиях выжила и сохранила двоих детей? Это не вопрос о том, как ужасно было в блокаду. Ответы на эти вопросы могут быть разными. У моей мамы он был таким: “Я устроилась работать в госпиталь, где давали не талоны, а пищу”. Оказывается, страшно важно было найти работу, часто – пожертвовав статусом... 2. Есть запрос на память о сопротивлении. Не вопрос, как унижали, а как ты сопротивлялся этому состоянию униженности? Можно вызвать рассказ о попытке бегства из плена, лагерном восстании – их было мало, единицы, но вопрос важен. 3. И ещё один запрос – запрос на правдивую историю оккупации. Как люди приспосабливались к оккупации?.. В советском мифе оккупация рассматривалась как страдание, и, во-вторых, как участие в подполье... Существует интересная тема коллаборационизма – во время войны и в ГУЛАГе. Это острая проблема, проблема соглашательства, компромисса. И большой вопрос, как это передаётся в память молодёжи. 4. Сейчас все сошли с ума и занимаются семейными историями. Можно подойти к этому предмету механистически – составлять генеалогии и т. п.... Семья – это единственное в обществе, что Сталин не смог разрушить. Это источник сопротивления».

⁵ См.: Гельман Владимир. «Transition» по-русски: концепция переходного периода и политическая трансформация в России // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 61–81; Мельвиль Андрей. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократической транзитологии // Полис. 1998. № 2; Gavrov Sergey. Modernization of Russia: postimpersky transit. – University of Nebraska-Lincoln, 2009 и др.

⁶ См. об этом: Буравой Майкл. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // Экономическая социология. – М., 2009; Рябов Андрей. Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветской трансформации. Лекция. 2010, август // <http://polit.ru/article/2010/08/12/riabov/>; Коэн Стивен. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011.

⁷ Афанасьев Ю.Н. Qui prodest? Возможности и реальности примирения России и Европы // <http://kasparov.ru.livejournal.com/933689.html>

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. – М.: АИРО-XXI, 2011.

¹¹ Потапова Наталья. Российские исторические журналы: три модели организации знания и сообщества // Там же. С. 196.

¹² См. об этом: Coquin Francois-X. Comments on the Current ‘Ferment’ and Revision of History in the Soviet Union: Stakes, Limits, Outlook // Facing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika. – Sapporo, Japan, 1989. P. 29.

¹³ Appleby J., Hunt I., Jacob M. Telling the Truth about History. – NY, 1994. P. 276.

I

УСЛОВИЯ И СРЕДА

Василий МОЛОДЯКОВ

Историческая политика и политика памяти

Правящая элита любого государства в любую эпоху стремится манипулировать сознанием своих подданных (а если удастся – и чужих), чтобы с максимальной эффективностью контролировать их и управлять ими. Мощным инструментом такого контроля является управление исторической памятью народа, которую философ А.М. Пятигорский определил как «направление сознания человека на его прошлое». Она может быть позитивной и негативной, развиваться естественным путем изнутри мыслящей личности или направляться и регулироваться внешними факторами. Последнее предпочтительнее для правящей элиты, сознанию которой присуща уверенность в том, что «кто владеет прошлым, владеет настоящим».

Определение понятий

Моделирование исторического сознания и исторической памяти подданных и манипулирование ими и есть историческая политика государства. Явление старо, как само государство, хотя термин «историческая политика» на удивление нов. Он возник в ФРГ в начале 1980-х годов, получил широкое распространение в Польше и в Украине в середине 2000-х годов, прежде всего в процессе «отталкивания» от России и отказа от «наследства» социалистической эпохи. В отечественной литературе термин был актуализирован А.И. Миллером в статье 2009 г. «Россия: власть и история»¹ и получил распространение в средствах массовой информации и в интернете.

Миллер называет «историческую политику» новым явлением, принципиально отличающимся от «политизации истории», т. е. исторического сознания и исторической науки. Со второй частью этого высказывания можно согласиться, с первым – нет, что видно из сказанного мной выше. Политизация исторической науки и исторического сознания – процесс, идущий под воздействием многочисленных разнонаправленных факторов, в то время как историческая политика – комплекс мер власти, имеющих единое стратегическое направление, т. е. один из ключевых, но не единственный фактор политизации истории. Именно это явление – политику власти – мы рассмотрим ниже.

«Политика памяти», которую Миллер в той же статье определяет как «различные общественные практики и нормы, связанные с регулированием

коллективной памяти», является лишь одной из форм исторической политики, нередко доминирующей, что может привести к приравнению или смешению двух понятий.

Историческая политика – часть общегосударственной, отражающая особенности и закономерности целого. Извлечение конкретных политических выводов о событиях и процессах дня сегодняшнего из высказываний руководителей государства на исторические темы может быть чревато ошибками, но само по себе обращение власть имущих к прошлому и его образам говорит о многом. Это особенно характерно для России в период после прихода В.В. Путина на пост президента в 2000 г.

Необходимость выделения данного сюжета в отдельное производство мотивируется тем, что за последнее десятилетие историческая политика вообще и нынешней российской элиты в частности стала предметом обостренной рефлексии ученых-историков и оживленных дискуссий в профессиональном сообществе. Эта рефлексия – характерная примета переживаемого момента, хотя ничего уникального в ней нет. Историкам вообще свойственно размышлять о том, что делает или пытается делать власть в их профессиональной сфере, чего она от них ожидает, хочет, просит или требует. Степень свободы такой рефлексии говорит о состоянии общества: проявляется ли она в открытой печати или ограничивается публичными высказываниями в профессиональном кругу, в дружеских разговорах «на кухне» или только на страницах потайных личных дневников².

Следует также помнить, что скрытой формой рефлексии относительно исторической политики власти в условиях несвободного общества могут выступать историографические обзоры, а успех в доведении ее выводов до читателя зависит от умения автора пользоваться эзоповым языком и готовности цензора закрывать на это глаза.

В основе каждой исторической политики лежит базовый сюжет, зачастую приобретающий характер мифа (автор не придает этому понятию никакого оценочного оттенка относительно «исторической правды»). Это некая ось, вокруг которой вращается или, по крайней мере, должно вращаться историческое сознание подданных и все, что его формирует, включая преподавание истории и исторические исследования, хотя бы в той мере, в какой власть контролирует последние.

Для исторической политики императорской России базовым сюжетом была династия Романовых. Для советской исторической политики, включая годы перестройки, – Ленин и Великая октябрьская социалистическая революция (с середины 1930-х до середины 1950-х годов также Сталин). Для постсоветской – Великая отечественная война с акцентом на Победе, которая, впрочем, уже со второй половины 1960-х годов играла роль базового сюжета «номер два». Пожалуй, только в 1990-е годы у центрального правительства РФ не было четко определенной исторической политики, а пышное празднование 50-летия Победы в 1995 г. преследовало прагматическую цель международной «презентации» ельцинского режима в преддверии президентских

выборов 1996 г. Однако, временное отсутствие такой политики с лихвой возместили волна оперативно создаваемых «национальных историй» в бывших советских республиках, ставших независимыми государствами, и некоторых регионах РФ, переживавших «парад суверенитетов», а также активизация исторической политики ряда бывших социалистических стран³.

В зависимости от конкретной социально-политической ситуации и характера правящего режима, границы базового исторического сюжета могут расширяться и сужаться, его изучение может допускать обнародование большего или меньшего количества «негатива», а истолкование – большую или меньшую свободу мнений, но его доминирование в историческом сознании должно сохраняться, а суммарная итоговая оценка может быть только положительной. Характерный пример – период перестройки, когда дарованная свыше и казавшаяся тогда беспрецедентной свобода исторических исследований допускала «почти все», но при условии, что в центре российской истории XX века остается Октябрьская революция с большим знаком «плюс» даже при обилии маленьких «минусов». Только распад СССР и устранение КПСС от власти разрушили этот доминирующий миф.

Историческая политика в современной России проявляется, главным образом, в четырех связанных между собой формах. Первая – формирование новой историографической ортодоксии для «внутреннего употребления», творцы которой формально независимы от правительства, но дают понять, что их деятельность одобряют «на самом верху»⁴. Вторая – проведение разного рода торжественных мероприятий, связанных с историческими событиями и персоналиями, под руководством или по инициативе представителей властных структур различного уровня. Третья – борьба с «фальсификациями истории», объявленная на государственном уровне. Четвертая – ответ на внешние вызовы, на историческую политику и политику памяти других стран, для чего используются и историографическая ортодоксия, и «юбилеи», и борьба с «фальсификациями». Однако нас в данном случае интересуют не столько содержание и формы этой политики, о которых немало написано, сколько ее взаимодействие с миром профессиональных историков – с теми, кто занимается *реальными* историческими исследованиями, а не обслуживанием государственных и частных пиар-кампаний, компиляцией и фальсификацией.

Историческая политика: историки не нужны?

Сегодня российские историки работают в условиях наличия у государства исторической политики или, по крайней мере, заявленного намерения ее проводить. Как это влияет на их деятельность?

С одной стороны, само по себе наличие такой политики можно рассматривать как положительный фактор, поскольку государство, включая властные

структуры разных уровней, поощряет, в том числе материально, исторические исследования по определенной тематике, которая может быть весьма широка. Чем ближе к базовому историческому мифу – тем больше вероятность получить поощрение, если, конечно, не противоречить ортодоксии. С другой стороны, государство накладывает ограничения на историков: чем ближе к тому же мифу – тем строже. Исследователи истории Древнего Египта или Юго-Восточной Азии пользовались в советское время намного большей свободой, чем писавшие о политическом и экономическом развитии России рубежа XIX–XX веков, но зато поощрений первым выпадало намного меньше, чем вторым.

В современной России эта схема не работает. С одной стороны, государство вроде бы не ограничивает историков ни в выборе, ни в трактовке тем и позволяет им высказывать любые взгляды, а посягательства на свободу слова в области интерпретации прошлого исходят от «перебдевшего» начальства не слишком высокого уровня или от «общественности», как в случае с признанием ряда исторических работ «экстремистской литературой»⁵ или так называемым «делом Барсенкова–Вдовина» – осуждением Комиссией по межнациональным отношениям и свободе совести при Общественной палате РФ учебного пособия профессоров МГУ А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина «История России. 1917–2009» (М., 2010)⁶.

С другой стороны, государство практически не стимулирует деятельность профессиональных историков, за исключением тех, кто участвует в его пропагандистских кампаниях или имеет возможность использовать «административный ресурс» (в просторечии «припасть к распилу»). Выступление историка в роли пропагандиста – дело его личной и профессиональной совести, и обвинять в этом государство несправедливо. Гораздо большую тревогу вызывает откровенно приниженное положение ученых, в том числе историков, в материальном и социальном отношении. Большая часть историков ощущает себя невостребованными или, как минимум, недостаточно востребованными именно в профессиональном плане. На словах руководство страны озабочено проблемами национальной и, в меньшей степени, мировой истории и проводит историческую политику, отпуская или обещая отпустить на это бюджетные средства. Однако оно не только не прислушивается к мнению профессионального сообщества, но и не обращается к нему при выработке и формулировании этой политики (стало быть, не заботится о ее качестве?), а при ее практическом осуществлении рассматривает ученых лишь как «говорящие головы». Неудивительно, что в роли «государственных историков» обычно выступают либо пожилые номенклатурные деятели, давно не ведущие реальной исследовательской работы, либо молодые, амбициозные авторы, рассчитывающие на быструю карьерную и материальную «поправку обстоятельств» с помощью «административного ресурса». Такая ситуация порождает у многих профессиональных историков циничное отношение к государственной политике и готовность «продаться», но предложение здесь, как правило, превышает спрос⁷.

В России нет работающей системы постоянного и эффективного диалога между властью и научным сообществом гуманитариев (о других дисциплинах судить не берусь), который не может быть заменен никакими «форумами» с участием первых лиц. Создается впечатление, что власть не интересуется ни мнением ученых – даже по тем вопросам, которые находятся в их компетенции, ни положением в науке, довольствуясь победными реляциями чиновников. В то же время по сумме финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) Россия отстает от всех основных развитых стран плюс КНР, а по доле НИОКР в ВВП – от первой «двадцатки» стран мира. Что из этого достается историкам, которые не делают ракеты? Негосударственные структуры также не спешат финансировать их работу, за исключением конкретных проектов, почти исключительно заказного, пиаровского характера.

Закономерные итоги влияния такой исторической политики на сообщество историков и их работу: падение если не профессионального уровня, то профессиональной отдачи ученых, которые вынуждены «крутиться», а не заниматься исследованиями; неуклонное старение академической и университетской науки; продолжающийся отток перспективных кадров в другие сферы деятельности и даже в другие страны. Впрочем, последнее к историкам, в отличие от математиков или физиков, относится лишь в малой степени: за границей своих таких хватает.

Совокупностью перечисленных факторов объясняются крайне незначительное участие реально работающих ученых в государственной исторической политике и политике памяти, а как следствие – непоследовательность, неубедительность и низкая эффективность такой политики, ориентированной преимущественно на «отчет» (о «распиле» промолчим), а не на результат.

Историографическая ортодоксия: апология «твердой власти»

Создание историографической ортодоксии является одной из важнейших форм исторической политики. Она распространяется не только на академические исследования в области истории, но на школьное и университетское образование, деятельность СМИ, научно-популярную и художественную литературу, искусство – словом, на все, что может повлиять на сознание граждан. Оформи́вшаяся ортодоксия, в свою очередь, влияет на политику памяти, понимаемую более конкретно: «кому быть живым и хвалимым, кто должен быть мертв и хулим», как точно сформулировал Б.Л. Пастернак. Формируются культы – положительные и отрицательные, «ангелы» и «демоны» – у которых появляются свои жрецы. Среди этих жрецов обязательно присутствуют специалисты-историки, но их количество и профессиональный уровень яв-

ляются надежным показателем как качества ортодоксии с точки зрения историографии, так и ее эффективности, при том, что одно вовсе не детерминировано другим.

Самым наглядным и обсуждаемым проявлением новой, формирующейся историографической ортодоксии «пост-ельцинской» России можно считать «книги для учителя» «Новейшая история России. 1947–2006» (М., 2007) А.В. Филиппова (фактически в соавторстве с группой лиц) и «История России, 1900–1945» (М. 2009) под редакцией А.А. Данилова и А.В. Филиппова и соответствующие учебники – а также первый том 12-томника «Великая Отечественная война 1941–1945» (М., 2011), который открывает предисловие президента РФ. О «книгах для учителя» я подробно писал ранее⁸, поэтому повторю лишь основные выводы, имеющие непосредственное отношение к теме нашего исследования; о первом томе 12-томника речь пойдет далее.

Первое. «Книги» стали ответом на неоднократно выражавшееся В.В. Путиным уже во время его первого президентского срока «беспокойство» по поводу содержания школьных учебников по отечественной истории, «написанных на иностранные деньги», и состояния преподавания этого предмета, в котором отсутствует «патриотизм»⁹. Сами авторы подавали их как «заказ Кремля», т. е. как часть государственной исторической политики. Неудивительно, что «книги» были восприняты – причем не только в России, но и за ее пределами – именно как новая ортодоксия, даже как новый «Краткий курс», что вызвало определенную тревогу в профессиональном сообществе¹⁰.

Второе. Инициаторы проекта «kozyряли» его одобрением со стороны учителей, большинство которых мечтает – для облегчения своей работы – о введении «единого учебника» вне зависимости от его идеологической ориентации.

Третье. Большинство ученых-историков или отказалось комментировать «книги», или отозвалось о них отрицательно с историографической точки зрения (идеологически мотивированных оценок я не касаюсь). При этом реакция на вторую оказалась еще более вялой и безразличной, чем на первую. «Лучше, чем мы боялись», – шутили некоторые.

Четвертое. Работающие и пользующиеся авторитетом в профессиональном сообществе историки приняли участие только во второй – по времени издания – «книге», когда ортодоксию надо было привести в более «товарный вид», но не были допущены к «установочным» разделам.

Пятое. В отличие от первой, вторая «книга» написана подчеркнуто объективистски, с приведением разных точек зрения и предложением «подумать самим», но требуемый результат задан предисловием А.А. Данилова «О концептуальных основах изучения истории России 1900–1945 гг.». Оно имеет идеологический по сути и директивный по форме характер, что делает его выражением коллективно созданной ортодоксии, а не личной точки зрения автора (возможно, они полностью совпадают, но в данном случае это не важно). Здесь четко указано, что можно и нужно, а что нельзя.

Судя по этому директивному идеологическому документу, историческая политика руководства РФ отличается эклектичностью и половинчатостью: ни

за «красных», ни за «белых», но с явным желанием «присвоить», записать в свои герои, условно говоря, и Колчака, и Сталина (достаточно вспомнить фильмы «Адмирал» и «Сталин Live»). С высказыванием Данилова: «Главной причиной развертывания широкомасштабной фронтовой Гражданской войны в России можно признать политику захвативших власть большевиков, а главной причиной их действий – особенности их идеологической и политической доктрины» (С. 13) – могут согласиться представители разных школ и направлений историографии (автор настоящей статьи присоединяется к сказанному). Однако сразу за этим следует указание: «В то же время нельзя допустить популярной ныне апологетики Белого движения, которое в ряде случаев выступало альтернативой профашистского толка, из которого вполне могла реализоваться националистическая модель развития, как это случилось позже в фашистской Италии и нацистской Германии» (С. 13).

Эта фраза, относящаяся к важнейшей проблеме нашего прошлого – революции и Гражданской и войне – показывает профессиональный уровень проекта, причем в целом, а не в отдельных главах. Во-первых, непонятно, как Белое движение, пусть даже «в ряде случаев» (каких именно?), могло быть «альтернативой профашистского толка», если фашистское движение зародилось в Италии только в 1919 г. (может быть, автор хотел сказать «протофашистского?»), а среди «белых» лидеров – как военных, так и гражданских – преобладали либералы, от кадетов до эсеров. Во-вторых, «националистическая модель развития» в Италии и в Германии реализовалась без гражданской войны и вне прямой связи с событиями в России: если в Италии фашизм стал ответом на коммунистическое движение, которое вдохновлялось примером большевиков, то в Германии нацисты пришли к власти более чем через 12 лет после окончания гражданской войны в Европейской России. В этой путанице (кстати, по всему тексту «книги для учителя» и первого тома 12-томника режим Гитлера именуется то «нацистским», то «фашистским», что ни в Европе, ни в США, ни в Японии недопустимо для школьного учебника) важно одно: никакой апологетики «белых», никакого «русского фашизма»! «Следует также решительно пресечь попытки героизации изменников Родины (А.А. Власова и др.)» (С. 25) – четкая и недвусмысленная реакция на дискуссии вокруг «Локотской республики», интерес к которой как к возможной альтернативе большевикам оказался неожиданно велик¹¹. Это положение особенно подчеркнуто в первом томе новой истории Великой Отечественной войны. Добавлю, что в январе 2008 г. депутат Государственной Думы от «Единой России», атаман донских казаков В.П. Водолацкий создал рабочую группу по реабилитации П.Н. Краснова, но под воздействием резкой критики, акцентировавшей внимание на деятельности генерала в качестве «гитлеровского пособника», вскоре сам же отказался от этой идеи.

«Самой острой во всем пособии» Данилов назвал «тему Большого террора» (С. 17) – не революции и Гражданской войны, не модернизации и платы за нее, не причин и происхождения Первой и Второй мировых войн (главы о внешней политике, написанные не специалистами в данной области, следует

признать слабейшей частью «книги»). Апологетики Большого террора, которая сейчас открыто звучит в некоторых публицистических сочинениях на исторические темы, здесь нет. В словах о том, что «с позиций общечеловеческой морали гибель и сломанные жизни людей не могут быть оправданы» (С. 19), трудно не усмотреть реакцию на позицию Д.А. Медведева, публично заявленную им после прихода на пост президента. Однако анализ мотивов действий Сталина в «книгах» прямо подводит к их оправданию, причем основанному на сталинских же аргументах, которым не дается оценка не только с точки зрения морали, но и элементарной фактической обоснованности. Коротче говоря, твердая власть всегда права, поскольку по определению действует на благо государства (Столыпин–Сталин–Путин). В принципе власть права всегда – потому что она власть. «Неправа» она только в случае «гнилого либерализма» (Хрущев–Горбачев–Ельцин). Можно сказать, что это «сталинизм минус коммунистическая идеология», поскольку последняя остается внешним атрибутом сил, позиционирующих себя как оппозиция нынешней власти.

«Книги для учителя» и «парные» к ним учебники вызвали бурную и откровенно идеологизированную дискуссию в отечественных СМИ – более бурную и напряженную, чем в собственно профессиональном сообществе российских историков и иностранных специалистов по истории России. Споры отразились и в зарубежной прессе, оценившей «книги» в целом негативно, но – в ряде случаев – с чужих слов, без какого-либо серьезного анализа. Это создало преувеличенное представление о важности «даниловско-филипповских» учебников, которые не только не стали «единицами» и «президентскими», но и не получили реального распространения в школах. В беседах с автором настоящей работы осенью 2011 г. ряд педагогов и представителей книжной торговли оценил их как неудачный проект с точки зрения не только идеологии, но и бизнеса.

Юбилеи: Сталин возвращается

Определение «сталинизм минус коммунистическая идеология» можно применить и к такой конкретной сфере политики памяти нынешней российской власти, как проведение юбилеев (в соответствии с принятым в настоящей работе значением этого термина), установление памятников и памятных знаков, наименование улиц и т. д. Разумеется, вся политика памяти в России не сводима к этой формуле, особенно на местах, где она имеет отчетливо выраженный региональный характер, когда прославление «местночтимых» исторических персонажей обусловлено прежде всего их привязкой к региону (место рождения, деятельности, гибели и т. д.), а не политической принадлежностью или ориентацией. Формы и содержание исторической коммеморации в со-

временной России в рамках настоящего исследования рассмотрены в статье А.А. Кузнецова и А.Н. Маслова, поэтому я уделю основное внимание юбилеям в контексте исторической политики центральной власти, а не деятельности региональных элит. Что необходимо здесь выделить?

Первое. Преимущественная ориентированность на «кратную славу Отечества», иными словами, на войны, пусть даже оборонительные, а не на мирное созидание. Характерные примеры: управляемый медиа-конкурс «Имя Россия», где писатели и ученые выглядели маргиналами; более чем скромное – с точки зрения государственного участия и поддержки – празднование 200-летия со дня рождения Гоголя (2009 г.), 150-летия со дня рождения Чехова и Левитана и 100-летия со дня рождения Твардовского (все – 2010 г.), не говоря о менее популярных и «народных» фигурах (200-летие со дня рождения Белинского в 2011 г.) или менее «круглых» датах (120-летие со дня рождения Булгакова в 2011 г.).

Второе. Доминирование сюжетов, так или иначе связанных с Великой отечественной войной. «Уберите у существующего сейчас в России строя память о Второй мировой войне, – отметил член-корреспондент РАН П.Ю. Уваров, – все, больше ничего нет, все рухнуло, это последнее, что может его цементировать. Больше нет ни одного объединяющего элемента для исторического сознания»¹². На этом фоне в государственной исторической политике полностью потерялась Первая мировая война («Вторая отечественная», как ее тогда называли!), обычно игнорировавшаяся в советское время, и почти потерялась Отечественная война 1812 г., которой в СССР традиционно уделялось значительное внимание (посмотрим, как будет отмечено в 2012 г. ее 200-летие).

Третье. Педалирование позиции «Победа оправдывает все». Разгром нацистской Германии трактуется не только как победа «правого дела», но и – правда, на неофициальном уровне – как доказательство большей эффективности советской системы во всех сферах, включая собственно военную, политическую, экономическую и духовно-нравственную. По мнению адептов этой позиции, особенно многочисленных в пара-исторической литературе и в СМИ, Победа оправдывает не только любые жертвы, но и любые меры и методы, а их критика они готовы объявить недопустимой и кощунственной.

Проблема юбилеев XX века как ключевых элементов исторической политики и политики памяти советской и постсоветской России детально исследована¹³. Поэтому здесь остается отметить несколько важнейших моментов с точки зрения действий властей и взаимодействия историков с ними.

В период после 2000 г. юбилей Октябрьской революции окончательно и полностью утратил государственный характер и перестал быть базовым историческим сюжетом. Однако автор настоящей работы не исключает моделирование, скажем, к 2017 г. концепции «Великой Русской революции» (по образцу Великой Французской) с акцентом на попытку окончательного общенационального примирения «красных» и «белых», тем более что такая характеристика уже содержится в «книге для учителя» под редакцией А.А. Данилова.

Сталинские юбилеи, давно утратившие государственный характер, превратились в знамя некоммунистической и «имперской» оппозиции, которая продолжает клеймить «демократов во власти» и как будто не замечает толерантное отношение к своему кумиру со стороны немалой части правящей элиты и большинства контролируемых ей СМИ, особенно телевидения. Эти силы, пламенными идеологами которых являются «мистический сталинист» А.А. Проханов и темпераментный публицист В.С. Бушин, противопоставляют Сталина «либералам», попутно целя в президента Медведева, намекают, что могли бы видеть его «реинкарнацию» в Путине, с которым, по верному замечанию Бордюгова, Сталин как культурный герой «поделился своей харизмой»¹⁴, и полностью игнорируют его критику со стороны национал-пассеистов и национал-модернистов, которые воспринимают генералиссимуса сугубо отрицательно. Отмечу, что такая критика Сталина, в отличие от либеральной, практически не попадает на телевидение и в другие СМИ, контролируемые правящей элитой.

Ни Медведев, ни даже Путин не могут легализовать Сталина в качестве базового мифа официальной исторической политики страны. Более того, Путин в 2011 г. однозначно отдал предпочтение Столыпину, соединение которого со Сталиным в рамках единого «исторического позитива» возможно только при полном забвении или игнорировании фактов реальной истории. Однако Сталин возвращается через базовый исторический образ Победы, который все чаще пытаются использовать для апологии сталинского режима. На смену некогда популярному тезису «войну выиграл народ вопреки Сталину» приходит лозунг «Вернуть Сталина Победе», темпераментно, хотя и не слишком убедительно актуализированный публицистом Е.С. Холмогоровым в 2005 г.¹⁵ Именно в официальных празднованиях годовщин Победы в 1995, 2005 и 2010 гг. российская власть проявила себя как «решающая с помощью юбилея проблемы внутренней и внешней устойчивости»¹⁶.

По мере отдаления от нас во времени событий Великой отечественной войны и физического ухода из жизни ее участников и непосредственных свидетелей, празднование годовщин Победы приобретает мифологизированный и в то же время бюрократический характер (последнее присуще практически всем современным юбилеям). По этим причинам оно нередко окрашивается в откровенно карнавальные тона вроде исполнения песен военных лет «звездами» современной поп-культуры и бытовых издержек непродуманной и исторически немотивированной акции «Георгиевская ленточка». Не подогревает интерес к событиям прошлого и обилие «заказных» книг и фильмов о событиях Великой отечественной и, шире, Второй мировой войны, поскольку их исторический и художественный уровень обычно невысок, причем вне зависимости от содержания и направленности. Как верно отметил Г.А. Бордюгов, «если в советское время официальная ложь лишь разжигала любопытство и жажду истины, то нынешнее опиаривание истории губит всякий интерес, порождает скуку и провоцирует безучастность»¹⁷. Пишущий эти строки полностью согласен и с итоговим выводом: «Этот проект – несмотря на все усилия

нынешней власти сохранить День Победы как главное событие, связывающее новую Россию с ее советским прошлым, – подвергся коррозии обыденностью, утратил свою заостренность (неважно – положительную или отрицательную, как в случае с проектом памяти о Сталине), превратился в еще один объект информационно-пропагандистского потребления. Причем объект компилятивный, претендующий на новизну, но на практике представляющий собой механическую сшибку знаковых сюжетов прошлого с сегодняшней конъюнктурой»¹⁸.

Бытование Великой отечественной войны в качестве базового сюжета в исторической политике российских властей приводит к тому, что она остается одним из главных сюжетов дискуссий о прошлом, хотя историки-профессионалы давно утратили в них инициативу и лидерство. На одни дискуссии их не приглашают вовсе или приглашают с идеологически мотивированным выбором персоналий, в других, особенно медийных, они сами не хотят принимать участие. Именно здесь проявляют особую активность журналисты, литераторы и публицисты, именующие себя «историками» (что приводит к несомненной девальвации этой профессии в глазах потребителей информации), а также разнообразные «ветераны спецслужб», включая явных мистификаторов и фальсификаторов. СМИ, в том числе электронные, уделяют много внимания этим спорам, но в них доминируют агрессивные неспециалисты, не останавливающиеся перед шельмованием историков-профессионалов по идеологическим мотивам. «Преклонение перед юбилеями сопровождается введением людей в заблуждение по поводу тех исторических событий, которые не укладываются в праздничный сценарий. Нередко можно видеть, как для пропагандистского обеспечения юбилея демонизируются дешифраторы мифов, нейтрализуются критики, подрываются репутации неконъюнктурных историков»¹⁹.

Против «фальсификаторов истории»: недостаточно забытое старое

Пропагандистскому обеспечению исторической политики, включая ортодоксию и коммеморацию, призвано служить учреждение «Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» (таково полное название этой структуры), созданной в соответствии с указом Президента РФ № 549 от 15 мая 2009 г.²⁰. Уровень, на котором принято решение о создании Комиссии, равно как и председательствование в ней главы Администрации президента РФ С.Е. Нарышкина, свидетельствуют, что власть отнеслась к данному вопросу с особой серьезностью. Однако сразу же после ее появления появились недоуменные вопросы, причем не только в профессиональной среде.

Первое. При отсутствии четкого определения «интересов России» непонятно, что наносит им ущерб, а что нет. Или под этим надо понимать текущие интересы нынешней правящей элиты, которая к тому же не отличается особой монолитностью?

Второе. Допустим, мы определили, что такое «интересы России». Но бывают ли фальсификации истории, которые им соответствуют? Вопрос не риторический, но закономерно вытекающий из названия Комиссии. С.А. Иванов (СПбГУ) резонно заметил: «Ущерб России кроется в неправде, во вранье»²¹, – с чем автор настоящей статьи полностью солидарен. Любые фальсификации истории противоречат любым интересам России хотя бы с сугубо прагматической точки зрения, поскольку их неизбежное разоблачение повредит репутации страны. Борьба с фальсификациями должна иметь идеологизированный и сугубо профессиональный характер, из чего вытекает следующий вопрос.

Третье. Почему в составе Комиссии нет работающих историков-профессионалов, занятых изучением конкретных проблем? По справедливости, к таковым нельзя отнести ни представителей академической «номенклатуры», ни руководителей архивов, которые прежде всего являются администраторами. «Если бы государство действительно заботилось о таких вещах – отметил С.А. Иванов, – оно предоставило бы более широкую трибуну серьезным ученым». Впрочем, нельзя не признать отградным почти полное отсутствие в ней пропагандистов от истории (за исключением Н.А. Нарочницкой и Н.К. Сванидзе), особенно агрессивных «борцов с ревизионистской ересью» вроде А.Р. Дюкова или «спецпропагандона» (как он сам себя именует) П.В. Данилина. Последний озвучил мнение, что перед нами «не научная и не академическая комиссия, а политический орган, целью которого будет именно политическая, а не научная работа»²², хотя сами члены Комиссии от таких высказываний, насколько мне известно, воздерживаются.

Реакция профессиональных историков на создание Комиссии оказалась или прямо отрицательной или скептической. Наиболее категоричен был А.В. Полетаев (ГУ-ВШЭ, ИМЭМО РАН): «Нынешняя власть издает множество разных бессмысленных указов и постановлений и создает десятки самых невообразимых комиссий. Данный случай выделяется из этой массы лишь по двум параметрам: во-первых, он имеет чисто идеологический характер, во-вторых – представляет угрозу для профессионального научного сообщества, в данном случае – исторического. Про “умаление международного престижа Российской Федерации” и не говорю – ничто так не умаляет этот пресловутый престиж, как действия российских властей... Строго говоря, сама эта Комиссии... никакой особой опасности не представляет и, с большой вероятностью, почует в бозе, как и множество других комиссий, не связанных непосредственно с “освоением” бюджетных средств». Заслуживает внимания следующее его наблюдение: «Главную опасность представляют различные добровольные и полудобровольные помощники и активисты, которые ловят

пожелания начальства на лету и которых на Руси всегда хватало... Если любое действие Комиссии, а главное, ее услужливых помощников, будет встречать жесткий отпор со стороны профессионального исторического сообщества и заинтересованной части сообщества журналистского, думаю, сия Комиссия тихо уйдет в небытие».

По мнению А.Л. Топоркова (ИМЛИ РАН, РГГУ), «есть реальная опасность, что деятельность такого рода комиссии будет, условно говоря, направлена на введение единомыслия в России, чего не хотелось бы. Реально введение единомыслия оборачивается тем, что познание истории подменяется созданием мифов, когда вместо изучения истории как сложного процесса, включающего взаимодействие разных сил, искусственно конструируются мифы, концепты (это и есть историческая политика! – В.М.). Причем конструируют их главным образом с целью управления общественным мнением, подчинения его себе. Это очень опасно, потому что все эти мифы легко разрушаются при столкновении с исторической реальностью. Такое мифотворчество в краткосрочной перспективе может быть удобным для власти, но в долгосрочной перспективе оно может обернуться крахом этой власти».

Г.И. Зверева (РГГУ) отметила, что «формула «фальсификации истории» устойчиво ассоциируется в сознании многих российских историков, обществоведов, публичных деятелей с политико-идеологическими установками КПСС и Советского государства, которые в свое время жестко проводились в сфере социальных наук и обществе... Намерение сейчас вновь использовать эту дискредитировавшую себя формулу в официальном «национальном» и «геополитическом» словаре негативно влияет на имидж и репутацию государственной власти». П.Ю. Уваров (Институт всеобщей истории РАН) назвал создание комиссии «судорожной, как всегда запоздавшей реакцией на происходящее с исторической наукой не в нашей стране, а вообще в мире».

Негативную реакцию сообщества на прямую попытку административного вмешательства властей в его «епархию» несколько смягчили слухи о том, что указ президента имел целью предотвратить еще более резкие шаги со стороны Государственной Думы. Слухи, в соответствии с известными словами Сталина, лучше всего предоставить «московским купчихам», но думцы в 2000-е годы, действительно, не раз выступали с агрессивными инициативами, требуя административного и даже уголовного наказания за «неправильную», с их точки зрения, интерпретацию событий прошлого. Затем волнение схлынуло, появились иронические отклики (лучший – «Военно-историческая цыганочка» поэта Вс. Емелина), а саму структуру многие, якобы «для краткости», прозвали «Комиссией по фальсификации». «Возможно, к событию просто упал интерес, но нельзя исключить и то, что критическая реакция была притушена административным путем. Плохо и то и другое. Если СМИ было велено приглушить оппонентов, значит, власти не желают прислушиваться к критике и решительно настроены перевести сферу исторического сознания под политический контроль. Если общественность постепенно теря-

ет интерес к теме, решив, что указ не будет иметь серьезных последствий, то это весьма наивно, – отметил А.И. Миллер в упоминавшейся выше статье «Россия: власть и история». – Указ имеет законную силу, и меры по его реализации неизбежно последуют».

Одним из первых практических проявлений деятельности Комиссии стало официальное письмо заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, руководителя секции истории академика В.А. Тишкова (выступающего как администратор и официальное лицо) от 23 июня 2009 г., в котором руководителям подразделений ОИФН РАН предписывалось в трехдневный срок представить в Отделение «аннотированный перечень историко-культурных фальсификаций... с указанием основных источников, лиц и организаций, формирующих и распространяющих фальсификацию», а также информацию о работе вверенного учреждения по ее разоблачению²³. В административном порядке это распоряжение игнорировали немногие, но профессиональное сообщество выступило против него с резкой, оправданной и вполне предсказуемой критикой. Мало кого убедили и оправдания заместителя академика-секретаря ОИФН РАН по научно-организационным вопросам А.Е. Петрова²⁴.

К моменту окончания работы над настоящим текстом Комиссия, заседания которой созываются примерно раз в год²⁵, успела на деле проявить себя лишь в качестве официального «грифа» для ряда коллективных исторических работ различного достоинства, причем их профессиональный уровень находится в отношении обратной пропорции к политической ангажированности. Предисловие министра иностранных дел РФ С.Б. Лаврова к помпезно изданному сборнику «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?» (М., 2009) под редакцией Н.А. Нарочницкой и В.М. Фалина (представляющих, видимо, два поколения пропагандистов от истории) призвано придать ему официальный характер. Между тем, это не более чем повторение традиционного набора идеологических штампов доперестроечной советской историографии про «очаги войны» и «мюнхенский сговор» – видимо, рассчитанное на молодежь, которая уже «не проходила» их в школах и институтах. Эти подзабытые штампы подаются как «новое слово», как якобы «преодоление прошлого», что характерно и для большинства «реконструкторских» фильмов А.В. Пивоварова. Аналогичный характер имеет книга «Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке» (М., 2010), которая использует тот же «бренд», но без грифа Комиссии, а предисловие министра заменено рекламой «Наталья Нарочницкая представляет». Является ли это частью исторической политики государства, или историческим сознанием общества пытаются манипулировать отдельные предприимчивые личности? Гораздо более взвешенный и современный взгляд на события в Азии и на Дальнем Востоке представлен в изданной под грифом Комиссии коллективной монографии «СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны» (М., 2010) под редакцией директора Института востоковедения РАН В.В. Наумкина, но участие в ней автора настоящей статьи не позволяет писать об этой книге подробнее²⁶.

Государственная десталинизация?

Создание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России по инициативе президента Д.А. Медведева (который даже выразил готовность возглавить ее лично!) рассматривалось многими в историческом сообществе как уступка антилиберальным, «имперским» и неосталинистским тенденциям, поскольку в центре ее деятельности логично оказалась Великая Отечественная (и шире – Вторая мировая) война как базовый сюжет исторической политики руководства страны. Затем президент сделал жест в сторону либералов и антикоммунистов, когда существующий при нем Совет по развитию гражданского общества и правам человека 1 февраля 2011 г. представил Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении»²⁷. Ее сразу же окрестили «программой десталинизации».

Говорить об этой программе как о части исторической политики или политики памяти пока рано, поскольку она не получила официального одобрения. Однако она составлена именно в качестве руководства для такой политики, предусматривающей «дистанцирование современной России от СССР и преступных действий тоталитарного режима (как во внутренней, так и во внешней политике), заявление о неприемлемости для сегодняшней политической элиты и российского общества в целом большевистских способов управления страной». Как совместить это с «Партитурой Второй мировой» в рамках единой исторической политики государства, пока непонятно.

Помимо общих фраз о «признании российской катастрофы XX века, жертв и последствий тоталитарного режима» как залога успеха модернизации страны и о единстве элиты и общества «в общем гражданском чувстве ответственности перед историей», программа содержит конкретные предложения, адресованные государственным органам: «содействие розыску и определению мест захоронения жертв репрессий», «установка памятников жертвам тоталитаризма в городах и в местах их захоронений» с приданием им четкого юридического статуса, «создание музейно-мемориальных комплексов», «создание Книг памяти и Единой базы данных «Жертвы тоталитарного режима в СССР»», «создание современных курсов отечественной истории для средней школы, свободных от старых и новых мифологем, сочетающих системность и историзм изложения с отчетливой нравственной, правовой, гражданской и политической оценкой событий». Следует отметить, что Российская Федерация фигурирует в этом документе «не только как государство-продолжатель Советского Союза, но и как страна, наиболее пострадавшая от репрессий советского периода». Последний факт прямо игнорируется в большинстве «национальных историй», написанных в последние 20 лет на «пост-советском пространстве», да и во многих отечественных работах.

В связи с темой нашего исследования особенно важным представляется предложение «поощрять и поддерживать научные исследования по отечественной истории; с этой целью облегчить доступ исследователей к архивным материалам», включая закрытые до сих пор даже для родственников дела не-реабилитированных. «Доступ в архивы, – отмечается в документе, – одна из важных болевых точек во взаимоотношениях общества и власти. Сегодня в общественном сознании широко бытует мнение, что власть, препятствуя доступу к архивным документам, сознательно, по каким-то своим основаниям, скрывает от граждан правду о прошлом. Де факто закрытость архивов создает впечатление, что нынешняя Россия не порвала с террором тоталитарного режима, считает его позорные тайны своими и скрывает их. Одновременно, ограничение на доступ к архивной информации подпитывает демагогию коммунистов, позволяя им отрицать давно установленные факты»²⁸. Программа предусматривает «для продвижения достоверной информации о прошлом в общественное сознание обеспечить оцифровку и интернет-публикацию важнейших исторических документов XX века из государственных и ведомственных архивов».

Ничего подобного пока не предлагали ни создатели «книг для учителя», ни жрецы «культы юбилеев», ни борцы с «фальсификациями истории», поэтому ученые-историки могут лишь приветствовать подобные предложения. Однако «либерализм» программы сочетается в ней с призывом «принять официальное постановление о том, что публичные выступления государственных служащих любого ранга, содержащие отрицание или оправдание преступлений тоталитарного режима, несовместимы с пребыванием на государственной службе». Источник вдохновения очевиден – существующие в ряде европейских стран законы об уголовной ответственности за так называемое «отрицание Холокоста», а в некоторых случаях и постановлений Международного военного трибунала в Нюрнберге. Какими бы благородными мотивами ни руководствовались инициаторы предложения, такое дополнительное ограничение свободы слова не пойдет на пользу ни науке, ни обществу, создавая возможность использовать его по принципу «закон что дышло».

Пожалуй, главным возражением к «программе десталинизации», которое могут предъявить и историки, и простые граждане, является уравнивание всех жертв всех политических репрессий, среди которых немало инициаторов и исполнителей этих репрессий. В отношении равного обнародования информации о них, рассекречивания документов или обеспечения доступа к ним споров, вероятно, не будет. Но политика памяти, уравнивающая палачей и жертв под одними памятными знаками или в одних музеях, не будет принята российским обществом, что убедительно показали уже споры эпохи перестройки.

С новым 1975-м годом, товарищи!..

Важным проявлением государственной исторической политики, в том числе прямо направленным на отражение «внешних вызовов»²⁹, стал выход в конце июня 2011 г. помпезно изданного первого тома 12-томника «Великая Отечественная война 1941–1945» с предисловием президента Медведева. Это издание призвано зафиксировать историографическую ортодоксию руководства страны, сформулировать его политику памяти и ответить отечественным и зарубежным «фальсификаторам». Ранее российские власти и их официальные представители ограничивались разовыми акциями, вроде протеста посла РФ в Великобритании Г.Б. Карасина на страницах газеты «The Telegraph» 25 января 2002 г. против «лжи и клеветы» в книге Э. Бивора «Падение Берлина»³⁰. В статье «О прошлой войне во имя мирного будущего», представляющей на страницах «Независимого военного обозрения» новое издание, участник его авторского коллектива Ю.В. Рубцов особо отметил (видимо, для поддержания необходимого пиар-баланса): «Отрадно, что процесс, начало которому положило распоряжение тогдашнего президента России Владимира Путина от 5 мая 2008 г., переходит в стадию реального воплощения»³¹.

«Работа над настоящим многотомником опирается на прочные традиции создания фундаментальных трудов, которые накоплены отечественной наукой», – продолжает Рубцов. Собственно, тут уже можно поставить точку. Не отрицая сделанного советской, даже доперестроечной, историографией в данной области, необходимо признать, что прорыв в изучении Великой Отечественной войны (и в целом – Второй мировой) произошел именно за последние 20–25 лет в отношении как источниковой базы – за счет публикации отечественных архивных документов и перевода зарубежных документов, мемуаров, дневников и исследований – так и возможности вести объективные и деидеологизированные исследования, в том числе вместе с иностранными учеными.

Рубцов признает некоторые недостатки работ советского периода, но позиционирует новое издание как их продолжение в изменившихся условиях, видимо, выражая не только свое частное мнение. «Хотя этого авторы труда или нет, – откровенно пишет он, – но им заведомо отказано в некоей академической отстраненности. Они не вправе уклониться от рефлексии на попытки различных сил как вне, так и внутри нашей страны осветить те же самые проблемы, но исходя из диаметрально противоположных мировоззренческих и методологических подходов, а в ряде случаев и с беспринципных, откровенно очернительских позиций. Слишком очевидны расчеты наших оппонентов под предлогом «нового прочтения» истории «переиграть», «перевоевать» Великую Отечественную войну, кардинально пересмотрев ее причины, характер и итоги. Сегодня кампания по извращению истории войны 1941–1945 годов, приобретя невиданные масштабы, достигла своего апогея. Главным ее направлением стали разработка и внедрение в общественное сознание анти-

исторической доктрины «равной ответственности нацистского и сталинского режимов» за развязывание Второй мировой войны. Ярким выражением этой тенденции стала широко известная резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы, принятая в июле 2009 года. Мнению европарламентариев созвучна точка зрения Совета по развитию гражданского общества и правам человека при президенте РФ, изложенная в ставших *скандально известными* (курсив мой – В.М.) «Предложениях об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении»... Представители «новой» историографии войны нещадно эксплуатируют сюжеты, связанные со сталинскими репрессиями, поражениями Красной армии, потерями, пленом, коллаборационизмом, деятельностью «особых отделов», штрафными частями, заградительными отрядами». Пространная цитата показывает, что обвинительный акт готов, не хватает только фамилий, но и они появляются в примечаниях к первому тому. (К.М. Александров, В.В. Бешанов, С.И. Веревкин, М.И. Мельтюхов, Б.В. Соколов, М.С. Солонин и др.).

Трудно судить обо всем издании по первому тому, но сами авторы назвали его «конспектом всего труда», и с их заявлением нельзя не считаться. Его детальный разбор выходит за рамки настоящей статьи, поэтому попытаюсь сформулировать принципиальные для нашей темы выводы.

Первое. Историческая политика российского руководства окончательно фиксируется и жестко идеологизируется. В основу создаваемого ей исторического сознания и заданной модели исторических исследований кладется принцип «хорошие парни – плохие парни» с максимальным принижением противной стороны. Последнее очевидно хотя бы по иллюстративному ряду тома, где многочисленные советские пропагандистские материалы призваны выступать в качестве исторического источника наряду с фотографиями.

Второе. Базовым сюжетом исторической политики безоговорочно и безальтернативно остается Великая Отечественная война, с акцентированием внимания на «ратной славе Отечества» в целом. Военная история прямо объявляется «фактором развития современной России». Интересно, является ли таковой – в рамках исторической политики власти – история нашей науки и культуры, т. е. созидания?

Третье. В трактовке базового сюжета на самом высоком уровне санкционировано, в том числе применительно к лексике и стилистике, возвращение к идеологемам и штампам советского времени, включая «фашистскую», а не «нацистскую» Германию (последний термин тоже присутствует в книге, но редко и бессистемно). Этих нюансов может не знать председатель Главной редакционной комиссии А.Э. Сердюков, однако в ее состав входит десяток академиков и членов-корреспондентов по специальности «История», которые должны владеть терминологией своей науки.

Четвертое. В Главной редакционной комиссии доминируют ветераны историографии советского периода, давно не ведущие исследовательской работы, а среди авторов преобладают специалисты по узко-военной проблемати-

ке, хотя заявленная тематика издания несравненно шире. Следствием этого является низкий профессиональный уровень разделов, посвященных, например, внешней политике и международным отношениям (см. выше о «книгах для учителя»).

Пятое. Выступая в качестве официальных историографов, авторы 12-томника игнорируют работы несогласных с ними, причем делают это по идеологическим, а не по профессиональным соображениям. Это относится как к отечественным, так и к зарубежным ученым, что отрицательно сказалось на историографическом уровне издания.

Шестое. Авторы 12-томника не полемизируют с оппонентами по существу, а вместо этого в агрессивном тоне ставят под сомнение их профессиональные и гражданские качества, объявляя «фальсификаторами» и «псевдолибералами». Это подтверждает справедливость утверждения А.И. Миллера, сделанного за два года до выхода разбираемого издания, о том, что «важнейшим элементом» исторической политики в современной России является «разрушение пространства для диалога в обществе по проблемам истории. Такой диалог, – отмечает он, – является способом эффективного существования истории в общественном пространстве, но он последовательно заменяется спором «патриотов и предателей», в котором «предатели», в идеале, должны быть лишены права голоса». Последнее подчеркивается тем, что «борьба с фальсификаторами» демонстративно ведется вне основного нарративного текста (раздел «Попытки пересмотра итогов войны: историография» заключительной главы «История Великой Отечественной войны и современность») и порой в откровенно балаганном тоне (раздел «Мифы о Великой Отечественной войне» той же главы). Поэтому рассуждения авторов о том, что «нравственной и профессиональной нормой в сообществе историков признается стремление к объективности научного поиска, элементами которого являются дискуссии, плюрализм мнений»³², смотрятся, мягко говоря, неубедительно.

Суммируем. Историография Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – точнее, если судить исходя из заявленных тематических рамок издания, участия СССР во Второй мировой войне и предшествующих ей событиях – в профессиональном плане отбрасывается на доперестроечный уровень (с незначительным «наведением глянца» вроде использования слова «геополитика») и ставится под жесткий идеологический контроль, с указанием «ориентиров, к которым должна двигаться отечественная историческая наука»³³ и с недвусмысленной угрозой применения санкций против несогласных. Авторы открыто бьют тревогу, указывая на «отсутствие должной и оперативной реакции со стороны официальных структур на кампании фальсификаторов истории Великой Отечественной войны», а также на «отсутствие достаточных финансовых возможностей для разработки и распространения достоверных, патриотически ориентированных научных трудов и учебных пособий»³⁴.

Подобную картину мы наблюдаем не впервые, и нет никаких оснований полагать, что новая попытка окажется более успешной, чем прежние. Хотя кто-то из историков, возможно, сочтет за лучшее сменить тематику исследований.

«Память – это не только бронза и гранит, нередко подавляющее грандиозными формами, но простое, негромкое человеческое слово, сказанное о тех, кто сражался и умирал»³⁵. Именно этого «простого, негромкого человеческого слова» не хватает нынешней исторической политике руководства РФ, как, впрочем, не хватало его на протяжении всего советского периода. Ни попытки создания новой ортодоксии, ни культ юбилеев, ни борьба с «фальсификациями» не помогут исправить ситуацию, особенно при отсутствии реальной государственной поддержки качественных исторических исследований.

После прогнозируемого возвращения В.В. Путина на пост президента РФ в 2012 г. есть все основания ожидать продолжения властями нынешней исторической политики и политики памяти. Оснований ожидать привлечения профессиональных, но не номенклатурных историков к осуществлению этой политики, не говоря уже о ее выработке, пока не видно, как, впрочем, не видно и реальной угрозы репрессий против несогласных. Независимые исторические дискуссии, скорее всего, полностью переселятся в блогосферу. Сохранится нынешнее положение, когда власть сама по себе, наука сама по себе, общество само по себе. Однако это вряд ли приведет к хорошим последствиям для всех участников процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Миллер А.И.* Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. № 3–4; далее цит. без сносок. В примечаниях к этой работе указана основная литература по данному вопросу применительно к другим странам.

² Литература по этому вопросу огромна: к ней относится абсолютное большинство дневников и переписки историков, затрагивающих их профессиональную деятельность. Заслуживающий внимания пример отечественной «рефлексии по поводу рефлексии»: *Ганелин Р.Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. – СПб., 2004. Всеобщий характер данного явления очевиден, например, из статей Г.Э. Барнеса 1950–1960-х годов об исторической политике властей США и реакции на нее академического мейнстрима и ревизионистов: *Barnes G.* Against the Blackout. Essays Against Interventionism. – Costa Mesa CA, 1991.

³ Подробнее в коллективных трудах АИРО, где содержится исчерпывающая библиография и историография вопроса: Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Изд 2-е, испр. и доп. – М., 2003; Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Изд. 2-е. – М., 2010; Мифы и мифология в современной России. – М., 2003; Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения. – М., 2003.

⁴ Подробнее в моей статье: Канун новой ортодоксии. Историк и власть в перестроечной и постсоветской России // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. В настоящей работе я придерживаюсь той же терминологии и развиваю сделанные ранее выводы.

⁵ Например, в «Федеральный список экстремистских материалов» на официальном сайте Министерства юстиции РФ (<http://www.minjust.ru/ru/activity/nko/fedspisok/>) включены: *Окорков А.В.* Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М., 2002 (№ 226) (основание: решение Ленинского районного суда г. Кирова от 18 июня 2008 г.); Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. 1941–1944 гг. М., 2005 (№ 221) (основание: решение Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 25 июня 2008 г.).

⁶ Наибольшее количество материалов по данному вопросу появилось в электронных СМИ и в блогосфере, например: <http://vdovinbarsenkov.livejournal.com/> См. также: Преподава-

ние истории в России и политика: материалы круглого стола. М., 2010; *Вдовин А.И.* Подлинная история русских. XX век. М., 2010.

⁷ Ценные наблюдения и анализ ситуации: *Соколов Б.В.* Нравы современных российских историков: предпосылки к падению и надежды на возрождение // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011.

⁸ В заключительном разделе статьи, указанной в прим. 4. Там же подробно рассмотрена полемика в России вокруг обеих «книг для учителя».

⁹ Проблема учебников и преподавания истории в рамках настоящего исследования рассмотрена в статье Т.А. Филипповой.

¹⁰ Отмечу блок откликов на первую «книгу для учителя»: *Ex Tempore: Toward a New Orthodoxy? The Politics of History in Russia Today* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. № 4 (Fall 2009); особенно: *Brandenberger David*. A New Short Course?: A.V. Filippov and the Russian State's Search for a «Usable Past»; Vladimir Solonari. Normalizing Russia, Legitimizing Putin; там же отклики Б.Н. Миронова и Е.Ю. Зубковой. Благодарю проф. Л. Самуэльсона за указание на эту публикацию.

¹¹ Особенно острую дискуссию вызвала статья С.И. Веревкина «Локотская альтернатива» в «Парламентской газете» (22 июня 2006 г.; <http://www.pnp.ru/archive/19490147.html>), повлекшая за собой увольнение главного редактора газеты (что уже напрямую относится к сфере исторической политики). Предварительный итог исследований Веревкина – его «Самая запретная книга о Второй мировой» (М., 2009).

¹² <http://www.polit.ru/article/2009/08/10/istorija/>

¹³ В ряде статей и обобщающей монографии: Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2011.

¹⁴ Там же. С. 152.

¹⁵ Одноименная статья в книге: 60-летие Второй мировой и Великой Отечественной войн: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М., 2005. См. также рецензию автора настоящей работы на эту книгу. Шлейф прошлого // Политический класс. 2006. № 1.

¹⁶ *Бордюгов Г.* Октябрь. Сталин. Победа. С. 235.

¹⁷ Там же. С. 242.

¹⁸ Там же. С. 235–236.

¹⁹ Там же. С. 9.

²⁰ Официальный текст: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1013526>

²¹ Отклики истории на создание Комиссии здесь и далее цит. без сносок по: <http://www.polit.ru/article/2009/08/10/istorija/>

²² <http://russ.ru/pole/Kak-reagirovat-na-komissiyu-po-bor-be-s-fal-sifikacijami>

²³ http://gdb.rferl.org/92BD2F83-749F-4B1D-91C8-144DB810E604_mw800_s.jpg

²⁴ <http://www.polit.ru/article/2009/07/03/etrov/>

²⁵ Материалы официального сайта: <http://state.kremlin.ru/commission/21/news>

²⁶ См. рецензию: *Чудодеев Ю.В.* Вторая мировая: СССР и страны Востока // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 9.

²⁷ <http://www.rg.ru/2011/04/07/totalitarizm-site.html>; далее цит. без сносок.

²⁸ О нынешней ситуации см. подробнее: *Петров Н.* Доступ к госархивам // Мемориал. № 20. Сентябрь–октябрь. 2000; *Он же.* Десятилетие архивных реформ в России // Индекс/Досье на цензуру. 2001. № 14; *Архивная контрреволюция* (Интервью Н.В. Петрова редакторам «НЛЮ») // Новое литературное обозрение. 2005. № 74 – и др.

²⁹ Обширная литература по данной проблематике имеет открыто политизированный и идеологизированный характер. Среди сравнительно немногочисленных попыток объективно разобраться в ней отмечу комментарии Г.А. Бордюгова, собранные в книгу: «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011.

³⁰ <http://www.telegraph.co.uk/comment/letters/3572273/Lies-and-insinuations.html>

³¹ http://nvo.ng.ru/history/2011-07-01/1_old_war.html; далее цит. без сносок.

³² *Великая Отечественная война. 1941–1945. Т. 1. М., 2011. С. 779.*

³³ Там же. С. 793.

³⁴ Там же. С. 796.

³⁵ *Бордюгов Г.* Октябрь. Сталин. Победа. С. 236.

Татьяна ФИЛИППОВА

Курс на «позитивную идентичность».
О новейшей учебной литературе по истории

Учебники и учебная литература постсоветского времени стали традиционно проблемной, дискуссионной сферой в системе воспроизводства знаний по отечественной истории. Последнее десятилетие добавило ряд элементов своеобразия в стратегии презентации и интерпретации картины прошлого в его образовательно-дидактическом формате. Принцип обратной связи между историей как наукой, историей как образовательной дисциплиной и историей как коллективным «воспоминанием» в рассматриваемый период проявлял себя весьма динамично. Плоды пресловутой «архивной революции», попадая в «котел» учебной литературы, неизбежно порождали проблему документальной выборки, характера интерпретации источника и степени полноты его анализа для целей обучения.

Если 1990-е отличались в этом смысле выраженной *политизацией истории*, стремлением противоборствующих сил «приватизировать» прошлое с меру собственных задач¹, то второе постсоветское десятилетие было отмечено курсом на *историзацию политики*, желанием придать *историческое измерение* новому курсу власти на «собрание» России, *державостроительство* и формирование *позитивной идентичности* российской нации². Влияние динамично меняющегося контекста постсоветской реальности начала XXI века на мировоззренческую и тематическую *оптику* создателей учебников и учебных пособий было многовекторным и зачастую противоречивым. Оно отражало не только новые импульсы *исторической политики* государства как одного из наиболее существенных факторов воздействия на стратегии формирования образов прошлого (главным образом – советского). Сами учебники по отечественной истории стали важным элементом симптоматики общественной и идейной жизни России последних лет.

За этими явлениями стояли и внутренние перемены в настрое профессионального сообщества, касающиеся тематического репертуара и методологической «упаковки» исторических знаний для учащихся.

Учебник истории как исследовательская проблема

Общим свойством учебной литературы последнего десятилетия стала серьезная (не во всем завершенная) работа авторов над преодолением последствий теоретико-методологического сдвига – от формационного подхода к цивилизационному – при разработке структуры, содержания и дидактического посыла

ла учебных текстов. Характерные для эпохи 1990-х декларативные заявления о применении цивилизационного подхода к изучению исторических процессов постепенно сменились реальной историософской проработкой материала, основанной на более четких представлениях о сущности соответствующих теоретических концепций, разработанных мировой философской и социологической мыслью. Пребывая в проблемном поле между наукой и дидактикой, *учебник истории как проблема* заставлял задуматься о траекториях воздействия новых исследовательских подходов на содержание и технологии трансляции знания. Взятая на вооружение рядом авторов теория модернизации в применении к российским реалиям и в формате учебного пособия заставляла задуматься над адекватностью целей своего применения: ритуально-теоретическое словоупотребление? замещение дискредитированного исторического материализма? или новый концептуальный каркас учебного текста?..

Последствия всех этих процессов не замедлили сказаться на содержании значительной части учебных изданий. Во-первых, наметилось преодоление деления учебников по жестко-идеологическому признаку – на *либеральную* или *консервативную* версии интерпретации исторического прошлого России. Характерная для раннего постсоветского времени откровенно конфликтная дихотомия «демократической» и «патриотической» версий истории была вполне объяснима политико-мировоззренческой остротой момента. Однако упомянутая двойственность немало способствовала формированию у нового поколения ощущения скепсиса и чувства недоверия к собственной истории (как процессу, учебному предмету и науке), а заодно – и к старшему поколению интерпретаторов этой истории, зачастую использовавших «площадку» образовательной литературы для манифестации собственных идейных убеждений³. Сам факт того, что тексты авторов, занимавших принципиально разные идейные позиции, зачастую соседствовали «под одной обложкой», вызывало недоумение и растерянность педагогов, а также порождало сумятицу в незрелых, но до поры пытливых ученических умах.

Двойственная клишированность риторики и фразеологии тогдашний учебных текстов (либерально-поучающий критицизм против консервативно-патриотического пафоса); генетическая несвобода авторов от полуторавекового наследия западническо-славянофильской полемики; критика прошлого и апология настоящего против апологии прошлого и критики настоящего, – все эти особенности историко-культурной ситуации 1990-х требовали не только мировоззренческого переосмысления, но и профессиональной проработки. Предполагалось, что целью усилий на данном направлении должно было стать создание надежной учебной литературы, нацеливающей, прежде всего, на познание и понимание, а не на рекрутирование идейных единомышленников в политической борьбе. Параллельно актуализировалась задача поиска нового *языка описания* исторических реалий, свободного от прежних стереотипов текстового и изобразительного «формата».

Авторам учебников нового поколения пришлось решать сложнейшую задачу презентации и без того трудного материала отечественной истории

в контексте очень живого, все еще болезненного восприятия различными слоями общества прошлого своей страны. С учетом выраженной гражданственности истории как учебной дисциплины (подобное свойство не есть продукт или заказ в XXI веке, а имеет давнюю демократическую традицию) эти задачи предполагали способность и готовность создателей учебников в каждой конкретной ситуации найти нужный баланс между нравственной назидательностью и исследовательской отстраненностью, апологией и критикой исторического пути нации, беспощадностью анализа и позитивностью взгляда на исторический опыт.

На этом пути не обошлось без эксцессов. Неоднократно переиздававшийся, откровенно критический в части анализа современного этапа российской истории учебник И.И. Долуцкого⁴, активно выступавшего на различных общественных и медийных площадках по дискуссионным вопросам истории России и СССР, был подвергнут критике. Вопросы относительно соответствия содержательной части учебника стандартам Министерства образования возникли на заседании ФЭС, которое прошло под председательством министра образования Владимира Филиппова 25 ноября 2003 года. С издания был снят гриф Министерства образования РФ, рекомендовавший книгу для преподавания в средней школе.

Тогда же тема обсуждалась и на встрече В.В. Путина с российскими историками, в ходе которой президент пояснил свой критический настрой по отношению к данному учебнику явным стремлением автора политизировать и идеологизировать историю в конфронтационном духе. Тогда же было высказано и пожелание Путина при подготовке учебников по этому периоду истории заняться разработкой единых методологических подходов⁵.

Формирование «*позитивной идентичности*» (прочитываемой как эффе-мизм гражданственности и патриотизма в системе новых ориентиров при создании учебной литературы) стало в рассматриваемое время магистральным направлением официальной политики в сфере гуманитарного образования. В этих условиях учебник отечественной истории оказался в перекрестии векторов, формируемых задачами власти, проблемами исторической науки, образовательными стратегиями и общественными ожиданиями. *Примиряющая* концепция «*единства исторической судьбы*»⁶ стала главным ориентиром исторических ретроспекций и формой «обратной связи» между контентом учебника и повседневностью школьника/студента. Эта концепция сформировалась в ходе «смены вех» в идейно-политической и историко-культурной легитимации власти последнего десятилетия. Одним из последствий этого процесса стал, в частности, *возврат* исторических личностей на страницы учебников, нацеленный на создание обновленного пантеона национальных героев, государственных деятелей, лидеров культуры, «властителей дум» и пр. Как позитивный момент можно здесь же отметить возврат разделов по истории культуры, а также появление разделов по истории духовной жизни в этих курсах отечественной истории разных эпох.

Заметные перемены произошли в содержании текстов учебников, создававшихся в национальных регионах России. И здесь не обошлось без воздействия новых процессов, протекавших в сфере исторической науки на новом этапе развития национальных историографий. Аналитики отмечают, что ситуацию с написанием национальных историй в первое десятилетие XXI века отличало не только одновременное присутствие исследователей, так сказать, «национальной» и «интернациональной» ориентации, но и внутренний раскол в среде тех и других по ряду принципиальных вопросов. Впрочем, присутствие полемики можно рассматривать как показатель жизнеспособности сообщества, изрядно обескровленного в прошлое десятилетие умозрительными стараниями непременно удревнить собственные этно-национальные корни или возвести их к наиболее «респектабельным» и легендарным предкам. В целом же весьма показательным в этом смысле стало «понижение» градуса этничности и конфронтационности в школьных учебниках по истории Татарстана, Башкортостана, Северного Кавказа.

Ценность новых исследовательских и образовательных подходов, появившихся в последнее десятилетие в этих регионах⁷, состоит, на наш взгляд, в том, что подсказывает пути к воспроизведению не только конфликтных, но и неконфронтационных картин совместного исторического прошлого народов поликонфессиональной и полиэтничной России путем обращения, прежде всего, к темам культуры, религии, истории цивилизационных контактов и взаимных культурных заимствований. Именно эти стратегии облегчают создание учебных пособий, в которых подчас так трудно, но жизненно необходимо соблюдать разумный и полноценный баланс федерального и регионального «компонентов».

Драмы истории – драмы историков

Однако не только указанный баланс «компонентов» выступал в последние годы как интеллектуальный и профессиональный вызов создателям учебников и учебных пособий. Контекстуальность, воздействующая на интерпретации прошедших событий, не в меньшей степени, чем «историческая политика» государства, влияла и влияет на формирование образов прошлого в учебной литературе, вызывая подчас острую полемику в обществе, в печати, в профессиональной среде. Пример тому – споры вокруг двух книг для учителя, появившихся в середине 2007 г. и предназначенных в качестве концептуальной основы для разработки адресованных школьникам учебников – «Новейшая история России. 1945–2006» А.В. Филиппова и «Обществознание: глобальный мир в XXI веке» под редакцией Л.В. Полякова. И пособие для учителей Филиппова, и созданный позднее на его основе учебник (А. Филиппов, А. Данилов, А. Рыбкин) «История России. 1945–2007» одно время

лидировали в печатных СМИ и в Интернете по количеству критических отзывов. И вместе с тем по решению коллегии Министерства образования (от 26 декабря 2007 г.) они были включены в новый федеральный перечень учебников по новейшей отечественной истории. (Уточним: ставший одиозным учебник лишь *предполагался* к использованию в образовательном процессе, *если* российские школы выберут его из списка, включавшего более 20 других учебников по отечественной истории).

Какие особенности указанных учебных пособий вызвали более всего критических отзывов?

Если обратиться к их содержательной стороне, то это, прежде всего, апология изоляционизма, характерного для советской эпохи; оправдание насильственной коллективизации как средства обеспечения индустриального роста (строго говоря, это обвинение било мимо цели, поскольку повествование в учебнике начиналось с послевоенного времени); обоснование ускоренной модернизации как высшей цели, достигаемой «любой ценой»; трактовка ГУЛАГа как досадного, но побочного продукта «эффективной сталинской политики»; объяснение террора стремлением верховной власти «не потерять контроль над страной»; трактовка концепции «суверенной демократии» как оптимального формата политического режима для современной России.

В теоретико-методологическом отношении критические отзывы вызвали ориентиры авторов на концепцию безвариантности путей исторического развития страны (своего рода мировоззренческий фатализм), стремление доказать непосредственную преемственность до- и послереволюционной истории России в режиме апологии авторитаризма и имперской державности.

Очевидно, пониманием того, что тезис о Сталине как «эффективном менеджере» с неизбежностью вызовет острую реакцию у представителей самых разных общественных сил, вызвана поясняюще-примиряющая интонация в том месте упомянутого издания, где дается обобщающая трактовка роли сталинизма в истории страны: «Особый драматизм и напряженность советскому периоду сообщали особенности личности Сталина (...). Однако влияние психологических особенностей Сталина на политико-экономическое развитие скорее было вторичным по сравнению с ролью объективных обстоятельств. Реализация ускоренной модернизации страны требовала соответствующей системы власти и формирования управленческого аппарата, способного реализовать этот курс. Во многом эти причины поясняют характер осуществленного Сталиным переворота, ставшего по масштабу “революцией сверху”»⁸. Отметим, однако, что на фазе переработки пособия для учителей в учебник для средней школы, авторы отказались от главы о роли личности Иосифа Сталина и от политических оценок других советских лидеров.

Как бы то ни было, неосталинизм позиций Филиппова–Данилова вызвал критику не только в либеральных СМИ и в среде правозащитников, но и в кругах научного сообщества. Претензии к авторам здесь были иного порядка. В трактовке исторического материала были отмечены очевидные натяжки: это и некорректная, искусственно осуществляемая периодизация, разрезающая

историю России-СССР по рубежу 1945 г. (доктор исторических наук А. Шубин), и научная несостоятельность общей концепции, созданной в режиме грубой «политтехнологической разработки» (доктор исторических наук Владимир Лавров и его коллега – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН Игорь Курляндский), и странности «династической» периодизации отечественной истории по годам деятельности генсеков и президентов (профессор Евгений Сергеев, автор учебника по новейшей истории зарубежных стран), и многое другое.

Вернуться к научному измерению преподаваемого школьникам исторического материала призвал доктор исторических наук А.Н. Сахаров, когда в беседе с ведущим программы «Диалоги» (15.09.2008) выразил свое желание, дабы ученый, создающий учебную литературу, способствовал тому, чтобы «объективные, спокойные, не ангажированные, не идеологизированные, а именно научные сведения о нашей истории стали предметом изучения в вузах, в школах». Количество изданных и переизданных за последние годы под редакцией А.Н. Сахарова учебников по отечественной истории свидетельствует о том, что исследователь не ограничился лишь призывами и пожеланиями.

В ситуации первого десятилетия нового века специфика времени состояла в том, что уход от научности в пользу неосталинистского «позитива» и авторитарного «патриотизма», продемонстрированный в упомянутых учебных пособиях, по сути своей не отражал базовых идейных установок власти. Об этом свидетельствовали неоднократные высказывания В.В. Путина о неприемлемости в современных условиях «форсированной модернизации» как левой установки государства, а также ряд его возражений против концепта «суверенной демократии», периодически озвучивавшегося в верхних эшелонах политтехнологов. Не в пользу авторской апологии изоляционизма свидетельствовали и высказывания Д.А. Медведева о недопустимости возрождения «железного занавеса», о важности учета социальной «себестоимости» при оценке эффективности реформ и о «традиционном государственном патернализме» как «весьма неоднозначном национальном опыте»⁹.

А потому, несмотря на востребованность властью позитивного образа исторического прошлого страны, идейный посыл и дидактический формат, предложенные в работах Филиппова и Данилова, существенно отличались, на наш взгляд, от позиций самих носителей верховной власти.

Как бы то ни было, нынешняя ситуация с преподаванием истории в школе и в вузах пока далека от принудительной ориентации на некий моноучебник. Скорее, в ней отражаются неоднозначные последствия эпохи 1990-х годов. В ту пору позитивные процессы создания идейно и тематически разнообразной учебной литературы соседствовали с появлением значительного числа методически, дидактически и содержательно непроработанных учебников, дезориентирующих и учителей, и учащихся своей неспособностью обеспечить необходимый объем и надежное качество знаний¹⁰. Именно на этом обстоятельстве концентрировал внимание Д.А. Медведев в выступлении на встрече с представителями деловых кругов по реализации приоритетного на-

ционального проекта «Образование» (14 апреля 2006 г.), когда положительно отзывался о плюрализме существующих образовательных программ, но сетовал на недостатки методологической их проработанности¹¹.

Однако процесс развития учебной литературы по отечественной истории и в конце рассматриваемого десятилетия не обошелся без обострения полемики. На этот раз объектом критики со стороны ряда общественно-политических сил стало издание учебника А.С. Барсенкова, А.И. Вдовина «История России. 1917–2009»¹². Сам масштаб обсуждения учебника (в общественную дискуссию включились средства массовой информации, часть академического сообщества, Общественная палата Российской Федерации, правительство Чеченской Республики, обитатели блогосферы, деятели науки и культуры) свидетельствовал о том, что деполитизация исторического образования – дело отнюдь не ближайшего будущего. Осторожное замечание самих авторов учебника во введении к своему курсу относительно того, что «современная концепция истории советского общества находится в начальной стадии научной разработки»¹³, лишь усилило взаимное ожесточение противников и защитников издания.

Обвинения критиков, опубликованные в СМИ и прозвучавшие в эфире, были весьма серьезны: разжигание межнациональной розни и антисемитизма (Николай Сванидзе), «учебник ксенофобии» (Зоя Светова)¹⁴. Наиболее радикальные защитники учебника, в свою очередь, писали о том, что «главная претензия к Барсенкову и Вдовину в том, что они осмелились в учебнике защитить интересы русских, выступили с точки зрения интересов русского патриотизма» (доктор исторических наук, профессор МГИМО Владимир Соловей).

Слушания в Общественной палате привели к решению о контроле (!) над академическими изданиями по истории. В свою очередь, ученый совет исторического факультета МГУ на основании заключения экспертной комиссии под руководством академика РАН Ю.С. Кукушкина постановил признать нецелесообразным использование пособия А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова в учебном процессе «*при сохранении в нем имеющихся недостатков*». Решением ученого совета истфака МГУ от 15 сентября 2010 г., где обсуждалась ситуация, сложившаяся вокруг учебного пособия, было принято решение «исключить автоматическое продление грифа УМО на последующие издания учебников и учебных пособий при введении в них новых материалов»¹⁵.

Далее, на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ от 22 ноября 2010 года после заслушивания заключения экспертной комиссии было решено «считать нецелесообразным использование учебного пособия профессоров А.С. Барсенкова, А.И. Вдовина «История России. 1917–2004» (М.: Аспект Пресс, 2005); «История России. 1917–2007» 2-е изд., доп. и перераб. (М.: Аспект Пресс, 2008); «История России. 1917–2009» 3-е изд., расшир. и перераб. (М.: Аспект Пресс, 2010) в учебном процессе при сохранении в нем имеющихся недостатков».

При всем при том главное, на наш взгляд, было сказано в конце заключения комиссии, выразившей озабоченность тем, что обсуждение упомянутого

авторского учебного пособия «вышло за пределы научной дискуссии, ведется в плоскости политизированных, ангажированных оценок и в ряде случаев стало инструментом PR-кампаний». «Комиссия полностью разделяет мнение, что традиции университетской автономии и академических свобод исключают преследование ученых за их научные взгляды». Именно эта сторона вопроса вызвала наиболее серьезные и тревожные размышления научно-образовательного сообщества, болезненно пережившего этот опыт воздействия общественных страстей, медийных технологий и пиар-ресурсов на сферу преподавания истории отечества.

Так, Александр Никонов, доктор исторических наук, сотрудник кафедры истории Института переподготовки и повышения квалификации МГУ имени М.В. Ломоносова высказался о недопустимости применения двойного стандарта в интерпретации исторического знания. «Учебное пособие, которое является предметом дискуссии, отметил преподаватель, – это обширный труд объемом почти 850 страниц. Почему же предметом обсуждения и осуждения стали лишь несколько вырванных из контекста (да, это именно так, хотя некоторые участники дискуссии это и отрицают) ...вырванных из контекста абзацев? А между тем, в работе есть действительно много новых, интересных подходов и наблюдений. Авторы ставят вопросы периодизации нашей истории, вносят много нового в освещение процессов “Хрущевской оттепели”, анализируют проблемы социально-экономического развития страны в 1980–1990-х годов. Сегодня это очень актуально, у нас ведь нет единой концепции истории страны, которая связала бы воедино и объяснила бы всю историю нашей страны, ее народов на протяжении более чем тысячелетия. Авторы стараются это сделать. Но этого сторонники г. Сванидзе не замечают»¹⁶.

Кандидат исторических наук, доцент Раиса Михайловна Иванова, один из редакторов и авторов учебного пособия «Отечественная история» (М.: МИФИ, 2008), на том же сайте высказалась вполне определенно: «Стыдно за публицистов и историков, превративших научные проблемы в межнациональный конфликт». Не скрывая своих чисто профессиональных замечаний в адрес ряда положений в учебном пособии Барсенкова и Вдовина, Р.М. Иванова при этом заостряет внимание на важности и актуальности соблюдения концептуального единства учебного текста как такового. А это единство, в свою очередь, предполагает последовательность в сопряжении дидактической, мировоззренческой, источниковедческой и аналитической сторон нарратива учебника. А именно этим и отличается учебное пособие Барсенкова и Вдовина.

«Кризисное состояние нашего общества в 1990-е годы в полной мере выявило: каково общество, такова и его наука. – констатирует Р.М. Иванова. – Учебные пособия могут теперь отражать разные идеологические и научные направления. Учебное пособие может освещать только одну из сторон отечественной истории, т. е. оно может быть основано на некоей ценности, которая помогает отбирать факты для ее изучения. От господствующей ценности зависит и оценка исторического процесса. Важно, чтобы она при этом не отры-

валась от исторического опыта народа, служащего основой объективности исторического знания. В случае с учебным пособием А. Барсенкова и А. Вдовина этой ценностью стал национально-государственный фактор. Надо отметить, что в наше время это явление редкое»¹⁷.

Ряд наблюдателей обратили внимание на то, что инвективы критиков издания изначально содержали ошибочный посыл: «Тут есть один забавный (если в этой истории вообще можно найти что-то забавное) момент. Дело в том, что «История России. 1917–2009» не является учебником. Разница между учебником и учебным пособием в том, что учебное пособие, согласно ГОСТУ, «в отличие от учебника, может включать не только апробированные, общепризнанные знания и положения, *но и разные мнения* по той или иной проблеме»¹⁸.

В поддержку содержательной стороны концепции авторов высказался Владимир Володихин, упомянув о том, что «национальный вопрос влиял и на развитие государственности в России в советский период, и на решение важнейших социальных и экономических проблем. Не имеет смысла закрывать на это глаза, как не имеет смысла оставлять за скобками исторических дискуссий вопрос о судьбах русского народа, который не сливался с общесоветским единством, а представлял собой определенный исторический субъект на протяжении всего существования СССР. Вдовин и Барсенков в своем учебнике показали это, показали, что проблемы на национальной почве существовали на протяжении всего советского периода, так или иначе влияли на уровень жизни, на возможности карьеры, на распределение высших управленческих кадров»¹⁹.

Стандарты или эталоны? На пути к положительному сценарию

Главным уроком того, что в интернете было названо «делом историков», стало, как представляется, осознание ценности вариативности учебной литературы по истории. Вариативности, опирающейся на глубокую научную фундаментированность общей концепции и ценностных ориентиров того или иного учебника. Что, в свою очередь, предполагает ознакомление учащихся с историей оценок и восприятий исторического факта, с целью выработки способностей самостоятельно оценивать исторические события с позиций *понимающего знания*.

Сложность этой задачи не означает ее невыполнимости. Ни *историческая политика* государства, ни обостренная бдительность общественного мнения в этом смысле не снимают возможности полифонии при создании образовательной литературы. Стремление власти к формированию «позитивной идентичности» (что, по сути, означает гражданскую идентичность) и воспитанию

уважительного, заинтересованного отношения новых поколений к собственному прошлому, как свидетельствуют современные дискуссии, вполне достижимо не только и не столько в режиме апологии или критики тех или иных государственных деятелей или событий прошлого, сколько путем обращения к сфере широко понимаемых культурных достижений. Именно такой точки зрения придерживается доктор исторических наук Л. Фадеева, когда говорит о необходимости пересмотра образовательной концепции истории, нацеленной на создание *позитивной идентичности* «исключительно за счет политических компонентов истории» в ущерб содержательным сферам социальной и культурной истории, истории повседневности, истории ментальности, выступающим пока в лучшем случае «в качестве довеска»²⁰.

Что касается преподавания истории государства, то об этом (от лица части академического сообщества, приобщенного к созданию новых учебников) корректно и убедительно высказался заместитель директора Института всеобщей истории, доктор исторических наук, Игорь Данилевский: «Президентская республика Российская Федерация – государство совсем молодое, ему от роду чуть более полутора десятилетий. России как государству полиэтничному и поликонфессиональному безусловно необходима объединяющая идея, государственная идеология. И в формировании этой идеологии немаловажную роль может сыграть история – но история не государства, (наше государство не является преемником Киевской Руси или, скажем, Московского царства), а история государственности, история властных институтов, история этносов и культур. Изучая ее, граждане России смогут лучше ориентироваться в переменах, которые переживает наша страна сегодня, и принимать вполне осознанные политические решения, не позволяя манипулировать собой при помощи исторических образов и символов»²¹.

К проблемам концептуально-содержательного характера в сфере исторического образования в последние года прибавилась в высшей степени дискуссионная тема, связанная с разработкой Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС). Накал полемики и объем критики в адрес разработчиков нового стандарта на протяжении последних трех лет были весьма значительны, о чем свидетельствовали и СМИ, и блогосфера. Главным «ответчиком» за форму и содержание нового реформаторского начинания в российской школе стал Александр Кондаков, руководитель группы разработчиков новых стандартов, управляющий директор издательства «Просвещение». С подробностями этапов обсуждения проектных документов, касающихся новых стандартов, читатель может ознакомиться на ряде сайтов²². Применительно к интересующей нас теме представляется важным тот сегмент ФГОС, который связан с курсом «Россия в мире», предполагаемом как один из четырех обязательных предметов²³. Он предназначен в качестве завершающего школьный курс предмета, «формирующего гражданскую позицию». Именно поэтому, по мысли разработчиков, он обязателен для всех, а не является курсом по выбору. Особенностью курса становится его синтетичность, основанная на междисциплинарности, призванной развивать мышление школьника, способности к анализу и синтезу. Это – в идеале.

Именно интегративность нового предмета подверглась нападкам со стороны общественного мнения и профессионалов²⁴. На пояснения А. Кондакова, что «Курс «Россия в мире» – результат дискуссии с историками, которые согласились завершить в 9 классе изучение истории от Древнего мира до XXI века, а в 10–11 классе ввести интегрированный курс, который объединяет знания из истории, культуры, географии, политики и так далее», оппоненты ответили критикой подобного «кусочничания» и «дублирования» предметов на менее глубоком уровне²⁵. Неизбежный вопрос о подготовке учителей и пособий для преподавания нового курса также остро вставал в дискуссии на тему новых стандартов²⁶.

Справедливости ради надо заметить, что предполагаемый курс на так уж и нов: прообраз этого курса («Россия в глобальном мире» – STRF.ru) был апробирован в большом количестве школ, почти 300 тысяч детей принимали в этом участие. Да и собственно курс «Россия в мире» преподается уже несколько лет в разных регионах России. Существуют и учебные пособия по этому предмету²⁷.

Все дело – в уровне осмысления перспективных задач подобного курса, по определению предполагающего постоянное обновление актуальной проблематики, разработку новых тем и методических новаций в помощь школьнику на пути осмысления истории, творящейся «здесь и сейчас», в пространстве, окружающем его, что называется, в реальном времени. Ворчанию скептиков здесь можно противопоставить только готовность части научно-образовательного сообщества принять интеллектуальный вызов подобной задачи.

Интересный пример того, как на практике уже реализуется установка на создание нового учебного предмета «Россия в мире», дает учебник «История. Россия и мир. 11 класс» авторства О.В. Волобуева, В.А. Клокова, М.В. Пономарева и В.А. Рогожкина²⁸. Каким бы ни было отношение общественности к новым стандартам в образовании, нельзя не признать, что подобный тематический курс, будучи добротным выполненным, преодолевает не вчера проявившийся разрыв между школьным восприятием курса «своей» и «чужой» истории». Сознательная установка на то, чтобы не просто вписать российскую историю в громаду мирового Хроноса, но и дать синхронную картину развития своей страны и мира в новейшую эпоху, представляется инициативой здоровой и давно назревшей. Столь же очевидной оказывается и сложность осуществления подобной установки – и по причине объемности материала, и из-за теоретико-методологических трудностей описания глобальных процессов, по сию пору находящихся в развитии, в состоянии «открытости» и незавершенности.

В помощь авторам упомянутого издания приходит добрая, старая теория модернизации в своем аспекте *процесса* (а не *проекта*). Последовательно проведенное в этом теоретико-методологическом русле изучение места и роли Российской империи – СССР – России в истории человечества в «век войн и революций» дает пример добротной компаративистики, снабженной аксиологическим измерением. Национальные интересы страны как ключевая цен-

ность и расширение прав человека как государственный приоритет называются авторами в качестве главных этических и политических компонент ценностного опыта, извлекаемого из сравнительно-исторического изучения места России в глобальном мире.

Структура курса, его терминология, рабочий аппарат, прилагаемый «Словарь терминов» свидетельствуют о присутствии элементов политологии, социологии, культурологии, межкультурной коммуникации и искусствоведения как отраслевых составляющих нового предмета. Подобная междисциплинарность, заложенная в замысел нового курса, как представляется, может лишь приветствоваться. Она не только отражает актуальные процессы развития истории-науки в общей системе знаний о человеке и обществе, но и следует новейшим тенденциям в социальных науках и гуманитарном знании в целом.

Новые реформаторские начинания, предъявляющие повышенные требования к преподавателям истории, предполагают расширение репертуара вспомогательной литературы и ее жанрового разнообразия. Коммерциализация издательской сферы в этой области приводит зачастую к неровности, неравноценности соответствующих изданий. Тем отрадней отметить удачные опыты.

Достойный образец учебной литературы по истории в помощь школьному учителю дает «Справочник учителя. История»²⁹, подготовленный коллективом талантливых историков – известных исследователей, педагогов и методистов. Справочник вводит в курс современных концепций изучения отечественной и всеобщей истории, а также актуальных способов и методов преподавания соответствующих курсов в школе. Главное, что отличает общую концепцию издания, состоит в стремлении представить занятие историей как увлекательнейшее занятие, захватывающее путешествие не только в мир прошлого, но и в пространство умственной работы по освоению этого прошлого. Ценно и то, что справочник учит умению задавать вопросы (неслучайно в формулировке названий большинства разделов и глав содержатся вопросительные знаки), навыку, едва ли не столь же важному, что и способность правильно отвечать на них. Публикуемые в издании материалы для дополнительных и внеурочных занятий способны вызвать зависть к нынешним школьникам. Им предстоит – в рамках предложенных авторами обучающих стратегий – изучать «историю на экране», формируя умение *считывать* приметы времени с кинематографической продукции; или, к примеру, по-новому увидеть музей как форму презентации знания; или самому поучаствовать в театрализованном представлении на тему подвигов Александра Македонского...

Интеграция в мировое образовательное пространство – вот та общая задача, которую стремятся решить авторы, создавая пособие, ориентированное на «освоение способов мышления и деятельности, формирование ценностных ориентиров, позволяющих человеку проектировать свою образовательную программу»³⁰. «Обеспечение личностно ориентированного характера образования, индивидуализация обучения в соответствии с интересами и запросами учащихся»³¹ видится разработчикам как одна из важнейших целей упомянутого издания. Современное звучание справочнику добавляют библиографи-

ческие материалы, в том числе и работы западных авторов, а также актуальные ссылки на видеоматериалы и интернет-ресурсы.

Готовностью обеспечить уровень знаний, соответствующий новым образовательным стандартам, объясняется появление в России целого ряда добротных учебников и учебных пособий (школьных и вузовских). Созданные историками из академической и университетской среды, они рассчитаны, по замыслу авторов, на *понимающее, ценностное* восприятие прошлого с учетом новейших исследовательских разработок. Подготовленные на основе современных документальных публикаций, эти пособия включают темы, которые ранее в учебной литературе не освещались. К учебникам *примиряющей* (с собственной историей) тональности и стилистики, стремящимся к демонстрации *объективного* взгляда на новейшую отечественную историю, можно отнести ряд учебников под редакцией А.О. Чубарьяна, Л.В. Милова, А.Н. Сахарова, А.Н. Боханова и В.А. Шестакова, Э.М. Щагина и А.В. Лубкова, а также М.В. Ходякова³². Издания и переиздания учебников последних двух лет также свидетельствуют о появлении новых ракурсов и тематических разделов, вписывающих российскую историю в контекст культурных и цивилизационных проблем человеческого развития (учебники авторства А.А. Данилова, Л.Г. Косулиной, Н.В. Загладина, Ю.А. Петрова, В.А. Шестакова, В.С. Измолика и пр.)³³.

Феноменом времени становится появление *неучебных* (по жанру и задачам) исторических работ, работающих – *по факту* – как ценные пособия по изучению истории России-СССР. Это явление расширяет перспективы новых форм преподавания и освоения исторического знания. Привлекательность *недидактического нарратива* и *со-исследовательской* формы презентации исторического знания все больше делают научную монографию приглашением к *со-размышлению и со-творчеству*, своего рода практическим мастер-классом аналитического мышления для ученика, не говоря уже о возможностях тематического расширения представлений об истории отечества. Отдельные конкретные примеры «*неучебных*» *учебных пособий*, работают, на наш взгляд, достаточно функционально для целей презентации современной отечественной истории на самых сложных и дискуссионных ее этапах³⁴.

Исходя из наметившихся в прошлое десятилетие тенденций развития учебной литературы по отечественной истории, хотелось бы предложить возможный положительный сценарий развития этой области образовательной литературы. Определяя его параметры, важно учитывать ожидания научно-образовательного сообщества по части новых форм, методов и способов трансляции учебного знания по наиболее дискуссионным темам отечественной истории. Присутствие альтернатив в развитии идейно-теоретических представлений о советском/российском прошлом, принципиальная открытость многих вопросов и неоднозначность трактовок (при воздержании от публицистических излишеств) хотелось бы видеть в этом смысле как ресурс развития, а не источник концептуального кризиса.

В повестке дня у создателей учебников стоят задачи интересные, обращенные к их профессионализму и креативности:

– отход от монополярной *политикоцентричности* курсов по истории России в пользу *культуроцентричности*;

– непереносимое присутствие *ценностного подхода* к достижениям и потерям той или иной эпохи (этический и аксиологический критерии исторического успеха тех или иных проектов государственного развития);

– развитие наметившейся тенденции к присутствию *личностей* (а не только событий и процессов) на страницах учебной литературы;

– обучение способам различать исторический *факт* и *представление* о нем, развитие у учащихся способности улавливать актуальную дистанцию между *прошлым* и изменчивым *образом прошлого*.

Именно эти навыки способны помочь современным школьникам и студентам избавиться от обывательски циничного стереотипа о России как стране с «вечно меняющимся прошлым», а их преподавателям – облегчить переход к преподаванию *понимающей* истории, не заикленному однозначно на критицизме или апологетике в адрес отечественного прошлого и его действующих лиц.

К этому хотелось бы прибавить актуальность обновления «инструментария» образовательных средств. Мультимедийные курсы истории там, где они производятся и берутся на вооружение, уже показали себя не преходящей модой, а мощным образовательным ресурсом. По этой части разрыв в уровне возможностей в различных школах и вузах России все еще значителен. На повестке дня в школах стоит замена архаичных хрестоматий современными гипертекстуальными презентациями исторических источников с функциональными комментариями, а в вузах – создание новых мультимедийных курсов с доказательным видеорядом (что соответствовало бы современным формам потребления информации новыми поколениями учащихся).

Проблемные узлы развития новейшей учебной литературы не ограничивают собой весь набор задач, которые решают в настоящее время коллеги по цеху, специалисты по изучению и преподаванию отечественной истории. Если к упомянутым вопросам добавить такие сюжеты, как: ЕГЭ и тестовые формы проверки исторических познаний³⁵; «болонизация» учебно-образовательного процесса в России и способность отечественной системы образования к *конвертации* на европейском пространстве; содержательные и формальные проблемы «регионального компонента»; вопрос получения министерских и академических грифов как критерия качества и основы финансирования; *коллективное авторство* как проблему содержательного и теоретико-методологического единства общей концепции учебника, – то масштаб стоящих перед ними сложностей станет еще объемней. Особенно, если учитывать сверхзадачу их трудов, не ставшую более легкой со времен В.О. Ключевского, заметившего во введении к своему знаменитому «Курсу»: «Историческое сознание дает обществу, им обладающему, тот глазомер положения,

то чутье минуты, которые предохраняют его как от косности, так и от торопливости»³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот феномен во многих аспектах рассматривается в коллективном труде: Мифы и мифология в современной России. – М.: АИРО-XXI. 2000.

² Подробнее об этом см.: Филиппова Т.А. «Российская нация и ее история: перезагрузка смыслов. // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI. 2009. С. 84–85.

³ См.: Новые концепции российских учебников по истории. Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 13. – М.: АИРО-XXI. 2001.

⁴ Долуцкий И.И. Отечественная история. XX век. – М., 1994

⁵ Подробнее см. на сайте: <http://www.newsru.com/russia/28Nov2003/history.html>

⁶ Важным отличием последнего десятилетия, сказавшимся и на учебной литературе, стало изменение в представлении категории национального в применении к истории России. В этом вопросе обратная связь между официальным дискурсом власти и направленностью исторических штудий, а также школьных учебников и также оказалась сложной и многоплановой. Показательней всего в этом смысле выглядела динамика употребления соответствующих терминов в Посланиях Президента Федеральному собранию. Если в начале первого срока своих полномочий В.В. Путин употреблял по отношению к гражданам Российской Федерации термин «многонациональный российский народ» (как в Конституции 1993 г.), в конце первого срока – «народы России», то в начале второго срока президентства прозвучало и устоялось знаковое для историка и политолога выражение «российская нация». Таким образом, ельцинское «дорогие россияне» обрело (по крайней мере, в государственном проектировании) выраженную тенденцию к большей рациональности и четкости. Особенно, когда дело касалось представлений о соотношении этнического, культурного и конфессионального моментов в поисках национальной идентичности. При этом концепция «российской нации», не слишком подробно артикулируемая властью, все же становилась понятней из самого контекста государственной практики: не претендуя на четкость устоявшегося западноевропейского определение «nation-state», она предполагала цивилизационную трактовку этого социополитического и социокультурного явления, а также ориентир на «единство исторической судьбы». (Подробнее об этом см.: Филиппова Т.А. Российская нация и ее история: перезагрузка смыслов // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 92.)

⁷ Наблюдатели отмечают, что в последние годы в исследованиях и учебных пособиях, посвященных прошлому Татарстана и Башкирии, можно заметить «возврат на позиции советской региональной истории, с ее политкорректностью и изящным обходом острых углов» (См.: Тагиров И.Р. осударственность Татарстана: вехи становления развития // Научный Татарстан – 1999.; Его же. Очерки истории Татарстана и татарского народа (20 век). – Казань. 1999. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа XIX – начало XX вв. Казань. 2004.) В качестве другого «последнего окопа» выступает дискурс исторического краеведения, реализованный в последних выпусках школьных учебников по истории Татарстана. Весьма показательно в этом смысле «понижение» градуса этничности в школьных учебниках по истории Татарстана. Сходные процессы, по мнению исследователей, можно наблюдать и в других регионах Российской Федерации, «отмеченных клеймом этнической государственности». Безусловно, свои особенности существуют на Кавказе и на Севере, в республиках волжского правобережья. Однако «общей приметой сообществ, отдающих дань этнонациональным парадигмам общественнознания, возогнанным до степени государственной идеологии», остается перенапряжение интеллектуальных сил и явные методологические трудности соотнесения этноисторий как сферы краеведения, этнологии, антропологии и культурологии с обобщающим цивилизационным подходом, каковой охотно заявляется национальными историками, но под-

час лишь ритуально присутствует в их исследованиях – как дань постсоветской научно-теоретической реальности. (См., к примеру: *Мустафина Г.М.* История Татарстана. XIX век. – Казань. 2003; *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. – М.: Мысль. 2004.) (Приведенные и процитированные материалы по состоянию национальных историографий и учебных пособий Татарстана и Башкортостана предоставлены Международным советом Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI).

⁸ *Филитов А.В.* Новейшая история России. 1945–2006. – М., 2007. С. 86.

⁹ *Медведев Д.А.* Национальные проекты. Статьи и выступления. – М., 2008. С. 38.

¹⁰ Всестороннее обсуждение тогдашней (конец 1990-х гг.) критической ситуации с учебниками истории см. в коллективной монографии «Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы. – М.: АИРО-XXI. 2002.

¹¹ *Медведев Д.А.* Национальные проекты. Статьи и выступления. С. 154–155.

¹² История России. 1917–2004: Учеб. пособие для студентов вузов / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин. – М.: Аспект Пресс, 2005; «История России. 1917–2007» 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Аспект Пресс, 2008; «История России. 1917–2009» 3-е изд., расшир. и перераб. – М.: Аспект Пресс, 2010.

¹³ История России. 1917–2004: Учеб. пособие для студентов вузов / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин. – М.: Аспект Пресс, 2005. С. 3.

¹⁴ <http://newtimes.ru/articles/detail/23445> *Светова Зоя.* Специфическая история. Учебник как пособие по ксенофобии / «The New Times» 2010. 21 июня. № 21; см. также: <http://www.kinoart.ru/magazine/04–2010/now/fal1004/>. *Соколов Никита, Голубовский Анатолий* // Искусство кино. 2010. № 4

¹⁵ Гриф УМО был присвоен первому изданию упомянутого учебника, а затем переносился автоматически на его переиздания.

¹⁶ См. подробнее: сайт АПН (Агентства Политических Новостей). <http://www.apn.ru/> 2010 0914. И далее, там же: «По логике господина Сванидзе и его сторонников нельзя писать о войне 1812 г. (обидятся французы), о русско-японской войне (обидятся японцы) и так далее: обидятся поляки, шведы.... Кстати, почему не обижаются представители русского народа на констатацию того факта, что в рядах гитлеровцев воевала армия Власова (о чем в книге достаточно много написано) ... Почему писать о том, что было в реальности, – это “разжигание межнациональной розни”, а обвинение авторов в “великодержавном шовинизме” и “имперских амбициях” – это не разжигание такой розни?..».

¹⁷ <http://www.apn.ru/> 2010 10 21

¹⁸ Из выступления Кирилла Бенедиктова 10 сентября 2010 г. в Деловой газете «Взгляд» <http://vz.ru/columns/2010/9/10/431647.html>

¹⁹ <http://poiskpravdy.com/istoriya-rossii-vdovin-barsenkov/>

²⁰ См.: Материалы Российско-немецкого коллоквиума «Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью?». – СПб., 2008. С. 13–14.

²¹ *Данилевский И.* Долгая дорога к гуманитарному полюсу // Родина. 2008. № 4. С. 32.

²² К примеру: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=36918; <http://ria.ru/interview/20110202/329477998.html>; www.rian.ru/edu_analysis/20110127/326956944.html

²³ «В феврале 2011 г. прошло общественное обсуждение проекта нового стандарта старшей школы (10–11 классы). Он предполагает для обязательного изучения четыре предмета: «Россия в мире», ОБЖ, физкультуру и индивидуальный проект. Остальные дисциплины ученики могут выбирать на свое усмотрение». // Наука и технологии РФ. 07.02.11 http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=36918

²⁴ Некоторые аналитики обвинила авторов нового стандарта в целом и курса «Россия в мире – в частности» в ярко выраженным *мизологическом* уклоне. «Одна из его целей – борьба с «избыточным знанием». В нем даже нет обязательного минимума содержания образования. В обоснование своей антигуманитарной позиции А. Кондаков постоянно ссылается, что заказ общества школе – это, прежде всего, заказ на гражданина, патриота: «Воспитание гражданина и патриота важнее математики и физики». См.: www.rian.ru/edu_analysis/20110127/326956944.html

²⁵ www.rian.ru/edu_analysis/20110127/326956944.html; www.1tv.ru/sprojects_edition/si5691/fi7286

²⁶ См. интервью с А. Кондаковым для РИА Новости: <http://ria.ru/interview/20110202/329477998.html>

²⁷ К примеру: *Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А.* «История. Россия и мир. 11 класс». Базовый уровень: учебник для общеобразовательных учреждений. 9-е издание. – М.: Дрофа. 2010; *Загладин Н.В., Симония Н.А.* Истории России и мира. – М.: «Русское слово». 2011 и пр.

²⁸ «История. Россия и мир. 11 класс». Базовый уровень: учебник для общеобразовательных учреждений. 9-е издание. – М.: Дрофа. 2010.

²⁹ Справочник учителя истории. 5–11 классы. Авт. – сост. М.Н. Чернова. – М.: Изд-во «Эк-замен». 2008. Перечислим имена авторов этого удачного издания: М.М. Бибииков, Е.Е. Вя-земский, Е.А. Гевуркова, А.А. Данилов, Е.Б. Евладова, С.Д. Исайкина, С.В. Кайдашев, А.Б. Ка-менский, Л.Е. Морозова, А.С. Намазова, В.Я. Петрухин, А.В. Ревякин, О.В. Саприкина, Я.В. Со-ловьев, А.О. Сороко-Цюпа, О.Ю. Стрелова, В.И. Уколова, М.О. Филиппова, Т.В. Черникова, М.Н. Чернова, А.В. Шарова.

³⁰ Там же. С. 16.

³¹ Там же. С. 17.

³² Отечественная история История XX – начала XXI века. Под ред. А.О. Чубарьяна. – М., 2004; России XX – начала XXI века / Под ред. Л.В. Милова. – М., 2006–2009; История России с древнейших времен до наших дней: В 2 т. / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков. – М., 2009. Т. 2; Новейшая отечественная история. XX в.: В 2 кн.: Учебник / Под ред. Э.М. Шагина, А.В. Лубкова. – М., 2008; Новейшая история России. 1914–2008 / Под ред. М.В. Ходякова. – М., 2008; Отечественная история новейшего времени. 1985–2008 гг. / Отв. ред. А.Б. Безбо-родов. – М., 2009.

³³ К примеру: *Загладин Н.В., Козленко С.И., Петров Ю.А.* История России. XX – начале XXI в. – М.: «Русское слово». 2011; *Шестаков В.А.* История России. XX – начале XXI в.; *Из-мозик В.С., Руднин С.Н.* История России второй половины XIX – начала XXI в. – М., 2011.

³⁴ Среди прочих отметим следующие работы, интересные не только своим историческим наполнением, но и готовностью авторов впустить читателя (учителя и ученика) в научную ла-бораторию своих занятий. См.: Россия: государственные приоритеты и национальные интере-сы. – М., 2000; Религия и идентичность в России. – М., 2003; *Андреев Д.А., Бордюгов Г.А.* Про-странство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс. – СПб., 2004; Владимир Путин. Рано подводить итоги.. – М., 2007; *Bordjugov Gennady, Devyatov Sergey, Ko-telenets Elena, Titkov Aleksey.* Russia: A History of the Twentieth Century. Moscow: Media Press; AIPO-XXI, 2009; *Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. – М.: АИРО-XXI, 2010 и др.

³⁵ См., к примеру, очень неплохой образец учебного пособия для подготовки к тестовой проверке знаний по отечественной истории: *Крамаров Н.И., Пазин Р.В., Саятин В.В., Тка-чук И.И., Толстолуцкая О.С., Ушаков П.А., Шамрай Ю.В.* История России. Подготовка к ЕГЭ-2012. Учебно-методическое пособие. – Ростов-на-Дону, 2011.

³⁶ *Ключевский В.О.* Курс русской истории в 9-ти томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1987. С. 62.

Андрей МАКАРОВ

Книжные издания по истории и структуры чтения

Мир книги, книжная отрасль за последнее десятилетие пережили серьезные изменения. Если в начале 1990-х годов наблюдался огромный провал как в тиражах, так и в разнообразии издаваемой литературы, то с начала 2000-х очевиден неуклонный и заметный рост всей книжной отрасли. В 2010 г., согласно данным Российской книжной палаты, российскими издательствами было выпущено 121.738 названий книг и брошюр совокупным тиражом 653,8 млн. экз.¹ Большое значение для подъема книжного дела сыграло создание Министерства печати, которое взялось за реорганизацию издательского дела в стране. Один из руководителей отрасли следующим образом характеризовал достигнутые за последние десять лет изменения: «В середине-конце 90-х годов прошлого века книгоиздательская отрасль стагнировала... За год в стране выпускалось всего около 40 тысяч названий книжной продукции – а это, между прочим, меньше, чем в СССР производилось в 1940 г. Неуклонно снижались и тиражи... За последнее десятилетие российское книгоиздание совершило мощный рывок, превысив в 2006 г. отметку в 100 тысяч названий книг, издаваемых ежегодно, а в 2008 – перевалив за 120. Начиная с 2007 г., отрасль сумела повернуть вспять и кривую падения тиражных показателей... Всего за 10 лет Россия вошла число крупнейших книгоиздающих держав планеты, и темпы роста российского книгоиздания являются сегодня одними из самых высоких в мире»².

Не менее существенны и качественные изменения. Постепенно стала выходить на лидирующие позиции серьезная литература высокого интеллектуального содержания. Повысилась издательская культура, качественно преобразился внешний вид книги. Стало дурным тоном выпускать классическую литературу на газетной бумаге, книги с орфографическими ошибками. Вновь стал востребованным труд художников-иллюстраторов книги³. Определенными вехами в развитии книжного рынка в этом десятилетии стали отмена лицензирования издательской деятельности и принятие нулевой, а затем льготной ставки на производство и распространение книжной продукции. Оба эти явления содействовали развитию книжного рынка. Наблюдался быстрый рост как независимых книжных магазинов (до 35 % продаж), так и книжных продаж через Интернет (более 8 %).

Смена парадигм чтения и модели книгоиздания

Новые явления в сфере чтения – электронная книга, аудиокнига. Один из руководителей книжного дела В.В. Григорьев отмечает: «Уникальность нашего времени состоит в том, что сегодня мы переживаем смену парадигмы чтения

и модели издательской индустрии. Издательства перестают производить книгу, они начинают производить «книжный контент», который можно потреблять различными способами медиавосприятия. В on-line читают книги всего 12–15 % пользователей сети. Из них большинство интересуется только справочными материалами, чуть меньшее количество – литературой по специальности и лишь 1 % – художественной литературой... Интернет не заменит книгу».⁴

Если же взглянуть на проблему книгоиздания в России со стороны читательской аудитории, то картина вырисовывается уже не такая «радужная». По заказу Роспечати Аналитический центр Ю. Левады дважды за последние четыре года проводил исследования по проблемам чтения в стране. Если в 2005 г. социологи зафиксировали, что только чуть больше трети населения России (37 %) не читает книг вообще, то согласно опросу 2008 года:

- 46 % не читают книг уже почти половина взрослых россиян,
- 55 % наших сограждан никогда не покупают книг,
- четверть населения страны не имеет книг дома.

Ситуация с чтением периодики еще мрачнее. Сегодня вообще не читают газеты 37 % населения страны, а журналы – 54 %. К сожалению, книга постепенно *исчезает из личной жизни российского человека*, покидает семью. Книготорговцы почти повсеместно отмечают тревожную тенденцию сокращения книжных продаж. Падение продаж в среднем по рынку по сравнению с прошлогодними показателями составляет 15–20 %, а в отдаленных регионах и отдельных сегментах достигает 30–40 %. В отрасли явно наблюдается кризис перепроизводства на фоне кризиса продаж⁵.

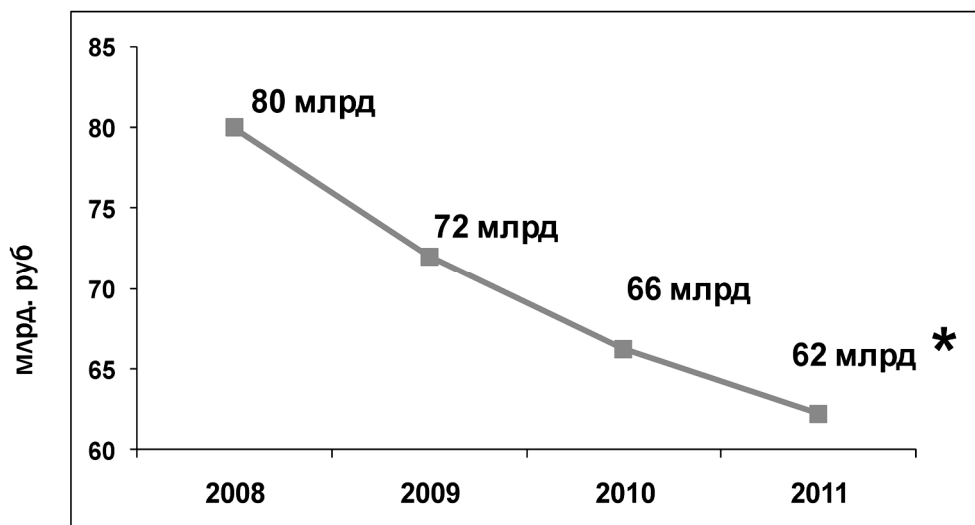
Подводя итоги развития книжного рынка в 2010 году Олег Новиков отметил глобальное падение интереса к чтению, и привел следующие данные по распространению книжной продукции среди населения России⁶.

	Процент нечитающих россиян	Процент активно читающих россиян (читающих почти каждый день)
1996 год	20 %	
2009 год	35 %	
2010 год	37 %	23 %

Источник: ВЦИОМ

Этот спад интереса читателя в последнее время наложился на общий мировой финансовый кризис. Резко сократился платежный спрос на книжную продукцию. Вот как оценивают изменение ситуации на рынке эксперты издательства «Эксмо»⁷:

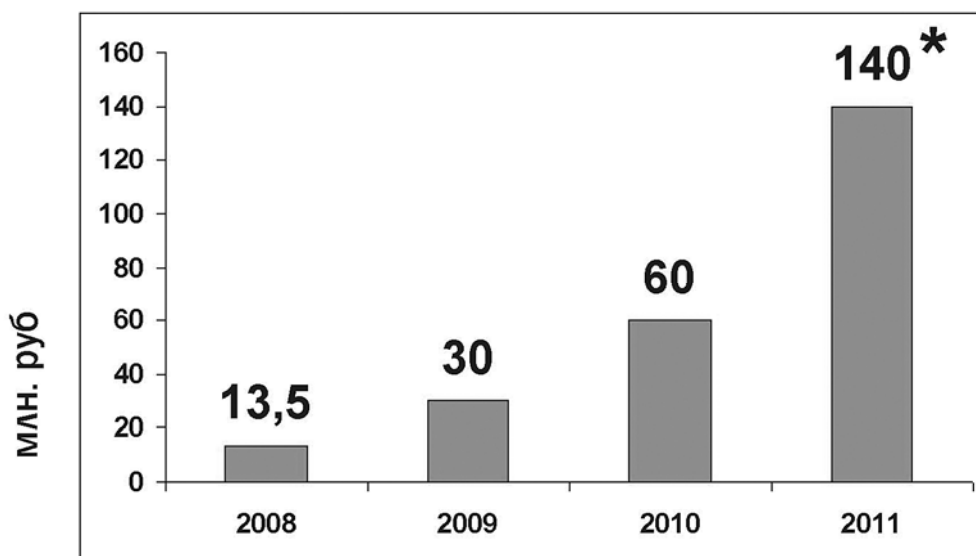
Динамика развития книжного рынка

* Прогноз падения рынка до конца 2011 г. (по итогам 1 полугодия)

Единственная положительная динамика, наблюдаемая в этот период, заключается в очень заметном росте продаж в так называемых Интернет-магазинах. По тем или иным причинам многие читатели (хотя еще далеко не большая их часть) стали предпочитать чтение книги в электронном виде, заказывая ее через Интернет.

Динамика развития рынка электронных книг

* Прогноз роста рынка до конца 2011 г. (по итогам 1 полугодия)

По мнению Новикова, тенденции спада общей активности книжного рынка и продаж сохранятся (на уровне 5–10 %) и только частично может быть компенсирована опережающим ростом продаж электронных книг.

Книги по истории в российском книжном пространстве

Попробуем проанализировать некоторые качественные характеристики сегодняшнего дня – сложившийся «магический треугольник»: функциональное распределение издаваемых книг по истории, читательскую аудиторию, ее характер, состояние и предпочтения, и, наконец, воздействие «рыночной системы» и политики государства на эту важную сферу жизни современного российского социума. Ведь роль и значение книг гуманитарной направленности и, в частности, книг по истории, в современном обществе весьма значительна и специфична. Для постсоветских книжных культур характерны проявления кризиса национальной (гражданской) идентичности, ценностей, аксиологической инверсии интерпретации фактов общего прошлого (досоветского и советского) и независимого настоящего, роли России в развитии / уничтожении «братских» культур; русского языка, русской культуры и т. д.

«Книги гуманитарной направленности (особенно исторической тематики) и литературно-художественные издания, – отмечает Н.А. Селиверстова, – созданные в кризисный период развития постсоветских культур и концентрирующие в себе попытки преодоления аномии, поиска основ позитивной самоидентификации, объяснения досоветского и советского прошлого, интерпретации последствий совместного бытия способствуют *возникновению открытого или латентного конфликта как формы взаимодействия культур между центральными социальными группами (учеными, преподавателями, писателями, деятелями культуры, искусства и т. д.)*»⁸.

За основу наблюдений можно взять повседневный опыт издательской деятельности некоторых специализированных научных издательств – «Дмитрий Буланин», «Новый хронограф», «Алетейя», «Аграф», «АИРО-XXI» и др. Эта деятельность ежегодно проверяется в ходе трех ежегодных событий книжного мира современной России – двух книжных выставках-ярмарках на ВДНХ (в марте и в сентябре) и книжной ярмарки «Нон-фикшн», проводимой в начале декабря. Десятилетний опыт прямого общения с читателями и с работниками книжной индустрии, обеспечивающими снабжение книжной интеллектуальной продукцией библиотек и торгующих организаций, дает возможность оценить как положение на книжном рынке, к которому мы пришли после 20 лет перемен, так и состояние умов читающей публики.

Хорошее качество издаваемых книг, особенно книг по исторической географии, краеведению, иллюстрированной истории, создают впечатление книжного изобилия и даже избыточности продукции. Определенное время заметными оставались предпочтения и устремления, сложившиеся в советское

время. Издавалась историческая отечественная и мировая классика, удовлетворялся спрос на мемуарную и биографическую литературу, переиздавались редкие и неизвестные исторические исследования, справочники, сборники архивных документов. Однако в последние годы издательский бум проходит, все, что можно было издать, в основном уже издано. Выясняется, что новых тем и идей, способных притянуть к себе внимание, нет или почти нет. Чтобы разобраться в причинах этой ситуации, посмотрим на предпочтения разных читательских сообществ.

«Малое пространство»: академическая среда

В профессиональном научном сообществе, которое пережило годы надлома и депрессии, предпочтение отдается узким фактографическим исследованиям и историографии, сборникам документов. В регионах популярна частная, локальная, краеведческая тематика.

«Широкое пространство»: образованные слои

Среди этой категории читателей сохраняется повышенный интерес к отечественной истории, особенно к проблемам, которые заново пересматриваются и переосмысливаются. В то же время покупательская активность заметно снизилась – особенно после скачков цен на коммунальные платежи или иные товары общего потребления. Однако ничто не останавливает покупателя, если какое-то издание необходимо для него. Видимо, не случайно развитие практики серийных изданий книг по тому или иному вопросу.

Преподаватели и ученики

Это реально многомиллионная аудитория. Однако в ее интересах происходят серьезные изменения, связанные со снижением уровня знаний прошлого. Об этом свидетельствуют социологические опросы, многочисленные выкладки в Интернете школьных сочинений. Директор Государственного архива РФ С. Мироненко связывает это с уровнем преподавания истории в школе: «Нужно не пропагандой заниматься, а нужно заниматься нормальной учебой. И не этой угадкой – ЕГЭ – угадал, не угадал, а нормальное связное представление об историческом процессе давать... Наименьшая политизация – вот что нужно сегодня нашему народу»⁹.

У молодого поколения не только сокращается объем достоверных исторических знаний о прошлом, а замещение его магическими, эзотерическими и иными иррациональными представлениями. И это сопровождается падением тиражей и изменением номенклатуры общеобразовательных книг по истории (если, конечно, не считать такие книги для «детского возраста», как «Легенды и мифы Древней Греции», ценность которых заключается скорее в красивых картинках-иллюстрациях). Спрос и интерес на историческую литературу формируется прежде всего в семье, однако в этом звене ценностные ориента-

ции нередко расшатаны, представления о прошлом неустойчивы. На книжных ярмарках нередко можно наблюдать, с каким недоверием и опаской родители и дети берут в руки бесспорно интересные и полезные для развития книги по истории.

«Массовая аудитория»

Наиболее массовая читательская аудитория малоактивна. Пропаганда эгоизма и утилитаризма серьезно подорвали значение и ценность книги. Тяжелые экономические условия существования, в том числе заметное ограничение финансовых возможностей по приобретению литературы, привели не просто к резкому сокращению и количеству покупаемых книг, но и к утрате навыка постоянного серьезного чтения. Поэтому популярной становится так называемая «пограничная» историческая литература, адаптированная к архаическому сознанию. Распространение получают такие издания, как «Велесова книга», «Новая хронология» А. Фоменко и Г. Носовского.

Итак, историческая книга является важным индикатором происходящих в обществе процессов трансформации. Спрос на историческую литературу заметно сократился. Это связано как с сокращением самой читательской аудитории, так и с ролью истории в современном российском социуме. Снизился удельный вес академической литературы. В то же время на книгоиздание не может не влиять контакт профессиональных историков с т. н. «молодыми» исследователями, в том числе маргиналами, позиционирующими себя вне академического сообщества. В условиях продолжающегося социального, идейного и культурного кризиса, переживаемого Россией, эта внезапно возникшая активность «исторического поиска» вне профессионального сообщества создает определенную конкуренцию в борьбе за умы российских граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книжный рынок России Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. – Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. М. 2011

² Григорьев Владимир. Борьба не против кризиса, а за читателя. – Университетская книга. 2009. № 8.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Новиков Олег. Перспективы развития книжной отрасли / Доклад для участников ММКВЯ-2011. 7 сентября 2011. С. 4.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Селиверстова Н.А. Книжные культуры постсоветских обществ: специфика социокультурного взаимодействия посредством книги : Дис. ... д-ра социол. Наук. – М., 2004. С. 6.

⁹ «Госдума внедрит историческую пропаганду». Интервью с экспертами / Светенко Андрей. «Вести ФМ» (www.radiovesti.ru). 30 апреля 2011 г.

История в кино и на телевидении

За последние лет двадцать пять, когда цензура в российском кинематографе сначала ослабла, а потом, в 90-е годы, фактически перестала существовать, наблюдается всплеск интереса к истории в кинематографе. В последние двадцать лет как в художественном, так и в документальном российском кино, наибольшее внимание уделялось событиям Великой Отечественной войне, советская победа в которой стала краеугольным камнем новой российской идентичности. Довольно много внимание уделяется и гражданской войне, причем это событие дается в основном с «белых», а не с «красных» позиций. Из более ранних эпох можно отметить интерес к временам царствования Ивана Грозного, а из более поздних – к эпохе «холодной войны» и позднего СССР. Если брать тему Великой Отечественной, то более правдивыми в целом оказываются художественные фильмы и сериалы, причем даже тогда, когда многие реалии, связанные с боевыми действиями, оказываются значительно искажены. А вот документальные фильмы, появляющиеся на основных российских телеканалах, чаще отражают официальную точку зрения на войну, зависящую от современной политической конъюнктуры и существенно искажающую историческую действительность.

Обращение к темам Ивана Грозного и Петра Великого было традиционным для советского кино, причем оба монарха, в полном соответствии с тогдашней историко-политической конъюнктурой, признавались прогрессивными и положительными историческими героями. Теперь же в таком качестве остался только Петр Великий, тогда как Иван Грозный превратился в отрицательного героя.

Но главное внимание в современных фильмах уделяется истории XX века и, прежде всего, Великой Отечественной войне, занимающей особое место в российской исторической памяти. Тот факт, что документальные фильмы об этом событии оказываются в целом менее правдивыми, чем художественные картины, можно объяснить тем, что авторы документальных фильмов находятся под большим давлением официальной позиции власти. Авторы художественных фильмов гораздо более свободны как от необходимости следовать историческим реалиям так и от политической цензуры. Та же ситуация, строго говоря, была и в советское время. Тогда и в литературных произведениях (взять хотя бы повести, романы и рассказы Виктора Астафьева и Василя Быкова, Юрия Трифонова и Василия Шукшина), и в художественных фильмах содержалось больше правды и о войне, и о советской жизни, чем в документальных лентах, вроде сериала «Наша биография», и в исторических монографиях.

По отношению к событиям Великой Отечественной уже образовалась достаточная временная дистанция, чтобы на эту тему можно было снимать жанровые фильмы – боевики и детективы. Пока еще российские кино и телевидение не доросли до полноценной комедии на материале Великой Отечественной. Первой ласточкой здесь стала экранизация романа Владимира Войновича о жизни и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина. Однако здесь в первую очередь материалом для сатиры служил сталинский режим, а не события войны.

Хотя в годы войны и первые послевоенные годы комедии о Великой Отечественной появились и пользовались зрительским успехом (можно вспомнить хотя бы «Беспокойное хозяйство»). Однако после того как при Брежневе начался своеобразный «культ памяти» о Великой Отечественной войне, комедий на эту тему практически не снимали. Единственным заметным событием стал вышедший в 1967 году фильм «Крепкий орешек», не сатирическая, а чисто жанровая лирическая комедия. Этот фильм был подвергнут обструкции, и быстро сошел с экрана.

Между прочим, определенный потенциал комедии для комедии абсурда на тему Великой Отечественной войны содержит диалог Никиты Михалкова «Утомленные солнцем-2». Все было сделано там настолько всерьез и настолько топорно, что фильм заслуженно считается наиболее провальной картиной в творчестве известного режиссера.

В современном российском историческом кино эпохами стабильности представляются обычно начало XX века, еще до революционных потрясений 1917 года (например, в фильме «Адмиралъ» и в какой-то мере в сериале «Котовский») и эпоха правления Брежнева (например, в сериалах «Брежнев», «Последняя встреча», «Черный ворон» и др.). Это объясняется тем, что основная масса потенциальных зрителей исторических фильмов и особенно телесериалов – это те люди, молодость которых пришлась на эпоху «застоя». В то же время, эпоха Сталина в качестве эпохи стабильности зрителями восприниматься не может, поскольку они слишком много слышаны о тяжести жизни в это время и многочисленных преступлениях, совершенных властью. Это учитывают и авторы фильмов. Не воспринимается в качестве эпохи стабильности и хорошей жизни и эпоха Хрущева, хотя именно в это время были достигнуты главные успехи в освоении космоса (а космическая программа остается одним из главных позитивных символов советской эпохи) и значительно повысился уровень жизни населения, в том числе благодаря началу массового жилищного строительства. Но для большинства зрителей эти времена слишком отдалены по времени и, в лучшем случае, приходится на период детства. Кроме того, в большинстве фильмов, как художественных, так и документальных, равно как и в большинстве публицистических работ, Хрущев представлен эдаким взбалмошным дурачком и противопоставлен мудрому, хотя и жестокому Сталину. Поэтому с фигурой Никиты Сергеевича у зрителей никак не ассоциируется стабильность.

Еще одна тема, привлекающая внимание российского кинематографа, – это гражданская война. Теперь, в отличие от советского периода, и власть, и большинство кинематографистов, да и большинство зрителей, – скорее на стороне белых, а не красных. Из истории белого движения нынешняя власть готова использовать в своих целях образы отдельных белых генералов и офицеров, как храбрых и доблестных воинов, не жалевших своей жизни ради блага государства и народа российского. Также годится и то, что белые воевали с красными под сенью православия. И еще белые вожди оказываются полезны как государственники, боровшиеся за единую и неделимую Россию. Это совпадает с идеологией нынешней российской власти.

Иван Грозный – авторитарный тиран или безумец?

Фигура царя Ивана Грозного все более актуализируется в сегодняшней России. Популярность романов-антиутопий Владимира Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль» – тому весомое доказательство. Там проводится прямая параллель между Московской Русью эпохи опричнины и путинской Россией. А вот 16-серийный фильм «Иван Грозный» Андрея Эшпая призван этот тезис опровергнуть. Внимание направлено не на государственных деяниях царя, серьезно расширившего пределы Русского государства, а на его преступлениях, приводя в заключение знаменитое суждение Карамзина о том, что «история злопамятнее народа», который помнит только взятие Казани да покорение Сибири. Уже с юности Ивана окружает сильно напоминающая опричников банда соратников, творящих по его указанию скорую и жестокую расправу над неугодными. В фильме Эшпая и до опричнины казнят и мучают, и во время нее, и после ее формального прекращения. И в день смерти Иван Грозный собирается живьем варить волхвов, предсказавших ему этот самый день. Все дело в безумии Ивана, в его одержимости манией величия и манией преследования. Плюс еще – способствовавшее формированию этих комплексов тяжелое детство, постоянные унижения, испытываемые от опекунов-бояр. И сами эти думают только о власти и собственном прибытке, грабят государственную казну, убивают и казнят соперников, вот даже мать Ивана Елену Глинскую отравили. Замечу, кстати, что двоюродный брат царя князь Владимир Андреевич Старицкий показан полным ничтожеством, ради спасения собственной шкуры готовый доносить на всех и вся. В действительности князь, как известно, был храбрым воеводой, а отнюдь не слабым и безвольным человеком.

Главная причина бессудного террора – в патологии Ивана. Против ошибок природы протестовать бессмысленно. Да, плохо если абсолютный монарх или диктатор сходит с ума. Но, как настаивают сторонники монархического строя, гораздо больше вероятность того, что у власти окажется совестливый

и разумный человек, который приведет государство к благоденствию. Правда, почему-то в мире абсолютные монархии сохранились только в богатых нефтью мусульманских странах, где благоденствие от власти никак не зависит. Фильм призван показать зрителям: да, при Грозном было жутко, никто не знал, не будет ли он завтра казнен или сослан. Но все было совсем не так, как теперь у нас, в России. Причины опричного террора – не социальные, а чисто биологические, лежащие в безумии царя. У нас же правители, слава Богу, люди нормальные.

Фильм «Царь» режиссера Павла Лунгина еще раз доказал одну непреложную истину: плохой сценарий не могут спасти самые гениальные актеры. Здесь Грозный – всего лишь полусумасшедший неврастеник, страдающий к тому же раздвоением личности и манией величия. Душой царя овладел дьявол, и поэтому Иван хочет поставить себя на место Бога. Хорошие в фильме – только митрополит Филипп да православные монахи. Все сводится либо к клиническим проявлениям болезни царя, либо к дьявольским козням. Нет социальной обусловленности тирании Грозного, нет и неприятных аллюзий на современность. На хорошо известный из источников чудовищный разврат Грозного в фильме есть лишь слабые намеки. Режиссер следует православной традиции, образ Грозного дан в контексте противостояния сил света и сил тьмы, без каких-либо обертонов. Никакого величия и харизмы у Грозного нет, и выглядит он довольно жалко. А ведь у настоящего Грозного была и харизма, и великие замыслы, которые потом потонули в еще более великих злодействах, по сути разрушивших русское государство. Непонятно, как такому царю подчинялась свирепая банда опричников. Одолеть в моральном плане такого соперника совсем несложно. Царь Петра Мамонова не страшен, а смешон и жалок. А Олегу Янковскому играть практически нечего.

Правда царя в фильме сводится к лобовым банальностям, вроде того, что «как человек я грешен, как царь – праведник». Банальна сентенция племянника Филиппа Ивана Колычева о том, что от тех мерзостей, что творятся в государстве, приходится бежать либо в монастырь, либо на войну. Прямо как в некоторых наших романах и фильмах про Великую Отечественную. Финальная сцена – жалкая пародия на знаменитое пушкинское «Народ безмолвствует». У Лунгина народ вообще не приходит на веселье царские казни, хотя за неявку ему грозят всяческие кары. Но когда вешали лихих бояр, народ это обычно встречал с энтузиазмом.

Забавен Малюта Скуратов (Юрий Кузнецов). Предводитель опричнины – в душе человек добрый и даже сочувствует своим жертвам, но служба царю вынуждает его творить злодейства и с помощью дыбы и раскаленных клещей добывать «царицу доказательств». Да, как говорили классики, плохая у него должность. А у царя – так еще хуже.

Жена царя кабардинская княжна Мария Черкашенка демонстрирует нам свои садистские наклонности. Подлинный сосуд греха! Царь ее в конце концов отправляет в монастырь, но сам от этого лучше не становится. Добавлю, что историческая Мария Темрюковна умерла не в монастыре, а в Александ-

ровой слободе, и в монахини царь ее никогда не постригал, а, наоборот, очень горевал о ее смерти и обвинял своих врагов, будто они ее отравили.

Пытки в зале вызывают не ужас, а смех, и всерьез могут восприниматься детьми младшего школьного возраста. А вот эпизод с немцем-опричником Штаденем, которому Филипп объясняет сложные механизмы, изобретенные великим итальянцем Леонардо да Винчи (оцените юмор), а опричник потом использует эти изобретения для конструирования самых совершенных орудий пыток. Так нас убеждают, что просвещение отнюдь не исправляет нравы.

Идея о том, что монархия в России может быть только православной, или ее не будет вовсе, проведена в фильме столь примитивно, что никакого отклика в сердцах у зрителей не находит. И финал картины, когда опричники сжигают монахов, отказавшихся славить царя-ирода, прямо-таки требует закадрового текста в советском стиле: «В эти суровые времена только Православная церковь противилась тиранству, произволу и насилию».

Литература и история на экране: классика против революции

Фильм «Тарас Бульба» Владимира Бортко оказался не только антипольским, но и антиукраинским. Украинцы-запорожцы выглядят в картине весьма непрезентабельно. Они все грязные, оборванные, вечно пьяные и бестолковые, хотя и героические. Нас убеждают, что украинцы – природные анархисты, и способны на что-нибудь путное только под властью сильного человека – Тараса Бульбы, или, например, того православного царя, который «подымется из русской земли... и не будет в мире силы, которая бы не покорила ему».

«Но как же закон, римское право?» – вопрошает будущий предатель Андрий, потрясенный тем, как запорожцы живьем закапывают в землю убийцу. На это герой-мученик Остап отвечает: у нас мол, своя земля, свои обычаи, а все эти латинские штучки я еще в семинарии невзлюбил. Фильм Бортко задумывался как наш ответ на «оранжевую заразу». Неслучайно поляки в фильме носят очень прозрачные фамилии. Дубенского воеводу зовут Мазовецкий, как и первого польского премьера правительства «Солидарности». А польский хорунжий тоже носит очень прозрачную фамилию Красневский, заставляющую вспомнить о бывшем польском президенте Квасьневском, сыгравшем большую роль в разрешении политического кризиса на Украине, вызванного «оранжевой» революцией. Поляки в фильме – это тусклой массой в серых жупанах, что-то невнятно бормочущей на непонятном языке, и как автоматы, выполняющие военные команды. На самом деле польская пехота и кавалерия XVI–XVII веков серых жупанов не носила и вообще какой-то единой формы не имела. Разные полки и хоругви носили разного цвета жупаны, но всегда яркие, чтобы легче было различать своих. А серожупанная польская пехота в фильме заставляет вспомнить мышинные мундиры пехотинцев вермахта.

То, что поляки – форменные изверги, подтверждается в фильме нехитрым приемом, давно освоенным кинематографом. Подробно показано, как поляки пытаются и казнят казаков, как на это с неподдельным интересом и умилением взирает толпа шляхтичей со своими прекрасными паннами.

В сериале «Достоевский» Владимира Хотиненко (сценарий – Эдуард Володарский) режиссер и сценарист сосредоточились на личной жизни писателя, уйдя от его идейных исканий. Но Достоевский вне своей идеологии на экране получается воплощением всероссийской пошлости. Непонятно, как такой пошлый человек мог создавать гениальные произведения. Создатель гениальных текстов далеко не всегда являет собой в личной жизни образец для подражания. Однако не верится, чтобы он был начисто лишен каких-либо мыслей и страстей за пределами любовных метаний и страсти к рулетке.

Евгений Миронов замечательно сыграл князя Мышкина. И создатели «Достоевского» решили, что раз этот герой автобиографический, то лучшего актера на главную роль в биографическом сериале не найти. Но князь Мышкин не только воплощает в себе черты Достоевского. Он прежде всего – неузнанный людьми Христос, чистый, беспорочный юноша, которым трудно себе представить Достоевского. При сравнении с известным портретом кисти Перова бросается в глаза, что у Достоевского гораздо более худое лицо, чем у Миронова. Перед сериалом актер специально сидел на диете, но до конституции писателя так и не похудел. Перед нами предстает не сошедший на землю Христос, а эдакий пупс, вожделеющий каждой симпатичной женщине, и съедаемый страстью к игре в рулетку, пока его не взяла в свои крепкие руки Анна Григорьевна Сниткина и не навела в его жизни чисто немецкий порядок. Он смешон, и сострадания не вызывает.

Тургенев рассказывал литератору Николаю Минскому, что «Достоевский развратничал по ночам, а утром бегал в Новодевичий и часами клал земные поклоны». В фильме Федор Михайлович самозабвенно развратничает, а в финале вместе с Владимиром Соловьевым едет в Оптину пустынь. По мнению Хотиненко, Достоевский был тайным эротоманом и настоящим донжуаном. Насчет того, насколько эротомания Достоевского определяла его жизнь и творчество, можно поспорить. А вот насчет донжуанства – так это точно неверно. Одна более или менее постоянная любовница Аполлинария Сулова, две-три не слишком серьезных связи, да несколько посещений публичного дома, в том числе с братом Михаилом... И до Пушкина, и до Льва Толстого в молодые годы ох как далеко!

Достоевский немислим не только без рефлексии, но и без пророчества. А пророчество в фильме сводится к надрывному чтению пушкинского «Пророка».

Хотиненко – режиссер имперский, что продемонстрировал и в «Гибели империи», и в «1612». Он и в «Достоевском» подчеркивает все позитивное, что было в империи. На плацу, где собираются расстреливать петрашевцев, мундиры офицеров и солдат – с иголочки. Да и публика одета – приятно посмотреть. Захолустные Семипалатинск и Кузнецк в фильме – города чистые,

хорошо прибранные, радующие глаз. А дурная одежда – удел каторжан и нищих, тогда как все остальные сословия – живут и радуются. Какую Россию мы потеряли! Не даром фоном пребывания героя фильма в Семипалатинске служат в высшей степени патриотические газетные сообщения периода Крымской войны. И петербургские гламурные пейзажи глаз радуют. Где уж тут вспомнить о сером и убогом Петербурге Достоевского, где живут униженные и оскорбленные. И жандармский офицер в фильме – в высшей степени симпатичный, трогательно вспоминает, как тогда, на плацу смотрел на подготовленного к казни Достоевского сквозь ружейный прицел, и рассуждающий, насколько благотворным оказалось влияние на писателя пережитое потрясение, которое и привело его к идеалам православия, самодержавия и народности.

Несимпатичные в фильме либералы, которых Достоевский легко побивает в споре, поскольку они с ним по воле режиссера играют в поддавки. Тургенев в фильме – это даже не пародия на реального Тургенева, это – пародия на Карамзинова из «Бесов». Некрасов же предстает стареющим миллионером, не слишком честно играющим в карты (но никогда не попадающимся и не проигрывающим, в отличие от Достоевского).

Действие фильма заканчивается в 1879 году – перед началом работы над «Братьями Карамазовыми» и почти за два года до смерти писателя. Это сделано, чтобы не огорчать зрителей, которые будут радоваться, что герой сериала в живых остался. Главное же, в связи с работой над «Карамазовыми» было бы сложно ничего не говорить об идеологии Достоевского.

Российская власть и общество слишком поздно осознали, насколько сильно вновь, уже в послепетровскую эпоху, Россия отстала от Запада и социально-экономически, и политически, хотя и сохранили прежние имперские амбиции. Достоевский это противоречие предлагал решить путем достижения духовного превосходства над Европой, основанного на православии. Тогда Европа сама упадет к ногам России, пораженная ее духовной мощью. Но верить в превосходство и действительно его иметь – это две большие разницы. Сегодня на эти темы честно говорить и власти, и обществу не очень-то хочется.

Больше повезло мини-сериалу Владимира Бортко «Петр Первый. Завещание». Здесь стопроцентное попадание в «десятку» с исполнителем главной роли Александром Балухевым. Петр исповедовал державную идеологию, и она органично воплощена в фильме. Можно было бы показать и неприглядного Петра – садиста, палача, алкоголика и развратника, что сочеталось со страстной любовью к Европе, ясным пониманием государственных задач и умением решать их в кратчайшие сроки и любой ценой. Но история оказалась благосклоннее к Петру, чем к Грозному, и первый российский император сумел завоевать для России балтийское побережье и начал трудный путь ее вхождения в ряды европейских наций. Но реальный Петр был бы по силам только режиссеру масштаба Эйзенштейна.

Красные против белых: старые и новые стереотипы

Сериал «Котовский» режиссера Станислава Назарова – притча о добром человеке, ставшим разбойником. Этот добрый человек – Григорий Иванович Котовский, легендарный командир Красной Армии в гражданской войне, а до этого – один из столь же легендарных «королей» преступного мира на юге России. Владислав Галкин в своей последней роли великолепен. Он играет нового Кирджали, но делает из Котовского человека, которого артистическая натура привела к рисковому, но легкому ремеслу налетчика. Герой фильма ощущает, что масштабом своей личности давно перерос роль бандитского вожака, но не может совладать со страстью к авантюризму и эффектной позе. Он готов грабить богатых, чтобы восстановить справедливость в обществе. И предотвращает еврейский погром, заявляя, что нельзя убивать людей только за то, что они евреи, и во время ограблений никого не убивает. Авторы снимают революционный глянец с биографии Котовского, канонический вариант которой воплотился в фильме 1942 года. В сериале Котовский предстает не революционером-анархистом, а бандитом-налетчиком, хотя и очень симпатичным.

А то, что произошло после 1917 года, осталось за кадром. Котовский связался с большевиками, о существовании которых прежде имел очень смутное понятие, и от образа романтического доброго разбойника не осталось и следа. В способности организовывать уголовные элементы на службу новой власти Григорий Иванович вчистую выиграл соревнование у своего друга и «короля» уголовной Одессы Мишки Япончика (Винницкого). Тот попытался с благословения большевиков сформировать стрелковую бригаду из одесских налетчиков, которая, однако, при первом столкновении с не слишком-то боеспособными войсками Украинской Народной Республики обратилась в паническое бегство. После этого бежавшего в Одессу Япончика ЧК расстреляло. Котовский был гораздо более удачлив и, хотя не без труда, но сумел привить своим беспокойным бойцам суровую дисциплину. Его бригада, ядро которой составили соратники Котовского по дореволюционному уголовному подполью, успешно подавляла крестьянские восстания и повстанческие движения на Украине и на Тамбовщине, с переменным успехом боролась с махновцами. Котовский действовал как каратель, и за это получил три ордена Красного Знамени. В отличие от многих других советских героев гражданской войны, вроде Буденного, Котовский отнюдь не был крестьянским вожаком, и большевики не боялись, что он превратится в нового Пугачева или Махно. Крестьянским заступником, вопреки мифу, созданному советской пропагандой, Котовский никогда не был. Наоборот, в перерывах между налетами Григорий Иванович работал управляющим в помещичьих имениях и крестьян эксплуатировал нещадно, что в сериале показано. Он был кумиром городских обывателей, и популярность его до революции поддерживалась бульварными газетами, тиражировавшими образ бандита-джентльмена. Боль-

шевикам же он был нужен, прежде всего, как успешный каратель, причем не только в прошлом, но и будущем. Если бы Котовский не был убит в 1925 году, то он очень пригодился бы для подавления крестьянских восстаний эпохи насильственной коллективизации.

Сериала «Девять жизней Нестора Махно» (режиссер Николай Каптан) интересен своей идеологией. Анархисты последователи симпатичного Махно (Павел Деревянко), изображены людьми жестокими и малопривлекательными. А большевики, красные, представлены карикатурно. Получается, что гражданскую войну выиграли какие-то недоумки. Зато положительными героями в фильме оказываются белые офицеры, гражданскую войну проигравшие. Один из соавторов сценария фильма про Махно Игорь Болгарин – сценарист нашумевшего в советское время телесериала «Адъютант его превосходительства». В том давнем фильме была предпринята одна из первых удачных попыток подспудной реабилитации белого офицерства. Пусть симпатичнейший капитан Кольцов на поверку оказывался засланным советским казачком, зато как здорово он носил офицерскую форму, как хорошо говорил про офицерскую честь. И другие офицеры, настоящие, не засланные, за редким исключением, выглядели вполне симпатичными, честными, благородными, в том числе и генерал Ковалевский. Прототипы были гораздо хуже. Прототип Ковалевского послужил генерал В.З. Май-Маевский, прославившийся прежде всего своим пьянством и кутежами, за что в конце концов его и сняли с поста командующего Добровольческой армии. Прототип Кольцова, большевик Павел Макаров, в штабе Май-Маевского никакой разведывательной деятельности не вел по той причине, что никакой связи с советским командованием не имел. Зато Макаров стал первым собутыльником Май-Маевского, из-за чего и пользовался благосклонностью генерала. В сериале «Махно» использованы некоторые образы из «Адъютанта его превосходительства», например, образ старика-еврея или сцена ограбления поезда махновцами. Но теперь анархисты показаны уже не одними черными красками, как опереточные бойцы батьки Ангела. Белые же показаны как благородные бойцы за истинную российскую государственность. Главный герой среди белых, полковник Данилевский, это как бы новое воплощение капитана Кольцова. Большевики показаны очень плохими, подлыми, коварными, ненавидящими крестьянство. Ничуть не лучше показаны украинцы-петлюровцы, сторонники независимой Украины. Это – персонажи какой-то плохой оперетки.

Трагедия Махно выражена в фильме словами генерала Слащева, тоже вполне положительного героя фильма. На самом-то деле Слащев, алкоголик и наркоман, личностью был малопривлекательной. Даже большевики, к которым генерал пошел служить, пытавшиеся обвинить его в антисоветской агитации, не смогли это сделать, поскольку на попойках с курсантами Слащев уже через десять минут напивался до невменяемого состояния. Так вот, Слащев в фильме утверждает, что Махно – это русский самородок. В нормальное время такие самородки идут в Ломоносовы, а в ненормальное, революцион-

ное время – в анархисты. Вот и затянуло анархистское болото Нестора Ивановича и некоторых его симпатичных соратников, говорят нам авторы фильма. Слышится явственный призыв: не ходите, русские самородки, на всякие там «Марши несогласных», а то попадете в пучину анархии, и в стране будут твориться все те безобразия.

Блокбастер «Адмираль» (именно так, с твердым знаком на конце, на старорежимный манер называется фильм Андрея Кравчука) посвящен первому и последнему верховному правителю России адмиралу Александру Колчаку (Константин Хабенский). Он словно закован в броню адмиральского мундира, всегда неизменно подтянут и спокоен, даже перед лицом расстрельной команды. Это – сильный, неординарный человек, поставленный судьбой в безнадежные обстоятельства и прошедший свой путь до конца. Чем же интересен этот образ сегодняшнему российскому кинематографу? Колчак в фильме – прежде всего истинный рыцарь. Рыцарь-моряк, герой Первой мировой войны. Рыцарь – правитель, взваливший на себя безнадежную задачу спасения прежней российской государственности. И, наконец, рыцарь-любовник, преклоняющейся перед своей Прекрасной Дамой – Анной Тимиревой. Запоминаются картины дореволюционного офицерского быта. От них веет уютом, теплом и стабильностью. Даже мировая война не может разрушить этой стабильности. Она показана как кровавое дело, гибель и страдания людей весьма натуралистичны. Но бои проходят, и Колчак и другие русские офицеры возвращаются к семьям, к балам, светской жизни, в мирный Гельсингфорс. Офицеры показаны как мужественные, храбрые люди, с неистребимым чувством чести. Не дрогнувшие под германскими снарядами. А под конец фильма под руководством героического Каппеля (Сергей Безруков) в «ледяном походе» офицеры, идущие на выручку Колчаку, бросаются в «психическую атаку», под музыку и без выстрелов (потому что нет патронов) на красные пулеметы (явная антитеза «Чапаеву»). Кстати сказать, в сериальном варианте «Адмирала» появляется атаман Семенов, который тоже пародирует экранного Чапая, восклицая: «Кого побили? Меня, Семенова побили!»

По сравнению с киноверсией, телесериал «Адмираль» в чем-то выигрывает, а в чем-то проигрывает. Выигрывает он в том, что в послереволюционных сериях гораздо более внятно показан Колчак как верховный правитель. Зрителю легко убедиться, что хороший морской командир и великолепный любовник в роли военно-политического руководителя великой державы оказался полным банкротом, взявшись не за свое дело из-за ложно понятого долга перед Россией и приведшей это дело к печальному, трагическому финалу. В сериале, Хабенский в роли верховного правителя выглядит растерянным, как гимназист-приготовишка. Колчак верховным правителем был плохим, но растерянным мальчишкой не выглядел никогда. Почти все герои «Адмирала» – положительные. Отрицательна только революционная стихия, которая их сметает.

Предреволюционная эпоха в сериале пересахарена. Приторные картинки офицерских балов и беззаботных загородных прогулок в белоснежных ките-

лях способны вызвать скорее раздражение, чем умиление. Начинаешь понимать балтийских матросов, которые в феврале 17-го вдохновенно поднимали на штыки и топили в море отцов-командиров в Гельсингфорсе и Кронштадте.

И еще один положительный герой – православная церковь. Герои фильма много молятся. А священники отпевают в одной братской могиле и красных, и белых, поскольку все они – православные. События гражданской войны авторы фильма показывают весьма избирательно и сконденсировано, сжимая хронологию. Об Омском перевороте, сделавшем адмирала Верховным правителем, равно как и о политической программе Колчака, не говорится не слово. Иначе нельзя было сохранить образ рыцаря. Свержение законной, по сравнению с большевиками, власти Омской Директории в плюс Колчаку записать никак нельзя.

Фильм Сергея Урсуляка «Исаев» опирается на богатую кинематографическую традицию советского времени. Это, в первую очередь, – «Семнадцать мгновений весны». Но еще более непосредственное отношение к нынешнему сериалу имеют сравнительно менее известные киноэкранизации романов Юлиана Семенова «Бриллианты для диктатуры пролетариата» (режиссер Григорий Кроманов, 1975 г.) и «Пароль не нужен» (режиссер Борис Григорьев, 1967 г.). По сравнению с новым сериалом, как романы Юлиана Семенова, так и их экранизации отличались гораздо большей внутренней цельностью. Будущий Штирлиц, чекист Владимиров-Исаев, там был героем, не ведающим никаких сомнений и убежденным в грядущем торжестве дела коммунизма. А его противники были злодеями, пусть даже умными и обаятельными, но только и мечтающими, как бы власть коммунистов свергнуть. Сейчас авторы фильма, с учетом всего того, что мы теперь знаем о советской истории вообще и об истории ЧК в частности, постарались привнести в образ Исаева некоторую рефлексию и сомнения насчет того, действительно ли правда на стороне большевиков. Но это у них плохо получилось. Сценарий в основном следует за романом, и герой Страхова быстро, без колебаний, принимает нужные решения и закручивает хитроумные комбинации, которые для многих заканчиваются смертью. Он не похож на человека, испытывающего сомнения, даже если по воле сценариста и произносит несколько дежурных фраз насчет того, что Максим Максимович, не знает, дескать, на чьей стороне правда.

Михаил Пореченков в роли графа Воронцова очень сильно проигрывает своему предшественнику Александру Кайдановскому. Тот играл рыцаря белой идеи, аристократа, в сложных условиях эмиграции любой ценой стремящегося добыть средства для борьбы против Советской власти. Пореченков тоже пытается играть аристократа, но у него выходит не граф, а обаятельный налетчик средней руки, еще один Бенья Крик. И можно, казалось бы, предположить, что его таинственная группа в Ревеле как раз и занимается налетами. Но когда Воронцов идет брать Гохран, вдруг выясняется, что на налет он решается впервые в жизни.

Загадкой является также, зачем Воронцов собирается грабить Гохран. В семеновском романе и в фильме советских времен четко прописывалось, что граф хочет набрать чемоданы бриллиантов, чтобы финансировать продолжение борьбы с большевиками – то ли с помощью снаряжения новой белой армии и возобновления гражданской войны, то ли путем засылки террористов и диверсантов в Советскую Россию. В фильме же Урсуляка Воронцов прямо говорит, что делает налет на Гохран для того, чтобы прикрыть те хищения, которые там уже совершили ювелиры-оценщики Пожамчи и Шелехес. Получается, что граф выступает как простая марионетка резидента немецкой разведки в Эстонии Нолмара, который заинтересован в срыве сделки по продаже советских бриллиантов на запад с помощью бриллиантов, которые похитил Пожамчи. Однако перед отъездом в Москву Воронцов разругался с Нолмаром, и тот вообще не знает, зачем граф отправился в Совдепию. Да и зачем Нолмару прикрывать Пожамчи, который все равно через несколько дней должен быть в Эстонии? Наоборот, налет на Гохран мог бы переполошить чекистов и задержать отправку Пожамчи в Ревель. Истинные мотивы действий Воронцова в фильме Урсуляка остаются неясными.

Непонятно, как в 1921 г. в Эстонии может активно действовать немецкая разведка? Ведь по Версальскому миру иметь собственную разведку Германии запрещалось. Германская разведка возродилась только в самый канун Второй мировой войны. В фильме же Нолмар не только имеет дюжину подручных, но еще безнаказанно убивает направо и налево как русских эмигрантов, так и эстонских граждан, и действует совершенно открыто. А высшие чины эстонской тайной полиции служат у него на посылах.

В Эстонии и тогда, и позднее сильны были антигерманские настроения, а эстонское правительство ориентировалось на страны Антанты. Так что у эстонских властей не было никаких оснований создавать режим наибольшего благоприятствования для мифической германской разведки.

Совершенно фантастическими являются и суммы хищений, фигурирующие в фильме. Утверждается, будто Шелехес и Пожамчи наворовали бриллиантов, золота и других драгоценных камней на 100 миллионов долларов каждый. Но 100 млн. долларов в 1921 г. – это по реальной покупательной способности несколько миллиардов долларов сегодня. Например, состояние Генри Форда в 1947 г., когда доллар существенно подешевел по отношению к 1921 г., оценивалось в 600 млн. долларов. Получается, что уже в начале 20-х годов в России сидели подпольные олигархи, да все не могли решить, как с таким богатством пробиться за границу.

Роман «Бриллианты для диктатуры пролетариата» имеет документальную основу. Действительно, в Гохране была разоблачена и в октябре 1921 г. сурово наказана группа расхитителей. По делу проходило 64 человека, 19 из них были приговорены к расстрелу, 35 – к различным срокам тюремного заключения, а 10 – оправданы. Главными обвиняемыми проходили ювелиры-оценщики Яков Шелехес, Николай Пожамчи и Александров. Но, как показывают новейшие исследования, обвиняемые отнюдь не были такими злодеями,

отнимающими последнюю надежду у миллионов голодающих, какими они представлены в романе и в фильме. Как заключили российские историки Ольга Васильева и Павел Кнышевский, «Пожамчи, Александров и Шелехес в хозяйском амбаре были лишь подневольными подносчиками» (Красные конкистадоры. М., 1994. С. 122). И приводят факты бесконтрольного отпуска золота и бриллиантов высокопоставленным партийным и советским чиновникам и их родственникам, причем за смехотворные суммы, а то и бесплатно. Так, жене наркома внешней торговли Леонида Красина было выдано 11,5 тыс. каратов бриллиантов для нужд наркомата, председателю Верховного ревтрибунала Николаю Крыленко – десять золотых колец с бриллиантами, и т. д. Мы, наверное, никогда не узнаем, какая часть бриллиантов пошла на помощь голодающим, какая – на нужды Коминтерна и мировой революции, и сколько бриллиантов осело в коллекциях жен и любовниц высокопоставленных работников. Вот чтобы прикрыть все эти недостатки и было изобретено дело Гохрана.

И Шелехес, и Пожамчи, и Александров до революции были богатыми ювелирами. Так, Александров владел крупной фирмой по продаже бриллиантов и жемчуга в Москве и был совладельцем фабрики по огранке алмазов в Антверпене, а Пожамчи имел в Москве часовой и ювелирный магазины. И чекисты наверняка догадывались, что у главных оценщиков Гохрана должно быть припрятано изрядное число бриллиантов на черный день еще с дореволюционных времен. Но пока они нужны были для торговли с заграницей, на это закрывали глаза. А когда понадобилось на кого-то списать хищения, то чекисты предпочли сделать главными расхитителями бывших «буржуев», а не партийных бонз.

Урсуляка стремится создать образы «чекистов с человеческим лицом». Юлиан Семенов противопоставлял «добрых» чекистов 20-х годов «злым» чекистам 30-х. Урсуляк признается: «Что касается деления чекистов на «плохих» и «хороших» – да, я могу согласиться с Семеновым в том аспекте, что среди них тоже были честные люди»¹. Но в сериале «Исаев» показ «хороших» чекистов все же не является какой-то сверхзадачей, решаемой любой ценой. Главное для режиссера – создание хорошего детектива в стиле ретро. И с этой задачей он в целом успешно справляется. Что же касается «плохих» чекистов, то режиссер предпочитает не намекать на далекие от времени действия репрессии 30-х годов, а показать злодеев здесь и сейчас. Это некие мрачные личности, очень напоминающие подручных Нолмара. Сначала они сажают выдающийся фингал избличенной шифровальщице Оленецкой, хотя бить ее нет никакой необходимости: она и так во всем созналась. А затем эти же мрачные личности убивают резидента «Романа», решившего стать невозвращенцем и почему-то торжественно уведомившего об этом свое московское начальство. Хотя вроде бы «Роман» правила игры знает и сам не брезгает тем, чтобы шантажировать начальника эстонской тайной полиции угрозой похищения его дочери. Сытая, уютная Эстония дана в цвете, а серая, убогая Москва – в черно-белом изображении. С одной стороны – бедная, но гордая

советская столица, ни от кого не зависящая и заставляющая считаться с собой весь мир. А с другой – богатый Таллинн, прогибающийся под Германией и другими «империалистическими хищниками»

Во второй части «Исаева», основанном на романе «Пароль не нужен», рассказывается о завершении гражданской войны на Дальнем Востоке. Здесь главный герой уже не сомневается в исторической правоте большевиков, а рефлексия связана с достаточно традиционным противоречием между любовью и долгом. Все, кто сражается на стороне большевиков, фактически выступают с позиций национал-коммунизма. Белые – не более чем японские марионетки, причем, будучи людьми неглупыми, сами это понимают, но продолжают безнадежную борьбу. Создатели «Исаева», как и Ю. Семенов, роль японцев значительно преувеличивают. Красные же выглядят единственной организующей силой, способной побороть анархию внутри России и противостоять экспансии других держав. Олицетворением этой силы выступает Василий Блюхер (Константин Лавроненко).

В «Исаеве» японцы активно помогают армии генерала Молчанова вооружением и боеприпасами, а Максим Максимович даже подсказывает подпольщикам, как выводить из строя поставляемые белым японские танки. Но танков в японской армии в 1922 году вообще не было. Они появились только в 1927 г. Еще забавнее, что в деле срыва японских поставок оружия ему помогает чекист Марейкис (судя по фамилии – литовец), работающий во Владивостоке под видом корейца Чена. Это примерно тоже, как если бы Исаев выдавал себя за негра.

Марейкис-Чен – тоже палач, в своем чекистском прошлом не уступающим палачу Гиацинтову, но он показан истерзанным, плачущим и вызывает сочувствие, в отличие от самодовольного Гиацинтова.

Японцы отнюдь не так всесторонне и безоговорочно поддерживали белых в Приморье, как это показано в «Исаеве». Русский посланник в Токио Дмитрий Абрикосов вспоминал, как летом 1921 года японский посланник при белых правительствах в Харбине граф Мацудайра Цунео сообщил ему, что «Белое дело в Сибири безнадежно проиграно и японское правительство решило отозвать свои войска. Что же касается правительства Меркулова, то здесь его никто не воспринимал всерьез»². Японцы поддерживали это правительство только для того, чтобы иметь рычаг давления на Москву в ходе переговоров об урегулировании на Дальнем Востоке. Армию Приамурского правительства они снабжали полулегально и очень дозировано. Вернее, японцы смотрели сквозь пальцы на то, что брат премьера Николай Меркулов за наличные покупал у японских офицеров конфискованное русское оружие, и доставлял его во Владивосток. Вскоре после взятия Хабаровска войсками Молчанова этот канал снабжения японцы перекрыли, и наступили провальные для белых Волочаевские дни, показанные в фильме.

Всеволод Никанорович Иванов, послуживший одним из прототипов Николая Ивановича Ванюшина (он, как и герой Семенова, был одним из руководителей Русского бюро печати Колчака в Омске, после прихода к власти

Меркуловых издавал во Владивостоке «Вечернюю газету», а потом стал советским агентом в Китае) вспоминал, как осуществлялось снабжение белых: «В темные ночи к складам подавались скрыто китайские шаланды, в которых сидела команда из отборных людей во главе с Н.Д. Меркуловым, платила деньги, кому следует, в соответственной валюте, склады раскрывались, и рабочая команда во главе с членом Приамурского правительства Н.Д. Меркуловым таскала бешено ящики с патронами в шаланды... Так эта тоненькая пушповина снабжения боеприпасами была оборвана в те поры, когда шли бои под оледеневшей Волочаевкой... Волжская армия на Тихом океане оказалась оставлена рукой японского офицера, отказавшегося принять какое-то количество золотых иен...». Ну, тут конечно, сыграла роль не неподкупность японского офицера, а позиция японского правительства, решившего, что, взяв Хабаровск, армия Приамурского правительства зашла слишком далеко.

Возвращение Исаева во Владивосток после поимки и убийства Гиацинтова выглядит в фильме уж очень неправдоподобным. После гибели полковника его подчиненные, зная о подозрениях против Исаева, вернее всего, прикончили бы журналиста «при попытке к бегству». И уж если Гиацинтов был уверен, что Исаев – советский шпион, то не стал бы затевать канитель с охотой, а просто прикончил бы его, свалив убийство на уголовников.

Эпизод вербовки Исаевым адъютанта Спиридона Меркулова поручика Фривейского в точности повторяет эпизод вербовки реального прототипа Штирлица – гестаповца Вилли Лемана, который тоже очень любил играть на бегах. А когда основательно проигрался и залез в долги, то предложил свои услуги советской разведке.

Был ли заговор Тухачевского?

Фильм «Тухачевский: Заговор маршала», показанный на первом телеканале, назван документальной драмой. Для интриги в кино всегда лучше, если имеешь дело с заговором, а не с его отсутствием, поэтому авторы фильма исходят из постулата, что заговор Тухачевского действительно был. Но ни в следственном, ни в судебном деле Тухачевского и его товарищей нет никаких доказательств существования заговора в Красной Армии, кроме показаний самих обвиняемых. Нет в них никаких ссылок и на так называемую «красную папку» – будто бы сработанную германскими спецслужбами фальшивку о нелегальных связях Тухачевского и других советских военачальников с немецкими военными. В фильме инициатива изготовления этой папки вообще приписывается британской разведке. На самом деле «красная папка», скорее всего, была выдумана одним из руководителей германской разведки Вальтером Шелленбергом, упомянувшего ее в посмертно изданных мемуарах. В фильме же Сталин отвергает подsunутую ему фальшивку как вражескую провокацию, и предпочитает изобличать заговорщиков с помощью собственной агентуры.

Любовная линия в фильме выстроена довольно оригинально. Вторая жена Тухачевского Нина Гриневиц блистательно отсутствует. Свободное время главный герой проводит с художницей Юлией Кузьминой, а заодно еще соперничает со Сталиным за любовь пламенной грузинки певицы Веры Давыдовой. С Кузьминой Тухачевский действительно был близок, и ее арест по обвинению в шпионаже в пользу Польши послужил предлогом для удаления Тухачевского из Москвы незадолго до его падения. А вот насчет любви Сталина и Веры Давыдовой мы знаем только из романа Леонарда Гендлина «За Кремлевской стеной», не имеющего ничего общего с действительностью.

Сам заговор в фильме представлен в полном соответствии со сталинской версией «военно-фашистского заговора», но совсем не так, как должен был бы организовываться настоящий военный заговор. Весь фильм Тухачевский с товарищами на дружеских посиделках за рюмкой коньяка или водки говорят о заговоре, стремясь почему-то максимально расширить круг его участников. Они вербуют главного кавалериста страны Семена Буденного, хотя он и принадлежал к ненавидимой Тухачевским «конармейской группировке» и самого Михаила Николаевича на дух не переносил. Одна из самых анекдотических сцен фильма – это когда во время любовного свидания Тухачевского с Юлией Кузьминой в дверь ее квартиры настойчиво барабанит порученец с совершенно секретным пакетом от маршала Буденного. Завернутый в простыню Тухачевский пакет принимает и находит в нем записку в одно слово: «Согласен». Выходит, Семен Михайлович был настолько глуп, чтобы оставить письменное свидетельство своего участия в заговоре.

В числе завербованных участников заговора в фильме также оказываются командующий Приволжским военным округом Павел Дыбенко и «всесоюзный староста» Михаил Калинин. Для шантажа милейшего Михаила Ивановича Тухачевский использует его страсть к юным балеринам Большого театра, хотя об этой калининской слабости знало не только все Политбюро, но едва ли не вся Москва. Дыбенко же, с плохо приклеенной бородой, введен в фильм лишь для того, чтобы был повод появиться на экране его бывшей жене Александре Коллонтай.

Еще в фильме осенью 1936 года на маневрах Тухачевский встречается с начальником немецкого Генштаба генералом Людвигом Беком, в дальнейшем возглавившем заговор против Гитлера, и, натурально, сообщает ему о заговоре против Сталина. Здесь создатели фильма действуют в полном соответствии с логикой сталинской пропаганды – не могут советские военные пойти на переворот без благословения германских военных, своих настоящих хозяев. В реальности же Тухачевский в 1936 году на советских маневрах не мог встречать ни Бека, ни кого-либо еще из германских офицеров. Ведь военные связи с Германией были прекращены еще в 1933 году.

Еще одна находка сценаристов – это компрометирующая Сталина папка документов о его сотрудничестве с царской охранкой, попавшая в руки Тухачевского. С помощью этого компромата он надеется поднять армию на антисталинский переворот. Интересно, каким образом заговорщики собирались

еще до переворота обнародовать информацию о провокаторстве Сталина? Письмо в «Правду» послать или по Всесоюзному радио его зачитать? Зато всех причастных к этой папке Тухачевский заботливо ликвидирует руками своих адъютантов – чтобы не оставлять свидетелей и продемонстрировать зрителям свою бесчеловечность. А еще арестованный Тухачевский выторговывает за обещание, что его люди не будут использовать папку с антисталинским копмпроматом, гарантии, что его дочь Светлану и Юлию Кузьмину оставят в живых. Попросить за жену герою даже в голову не приходит.

Если бы Тухачевский и его соратники на самом деле готовили заговор, то им не надо было увеличивать число заговорщиков до бесконечности, что лишь увеличивало риск провала. Достаточно командующего Московского округа, да еще командира и офицеров одной воинской части, которая и должна осуществлять сам переворот. Ничего этого в фильме нет. Тухачевский своей самоуверенностью, самовлюбленностью и наглостью только раздражает. Он даже с самим Сталиным позволяет разговаривать совершенно по-хамски, презрительно бросая генсеку: «Вы не военный». Зритель должен поразиться долготерпению Иосифа Виссарионовича, который никак не одернет зарвавшегося наглеца. Сталин выглядит добрым и мудрым дедушкой, который почему-то верит Тухачевскому, и убеждается в его предательстве только после получения агентурных данных от Ежова и доносов от Калинина и Буденного.

Главный замысел фильма – показать, что Тухачевский и его соратники ничуть не лучше, чем Сталин, а во многих отношениях хуже, и что сталинский террор был хотя бы частично оправдан тем, что был направлен против реальных заговоров.

В действительности был не заговор Тухачевского против Сталина, а заговор Сталина против Тухачевского. В Красной Армии в течение многих лет шло соперничество между группировкой Тухачевского и «конармейской группировкой» во главе с Ворошиловым и Буденным. Тухачевский и его товарищи не скрывали своего намерения сместить Ворошилова с поста наркома обороны. В дальнейшем это намерение тоже посчитали частью заговора. Сталину ближе были «конармейцы», с которыми он вместе воевал еще в гражданскую. Генсек готовился к большой и, как он надеялся, победоносной войне в Европе. А после громких побед могли возникнуть новые бонапарты. Поэтому Сталин и предпочел избавиться от более блестящего и нетривиально мыслящего Тухачевского, оставив во главе армии лично преданного ему, хотя и не хватающего звезд с неба Ворошилова.

Польша – «главный провокатор» Второй мировой войны

После просмотров фильмов российских телеканалов, приуроченные к юбилею пакта Молотов–Риббентроп, создается ощущение, что переносишься более чем на полвека назад – в 1948 г. Тогда в ответ на публикацию Госдепар-

таментом США секретных протоколов к советско-германским договорам 1939 г. советский МИД разразился справкой «Фальсификаторы истории», где не только отрицал подлинность секретных протоколов, но и утверждал, что в сложившейся международной обстановке пакт о ненападении с Германией был для Советского Союза единственным выходом. Он будто бы на два года отдалил нападение Гитлера на СССР. К заключению пакта, дескать, Советский Союз вынудил Мюнхенский сговор, а также близорукая политика польского правительства, отказавшегося впустить Красную Армию на свою территорию. Теперь существование секретных протоколов доказано, но, в отличие от времен перестройки, их предпочитают не осуждать, а оправдывать.

Фильм РТР называется «Тайны секретных протоколов». Он вызвал резкую реакцию среди польских политиков и общественности. Ведь главная тайна, которую открывают авторы фильма, заключается, оказывается, в том, что Польша была фактической союзницей гитлеровской Германии, которая предлагала полякам советскую Украину в качестве компенсации за Данциг.

Главной же причиной Второй мировой войны называется Версальский мирный договор. Диктор с явным сочувствием говорит: «Фронтовик Гитлер пришел в 1933 г. к власти под лозунгом борьбы против Версальского договора». И тут же утверждается, что наиболее болезненным для немцев был тот пункт Версальского договора, согласно которому Польше передавалась часть побережья Балтики, что лишало Восточную Пруссию сухопутной связи с остальной территории Германии, и от Рейха отторгались Мемель и Данциг. Получается, что требования Гитлера о возвращении Данцига и «польского коридора», так же как следовавшее ранее, в марте 1939 г., отторжение Клайпеды (Мемеля) от Литвы, были вполне обоснованными и отвечали немецким национальным чаяниям. На самом же деле миллионы немцев ненавидели Версальский договор, но главным для них были не территориальные потери, а тяготы, связанные с выплатами репараций.

Чтобы доказать, что секретные протоколы для 30-х годов – вещь обычная, в фильме РТР утверждается, будто заключенный в 1934 г. германо-польский пакт о ненападении имел секретный дополнительный протокол, предусматривающий раздел Украины. При этом слухи о германо-польском секретном протоколе приводятся в качестве подтверждения его существования. Текст цитируется по французским газетам. Правда, тут следует замечательная оговорка – то ли секретный протокол действительно существовал, то ли публикации во французской прессе была ловкой игрой советской разведки. При этом авторы фильма забывают сообщить зрителям, что никаких следов секретного германо-польского секретного протокола так и не было обнаружено, поскольку его не существовало вовсе.

В фильме РТР также утверждается, вопреки исторической истине, будто в марте 1939 г. остатки Чехословакии были поглощены Германией при полном молчании Запада. Но ведь как раз после оккупации и расчленения Чехословакии западные державы дали гарантии безопасности Польши, что и превратило германо-польский конфликт во Вторую мировую войну. В фильме

упорно проводится мысль о том, что в конце 30-х годов каждая из стран была заинтересована в удовлетворении своих интересов, и Сталин не был исключением. Но ведь тогда получается, что исключением не был и Гитлер.

Упоминается в «Тайнах секретных протоколов» и советско-польская война. Дескать, после разгрома под Варшавой Советский Союз очень боялся польской армии, которую считали сопоставимой по силе с Красной Армией. Поэтому Сталин очень опасался германо-польского союза и заключил пакт о ненападении с Гитлером прежде всего для того, чтобы такой союз предотвратить. Однако тут же следует утверждение, что Сталин тоже готов был идти на союз с Польшей. Но генеральный инспектор польской армии и фактический руководитель страны маршал Эдвард Рыдз-Смиглы заявил, что ни один советский солдат не будет допущен в Польшу. Никто в Польше Сталину не верил. Польские историки говорят в фильме, что это недоверие имело веские основания. Опыт показал, что если советский солдат приходил в какую-то страну, добровольно он оттуда уже не уходил. Так, кстати сказать, получилось и с послевоенной Польшей. Но авторы фильма, не утруждая себя доказательствами, просто заявляют, что польские коллеги не правы, поскольку в 1939 г. якобы ни у Сталина, ни у Молотова не было даже мысли о гегемонии в Польше и Восточной Европе в целом. Каким образом они проникли в тайны мыслительного процесса советских вождей, остается только гадать.

Ввод советских войск на польскую территорию 17 сентября 1939 г., как утверждается в фильме, отнюдь не был реализацией секретного протокола к советско-германскому пакту о ненападении. Оказывается, все дело даже не в том, что польское правительство к тому времени покинуло Варшаву, а в том, что немцы заняли Львов. Сталин опасался реанимации планов создания Украинского государства под германским протекторатом, и чтобы предотвратить это, ввел войска в восточные земли Польши.

Фильм НТВ назван с претензией на остроумие – «Коктейль Молотова». Таким «коктейлем» была мировая политика конца 30-х годов. Гитлер в традициях пропаганды военных лет именуется Шикльгрубером, хотя фюрер никогда в жизни не носил этой фамилии. А чего стоит утверждение, будто во время «Зимней войны» в Финляндии были 60-градусные морозы! (Якутия отдыхает). Или мысль о том, что Финляндия непременно должна была вступить во Вторую мировую войну, поскольку ее граница проходила в 30 км от Ленинграда! Если в «Тайнах секретных протоколов» главным виновником Второй мировой войны наряду с Германией называлась Польша, то в фильме НТВ эту сомнительную честь с Гитлером предложено разделить... американскому президенту Франклину Рузвельту. Доказательства? Пожалуйста! Польша не была вполне независимой страной. Поэтому решение отказать в доступе советским войскам в Польшу приняло не самостоятельно, а по указке Англии и Франции. Но и английское и французское правительства тоже не были вполне самостоятельны в своих решениях, поскольку политику им диктовал заокеанский президент. В отличие от фильма РТР, боеспособность польской армии в 1939 г. авторы «Коктейля Молотова» расценивают невысоко.

Да, в 1920 г. Польша оказалась достаточно сильной, чтобы победить Красную Армию. Зато к 1939 г. Польское государство существенно ослабело, и Гитлер легко справился с ним всего-то за два месяца. Не знаю, с чего это вдруг авторам фильма пришла в голову фантазия продлить польское сопротивление в 1939 г. еще на целый месяц. В действительности немцам удалось блицкриг не потому, что Польша ослабела. Нет, в 1939 г. польская армия была безусловно сильнее, чем в 1920 г. Но зато германская армия к 1939 г. усилилась неимоверно и поэтому смогла быстро сломить упорное сопротивление поляков. Главная же идея «Молотовского коктейля» заключается в том, что в 1939–1941 гг. Красная Армия была очень слабо подготовлена к войне, что будто бы проявилось не только в ходе финской войны, но даже и во время успешных боев на Халхин-Голе. Поэтому, как утверждают авторы фильма, политика Советского Союза никак не могла быть агрессивной, и Сталин стремился всячески оттянуть вступление Советского Союза во Вторую мировую войну. Немногие дожившие до наших дней ветераны Халхин-Гола и «Зимней войны» рисуют неприглядную картину состояния советских вооруженных сил. И летчики не умели толком воевать, а танкисты – водить и ремонтировать танки, и снабжение было поставлено из рук вон плохо, и командиры плохо командовали. Одновременно делается прозрачный намек, что развалили Красную Армию не Сталин с Ворошиловым, а Тухачевский и его соратники, за что Сталин их и казнил. При этом как-то забывается, что, например, японская сухопутная армия была значительно слабее Красной Армии. Она почти не имела танков, да и японские самолеты уступали по качеству советским. К тому же в японской авиации существовала острая нехватка пилотов. Что же касается финской армии, то она была одной из лучших армий Европы по своим боевым качествам. К тому же Красной Армии в конце концов удалось прорвать линию Маннергейма, что Сталин счел большим успехом. Да и танков и самолетов у советских войск было в несколько раз больше, чем у вермахта.

В «Коктейле Молотова» советско-германские секретные протоколы упоминаются, но лишь мимоходом и без какого-либо осуждения. Подчеркивается, что Сталин тем самым вернул только те территории, которые ранее входили в состав Российской империи. Правда, Восточная Галиция со Львовом России никогда не принадлежала, равно как и Северная Буковина.

Великая Отечественная: идеологическая борьба на экране

Фильм режиссера Сергея Крауса, «Кто «прошляпил» начало войны», показанный на НТВ в преддверие очередной годовщины начала Великой Отечественной войны, утверждает – Сталин не виноват, виноваты его нерадивые генералы и маршалы.

В фильме опровергается распространенная легенда о том, будто в 1937–1938 гг. было расстреляно 40 тыс. командиров и политработников Красной Армии. И приводятся близкие к реальности цифры – около 10 тыс. арестованных по политическим мотивам, из них 1687 – расстреляно в период 1937–1940 гг. Расстрелянных, конечно, жалко, убеждают нас в фильме историки, но особенно большого ущерба Красной Армии это не нанесло. Тут можно оговориться, что расстреляно офицеров было значительно больше. Ведь подавляющее большинство из более чем 20 тыс. уволенных и не восстановленных в армии по политическим или национальным мотивам командиров и комиссаров было впоследствии арестовано. Это касалось в основном офицеров низшего и среднего звена – от роты до батальона, что тоже серьезно ослабило Красную Армию³. Многих из числа уволенных из армии командиров и комиссаров позднее расстреляли, но в статистике они проходили уже как гражданские лица. Что же касается высшего комсостава, то его судьба была гораздо печальнее. Как подсчитал историк Олег Сувениров, бригадном звене (комбриги и приравненные к ним) РККА из 877 человек были расстреляны или погибли в тюрьмах 478 человек; в дивизионном (комдивы) звене из 352 человек – 293; в корпусном (комкоры) – 115 человек, в высшем (маршалы и командармы) – 46; во всех же звеньях были расстреляны 729 человек, умерли под стражей – 63, покончили жизнь самоубийством – 10 человек, так что всего погибло 802 высших военачальника. Из тюрем вышли живыми лишь 130 человек⁴. А еще раньше она избавилась от царских офицеров. В 1924–1936 гг. их было уволено из рядов РККА аж 47 тысяч⁵. Многие из бывших царских офицеров впоследствии были арестованы и расстреляны. В германской армии к началу Второй мировой войны все командиры дивизий и полков имели опыт службы на офицерских должностях в годы Первой мировой войны. В РККА же к тому времени бывших царских офицеров можно было пересчитать буквально по пальцам.

В фильме главным виновником катастрофического для Красной Армии начала войны назван Михаил Тухачевский. Ему инкриминируют разработку многобашенных танков, оказавшихся совершенно непригодными для боевых действий из-за своей неуправляемости, и принятие на вооружение безоткатного орудия, дававшего осечку на каждом 20-м выстреле. При этом как-то забывают, что сейчас безоткатными орудиями вооружены все крупнейшие армии мира.

Главную причину неудачного для СССР начала войны видят в извечном российском разгильдяйстве. Бестолковые генералы и маршалы не выполняли мудрые указания товарища Сталина по повышению боеготовности и боеспособности войск. Поэтому и аэродромы казались незамаскированными, и танки не готовы к бою, и доты без боеприпасов остались... Словом, в Красной Армии разгильдяй на разгильдяе едет и разгильдяем погоняет. Но к отбору виновных для публичного бичевания авторы фильма подходят довольно избирательно. Кроме Тухачевского, это расстрелянные за неудачное начало войны бывший командующий Западным особым военным округом Дмитрий

Павлов и подчиненные ему генералы, погибший в бою бывший командующий Киевским особым военным округом генерал Михаил Кирпонос и его начальник штаба Максим Пуркаев. Последний уцелел, но будто бы впал в опалу – в 43-м его послали командовать Дальневосточным фронтом, но зато в 44-м произвели в генералы армии. Хороша опала! Не совсем лестно поминается Ворошилов, зато ни слова критики нет в адрес начальника Генштаба Жукова, наркома обороны Тимошенко, заместителя наркома Шапошникова, высокопоставленных генералов Генштаба Ватутина и Василевского. Сталин в фильме – эффективный менеджер, да вот только исполнители его гениальных замыслов – сплошь лихие супостаты. С такой армией не то что нападать, и обороняться-то толком нельзя. Поэтому все разговоры о том, что Сталин планировал нападение на Гитлера – от лукавого. Авторы фильма предпочли не обратить внимание на резолюцию заместителя начальника Генштаба Ватутина на мартовском 41-го года плане стратегического развертывания Красной Армии на Западе: «Наступление начать 12.6.». Любой непредвзятый историк скажет, что без санкции Сталина такую резолюцию генерал никогда бы не рискнул поставить. Другое дело, что к 12 июня подготовиться не успели, и наступление перенесли на июль. А вот в стилистике фильма про «прошляпавших» вполне можно было бы порассуждать о дураках генералах, готовивших без ведома Сталина чудовищную авантюру – нападение на Германию, да прозорливый генсек их вовремя остановил.

Сталин все предвидел. Вот только разведка его путала, все время давала противоречивые сведения о германских намерениях. В фильме прямо утверждается, что Рихард Зорге никакой ценной информации насчет даты начала войны не сообщил.

Инцидент с немецким «Юнкерсом-52», пролетевшим от Белостока до Москвы и приземлившимся на Тушинском аэродроме 14 мая 1941 года, трактуется, с одной стороны, как еще одно свидетельство разгильдяйства, за которое были заслуженно наказаны руководители авиации и ПВО. Разгильдяйство разгильдяйством, но надо ли было за него расстреливать целую группу генералов, обвинив их в очередном заговоре? В фильме утверждается, будто на этом «Юнкерсе» специальный посланник Гитлера привез письмо Сталину, в котором фюрер просил не беспокоиться насчет концентрации немецких войск у советских границ. Никаких документов, подтверждающих эту экстравагантную версию, естественно, не приводится. И неужели Гитлер не мог согласовать прибытие своего дипломата по официальным каналам, а понадеялся – авось русские самолет не собьют?

В фильме утверждается, будто путанные донесения разведки не позволяли Сталину разгадать намерения Гитлера, но прямо говорится, что будущий Верховный Главнокомандующий прекрасно знал планы Гитлера, да вот беда – никак не мог установить точную дату, когда Гитлер нападет. И постоянно зондировал потенциального противника. Таким зондажем стало и печально знаменитое заявление ТАСС от 14 июня, где утверждалось, что Германия столь же неукоснительно соблюдает договор о ненападении, как и Советский

Союз, и слухи о концентрации немецких войск на советской границе лишены каких-либо оснований. Когда Гитлер никак не ответил на это заявление, Сталин будто бы понял, что германское нападение последует в ближайшие дни. Казалось бы, тут и надо немедленно начать перебрасывать войска к границе, приводить их в боевую готовность и осуществлять скрытую мобилизацию. Но Сталин знает, что к войне мы не готовы, значит, и войска в готовность приводить нельзя, чтобы не спровоцировать Гитлера. И 18 июня Молотов просит фюрера его принять, но получает отказ. Вот тогда Сталин будто бы уверовал, что Гитлер сейчас нападет. И отдал директиву о приведении войск в боевую готовность. Но военные в очередной раз прошляпили, директиву не выполнили, и пришлось ее повторять в ночь на 22 июня, когда было уже поздно. Одна беда: ту, первую директиву от 18 июня до сих пор не могут найти в архивах. Ну да, убеждают нас в фильме историки-патриоты, директиву вместе с другими обеляющими Сталина документами запросто могли сжечь в хрущевское время, когда в архивах круглосуточно печки топились. Создателям фильма не приходит в голову одна простая мысль: если бы директива от 18 июня действительно существовала, то в директиве от 21 июня, неоднократно публиковавшейся, должна была бы быть на нее прямая ссылка. А такой ссылки нет.

В фильме звучит тезис о том, что на Сталине лежит ответственность без вины. Что ответственность за поражения первых лет войны он сполна признал в знаменитом тосте за здоровье долготерпеливого русского народа, который действительно готов был простить своему правительству очень многое. По мнению авторов фильма, ответственность на Сталине лежит за то, что он не учел вековечное русское разгильдяйство, так ярко проявившееся в его военачальниках, да и в гражданской бюрократии тоже. А террор и репрессии – это, так, мелочи, за них с Иосифа Виссарионовича и спрашивать смешно.

На самом же деле слабость Красной Армии проистекала из особенностей советской тоталитарной системы, в значительной мере созданной Сталиным, за которую он несет полную ответственность. Тут и репрессии, и жестокая коллективизация, и презрение к человеческой жизни, и привычка действовать по шаблону и команде. Сталину не нужна была профессиональная армия, в которой он видел угрозу собственной неограниченной власти, а массовое, но плохо обученное войско, фактически – народное ополчение, которое могло побеждать только большой кровью.

Еще в фильме утверждается, что с началом войны разгильдяйство кончилось, как по мановению волшебной палочки. Народ и военачальники собрались, подтянулись, и очень скоро научились бить врага. Только вот в первые недели войны было много дезертиров, главным образом уроженцев Прибалтики и Западной Украины. Тут можно возразить, что русских у Гитлера служило ничуть не меньше, чем прибалтов и украинцев. И воевать вплоть до конца войны продолжали очень большой кровью. Достаточно сказать, что максимальные за всю войну потери убитыми и ранеными Красная Армия понесла в июле августе 43-го и в июле августе 44-го года, а отнюдь не в начале войны.

Лучше всего к войне были готовы и лучше всего сражались в первые ее недели... пограничные войска. А командовал пограничниками известно кто – Берия. Вот поэтому-то их подвиг и замалчивали при Хрущеве и позднее. Пограничники имели одно преимущество перед красноармейскими частями – в их рядах была выше доля сверхсрочников. Однако никакого заметного влияния на ход первых сражений сопротивление пограничников не оказало. Были, конечно, отдельные героические подвиги пограничников, равно как и красноармейцев, но не они определяли суть первых недель войны.

Перед нами вариант старой сказки про доброго царя и лихих бояр. Один только и был добрый боярин, Лаврентий Берия, да и того потом враги извели.

В фильм Алексея Пивоварова «22 июня. Роковые решения» запоминается лозунг «Прав, кто наглый и вооруженный», выдвинутый историком Михаилом Мельтюховым. А слова Мельтюхова про беспросветную нищету, в которой будто бы жили перед приходом Красной Армии в Литве, Латвии и Эстонии, вызвали оторопь даже у его оппонента по диалогу Марка Солонина. Ведь тогда балтийские народы жили по крайней мере не хуже, чем население Финляндии, а уж с советским действительно нищим населением и сравнивать не приходится. Пивоваров последующими кадрами не оставляет сомнений в том, что Прибалтика была включена в состав СССР совсем не добровольно, но слова «оккупация» тщательно избегает. Точно так же Германия без единого выстрела оккупировала Австрию, Чехию, Данию и Люксембург, и эти действия в приговоре Нюрнбергского трибунала вполне закономерно определяются как оккупация. Точно так же Пивоваров дает понять, что с Финляндией у Красной Армии получилось не очень здорово, что финский народ сумел защитить себя, но слово «агрессия» не произносит.

Название другого пивоваровского фильма – «Брест. Крепостные солдаты» подчеркивает подневольный характер героической обороны 41-го года. Пивоваров вспоминает и о не менее героической обороне крепости поляками против немцев в сентябре 39-го, не скрывая, что командовавший этой первой обороной капитан Вацлав Радзишевский и другие офицеры крепости, вынужденные сдать советским войскам, кончили свои дни в Катьни.

В советском фильме о Брестской крепости «Бессмертный гарнизон» руководители обороны – майор Петр Гаврилов и полковой комиссар Ефим Фомин тесно взаимодействуют друг с другом. В действительности, как показал Пивоваров, за время обороны они не виделись ни разу, поскольку Гаврилов возглавлял оборону Восточного форта, а Фомин был заместителем начальника обороны цитадели (командовал здесь капитан Иван Зубачев). Кстати, в фильме почему-то не упоминается, что Фомин – еврей, хотя это и могло послужить причиной скорой и бессудной расправой над ним после того, как после пленения переодетый в солдатскую гимнастерку комиссар был выдан кем-то из бойцов. Хотя, как справедливо отмечает Пивоваров, причиной его гибели могло послужить убийство немецких пленных, осуществленное по его приказу. Замечу, что это был единственный выход, поскольку содержать пленных все равно было негде.

Оборона крепости в течение достаточно длительного времени стала возможной благодаря ошибке командования немецкой 45-й пехотной дивизии. Понадеявшись, что мощная артподготовка сделала свое дело, и русские частью убиты, а частью бежали, генерал Фриц Шлипер бросил для занятия крепости только один батальон. Но в крепости, которую успела покинуть лишь половина гарнизона (эти люди по большей части попали в плен), в тот момент оставалось еще более четырех тысяч солдат и командиров, пусть и застигнутых врасплох, но располагавших несколькими орудиями и пулеметами и находившихся в казематах, для разрушения которых требовалась тяжелая артиллерия. И в первый же день немцы в Брестской крепости только убитыми потеряли 300 человек. В тот день нигде больше на Восточном фронте таких потерь у вермахта не было. Всего до конца июня 45-я дивизия потеряла 482 убитых, что составило 5 % всех безвозвратных потерь немцев на Востоке, и взяла 7223 пленных. Потери защитников крепости убитыми оцениваются до 3 тыс. человек⁶.

Защитники крепости тоже допустили ошибку. У их командиров была идея фикс, что надо пытаться прорваться из крепости на соединение с главными силами, хотя уже на второй день стало ясно, что фронт откатился далеко на восток. В результате попыток прорыва осажденные понесли большие потери убитыми и пленными, почти не нанеся потерь немцам, которые держали под плотным огнем все выходы из крепости. Если бы был принят строго оборонительный образ действий, на чем безуспешно настаивал капитан Зубачев, то, возможно, защитникам удалось бы продлить организованное сопротивление еще на неделю-другую. Но и так немцам понадобилось девять дней, чтобы подавить основные очаги сопротивления. А отдельные группы защитников, прятавшиеся в недрах казематов, продолжали обстреливать немцев до начала августа. Майор Гаврилов, например, был взят в плен только 23 июля.

Военный консультант фильма, известный историк Владимир Бешанов в своей книге о Брестской крепости приводит высказывания уцелевших защитников насчет того, что оборонять крепость остались те, кому было далеко бежать до дома, тогда как уроженцы Западной Белоруссии предпочли сдаться в первые же дни боев. Некоторые из них даже стреляли в спину командирам и комиссарам, что породило впоследствии легенды о будто бы пробравшихся в крепость вражеских диверсантах. А в фильме Пивоваров честно признает, что жителям Западной Белоруссии, 10 % которых были репрессированы после так называемого «Освободительного похода Красной Армии», а оставшиеся столкнулись со всеми прелестями советской жизни, не за что было любить Советскую власть. Поэтому Красной Армии пришлось действовать в явно недружественном окружении, и автор фильма, что для нашей кинодокументалистики о войне редкость, белорусское и польское население ничуть не осуждает. А «освободительный поход» в фильме прямо называется очередным разделом Польши, на этот раз между СССР и Германией.

К обороне крепости никто не готовился, как вообще не готовилась толком к обороне Красная Армия, и Брестскую крепость оборонять вообще не соби-

рались. Она использовалась лишь как военный городок для расквартирования войск. Между прочим, перед войной там оказались и конвойные части НКВД, что Виктор Суворов рассматривает как признак подготовки нападения на Германию. В фильме упоминается возможность того, что Сталин собирался напасть на Гитлера, причем отмечается, что вопрос об этом остается открытым. Действительно, красноармейцы и командиры во многом случайно оказались среди защитников. Это были те люди, кто не успел покинуть крепость, как это предписывал приказ командования, в первые часы войны, те, кому было далеко бежать до родного дома. И до войны они находились под бдительным оком особистов и комиссаров. Тот же майор Гаврилов лишь благодаря начавшейся войне избежал разбирательства на парткоме по поводу... антинемецких настроений. Но все эти обстоятельства не отменяют величия подвига.

Советские солдаты, продолжавшие сопротивление в безнадежных условиях (как отмечается в фильме, вырваться из крепости и добраться до своих смогли только трое), совершили первый настоящий подвиг Великой Отечественной войны. Они продемонстрировали силу духа, которая, наверное, не зависит от формы правления, существующей в государстве.

Наряду с немецкой кинохроникой, в фильме широко используются виртуальная диорама музея «Брестская крепость», с помощью компьютерной графики воспроизводящие различные эпизоды обороны, так что создается эффект присутствия. От имени участников обороны, оставивших письменные свидетельства, в фильме говорят известные актеры Екатерина Гусева (в крепости было немало женщин – медсестер, жен состава) и Алексей Серебряков, а за немцев – немецкий актер Маркус Кунце. Тут, правда, случилась одна накладка. Немецкий актер – человек молодой, а представлять ему приходится людей если не пожилых, то среднего возраста. Поэтому он не слишком убедительно смотрится в образе 53-летнего Гудериана. Скорее бы ему подошел бы мундир капитана, а не генерал-полковника. Советский генерал-танкист Семен Кривошеин, товарищ Гудериана по совместному параду в Бресте, вспоминал, что «быстрый Гейнц» выглядел моложаво – но не до такой же степени. Очень удачно в фильме воспроизведена, по мемуарам Кривошеина, их дружеская беседа в Бресте с Гудерианом за чашкой чая (только ли чая?). Сидят, с одной стороны, еврей и коммунист, а с другой стороны – один из самых пронацистски настроенных генералов вермахта, и мирно беседуют. Разговор явно строился по принципу: «Будете у нас в Москве, заходите. – Нет, уж, лучше Вы к нам, в Берлин». Гудериан очень высоко оценил мужество героев Брестской крепости: «Эти люди заслуживают величайшего восхищения».

В фильме есть еще один актер – журналист Константин Смирнов, который играет своего отца, писателя Сергея Смирнова. Именно Сергей Смирнов сделал все, чтобы во второй половине 50-х годов о подвиге Брестской крепости узнала страна и мир. Фильм Пивоварова заставляет почтить память не только защитников Брестской крепости, но и Сергея Сергеевича Смирнова, сделавшего их подвиг одним из главных символов Великой Отечественной.

Российско-белорусский фильм «Брестская крепость» режиссера Александра Котта нередко называют лучшим фильмом о войне за два постсоветских десятилетия, несущим некую новую правду о величайшей трагедии XX века. Но если сравнить «Брестскую крепость» с советским фильмом «Бессмертный гарнизон», то сравнение будет в пользу последнего. Да, «Бессмертный гарнизон» сейчас смотрится немного наивным, устаревшим с точки зрения техники съемки и идеологических штампов. Однако все эти недостатки перевешиваются несомненными достоинствами. Война там была показано как нечто действительно страшное, и зритель искренне сопереживал страданиям героев. Гибель солдат, женщин и детей показывалась как-то буднично и оттого воспринималась всерьез, вызвала слезы. Немцы там выведены без особых симпатий, но отнюдь не карикатурно. И они воздавали должное мужеству защитников крепости.

Александр Котт «Бессмертный гарнизон» смотрел очень внимательно. И даже заимствовал оттуда несколько мизансцен (например, эпизоды воздушного боя и ухода женщин в плен). В советском фильме все образы были собирательными. В новой картине почти все герои действуют под своими настоящими именами, что должно подчеркивать ее документальность. Но в итоге документальная основа оказывается на втором плане. Режиссер знает, что война, увиденная глазами ребенка, должна вызвать слезу у зрителей. Вот и показана оборона глазами воспитанника-подростка Саши Акимова, прототипом которого послужил Петр Клыпа. А вот типичный мелодраматический ход: молодая пара, лейтенант и его жена, вступают в неравный бой с немцами, а потом картинно кончают с собой, чтобы не попасть живым в руки врагу и не пережить гибель собственных детей. Сами же боевые действия показаны в фильме довольно невнятно. Обмундирование и вооружение советских и немецких солдат подобраны достаточно тщательно. Но как именно разворачивается сражение, где идут бои, кто куда наступает, понять нельзя. Когда по толпе солдат, выбегающих из ворот крепости, почти в упор стреляют два немца-пулеметчика, возникает вопрос: неужели не нашелся бы красноармеец, который уничтожил бы их гранатой или из винтовки. В реальности обстрел велся из орудий и минометов, до которых гранату не докинешь. Немцы показаны в виде тупых и безжалостных киборгов, с удовольствием расстреливающих женщин и детей (на самом деле никто жен и детей защитников крепости не расстреливал и даже в плен не брал, так что большинство из них пережили войну).

Так получилось, что звания Героя Советского Союза из четырех главных руководителей обороны Брестской крепости были удостоены только двое – майор Петр Гаврилов и старший лейтенант-пограничник Андрей Кижеватов. А вот руководители наиболее сильного очага сопротивления в центральной цитадели и авторы легендарного приказа № 1 об организации обороны крепости, капитан Иван Зубачев и полковой комиссар Ефим Фомин, этой чести не удостоились. В случае с Зубачевым, возможно, сыграл свою роль тот факт, что он умер в плену от туберкулеза, не дожив до освобождения. В результате

посмертно Ивана Николаевича наградили всего лишь орденом Отечественной войны 1-й степени. В случае же с Фоминым некоторую роль могла сыграть еврейская национальность, хотя в советское время о ней предпочитали вообще не упоминать. Но важнее оказалось то, что замполитом полка в Брестскую крепость накануне войны его перевели с понижением. В марте 1941 года за недостатки в ведении политической работе Фомина сняли с должности замполита 23-й стрелковой дивизии. Этот приказ был отменен только в мае 1991 года. Поэтому, когда в 1957 году решали вопрос о награждении Фомина, то посчитали, что из подвига следует вычесть взыскание, и вместо Золотой Звезды Героя дали только орден Ленина. Думаю, и Фомин, и Зубачев достойны звания Героя.

Первый документальный фильм Алексея Пивоварова о Великой Отечественной войне, «Ржев», в свое время вызвал жаркую полемику и обвинения в «очернительстве». Очевидно, съемочная группа «Ржева» в своем втором фильме, «Москва. Осень. 41-й» учла критику, как эстетическую, так и политическую, взяв в главные консультанты вполне правоверного официозного историка Михаила Мягкова. На этот раз в центре фильма – не боевые действия, а быт прифронтового города. Но отсутствие взгляда на события с немецкой стороны позволяет говорить только ту правду, которая оказывается удобна авторам фильма, приравливающих к условиям современной телецензуры.

Фильм «Вторая ударная. Преданная армия Власова» у Пивоварова удался немного лучше, чем фильм про московскую битву.

Про подвиг и страдания бойцов и командиров в волховских болотах более-менее получилось. А вот Власов показан в полном соответствии с канонами советской пропаганды. Утверждается, будто он фактически не руководил действиями 20-й армии под Москвой. В действительности руководил, и руководил гораздо грамотнее, чем многие другие командармы. Легенду о том, будто Власов большую часть московского контрнаступления провел в гостинице «Москва», поскольку жестоко страдал от воспаления среднего уха, изобрел в 50-е годы прошлого века бывший начальник штаба 20-й армии генерал Леонид Михайлович Сандалов. Цель этой лжи была благородна – дать возможность рассказывать в открытой печати о подвигах бойцов и командиров 20-й армии, не упоминая имени проклятого командарма. Стал бы Сталин терпеть командарма, который в дни решающих боев отсиживается в далеком тылу! А документы, ставшие достоянием историков только в 90-е годы, ясно свидетельствуют, что во все время Московской битвы Власов находился в штабе 20-й армии и успешно руководил ее действиями.

Заявляя, будто Власов в Волховском котле держал для собственных нужд корову, Пивоваров даже не задумывается, сколько прожила бы такая корова в котле, где деликатесом была даже шкура умершей лошади. Власову просто приписали ту корову, которую держал командующий 43-й армии Константин Дмитриевич Голубев, о котором писал в своем дневнике в 1943 году маршал Александр Иванович Еременко: «Он держал для личного довольствия одну,

а иногда и две коровы (для производства свежего молока и масла), три-пять овец (для шашлыков), пару свиней (для колбас и окороков) и несколько кур. Это делалось у всех на виду, и фронт об этом знал... Может ли быть хороший воин из такого генерала? Никогда! Ведь он думает не о Родине, не о подчиненных, а о своем брюхе. Ведь подумать только – он весит 160 кг»⁷.

Голословным является утверждение, будто Власов сознательно сдался в плен, решив служить немцам, а выдавший его староста вообще был советским подпольщиком. В действительности Власов и его ППЖ Мария Воронова были захвачены по доносу старосты деревни Туховежи, которого за это наградили коровой, 10 пачками махорки, двумя бутылками тминной водки и почетной грамотой. Для советского подпольщика довольно странным выглядит выдача немцам советского генерала. Власов до последнего пытался выйти из окружения, и если бы ему это удалось, то он продолжил бы успешную карьеру в Красной Армии. Коллаборационистом Власов стал только потому, что попал в плен. И в этом его принципиальное отличие от идейных коллаборационистов, будь то Гамаль Насер и другие лидеры антибританской оппозиции в Египте, искавшие поддержки у Гитлера и Муссолини, один из лидеров Индийского Национального Конгресса Субхас Бос, сформировавший про-японскую Армию освобождения Индии, или первый президент независимой Индонезии Ахмеда Сукарно, за успешное сотрудничество с японскими оккупантами удостоившийся ордена от императора Японии. Все эти люди боролись за независимость своих стран задолго до начала Второй мировой войны, не собирались делать карьеры на службе у колониальных держав и рассматривали помощь со стороны держав Оси лишь как одно из средств обретения национальной независимости.

Кстати сказать, Власов не был первым советским генералом, выразившим желание сотрудничать с немцами. Так, бывший командующий 19-й армией генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, оказавшись в плену, еще в декабре 1941 года предлагал командующему группой армий «Центр» фельдмаршалу Федору фон Боку сформировать антибольшевистское русское правительство и армию. Но именно Власова, как наиболее известного в СССР из всех плененных генералов, немцы предпочли сделать главой РОА. В фильме проводится мысль о том, что Власов пытался всячески увильнуть от назначения командармом 2-й ударной, понимая, в сколь опасном положении она находится. Однако хороших должностей для командармов весной 42-го практически не было. Если бы Власов не оказался в окружении со 2-й Ударной, то вполне мог бы оказаться в окружении с 33-й армией под Вязьмой (упомянутый в фильме ее командарм Михаил Ефремов застрелился, чтобы не попасть в плен) или с 29-й армией под Ржевом. Ничуть не лучше было командовать какой-либо из двух армий Крымского фронта или трех армий Юго-Западного фронта, наступавших на Харьков. Все они были разгромлены в мае 42-го, а командармов ожидали гибель, плен или суд и понижение в званиях и должностях.

Лучшие моменты фильма – это рассказ о том, как, по приказу Сталина, 2-я ударная, отступая, эвакуировала с собой мирное население, по сути, обрекая ни в чем не повинных женщин и детей на голодную смерть. И фотографии этих несчастных, вынужденных обгладывать кору с деревьев, сделанные немецким военным фотографом. А еще – рассказ поисковика Александра Орлова о том, что при отступлении советские солдаты подрывали санитарные машины с ранеными, чтобы те не попали в плен, и такие подорванные машины поисковикам удалось найти. Да еще воспоминания одного из ветеранов 2-й ударной, как командир приказал им – главное сберечь технику, людей нам еще дадут.

Самый известный фильм Алексея Пивоварова «Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова» посвящен длившемуся больше года сражению за Ржевско-Вяземский плацдарм – одному из самых кровопролитных сражений Второй мировой войны. Упор сделан на небывалое страдание солдат и мирных жителей, как советских, так и немецких. Старый стереотип о «зверствах немецко-фашистских захватчиков» тоже присутствует, вроде мифологического образа немецкого солдата, разбивающего голову ребенка о стену дома. Говорится и о страданиях советских военнопленных, жестоко страдавших от голода и многочисленных казней. При этом для объективности стоило бы упомянуть, что в не меньшей степени от голода и болезней страдали и немецкие военнопленные.

В фильме широко использованы реконструкции с участием актеров. А вот возможности компьютерной графики использованы явно недостаточно – только для подачи цитат, хотя с помощью компьютера можно было бы воссоздать бои.

Авторы фильма совершенно справедливо сомневаются в версии Лубянки о том, что через агента «Макса» (Александра Демьянова) немецкому командованию была подброшена информация о том, что советские войска в середине ноября 1942 года предпримут наступление на Ржев. Делалось это будто бы для того, чтобы отвлечь внимание немцев от Сталинграда, где Красная Армия должна была начать основное наступление. Жуков якобы не знал об этой дезинформации, и положил десятки и сотни тысяч солдат в безуспешном наступлении. Но почему о дезинформации, которую готовил Генштаб, не знал Жуков, заместителя Верховного Главнокомандующего? На самом деле агента «Макса» не существовало в природе. Так подписывались все донесения, которые поступали германскому командованию через резидентуру абвера в Софии. И мы до сих пор не знаем, кто был автором донесения, в котором германское командование предупреждалось об атаке на Ржевско-Вяземский плацдарм. Но само это донесение существует и неоднократно публиковалось и не походит на дезинформацию. Там говорится о наступлении не только на Ржев, но и на Верхнем Дону, и под Ленинградом, и на Северном Кавказе. Сообщение о предстоящем советском наступлении на Дону, пусть и не совсем в тех районах, где оно произошло в действительности, могло побудить германское командование либо оставить Сталинград, и тогда удар пришелся бы по

пустому месту. Такая дезинформация не имела смысла, поскольку давала возможность немцам избежать сталинградской катастрофы. Сил и средств на операцию «Марс» выделили даже больше, чем для проведения контрнаступления под Сталинградом. Это впервые доказал видный американский военный историк Дэвид Глэнц еще в начале 1990-х годов⁸. Только тогда, когда выяснилось, что «Марс» потерпел неудачу, наступление на Ржевский плацдарм продолжали, теперь уже только чтобы не допустить переброски немецких войск из-под Ржева на юг. Кстати сказать, это наступление не закончилось 13 декабря 1942 года, как это утверждается в фильме, а продолжалось еще и в январе 1943 года. И причина неудачи операции «Марс», особенно яркой в сравнении со Сталинградской победой, было не столько распыление сил и неправильный выбор направлений главных ударов, сколько то, что под Ржевом оборонялись только немецкие войска, успевшие за много месяцев создать прочную оборону, тогда как Сталинградское контрнаступление было направлено против гораздо менее боеспособных румынских войск, оборонявшихся к тому же в степи, где не было долговременных укреплений. Ошибочно утверждение авторов фильма о том, будто немецкие резервы из Западной Европы направлялись тогда под Ржев, а не под Сталинград. Нет, все, что могли снять с других фронтов, немцы бросали тогда на юг, где для них разразилась настоящая катастрофа. Другое дело, что из-за операции «Марс» они действительно не смогли снять ни одной дивизии с Ржевско-Вяземского плацдарма. И в этом проявилось значение Ржевско-Вяземской битвы для победы в Сталинграде.

В фильме справедливо подчеркивается, что сражение за Ржев было более кровопролитным, чем Сталинградская битва. Приводится немало примеров бессмысленных, плохо подготовленных советских атак на неподавленную неприятельскую оборону, которые по-настоящему потрясали немцев: как можно гнать своих людей на убой, как скот.

Сериал «Главный калибр» Михаила Шевчука – это боевик с элементами фэнтези. У него – два временных плана. Первый – исторический, представляет собой действия группы советских разведчиков во главе с капитаном Тенегиным в 1943 году. Раз Великая Отечественная война дает сюжеты для «фэнтези», значит, это событие отходит в разряд исторической памяти, перестав быть актуально политическим.

Тенегин и его люди должны найти и уничтожить секретную немецкую лабораторию, производящую психотронное оружие – некие чудо-таблетки, утесетеряющие силу человеческого организма и делающими человека нечувствительным к боли. Охраняют ее эсэсовские «универсальные солдаты», пользующиеся этими таблетками. Лаборатория находится в подводном бункере на озере где-то на границе Эстонии и России (сразу возникает ассоциация с Ледовым побоищем), причем в этой местности наблюдается повышенная концентрация болотного газа. Так что нельзя применять огнестрельное оружие – от любой искры все мгновенно взорвется. Вот и вынуждены герои фильма действовать только с помощью ножей и приемов рукопашного боя.

Второй план – это уже наши дни. Внук капитана Тенегина становится кинопродюсером и писателем и снимает фильм о подвиге отряда отца, воспользовавшись его дневником. Одним из спонсоров фильма выступает немец Герхард, внук одного из уцелевших тогда эсэсовцев-суперсолдат, хочет найти в злосчастном озере сокровища Третьего Рейха. Кроме капитана Тенегина, стопроцентного русского, в его отряде имеется один кавказец (грузин или чеченец), один азиат, выходец с Тибета, один цыган, и еще русский, но непростой, а ученый филолог, больше говорящий стихами. Правда, ножом и кулаком он тоже лихо работает. В общем, еще один представитель гонимого меньшинства в сегодняшней России – ученых-гуманитариев. Как, впрочем, и остальные члены, только они представляют этнические и расовые группы, ставшие жертвой ксенофобии. Негра только не хватает. Впрочем, этот недостаток восполняется в современной части фильма. Там один из положительных героев усыновляет бездомного мальчишку-негритенка. Разумеется, наши в конце концов благополучно мочат арийских сверхчеловеков. А боец-цыган взрывает врагов, ценой своей жизни дав возможность основной части группы спастись. Месседж тут простой: кавказцы, цыгане, и прочие меньшинства – тоже достойные и симпатичные люди, способные сокрушить бритоголовых из «высшей расы», очень похожих на современных скинхедов.

В современной части «Главного калибра» главным отрицательным героем сначала кажется Герхард, рассуждающий о превосходстве германской расы, об обиженной и униженной победителями во Второй мировой войне Германии, о несправедливости преследования нацистских военных преступников, к которому причислен и его дед. Но к финалу фильма выясняется, что Россия и русские благотворно подействовали на Герхарда. Он избавился как от комплекса расового превосходства, так и от безграничной страсти к наживе.

Телесериал «Смерть шпионам» режиссера Сергея Лялина – это военномистический детектив. Он ориентирован на стилистику фильма «В августе 44-го», снятого по нашумевшему роману Владимира Богомолова. В «Смерть шпионам» действуют таинственные немецкие диверсанты-«жабы», хранители чудо-оружия, появляющиеся и исчезающие внезапно, словно из другого измерения. Задача «смершевцев» – выявить «крота», действующего поздней весной и летом 44-го в районе Винницы, где еще совсем недавно располагалась ставка Гитлера. С этой ставкой связана масса мистических легенд, в том числе и та, что все строители подземных бункеров были уничтожены. Практически все они на поверку оказываются мифом⁹. А теперь, согласно вводом фильма, здесь может решиться исход войны. Немцы рассчитывают заманить под Винницу все советское военное руководство, уничтожить его с помощью секретного оружия, а затем начать генеральное наступление против деморализованных советских войск. Предотвратить коварный замысел врага призван ас контрразведки капитан Иван Сирота Никиты Тюнина, напоминающий капитана Алехина Евгения Миронова. По ходу действия количество «кратов» увеличивается, да и «смершевцев» в финале оказывается значительно больше, чем можно было предположить.

Фильм «Штрафбат» Николая Достая – это злая, страшная сказка про войну. Нас прежде усиленно пичкали добрыми пропагандистскими сказками, теперь пришел черед для сказок страшных.

Сначала скажем, что в фильме наврано. Все командиры и комиссары назначались не из штрафников, а из кадровых офицеров, так что штрафник Твердохлебов никак не мог командовать батальоном штрафников.

Положение о штрафных частях было утверждено заместителем наркома обороны Жуковым 26 сентября 1942 года. Тогда же и начали реально формироваться штрафные батальоны и роты. Срок пребывания – от 1 до 3 месяцев. В батальон направлял командир дивизии или бригады, в роты – командир полка. В батальоне было 800 человек, в роте – 150–200. В батальоны направляли проштрафившихся офицеров, в роты – рядовых и сержантов. Они лишались всех званий и наград, получая новое звание – рядовой штрафной роты (или батальона). После трехмесячного пребывания в штрафбате, или боевого ранения, или подвига, удостоенного правительственной награды, судимость с них снималась, возвращались прежние звания и награды, и они направлялись обратно в свои части. То, что рядовой штрафбата Савелий Цукерман, будучи дважды раненым, все равно возвращается в свой штрафбат – чистая фантастика. Но режиссеру важна была идея, что на протяжении фильма ни один из штрафников так и не покидает ряды своего батальона иначе, как в случае смерти.

Кроме кадровых офицеров, в штрафные части командовать отделениями назначались сержанты из кадрового состава армии. На должности командиров отделений могли назначаться и сами штрафники, которым тогда присваивалось звание ефрейтора или сержанта.

Через штрафные батальоны и роты, составленные из солдат и офицеров действующей армии, за всю войну, по официальным данным, прошло около 428 тыс. человек. Сюда не вошли штрафники из числа бывших заключенных. Они появились даже раньше, чем, так сказать, «официальные штрафники». Маршал Рокоссовский писал в мемуарах, как к нему на Брянский фронт прибыла бригада, состоявшая из бывших заключенных, появилась еще в июле 1942 года. С учетом штрафников-зэков специалисты Института военной истории общее число штрафников в 1,5 млн. человек, но, возможно, и эта цифра занижена. Сколько именно штрафников погибло, неизвестно до сих пор, но вряд ли меньше двух третей. Отмечу еще, что практически на положении штрафников находились призывники с оккупированных территорий. Их считали виноватыми уже тем, что они жили под немцем. Необмундированными и невооруженными, их бросали на неподавленную систему обороны противника. Эти истребительные атаки хорошо описаны в документах и литературе. Существовали также так называемые штурмовые батальоны, куда направляли освобожденных из плена офицеров, разжалованных в рядовые. Их положение мало отличалось от штрафников, но штрафниками не считались.

Общая численность штрафных рот, куда направляли солдат и сержантов, была существенно меньше, чем численность штрафных батальонов, где слу-

жили офицеры. Между тем численность рядовых в армии была на порядок больше, чем офицеров, и правонарушения они должны были совершать гораздо чаще. Но солдаты были для командования расходным материалом. Их предпочитали расстреливать, отправляя в штрафную роту лишь в качестве своеобразной милости – как замену расстрела. Офицеров же ценили больше и чаще отправляли в штрафбат, чтобы дать им шанс искупить вину и уцелеть.

Фильм Юрия Мороза «Апостол» демонстрирует нам современный взгляд не только на Великую Отечественную войну, но и на всю советскую эпоху. Этот детектив-боевик – пародия на классические советские фильмы о разведчиках – «Подвиг разведчика», «Сильные духом» и особенно «Щит и меч». Оттуда взяты многие детали пребывания героя Евгения Миронова в немецкой разведшколе. Тут и специальные пометки, которые советские агенты ставят на документах и подошвах сапог выпускников школы, по которым за линией фронта их тотчас вычисляет НКВД. Тут и идея выпускать курсантов-инвалидов, чтобы им было больше доверия как людям, пострадавшим на фронте. Тут и подпольная организация в разведшколе, и сцена казни курсантов. Тут, наконец, и любовь героя Миронова к немке – обер-лейтенанту фрау Хильде, пародирующая так и не завязавшийся толком роман Иоганна Вайса с фрау Ангеликой. Миронов повторяет некоторые приемы Любшина-Вайса. Но русский Белов, профессиональный разведчик, предстает чистокровным немцем Вайсом, тогда как герой Миронова, ссыльный школьный учитель Павел Истомин (в финале выяснится, что он наполовину немец) волей НКВД вынужден перевоплотиться в своего брата-близнеца, вора в законе Петра по кличке Щелкун, медвежатника по основной воровской специальности и агента Абвера. Обстоятельства неудачной высадки Петра Истомина-Ковалея в советском тылу, когда предатель, агент Марченко, убивает пилота и еще одного старшего группы и оглушает Истомина, очень напоминают обстоятельства высадки немецкого агента Гвоздя, перевербованного Вайсом.

«Двойничество» Петра и Павла пародирует знаменитый советский комедийный детектив «Джентльмены удачи», где человек, тоже имеющий отношение к воспитанию детей, только детей возрастом помладше, вынужден перевоплотиться в вора-рецидивиста. А в финале, как и в прологе «Апостола», действие переносится в восточную страну – Иран, тогда как начале «Джентльменов» действие происходит в Средней Азии, где крадут золотой шлем. Здесь вспоминается еще один нашумевший советский детективный боевик, посвященный борьбе разведок во Второй мировой войне, «Тегеран-43». Миронов в одеянии иранского дервиша буквально воспроизводит главаря германской группы, готовившей покушение на «Большую Тройку», которого играет Альберт Филозов.

Герой Николая Фоменко, кадровый чекист Алексей Хромов, наполовину немец, во многом пародирует героя Павла Кадочникова из «Подвига разведчика», прототипом которого послужил Николай Кузнецов. Хромов, свободно владеющий немецким, появляется на оккупированной территории под видом немецкого интенданта, а потом уходит в партизанский отряд. Только Хромов

– отнюдь не идеальный советский герой, а нормальный чекист, который и сочувствие к тому же Истомину проявить может, особенно если это надо для дела, и жену его по лицу съездить, если возникать будет. А приказать убить человека ему – что стакан самогона выпить.

Авторы «Апостола» путают как чины НКВД, так и немецкие офицерские звания. Одного и того же чекиста с двумя шпалами в петлицах в начале фильма называют майором (что неправильно), а в последующих сериях – старшим лейтенантом (что правильно). К немецким офицерам с погонами обер-лейтенанта по ходу фильма обращаются: «Г-н оберст-лейтенант». Но оберст-лейтенант в вермахте – это подполковник.

Павел Истомин и его семья никак не могли находиться в 1942 году на Соловках. На Соловках ссыльных не было, а были заключенные Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) и Соловецкой тюрьмы особого назначения (СТОН). СЛОН был ликвидирован в 1933 году. До 1937 года на островах находился один из лагерей системы Беломоро-Балтийского канала, а в 1937–1939 годах – СТОН. После ликвидации тюрьмы заключенных на Соловках не осталось, но и просто ссыльных, не лагерников, там тоже не было.

Среди курсантов немецкой разведшколы преобладают уголовники, а нравы там царят такие же, как в советском исправительно-трудовом лагере. Повторяется родившийся еще в годы войны советский миф о том, будто немцы свою агентуру вербуют главным образом среди уголовников. На самом же деле основную часть агентов немцы вербовали среди массы советских военнопленных, в подавляющем большинстве к миру криминала никакого отношения не имевших. Уголовников посылать за линию фронта было бесполезно. Они скорее занялись бы привычным криминальным ремеслом, чем стали бы собирать разведданные или совершать диверсии.

Чекисты обучают «Апостола» воровским повадкам, профессии медвежатника, приемам рукопашного боя, немецкому языку, и многому другому. Но они при всем желании не могли бы обучить Павла тем конкретным приемам, с помощью которых Петр ласкал Хильду, с которой, как им было известно, у того был роман. Линия Хильды и Истомина вообще выглядит уж очень искусственной. О шашнях коменданта лагеря с русским курсантом в замкнутом мире школы сразу бы стало известно, а за сексуальную связь немки с неарийцем до 1943 года полагалось уголовное наказание для обоих.

Герои Фоменко и Миронова оказываются жертвами советской системы. Хромов все время под подозрением из-за своего немецкого происхождения. Его невеста-немка сидит в ГУЛАГе, а в конце фильма в застенки Лубянки попадает и его мать. Сам Хромова также оказывается в руках чекистских костоломов. Он – тоже жертва, как и Истомин, но не только жертва, но и палач, способный ради достижения цели и пытаться, и убить, как и те, кто пытается его. Герой Фоменко, как и герой Миронова, сражается отнюдь не за коммунистическую идею, за Сталина или за великую Россию, а за свой дом, свою семью. Истомину надо спасти жену и сына, Хромову – невесту и мать. И неслучайно герой Миронова вдохновенно расстреливает чекистов в одной из сцен филь-

ма, а жалеет потом только своих товарищей по группе, с которыми успел сродниться.

Фильм Никиты Михалкова «Утомленные солнцем-2» смотреть трудно. Все эпизоды первой части второго фильма можно давать в любом порядке – художественности и ясности фильму это не прибавит. Здесь бережно собраны все штампы отечественного и мирового военного кино, чтобы на их материале построить великий эпос. Но эпос не получился. Актеры играют привычных персонажей, не слишком напрягаясь, режиссура блистательно отсутствует. Герой Андрея Панина – это его герой в «Жмурках», разбавленный образом незабвенного товарища Дынина из фильма Элема Климова. А Евгений Миронов – это капитан Алехин из «В августе 44-го», пониженный до старшего лейтенанта. Сергей Маковецкий – тоже персонаж из «Жмурок», только в мундире капитана СМЕРШа. Правда, смершевцы ходили в армейской форме, а Маковецкий – в энкэвэдэшной красно-синей фуражке. Ну да ладно, исторические реалии тут перепутаны почти на каждом шагу.

Взять хотя бы немецкие танки, идущие в атаку под парусами-флагами. Тут слышали звон, да не знают, где он. Над германскими танками, а также бронетранспортерами и автомобилями действительно алели знамена с черной свастикой в белом круге. Но, разумеется, не в виде парусов, а в виде натянутых на верхнюю часть башни полотнищ, чтобы германские штурмовики и бомбардировщики не ударили случайно по своей бронетехнике.

Сам сюжет фильма получился вымученным и неправдоподобным. После ареста Котова Митя не только женится на Марусе и удочеряет Надю (которая за четыре года успела перепрыгнуть из дошкольного возраста в комсомольский), но и, как благородный человек, ухитрился заменить Котову расстрельную политическую статью на нерасстрельную уголовную. Между тем, Котова лично знает Сталин. А раз так, то и смертный приговор Котову должен был визироваться Сталиным в составе так называемых «сталинских расстрельных списков». Избавить такого человека от расстрела, да еще с присвоением безопасной статьи за халатность, не могли бы даже Ежов и Берия. И с уголовной статьей Котова никак не могли засунуть в подвергшейся бомбардировке в первые дни войны лагерь где-то в Западной Белоруссии, просто потому, что лагерей там не было. Заключенных местных тюрем после начала войны действительно старались расстрелять, но к герою Михалкова это не могло иметь никакого отношения. Кстати сказать, Котов в лагере выглядит очень даже упитанным. Наверное, Митя его по доброте душевной еще и на усиленный паек поставил. И никакой логикой нельзя объяснить, что Котов добровольно остается на целых два года в штрафном батальоне, в который умудрился поступить еще в 41-м году, когда штрафных батальонов в Красной Армии и в помине не было. Котов старается скрыть, что он – бывший легендарный комдив, и оказывается в штрафбате как бывший зэк, ничего общего с Красной Армией не имевший. Хотя зачем он скрывает свое прошлое, непонятно. Ведь герой Маковецкого – офицер СМЕРШ прекрасно знает Котова, памятуя, что в свое время портрет легендарного комдива был запечатлен на конфетных обертках.

Вторая часть «Утомленных солнцем-2», «Цитадель», вопреки ожиданиям, – не название немецкой операции с целью ликвидации Курского выступа в июле 1943 года, а некое мощнейшее германское укрепление, которое советские войска много месяцев безуспешно штурмуют. И действие разворачивается в сентябре, уже после Курской битвы. Цитаделью иногда называли хорошо укрепленные Великие Луки. Но Красная Армия освободила их после жестоких боев еще 16 января 1943 года, а в фильме штурм происходит осенью 43-го.

Главное для режиссера – Божий промысел. Вот во время страшной бомбежки группа солдат не уходит в укрытие, а помогает роженице, которую играет дочь режиссера, благополучно родить. И, о чудо, только эти солдаты и уцелели, а все остальные погибли под бомбами.

Некое подобие сюжета создает мелодраматическая линия. Оказывается, все главные герои основательно виноваты друг перед другом, и у каждого есть свой скелет в шкафу. Чекист Митя, дабы убедить Марусю разлюбить Котова, демонстрирует ей показания, которые Котов дал на нее, а потом грубо ее насилует. Он выглядит жалким шутом, на которого неловко смотреть. Котов пытается превратиться в маленького человека и на плацдарме у цитадели, среди штрафников, спрятаться от карающей руки государства. Маруся же от отчаянья отдается белобилетнику и пьянице Кирику и рождает от него ребенка. Кульминацией фильма становится возвращение Мити и Котова, уже облаченного в генеральский мундир, на дачу, где герой Михалкова узнает всю неприятную для себя правду, но затем вроде как мирится с Марусей и овладевает ею, почти так же, как в первой серии. В следующем кадре, однако, Котов отправляет всех обитателей дачи, включая Марусю, в Москву, а сам остается (надо куда-то сплавить персонажей, которые до конца фильма больше не пригодятся). При отъезде Кирик (постаревший Владимир Ильин) произносит историческую фразу насчет того, что он, конечно, маленький человек, но что маленькие люди затем и существуют, чтобы были заметны такие большие люди, как Котов (и Михалков). А еще Михалков приезжает на свадьбу в белом штатском плаще и на белом коне, совсем как Сергей Сергеевич Паратов в «Жестоком романсе», лихо расправляется с местными уголовниками и дарит жениху-инвалиду собственные командирские часы. Русского барина играть Никита Сергеевич может, поскольку таковым себя и ощущает, а вот советского генерала или штрафника не получается.

Митя безуспешно пытается реализовать свой суицидальный комплекс, для чего даже вкладывает в руки Котову заряженный пистолет. Ближе к финалу Сталин понимает, что Митя спас Котова от расстрела и сплавил в лагерь по уголовной статье. И герой Меньшикова охотно подписывает признание в том, что является матерым германским шпионом, в надежде приблизить конец. Но Михалков – рачительный хозяин, и никого из главных героев не убивает. Чтобы не пришлось чудесно воскрешать их из мертвых, если вдруг доведется снимать «Утомленные солнцем-3 или 4» – о том, как бравый командарм Котов берет Берлин. Можно даже сериал снять, где в последней серии 95-летний Котов поздравляет Бориса Ельцина с победой над путчиста-

ми и со слезами умиления смотрит на российский триколор над Кремлем. А Митя передает заветы чекистской премудрости будущему второму президенту России.

Генералу Котову, чья фамилия напоминает о легендарном Котовском, надо искупить то, как он в гражданскую он собственноручно зарубил священника, а потом, подобно Тухачевскому, травил газами восставших тамбовских крестьян. Михалков делает ударной сценой эпизод, когда Котов идет на штурм цитадели во главе 15 тыс. гражданских лиц, призванных с оккупированных территорий и вооруженных только палками, которые они почему-то держат на плече, вместо того, чтобы хотя бы на них опираться. Он выполняет задание Сталина: устроить избиение призывников с оккупированных территорий, чтобы остальные поняли, что отсидеться в тылу не удастся, а потом еще объявить погибших уничтоженными фашистами мирными жителями. Гибель неблагонадежных должна доказать всей Красной Армии, что другого пути, кроме пути к Победе, у нее нет. Но герой Михалкова желает разделить судьбу несчастных и надеется, ясное дело, на Божье чудо. И чудо, конечно же, происходит. Немцы растеряны от такой психической атаки. Офицер говорит: «Открывайте огонь, но подпустите еще на 500 метров. Только я за этим наблюдать не буду, я солдат, а не палач». Известно, офицеры вермахта – люди сентиментальные и человеколюбивые. Но все кончается благополучно. Немецкому пулеметчику на оптический прицел сел паучок. Чтобы его убрать, солдат приподнялся и был убит советским снайпером. Мышка, которая крутила у него патефонную пластинку, испугалась шума, выскочила, и опрокинула керосиновую лампу. Начался пожар, который в мгновение ока добрался до артиллерийских погребов. И цитадель взлетела на воздух, да так, что от нее и следов не осталось. Как в различных компьютерных играх со стратегиями, одна из которых так и называется – «Цитадель», и в более примитивных стрелялках.

Михалков отталкивался от реального явления – призыв непосредственно в части Красной Армии населения, находившегося на ранее оккупированных территориях. Из-за отсутствия обмундирования их первое время оставляли в гражданской одежде. Таких солдат немцы обычно называли «воронами», поскольку одеты те были чаще всего в черные пальто, ватники или бушлаты. «Ворон» почти не обучали военному делу и очень плохо вооружали. Впрочем, и от винтовок было мало проку, поскольку свежееиспеченные красноармейцы не умели толком с ними обращаться. Однако палки им никто за ненадобностью не выдавал. Немцы ужаса перед такими атаками не испытывали, безжалостно расстреливая «ворон» из орудий и пулеметов. И только удивлялись, как могут люди столь безропотно идти на верную смерть. Жители оккупированных территорий считались потенциально неблагонадежными, и чем больше их погибнет в боях, тем меньше у НКВД будет работы после войны. Однако в бой их бросали вместе с обычными солдатами Красной Армии и в отдельные части никогда не сводили.

Когда Котов после взятия цитадели направляется в тыл, он каким-то образом попадает на минное поле, где встречает, наконец, свою дочь-военврача и столь же чудесно спасает ее от мины. В следующем кадре мы видим героя Михалкова уже со звездой Героя, бодродвигающимся в направлении Берлина. Не очень понятно, правда, почему Сталин присвоил ему это высокое звание, если задание с цитаделью он, по сути, провалил: взял ее без потерь, тогда как надо было положить под ней 15 тыс. человек.

Михалков искренне верит, что без Божьей помощи русские немцев не победили бы. Эта схема соответствует его идеализации дореволюционной России. Тоталитаризм советского образца он не любит. Тогда потомки московских бояр были шутами при советских генсеках, а это любви к советской власти им не добавляло. Но Никита Сергеевич понимает, что теория, будто народ победил в войне не благодаря, а вопреки тоталитарной системе, вопреки Сталину, выглядит не слишком убедительно. Сталин был Верховным Главнокомандующим, руководил и армией, и государством, и отделить его от победы нет никакой возможности. Также и тоталитарную систему из победы не выкинешь. Поэтому гораздо удобнее формула: народ победил в Великой Отечественной войне благодаря Божьему промыслу и собственному мужеству.

Эта формула устраивает и нынешнюю российскую власть, и РПЦ. Раз победили благодаря Божьей воле, то Сталин и коммунисты к победе отношения не имеют, и за расширение империи в ходе Второй мировой войны россияне корить и заставлять каяться тоже нельзя.

Котова, человека достойного, хотя и коммуниста, хранит от смерти Бог, что и заставляет бывшего атеиста уверовать. Господь не только спасает избранных и праведных от неминуемой, казалось, смерти, но и беспощадно карает тех, кто нарушает Его заповеди. Выглядит все это трагикомически. Тонущую Надю чудесным образом выносит на берег морская мина, после того, как ее крестит утонувший священник. Надя, в свою очередь, крестит мину и отпускает ее обратно на волю волн. Благодарная мина подрывает корабль, на котором эвакуируется партийная номенклатура с бюстами Сталина (не сотвори себе кумира). Номенклатура и бюсты идут на дно. Заодно гибнут и жены и дети номенклатуры, равно как и команда корабля. А эти-то люди в чем виноваты? Не по-христиански это как-то. Или вот Надя, скрываясь от немцев, стучится в запертые избы, но никто ей не открывает. Лишь одна хозяйка сжалась, спрятала. И вот приезжают немцы, и, ничего не объясняя, сжигают всех в сараях, включая младенцев. Кроме, естественно, Нади и ее спасительницы. Немцы выступают в фильме в роли карающего Божьего меча. Не совсем понятно, почему потом Бог велит этот меч сокрушить. Но к фильму Михалкова вполне применимы слова о советской системе, приписываемые Брежневу: «Логика не ищи. Ее нет».

«Цитадель» отличаются в лучшую сторону от «Предстояния» только несколько более логичной выстроенностью эпизодов. В остальном все так же уныло и убого. Продолжение «Утомленных солнцем» наглядно продемонстрировало, что в российском кинематографе тема Великой Отечественной

войны фактически исчерпана. Сейчас на сколько-нибудь профессиональном уровне снимаются только фильмы и сериалы о войне в жанре «экшн» или военного детектива. Но там война – лишь исторический фон. Большое кино, вроде «Летят журавли», «Баллады о солдате» или эпопеи «Освобождение», можно снять тогда, когда в основу картины лежит какая-то большая идея и имеется хорошая литературная подоснова. В фильмах Калатозова и Чухрая главным был человек на войне и во время войны, экзистенциальные переживания фронта и тыла, озеровская киноэпопея призвана была показать миру величие подвига советского солдата, могущество советской военной машины, перемоловшей германский вермахт. Сейчас в России нет ни хорошей литературы о Великой Отечественной войне, ни новых больших идей, связанных с этой войной. Вероятность того, что большой писатель обратится к эпохе 1941–1945 годов сейчас такая же, как вероятность его обращения к временам Ивана Грозного или Екатерины Великой.

От войны к миру: стабильность как высшая ценность

Сериал «Ликвидация» рассказывает о горячем лете 1946 г., когда в Одессу прибыл опальный маршал Жуков. Чтобы справиться с захлестнувшей город преступностью, он бросил в помощь местной милиции армейские патрули с приказом расстреливать на месте захваченных с оружием в руках бандитов.

Когда Жуков приезжает в Одессу, на экране крупным планом показывается табличка Одесского городского управления НКВД. Но еще в марте 1946 г. все наркоматы были преобразованы в министерства. Снимать с должности начальника одесской военной контрразведки, как это происходит в самом начале фильма, Георгий Константинович никак не мог. Эта должность находилась в ведении Москвы, и без санкции оттуда Жуков контрразведчика пальцем тронуть не мог.

Фильм явно ориентируется на сериал «Место встречи изменить нельзя». А главный герой – опер Давид Гоцман (Владимир Машков) просто списан с Глеба Жеглова Владимира Высоцкого. Главой одесских бандитов оказывается немецкий резидент, скрывающийся под маской офицера военной контрразведки, что после войны смотрится нелепо.

А уж то, что советский агент передает главе бандитского подполья германскому агенту Академику, поручение от Центра захватить Одессу, и вовсе анекдотично. Академик, очевидно, должен был представить себе, как Кальтенбрунер с Герингом переговариваются в столовой Нюрнбергской тюрьмы: «Не послать ли нам человека в Одессу, к Академику. Пусть берет город!»

Фильм Леонида Млечина «Степан Бандера. Рассекреченная жизнь», показанный по каналу ТВЦ, снят словно лет тридцать назад. Все советские пропагандистские штампы, касающиеся Бандеры, УПА и ОУН, в фильме бережно

повторены. Основная мысль сводится к тому, что Бандера и украинские националисты всю жизнь боролись против России, Советского Союза, убили множество невинных людей, сознательно, из-за родства идеологий, сотрудничали с гитлеровской Германией, одобряли уничтожение евреев и сами непосредственно участвовали в «окончательном решении», а потому убийство Бандеры советским агентом в 1959-м году было справедливым возмездием. Млечин даже на полном серьезе утверждает, что миллионы украинцев, отправившиеся работать в Германию на военные заводы якобы по призыву ООН, внесли огромный вклад в укрепление обороноспособности Германии и тем продлили войну и преступления гитлеризма, а сопротивление УПА советским войскам на Украине в 1944–1945 годах помогло Гитлеру значительно затянуть войну. Но как раз ООН и УПА активно сопротивлялись отправке молодежи в Германию, поскольку это подрывали социальную базу бандеровцев. Боевая мощь УПА была подорвана прежде всего советскими массовыми депортациями населения Западной Украины в конце 40-х годов. И неужели Сталин, имевший одновременно более 700 дивизий на фронте, мог ощутить отсутствие на фронте 5 или 10 из них, занятых борьбой с УПА. Да были это в основном дивизии НКВД, которые на фронте появлялись редко.

Млечин говорит о сотрудничестве украинских националистов с поляками перед Первой мировой войной и будто бы в память об этом сотрудничестве был установлен памятник Адаму Мицкевичу во Львове. Но вплоть до 1939 года Львов был польским городом, где абсолютно преобладали поляки, и памятник Мицкевичу здесь был вполне естественен. Млечин пытается убедить зрителей, что главным врагом украинские националисты всегда считали Россию, москалей. Это так, да не так. Для украинских жителей Галиции гораздо острее стояли отношения с польской общиной. Именно с поляками происходили наиболее ожесточенные столкновения, в том числе вооруженные. Млечин вынужден признать, что провозглашенная после распада Австро-Венгрии Западно-Украинская народная республика была уничтожена польскими войсками. Можно привести пример фильма «Железная сотня», снятого уже в постсоветской Украине. Там в ходе рейда сотни УПА на запад самыми омерзительным из всех украинских врагов выглядят поляки. Москаленкэвэдэшники тоже показаны изрядными бандитами, но полякам они явно уступают. Немцы же там – враги, с которыми бандеровцы сражаются по необходимости, но без ненависти.

Главным врагом ООН в 30-е годы была именно Польша, а не Советский Союз, на территории которого оуновцы никаких активных действий вообще не предпринимали. И Бандера виновен отнюдь не в истреблении евреев, а в массовом уничтожении поляков на Волыни и в Галиции, осуществлявшемся в 1943–1944 годах с благословения руководства ООН. Млечин представляет дело так, будто погромы и убийства евреев и поляков во Львове летом 41-го проходили по призыву и с одобрения представителя Бандеры Ярослава Стецько и других лидеров националистов. Однако еще на слушаниях в американском Конгрессе в 1954 году было доказано, что убийства евреев и поляков во

Львовые были организованы немцами уже после того, как украинский батальон «Нахтигаль» был выведен из города, а руководство ОУН не имеет отношения к «окончательному решению». Согласно документам, обнародованным СБУ Украины в бытность президентом Виктора Ющенко, когда «представители гестапо, прибывшие во Львов, обратились к украинцам, чтобы те устроили трехдневный еврейский погром, политические и военные власти Германии пообещали этому не мешать», лидеры украинских националистов заявили, что «это провокация, направленная на компрометацию украинцев погромами, чтобы оттянуть энергию украинской общественности от борьбы за государственную независимость». Также украинские историки нашли справку Второго управления КГБ от 16 ноября 1959 года, в которой говорится, как нужно готовить «лжесвидетелей злодеяний» батальона «Нахтигаль»¹⁰. КГБ фабриковало немало документов, обвинявших украинских националистов в разного рода злодеяниях.

Бандера и другие вожди ОУН негативно относились к евреям, считая их агентами и пособниками большевиков. Но они предостерегали членов ОУН от поддержки антиеврейских акций немцев, так как они отвлекают украинцев от борьбы против главных врагов – большевиков. Многие рядовые члены ОУН, конечно, принимали участие в уничтожении евреев, но точно так же убивали евреев и советские партизаны, и бойцы польской Армии Крайовой. Однако никто не пытается на этом основании объявить преступной организацией АК или советское партизанское движение. Один российский историк не так давно в споре о Роме Шухевиче высказался в том смысле, что раз отдельные члены УПА убивали евреев и других мирных жителей, то Шухевич, как командующий, несет за это ответственность и должен быть признан преступником. Но тогда преступниками пришлось бы признать и едва ли не всех советских маршалов Победы, если вспомнить, что творила подчиненная им Красная Армия в Германии и других странах Европы в 1944–1945 годах.

Млечин настаивает, что украинские националисты пострадали от немцев только потому, что неправильно оценили намерения своих союзников, и поэтому никакого сочувствия не заслуживают. Но ведь репрессировали их за вполне конкретные действия – вывешивание украинских флагов, попытки создать украинское самоуправление, выпуск проукраинских и антинемецких листовок и т. п. Неужели эти действия сами по себе заслуживают осуждения?

Оставшиеся на свободе лидеры ОУН уже в июле 41-го, после ликвидации львовского правительства, прекрасно поняли, что немцы не хотят независимой Украины. Но пока сохранялась надежда на победу Германии, решили продолжать то сотрудничество с немцами, которое было направлено против большевиков, рассчитывая после войны достичь какого-тоmodus вивенди с нацистами. Со Сталиным они ни на какое соглашение не надеялись. Когда в конце 1942 года стало ясно, что Германия войну проиграет, ОУН сделало ставку на формирование УПА, которая в 1943–1944 годах боролась и с немцами, и с поляками, и с советскими партизанами, а потом и с Красной Армией.

Млечин считает, что формирование дивизии СС «Галичина» и 80 тыс. добровольцев, желавших служить в этой дивизии, доказывают идеологическую близость украинских националистов к германским нацистам. Но известный американский историк Александр Даллин, ни в каких симпатиях к ОУН не замеченный, еще полвека назад отмечал, что главной целью поступавших в «Галичину» добровольцев было получить оружие, чтобы позднее присоединиться к УПА. Такое число добровольцев насторожило немцев, не очень доверявших в середине 43-го внезапной вспышке украинской любви к Германии, и всех добровольцев использовать не стали. Большинство же поступивших в дивизию «Галичина» потом действительно оказались в рядах УПА. Млечин демонизирует и послевоенную деятельность УПА, утверждая, будто туда вербовали обманом и угрозами, а также уверяя, будто украинским повстанцам поставляли оружие Англия и США. В действительности УПА была массовой организацией, и без поддержки местного населения не могла бы вести борьбу почти девять лет. ЦРУ и британская разведка обратили внимание на ОУН и прибалтийских «лесных братьев» только после войны. Их использовали как источники информации, но оружием не снабжали.

Пафос Млечина в том, чтобы дегероизировать Бандеру, доказать, что он недостойн героических мифов и должен быть выброшен из украинской истории. Но беда в том, что иных героев борьбы за украинскую независимость в 30–50-е годы, кроме Бандеры, Шухевича и других руководителей ОУН, в той или иной мере сотрудничавших с нацистской Германией, просто нет. И в этом отношении они не одиноки в мире. Если взять практически всех руководителей национально-освободительных движений того периода, то они сотрудничали либо с Гитлером, либо с другими столь же несимпатичными режимами. Бандера – герой для Западной, да в значительной мере и для Центральной Украины. Если убрать фигуры Бандеры, Шухевича и других украинских националистов, то получится, что Путин, Медведев и их окружение абсолютно правы, когда считают независимую Украину неким «геополитическим недоразумением» и стремятся всеми силами вернуть ее в лоно империи. Несомненно, надо честно указывать и на ошибки, и на преступления этих лидеров. Но если признать их всех негативными героями истории, то идеальным мироустройством следовало бы признать вечное сохранение колониальных империй, включая Российскую.

Четырехсерийный фильм режиссера Сергея Снежкина «Брежнев» довольно удачен. Тут и звездный ансамбль исполнителей, и хороший сценарий Валентина Черных, в центре которого – последний год жизни Брежнева. Леонид Ильич, впадая то в сон, то в обморочное полузабытье, вспоминает события своей молодости, когда он был сильным, красивым, нравился женщинам и мог за себя постоять. Поздний же Брежнев представлен физически немощным, но хитрым и опытным политиком. На первый план выведены старческая немощь и хвори Брежнева и его соратников, и застой представлен явлением скорее медицинским, чем социальным. Раз проблемы СССР были связаны прежде всего с маразмом ее руководства, значит, более молодые руководите-

ли страны могут без опаски использовать советский опыт в построении властной вертикали и попытаться восстановить империю.

Сценарий телесериала «Последняя встреча», вероятно, начали писать на следующий день после провала десятки российских нелегалов в США во главе с Анной Чапман. Фильм призван проиллюстрировать слова Владимира Путина о героях разведчиках, в трудной борьбе отстаивающих интересы нашей родины, и о жалких предателях, которые все равно плохо кончат. Действие перенесено в 80-е годы и заканчивается в августе 91-го, но завуалировано отражены события и более позднего времени. Сюжет строится на судьбах четырех друзей, вместе закончивших школу КГБ в Ленинграде в 1981 году. Трое из них честно выполняет свой долг, кто нелегалом на далекой Мальте, а кто в родном Ленинграде, проводя хитроумную операцию «Бастион» по дезинформации Главного противника – Соединенные Штаты насчет асимметричного советского ответа на рейгановские «звездные войны». Операция эта, по завещанию Андропова (последняя роль Михаила Казакова) должна длиться двадцать лет и предохранять Советский Союз от возможности американского термоядерного удара. В действительности советское ПРО слабое и перехватывать американские ракеты не может. Когда говорится о такой 20-летней операции, сразу вспоминаешь, что восхождение Владимира Путина к посту президента часто называют, иногда в шутку, а иногда и всерьез, многолетней спецоперацией по внедрению во враждебный демократический стан.

Все чекисты в фильме показаны не как коммунисты, верящие в светлое коммунистическое будущее, а как настоящие русские патриоты, пекущиеся о том, чтобы страна оставалась сверхдержавой и могла на равных противостоять своему главному противнику. А вот один из друзей, Олег Суханов (Сергей Перегудов играет обаятельное зло), действительно становится гнусным предателем и, будучи завербован ЦРУ, передает в Москву американскую дезинформацию о СОИ. У него в жизни только две цели – деньги и карьера, и идет он к ним буквально по трупам, заодно полностью используя свои донжуанские таланты. В образе Суханова слились образы сразу трех предателей (или тех, кого ФСБ и Путин считают предателями). Первый – это советский дипломат Александр Огородник, одно время являвшийся заместителем Управления планирования внешнеполитических мероприятий МИДа, а по совместительству – агентом ЦРУ «Трианом». По предположению КГБ, он был завербован во время долгосрочной командировки в Колумбию, поэтому и Суханов начинает свою карьеру в Колумбии. Но ЦРУ Огородник интересовал прежде всего как любовник дочери секретаря ЦК КПСС Якова Рябова, с которой собирался сочетаться законным браком и для этой цели, по версии КГБ, отравил свою жену редким тропическим ядом. Разоблачили Огородника летом 77-го. По официальной версии, в момент ареста он раскусил ампулу с ядом. По другой версии, неофициальной, Александру Дмитриевичу умереть помогли бравшие его чекисты по приказанию руководства, чтобы избежать скандала. История Огородника-«Трианона» стала основой для романа Юлиа-

на Семенова «ТАСС уполномочен заявить...» и одноименного сериала. Суханов тоже травит жену, а потом еще и одну из своих сотрудниц, заподозривших его в предательстве. Второй прототип Суханова – это бывший генерал-майор КГБ Олег Калугин, ныне живущий в США, а в конце 80х – начале 90-х годов выступавший за реформу спецслужб и парламентский контроль над ними и участвовавший в демократическом движении. Карьеру в Первом главном управлении КГБ (разведка) Калугин сделал во многом потому, что ему удалось завербовать в качестве агента американского инженера, поставившего ценную информацию о топливе для стратегических ракет. Впоследствии некоторые чины КГБ утверждали, будто Калугин уже тогда был завербован ЦРУ, и агента ему подставили, чтобы иметь канал для дезинформации. В фильме Суханов по заданию ЦРУ «вербует» американского специалиста по лазерам, через которого поставляется дезинформация о программе «звездных войн». Калугин, в 80-е годы работавший в Ленинградском УКГБ, на исходе перестройки и после падения СССР часто давал интервью западным корреспондентам и выпустил на родине и в Америке откровенные мемуары. В фильме Суханов – это злая пародия на Калугина. Он вдохновенно продает американцам и собственные мемуары, и многочисленные секреты. Суханов буквально цитирует Калугина, заявляя, что он не обязан хранить секреты несуществующего государства. В 2002 году суд в Москве заочно приговорил Олега Даниловича к 15 годам тюрьмы за измену родине и лишил его всех званий и наград. Но у Суханова есть и третий весьма реальный прототип. Это тот настоящий полковник, который выдал американцам Анну Чапман и ее товарищей-нелегалов. Сначала на эту роль российские спецслужбы выдвигали полковника-перебежчика Щербакова, затем – полковника-перебежчика Потеева, которого и осудили заочно на 25 лет тюрьмы. Но, вполне возможно, что подлинный предатель до сих пор неизвестен широкой общественности. Суханов же предает американцам свою бывшую подругу по школе КГБ резидента-нелегала Лику Барышеву, прототипом которой и послужила Анна Чапман. Лику играет Полина Сидихина, дочь Евгения Сидихина, который в фильме играет ее отца – генерала КГБ. Чапман, как мы помним, тоже является дочкой генерала СВР. И умирает Суханов, как и положено предателю, жалкой и страшной смертью. Его сначала душит, а потом стреляет в упор, чтобы симитировать самоубийство «осознавшего преступный характер своей деятельности» шпиона, его бывший товарищ по школе КГБ настоящий рыцарь без страха и упрека, человек с гагаринским взором Иван Шилов (Леонид Бичевин).

Между прочим, авторы фильма, вольно или невольно, показывают наших разведчиков, да и КГБ в целом, достаточно непрофессиональными. Может быть, это делается для того, чтобы показать, что российские разведчики-нелегалы в Америке никаких ошибок не совершали, а провалились только из-за предательства. Лика Барышева, агент-нелегал на Мальте, запросто встречается с сотрудниками советского посольства и использует его как своего связника. Дипломатом-резидентом на Мальте оказывается ее одноклассник Суханов. Еще Лика, демонстрируя прекрасное владение приемами восточных

единоборств, легко расправляется с полдюжиной сотрудников ЦРУ. А офицеры и даже генералы КГБ в своей стране несколько робеют перед ЦРУ, которая выглядит как некая всемогущая спецслужба, контролирующая чуть ли не каждый шаг чекистов. Американский агент-нелегал украинец Тарас Мотыль (актер Константин Воробьев) запросто убивает в Ленинграде подполковника КГБ, и его даже не пытаются искать, чтобы не сорвать операцию по дезинформации. Когда Мотыль подставляет Шилова, и тот попадает в тюрьму за убийство, которое не совершал, КГБ не только не пытается вызволить из неволи своего сотрудника, но даже не позволяет друзьям навестить его в «Крестах». У «Крестов» ведь полно американских агентов, которые его непременно сфотографируют! Начальник Ленинградского УКГБ генерал Салтыков (Валерий Баринов), один из авторов «Бастиона», человек долга и чести, стреляется в 1987 году, когда узнает, что предстоит вывод советских ракет из Европы, разоружение и разрядка напряженности. Нам словно напоминают о самоубийстве генерала Пуго и маршала Ахромеева и пытаются внушить: разоружение, разрядка, отказ от империи – абсолютное зло.

История как телешоу

История занимает все более заметное место на телеэкране, причем не только в художественных и документальных фильмах, но и в телешоу. Так, телеканал «Россия» и Телекомпании ViD во второй половине 2008 года осуществили проект «Имя Россия», направленный на выявление наиболее выдающихся россиян посредством Интернет –голосования¹¹. Это – аналог проекта Би-Би-Си «100 великих британцев». Однако уже в ходе голосования выяснилось, что его ход хорошо управляем с помощью современных технологий. Когда в ходе промежуточного подведения итогов выяснилось, что на первое место выходит Владимир Ленин, на второе – Юрий Гагарин, на третье – Александр Невский и на четвертое – Иосиф Сталин, результаты голосования были аннулированы, и в итоге к концу декабря, когда были подведены окончательные итоги, первая тройка выглядела так – Св. Александр Невский, Петр Столыпин, Иосиф Сталин. Первый по замыслу организаторов шоу, символизирует православие и воинскую славу России, второй – государственный-реформатор, третий – олицетворение советского периода во всей его противоречивости. Между тем, по некоторым промежуточным результатам голосования и альтернативным опросам Сталин оказывался на первом месте. Что же касается Александра Невского, судя по относительно невысокому спросу на издание его биографий и упоминаниям этого имени в СМИ, включая электронные, он никак не является в России самым популярным историческим деятелем.

Шоу «Суд времени» призвано было заместить некоторые другие ток-шоу, построенные в виде судебного заседания и посвященные актуальным поли-

тическим и социальным проблемам. Создатели шоу руководствовались тезисом о непредсказуемости нашего прошлого¹². Однако сразу же стало ясно, что имеет значение не установление реальных исторических фактов, а лишь воздействие взглядов ведущих и манеры их подачи на аудиторию, что практически свело на нет просветительскую составляющую ток-шоу.

К сожалению, опыт исторических ток-шоу на 5-канале и на российском телеканале «Суд времени» и «Исторический процесс»¹³ с участием Николая Сванидзе и Сергея Кургиняна доказывает – зритель предпочитает поддерживать имперскую позицию, оправдывающую и сталинский террор, и агрессии против других государств, и нарушение законов, лишь бы это было на пользу российскому (или советскому государству). И победу в поединках двух ведущих обеспечивает отнюдь не весомость исторических аргументов, а умением увлечь аудиторию дешевой демагогией и просто перекричать, подавить своего оппонента. Думаю, что просветительская польза этих шоу на практике – минимальна.

Их поединок изначально обречен проходить с большой изначальной фойрой в пользу второго. Это объясняется не только театральным опытом Сергея Ервандовича (согласимся, что способности провинциального трагика средней руки у него есть), но и общим настроением аудитории. Когда соперники еще фактически ничего не успели сказать или предъявить зрителям, Кургинян по результатам зрительского голосования уже имеет подавляющий перевес. Его позиция за империю и власть сильной руки, близка основной массе российских обывателей. Имеет свое значение и агрессивная манера ведения дискуссии Сергеем Ервандовичем, беззастенчиво перевирающим факты и криками заглушающим своих оппонентов. Интеллигентный Сванидзе во время первой передачи «Исторического процесса», где речь шла о возможной связи беззакония и террора сталинских времен со смертью в Бутырском СИЗО юриста Сергея Магницкого, полностью пасовал перед своим напористым оппонентом, умело уводившим дискуссию в выгодную для себя сторону. В результате больше говорилось о том, сколько миллионов Магницкий якобы украл вместе с фондом Hermitage Capital. Кургинян максимально обострял дискуссию, вплоть до перехода на личности. В таких «боях без правил» он чувствует себя как рыба в воде. Если для Сванидзе сталинский режим – это абсолютное зло, то для Кургиняна – это зло необходимое, неизбежное и порой творящее добро – в виде атомной бомбы, бесплатного образования и медобслуживания и, главное, великой советской империи в результате победы в Великой Отечественной войне.

Ко второй передаче Сванидзе подготовился лучше, чем к первой, и уже научился гасить агрессию Кургиняна сбивающими с толку вопросами и репликами. Сравнивали выступление (или мятеж) генерала Корнилова в августе (по новому стилю – в сентябре) 1917 года и выступление ГКЧП в августе 1991 года. По первой теме острого противостояния не получилось. Оба оппонента похвально отзывались о генерале Корнилове и ругали большевиков и Керенского. Последнего, правда, Кургинян частил гораздо более вдохновен-

но. Оба, однако, не говорили о том, что все происходило в разгар Первой мировой войны и что главным и единственным пунктом программы Корнилова в августе 17-го, как и главным пунктом возглавляемой им впоследствии Добровольческой армии, было продолжение войны до победного конца, что и предопределило неудачу выступления, поскольку солдаты уже не хотели воевать. Столь же утопичным было и пожелание о восстановлении смертной казни на фронте и в тылу, чего требовал Корнилов. Все это изначально предопределили неуспех плана Корнилова, а не разногласия генерала с Керенским или «предательство» последнего. Но правда разрушает образ умного и благородного Корнилова, которому сторона Сванидзе даже задним числом попыталась приписать программу сохранения демократических завоеваний Февраля. На самом деле эта программа, как справедливо заметил Кургинян, была составлена уже в Быховском заключении как раз для того, чтобы заполнить пробел, выявившийся во время неудачного мятежа.

Различия касались сравнения корниловского выступления с путчем ГКЧП. Кургинян настаивал, что между ними разницы не было. Сванидзе же подчеркивал коренные различия Корнилова и августовских путчистов. Генерал, дескать, выступал с демократических позиций, тогда как Янаев, Крючков и компания, наоборот, стремились подавить демократическое движение. Кургинян всячески подчеркивал сходство Горбачева и Керенского, а Сванидзе не слишком успешно противился такой оценке. Позицию Николая Карловича относительно общей оценки августовского путча подтвердили показания свидетелей Кургиняна, среди которых были дожившие до наших дней члены ГКЧП и примкнувший ныне к ним Александр Руцкой, который в августе 91-го как раз и занимался подавлением путча. Из их показаний следовало, что версия о том, что они действовали якобы с согласия Горбачева и в рамках Конституции страны, полностью несостоятельна. Выяснилось, что «согласного» с ними Горбачева пришлось лишиться связи и изолировать в Форосе, а весь путч затевался, чтобы не допустить подписания 20 августа нового Союзного договора. Но правота Сванидзе почти не сказалась на позиции телеаудитории.

В конце второй передачи Николай Карлович договорился почти что до призыва к революции. Он заявил, что нынешняя власть является реваншем ГКЧП, по крайней мере на низовом и среднем уровне, и что именно эти чиновники погрязли в воровстве и коррупции, так что эту систему надо менять. Первых лиц государства Сванидзе постарался вывести из-под этого определения, но вряд ли большинство зрителей поверили, что президент и премьер у нас святые, а все дело – в лихих супостатах-исполнителях. И Кургинян на этот раз не рискнул что-либо возразить своему оппоненту.

А в передаче, посвященной сравнению Никиты Хрущева и Егора Гайдара у Кургиняна, наконец, нашелся достойный оппонент в лице Анатолия Чубайса, приглашенный Сванидзе в качестве свидетеля. Опытный полемист и оратор, он смог продемонстрировать нищету аргументации Кургиняна и не дал тому удариться в демагогию. Правда, на результатах голосования эта маленькая победа Чубайса все равно не сказалась.

Как нам представляется, дальнейшее развитие исторической тематики в кино и на телевидении напрямую зависит от общественно-политической обстановки в нашей стране. Если последует процесс демократизации, то можно ожидать как падение интереса к истории, вытесняемой более актуальными событиями, так и хронологического расширения фильмов исторической тематики за пределы XX века. В пределах же XX века основные достижения могут быть связаны с документальным кино. Если же в России сохранится нынешний политический режим, то, вероятно, в целом сохранятся нынешние тенденции с преимущественным вниманием к истории XX века и более значительными достижениями в сфере художественного кино по сравнению с документальным и документально-игровым. Вообще же рано или поздно Россия должна придти к западной модели подачи исторической тематики на телевидении и в кино. Там интерес вызывают практически все исторические периоды, а не одна только новейшая история (можно вспомнить хотя бы успех исторического блокбастера «Гладиатор» из эпохи Римской империи). И история перестанет играть актуальную политическую роль, какую она все еще играет в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1245321>

² <http://www.mezhizn.ru/%ED3%F19.htm>

³ <http://www.mubiu.ru/ogd/ISTORIA/17/Liter/20-30-1.pdf>

⁴ <http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/10.html>

⁵ <http://www.mubiu.ru/ogd/ISTORIA/17/Liter/20-30-1.pdf>

⁶ http://rkka1941.blogspot.com/2010/03/22-1941_08.html

⁷ http://sovremennik.ws/2007/09/28/svoja_literatura_marshalla_erehenko.html

⁸ *Гланц Д.* Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции «Марс» 1942 г. – М., 2006.

⁹ <http://www.kp.ru/daily/23925.3/69226/>

¹⁰ <http://www.izvestia.ru/ukraina/article3112890/>

¹¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BC%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F

¹² http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D0%B4_%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8

¹³ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D1%81%D1%81

II

СТАРО-НОВАЯ
КОНЪЮНКТУРА

Феномен власти: новые проблемы и подходы

Если с позиции обыденного восприятия история – это прежде всего политические события прошлого, то под последними понимается, как правило, то, что происходило во власти. «Это было при таком-то князе (вариант – царе, императоре, генсеке, президенте)» – именно так лучше всего вводить любого (даже продвинутого!) читателя в курс проблем, о которых исследователь намерен повести речь. Не промахнешься! Хорошо это или плохо – отдельный и, в общем-то, неинтересный для этой статьи вопрос. Подобная данность является реалией, в рамках которой историческому сообществу приходилось, приходится и, несомненно, придется работать. Именно поэтому с исторической кратологии (*κράτος, др. – греч. – власть*) особый спрос. Писать об истории власти с позиций диамата – смешно, с точки зрения вульгарного прогрессизма – наивно. Постмодернистская микросюжетика, вроде бы, более серьезна – но далека от исчерпывающего анализа. Выработка более или менее адекватного инструментария исторической кратологии уже давно стоит на повестке дня отечественного (да и мирового – на Западе с этим тоже не все в порядке, особенно применительно к нашей истории, о чем пойдет речь ниже) исследовательского сообщества. Вместе с тем на кратологические темы пишут все больше и больше, и задача настоящей статьи – проанализировать наиболее заметные работы отечественных исследователей истории российской власти. А также понять, стала ли наша кратология эффективнее?

Настоящая работа тематически является продолжением статьи Д.А. Андреева «Власть: механизмы, режимы, технологии» в предыдущем сборнике «Исторические исследования в России» (2003 г.) и поэтому охватывает публикации с 2003 по 2011 г. включительно.

Механизмы функционирования политических систем

Для многих историков методологическая исчерпанность взгляда на исторический процесс как на бесконечно повторяющуюся смену реформ и контрреформ стала очевидной еще в 1990-е годы. Тогда же начали предприниматься и попытки преодоления этого упрощенно-прогрессистского заклатья. Стали пересматриваться устоявшиеся и казавшиеся неколебимыми концепции, наметился переход в совершенно новые исследовательские пространства, появились оригинальные проблемные постановки. В результате вышли работы, в которых кардинальным образом переосмысливались период дворцовых переворотов, эпохи Николая I и Александра III¹.

Обозначенная тенденция продолжилась и в новом столетии, распространившись на другие исторические эпохи. Так, был подвергнут критике классический взгляд, согласно которому в XVIII в. в России царствовали только два выдающихся монарха – Петр и Екатерина, оба Великие. Например, Н.Н. Петрухинцев подчеркивает, что внешняя нестабильность поры дворцовых переворотов оказалась оборотной стороной стабилизации внутренней и, более того, периодом упрочнения петровской системы. То, что ранее называли «контрреформами», на самом деле было коррекцией, которая не уничтожала, а делала жизнеспособными новые механизмы управления империей². Анализируя деятельность введенных Петром I высших государственных учреждений, Л.Ф. Писарькова пришла к выводу, что шведская коллежская система не отвечала условиям жизни Российской империи³. Без серьезной адаптации она не могла заменить приказной механизм взаимодействия центрального и местного управлений. Приспособление коллегий к условиям русской действительности продолжалось на протяжении всего XVIII столетия. И.В. Курукин в работе, посвященной эпохе дворцовых переворотов, отметил, что в период правления Петра заимствованные из европейского опыта «технично-экономические и административные формы пересаживались на почву феодально-крепостнического государства в целях модернизации», что привело к дестабилизации политической системы. Эта нестабильность, по мнению Курукина, стала «платой за реформы» и за ломку традиционной политической культуры (этот процесс начался еще до XVIII в.). К концу правления Петра «перенапряжение» русского общества от масштабного реформаторства достигло апогея. Представители правящих кругов почувствовали необходимость корректировки преобразований, но не смогли преодолеть взаимные разногласия. Следствием оказался феномен дворцового переворота как механизма функционирования политической системы. В работу машины были вовлечены три основные составляющие: носитель власти (монарх), элита (дворянские группировки) и привилегированные армейские соединения (гвардия). В такой ситуации переворот являлся инструментом разрешения конфликта. Характерной чертой «дворцовых революций» было стремление обеспечить видимость законности и юридически закрепить успех вошедшего на престол правителя, поскольку каждый удачный переворот сопровождался волной неудачных попыток его «переиграть»⁴.

Указанные реконструкции более или менее локальных исторических эпох предприняты их авторами по в общем-то единой схеме: создается паттерн из известных, менее известных и какого-то количества совсем неизвестных в историографии источников, в результате чего дистанцирование от хрестоматийно-упрощенных трактовок выглядит аргументированным. Вместе с тем вполне естественное исследовательское желание провести ревизию того или иного мегаисторического периода представляется уже гораздо более уязвимым. Наглядный тому пример – работа американского исследователя Питера Уолдрона, предложившего концепцию функционирования романовского режима на протяжении всего трехсотлетнего периода его истории. По его мне-

нию, политическая система, существовавшая в России с 1613 по 1917 г., являлась исключительной по степени влияния и длительности существования. Основой режима Уолдрон считает «делку» между дворянством и носителем власти. По условиям такой «делки» – не оформленным документально, но неизбежно по умолчанию соблюдавшимся обеими сторонами – дворяне демонстрировали безусловную лояльность монарху в обмен на неограниченную власть над крепостными крестьянами. Потому-то после 1861 г. режим начал разрушать сам себя, постепенно уничтожая собственные важнейшие несущие конструкции⁵. Уязвимость приведенного взгляда заключается хотя бы уже в том, что оба субъекта «делки» на протяжении трех веков менялись – соответственно корректировались и их представления о взаимных обязательствах. Да и «саморазрушение» режима началось гораздо раньше освобождения крестьян, и оно явилось результатом прежде всего хаотичной вестернизации российской политической культуры. Вместе с тем, несмотря на указанные упрощения, взгляд Уолдрона интересен как опыт именно мегаисторической реконструкции – при грамотном употреблении всегда необходимой для эвристических интерпретаций.

Недавно вышла книга В.А. Никонова о природе русской революции 1917 г. Автор говорит о нескольких политических системах – разрушенной романовской, нефункциональной временноправительственной и новой, большевистской. По мнению Никонова, главной причиной Февральской революции стал «элитный раскол», который противопоставил «огромную часть активного политического класса и интеллигенции правящему режиму». Представители этих элитных групп, по сути, подготовили и осуществили революцию. Они воспользовались трудностями войны для переворота и установления собственной власти, не отдавая себе отчета в последствиях разрушения Российского государства и выпуска на волю «раскрепощенной энергии масс». Кроме того, члены таких элитных группировок не понимали природу власти в стране, которой собирались управлять. Оказавшись у руля государственной машины, они руководствовались мнением, что представители прежней власти по определению являются «некомпетентными, антинародными» и т. д. Именно поэтому, недолго думая, Временное правительство ликвидировало весь государственный аппарат Российской империи, «оставив большевиков <...> практически без работы». Вместо этого установилось «многовластие», тождественное «безвластию». Действия самозванного правительства, пришедшего на смену этому безвластию, стали актуальным ответом на потребность общества в установлении порядка после «целого года хаоса». Взобраться на вершину лежавшей в руинах Российской империи оказалось так легко именно потому, что большевикам нужно было соперничать не с функционирующей государственной системой, а с анархией⁶.

В свете новых исследований вчерашним днем выглядит позиция авторов коллективного труда «Первая революция в России: взгляд через столетие», усматривающих политический кризис «верхов» в нежелании введения представительных начал и «пресечении» попыток хоть «как-то европеизировать самодержавный режим»⁷.

Морфология власти и историческая динамика

Столкнувшись с теоретической неадекватностью концепций реформаторско-контрреформаторских циклов, некоторые исследователи признают необходимость нового взгляда на русскую историю в целом.

По мнению В.Д. Соловья, признаком нефункциональности теории реформ-контрреформ является ее прогностический провал. Сторонники этой теории считают Россию нереализованным вариантом западной модели, а потому убеждены, что стране нужно обратиться к европейскому образцу политической системы, дабы выбраться из цикла реформ-контрреформ. После Перестройки руководители нового государственного образования, именуемого Российской Федерация, как раз и стали действовать в указанном направлении. Между тем режим Путина, ограничивающий права и свободы, вполне соответствует и параметрам контрреформаторской системы. Таким образом, отмечает Соловей, политическое образование, вобравшее в себя черты двух моделей, оказывается сложнее и не вписывается в определения циклической схемы, демонстрируя ее «теоретическую нищету». Для разрешения этого противоречия Соловей предлагает использовать категорию «смута», чтобы объяснять с ее помощью исторические закономерности развития Российского государства. Ранее этот термин уже использовал В.П. Булдаков, но в несколько другой интерпретации⁸.

По Соловью, смуты – это точки бифуркации русской истории, периоды ее бурных, радикальных и всеобъемлющих изменений. Смута – это состояние хаоса во всех сферах жизни общества и государства, гоббсовская война «всех против всех». В конце концов, из хаоса рождается новый социальный и политический порядок, «новая русская традиция». При этом главным итогом очередной смуты становятся «глубинные культурные и ментальные сдвиги», что позволяет автору говорить о «начале новой истории». События начала XVII в., начала XX в. и современная ситуация – три закономерные смуты. Как способ мутации, метаморфозы национальной традиции и «самодовлеющая русская власть» смуты составляют специфику русской истории. Взятые вместе они обеспечивают ее «уникальность и кардинальное отличие от западной истории». Автор подчеркивает, что несмотря на свой разрушительный и почти «апокалиптический характер», смуты оказываются исторически функциональными. Как отличить «истинную» смуту от более мелкого события? Соловей выделяет отличительные черты такого явления: масштабность (затрагивает все русское пространство, всю страну), социальная всеобщность (пронизывает общество и по горизонтали, и по вертикали, втягивает представителей всех социальных групп), затрудненность определения точного начала и завершения смуты.

Характеризуя современный «хаос», Соловей отмечает, что путинская система нелегитимна, слаба и неэффективна. «Режим Путина – кратковременная передышка, частичная ремиссия перед вступлением страны в новый, гораздо

более страшный и разрушительный <...> виток смуты»⁹. Поэтому вопрос о рождении нового порядка из современного хаоса пока остается открытым.

Представленный Соловьев взгляд вызвал широкую дискуссию среди исследователей. Один из ее участников, С.Н. Земляной, отметил, что народ никогда не поднимает смуту, ее провоцирует государство, которое и выступает «главным субъектом русской смуты». Власть устраивает провокации против самой себя (в качестве примера он привел события 9 января 1905 г. и 19 августа 1991 г.)¹⁰. Замечание Земляного наглядно иллюстрирует очевидную истину: несмотря на замену реформаторско-контрреформаторской теории категорией «смута», именно власть остается в этой новой объяснительной схеме центральным субъектом исторического процесса.

Еще одним любопытным опытом увязывания способа исторического бытия такого глобального мегасубъекта, как государство или общество, с особенностью функционирования власти стала предложенная Д.А. Андреевым и Г.А. Бордюговым концепция пространства власти. Под таким пространством понимается сфера, где вершится власть: принимаются конкретные решения, происходит взаимодействие людей и групп, способных оказывать влияние на эту сферу. Данное понятие является очень емким, поскольку включает в себя «характеристику всей инфраструктуры, обеспечивающий тот или иной управленческий режим». Основная драматургия в пространстве власти развивается из-за противостояния его двух главных субъектов – носителя власти и элиты, через которую и осуществляется непосредственный процесс властвования. Благодаря такой встроенности в пространство власти элита оказывается способной в некоторые периоды замещать носителя власти. Еще один важный игрок пространства власти – это домен, или область личного суверенитета правителя, его опора в противостоянии с элитой. Такая опора бывает сословно-корпоративной или институциональной, либо ее функции выполняют силовые структуры. Авторы показывают действие рассмотренной модели на примере истории России с X по начало XXI в. На протяжении всего этого времени Россия развивалась то в мобилизационном, то в модернизационном режимах. Схема чередования режимов выглядит следующим образом. Государство существует как бы по инерции (от предыдущего мобилизационного рывка) вплоть до момента системного кризиса, после чего власть снова мобилизуется, вынуждает общество совершить резкий рывок в развитии. Затем снова начинается инерционный период. В период мобилизации носитель власти крепнет – он превращает элиту в «послушный инструмент» и, наоборот, в промежутках между «скачками» элита усиливается и даже пытается нейтрализовать «слабеющего носителя власти». Таким образом, считают авторы, мобилизация является «оптимальным режимом» существования правителя, а стагнация – элиты. Для организации очередного мобилизационного рывка необходима высокая концентрация власти у ее носителя. В то же время потребности мобилизационного развития порождают именно такую власть, которая способна справиться с подобной задачей. Получается «замкнутый круг» – констатируют авторы¹¹.

Примерно в этом же направлении, увязывающем фундаментальные закономерности исторического развития с природой и спецификой власти, проводит свое исследование К. Рьявек, автор книги об одном из важнейших субъектов пространства власти – бюрократии. Проанализировав деятельность бюрократии имперского, советского и современного периодов, автор пришел к выводу о ее гипертрофированной роли в российской истории. Из этого Рьявек делает вывод о необходимости превращения России в «истинную демократию». Но такая трансформация не может произойти именно из-за несоответственной роли бюрократического аппарата. При этом «место и мощь бюрократии в России» не исчезнут, чему автор приводит много доводов. Выходит замкнутый круг. В продолжение всего исследования Рьявек неоднократно признает русскую «особость» и утверждает, что каждый раз попытки «переделать» государство по западному образцу не просто заканчивались провалом, но приводили к невероятным, несвойственным другим странам извращениям этих образцов. Получается, что на русской почве идеальные европейские модели превращались в нефункциональные гибриды.

Также автор подчеркивает еще одно удивительное свойство России – «воскресать» практически из мертвых, выстраивать здание политической системы заново после ситуации, когда, казалось бы, камня на камне не осталось. Соглашаясь с Дж. Хоскингсом¹², автор отмечает, что с такими ресурсами и возможностями, а также стратегическим положением Россия может «выживать» практически бесконечно. Между тем современное государство столкнулось с массой проблем, которые ему предстоит преодолеть прежде, чем воскреснуть вновь. Рьявек называет основные проблемы России и даже предлагает некоторые примерные варианты их решений, в основе которых модели демократического переустройства¹³. Подобное «раздвоение личности» автора порой даже выглядит забавным: на протяжении книги неоднократные пожелания скорейшего «демократического выздоровления» России регулярно перемежаются доказательствами невозможности такого исхода, но исследователь не теряет надежды.

Более того, автор, по сути, противоречит сам себе. Россия каждый раз «перерождается» в новых формах с помощью каких-то неведомых сил, западные образцы здесь не работают, тем не менее Рьявек настойчиво предлагает как-то реформировать государство и все-таки превратить его в демократическое. Напрашивается вопрос: несмотря на отмеченную русскую «прочность», не станет ли очередная попытка «впихнуть» Россию в западный «кафтан» суицидальной?

К положительному ответу на этот вопрос подводит книга А.Н. Боханова, который исходит из православной концепции о всемирном предназначении Российского государства. В этом же ключе он рассматривает и природу нашей власти. Самодержавное государство стало исключительным – оно занималось «не только и не столько» реализацией «управительной, распределительной и контрольной функций, сколько являлось хранительницей священного предания, исторического завета». Именно поэтому все попытки «реформировать

политическую систему на принципах либерально-конституционного права неминуемо затрагивали главный нерв государственности – теургическую природу царской власти». Вариант «новой монархии» после 1905 г. был «лишь паллиативом», поскольку дальнейшее движение по намеченному пути «неминуемо вело не к модернизации власти по западноевропейскому образцу, а к ее ликвидации». Отсюда логичным представляется высказанное Бохановым мнение о современном правительстве: оно предлагает «третьесортный вариант американской цивилизации»¹⁴.

Презентации и легитимация власти

Работы, посвященные проблемам презентаций и легитимации власти, стали появляться в отечественной исторической науке еще в конце минувшего столетия¹⁵. Во многом исследовательский интерес в этом направлении был подстегнут выходом фундаментальной работы американского историка Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии». После издания «Сценариев власти» на русском языке в сообществе историков появилась даже целая мода на Уортмана. Об этом весьма критически (хотя и не всегда с убедительными доводами) пишет С.Е. Эрлих в своей известной статье «Уортмания»¹⁶. В настоящем разделе не будут перечислены все работы, вышедшие по указанной тематике в последнее время. (В сборнике есть и другие статьи, в которых тематика презентаций и легитимации рассматривается применительно к конкретным вопросам.) Здесь же представляется целесообразным сосредоточиться именно на кратологической составляющей этих сюжетов.

О юбилейных торжествах как специфических попытках власти заставить работать на себя еще и время говорится – применительно к разным историческим эпохам и правителям – и у Уортмана. В последнее время о «юбилеемании» как способе идеологической легитимации власти пишет К.Н. Цимбаев¹⁷. Историк считает, что «юбилейная лихорадка» началась в России после 1907 г. Тогда надо было преодолеть шок от русско-японской войны и революционных событий 1905–1907 гг. «В воспоминаниях о былых ратных успехах и великих победах общество искало утешение и новые ориентиры», а власть – новые способы собственной легитимации. Одна из основных причин неудач идеологических кампаний этого периода, по мнению Цимбаева, заключалась в стремлении государства переложить всю тяжесть мероприятий «по подъему гражданского духа и патриотического сознания населения на плечи Православной церкви». Автор отмечает, что частота и однообразность юбилейных торжеств не могли вызвать у населения ничего, кроме скуки. Также историк говорит о «внутренней пустоте» юбилеев. (С этим, оговоримся, нельзя согласиться полностью, поскольку основная масса народа являлась

православной и видела в религиозных торжествах гораздо больше смысла, чем может показаться современному человеку.) «Неспособность организаторов осознать необходимость внутреннего, идеологического наполнения юбилейных празднеств привела к тому, что даже участвовавшие в них не воспринимали призывов властей оказать поддержку трону», – заключает Цимбаев. Исследователь делает вывод, что основные задачи правительства – успокоить общество и нивелировать революционные настроения – в результате юбилейных кампаний выполнены не были. Между тем из работ Цимбаева остается не совсем понятным, какие слои населения историк рассматривает в качестве «даже участвовавших» в празднествах. В одной из статей он приводит два мнения на этот счет – лидера московских кадетов Н.И. Астрова и великого князя Гавриила Константиновича¹⁸. Едва ли на основании двух заявлений отнюдь не простых наблюдателей торжеств можно делать какие бы то ни было обобщения. Если говорить о высшем обществе, то, действительно, многие приходили на богослужения и торжества «по долгу службы». Но император был в курсе такого положения вещей и вряд ли мог рассчитывать на поднятие собственного престижа подобным образом. Еще меньше можно было ожидать от «интеллектуальных» кругов, что уж говорить о представителях новоявленной партийной элиты. Общество в этот период (особенно так называемое образованное, а также высшее) в большинстве своем переживало глубокий духовный, психологический, поведенческий и мотивационный кризис. Если же говорить о народных массах, то здесь вопрос более сложен, и нужно искать другого рода источники, чтобы изучить настроения простого народа по отношению к устраиваемым торжествам. Вообще маловероятно, чтобы внутриполитическую ситуацию могли значительно улучшить организовывавшиеся правительством религиозные торжества, но и варианты решения проблемы, предложенные самим Цимбаевым, также представляются весьма спорными. Он считает, что правительство могло «обыграть» успешное экономическое развитие страны в 1909–1913 гг., в особенности «уважаемый в мире» золотой рубль. Оно также «упустило шанс» использовать юбилей реформ Александра II¹⁹. Особенно сомнительным представляется, что «прогрессивные» преобразования середины – второй половины XIX в. были способны укрепить в глазах народных масс престиж самодержавного режима спустя полвека после реформ Александра II. Помимо юбилейной исследовательский интерес привлекают и иные презентационно-легитимационные практики. Так, Н.А. Соболева занимается изучением образов власти, способов и форм ее репрезентаций²⁰. А Е.В. Климов и А.П. Кабаченко рассматривают аналогичные вопросы на примере транзита власти – престолонаследия в Древней Руси. Авторы отмечают, что престолонаследие является неотъемлемой частью государственного права при монархической форме правления. Применительно к древнерусскому периоду этот вопрос остается неизученным из-за необоснованно утвердившегося мнения о передаче престола от отца старшему сыну как устоявшейся и более или менее соблюдавшейся практике властного транзита. Эта традиция появилась позже, в то время как у предшественников Ярослава

Мудрого не существовало признанного установленного права на престолонаследие, чем и были вызваны усобицы между сыновьями Святослава и Владимира. Авторы пытаются доказать, что в «доярславский» период существовала древняя традиция передачи престола третьему сыну, позднее «сломанная» с принятием христианства²¹. Представляется, что даже если эта традиция и имела место, в статье не приведено достаточного количества доказательств в ее пользу. (Возможно, из-за недостатка источников по периоду – к чему, впрочем, должны быть готовы медиевисты.) Поэтому такая позиция может рассматриваться только в качестве гипотезы.

Похожей идеологической практике – культу Ивана Грозного в сталинской России – посвящена книга М. Перри. Автор рассматривает этапы реабилитации Ивана IV в 30–50-е гг. минувшего века. Она показывает, каким образом необходимость распространения идей советского патриотизма привела к формированию положительного образа Петра Великого, а затем и Ивана Грозного. Аналогии, возникавшие между суровыми правителями XVI и XX вв., сделали необходимой идеализацию фигуры первого для оправдания деятельности второго. Сам Сталин неоднократно высказывался негативно об Иване IV, но следил за «имиджем» «единомышленника» на сцене и в кино. Грозный монарх выглядел героическим и дальновидным, поскольку был призван вызывать аналогии с «великим вождем» и выгодно оттенять его успешную деятельность. Одной из важнейших параллелей, искусственно созданных и изложенных с набором «доказательств» в исторических трудах (Перри рассматривает работы Р.Ю. Виппера²²), является сравнение опричнины со сталинским террором. Таким образом, оправдывая «законную» опричнину (которая стала якобы правомерным ответом на изменнические заговоры бояр), Виппер защищал сталинский террор²³.

Петр Первый, по мнению Э. Зитцера, проводил широкомасштабные кампании с целью трансформации традиционных «ритуалов» в торжества, призванные служить опорой создаваемому режиму. Ему удалось стать таким «камнем», на котором должно было строиться будущее имперское величие России. Более того, впоследствии образ Петра использовался его потомками для политической легитимации собственной власти²⁴.

Легитимационные практики, основанные на манипуляциях исторической памятью, рассматриваются в работе Ф. Корни, в которой разбирается деятельность большевиков по выписыванию должной истории партии и особенно событий 1917 г. Власть проводила последовательную политику в области идеологии с целью формирования базовых мифов (связанных прежде всего с революцией) для собственной легитимации. Автор фокусирует внимание не только на презентациях Октября (фильмы, фестивали и т. д.), но в первую очередь на реальном производстве исторической памяти. Особое место в исследовании отведено ее «институционализации». К этому процессу Корни относит «канонизацию» священных текстов и создание архивов, музеев, библиотек, посвященных революции. Вместе с тем наиболее важную роль, по мнению Корни, сыграли акты индивидуального и коллективного «припомни-

нения» (вечера памяти, издания сборников мемуаров революционеров и др.). Несмотря на то, что они были инициированы государством, многочисленные участники революционных событий начали «вписывать» собственную историю жизни в контекст революции. Их личный опыт проецировался на события Октября, одновременно определяя их важность в народной жизни. Таким образом, политическая легитимация была основана на способности отдельных людей и групп ассоциировать их собственный опыт с Великой революцией²⁵.

Новые фокусировки кратологической оптики

Традиционные подходы к изучению власти и ее структур оказываются недостаточными для понимания этого сложного и многоуровневого феномена. Кратологическая оптика нуждается в принципиально новой фокусировке. Тренд, зародившийся еще в прошлом веке и сводившийся к переносу акцента в изучении политической истории вообще и истории власти в частности с рассмотрения формулирования и реализации управленческих решений на более частные, локальные вопросы, которые следует изучать чуть ли не под микроскопом, в последнее время стал фактически господствующим. Предметами исследования становятся все новые и новые феномены. Вслед за западной историографией историки обращаются к визуальной истории – образам, символам, ритуалам. Н. Элиас²⁶ и позднее Р. Уортман²⁷ продемонстрировали, как самодостаточным объектом исследования может стать двор суверена и придворное сообщество во всех своих социокультурных коммуникациях – как неперенный элемент пространства власти, сложный социальный организм с системой иерархии, распределения ролей и символических ритуалов²⁸.

В.А. Невежин выбрал для изучения еще один нетрадиционный для российской историографии аспект – застолья как ритуалы «сценариев власти» И.В. Сталина. Предметом его исследования стали так называемые большие кремлевские приемы²⁹. Застолья вообще являлись для Сталина одним из основных видов непосредственного общения не только со своими родственниками, но и с ближайшими «соратниками» по Политбюро и другими деятелями. В Большом Кремлевском дворце с его участием устраивались пышные банкеты, на которые приглашались представители советской партийной, государственной, военной, научно-технической, интеллектуальной и культурной элиты, число которых достигало полутора-двух тысяч человек. По мнению автора, приемы являлись важнейшими государственными мероприятиями, призванными продемонстрировать близость Сталина к людям и одновременно поднять статус приглашенных, чем стимулировать их на новые свершения и подвиги. В целом, отмечает Невежин, Сталин умело использовал этот нетривиальный прием для упрочения своей единоличной власти³⁰. Налицо со-

вершенно новый взгляд на технологию властвования одного из самых неоднозначных советских руководителей. Очевидны все те возможности, которые такой взгляд дает для понимания поведенческих моделей, а через них – тех реальных коммуникаций, которые имели место в непосредственной близости от первого лица. Вместе с тем на сегодняшний день пока трудно адекватно оценить значение подобных мероприятий. Например, автор отмечает, что в приемах участвовало большое количество представителей элиты советского общества. Но можно ли выявить связь между интересом Сталина к той или иной группе внутри советской элиты (деятели культуры, руководители оборонки и пр.) в конкретный период времени и участием представителей этой группы в банкетах? Или же приемы были просто некими поощрениями, периодическими «подачками» таким группам? На эти вопросы автор не дает ответа.

Персональный состав участников приемов также не проанализирован. Правомерным представляется вопрос о масштабах политического влияния кремлевских гостей. Насколько серьезно возрастал их авторитет? Можно ли воспринимать сталинские застолья как своего рода фабрику советской меритократии? Каким образом кадровые перестановки отражались на рассаживании руководящих лиц во время таких мероприятий? И наоборот, в чем выражался на этих мероприятиях символический ostracism представителей партийно-государственной верхушки, переживавших опалу, то есть не исторгнутых разом в политическое (а то и просто в физическое) небытие, но более или менее плавно отодвигаемых от власти? Были ли на банкетах отводимые таким деятелям «опальные» кресла? Если подобные пересаживания происходили, то насколько точно они прочитывались в номенклатурной среде?.. После прозвучавшего на излете минувшего столетия знаменитого ельцинского «не так сели!» подобные вопросы не выглядят праздными.

Для исторической кратологии чрезвычайно перспективна историческая антропология. Заметным событием, посвященным поиску пересечений кратологии и антропологии, стала публикация в журнале «Отечественная история» подборки статей, авторы которых вслед за М. Фуко³¹ поставили вопрос о взаимоотношениях власти и интеллекта на примере истории Российской империи. В центре внимания авторов оказались следующие вопросы: как можно оценить интеллектуальный уровень правящей элиты и бюрократии, возможно ли говорить о том, что крах империи был в какой-то мере связан с исчерпанием или существенным снижением интеллектуального уровня российских «верхов», каков был творческий потенциал самодержавной власти³².

Так, Л.Ф. Писарькова изучила соотношение власти и интеллекта на разных уровнях бюрократической пирамиды в Российской империи в XVII–XVIII вв. В центре внимания исследователя оказались вопросы о том, как менялось это соотношение по мере усложнения системы государственного управления и в какой степени скорость продвижения по служебной лестнице зависела от способностей, образовательного и культурного уровней чиновников. Писарькова сравнила положение управленческих элит XVII и XVIII вв.

Аналізу подверглись і їх освітній рівень, і можливості отримання посадових посад. В XVII в. правляча еліта (члени Боярської думи, глави приказів, воєводи великих міст) формувалася з представників знатних родів, традиційно учасників в управлінні державою. Їх відзначали великим досвідом в цій сфері. Серед нижнього і середнього ланки державного апарату значущу роль грали приказні люди, які мали освіту і відзначалися професіоналізмом. Державний переворот 1689 г., ставший причиною зміни управлінської еліти, привів до зниження професіоналізму і морального рівня адміністрації, до поширенню зловживань, поразивши навіть вищі структури влади. Введення Табелі о рангах, по думці історика, також мало негативні наслідки. Це є розмножившеся в першій чверті XVIII в. вище і середнє чиновництво в професійному відношенні помітно поступало своїм предшественникам. Також, по думці Писарькової, проведення губернської реформи 1775 г., потребувало розширення державного апарату, при загальному дефіциті грамотних людей в країні привело до зниженню загального освітнього рівня адміністрації³³.

Н.В. Чернікова вважає, що во другій половині XIX – початку XX в. основний інтелектуальний ресурс зосередився в колах суспільності. В той же час бюрократію відзначав як раз недолік інтелекту, чиновники не хотіли привертати суспільних діячів до управління державою. Розкол між бюрократією і суспільністю виявився непереодолимим³⁴.

В.Я. Гросул також відзначив протиставлення суспільства і влади, яке посилювалося, то слабшало. Історик підкреслює зниження інтелектуального рівня двох останніх імператорів, що вплинуло на вибір міністрів і сановників³⁵.

Ф.А. Гаїда вважає, що великі інтелектуальні «запаси» були зосереджені в рядах партії кадетів. Разом з тим дослідник вважає, що діяльність партії продемонструвала її повну неспроможність використати ці запаси належним чином³⁶.

По думці А.В. Мамонова, унікальними інтелектуальними можливостями розпорядилася ліберальна бюрократія періоду реформ Александра II, потенціал якої був використаний в неповній мірі. «Успішну діяльність» правительственного апарату призупинило царювання Александра III, яке «провоцировало і нагнетало взаємне відчуження влади і суспільства». З початком цього правління творчий потенціал влади все більше скорочувався і деградував. При цьому рівень освіти і професіоналізму бюрократії залишався достатньо високим, сперечає Мамонов з Черніковою³⁷.

Спроби ж учасників проекту «Отечественной истории» розглянути стиковочні вузли влади і інтелекту на прикладах конкретних історических діячів свелися фактично до біографічних описань³⁸. Якщо в них і присутствовав кратологічний аналіз, то лише в самому незначущому об'ємі.

Мнение Е.В. Пчелова несколько диссонирует с вырисовывающимся общим взглядом авторов тематической подборки. Историк утверждает, что при ближайшем рассмотрении представители династии Романовых оказываются гораздо более интеллектуальными и образованными, чем принято считать. Пчелов подчеркивает недостаточную изученность вопроса³⁹. Здесь нельзя не возразить, что общий достаточно высокий образовательный уровень династии в целом не обязательно подразумевает интеллектуальность каждого из ее отдельных представителей. Правомерна и высказанная Ф.А. Гайдой мысль о том, что обладание высоким интеллектуальным уровнем вовсе не гарантирует автоматически наличие способностей по его употреблению. Поэтому публикация «Отечественной истории» делает правомерной постановку и других вопросов. Например, всегда ли наличие интеллекта у власти приводит к успешному развитию государства? Или как конвертировать интеллект во власть? И вообще возможна ли такая конвертация? Были ли в отечественной истории ее успешные примеры? Перспективность дальнейших изысканий в указанном направлении не вызывает сомнения.

Своего рода событием стало начало издания альманаха «Имперская Россия» (2006 г.). В частности, в первом сборнике исследователи обратили внимание на систему воздействия власти на общество и жизнь населения, а также на «обратную связь» государства и общества. В эпоху абсолютизма механизмы власти функционировали в разных социокультурных пространствах, поэтому авторам альманаха важно было исследовать влияние государственного начала на различных уровнях и ответную реакцию отдельных личностей и групп на политику государства⁴⁰.

Носители власти

В последние годы вышло огромное количество работ, посвященных первым лицам. Однако подавляющая их часть – биографические описания, в очередной раз тиражирующие апологетические или, напротив, уничижительные оценочные штампы. Действительно аналитических исследований не так уж и много. Рассмотрим некоторые из них.

Выше уже поминалась – правда, в ином проблемном контексте – личность Ивана Грозного. Д.М. Володихин сравнил приемы властвования Грозного с практиками его предшественников. По мнению историка, система управления государством тогда функционировала эффективно, пока государь видел, «влияние каких групп требуется уравновесить, кого поддержать, а кому дать укорот, на каких условиях включить бывших властительных князей в московские правительственные круги, когда стоит им прощать фронду, а когда прощать нельзя и требуется применить силу». Для этой роли идеально подходил Иван III. Василий III также соответствовал перечисленным параметрам

рам. А вот Иван IV унаследовал от своих мудрых предков только «масштаб мышления»⁴¹.

Особого внимания заслуживает подход Володихина к изучению истории отечественного раннего Нового времени. Историк подчеркивает, насколько важно оценивать поступки людей определенной эпохи мерками именно той эпохи и насколько смешными выглядят так называемые исторические исследования, употребляющие современные понятия и взгляды для исследования Средневековой Руси⁴². От наших предшественников четырех- или пятивековой давности вообще некорректно требовать «реформаторства», так как изменение традиции, уклада считалось недопустимым. Именно поэтому «самая смелая реформа производилась под флагом возвращения к старине, искаженной людьми недобрыми и неумными». Кроме того, жизненное пространство Средневековой Руси было единым, каждый человек ощущал себя частью одной системы и с терпением должен был исполнять уготованную ему роль. Иван Грозный восхотел не только «править страной и народом, но и отделиться от них, встать над ними, превратиться в независимую силу, ничем не сдерживаемую и ничем не ограниченную в своих планах и действиях по отношению к подданным»⁴³. Он выделился из общей традиции властвования, что, по мнению Володихина, и стало причиной неудач его царствования.

Интересный подход в изучении феномена власти Ивана Грозного предложила С.В. Карагодина⁴⁴. Исследовательница анализирует поведенческие нормы правителя, в частности, его смех. Карагодина подчеркивает давнюю традицию изучения смеха, но анализ феномена власти Ивана IV через призму его насмешливого поведения был предпринят впервые. Смеховое поведение, по мнению историка, является ярким проявлением стиля властвования, поскольку «стилистика смеха» демонстрирует глубинные отношения человека к действительности, окружающим и самому себе. За смехом скрываются определенные установки, предопределяющие поведенческую специфику. Одной из целей Карагодиной и стало выявление структуры таких установок. Прежде всего она рассматривает символические проявления господства, облеченные в смеховую форму: насмешки, демонстрацию превосходства, манеру правителя держать себя при общении с осмеиваемым. При этом анализируются прежде всего тексты, вышедшие из-под пера самого Ивана Грозного. Для него было характерно иступленное стремление психологически восторжествовать над оппонентами, в том числе и риторически – любыми средствами побеждать в споре, высмеивать, обличать. Кроме того, Иван IV использовал большое количество сквернословий. Такой стиль общения Карагодина определяет как частное проявление жесткой вертикали власти, когда монарх находится на недосыгаемой высоте и между ним и его подданными «зияет непреодолимая пропасть». Желание Ивана Грозного унижить, растоптать противника любыми средствами, отмечает историк, нередко доходило до его физического уничтожения. В источниках встречается информация о ситуациях, когда символическое унижение оппонента в виде осмеяния совпадало с его физической ликвидацией⁴⁵.

В недавно вышедшей книге В.Н. Козлякова о Борисе Годунове деятельность этого царя в целом оценивается положительно. Автор отмечает, что Борис проявил себя как незаурядный государь, активно работавший на благо государства. Но обстоятельства явно были против него. Придя к власти, Борис Годунов сделал все, чтобы династия стала легитимной, но он не мог тягаться с мертвым царевичем и его многочисленными двойниками. Сомнительный слух о причастности нового царя к убийству законного наследника сразу же подпортил Борису репутацию. Но основную причину падения режима Годунова Козляков видит не в этом, а также не в эпидемиях или голоде. Сформировавшийся как политический деятель в период опричнины, Борис, «мудрый» и «добрый» правитель, периодически «срывался»: не доверял своему окружению, слушал «наушников» и жестоко преследовал противников. Более того, «разрыв» между обещаниями государя и реальностью привел к тому, что царю перестали беспрекословно подчиняться, – это в конечном счете и стало причиной его стремительного падения⁴⁶.

В отечественной историографии традиционно «не везет» последним Романовым. Вот уже почти сто лет прошло с момента падения самодержавия, а относительно удачные монографии об императорах все еще можно пересчитать по пальцам. В то же время под видом научных часто издаются работы, которые представляют самодержцев и их окружение настолько неадекватно, что реальная история на их страницах превращается в фантазии, мало соответствующие действительности.

Так, изданная в 2002 г. в книга Л.М. Ляшенко об Александре II представляет собой неуклюжую попытку очеловечить образ этого правителя. Автор нередко высказывает достаточно противоречивые идеи. Он утверждает, что все императоры XIX в. очень серьезно воспринимали идею самодержавия об ответственности монарха перед земными подданными и – главное – перед Богом. Но Александр II, по словам историка, «выламывался» из привычных рамок, диктовавшихся статусом императора: он сократил себе «рабочий день», стремился быть «как все» и т. д.⁴⁷. Выходит, по Ляшенко, режим власти этого государя был своего рода «с ограниченной ответственностью»? Эдакий вариант Ltd.

Историческую кривду насаждает и новая биография Николая II – «пленника самодержавия», как его назвал автор, С.Л. Фирсов. При прочтении этого труда создается впечатление, будто он написан очень старательным дилетантом. Библиографический аппарат здесь в наличии, на каждой странице – ссылки на источники. Однако при этом складывается ощущение, что автор взял какой-то определенный набор исторических документов и слепил из них книгу, причем даже не структурировал материал. В работе нет никакого анализа данных, создается впечатление, что Фирсов не владеет общими историческими знаниями по периоду. Он просто приводит цитаты как факты, иногда даже не комментируя их⁴⁸. Либо авторский текст оказывается совершенно неуместным. Если делаются выводы, то, как правило, далеко не очевидные. Не исключено, что еще до написания книги у автора имелась своеобразная

концепция, которую он и изложил, иллюстрируя «выбранными местами» из источников. Основная мысль, которую пытается донести Фирсов, тривиальна и ненова: Николай II – прекрасный семьянин, он не подходил для роли монарха, не справился с ней, и вообще по жизни ему очень не везло. Так, например, коронация видится автору не только «последним праздником русского самодержавия»⁴⁹, но и мрачным предзнаменованием неудачного царствования. В то же время многочисленные источники утверждают обратное: да, Ходынская катастрофа подпортила репутацию нового государя, но коронация в общем стала достаточно ярким событием.

Николаю I в последние годы «везет» больше: в 2001 г. вышла, а в 2003 была переиздана упомянутая выше очень удачная книга Л.В. Воскоchkова⁵⁰. Заслуживающий внимания подход к изучению деятельности этого императора предложил М.М. Шевченко⁵¹.

В последнее время наметилась тенденция к пересмотру деятельности Л.И. Брежнева. После обильной (а нередко и необоснованной) критики перестроечного периода и фактического забвения первых постперестроечных лет к этой личности (во многом в связи со столетним юбилеем в 2006 г.) вновь стал возвращаться общественный и научный интерес. Появились работы, авторы которых рассуждают о достоинствах генсека, а период его правления начинает все больше восприниматься не как «застой», а как своего рода «золотой век». С.Н. Семанов, сравнивая 18-летнее правление Брежнева с другими периодами советской истории, приходит к выводу, что эта эпоха была самой спокойной и что советский народ никогда прежде не жил лучше. Аргументация следующая: «Ни войн, ни революций. Ни голода, ни потрясений. Жизнь медленно, с перебоями, но улучшалась», бесплатное жилье, образование, медицинское обслуживание. На что жаловаться? Советский человек впервые зажил спокойно. То есть «эпоху застоя» смело можно переименовывать в «эпоху стабильности». По мнению Семанова, возвышение Брежнева было вполне естественным: «страна устала от бесшабашных хрущевских шатаний», «партийный аппарат <...> молча негодовал по поводу бесконечных и непродуманных перемен», а народ озлоблен. Именно в этих условиях Советскому Союзу необходим был «спокойный и осмотрительный руководитель». Брежнев представляется Семанову не рамольным и слабым, а тонким мастером закулисной интриги, который сумел удержаться у власти почти два десятилетия во многом благодаря стилю своего руководства – «в конкретные дела не влезал, но и к работникам с лишними претензиями не приставал»⁵².

Б.В. Соколов в своей книге с первых страниц предупреждает читателя, что в оценке личности Брежнева он «уйдет» от «привычных схем». По его мнению, «непопулярность» генсека во многом объясняется тем, что Брежнев «был неугоден большинству писавших о нем мемуаристов и публицистов». Хотя, отмечает Соколов, на фоне кровожадных предшественников он прямотаки выглядит «добрым царем». Кроме того, по всей видимости, Брежнев был далеко не посредственностью, как принято считать. Представляется сомнительным, чтобы совершенно «серый» человек сумел в течение 18 лет удержи-

вать бразды правления Советским государством. Более того, «всерьез» их никто и не пытался вырвать из рук Брежнева. Он овладел в совершенстве «приемами политической борьбы в специфических условиях тоталитарного государства». Готовый к компромиссу в непринципиальных вопросах, Брежнев жестко проводил свою линию при решении важных проблем⁵³.

Не за горами двойной юбилей другого позднесоветского руководителя – Ю.В. Андропова: в 2014 г. исполняется 30 лет со дня его смерти и 100 лет со дня рождения. Похоже, правда, что об этом мало кто помнит: скорее всего столетие начала Первой мировой войны затмит собой эту дату. Хотя, возможно, загадочная фигура генсека-чекиста – тайного либерала в Политбюро и предтечи Перестройки (не говоря уже о возможных аллюзиях с первым в 2014 г. лицом) – привлечет к себе внимание историков. Тем более что интерес к Андропову уже проявился. В 2008 г. вышла книга Л.М. Млечина с многообещающим подзаголовком «Последняя надежда режима»⁵⁴. С.Н. Семанов продолжает каждые несколько лет переиздавать под разными заголовками свою работу об Андропове⁵⁵. Обе книги написаны в достаточно вольном публицистическом стиле. Книга Млечина фактически представляет собой подборку крупных цитат из различных источников. А труд Семанова содержит большое количество мыслей, ничем особенно не подтвержденных. Мыслей весьма спорных и присущих, скорее, литературным нарративам⁵⁶.

За последнее десятилетие вышло большое количество работ о Б.Н. Ельцине⁵⁷. Среди них совсем новая монография Р.Г. Пихои, М.Р. Зезиной, О.Г. Малышевой и Ф.В. Малхазовой⁵⁸. Ельцин, как и в предыдущих работах Пихои⁵⁹, представлен в ней великим реформатором, которому – вот незадача – окружение помешало привести страну к процветанию. Приблизительно такой же взгляд представлен и в работе западного русиста Г. Эллисона⁶⁰.

Над вопросом, что за режим власти сформировал В.В. Путин, бьются не только отечественные историки и политологи, но и их западные коллеги. Количество выходящих на эту тему работ просто зашкаливает, и каких только оценок в них ни высказывается⁶¹. Так, авторы коллективного исследования «Политика и правящий слой в путинской России»⁶² считают, что сформированная Путиным политическая, социальная и экономическая системы являются в своей основе непрочными. О.И. Зазнаев подчеркивает, что усиление института власти президента происходит за счет правительства. А по словам Х.Х. Шродера, непропорциональная мощь государства отражает ситуацию в обществе: только элита обладает стимулами для воздействия на правительство, поэтому только она может оказывать влияние на сложившуюся систему.

Гораздо более позитивный взгляд на этот период был предложен в коллективной работе российских авторов «Владимир Путин. Рано подводить итоги». Заслугой Владимира Владимировича признается формирование стабильного режима и вполне удачный «уход» от «авторитарного огосударствления». Бывший (и следующий!) президент рассматривается в книге как «один из главных авторов современной версии идеи единой и сильной России». Эта идея «определяет линию на внутринациональную солидарность и возрожде-

ние целостного духовного пространства страны», а также экономическую политику (налоговое и таможенное регулирование на федеральном уровне), освоение территории России, экспансию на Восток, «возвращение» как мощного государства на мировую арену. При этом необходимо учитывать, что, по Путину, далеко не все решает власть, очень многое зависит и от граждан государства. В преддверии предстоящего – третьего – срока почти пророческими выглядят слова авторов книги: «Путин – это выбор России, остающийся при любом раскладе в ситуации грядущего транзита власти»⁶³.

Другие субъекты пространства власти

Помимо первых лиц в пространстве власти присутствуют и другие фигуры, политические группировки и объединения, имеющие большее или меньшее влияние. Подобные субъекты – как важные, а порой и соразмерные первым лицам субъекты – также в последние годы привлекают к себе внимание исследователей.

Итогом многолетней работы стала книга А.Ю. Полунова о К.П. Победоносцеве⁶⁴. Автор реконструирует образ «всесильного» обер-прокурора с учетом его личных связей и возможностей влияния на политическую ситуацию. Полунов дистанцируется от мифов, сфабрикованных во многом еще при жизни политика и с воодушевлением тиражированных в советское время. Автор подчеркивает нетипичность этого государственного деятеля, отличавшегося от современников цельностью взглядов, а также отмечает уникальность Победоносцева как политика, его исключительное долголетие и активность в пространстве власти. Вместе с тем Полунов четко очерчивает границы возможностей Победоносцева при Александре III и Николае II, тем самым опровергая миф о его «всесилии».

И.В. Курукин предложил совершенно неожиданный образ Э. Бирона. Историк рассуждает об уникальности этой фигуры, а также об исключительном стечении обстоятельств, приведших Бирона на самую вершину управления Российской империей. Удачным Курукин называет и совпадение масштаба личности и интеллектуального уровня фаворита не только с «запросами» Анны, но и со стандартами придворного круга послепетровской эпохи. Более того, исследователь отмечает неизбежность прихода к власти «бирона» именно как феномена: созданный Петром механизм управления нуждался в фигуре фаворита, способного «освоить колоссальный объем власти», сосредоточенный в руках монархов, не обладавших уникальными способностями своего великого предшественника. Именно Бирону, по мнению Курукина, удалось превратить малопочтенный образ «временщика» в настоящий институт власти с неписаными, но четко очерченными правилами и границами. Анализируя механизм управления страной в 1730-е гг., Курукин пересматривает и са-

мо понятие «бионовщина», наполняя его совершенно другим содержанием. По его мнению, это относительно устойчивая структура власти, обеспечивающая стабильность и некоторый порядок в стране. Ее основой стали не только влияние самого Бирона, репрессии или «засилье иноземцев», но в первую очередь масштабные перестановки во «властном эшелоне» и последующая удачная кадровая политика⁶⁵. Правда фавориту не повезло – к началу 1740-х гг. в пространстве власти традиционных для того времени субъектов управленческой сферы начала теснить «зарвавшаяся» гвардия. Именно гвардейцы в итоге и «выволокли» Бирона из этого пространства. Таким образом, отмечает Курукин, получивший колоссальную власть и «пришедшийся к месту» фаворит оказался недалёковидным политиком, в одночасье потерявшим все.

Отдельным направлением исследований стало изучение союзов, локальных сетей, коммуникаций представителей элиты. Одной из подобных коммуникативных институций стали салоны начала XX в., о которых были написаны сразу две заметных работы – книга М.М. Леонова о салоне В.П. Мещерского и более обобщающее исследование Д.И. Стогова. Леонов предпринял попытку разобраться в «дружеских» связях российской бюрократической элиты и исследовать салон Мещерского как площадку для контактов правительственных чиновников и активного общества. По его мнению, фигуры из светского мира могли оказывать большое влияние на политическую ситуацию в стране. Дружеские связи нередко открывали доступ к «стратегически важным ресурсам», вследствие чего получил распространение феномен профессионального посредничества. Салон Мещерского как правило посещался с исключительно прагматичными целями. Здесь можно было узнать сплетни и слухи, завести новые знакомства, сделать себе рекламу. Начинающие чиновники получали возможность оказаться замеченными Мещерским или его окружением, что при удачном стечении обстоятельств могло стать неплохим карьерным стартом.

Главным занятием хозяина салона было посредничество, для чего он использовал различные каналы коммуникаций. Сам Мещерский вел активную деятельность по обретению и обустройству таких каналов, а также занимался оттачиванием собственного имиджа. Каналы коммуникаций использовались им для достижения определенных целей: продвижения кандидатов на посты, получения наград и т. д. Поскольку Мещерскому удалось зарекомендовать себя влиятельным лицом, многие обращались к нему за помощью. Леонов выделил несколько этапов в осуществлении такого рода «делок»: обращение за помощью – борьба за интересы клиента – в случае успеха мероприятия клиент переходил в статус «должника» – фиксация прибыли. Мещерский пользовался богатым арсеналом средств для достижения поставленных целей: периодические издания, письма, личные беседы с «власть имущими», распространение слухов. Важнейшей прибылью становилось расширение индивидуальной сети Мещерского, а также увеличение масштабов его влияния. Оплата услуг могла иметь место, но не была обязательной. Интересно, что в некоторых случаях Мещерский добивался цели, не принимая непосредствен-

ного участия в продвижении кандидата. Тонкий мастер интриги, он, узнав о планируемой отставке или назначении того или иного чиновника, начинал резко критиковать или, напротив, воспевать его в «Гражданине». Читающая публика, не обладавшая другими сведениями, связывала перестановку в верхах с влиянием газеты, проецируя его на фигуру самого Мещерского⁶⁶. Стогов в разделе, посвященном этому салону, подтверждает некоторые приведенные Леоновым факты, хотя и в менее схематичном виде. Темой его работы стали правомонархические салоны в системе власти самодержавной России. Он изучил формы проведения собраний, их состав и направления деятельности. По его мнению, степень влияния таких салоном на кадровые решения, внешнюю и внутреннюю политику была низкой⁶⁷.

В различные периоды российской истории пространство власти наполнялось разнообразными случайными субъектами. Так, после Октябрьской революции его «заполнили» люди, которые еще месяц тому назад не могли и мечтать о подобной роли. Первые годы после октября 1917 г. считаются периодом так называемого «коллективного правления», когда в пространстве власти «столпилось» огромное количество представителей партии – ситуация, нехарактерная для «окрепшего» большевистского режима. Работа американского исследователя А. Рабиновича посвящена первому году советского «правления»⁶⁸. Большое место здесь уделено деятельности новых государственных органов. Автор тщательно реконструирует сложные отношения внутри партии, показывая, что в 1918 г. большевики были далеки от единства и что партийному аппарату еще не удалось превратиться в ключевого игрока. По словам Рабиновича, действия партии в Петрограде порой определялись конфликтами между различными группировками. На какое-то время Совет народных комиссаров занял ключевые позиции в пространстве власти: именно там готовились важнейшие политические решения. Также историк показывает, что, несмотря на значительную роль Ленина, в тот период он еще не обрел положения безраздельного лидера партии.

Особое властное пространство было создано в советском руководстве в послевоенный период. Об этом пишет профессор М. Рейман. Он отмечает, что ситуация в верхах в позднесталинскую эпоху остается неизученной. Многие представления об этом периоде сложились под влиянием Н.С. Хрущева. Исключительность положения Сталина объясняется не только сосредоточением в его руках огромного объема власти, но также опытом идейной и политической борьбы и ролью при оформлении властного режима. Другие субъекты пространства власти находились на его периферии ввиду разных причин. Большинство членов руководства были обязаны Сталину положением и прекрасно понимали, что даже незначительный конфликт с ним мог стать завершением их карьеры. Между тем сам носитель власти, сознавая прочность собственных позиций, прибегал лишь к «предупредительным» репрессиям для обеспечения беспрекословности выполнения своих указаний. Конфликты в руководстве носили особенный характер: они «развивались как конфликты людей, признававших сталинский авторитет по идейным и поли-

тическим вопросам». Сложными были отношения между Сталиным и Молотовым. Как отмечает Рейман, последний являлся единственным в высшем руководстве, кто обладал авторитетом и качествами политического лидера. Поэтому Сталин одновременно и пытался подорвать его позиции, и использовал его опыт, поскольку именно от Молотова «зависела сильно пострадавшая от чисток дееспособность власти». В целом в послевоенный период Сталин выискивал новые комбинации в верхах с целью сохранения собственной роли. Между тем к концу его правления образовался некий властный вакуум, поскольку номинально рычаги управления государством оставались в руках человека, который «не только не имел силы систематически действовать, но утратил также способность принимать взвешенные решения»⁶⁹.

В тени столыпинианы, или Как не надо политизировать историю

Наивно полагать, что история может быть свободной от политической конъюнктуры. Однако обслуживание такой конъюнктуры должно быть корректным и грамотным. Иначе оно окажется просто неэффективным. Наглядным примером именно неэффективного затыкания образовавшейся смысловой лакуны образом вроде бы подходящей для подобной миссии фигуры является вторичное призвание во власть тени П.А. Столыпина и вызванные этим движения в сообществе историков.

Интерес к фигуре Столыпина впервые обозначился еще в период Перестройки. Уже участники первого Съезда Народных депутатов обращались к авторитету реформатора и тем самым вызывали повышенное внимание прессы и публицистики к его личности и деятельности. Нынешнему руководству страны Столыпин также показался фигурой, достойной всяческого превознесения. В 2002 г. Путин открыто призвал правительство последовать примеру Столыпина в области земельной реформы. Одновременно с этим он начал вручать ордена имени великого реформатора. В 2006 г. уже Д.А. Медведев заявил о необходимости завершить столыпинские реформы, а через два года вновь обратился к авторитету Петра Аркадьевича, процитировав его в послании Федеральному Собранию. В настоящее время готовится торжественное празднование полутораугодового юбилея со дня рождения Столыпина. В рамках масштабных приготовлений члены правительства с «подсказки» Путина даже «скинулись» на постройку памятника царскому премьер-министру.

Такое оконъюнктуривание образа Столыпина породило массу посвященных этому историческому деятелю текстов – от откровенно публицистических до в общем-то соответствующих стандартам научного исследования. Единства мнений о Столыпине не наблюдалось уже с самого начала его карьеры. Однако о том, что произошло с образом этого государственного деятеля

в последние годы, невозможно было и помыслить. Из просто противоречивой фигуры он превратился в некий «бренд». Этот бренд» подкрепляется историческими сочинениями, активно издаются источники, подтверждающие заслуги Столыпина и тем самым как бы подводящие идеологический фундамент под строящийся на личные сбережения членов правительства памятник великому реформатору.

Активную деятельность развернул Фонд изучения наследия Столыпина под председательством бывшего заместителя министра культуры и массовых коммуникаций П.А. Пожигайло. Фонд активно проводит конкурсы творческих работ о Столыпине, конференции, посвященные его деятельности. Несомненной заслугой фонда является издание большого количества ценных исторических документов⁷⁰. Между тем научная ценность отдельных изданий фонда спорна. При внешнем историзме и наличии большого числа ссылок на источники этим работам присуще крайне тенденциозное восприятие Столыпина. Так, в книге П.А. Пожигайло и В.В. Шелохаева «Петр Аркадьевич Столыпин: Интеллект и воля» преобладает избыточная цитатами информация о масштабах планируемых преобразований и заслугах их инициатора, между тем как причины неудач героя обходятся стороной, либо отмечается, что «вины Столыпина в этом нет»⁷¹.

Работа А.П. Бородин «Столыпин. Реформы во имя России», также написанная на основе источников, в том числе на большом количестве архивных материалов, представляет определенный интерес. Как отмечает автор, цель его исследования заключалась в том, чтобы представить деятельность Столыпина в освещении документов эпохи, в особенности глазами его современников (Бородин в основном использует источники личного происхождения). В итоге получилась весьма стройная картина, представляющая деятельность реформатора в исключительно выгодном свете. Основным достижениям Столыпина называется то, что ему «удалось примирить общество с властью» и «перебить смуте хребет». В работе подчеркивается, что именно Петру Аркадьевичу посчастливилось «спасти конституционный строй от уничтожения». С политической точки зрения события 3 июня 1907 г. оказались единственным способом сохранить представительные учреждения в России⁷². Между тем Бородин не делает собственных выводов по проблеме, даже в заключении ограничиваясь цитатами из источников.

В массе некритически настроенных работ выделяется книга П.С. Кабытова, также изданная при поддержке Столыпинского фонда. Несмотря на явные симпатии автора к Столыпину и его исходную установку о своевременности для России начала XX в. реформаторского курса премьера (который «стремился защитить устои государственности не заклинаниями, а делом: осуществлением либеральных реформ, призванных ускорить процесс модернизации страны»), очевиден аналитический характер исследования. Кабытов описывает политический кризис, предшествовавший призыву Столыпина во власть, и объясняет, каким образом произошло выдвижение саратовского губернатора и почему в создавшихся условиях он оказался единственным

возможным кандидатом на пост министра внутренних дел. Историк отмечает, что столичная правящая элита не смогла предложить деятеля из своей среды, поскольку «традиционные меры управления не срабатывали» и не нашлось желающих взять на себя «всю полноту ответственности и за умиротворение общества, и за подготовку и осуществление полномасштабных реформ». В таких условиях возникла необходимость привлечь к управлению страной представителя нового поколения государственных деятелей. К тому же, «убежденный» монархист Столыпин был хорошо известен императору. Завершая описание масштабных преобразований премьера, Кабытов отмечает, что часть его начинаний не удалось реализовать из-за интриг партий и бюрократии⁷³.

Особняком в потоке восторженных отзывов о Столыпине стоит работа С.Г. Кара-Мурзы. На статистическом материале он показывает, что реформа провалилась и привела к серьезным социальным потрясениям⁷⁴.

Таким образом, обозначившийся еще в Перестройку интерес к Столыпину разросся в последние годы в настоящий «столыпинский бум». Уже сделаны серьезные шаги к мифологизации фигуры этого исторического деятеля. Власть вызывает к жизни химеры прошлого, чтобы представить свой неэффективный режим в выгодном свете. Она выбирает отдельную историческую фигуру и корректирует ее под необходимый образ, нередко подрисовывая ей недостающие – как это может показаться на сегодняшний день – черточки. Далее исторический герой начинает всячески «пиариться», а затем его образ активно используется для отвлечения внимания от актуальных проблем. Власть ожидает, что на нее саму непременно попадут «лучи света» от идеализируемой ею фигуры. То есть историей не то чтобы затыкаются дыры – ей пытаются прикрыть зияющие пустоты. Причем попавшийся под руку Столыпин – далеко не исключение. Представители власти активно эксплуатируют тени и других государственных деятелей прошлого. Так, в выступлении на конференции, приуроченной к 150-летию отмены крепостного права, Д.А. Медведев не только назвал себя продолжателем Великих реформ, но и заявил, что «что жизнеспособными оказались не фантазии об особом пути нашей страны и не советский эксперимент, а проект нормального, гуманного строя», который, как считает президент, был задуман Александром II. Далее он продолжил, что «в историческом масштабе» прав оказался именно Александр (читай: «и Медведев»), а «не Николай I или Сталин»⁷⁵. Подобные высказывания в силу своей некорректности и несоответствия реальным событиям прошлого вряд ли заслуживают профессионального исторического комментирования.

Двадцатилетие 1991 года: что отмечаем?

В 2011 г. исполнилось 20 лет с момента прекращения существования СССР. На протяжении всего этого времени не только историки и политологи, но и бывшие граждане Советского государства задаются вопросом о причинах его

кончины и пытаются понять, была ли она естественной или же безвременной. Появившиеся на сей счет новые исследования выглядят взвешенными, хотя и с четко проявленными гражданской и политической позициями их авторов.

Р.Г. Пихоя позиционирует свой подход как принципиально новый – сочетающий собственно исторические методы исследования и конкретные наблюдения и знания «человека из власти». Автор подчеркивает, что непосредственное участие в событиях перестроечного периода не превращает его в заинтересованное лицо и его труд в исторический источник, а, напротив, является уникальным достоинством и ключом к пониманию происшедшего. Пихоя утверждает, что именно «человек из власти», прочувствовавший политические особенности того периода, бывший непосредственным свидетелем принятия важнейших решений, способен понять и вкупе с навыками профессионального историка оценить ситуацию. В качестве объекта изучения он называет прежде всего Кремль как центр власти.

Пихоя, последовательный сторонник Перестройки и Ельцина, предлагает стройную концепцию, объясняющую именно естественный и закономерный характер прекращения существования СССР. Автор подчеркивает, что перестроечные реформы не могли изменить положение в стране в лучшую сторону – они оказались попытками «реформировать нереформируемое». Ситуация ухудшилась из-за целого комплекса причин, среди которых и социально-психологический кризис советского общества, вызванный кризисом идеологии, и кризис в экономике, и неудачная политика «нового мышления», и «политическое самоубийство» советской власти – реформа политической системы, и национальные проблемы, последовавшие за ослаблением репрессивного режима. В общем, полный перечень хрестоматийных и многократно за эти 20 лет проговоренных объяснений. Между тем Пихоя не без удивления отмечает, что несмотря на наличие всех этих причин, неминуемо ведущих к уничтожению государства, отсутствовала главная – наличие организованной оппозиции внутри страны. Он пишет, что непосредственно режим стал разрушаться, «когда началось крушение веры в светлое коммунистическое завтра». А в качестве вывода он повторяет свою изначальную установку о том, что, будучи нереформируемой, советская система оказалась нежизнеспособной⁷⁶.

В работах А.В. Островского анализируются те же события, те же факторы, способствовавшие разрушению СССР, но под совершенно другим углом зрения. Интересно, что исследователь называет все причины уничтожения союзного государства, приведенные Пихоей, с одним важным отличием: все негативные явления были усугублены во время Перестройки, а некоторые разрушительные процессы запущены непосредственно ее лидерами. Более того, рассматривая исторические документы и факты, Островский приходит к выводу, что у Горбачева имелся общий замысел реформ, целью которых стала «ликвидация СССР как государства-корпорации». Для этого требовалось ликвидировать СЭВ и ОВД, отказаться от сфер влияния, изменить политический, экономический и духовный облик советской страны, разделить СССР

на более мелкие государства, что и было успешно проведено Горбачевым. Островский неоднократно цитирует бывшего генсека-президента: если бы он не начал перемены, то мог бы мирно царствовать еще лет пятнадцать, но он хотел осуществить свой «замысел» – «сломать хребет тоталитарному монстру». Таким образом, утверждает исследователь, СССР не развалился, а был последовательно демонтирован как государственная система, а затем и расчленен, причем с грубейшими нарушениями законов. Островский также выдвигает общую гипотезу относительно действий Горбачева и его соратников: перестройка была задумана как подготовка к вхождению советской системы в мировую экономику и созданию «нового мирового порядка».

Из факторов, способствовавших разрушению СССР, Островский также отмечает деятельность средств массовой информации, которые «раскачивали общественное мнение и направляли недовольство против системы власти». Кризис идеологии в Советском государстве рассматривается автором иначе. Он говорит о гласности как об одной из основных причин ликвидации советской власти. По его мнению, горбачевский режим планомерно осуществлял идеологическое «переворужение» общества⁷⁷.

Сходной позиции придерживается Е.П. Бажанов. Он приводит дополнительные факты, подтверждающие запланированный характер Перестройки. Так, например, он цитирует речь М.С. Горбачева в Стамбульском университете в 1999 г., где последний заявил, что уничтожение коммунизма было целью всей его жизни и что ему удалось найти сподвижников (особенную роль он отвел А.Н. Яковлеву и Э.А. Шеварднадзе). Но также Бажанов подчеркивает, что без участия Ельцина Горбачеву не удалось бы разрушить Советский Союз⁷⁸.

Как и Пихоя, Р.А. Медведев считает, что основной причиной разрушения СССР стал кризис идеологии. Между тем огромную роль в тех событиях сыграл и личностный фактор. Но в отличие от Бажанова и Островского, он отрицает преднамеренность действий Горбачева по развалу собственного государства. Медведев возлагает ответственность на Ельцина и демократов, на ГКЧП и правительства Рыжкова и Павлова. Горбачев «не справился с управлением», так как не обладал достаточными способностями для руководства государством. Когда его реформы, вызвавшие ослабление власти и недовольство населения, стали мишенью демократической критики, Горбачев был шокирован. То есть, по Медведеву, он оказался заложником собственных действий, к тому же люди, которых Горбачев считал сторонниками, обратились против него⁷⁹.

Схожую концепцию предлагает и Стивен Коэн. Историк отвергает тезис о принципиальной неререформируемости советского режима. С его точки зрения, систему можно было менять, идя по эволюционному пути – образца «раннего» Горбачева. В качестве важнейшей причины распада СССР исследователь называет и личностный фактор. По его мнению, столкновение оказавшихся одновременно у власти двух «экстраординарных» политиков привело к уничтожению государства⁸⁰. Коэн обстоятельно размышляет о возможности

эволюции советского режима. Несомненно, эта проблема вряд ли может быть решена однозначно. В современном западном руссведении поставленный Коэнном вопрос «Была ли советская система реформируемой?» стал отправным пунктом для пространной дискуссии, имевшей место в 2004 г.⁸¹

Примечательно, что в то время как на Западе на сей счет размышляют и не находят однозначного ответа, в России все еще порой раздаются безапелляционные заявления об «общепринятости» «тезиса об обреченности советской системы и неререформируемости СССР как тоталитарного режима»⁸².

Бархатно-цветные транзиты: революция как технология власти

В 1994 г., выступая в Государственной Думе и говоря о пережитых страной в начале 1990-х перипетиях, А.И. Солженицын сказал: какими бы катастрофическими они ни казались, но главное, что не повторилось Февраля. Воспоминание применительно к бархатной революции 1991 г. и ее последствиям одного из ключевых событий отечественной истории минувшего века – гибели тысячелетнего политического режима в феврале 1917 г. – оказалось во многом провиденциальным. Причем и в политическом, и в научно-историческом отношениях. Тогда, в 1990-е, было как-то не принято проводить параллели между гибелью советского режима и произошедшими чуть раньше трансформациями в Восточной Европе, хотя само понятие «бархатная революция» уже появилось в общественном обиходе. Свое новое рождение это понятие обрело после «оранжевой революции» на Украине в конце 2004 г. А спустя всего лишь несколько дней после прихода к власти в этой постсоветской стране нового президента в России отмечался столетний юбилей Первой русской революции, начало которой тоже чрезвычайно смахивает на некий политехнологический прием-провокацию, который легче всего объяснить неразберихой в правительственных верхах. Эту переключку революционных эпох отметил тогда Г.А. Бордюгов. По его словам, «история коллапса царского режима» «стала историей наших дней» еще в августе 1991 г., и «призрак революции» до сих пор не покинул страну. Анализируя революционные события начала XX в., он указал на их сходство с ситуацией 1990-х – начала 2000-х гг.⁸³

После «оранжевой революции» на Украине российская общественность заволновалась: а не грозит ли нашему Отечеству подобный сценарий? Некоторые представители современной интеллектуальной элиты бросились писать статьи и даже книги, пытаясь разобраться в вопросе: что в революции является исторической неизбежностью, а что – технологией. Модными стали политико-эсхатологические ожидания коллапса путинского режима. Так, М.Г. Делягин в книге с подзаголовком «Россия после Путина. Неизбежна ли в России

«оранжево-зеленая» революция?» предсказывал, что путинская политика повергнет страну в хаос еще до 2010 г. По его мнению, уже к началу 2005 г. правительство буквально «на ровном» месте создало революционную ситуацию, и страна переживала тогда «настоящую агонию», которая неминуемо вела к летальному исходу. Причем особую дестабилизирующую роль Делягин отводил исламскому фундаментализму, то есть Россия не должна была отделаться «так легко», как Украина, – ей грозила не «просто» «цветная революция», а кое-что похуже⁸⁴.

В 2005 г. С. Телегин предсказывал несколько вариантов возможного «перехвата власти» у команды Путина. Наиболее удобным представлялся «момент «естественной» нестабильности» – выборы 2008 г. В данной ситуации вполне вероятным могло стать проведение «бархатной революции» по грузинскому или по украинскому варианту. Между тем «дестабилизирующие действия» нужно было ожидать уже в 2005 г. С. Телегин предложил следующий сценарий развития событий. Путину сделают ультимативное предложение. Отказ выполнить выдвинутые требования неминуемо приведет к углублению конфликта с Западом и к раскручиванию антипутинской кампании в СМИ⁸⁵. Выполнение же требований будет означать «еще большую раскрытость РФ в отношении влияния Запада». При таком варианте развития событий СМИ объявят о «предательстве национальных интересов России»⁸⁶.

Ситуация накалялась: кто-то ожидал коллапса, кто-то – «бархатной революции»... И тогда снова прозвучал голос живого пророка Солженицына, вновь обратившегося к февральским ассоциациям. Правда, уже в гораздо менее оптимистичном тоне, чем десять с лишним лет назад. 27 февраля 2007 г. в «Российской газете» была опубликована его работа «Размышления над Февральской революцией»⁸⁷, в которой он «с горечью» отметил, что часть выводов статьи «приложима к нашей сегодняшней тревожной неустроенности».

Постепенно актуальность темы как-то спала, Россия пока не стала жертвой «цветной революции», не распалась и не «самоуничтожилась», Путин тоже остался у власти и даже возвращается в нее – вопреки мнению древних о невозможности дважды войти в одну и ту же воду. Тем не менее феномен «бархатной революции» продолжает привлекать внимание отечественных интеллектуалов – в большей степени политологов, в меньшей – историков.

Концепцию возникновения и развития «бархатных революций» разработал С.Г. Кара-Мурза⁸⁸. По его мнению, это явление имеет совершенно новую, неклассическую природу, связанную с реалиями современного информационного общества, с реалиями Постмодерна. «Цветная революция» – это спектакль. А изучать игровые практики по устаревшим обществоведческим лекалам бесперспективно. Между тем у власти нет другого познавательного опыта, а значит, она пока не в состоянии выработать механизмы защиты против «бархатных» сценариев или борьбы с ними. Основное качество «бархатной революции» – ее ненасильственный характер или, по меньшей мере, создание полной иллюзии безопасного ненасильственного развития событий. Такой ход нейтрализует главную силу, которую государство традиционно го-

товит для отражения революции – его силовые структуры. Вместо насилия, борьба ведется психологическим, социальным, экономическим и политическим оружием. По мнению автора, технология «бархатных революций» использует слабость устройства большинства современных государств, имеющих в своей основе так называемые демократические начала, включающие в себя уважение свободы слова и собраний. В этих государствах общепризнанной является идея о недопустимости насилия по отношению к тем, кто не совершает насильственных действия. Даже если эти «кто-то» формально допускают «мягкие» правонарушения⁸⁹. Правительства привыкли быстро и эффективно реагировать на насильственные акции оппозиции. Они умеют видеть поползновения «захватить территорию, украсть деньги», но совершенно не готовы к отражению ненасильственных ударов по их престижу, общественному мнению и т. д. Так, по оценке Кара-Мурзы, «на Украине совершенно незаметно для всех у государства украли репутацию, авторитет и часть граждан, «перевербовав» их в свой народ»⁹⁰.

Г.Г. Почепцов в работе «Революция.com» также обсуждает вопрос о ненасилии как методе воздействия на правящие круги. Он рассматривает различные стратегии этого метода на конкретных примерах (Бирма, Югославия, Грузия и др.). Кроме того, автор сформулировал три основных предварительных условия «цветной революции»: демократическое (когда власть не решается противостоять оппозиции), экономическое (развитие экономики государства не отвечает ожиданиям населения) и информационное (телевизионное освещение событий внутри страны и за ее пределами)⁹¹.

Историческая кратология: промежуточные итоги и возможные горизонты

На поставленный в начале статьи вопрос о том, стала ли историческая кратология эффективнее по сравнению с рубежом XX и XXI веков, нет однозначного ответа. С одной стороны, новый проблемный и понятийный язык историков власти, вроде бы, оформился, и приверженцы архаичных подходов к изучению политической истории не осмеливаются его оспаривать, но и не торопятся обучаться ему. Более того, можно констатировать возникновение своего рода научной моды писать о власти по-новому. С другой стороны, качественного прорыва на фоне периода, рассмотренного в предыдущих «Исторических исследованиях» не произошло, наглядным подтверждение чему стал, в частности, и во многом позаимствованный из аналогичной статьи того сборника тематический рубрикатор настоящего текста. Наверное, наиболее точным определением ситуации, которую сейчас переживает в отечественном исследовательском сообществе историческая кратология, будет констатация стремительно нарастающих в этой области знаний перемен. Эти перемены

в недалеком будущем и создадут некое принципиально новое качество предмета. Не исключено, что такой прорыв произойдет на волне векового юбилея революционных событий в нашей стране.

Говоря о перспективах исторической кратологии, необходимо сделать три на первый взгляд парадоксальных и даже, возможно, как кому-то может показаться, недопустимых для историографов заявлений.

Во-первых, исторической кратологии тесно только лишь собственно в истории. Она норовит вырваться из реконструкций прошлого в настоящее и даже в будущее. Неспроста кратологам комфортно в политологии (истории настоящего) и футурологии (истории будущего). Поэтому они должны научиться воспринимать историю иначе – как неразрывное единство уже произошедшего, действующего в настоящий момент и еще не свершившегося. Факты, приведенные в статье, убедительно доказывают абсолютную корректность целостного и неразрывного восприятия прошлого и настоящего. Дело за будущим – но и о нем пунктиром говорится в некоторых местах текста. Есть все основания полагать, что революционная перемена в восприятии истории не только как уже случившегося начнется именно с исторической кратологии. А затем этот инновационный взгляд будет транслирован и в иные области исторического знания.

Во-вторых, развитие исторической кратологии требует совершенно иного отношения к историческому источнику. Он должен перестать восприниматься как археологическая находка – при всем уважении к этому достоящему направлению исторических изысканий. Источник сосуществует рядом с исследователем. Он переживает реинкарнацию в новых интерпретациях, которые оказываются возможными хотя бы благодаря ретроспекциям из сегодняшнего дня – как в прошлое, так и в будущее. Прочтение источника должно стать чем-то вроде игры с матрешкой – каждое очередное погружение в него дает возможность увидеть нечто новое. Кстати, именно подобная «игра» позволила преодолеть набившие оскомину штампы в восприятии русского XVIII века, о чем неоднократно говорится выше. Парадоксально, но ходульная арбатская «прикормка» интуристов – упаковывающиеся друг в друга матрешки в виде первых лиц прошлого и нынешнего столетий – оказывается потрясающе эвристической для исторической кратологии метафорой.

Наконец, в-третьих, следует раз и навсегда покончить с жеманной боязнью конъюнктурности исторической кратологии с точки зрения актуальной на текущий момент политической повестки дня. Еще со времен Геродота история обслуживала политику – не надо иллюзий, таковой она и останется. Другое дело – насколько профессионально подобное обслуживание. И здесь впору замахнуться на еще одну священную для позитивно мыслящих историков корову – историческую истину. Нет, не идет речи об огульном обращении как к очередной догме к постмодернистскому релятивизму. Но признание невозможности обретения единственной и безальтернативной исторической истины назрело уже давно. Маятниковые шараханья оценок того же Брежнева (и подавно Сталина – но это уже сфера компетенции другой статьи сборника) –

наглядное тому подтверждение. Чтобы быть действенной, историческая крапология должна стать в чем-то и сослагательной и из описываемой ею вариативности подводить к пониманию того, почему то или иное событие произошло так, а не иначе.

Только при следовании указанным трем рекомендациям историческая крапология сохранит свое монопольное и притом обоснованное право на быденную, как указано в начале статьи, – и для дилетантов, и для профессионалов – идентификацию с историей в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. – СПб., 2001; *Высочков Л.В.* Император Николай I: Человек и государь. – СПб., 2001; *Грищенко Н.К.* Консервативная стабилизация в России в 1881–1894. Политические и духовные аспекты внутренней политики. – М., 2000.

² *Петрухинцев Н.Н.* Невиданная эпоха, или Как нам устаканить Россию // *Родина*. 2009. № 2. С. 3–6.

³ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. – М., 2007; *Она же.* Городские реформы в России и Московская дума. – М., 2010.

⁴ *Курукин И.В.* Эпоха дворских бурь: Очерки политической истории послепетровской России. 1725–1762 гг. – Рязань, 2003. С. 455, 459.

⁵ *Waldron P.* Governing tsarist Russia. N.Y., 2007. P. 10–11, 70–71.

⁶ *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. – М., 2011. С. 899, 900, 901, 906.

⁷ Первая революция в России: взгляд через столетие. – М., 2005. С. 122–123.

⁸ Книга Булдакова вышла в 1997 г., недавно в дополненном варианте она была переиздана. См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 2010.

⁹ *Соловей В.Д.* Россия накануне смуты // *Свободная мысль – XXI*. 2004. № 12. С. 38, 40, 41–42, 46.

¹⁰ Почему Россия медлит? // *Свободная мысль – XXI*. 2005. № 4. С. 101.

¹¹ *Андреев Д.А., Бордюгов Г.А.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина: Краткий курс. – М., 2004. С. 7–8, 9, 11–12.

¹² Имеется в виду работа: *Hosking G.* Russia and the Russians: a history. – Cambridge, 2001.

¹³ *Ryavec K.W.* Russian bureaucracy: power and pathology. – Oxford, 2003. P. 249, 250, 251.

¹⁴ *Боханов А.Н.* Самодержавие. – М., 2002. С. 334–335, 345, 349.

¹⁵ См.: *Андреев Д.А.* Власть: механизмы, режимы, технологии // *Исторические исследования в России – II*. Семь лет спустя. – М., 2003. С. 123–124.

¹⁶ *Эрлих С.Е.* Уортмания (восприятие идей Р. Уортмана в России) // *Нестор*. Технологии власти. 2005. № 1 (7). С. 429–442.

¹⁷ *Цимбаев К.Н.* Феномен юбилеямии // *Вопросы истории*. 2005. № 11. С. 98–108; *Он же.* Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // *Отечественная история*. 2005. № 6. С. 42–51.

¹⁸ Н.И. Астров: «Энтузиазма, подъема, оживления, даже интереса – никакого». Великий князь Гавриил Константинович: «Я вынес впечатление, что юбилей дома Романовых прошел без особого подъема... Конечно, в театре приглашенная публика кричала “ура”, оркестр играл гимн, но настроения не было. Все было по-казенному, не чувствовалось, что вся Россия единодушно празднует юбилей своей династии» // *Он же.* Феномен юбилеямии. С. 107.

¹⁹ *Он же.* Православная церковь и государственные юбилеи императорской России. С. 42, 49.

²⁰ *Соболева Н.А.* Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. – М., 2006; *Она же.* Из истории советской политической символики // *Отечественная история*. 2006. № 2. С. 89–111.

²¹ *Климов Е.В., Кабаченко А.П.* Престолонаследие в Древней Руси. Вторая половина IX – середина XI в. // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 41–42.

²² Имеются в виду работа Р.Ю. Виппера «Иван Грозный», которая вышла в 1922 г., и более поздняя одноименная книга, изданная в 1944 г.

²³ *Perrie M.* The cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. – New York, 2001. P. 194, 195.

²⁴ *Züser E.A.* The transfigured kingdom: sacred parody and charismatic authority at the court of Peter the Great. – N.Y., 2004. P. 170.

²⁵ *Corney F.C.* Telling October: Memory and making of the Bolshevik revolution. – Ithaca, 2004.

²⁶ В России книга появилась сравнительно недавно: *Элиас Н.* Придворное общество. – М., 2002. В Германии и Англии она была издана значительно раньше: *Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie.* Neuwied/Berlin, 1969; *The Court Society.* – Oxford, 1983.

²⁷ *Wortman R.S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. I. From Peter the Great to the Death of Nicolas I. – Princeton, 1995; Vol. II. From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. – Princeton/New Jersey, 2000.

²⁸ Между тем в новой российской историографии по-прежнему распространено упрощенное, «вещественное», восприятие двора. См.: *Агеева О.Г.* Императорский двор России 1700–1796. Структура и эволюция российского двора. – М., 2008.

²⁹ *Невежин В.А.* Большие кремлевские приемы Сталина (1930-е – начало 1940-х) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 56–70; № 4. С. 123–139. Также автором издан сборник документов: *Застольные речи Сталина. Документы и материалы.* – М., 2003.

³⁰ *Невежин В.А.* Большие кремлевские приемы. С. 56.

³¹ Имеется в виду беседа М. Фуко с Ж. Делезом. См.: *Les intellectuelles et pouvoir // L'Arc*, 49; *Gilles Deleuze.* 1972, 2-e trimestre. P. 3–10.

³² Власть и интеллект в императорской России // Отечественная история. 2005. № 4. С. 3–4.

³³ *Писарькова Л.Ф.* Российская бюрократия в XVII–XVIII веках // Там же. С. 12–13, 19.

³⁴ *Черникова Н.В.* Власть и интеллект: нарастание конфликта // Там же. С. 58–60.

³⁵ *Гросул В.Я.* Власть и интеллект в Новой истории России // Там же. С. 44–46.

³⁶ *Гайда Ф.А.* Кадеты и власть: горе от ума? // Там же. С. 89–93.

³⁷ *Мамонов А.В.* Интеллектуальные задачи и возможности власти в XIX в. // Там же. С. 56–57.

³⁸ *Ружижская И.В.* М.А. Корф: бюрократ или интеллигент? // Там же. С. 38–44; *Рахматуллин М.А.* Интеллект власти: императрица Екатерина II // Там же. С. 21–29; *Агеева О.Г.* Петр I: у истоков российского имперства // Там же. С. 5–12.

³⁹ *Пчелов Е.В.* Династия Романовых и наука // Там же. С. 85–89.

⁴⁰ *Имперская Россия / Classical Russia. 1700–1825.* Т. 1. Калифорния, 2006. С. 2–4.

⁴¹ *Володихин Д.М.* Иван Грозный: Бич Божий. – М., 2006. С. 199.

⁴² Так, Володихин отмечает, что «невозможно и бессмысленно применять Уголовный кодекс РФ к местническому делу». В равной мере «невозможно и бессмысленно требовать от грозненской эпохи соответствия каким-то невнятным “общечеловеческим ценностям”, за которыми кроется рублефицированный либерализм». См.: Там же. С. 197.

⁴³ Там же. С. 194, 196.

⁴⁴ *Карагодина С.В.* Казимо Медичи и Иван Грозный: природа смеха и природа власти // Древняя Русь. № 1. 2005. С. 16, 39, 49–50. В статье сравнивается «смехотворное» поведение Ивана IV и флорентийского правителя К. Медичи, но объект изучения настоящего сборника ограничивает анализ указанной работы данными, касающимися лишь русского царя.

⁴⁵ Карагодина приводит большое количество примеров, отметим лишь случай с казнью схимника Никиты Голохвастова. Поджигая бочку с порохом, к которой был привязан схимник, Иван Грозный съязвил: «Он ангел: подобает ему над землею взлетети». См.: Там же. С. 51.

⁴⁶ *Козьяков В.Н.* Борис Годунов. – М., 2011. С. 265, 269–270.

⁴⁷ *Ляшенко Л.М.* Александр II, или История трех одиночеств. – М., 2002. С. 328.

⁴⁸ Например, рассуждая о начале правления Николая II, автор отмечает, что царь часто спрашивал советов ближайших родственников, «которые ему доброго совета дать не могут», и вообще, «никто царя не боится». См.: *Фирсов С.Л.* Николай II. Пленник самодержавия. – СПб., 2009. С. 179. Закавыченные куски – это цитаты из дневника А.В. Богданович (как известно, весьма предвзятого источника), встроенные в авторский текст и преподанные в качестве факта.

- ⁴⁹ Там же. С. 160.
- ⁵⁰ *Высочков Л.В.* Указ. соч.; *Он же.* Николай I. – М., 2003.
- ⁵¹ *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. – М., 2003.
- ⁵² *Семанов С.Н.* Брежнев: Правитель «золотого века». – М., 2006. (Впервые книга была издана в 2002 г.) С. 6–8, 108, 52.
- ⁵³ *Соколов Б.В.* Леонид Брежнев. Золотая эпоха. – М., 2004. С 5, 2, 7, 9, 168.
- ⁵⁴ *Млечин Л.М.* Юрий Андропов. Последняя надежда режима. – М., 2008.
- ⁵⁵ *Семанов С.Н.* Андропов. 7 тайн генсека с Лубянки. – М., 2001; *Он же.* Юрий Андропов. – М., 2003; *Он же.* Председатель КГБ Юрий Андропов. – М., 2008; *Он же.* Юрий Андропов. Генсек из КГБ. – М., 2011.
- ⁵⁶ Вот характерная цитата из книги С.Н. Семанова: «...Юрий Владимирович так и остался речным матросом, самым простым. Ясно, что его злило и раздражало – быть полицейской службой для людей, стоявших, по его мнению, ниже. В голове его гнездились планы (казавшиеся ему грандиозными) глобального переустройства всей Советской империи. Но кто из “товарищей” даст ему это выполнить? А годы бегут... И вот тогда-то у Андропова созрело дерзкое решение – самому подняться на кремлевский Олимп. Неумолимое время, а также удачное стечение некоторых обстоятельств стремительно помогали перешедшему в наступление честолюбцу». См.: *Он же.* Председатель КГБ Юрий Андропов. С. 23. Особенно своеобразно смотрятся выражения типа «ясно», «и вот тогда-то у Андропова созрело дерзкое решение», если учесть, что в предыдущем абзаце Семанов рассуждал о том, что никаких свидетелей «замыслов и путей» Андропова нет, и он сам никаких следов этому «не оставил».
- ⁵⁷ *Арон Л.* Борис Ельцин: жизнь революционера. – М., 2006; *Хинштейн А.Е.* Ельцин. Кремль. История болезни. – М., 2007; *Минаев Б.Д.* Ельцин. – М., 2010.
- ⁵⁸ *Пихоя Р.Г., Зезина М.Р., Малышева О.Г., Малхазова Ф.В.* Борис Ельцин. – Екатеринбург, 2011.
- ⁵⁹ *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий, 1985–2005. – М., 2007.
- ⁶⁰ *Ellison H.J.* Boris Yeltsin and Russia's democratic transformation. – Seattle, 2006.
- ⁶¹ См., например: *Sakwa R.* Putin: Russia's choice. – London/New York, 2004; *The State after communism: governance in the New Russia.* Eds. Holmes S., Colton T. – Oxford, 2006; *Russia as a great power: dimensions of security under Putin.* Eds. Hedenskog J., Konnander V., Nygren B., Oldberg I., Pursiainen Ch. – London, 2005.
- ⁶² *Politics and the Ruling group in Putin's Russia.* Ed. White S. – N.Y., 2008.
- ⁶³ Владимир Путин. Рано подводить итоги. Под ред. Г.А. Бордюгова, А.Ч. Касаева. – М., 2007. С. 7, 9–10.
- ⁶⁴ *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. – М., 2010.
- ⁶⁵ *Курукин И.В.* Бирон. – М., 2006. С. 402, 182–183, 402–403.
- ⁶⁶ *Леонов М.М.* Салон В.П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. – Самара, 2009. С. 337, 339–342.
- ⁶⁷ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга–Петрограда (конец XIX – начало XX века). – СПб., 2007. С. 67–69.
- ⁶⁸ *Rabinowitch A.* The Bolsheviks in power: the first year of Soviet rule in Petrograd. – Indiana University Press, 2007. Через год книга вышла в России: *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. – М., 2007.
- ⁶⁹ *Рейман М.* Послевоенное соперничество и конфликты в советском политическом руководстве // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 24, 25, 49–50.
- ⁷⁰ П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. В 2-х томах. – М., 2002; П.А. Столыпин: Переписка. – М., 2004; Тайна убийства Столыпина. – М., 2003; П.А. Столыпин: Биохроника. – М., 2006; П.А. Столыпин. Мысли о России. – М., 2006; Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. – М., 2006; П.А. Столыпин. Грани таланта политика. – М., 2006; П.А. Столыпин глазами современников. – М., 2008.

⁷¹ *Пожигаило П.А., Шелохаев В.В.* Петр Аркадьевич Столыпин: Интеллект и воля. – М., 2005; *Пожигаило П.А.* Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). – М., 2007.

⁷² *Бородин А.П.* Столыпин. Реформы во имя России. – М., 2004. С. 236–239.

⁷³ *Кабытов П.С.П.А.* Столыпин: последний реформатор Российской империи. – М., 2007. С. 3, 173–175.

⁷⁴ *Кара-Мурза С.Г.* Столыпин – отец русской революции. – М., 2002.

⁷⁵ «Мы сегодня стараемся развить наши совсем еще несовершенные демократические институты, стараемся изменить нашу экономику, меняем политическую систему. По сути, мы все продолжаем тот курс, который был проложен полтора века назад». См.: Речь Д.А. Медведева на конференции «Великие реформы и модернизация России» 3 марта 2011 г. // <http://kremlin.ru/news/10506>

⁷⁶ *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 9, 383, 474, 476.

⁷⁷ *Островский А.В.* Кто поставил Горбачева? М., 2010; *Он же.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. – М., 2011. С. 662–663.

⁷⁸ *Бажанов Е.П.* Современный мир. – М., 2004.

⁷⁹ *Медведев Р.А.* Почему распался Советский Союз? // Отечественная история. 2003. № 4. С. 112–121; № 5. С. 116–118.

⁸⁰ *Cohen S.F.* Soviet Fates and Lost Alternatives: from Stalinism to the New Cold War. – N.Y., 2008. Русское издание: *Коэн С.* «Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза? – М.–СПб., 2007. С. 95.

⁸¹ Discussion of Stephen F. Cohen's «Was the Soviet System Reformable?» // Slavic review. 2004. Vol. 63. No. 3. P. 459–488.

⁸² Прочитирована рецензия А.Н. Медушевского на книгу С. Коэна. См.: Отечественная история. 2008. № 2. С. 205.

⁸³ *Бордюгов Г.А.* Праздник угнетенных или социальная болезнь? Памятка ревнителям революции и «чрезвычайщины» // Политический класс. 2005. № 1. С. 16–23.

⁸⁴ *Делягин М.Г.* Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? М., 2005. С. 8, 311–312, 317–318.

⁸⁵ В качестве примера ультиматума В.В. Путину С. Телегин называет требование США принять участие в «совместных мерах по защите ядерных объектов от международных террористов» либо «заключить соглашение о “взаимопомощи РФ и США в защите ядерных объектов обеих стран”». На самом деле «это было бы ультиматумом о согласии на размещение на территории РФ военного контингента США или НАТО». См.: *Телегин С.* На пороге «Бархатной революции» // <http://www.intelros.org/lib/doklady/revol.htm>

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией // Российская газета. 27 февраля 2007. Как отмечает Солженицын, статья была написана в 1980–1983 гг.

⁸⁸ *Кара-Мурза С.Г., Александров А.А., Мурашкин М.А., Телегин С.А.* Оранжевая мина. – М., 2008; *Они же.* Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М., 2005.

⁸⁹ Коллектив авторов приводит множество примеров. Например, в 1986 г. на Филиппинах оппозиция отказалась признать результаты президентских выборов, на которых, согласно официальному подсчету голосов, победил находившийся у власти диктатор Фердинанд Маркос. При проведении массовых демонстраций и митингов в Маниле был использован следующий прием. Когда правительство пыталось с помощью войск разогнать толпу, навстречу солдатам устремлялись женщины в нарядных платьях, с цветами в волосах. Они пели, улыбались и кидали солдатам цветы. Естественно, военные отказывались в них стрелять. «За несколько дней армия была деморализована и присоединилась к оппозиции». См.: *Кара-Мурза С.Г., Александров А.А., Мурашкин М.А., Телегин С.А.* Экспорт революции. С. 52.

⁹⁰ Там же. С. 41, 46, 49.

⁹¹ *Почепцов Г.Г.* Революция.com. Основы протестной инженерии. – М., 2005. С. 195–207.

Елена КОТЕЛЕНЕЦ

Ленин и ленинизм: без предвзятости

Каждая эпоха вносила свои особенности в осмысление личности Ленина. После смерти вождя Советского государства изучение Ленина велось в условиях его обожествления. В.В. Шульгин писал, что «Владимира Ульянова под именем Ленина сделали Далай-Ламой, бесповоротно установив учение о ленинской непогрешимости с такой яркостью, что сам папа мог бы позавидовать!»¹. Однако спустя почти семь десятилетий пришло время «упрощения», «выпрямления» и даже развенчания Ленина в угоду меняющимся политическим обстоятельствам. Спорящих о Ленине и ленинизме можно разделить на три группы: традиционалисты, центристы и радикалы. Одни полагают, что ленинизм и марксизм-ленинизм – это нечто «святое» и «непогрешимое», и потому нужно оставить все как есть и продолжать хранить «чистоту» учения как «зеницу ока». Другие считают, что необходимо научное, объективное, уважительное и вместе с тем критичное, свободное от стереотипов и иллюзий отношение к идеям Ленина, смелое их обсуждение и оценка. Третьи заняты доказательством едва ли не тотальной устарелости ленинизма, его ненужности и ответственности за те беды, которые пережила страна в XX веке. Обилие точек зрения, взглядов и концепций требуют их анализа и определенного подведения итогов.

«Назад к Ленину»

Начавшаяся в середине 1980-х годов перестройка вызвала к жизни требование «Назад к Ленину». Именно тогда историк Ю.Н. Афанасьев связывал «ренессанс ленинизма» с вопросом об альтернативности истории: «Ленин предстал бы еще более величественным, если бы был показан человеком, ищущим и не всегда находящим ответы на возникающие вопросы»². Не случайно главное внимание ученых сосредоточилось на последних годах жизни Ленина и его «политическом завещании». В журнале «Коммунист» в январе 1988 года была воспроизведена долгое время недоступная статья Н.И. Бухарина «Политическое завещание Ленина», а в следующих месяцах «Правда» опубликовала документальный репортаж «Ленинское завещание» с комментарием В.П. Наумова³.

Своеобразный конспект проблемы наметил в 1989 г. в статье «Сталинизм» и М.Я. Гефтер. Для него Ленин кануна ухода из жизни – это мыслитель, который вплотную подошел к «переоткрытию социализма», хотя этот иной социализм не мог уже быть «исправленной копией предоктябрьского замысла»⁴. «Государство-коммуна» осталось далеко позади, в то время как «государст-

венный капитализм» служил Ленину по-прежнему образом-ориентиром, требующим, однако, и политической конкретизации. Поставив перед собой вопрос: *что делать с революцией?*, Ленин должен был ответить на следующий, логически не устранимый вопрос: что делать с партией, возникшей как партия революции и не мыслящей себя в ином виде? Если этот вопрос оказался неразрешимым для создателя ее, то тем более неразрешимым он был для его преемников.

Развернутый анализ последних ленинских трудов дается в книге «Политическое завещание В.И. Ленина» Е.Г. Плимака. Признав, что в исторической литературе стала укореняться манера объяснять негативные процессы сталинских времен отступлениями Сталина от заветов Маркса, Энгельса, Ленина, его злой волей, его преступлениями, историк обратил внимание на реальные факторы истории. В обстановке предвоенных лет, сложнейшей внешней и внутренней ситуации, в которой очутился в конце 20–30-х годов Советский Союз, при раздорах в ленинском ядре партии, мешавших принимать всесторонне взвешенные решения, осуществлять продуманные повороты в политике, «казарменности» и черт «грубого коммунизма» было не избежать. Не избежать и в том случае, если бы у власти встал «левый» Троцкий, отличавшийся приверженностью к администрированию, насильственным, командным действиям, или «правый» Бухарин, который предлагал более медленное, спокойное продвижение вперед («вползание» в социализм) на основе принципов нэпа и ленинского кооперативного плана»⁵.

В 1988 и 1989 годах весьма часто цитировались слова Ленина о «коренной перемене всей точки зрения нашей на социализм», поскольку это выводило на постановку вопроса о социализме как строе цивилизованных кооператоров. Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов предложили разобраться в том, а какая была точка зрения на социализм у Ленина раньше, и привлекли внимание историков к положению, сформулированному в 1917 году, о том, что «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу народа всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией»¹³. В 1990 г. эти же историки вместе с В.Т. Логиновым выступили с циклом статей «Суд над Лениным»⁶.

На рубеже 1980–90-х годов сложившаяся в советское время «лениниана»⁷ дополнилась принципиально новыми источниками мемуарного и публицистического жанра⁸. Для широкой публики впервые открылись такие малоизвестные остропублицистические выступления, как «Род вождя» М. Штейна, «Моя маленькая лениниана» В. Ерофеева, «Читая Ленина» В. Солоухина, «Блуд на крови» Д. Штурман, «Мессия» В. Еременко, «Ленин в судьбах России» А. Авторханова, «Отцы-основоположники коммунистического рабства» В. Крутова и Л. Вереса, «Неотпетый злодей» П. Паламарчука и др.

Важной особенностью нового этапа лениноведения стало свободное знакомство с взглядами западных мыслителей и исследователей, многие из которых были в самые сжатые сроки переведены, другие публиковались в Европе и США на русском языке и доходили до отечественных историков либо через открывающиеся спецхраны, либо с помощью зарубежных коллег⁹. Меж-

дународную панораму взглядов на личность Ленина впервые представил «круглый стол» Агентства печати «Новости». Профессор Принстонского университета Роберт Такер призвал видеть двух Лениных – Ленина-революционера и Ленина-реформиста: «Как революционер Ленин был, с одной стороны, верующий марксист, но с другой стороны – он был сугубо русский революционер, который испытал влияние на свое мышление народнической традиции». Такер также обратил внимание на то, что ленинский вывод о социализме как строе цивилизованных кооператоров был «совсем не в духе учения Маркса и Энгельса. Однако дальше этого Ленин пойти не успел, но тем не менее это был реформистский путь к социализму. Как реформатор Ленин сосредотачивал внимание на экономической стороне дела. В смысле же политическом он не был реформатором». По мнению профессора из Шотландии Пола Дьюкса, «социализм создавался в России по ленинским концепциям, которые базировались на марксизме XIX в.», однако идеология социализма и капитализма, сформированная в прошлом веке, не может уже служить ориентиром для практики сегодня, в конце двадцатого века, а тем более в будущем. Для профессора из США Александра Рабиновича, Ленин был необычайно сильной и решительной личностью, и одновременно – гибким политиком. Однако, действуя столь решительно, Ленин самолично уничтожил возможность создания в 1917 г. многопартийного коалиционного демократического социалистического правительства¹⁰.

В конце 1980-х годов историки также предложили освободиться от деформаций и искажений Ленина и ленинизма. В частности, от преувеличения роли Ленина, толкования его действий, как проявления сверх естественных, почти нечеловеческих качеств, а мыслей – как абсолютной истины; от харизмы, которая только и может помочь правильно реализовать объективные общественные законы; от канонизации ленинских трудов; от упрощения ленинской теоретической мысли, что в свое время снискало Сталину славу теоретика и идеолога партии¹¹. Однако даже для партийных ученых часть документов из ленинского наследия оставалась закрытой. Озабоченность верхушки ЦК КПСС вызывали примерно 300 документов (письма, телеграммы Троцкому, Бухарину, лидерам оппозиции, материалы личного характера и т. д.), которые никогда не публиковались и вокруг которых так или иначе циркулировали слухи, домыслы и легенды. Лишь немногим более 20 из этих документов были опубликованы в 1989–1990 годах под рубрикой «Из архивов партии» в возобновленных «Известиях ЦК КПСС».

«Неизвестный Ленин»

После известных событий августа 1991 года, связанных с распадом советской системы и СССР, резко и быстро меняются условия и структуры прежнего лениноведения. Ликвидируется Институт теории и истории социализма ЦК

КПСС (до лета 1991 года – ИМЛ), Академия общественных наук при ЦК КПСС, партийные школы и система партийного обучения. Центральный партийный архив преобразуется в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, прекращает существование Центральный музей Ленина и многочисленные его филиалы, а его фонды становятся частью Государственного исторического музея, Музей революции начинает движение к преобразованию в Музей современной истории. В этих условиях не прекратилось, однако, расширение источниковой базы для изучения одной из центральных исторических фигур XX века и его окружения¹². Среди новых документов из рассекреченных российских архивов выделялся цикл публикаций в альманахе «Неизвестная Россия. XX век»¹³.

Принципиальное значение приобрел вопрос о нашумевших и вызвавших большую дискуссию текстах из архивного фонда Ленина. По мнению биографа Ленина В.Т. Логинова, ценность ранее засекреченных документов несомненна. Они освещают ряд сюжетов, которые раньше вообще исключались из официальных изданий. Это касается, в частности, некоторых финансовых вопросов, связанных с деятельностью РСДРП в дооктябрьский период: переписка о «наследстве Н.П. Шмита» (1909–1911 годы), с К. Каутским, К. Цеткин и Ф. Мерингом о деньгах, переданных им на хранение большевиками. Особую группу документов составляет «дело Малиновского» (1914 год), изобличенного позднее в связях с охранкой, а также переписка с Инессой Арманд, запрет на которую в прежние времена можно объяснить лишь ханжеством составителей Полного собрания сочинений¹⁴. Однако основная масса материалов относится к послеоктябрьскому периоду: письма, телеграммы, записки и другие документы, которые дополняют, а иногда существенно корректируют прежние представления о некоторых событиях гражданской войны и первых лет нэпа.

Проблема, однако, заключалась в характере интерпретаций, которую представили те, кто первым получил доступ к новым документам. Среди трех десятков писем Ленина И. Арманд, включенных в опубликованный сборник Пайпса и сборник РГАСПИ «Неизвестный Ленин», одно письмо от 6¹⁵ января 1917 года содержит фразу: «Насчет “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой». Пайпс усмотрел в нем, наконец-то, найденное подтверждение «контактам Ленина с германцами». Логинов же предложил поставить данное письмо в контекст всей переписки, в том числе и давно опубликованной в 49-м томе Полного собрания сочинений. И тогда получается, что сначала 3 января 1917 года Ленин пишет Арманд о слухах относительно возможности вступления Швейцарии в войну. В этом случае Женеву, где находилась Арманд, займут французы. Что же касается Цюриха, где жил в это время Ленин, то тут возникала опасность немецкой оккупации. Впрочем, он полагал, что покинуть Цюрих нет необходимости, ибо «война невероятна». В ответном письме Инесса, очевидно, писала, что Ленин недооценивает опасности интернирования и «немецкого плена», а поэтому надо думать о переезде. Вот Ленин и написал ей 6 января, что «На-

счет «немецкого плена» и прочее все Ваши опасения чрезмерны...». Таким образом, не о связях с немцами шла речь, и поспешное предположение Пайпса оказывается несостоятельным.

Другой пример касался опубликованной Пайпсом записки Ленина, которая якобы инициировала начало массового «красного террора». Основанием для датировки стало следующее ее содержание: «Я предлагаю тотчас образовать (для начала можно тайно) комиссию для выработки экстренных мер (в духе Ларина: Ларин прав). Скажем, Вы + Ларин + Владимирский (или Дзержинский)+ Рыков? Или Милютин? Тайно подготовить террор: необходимо и срочно. А во вторник решим: через СНК или иначе». Поскольку декрет о «красном терроре» был принят 5 сентября 1918 года, то эта записка отнесена Пайпсом к 3 или 4 сентября того же года. Возникает ряд резонных вопросов. Во-первых, автор записки (Ленин) в эти дни после ранения находился на постельном режиме и никаких записок не писал. Во-вторых, почему записка адресована Н. Крестинскому, с августа 1918 года являвшемуся наркомом финансов? Почему в состав комиссии, связанной с террором, предлагались Рыков и Милютин, руководившие ВСНХ? Наконец, какое отношение к разработке террористических мер мог иметь Ю. Ларин, занимавшийся вопросами сугубо хозяйственной жизни?¹⁶.

Заметным событием стал выход в 1994 году массовым тиражом двухтомника Д.А. Волкогонова «Ленин». Уже на первых страницах книги автор определяет черты своего героя: «а) мощный, но циничный интеллект, б) огромная сила воли в оправе безнравственности, в) безапелляционность и нетерпимость ко всем, кто не разделяет его взглядов, г) мышление его было сильным, гибким, изощренным, коварным, д) Ленин был по происхождению и по сути космополитом»¹⁷. Затем следовала характеристика учения Ленина: он верно вскрыл пороки человеческого бытия; но земное счастье считал возможным творить на крови, насилии, несвободе; центральная идея – создание мощной революционной организации, партия – главный элемент нового государства. Однако ленинизм потерпел историческое поражение, материализация ленинских идей привела к огромному историческому отставанию. Смысл основного постулата этой книги состоял в следующем: «Ленин не был великим мыслителем. Ни один эпохальный прогноз Ленина не оправдался. А это – исторический приговор для человека, которого считали гением»¹⁸.

Общественная и сугубо научная реакция, которую вызвала книга Волкогонова, приобрела самостоятельное значение. Одной из первых попыталась упредить характер обсуждения известная диссидентка 70-х годов Д. Штурман. «Либеральный» поворот Волкогонова в подходе к Ленину она попыталась объяснить вполне «реально-политическими» соображениями. По мнению Штурман, новые документы в принципе не изменяют облик Ленина. Согласно ее интерпретации, Волкогонов, изображающий себя «сталинистом-идеалистом», пытается завуалировать то, что он и сам способствовал сокрытию от публикации упомянутых документов о Ленине и Сталине¹⁹. В пространным отклике для американского журнала «The Nation» Р. Медведев под-

черкнул непосредственную связь между «наивным морализирующим тоном» биографии Ленина и политической функцией Волкогонова, когда тот являлся военным советником Ельцина и был одним из руководителей вооруженного разгрома российского парламента, а также вместе с Р. Пихоя и Н. Покровским возглавлял правительственную комиссию по рассекречиванию архивных документов²⁰. В этом же журнале, в том же номере был опубликован отзыв на книгу и профессора Колумбийского университета Марка ван Хагена, показавшего происхождение волкогоновской биографии Ленина из атмосферы «холодной войны»: «Истории Волкогонова и Пайпса немного отличаются от более враждебной ориентации поколения холодной войны, однако идеологически эти два автора, может быть, даже грубее своих предшественников»²¹.

В обстоятельном разборе книги «Ленин» Н.И. Дедков писал: «Книга Волкогонова, по сути дела, представляет собой длинный мелочный счет, выписанный Ленину. Все включено – и “картежная терминология”, и “заразительный пример”, и преступления Сталина, и застой времен Брежнева. Все негативное, отталкивающее в истории Советского государства, что только можно было найти, собрано, подсчитано и вменено в вину Ленину. И не беда, что для доказательства причастности Ленина ко всем бедам России не хватает фактов – аргументы подменила пламенная речь уверенного в собственной правоте «патриота-демократа». И стиль выбран соответствующий: вычурный, с претензией на красоту и, одновременно, на философскую глубину... Избери автор традиционный научный стиль – и вся его беспомощность как историка тотчас вышла бы наружу»²².

5 ноября 1994 года в Москве при непосредственной поддержке президента РФ и правительства Москвы прошла научно-практическая конференция «Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России». В обсуждении доклада главы администрации Президента РФ С. Филатова приняли участие А.Н. Яковлев, Д. Волкогонов, А. Емельянов, В. Костиков, Ю. Карякин и др. Их речи носили сугубо обличительный по отношению к Ленину и большевизму характер. Призыв П.В. Волобуева оставаться на позициях науки был просто-напросто проигнорирован. Спустя год материалы конференции были изданы под тем же названием, что и конференция²³. Центральный тезис был сформулирован Яковлевым и А. Салминым о том, что Россия благодаря стараниям Ленина зашла «не туда» в 1917 году и большевики столкнули страну со «столбовой дороги цивилизации», «универсального мирового пути развития»²⁴. Однако это утверждение легко снимается тезисом об историческом тупике, в котором оказался весь «цивилизованный» Запад и такие его ведущие политики как Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж, вступив в Первую мировую войну, за которой последовали Версальский передел мира, Великая депрессия 1929–1933 годов, наконец, вторая мировая война. Октябрьская революция, по мнению Е.Г. Плимака²⁵ выросла не из ленинской «неумной жажды власти» и не из робеспьеровско-ленинской «похоти власти», а из бездеятельности Временного правительства, как поначалу буржуазного, так и после-

дующего коалиционного, которое ни в одном пункте не пошло навстречу народным требованиям мира, земли, хлеба.

В сугубо антиленинском духе написана книга доктора исторических наук, «русского патриота» (как он сам себя определяет) В.М. Лаврова «В.И. Ленин. Имя России. Исторический выбор» (М., 2008). Избранная автором форма – не биография Ленина, а спешно, без какой бы то ни было системы собранные материалы, многие из которых не имеют отношения собственно к этой исторической фигуре. К примеру, чуть ли не половина книги посвящена Русско-японской войне, П.А. Столыпину и Николаю II в годы Первой мировой войны. Чтобы понять, к чему все это, достаточно обратить внимание на пассаж, где автор следующим образом убеждает читателя в том, что Россия Русско-японскую войну не проиграла, а война осталась незаконченной: «Наиболее объективный взгляд выкристаллизовался на научной конференции Института российской истории РАН, проходившей в связи со 100-летием Русско-японской войны; этот взгляд был впервые изложен в статье директора ИРИ РАН А.Н. Сахарова «Размышления в храме Того. Проиграла ли Россия Русско-японскую войну 1904–1905 гг.?». Значительную часть книги составляет вставка из докторской диссертации автора о заседаниях Всероссийского крестьянского съезда, состоявшегося в мае 1917 года. Видимо, Ленина не понять, если не цитировать стенограмму съезда и подробно пересказывать биографии его делегатов.

Рецензент книги Ю. Емельянов справедливо обратил внимание на так называемую «логику» Лаврова при разборе ленинских работ. К примеру, приводя ленинское определение материи («материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»), Лавров так «уличает» своего героя: Ленин «вслед за этим не задал вопроса о том, что же такое объективная реальность? Не задал потому, что отсутствует вразумительный ответ: ведь выходит, что материя – это объективная реальность, а объективная реальность – это материя, которая, в свою очередь, является объективной реальностью.., то есть сказкой про белого бычка, тавтологией и игрой в термины, выдаваемой за великое и гениальное научное открытие». И хотя Ленин не отождествляет «материю» с «объективной реальностью», а считает ее «философской категорией для обозначения объективной реальности», Лавров явно не смог понять смысла этого определения (См.: Правда. 2009, 22 апреля).

А вот как критикуется теория классовой борьбы. Для этих целей Лавров воспользоваться древнеримской басней, которую изложили патриции восставшим плебейам в 494 г. до н.э., уговаривая тех вернуться в Рим. Не ссылаясь на античный источник, Лавров надменно поучает: «Ленин был не способен понять элементарного: общественный организм подобен человеческому, в котором жизненно необходимы все части тела. И руки, и ноги (условно говоря, рабочие), и мозг (политики, интеллигенты, ученые и др.), и сердце (священники, писатели, поэты и др.). Бессмысленно, безнравственно и нена-

учно рассуждать о том, кто важнее, нужнее и лучше. Попробуй отсечь руку или вырвать сердце. Однако именно этим занимались Маркс, Энгельс и Ленин с последователями».

Следует также процитировать место, где автор обосновывает причины «заблуждений» Ленина. Напомнив о том, что Владимир Ульянов сдал экстерном экзамены за весь курс юридического факультета университета, Лавров пишет: «В XX в. В.И. Ульянов шагнул человеком, исключительно самоуверенным и непримиримым, неспособным прислушиваться к другим людям и обогащаться знаниями и суждениями других. Становлению такого характера способствовало то, что Ульянов не учился вместе с другими, не менее способными студентами, а написанное Ульяновым не подвергалось их критическому обсуждению и профессиональному анализу профессоров, превосходивших его по знаниям и умениям». Характеризуя работу Ленина «Развитие капитализма в России», Лавров объявил ее «по своему уровню... дипломной работой способного, многообещающего и трудолюбивого студента, но работой, не просмотренной научным руководителем, не подготовленной к защите и не тянущей на диссертацию». Интересно теперь прочесть диссертации самого Лаврова.

Наконец, об «открытиях» в национальных корнях Ленина. «По крови, – читаем в книге, – В.И. Ленин был преимущественно не русский, но именно по русской составляющей он унаследовал склонность к максимализму, по немецкой – тягу и уважение к германской организованности и профессиональности, по еврейской – природные умственные способности и способность успешно действовать в своих интересах, исходя из складывающейся ситуации. Кроме того, были калмыцкая и шведская составляющие». Комментарии этого пассажа излишни. А если кому-то недостаточно, можно привести другие «научные» характеристики. К примеру, русских рабочих, которых до этого «деревня отторгала и выбрасывала в город прежде всего пьяниц, халтурщиков и лодырей». Русские крестьяне тоже провинились перед автором, поскольку поддержали ленинский декрет о земле: «Воспетый комплексующими полуинтеллигентами мужик оказался лишь простым смертным, не очень привлекательным». Видимо, Лавров упрекает Некрасова, Тургенева, Толстого и других русских писателей и мыслителей.

Анафема или осмысление?

Несмотря на противодействия определенных политических сил, продолжался выход книг, в которых проблемы ленинизма рассматривались в сугубо научном ключе. В частности, ему следуют екатеринбургские авторы сборника «Ленинизм и Россия», изданном на Урале в 1995 году, которые провозгласили для себя следующую установку: «Большевизм нуждается в имманентной

критике, а не в предании анафеме»²⁶. Заметным событием в российском лениноведении стал выход в 2005 г. книги В.Т. Логинова «Владимир Ленин. Биография. Выбор пути»²⁷. Значительная часть книги посвящена личностным аспектам биографии, к примеру, отношение к Богу, влиянию отца – Ильи Николаевича Ульянова, этого выдающегося русского просветителя. Автор избегает привычных для постсоветского времени упрощений и заказного антикоммунизма, поскольку следует доскональному анализу источников, особенно мемуарных. Весь строй книги свидетельствует о тенденции перевода дискуссии о Ленине и его наследии в конструктивное русло, отказа от конъюнктурного стремления свести все к бессмысленному разоблачительству. Новая книга В.Т. Логинова «Неизвестный Ленин», вышедшая в 2011 г., посвящена только одному 1917 году – возвращению вождя в России, корниловскому мятежу, подготовке к восстанию и созданию Совнаркома.

В русле серьезных непредвзятых исследований находятся книга Б.Ф. Славина «Ленин против Сталина. Последний бой революционера» (2010 г.), рассказывающая о последних годах жизни руководителя государства, обстоятельные работы Г.Л. Соболева и А.И. Колганова, развенчавшие миф о «немецком золоте», который в 2000-е гг. стал предметом не только весьма многочисленных публикаций, но и занял весьма немалое время на телевидении²⁸. История о политическом авантюристе Парвусе, вознамерившемся на деньги германского Генерального штаба и руками Ленина устроить в России революцию, получила широчайшее распространение. Приведенные историками факты и сведения о том, как фальсифицировались документы о «немецком золоте», свидетельствуют, что *к происхождению русской революции эта финансовая помощь никакого отношения не имеет.*

Различным обстоятельствам личной жизни посвящены работы К.И. Енко «Частная жизнь вождей. Ленин. Сталин. Троцкий» (2000), А. Арутюнова «Ленин. Личностная и политическая биография» (2002, в 2-х томах); Е. Данилова «Ленин. Тайны жизни и смерти» (2007), Б.В. Соколова «Ленин и Инесса Арманд» (2008), А. Кроткова «Ленин. Личная жизнь необычного человека» (2010).

К образу Ленина не перестают обращаться писатели и публицисты. В романе С.Н. Есина «Смерть титана» (2010) жизнь Ленина раскрывается через его и близких к нему людей гипотетических монологов. Л. Млечин в книге «Ленин. Соблазнение России» (2011) попытался раскрыть невероятную способность вождя убеждать окружающих в собственной правоте. В интервью радиостанции «Эхо Москвы» автор так объяснял свой интерес к личности Ленина: «Он не устраивает либеральную публику, потому что он создал эту советскую систему. Он не устраивает сталинистов, потому что он совсем не был сталинистом. И, я думаю, в конце жизни одно из ужасных его осознаний – в общем, страшно подумать, как умирал этот человек, ничего, кроме сочувствия, и судьба его вдовы не вызывает, и я думаю, из страшных осознаний было то, что к власти пришел Сталин, и уже он ничего не может поделать. Я думаю, что Ленин как самый выдающийся политик России 20-го столетия, са-

мый одаренный и самый талантливый – я сейчас без знака того, что он сделал, потому что он сделал плохо для России, на самом деле, и если бы не было Октября, развитие России пошло бы по другому пути после Февраля и было бы у нас процветающее государство, но он был самым выдающимся политиком, но он и то явно проигрывал Сталину в той системе. Он создал систему, во главе которой мог стоять только жестокий, коварный сатрап, который регулярно рубит головы. А Ленин не хотел этого. И его система стала отвергать. У него есть поразительное письмо одному соратнику, Шкловскому, по эмиграции знакомому. Он пишет: «Ушли старые большевики, а новые не хотят меня знать, – пишет Ленин. – Предлагаю – отвергают, навязываю – отвергают. Приходится доказывать – не всегда получается». Поразительная вещь. Мы-то думаем – Ленин, там люди бегают вокруг восхищенные... А он столкнулся в конце жизни с тем, что сама система, им созданная, его же отвергала. Интереснейшая личность. Поражаюсь, что никакого интереса к нему нет» (<http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/821183-echo>).

Зарубежная «лениниана»

После 1991 г. зарубежная «лениниана» также пополнилась новыми изданиями. Кевин Андерсон посвятил свой труд теме «Ленин, Гегель и западный марксизм: критическое изучение» (1995). В нем восполнялись очевидные пробелы в изучении ленинской мысли, которое находится все еще в «зачаточном состоянии». Американский историк пришел к парадоксальному выводу: ленинский образ мыслей серьезно изменился после чтения Гегеля в 1914 году, можно было бы даже говорить о «гегелизации марксизма» в XX веке, если бы не было вопроса о том, как марксисты восприняли, а вернее, отвергли ленинские тетради²⁹. В книге Нейла Хардинга под кратким заголовком «Ленинизм» (1996) дается обзор важнейших ленинских идей, на основе которого доказывается тезис, что собственно ленинизм, как идейная система взглядов, сформировался в 1914–1917 годах под непосредственным влиянием Первой мировой войны. Поэтому основным ленинским сочинением является «Империализм, как высшая стадия капитализма». Автор противопоставляет это сочинение работе «Что делать?», считавшейся главной, но не являвшей теоретическую позицию марксизма, доминирующую во II Интернационале. Только после начала войны Ленин стал формулировать позицию, которая была альтернативой европейскому социализму, «предавшему идеи Маркса»³⁰.

В отличие от названных выше авторов в двухтомной, переведенной в России в 1997 году, и трехтомной биографиях Ленина, написанных Луисом Фишером и профессором Лондонского университета Робертом Сервисом³¹, была сделана попытка преодолеть тенденцию, которая преподносила Ленина по «кусочкам», отделяя политическую мысль от политической деятельности

и постоянно вычлняя то и другое из более широкого исторического контекста. Историческое сообщество России смогло также познакомиться с книгами тех зарубежных авторов, которые поднимали новые проблемы, связанные с Лениным. Среди них книги Абрахама Резника «Ленин: основатель Советского Союза» (2004), который сделал акцент на детстве и юности Ленина, анализе причин, которые могли подтолкнуть его к Революции, Кристофера Рида «Ленин: революционная жизнь» (2005), избравшего ключевыми темами своего исследования культурные, социальные и меры пропаганды, используемые Лениным, его отношение к марксизму³², Элен Каррер д'Анкокс «Ленин» (2010 г.), вырывающую В.И. Ленина из «объятий» идеологических страстей и помещающую его «в историю ушедшего века, который, хотим мы того или нет, находился, прежде всего, под властью его идей и его воли».

В последнее десятилетие усилиями ряда зарубежных и российских историков утвердилось новое направление исследований – изучение культа Ленина. Как показали Бенно Энкер, Нина Тумаркина и Ольга Великанова, культ Ленина обусловлен не только специфическими условиями породившего его общества, но и различными антропологическими и культурными факторами³³. В культе Ленина существует аспект религиозного символа с такими атрибутами, как вездесущность, бессмертность и совершенство высшего существа, аспекте родового символа – символ отца, защитника, покровителя, аспекте политического символа, выполняющем мобилизационную функцию и олицетворяющем коммунистическую партию, Советскую власть, социализм. Уже с начала XX века Ленин являлся олицетворением им же пересаженной на русскую почву концепции харизматического вождизма. Однако харизма может сопровождаться моментами почти полной изолированности вождя даже в рядах собственной партии, т. е. харизма является, скорее, личной аурой вождя, на которую могут не влиять интересы текущей политики.

В 2008 г. увидела свет и книга английского автора Роберта Пейна «Ленин: Жизнь и смерть», написанная еще в 1964 г. Публикуя ее на русском массовым тиражом в серии «Жизнь замечательных людей» издательство «Молодая гвардия» предваряла книгу следующими словами: «Поразительно, но факт: ни в советские, ни в постсоветские времена биографии Ленина в серии “ЖЗЛ” не было. Два Наполеона, три Некрасова, четыре Пушкина (без учета павленковских изданий) и... ни одного Ленина <...> С отсутствием Грибоедова, Врубеля, Булгакова, Петрова-Водкина до недавнего времени еще можно было как-то примириться... Но – Ленин! Как ни крути, налицо библиографический парадокс». Р. Пейн, по его собственному признанию, предпринял попытку провести грань между Лениным-легендой и Лениным-человеком, каким он был наяву, живым, одушевленным, с огромными возможностями, с такой энергией, что даже после его смерти людям казалось, будто он продолжает излучать ту же силу, лежа в мавзолее. При этом «это история сломленного, измученного, невероятно щедро одаренного природой человека, единственного в своем роде, которого без колебаний можно назвать политическим гением».

Однако вот что происходит с главной идеей книги. Пейн декларирует: «В конце жизни, осознав, что пришлось претерпеть русскому народу и на какие невыносимые жертвы он обрек людей, утверждая свою диктатуру над ними, Ленин вынужден был признать свою ошибку: оказалось, он вел народ неверным путем. «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России...» – произнес он; более честной эпитафии не придумаешь. Мало кто из властителей, оставивших свой след в истории, способен произнести покаянные слова такой силы»³⁴. Если же взять 45-й том Полного собрания сочинений В.И. Ленина и открыть страницу 356, то можно прочесть следующее: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации...». Это было сказано 30 декабря 1922 года и касалось одного частного вопроса, но Пейн «накинул» эти слова на всю жизнь и деятельность человека.

В последнее пятнадцатилетие обозначились еще две новые тенденции. В постсоветских условиях резко поднялась новая волна апологетики Ленина³⁵. Ее старт отчетливо просматривался в 1995 году на научной конференции «Ленин и современность», посвященной 125-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина. На ней было заявлено, что коммунисты никогда не уходили от ответственности за свои прошлые ошибки, «но нельзя забывать и о тех героических усилиях большевиков, которые под руководством Ленина совершили Октябрьскую революцию, одержали победу над фашизмом, подымали вместе с народом разрушенное народное хозяйство»³⁶. В этом русле новейшая работа А.И. Субетто «Владимир Ильич Ленин: гений русского прорыва человечества к социализму», вышедшая в 2010 г. Под эгидой ленинградского отделения Объединения «Российские ученые социалистической ориентации». Для автора историческое деяние вождя имеет исключительно всемирно-историческое значение, в том числе для будущего России. Деятельность В.И. Ленина рассматривается не только с позиций революционно-политического взгляда, но и с позиций осмысления его творчества как ученого, мыслителя, философа, энциклопедически образованной личности, Титана Эпохи Русского Возрождения³⁷.

Вторая тенденция связана с тем, что Ленин стал объектом астрологических «доказательств» и прочих «выводов» специалистов по оккультным наукам³⁸. Не отстают в этом отношении от российских коллег и некоторые западные историки³⁹.

Итак, сегодня очевидно, что Ленин еще не стал предметом исключительно архивных и научных изысканий. Более того, такие авторы, как Ю. Буртин, выдвинули новые перспективы возвращения к этой сложной, во многом не понятой политической фигуре, поскольку «если Сталин (вслед за октябрьским Лениным) – наше неизжитое прошлое, гирей висящее на ногах, то поздний Ленин – будущее, до которого мы и нынче еще не в состоянии дотянуться»⁴⁰. Научный анализ дискредитирован поспешностью и превращением Ленина и его политического окружения в объект современной политической

борьбы. Поэтому на экстремистский подход (работы Д. Волкогонова, В. Солоухина, А. Латышева и др.) сразу же нашелся ортодоксальный и нетерпимый ответ (книги Ж. Трофимова, Ф. Волкова, В. Гончарова, В. Филиппова и др.). И пока продолжается это противостояние спокойные научные разработки проблемы остаются достоянием лишь ограниченного круга читателей.

В.Т. Логинов объясняет выпадение Ленина из круга научного изучения тем, что все происходившее вокруг этой фигуры в последние годы было «из области чистой пропаганды», «идеологической борьбы». Антিলенинизм стал важнейшей частью антикоммунизма (См.: http://scepstis.ru/library/id_3001.html). Однако исследование Ленина и его наследия не прекратилось, идет накопление идей и фактов, которые рано или поздно будут востребованы современниками, в том числе теми, кто уже устал от конфронтации. И тогда, возможно, Ленина попытаются оценить не с позиций настоящего, запросов актуальной современности, а исходя из смысла того времени и того конкретного состояния эпохи, в которой он жил и действовал. В этом отношении весьма актуальны методологические замечания о том, что если история не постигается из нее самой, если смысл прошлого заимствуется в настоящем, то многообразие прошлой реальности сужается до рамок, заданных сегодняшним днем, а самоценность исторических процессов растворяется в политической заданности исторических описаний⁴¹.

Безусловно, рано или поздно уйдут в прошлое столь характерные для перестроечного и постперестроечного времени оценки и выводы, сравнения и сопоставления на уровне текстов, что заводило анализ в тупик. Ведь оказалось, что у Ленина можно обнаружить множество высказываний, как оправдывающих те или иные насильственные действия, так и объявляющих их недопустимыми. Все они были привязаны к конкретным ситуациям, к конкретным моментам, но это не бралось в расчет. Сравнение ленинизма и сталинизма также по большей мере велось способом вытаскивания из текстов определенных фрагментов, совпадающих с идеологическими постулатами сталинской эпохи. Стронники этого способа не утруждали себя мыслью о том, что если такие совпадения объявлять идейным родством двух учений, двух политических практик, то как в этом случае быть с тем, что и у Ленина и даже Сталина до 1925 года можно найти массу высказываний, которые абсолютно противоречили той политической практике, которая в историографии и различных теоретических построениях была определена как сталинизм.

Рано или поздно будет воспринято предложение о необходимости воспринимать личность Ленина в аспекте эволюции революционера. Проходя суровую школу российских революций, он «переставал быть безоглядным революционером». В начале своей деятельности Ленин был действительно пламенным революционером, желающим не столько учиться у истории, сколько учить историю. Однако после Октября 1917 года, в дни Бреста, Ленин осознает, что дорога к социализму «никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной», признает, что «кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится». В конце Гражданской войны, накануне перехода

к собственным путям «постепеновского прогресса», он признает в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» и то, что российские революционеры в чем-то весьма существенном нарушили наставления Чернышевского: «Политическая деятельность – не тротуар Невского проспекта»⁴².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шульгин В.В. Три столицы. – М., 1990. С. 89.

² Перестройка: гласность, демократия, социализм. Иного не дано / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1988. С. 499.

³ См.: Наумов В., Курин Л. Ленинское завещание // Урок дает история / Под общ. ред. В.Г. Афанасьева, Г.Л. Смирнова. М., 1989. С. 7–56.

⁴ Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. – М., 1991. С. 414.

⁵ Плимак Е.Г. Политическое завещание В.И. Ленина: истоки, сущность, выполнение. – М., 1989. С. 7, 218–219.

⁶ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992.

⁷ История издания литературного и документального наследия Ленина в СССР довольно полно представлена в работах середины 20-х – 80-х годов по вопросам архивоведения, археографии, теории и методики источниковедения. – См.: Лениниана: Библиографический обзор русской литературы в 5-ти тт. – М; Л., 1926–1930; Лениниана: Библиографический указатель произведений В.И. Ленина и литературы о нем. Т. 1–19. – М., 1971–1988. В них охарактеризован широкий круг вопросов: собиране рукописей и документов, формирование архивного фонда В.И. Ленина в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, особенности всех, вплоть до пятого, изданий Сочинений его и Ленинских сборников с точки зрения их структуры, полноты, способов воспроизведения и степени точности передачи ленинского текста, содержания справочного аппарата, история создания отдельных произведений, изучение ленинских приемов работы, разыскание и публикация неизвестных ранее материалов – См.: Сокровищница великих идей ленинизма: О полном собрании сочинений В.И. Ленина. 2-е изд. – М., 1968; Вспомогательные исторические дисциплины. Т. II–VIII. – Л., 1969–1976; Ждановская З.В. Вопросы методики изучения ленинского наследия. – М., 1979; Фонд документов В.И. Ленина. 2-е изд., доп. – М., 1984; Лениниана: Поиск. Источниковедение. Археография / Сост. Т.П. Бондаревская, Н.И. Приймак, Г.Л. Соболев. – Л., 1987.

⁸ Ленин. Человек – мыслитель – революционер. Воспоминания и суждения современников. – М., 1990. В этом сборнике впервые появилась рубрика «Оппоненты», к сожалению, с очень небольшими отрывками из книг, статей и писем М. Адлера, Л.И. и П.Б. Аксельрода, О. Бауэра, В.С. Войтинского, К. Каутского, П. Леви, Ю.О. Мартова, Н.Н. Суханова, Н.В. Устрялова и др. В этом же ряду следует назвать и опубликованный впервые после 1924 года сборник: Недорисованный портрет. 1920 год: 50-летие В.И. Ленина в речах, статьях, приветствиях / Сост. К.И. Буков, Л.Н. Лашманова, Л.М. Тараканова. – М., 1990; Вождь. Ленин, которого мы не знали / Сост. Г.П. Сидоровнин. – Саратов, 1991 и др.

⁹ См.: Ленин. Взгляд с Запада. Сб. статей / Отв. ред. Е.А. Самарская. – М., 1990. В книгу вошли статьи западных интерпретаторов ленинизма М.А. Абрамова, С.М. Брайовича, М.Н. Грецкого, В.И. Мануйлова, Б.К. Ярцева, которые ранее не переводились на русский язык и которые давали конкретное представление о западной историографии изучения проблемы.

¹⁰ Полностью материалы «круглого стола» были опубликованы отдельной брошюрой на нескольких зарубежных языках под названием «Идеи Ленина и будущее социализма» – см., к примеру: Die Ideen Lenins und die Zukunft des Sozialismus. – Moskau, Novosti, 1990.

¹¹ Ленинская концепция социализма. – М., 1990; Постигая Ленина. Материалы научной конференции. – М., 1990; Ленин, о котором спорят сегодня. – М., 1991.

¹² *Валентинов Н.* Недорисованный портрет / Сост. Н. Канищева, О. Лежнева. – М., 1993; *Иоффе Генрих.* История русской революции в «НЖ» // Новый журнал. 1996. Кн. 202; Был ли Ленин немецким агентом. Документы. – СПб., 1994; *Хальвег Вернер.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. – М., 1990. Автор предлагает в этой ситуации пользоваться косвенными свидетельствами и ждать, когда станут доступными архивы немецкого Генштаба и материалы русской контрразведки «Сведения французской службы контрразведки о жизни и деятельности Ленина и его пребывании за границей», а также собранные ею перлюстрации писем и телеграмм Ленина за май–октябрь 1917 года. См. также: Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. Сост. А. Арутюнов. – М., 1999.

¹³ См.: Ленину о Ленине. Письма 1918–1921 гг. В кн.: *Неизвестная Россия. XX век.* – М., 1992. С. 12–27; *Смерть Ленина: народная молва в спецдонесениях ОГПУ* (Публикация Л.П. Кошелевой и Н.В. Тепцова). – Там же. – М., 1993. С. 9–26. Последняя публикация любопытна в свете спора о том, кто был вторым человеком в большевистской иерархии при жизни Ленина. Народ, причем самые различные его слои, считали таким человеком Л.Д. Троцкого. Его фамилия фигурировала чуть ли не в каждой сводке в качестве потенциального преемника Ленина, Сталин же ни разу не упомянут. Для одних Троцкий был «заступником пролетариата» и одновременно защитником частной собственности; у других было отрицательное чувство из-за еврейского происхождения Троцкого.

¹⁴ См.: *Логинов Владлен.* Несостоявшаяся сенсация // *Свободная мысль.* 1997. № 12. С. 87.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Волгогонов Д.* Ленин. Кн. 1. – М., 1994. С. 17–18.

¹⁸ Там же. С. 10, 12–14, 27–28, 34.

¹⁹ См.: *Штурман Д.* Московские новости, которые не стареют // *Новое русское слово.* – New York, 1993, January 29. С. 7.

²⁰ См.: *Medvedev R.A.* In the Lenin Archive // *The Nation.* 1995, January. P. 134–137.

²¹ См.: *Hagen Mark von.* Afterword // Там же. P. 137–138.

²² *Дедков Н.И.* «Как я документально установил» или «Смею утверждать». О книге Д.А. Волгогонова «Ленин». В кн.: *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет.* С. 137.

²³ Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. – М., 1995.

²⁴ См.: Там же. С. 16, 58.

²⁵ *Плимак Евгений.* Современные споры о Ленине // *Свободная мысль.* 1996, № 2. С. 84–85.

²⁶ *Ленинизм и Россия.* – Екатеринбург, 1995. С. 245.

²⁷ *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Биография. Выбор пути. М., 2005. Новая расширенная версия раннего этапа жизни Ленина раскрывается в книге В.Т. Логинова «Владимир Ленин: как стать вождем» (М., 2011).

²⁸ *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». М. – СПб., 2002; *Колганов А.И.* Миф о «немецком золоте» // *Альтернативы.* 2006. № 2.

²⁹ См.: *Anderson Kevin.* Lenin, Hegel, and Western Marxism: A Critical Study. – Urbana, University of Illinois Press, 1995. Автор, тщательно изучив пометки Ленина, подчеркивает величайшую скрупулезность и тщательность прочтения им Гегеля.

³⁰ *Harding Neil.* Leninism. – Durham, Duke University Press, 1996.

³¹ См.: *Фишер Л.* Жизнь Ленина. В 2-х т. Пер. с англ. – М., 1997; *Service R.* Lenin: A Political Life. L., 1985, 1990, 1995. Vol. 1–3. См. также об этом: *Эктон Э., Гэттелл П.* Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза. В кн.: *Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков.* – М., 1996. С. 38–39.

³² *Abraham Resnik.* Lenin: Founder of the Soviet Union. – London, 2004; *Christofer Read.* Lenin: A Revolutionary Life. – London, 2005.

³³ *Энкер Бенно.* Начало становления культа Ленина. Перевод с немецкого // *Отечественная история.* 1992. № 5. С. 191–205; *Velikanova Olga.* Making of an Idol: On Uses of Lenin. Goettingen, 1996; *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Перевод с англ. С.Л. Сухарева. – СПб., 1997.

³⁴ *Пейн Роберт*. Ленин: жизнь и смерть. Перевод с англ. О.Л. Никулиной. М., 2008. См. также обстоятельную рецензию на книгу Ольги Богуславской в журнале «Знамя» (2003. № 1).

³⁵ См.: *Чебыкин В.А.* Осторожно: фальсификация ленинского образа. – Астрахань, 1992; *Он же*. Самокритичный Ленин. – Астрахань, 1995; *Волков Ф.Д.* Великий Ленин и пигмей истории. – М., 1996; *Гончаров В.Н., Филиппов В.Н.* Россия, Ленин и современный мир. – Барнаул, 1996.

³⁶ См.: Правда. 1995. 21 апреля.

³⁷ См.: *Субетто А.И.* Владимир Ильич Ленин: гений русского прорыва человечества к социализму. СПб., 2010.

³⁸ См.: *Клецевский В.А.* Тайна Ленина. – Томск, 1995; Аргументы и факты. 1995. № 20; *Лосев Макс*. Ленин. Пикантные подробности. СПб., 2009 и др.

³⁹ См.: *Feodoroff Nicholas. V. Lenin // Political History of Russia. Vol. 8, Number 2/3. P.99.*

⁴⁰ *Буртин Юрий*. Три Ленина. К 75-летию со дня смерти // Независимая газета. 1999, 21 января. С. 8.

⁴¹ *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. С. 46.

⁴² См.: *Плимак Евгений*. Современные споры о Ленине. С. 95.

Екатерина СУРОВЦЕВА

Сталин и сталинизм: «хождение по мукам»

О Сталине и сталинизме историки спорят уже не одно десятилетие. Чтобы как можно глубже разобраться в личности «отца народов» и в его деятельности, а также в причинах и последствиях этой деятельности, издательство «РОССПЭН» взяло на себя нелегкий труд по организации и изданию целой серии под названием «История сталинизма». Существует еще одна, правда, менее масштабная серия книг, посвященная Сталину, – «Сталин: Великая эпоха», выпускаемая издательствами «Эксмо» и «Яуза». Количество публицистических работ даже превышает количество научных исследований. В художественной культуре существует так называемая «сталиниана», дань которой отдали многие писатели, драматурги, поэты, композиторы. Кроме того, был проведен ряд конференций, посвященных личности Сталина и его деятельности – это, например, «Сталинизм в российской провинции» (Смоленск, 1998), «История сталинизма. Итоги и перспективы изучения» (Москва, 2008), «История сталинизма: репрессированная провинция» (Смоленск, 2009)¹, «История сталинизма. Принудительный труд в СССР: экономика, политика, память» (Москва, 2011), а также научно-образовательный форум «И.В. Сталин: миф, осмысление, преодоление» (Москва, 2003) и семинар Левада-Центра и Международного Мемориала «Роль «проработки» прошлого в посттоталитарных обществах: Россия и ФРГ» (Москва, 2011).

Трудности оценки личности Сталина

Проблему противоречивости и – как следствие – неоднозначности оценки личности Сталина довольно точно обозначила В.В. Смолененкова: «Говорить о Сталине объективно, а тем более объективно оценивать его всегда было крайне сложным и рискованным занятием. Во-первых, долгое время – вплоть до эпохи гласности – тональность любого высказывания о нем задавалась позицией партии. Во-вторых, влияние его политики коснулось практически всех реалий духовной и материальной жизни советского человека и в различных областях привело к совершенно противоположным результатам: к уничтожению крестьянства и созданию атомного оружия, к победе в Великой Отечественной войне и истреблению цвета нации, к созданию самой успешной в мире системы образования и здравоохранения и уничтожению памятников культуры и религии. Одни никогда не простят ему масштабности его разрушений, другие – всегда будут помнить масштабы его созидания. Для одних

он Гений, для других Злодей. Кроме того, до сих пор многое в его биографии остается покрытым тайной, что дает возможность комментаторам истолковывать действия этого человека порою с прямо противоположных позиций»². Как справедливо замечают авторы предисловия к сборнику материалов «Историография сталинизма», «зачастую отношение к Сталину служит неким индикатором установления политической принадлежности»³.

В материалах под названием «Россияне о Сталине», подготовленных 5 марта 2010 года Левада-Центром (Аналитическим центром Юрия Левады), показаны изменения в восприятии вождя на протяжении 2000-х годов, обозначены события из сталинской эпохи, которые значимы и по сей день. По итогам проведенного 26 февраля – 2 марта 2010 г. опроса 1600 россиян в возрасте 18 лет и старше в 127 населенных пунктах 46 регионов страны, на протяжении 2000-х годов более чем в 2 раза (с 16 % до 7 %) уменьшилось количество тех, кто относился к Сталину со страхом, а также с ненавистью (с 9 % до 5 %). В 1,5 раза (с 18 % до 12 %) отступили такие чувства как неприязнь и раздражение. Положительное отношение к Сталину в российском обществе по большей части сохранилось на прежнем уровне (23 % испытывают к нему уважение, 7 % – симпатию, 2 % – восхищение). Негативные чувства россиян в отношении Сталина уступили место безразличию (с 12 % до 38 %).

Со смертью Сталина население России в первую очередь связывает прекращение массового террора населения и освобождение невинных людей из заключения (47 %). 58 % россиян считают, что жертвы, которые понес советский народ в эпоху Сталина невозможно оправдать никакими великими целями. 29 % готовы в какой-то мере эти жертвы оправдать. Признать Сталина государственным преступником в той или иной мере согласны 32 % респондентов, не согласны – 50 %.

Почти 3/5 россиян (59 %) высказались против переименования Волгограда в Сталинград, «за» – 17 %, 24 % россиян не смогли определиться со своим отношением к этой идее.

Усилившуюся в последнее время апелляцию российских властей к достижениям Сталина как государственного деятеля 23 % респондентов связывают со стремлением «использовать культ Сталина для укрепления своего собственного авторитета как наследников славы побед», 20 % считают, что это происходит «от безвыходности», как суррогат отсутствующей «национальной идеи», поскольку в стране не осталось «ничего святого», 16 % уверены, что таким образом российские власти пытаются «использовать культ Сталина для того чтобы оправдать собственную политику и злоупотребления властью». 8 % россиян считают, что с помощью культа Сталина нынешнее правительство стремится постепенно восстановить советскую систему»⁴.

Так что же такое **сталинизм**? Как формулируется это понятие в современной исторической науке? Термин «сталинизм» появляется и закрепляется в общественном сознании в период «перестройки». В политологическом контексте он обозначает тоталитарный государственный режим, имеющий такие

родовые признаки, как административно-командная система руководства, проведение жесткой репрессивной политики, пренебрежение законом, попрание прав личности. В историческом контексте существование сталинизма ограничено хронологическими рамками, которые максимально раздвигаются с конца 1920-х годов до смерти Сталина в 1953 г. При этом термин часто утрачивает негативный смысл, становится двойственным, поскольку поглощается понятием «СССР под властью Сталина»⁵. Контрастирует с этим иной, пафосный подход к историческому феномену: «Сталинизм – это прежде всего коллективизм простого человека, основанный на его исключительном в новых условиях положении... Сталинизм – это величие страны, величие революции, основанное на грозной силе простых людей, низов общества, на праве кулака, расправы над всяким инакомыслящим. <...> Сталинизм – это небрежение к личности, это утопление личности в коллективе. Сталинизм – это торжество примитивного мира над миром сложным, ... это страх перед вышестоящим интеллектом и ненависть к этому вышестоящему интеллекту. <...> Отсюда проистекали многие явления, связанные с репрессиями. <...> Сталинизм – это убеждение в собственной непогрешимости, основанное на невежестве... Сталинизм – это революционный пуризм, прикрывающий обычные человеческие слабости. Сталинизм – это насилие физическое и духовное. Это террор, это во многом криминальная сущность систем, которая была порождена революционной вседозволенностью... Необходимо подчеркнуть, что во все эти процессы Сталин внес огромную и зловещую роль своим характером... Свою роль сыграли здесь и люди, которые его окружали, – это люди, имеющие мизерное образование... Они окружали вождя, боготворили, боялись и ненавидели его. Они же его в конце концов свалили, растоптали, но сохранили эту систему почти во всей ее незыблемости»⁶.

С точки зрения системы управления сталинизм определяется и как совокупность специфических политических практик сталинского руководства: «На всем своем протяжении эта система, во многом эволюционировавшая, сохраняла ряд характерных черт. Но наиболее специфическая характеристика сталинизма, его родовая черта (возникшая с самого начала большевистского правления и со смертью Сталина не исчезнувшая) – это **террор как универсальный инструмент решения любых политических и социальных задач**. Именно государственное насилие, террор обеспечивал и возможность централизации управления, и разрыв горизонтальных связей, и высокую вертикальную мобильность, и жесткость внедрения идеологии при легкости ее модификации, и большую армию субъектов рабского труда и многое другое. Отсюда **память о сталинизме – это, прежде всего, память о государственном терроре как о системообразующем факторе эпохи, а также о его связи с разнообразными процессами и событиями того времени**»⁷ (жирный шрифт принадлежит автору цитируемого исследования – *Е.С.*). Столкновение определений сталинизма заметно проявляется в новейших проектах, посвященных Сталину и его эпохе.

Издательские проекты

Одним из наиболее заметных проектов является серия «История сталинизма», которая, по замыслу его руководителей, призван содействовать преодолению советского идеологического и политического наследия. Подготовка и издание в России исследований (в том числе и лучших зарубежных) по истории сталинизма сопровождается организацией дискурса, публичных обсуждений проблем, представленных в книгах, конференциями, семинарами, а также презентаций книг в центральных научных универсальных библиотеках по всей России и университетах. Таким образом, в общественное сознание предполагается внедрить результаты научного анализа советской эпохи, основанного на достижениях так называемой «архивной революции», в рамках которой российскими историками и архивистами опубликованы миллионы ранее засекреченных документов. Проект реализуется совместными усилиями издательства «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) и Фонда Первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Серия состоит из двух подсерий. В первую из них – «История сталинизма. Документы» – включены издания, где собраны документы сталинской эпохи, а также публикации архивных материалов, значительная часть которых ранее была недоступна историкам. Во вторую – «История сталинизма. Дебаты» – вошли публикации материалов ежегодных международных научных конференций по сталинизму. В рамках конференций ведущими специалистами по истории сталинского периода были затронуты следующие вопросы: сущность феномена сталинизма и его место в более широком ряду явлений, восприятие сталинизма в массовом историческом сознании современной России, основные результаты, задачи и перспективы изучения сталинизма в российской и мировой науке.

«История сталинизма» включает в себя исследования не только собственно про Сталина и периода его правления. Советская история вписана в широкий контекст⁸. Серией охвачена полная история Советского Союза⁹ и история коммунизма в России¹⁰. Кроме того, в серию включены книги, описывающие и анализирующие период до начала правления Сталина (личность и биография Ленина¹¹, создание культа Ленина¹², красный террор¹³, правозсеровский политический процесс¹⁴, НЭП¹⁵, демократический союз¹⁶) и после смерти вождя (оттепель¹⁷, кризис в Северной Корее¹⁸, кризис в Чехословакии¹⁹, беспорядки при Хрущеве и Брежневе²⁰). Таким образом, сталинизм в понимании составителей серии – это, по большому счету, синоним советской власти. Такое понимание сталинизма соотносится с определением этого явления «в политологическом контексте», приводимое в процитированной выше статье М.И. Смирновой и И.А. Дмитриевой²¹.

Разнообразные темы освещаются «Историей сталинизма» и на материале собственно сталинского правления:

1. террор и репрессии²², судьба и личность Ежова²³, ссылки и ГУЛАГ²⁴, Катынь²⁵);
2. деревня и крестьянство²⁶, Хлебозаготовки²⁷;
3. Коминтерн²⁸;
4. начало Великой Отечественной Войны²⁹, роль Челябинска в победе³⁰;
5. национальный вопрос³¹ (вайнахи³², Сталин и немцы³³, западные национальные меньшинства³⁴, Антисемитизм³⁵, сталинизм и национальные окраины³⁶);
6. дипломатия³⁷;
7. партийная номенклатура при Сталине и Хрущеве³⁸;
8. религия и Церковь³⁹;
9. феномен «режимных людей»⁴⁰; 8. политическая экономия⁴¹;
10. цензура и судьба культуры и искусства⁴²; власть и наука⁴³;
11. юстиция⁴⁴;
12. быт: положение женщины⁴⁵, оплата труда⁴⁶, повседневность⁴⁷, жилищные условия⁴⁸, снабжение⁴⁹, праздники⁵⁰, школа⁵¹, повседневность⁵², градостроительство⁵³, а также общественные настроения⁵⁴, социальная история⁵⁵;
13. индивидуальная идентичность в советском обществе, процессы ее «переделки» после революции 1917 года⁵⁶;
14. «холодная война» (тема, выходящая за рамки сталинского правления)⁵⁷;
15. доносительство⁵⁸;
16. комплексный историографический анализ эпохи правления Сталина⁵⁹;
17. личность Сталина, его биография⁶⁰.

Другая издательская серия «Сталин: Великая эпоха» охватывает только период сталинского правления. Авторы и составители серии сосредоточились, прежде всего, на личности вождя и событиях, тесно связанных с его именем⁶¹, а также на его родных⁶². Таким образом, составителями серии сталинизм понимается «в историческом контексте» (см. ту же самую цитату из статьи М.И. Смирновой и И.А. Дмитриевой⁶³).

Параллельно названным сериям, осуществлены и представлены читателям другие исследования – в частности, посвященные репрессиям⁶⁴, ГУЛАГу⁶⁵; Катыни⁶⁶; судьбе крестьянства⁶⁷; началу Великой Отечественной Войны⁶⁸; национальному вопросу (Сталин и немцы⁶⁹, антисемитизм⁷⁰); дипломатии⁷¹; партийной номенклатуре⁷²; цензуре и культуре⁷³; власти и науке⁷⁴; историографическому анализу⁷⁵; экологии⁷⁶; быту (метро⁷⁷); идеологической работе⁷⁸; борьбе с инакомыслием⁷⁹; личности Сталина⁸⁰. Очень важно отметить вклад издательства «Международный фонд “Демократия”», выпустившего целую серию книг, в которых собраны многочисленные документы, большинство которых публикуется впервые.

Важнейшие аспекты изучения личности Сталина и феномена сталинизма

1). Начало политической карьеры Сталина.

В книге Ю.Н. Жукова⁸¹ предпринята попытка по-новому представить начало политической карьеры Сталина – о том, как в годы революции и гражданской войны он пытался сохранить единство России, не допустить ее распада. На основании архивных документов, большинство из которых лишь недавно рассекречено, автор пытается доказать, казалось бы, невероятное: в 1917 году взгляды Сталина (третьего человека в большевистской партии) и Милюкова (вождя кадетской партии и идеолога «белого движения») в вопросе о том, какой должна быть Россия, полностью совпадали. Основные тезисы книги таковы: начало распада России еще весной 1917 г. положили сепаратистские устремления украинской Центральной рады; весной 1919 г. Сталина удалили из Москвы, отрешив его до конца гражданской войны от участия в руководстве партией и государством; в 1920 г. никаких серьезных оснований для признания независимости прибалтийских республик не было; СССР в конституционной форме, утвержденной в декабре 1922 г., был создан вопреки возражениям Сталина и в угоду леворадикальным утопиям, которые отстаивали Ленин, Каменев, Зиновьев, Троцкий.

Молодого Сталина исследует и А. Островский⁸². Особое внимание автор уделяет вопросу о связях Сталина в Грузии с разнообразными кругами, но не с царской охранкой. Заметим, однако, что эта версия существует и по сей день – например, она изложена в книге Р. Брахмана⁸³. Ранее эта точка зрения обосновывалась в историческом романе Э. Радзинского «Сталин»⁸⁴.

2). Репрессии и роль в них Сталина.

Обращает на себя внимание попытка возлагать вину за репрессии не только на Сталина персонально, но и на его соратников. Ю.Н. Жуков пишет: «...Все политики, вне зависимости от того, кем себя полагают – сталинистами или антисталинистами, дружно приписывают Сталину, ему одному и только ему, ответственность за все, что происходило со страной и в стране. Правда, сталинисты напоминают исключительно о положительных моментах, а антисталинисты излагают свой вариант прошлого, сплошь состоящего из недостатков и ошибок, насилия и преступлений. Все, сознательно или бессознательно, превращают Сталина в демиурга, единственного творца истории, ее движущую силу. Словом, занимаются мифотворчеством»⁸⁵. В своей книге «Иной Сталин» Жуков показывает, что большая роль в репрессиях принадлежала не только самому вождю, но и его ближайшим соратникам, например, Н.С. Хрущеву, который, в 1930-х годах будучи «ответственным» за репрессии в Московской области, «перевыполнил» все спускаемые Сталиным «планы». Сход-

ную мысль высказывает и А.Н. Сахаров: «Хотя мы понимаем, что репрессии были следствием политической борьбы (позволим себе развить мысль: в этой политической борьбе участвовал не один Сталин, но также и его оппоненты, которые, следовательно, также несут ответственность за репрессии – Е.С.), но в них принимали участие миллионы людей, которые считали необходимым задавить, принизить вышестоящий интеллект человека...»⁸⁶.

3). *Партийная номенклатура.*

В исследовании Дж. Истера⁸⁷ рассматривается роль новой элиты в становлении Советского государства, анализируются система личных взаимоотношений и самосознание элиты как неформальные источники власти. Автор исследования предлагает собственное объяснение того, каким образом слабое большевистское государство распространило свою власть на огромные сельские и многонациональные территории; он также анализирует динамику конфликта между центром и регионами в 1930-е годы, кульминацией которого стал «большой террор».

4). *Сталин как личность. Политическая биография Сталина.*

В работах О.В. Хлевнюка⁸⁸ на новых фактических данных скрупулезно и вдумчиво осмысливаются восхождение Сталина к власти, отношения с соратниками по партии, выстраивание строгой системы собственной диктатуры, устранение потенциальных конкурентов, жесткие наказания политических оппонентов за малейшие допущенные ошибки. Изучение сталинских архивов многие историки вели с целью раскрытия внутреннего мира вождя, в частности, круга его чтения (Б.С. Илизаров⁸⁹ и Р.А. Медведев⁹⁰); учебы в духовной семинарии (И. Курляндский⁹¹); разных сторон биографии (С.С. Хромов⁹², в частности, 1922–1944 гг.⁹³).

Новый взгляд на личность вождя и его деяния предлагает Е. Прудникова⁹⁴. Она приходит к неожиданным выводам, способным удивить даже убежденных сталинистов. Ведь не только враги, но и большинство сторонников Иосифа Виссарионовича считали его человеком недобрым, жестоким, расчетливым. Однако Прудникова считает, что объяснение поступкам вождя следует искать не на «путях зла», а на «путях добра»: «Если предположить, что это был очень хороший человек, и подумать: а как бы он действовал в подобных ситуациях, то видишь, что он делал бы как раз то и так, как реальный исторический Сталин...»⁹⁵. То есть выходит, что все поступки вождя обусловлены не его характером, а обстоятельствами, в которых Иосиф Виссарионович оказался.

В биографии Сталина С.Ю. Рыбаса, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей»⁹⁶, нет какой-либо «крайней» позиции – воссоздается политическая жизнь вождя на фоне общественной жизни России. Однако автор не избежал упреков в предвзятости и отсутствии исторического метода в анализе⁹⁷, в невнимании к исследованию истоков сталинизма⁹⁸.

Большое значение для изучения сталинской политической биографии сыграло уникальное издание – журналы записи лиц, побывавших на приеме у вождя⁹⁹. На основании этих журналов можно судить о том, кого принимал Сталин и сколько времени он уделял собеседнику. В контексте изучения окружения Сталина ценна, на наш взгляд, попытка составить справочник, включающий в себя статьи о тех лицах, с которыми вождь так или иначе общался¹⁰⁰. Сходную цель преследуют книги В.В. Суходеева¹⁰¹, однако, по охвату материала они более широкие – в них содержатся статьи не только о людях, но и о событиях. Как говорит сам автор, им «... предпринята попытка с помощью ряда статей о событиях конца XIX – середины XX вв., о российских революциях, о советской эпохе, о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, а также свидетельств соратников И.В. Сталина и его современников восстановить по возможности целостную и объективную картину жизни и деятельности великого вождя»¹⁰². Отметим, что Суходеев подходит к материалу скорее с просталинских позиций.

5). Сталин как ритор.

Очень перспективный, на наш взгляд, аспект анализа, на который обратили внимание совсем недавно, – это изучение Сталина как ратора. Риторика Сталина становится объектом исследования в ряде работ с широкой тематикой, где речи Сталина – лишь один из частных объектов исследования¹⁰³. Специальных исследований, посвященных данной проблеме, нам на настоящий момент известно только два – это работы В.В. Смолененковой¹⁰⁴ и М.Я. Вайскопфа¹⁰⁵. Эта тема хорошо анализируется также в книге А.П. Романенко¹⁰⁶. В.В. Смолененкова замечает: «Подавляющее большинство работ, анализирующих риторическое наследие И.В. Сталина, дает общую характеристику стиля его статей и выступлений, выявляет общие принципы построения суждений и истоки формирования сталинского стиля публичной аргументации. Подобно оценкам его политической деятельности, оценки сталинского стиля аргументации зачастую прямо противоположны»¹⁰⁷. Как мы видим, оценки сталинского стиля так же противоположны, как и оценки личности Сталина в целом. В основном в поле зрения исследователей попала довоенная риторика вождя. Смолененкова же концентрирует свое внимание на риторике военной. Исследовательница приходит к выводу: «Риторическое видение роли советского народа в войне, разработанное Сталиным, безусловно, было упрощенной и опозитизированной интерпретацией правды. Оно не учитывало судьбы отдельных народов, этносов, людей, оказавшихся на распутье истории. Оно скрывало захватнические амбиции самого вождя и, в конечном счете, служило его интересам»¹⁰⁸. В своей книге М.Я. Вайскопф высказывает мысль, что при крайней скудости лексики и убогой стилистике его писания представляют собой парадоксальный образчик чрезвычайно изощренной семантической системы, которая отличается многозначностью и текучестью самых, казалось

бы, ясных и определенных понятий. Исследователем выявлен обширный фольклорный слой (преимущественно северокавказский эпос) сталинского мировоззрения и его связь с общереволюционной мифологией; исследуются отношения между христианскими и языческими моделями в сочинениях этого автора.

На наш взгляд, В.В. Смолененкова совершенно справедливо упрекает Вайскопфа в предвзятости и надуманности и даже называет его «ярим обличителем Сталина», однако признает его работу вдумчивой и скрупулезной. Думается, бесспорный «плюс» книги Вайскопфа – использование в ней большого количества текстов и материалов, до сих пор не входивших в научный обиход. Отметим, что даже самые ярые обличители вождя вынуждены были признать эффективность сталинской риторики. Вот как объясняет этот феномен Вайскопф (и его сочувственно цитирует Смолененкова): «В конечном итоге мы сталкиваемся здесь с поразительным парадоксом. Несмотря на скудость и тавтологичность, слог Сталина наделен великолепной маневренностью и гибкостью, многократно повышающей значение каждого слова. По семантической насыщенности этот минималистский жаргон приближается к поэтическим текстам, хотя сфера его действия убийственно прозаична. Очевидно, это были те самые слова, которые обладали и рациональной убедительностью, и, главное, необходимой эмоциональной суггестией, обеспечивавшей им плодотворное усвоение и созвучный отклик. Иначе говоря, они опознавались сталинской аудиторией как глубоко родственные ей сигналы, как знаки ее внутренней сопричастности автору»¹⁰⁹. Другое объяснение Вайскопфа заключается в утверждении, что «на деле сталинский псевдопримитив таит в себе столь же сложные и амбивалентные структуры, что и так называемый примитив фольклорной архаики. Подлинная стилистическая гениальность Сталина сказалась в изощренной и преступной эксплуатации этого сокровенного родства, интуитивно уловленного партийно-низовой массой»¹¹⁰. Смолененкова справедливо замечает, что «утверждение израильского ученого, также как и доказательство этого утверждения, довольно спорно и требует, на наш взгляд, дополнительных исследований, прежде всего, в области «амбивалентных структур примитива народной архаики»»¹¹¹.

К очерченному выше аспекту тесно примыкает изучение застольных речей Сталина¹¹². В.А. Невежиным собран целый ряд застольных речей вождя, произнесенных на разнообразных приемах (так, первый сборник выступлений Иосифа Виссарионовича включает в себя материал 26 приемов в течение 1933–1945 года, второй – 50 в течение 1932–1950 года¹¹³) – дружеских обедах и ужинах, больших кремлевских приемах, дипломатических раутах с участием Сталина. В этих речах затрагивались вопросы строительства Вооруженных Сил, давались оценки боеготовности и боеспособности Красной армии и армий зарубежных стран, содержались экскурсии в историю войн и отдельных битв, упоминались известные полководцы, оценивалась победа в Великой Отечественной Войне.

6). *Быт сталинской эпохи.*

Среди исследований, посвященных рассмотрению быта сталинской эпохи, мы бы отдельно выделили исследование Л. Сигельбаума¹¹⁴, рассматривавшее историю страны через призму истории автомобиля (как объект индивидуальных желаний машина – в сущности, мобильная частная территория – всегда находилась в противоречии с коллективистской идеологией коммунистической партии. В последние годы существования СССР эти желания превратились в настойчивые требования. По мнению автора, попытки государства их удовлетворить повлекли за собой целый ряд компромиссов и уступок, приведших в конце концов к распаду страны).

7). *Сталин и искусство.*

Немало сделано для разработки темы «Сталин и искусство». В числе бесспорных достижений в этой области можно назвать публикацию целого ряда недоступных ранее архивных документов, выполненную Международным фондом «Демократия»¹¹⁵.

8). *Сталин и литература.*

Заслуживает внимания то, что по материалам только что упомянутых сборников документов можно значительно продвинуться в изучении темы «Сталин и литература». Литературоведам хорошо известно, какое большое внимание вождь уделял именно этому виду искусства. В числе опубликованных недавно документов – переписка вождя со многими литераторами – с Демьяном Бедным, А.Н. Толстым и со многими другими (оговорим, что переписка Сталина с Шолоховым была опубликована ранее¹¹⁶; весьма обширна переписка Сталина с М. Горьким¹¹⁷), личные встречи с ними Иосифа Виссарионовича¹¹⁸. В последнее время стал известен целый ряд писем, обращенных к вождям Советского Союза и прежде всего лично к Сталину¹¹⁹. Именно с учетом пристального внимания вождя к именно литературе исследование Б. Сарнова выразительно озаглавлено «Сталин и писатели»¹²⁰.

9). *Сталин и архитектура.*

В нашей архитектуре в первой половине XX века сложился новый архитектурный стиль, называемый «советский монументальный классицизм», или «сталинская архитектура» – лидирующее направление в архитектуре, монументальном и декоративном искусстве СССР с середины 1930-х до середины 1950-х годов. Этот стиль получил распространение в именно сталинскую эпоху, особенно – после Великой Отечественной войны, когда он получил распространение также и в странах Восточной Европы. Часто архитектуру подобной стилистики именуют и «сталинский ампир» (от фр. *empire* – «им-

перия» и по аналогии с ампиром), что не точно, хотя в послевоенные годы именно такая разновидность советской классической архитектуры утвердилась как государственная. Сталинской архитектуре посвящен ряд книг, в том числе изданных и в советскую эпоху (насколько мы можем судить, литература на эту тему выходила, начиная с 1939 года). В числе исследований последних лет мы можем назвать тексты А.А. Васькина¹²¹, М.Г. Мееровича¹²² и Д.С. Хмельницкого¹²³.

Думается, не будет преувеличением сказать, что немаловажную роль имел также личный эстетический вкус Сталина. Недавно появилась одна из книг известного историка архитектуры Д. Хмельницкого, которая посвящена советской архитектуре 1930–1950-х годов¹²⁴. Основываясь на документальном материале, в числе прочего вводимом в обращение впервые, автор рассматривает сюжет ее «сталинизации»; по его версии, это процесс не столько идеологический, сколько вкусовой, то есть целиком определяемый вкусом и стратегическими соображениями верховного заказчика.

10). Сталин и культура его времени.

Необычный ракурс рассмотрения проблемы «Сталин и культура его времени» – составление подборки цитат политиков, ученых, писателей с подробными комментариями, в которых содержатся сведения об авторах цитат и упоминаемых в них лиц¹²⁵. В рамках исследований трансформаций русской культуры написана книга Ф. Буббайера¹²⁶, в которой рассматривается эволюция понятия «совесть» в официальной советской идеологии, идеи совести, отличительные для разных течений в диссидентском движении, место «совести» в деятельности и политической риторике реформаторов периода «перестройки».

12). Сталин и религия.

Актуальный вопрос современной науки – политика власти по отношению к религии при Сталине. И.А. Курляндский в своем исследовании «Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.)», опубликованном в 2011 г., по-новому освещает этот вопрос на основании многочисленных архивных документов, относящихся к 1922–1953 гг. Большое внимание уделено роли и личности Сталина как многолетнего лидера советского государства, оказавшего решающее влияние на выработку его конфессиональной политики на разных исторических этапах. На страницах книги также ярко предстают образы других большевистских вождей, занятых «штурмом небес»: В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, Е.М. Ярославского. Исследуются причины и механизмы выработки важнейших решений власти в деле антирелигиозной борьбы. Автор останавливается и на вопросах «религиозной» мифологии большевизма в творчестве писателя Андрея Платонова.

11). Культ Сталина.

Обстоятельная статья Дж. Дэвлина посвящена культу Сталина¹²⁷. Исследователь пишет: «Культ Сталина является классическим примером политической мифологии и во многих отношениях может служить иллюстрацией к определению мифа, данному Элиаде («повествование из священной истории») и Джорджем Сорелем («коллекция движущихся образов»). Как и традиционные мифологии, данная мифология была призвана легитимизировать власть, вдохновить и мобилизовать массы, и с этой целью и были созданы ее общественные ритуалы. Однако, в отличие от большинства мифологий, мы можем точно указать даты ее создания, расцвета и окончания; к тому же миф о Сталине доказал свою живучесть и по сей день оказывает свое влияние на умы, много лет спустя после исчезновения необходимости в следовании ему»¹²⁸.

«Пятидесятилетие Сталина в декабре 1929 года стало своего рода инаугурацией культа вождя»¹²⁹. Дэвлин описывает празднования юбилея Сталина, «вклад» в создание культа личности Сталина его ближайших соратников, в том числе Берии, постоянное акцентирование идеи «Сталин – Ленин сегодня», намечается тема сталинианы в искусстве (прежде всего, грузинского). Отмечается также такая черта характера вождя, как тщеславие. Статья снабжена многочисленными ссылками на научную литературу, прежде всего – зарубежную.

12). Память о сталинизме.

Особый аспект темы, не менее важный, чем перечисленные выше, – это вопрос памяти о сталинизме. Доклад А.Б. Рогинского на конференции «История сталинизма. Итоги и проблемы изучения» (Москва, 2008) и опубликованный в двух электронных изданиях (журнале «Relga» и на «Полит.ру»), так и озаглавлен – «Память о сталинизме»¹³⁰. Для автора историческая память – это «ретроспективная форма коллективного сознания, формирующая коллективную идентичность в ее отношении к значимому для этой идентичности прошлому», она «работает с прошлым, реальным или мнимым, как с материалом: отбирает факты и соответствующим образом их систематизирует, выстраивая из них то, что она готова представить как генеалогию этой идентичности»¹³¹. Далее Рогинский задается вопросом «Но такова ли Память о сталинизме в современной России?» и перечисляет то, что, на его взгляд, отличает именно сегодняшнее восприятие сталинизма: «память о сталинизме в России – это почти всегда память о жертвах», «о жертвах, но не о преступлениях». В качестве памяти о преступлении она не отрефлексирована, на этот счет консенсуса нет; «на определенном уровне, на уровне личных воспоминаний – это уходящая память», поскольку свидетели еще есть, но это – последние свидетели, и они уходят, а «вместе с ними уходит и память как личное воспоминание и личное переживание»¹³². Автор указывает на то, что «память о терроре отступила», не вовсе исчезла, но оказалась «оттеснен-

ной на периферию массового сознания»¹³³. Об этом же велась речь на семинаре Левада-Центра и Международного Мемориала «Роль «проработки» прошлого в посттоталитарных обществах» (Москва, 2011)¹³⁴. Память о сталинизме преломляется также в фильмах о Сталине и его эпохе, снятых в разные периоды русской истории XX века, в таком явлении, как юбилеи и памятные даты¹³⁵.

Личность Сталина рассматривается и как идеологема в современной массовой коммуникации. Е.А. Нахимова¹³⁶ утверждает, если идеологема, «как ментальная единица, в состав которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием»¹³⁷, то прецедентное имя *Сталин* последовательно выступает как идеологема, имеющая различные смыслы для сторонников леворадикальных взглядов и политиков либеральной и центристской политической ориентации. В качестве идеологем по-прежнему используются и имена других коммунистических вождей – Дзержинского, Троцкого, Бухарина. Однако современные коммунисты практически не используют в символическом смысле имена наиболее известных «наследников Сталина» – Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, тогда как их политические противники не скрывают негативного отношения к советским вождям, руководившим нашей страной во второй половине прошлого века¹³⁸.

В заключение вернемся к вопросу о причинах популярности Сталина в современном обществе. «30 процентов населения по-прежнему остаются верными этой (созданной Сталиным – Е.С.) системе»¹³⁹. «Всем памятны скандальные итоги конкурса «Имя России» на РТР в 2008 году, когда лишь ценой немалых усилий удалось спустить генералиссимуса с триумфального первого на почетное третье место в симпатиях российских граждан»¹⁴⁰. Из последней цитаты можно сделать вывод, что Сталина «поддерживают» не 30 процентов населения, а гораздо больше. Впрочем, суть приводимых цитат одна и та же: огромная часть населения относится к Сталину с симпатией. На сей счет также существуют различные мнения. Один из исследователей полагает, что причина популярности созданной Сталиным системы – «колоссальная эксклюзивность»: «Когда он (человек – Е.С.) имеет эксклюзивное положение в обществе, способен к самоутверждению, когда он, – простой маленький человек, порой мало образованный – является «белой костью» этого общества, это дорого стоит»¹⁴¹. Еще одно мнение относительно популярности Сталина: «В новых учебниках истории присутствует тема сталинизма как системного явления. Казалось бы, достижение. Но террор выступает там в качестве исторически детерминированного и безальтернативного инструмента решения государственных задач. Эта концепция не исключает сочувствия к жертвам Молоха истории, но категорически не допускает постановки вопроса о преступном характере террора и о субъекте этого преступления. Это не результат установки на идеализацию Сталина. Это естественное побочное следствие решения совсем другой задачи – **утверждения идеи заведомой правоты**

государственной власти. Власть выше любых нравственных и юридических оценок»¹⁴² (жирный шрифт принадлежит автору цитируемого исследования – Е.С.). «...В чем корни растущей популярности легенды о Сталине как о строгом, но справедливом народном вожде? – задают вопрос другие исследователи и отвечают: – Ответ очень горький и неприятный – дело в нашей собственной слабости, в упадке общественных сил. Масса людей разочарована настоящим, испытывает состояние унижения, но не в силах подняться до эффективных действий. В такой ситуации остается надежда на чудо, на «доброе царя», который придет и железной рукой наведет порядок – то есть сделает за нас то, что не можем сделать мы сами»¹⁴³.

Не претендуя на «слово в последней инстанции» и не опровергая все изложенные нами точки зрения, позволим себе высказать предположение, что именно последнее определение содержит в себе вполне здравый диагноз современному состоянию нашего общества – при всем обилии наших проблем очевидна слабость власти, очевидно и то, что в целом ряде случаев необходимо проявлять жесткость во имя соблюдения элементарной законности, и поэтому неудивительна мечта о твердой руке – дело даже не в том, что она должна за нас делать то, что мы сами не можем, а в том, что власть должна выполнять свои собственные функции по соблюдению государственного порядка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Программа конференции опубликована на сайте «Полит.ру» (<http://www.polit.ru/article/2008/11/20/stalinism/>). На конференции были рассмотрены вопросы научного осмысления проблем сталинизма и взаимодействия научной историографии и массового исторического сознания в современной России. Политические изменения в России и связанное с этим частичное открытие архивов способствовали существенному прогрессу в изучении сталинского периода. Вместе с тем в научной историографии сталинизма накопилось немало проблем и спорных вопросов, которые требуют обсуждения и научного осмысления. Остается значительным и даже углубляется разрыв между научными и обыденными представлениями граждан России о сталинизме и сути диктатуры. В средствах массовой информации России и многочисленных псевдоисторических изданиях реанимируются концепции краткого курса «Истории ВКП(б)» или, в лучшем случае, эксплуатируются половинчатые и аргументы хрущевской десталинизации. Широкое распространение получают рецепты возрождения России посредством авторитарной модернизации или даже диктатуры, пропаганда исторической оправданности насилия, многомиллионных жертв и социальных чисток. Работа конференции была посвящена ключевым, преимущественно концептуальным проблемам истории сталинского периода. Ее работа будет организована по шести основным направлениям: институты и методы диктатуры; политэкономия сталинизма; человек в системе диктатуры (социокультурные аспекты); национальная политика и этнический фактор; международные отношения и вторая мировая война; сталинизм и современное общественное сознание.

² Смолененкова В.В. Риторика Сталина военного времени. Приказ № 70. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2006 (http://genhis.philol.msu.ru/article_105.html). Исследователи отмечали также, что феномен полярного восприятия Сталина заслуживает такого же пристального внимания, как и феномен самого Сталина: «В наших современных попытках осмыслить феномен Сталина до сих пор почти монопольные позиции занимают две однобоких полярных (хотя парадоксальным образом очень во многом и смыкающихся)

точки зрения. Их относительное преобладание может меняться со временем, но вместе они до сих пор с успехом удерживают свою монополию. И сам этот феномен заслуживает не меньшего внимания, чем феномен Сталина» (*Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Рец. на кн.: С.Ю. Рыбас. Сталин. – М., 2009, 912 с. (Серия «ЖЗЛ») // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 167).

³ Историография сталинизма. Сб. ст. Под ред. Н.А. Симония. Серия «История сталинизма». – М.: РОССПЭН, 2007. С. 5.

⁴ Данные Левада-Центра «Россияне о Сталине и репрессиях», 5 марта 2010 года // <http://old.levada.ru/press/2010030507.html>.

⁵ *Смирнова М.И., Дмитриева И.А.* Социокультурные истоки сталинизма: историографический дискурс // Историография сталинизма. С. 7.

⁶ *Сахаров А.Н.* Открытие круглого стола // 50 лет без Сталина... С. 11–13.

⁷ *Рогинский А.Б.* Память о сталинизме // RELGA – научно-культурологический сетевой журнал – <http://www.relga.ru/> (Ростов-на-Дону). 10.07.2009. № 10 (190). Тот же материал перепечатан на сайте «Полит.ру»: <http://polit.ru/article/2008/12/11/memory/>.

⁸ *Кондратьева Т.С.* Кормить и править: о власти в России XVI–XX вв. Пер. с фр. З.А. Чеканцевой. Серия «История сталинизма». – М., 2009.

⁹ *Люкс Л.* История России и Советского Союза: от Ленина до Ельцина. Пер. с нем. Б. Хавкина. Серия «История сталинизма». – М., 2009.

¹⁰ *Даниелс Р.В.* Взлет и падение коммунизма в России. Пер. с англ. И. Кожановской. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

¹¹ *Каррер д'Анкокс Э.* Ленин. Пер. с фр. А.Н. Скобелкина. Серия «История сталинизма». – М., 2008.

¹² *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. Пер. с нем. А.Г. Гаджикурбана. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

¹³ *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

¹⁴ Правозерсовский политический процесс в Москве, 8 июня – 4 августа 1922 г.: стенография судебных заседаний. В 14 т. Т. 1–2. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

¹⁵ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Ред. коллегия: В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, А.Ю. Ватлин и др. – М., 2000.

¹⁶ Демократический союз. Следственное дело. 1928–1929 гг. Сб. док. Сост. и авт. предисл. И.А. Мазус. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

¹⁷ *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

¹⁸ *Ланьков А.Н.* Август, 1956 год. Кризис в Северной Корее. Серия «История сталинизма». – М., 2009.

¹⁹ 1968 год. «Пражская весна»: историческая ретроспектива: Сб. ст. Серия «История сталинизма». – М., 2010; Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. Сост. Л.А. Величанская и др. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

²⁰ *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе: 1953 – нач. 1980-х гг. 3-е изд. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

²¹ *Смирнова М.И., Дмитриева И.А.* Социокультурные истоки сталинизма: историографический дискурс // Историография сталинизма... С. 7.

²² *Баберовски Й.* Красный террор: История сталинизма. Пер. с нем. Серия «История сталинизма». – М., 2007; *Верт Н.* Террор и беспорядок: сталинизм как система. Пер. с фр. А.И. Пигалева. Серия «История сталинизма». – М., 2010; «Включен в операцию»: массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. Серия «История сталинизма». – М., 2009; *Голдман В.З.* Террор и демократия в эпоху Сталина: социальная динамика репрессий. Пер. с англ. Л.Е. Сидиковой. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Дундович Е.* Итальянцы в сталинских лагерях. Пер. с итал. Н.М. Сухановой. Серия «История сталинизма». – М., 2009; История сталинизма: репрессированная российская провинция: материалы международной научной конференции, Смоленск, 9–11 октября 2009 г. Серия «История сталинизма». – М., 2011; Массовые репрессии в Алтайском крае. 1937–1938 гг. Приказ № 00447. Сб. Сост. Г.Д. Жданова и др. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Хаустов В.Н., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–

1938 гг. 2-е изд. Серия «История сталинизма». – М., 2010; Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447. Сб. Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. Серия «История сталинизма». – М., 2009; Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Сб. док. В 2 кн. Кн. 1. Серия «История сталинизма». – М., 2011; *Шлегель К.* Террор и мечта. Москва 1937. Пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

²³ *Петров Н.В., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. Пер. с англ. Н. Балашова, Т. Никитиной. 2-е изд. Серия «История сталинизма». – М., 2009.

²⁴ *Белых Н.Ю.* Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938–1953 гг.). Серия «История сталинизма». – М., 2011; *Бородкин Л.И., Грегори П., Хлевнюк О.В.* ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М., 2005; *Виола Л.* Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. Пер. с англ. Е. Осокиной. Серия «История сталинизма». – М., 2010; ГУЛАГ: экономика принудительного труда. Серия «История сталинизма». – М., 2008; Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики СССР. Собрание документов и фотографий. – М., 2008; *Наханетов Б.А.* Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. Серия «История сталинизма». – М.: РОССПЭН, 2009.

²⁵ *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. Серия «История сталинизма». – М., 2009.

²⁶ *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьян. Сопротивления. Пер. с англ. А.В. Бардина. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР: большевики и крестьяне. 1917–1933. Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. Серия «История сталинизма». – М., 2008; *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. Серия «История сталинизма». – М., 2008; *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. Серия «История сталинизма». – М., 2009; *Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н.* Корни или щепки: крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Красильников С.А.* Серп и Молох: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. Серия «История сталинизма». – М., 2009; *Надькин Т.Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Суслов А.Б.* Спецконтингент в Пермской области. 1929–1953 гг. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Тархова Н.С.* Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. Пер. с англ. Л.Ю. Пантина. Серия «История сталинизма». – М., 2008; «Через трупы врага на благо народа»: «кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Сб. док. В 2 т. / Сост.: М. Юнге и др. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

²⁷ *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта: заготовочные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

²⁸ *Байерляйн Б.* «Предатель – ты, Сталин»: Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941): утраченная солидарность левых сил. Пер. с нем. Предисл. Г. Вебера. Серия «История сталинизма». – М., 2011; *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. Серия «История сталинизма». – М., 2009.

²⁹ *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. Серия «История сталинизма». – М., 2008.

³⁰ *Самуэльсон Л.* Танкоград: секреты русского тыла. 1917–1953. Пер. со швед. Н.В. Долговой. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

³¹ Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина: Сб. Пер. с англ. В.И. Матузовой. Серия «История сталинизма». – М., 2011; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР. 1923–1939. Пер. с англ. О.Р. Щелоковой. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

³² Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). Серия «История сталинизма». – М., 2011.

³³ *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. Историко-правовое исследование. Серия «История сталинизма». – М., 2008; Сталин и немцы: Новые исследования. Под ред. Ю. Царуски. Пер. с нем. Т.Г. Ваньят. Серия «История сталинизма». – М., 2009

³⁴ *Деннингхаус В.* В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР. 1917–1938 гг. Пер. с нем. В. Деннингхауса. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

³⁵ *Костырченко Г.В.* Сталин против «космополитов»: власть и еврейская интеллигенция в СССР. 2-е изд. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Люстигер А.* Сталин и евреи. Трагическая история Еврейского антифашистского комитета и советских евреев. Пер. с нем. Серия «История сталинизма». – М., 2008.

³⁶ *Баберовски Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. Пер. с нем. В.Т. Алтухова. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Барон Н.* Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. Пер. с англ. Е.В. Мухиной. Серия «История сталинизма». – М., 2011; *Батырбаева Ш.Д.* Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. Серия «История сталинизма». – М., 2008; *Таннберг Т.* Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956). Исследования и документы. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

³⁷ *Дюллен С.* Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа. 1930–1939 гг. Пер. с фр. Э.М. Кустовой. Серия «История сталинизма». – М., 2009; Москва и Восточная Европа: становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. Серия «История сталинизма». – М., 2008; *Петров Н.В.* По сценарию Сталина: роль органов НКВД – МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

³⁸ *Истер Дж. М.* Советское государственное строительство: Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. Пер. с англ. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Штудер Б., Уинфред Б.* Сталинские партийные кадры: практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. Пер. с нем. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

³⁹ *Волокитина Т.В.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Серия «История сталинизма». – М., 2008; *Майнер С.М.* Сталинская священная война: Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. Пер. с англ. В.А. Артемова. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

⁴⁰ Режимные люди в СССР. Сб. Серия «История сталинизма». – М., 2009.

⁴¹ *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. Пер. с англ. 2-е изд. Серия «История сталинизма». – М., 2008.

⁴² *Буббайер Ф.* Совесть, дисидентство и реформы в Советской России. Пер. с англ. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. Серия «История сталинизма». – М., 2009; *Горяева Т.М.* Радио России: политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х гг.: документированная история. Серия «История сталинизма». – М., 2009; *Грациози А.* Советский Союз в 209 цитатах. 1914–1991. Пер. с итал. А.И. Петрожицкого. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М., 2000; *Крум Р.* Исаак Бабель: биография. Пер. с нем. Р. Султанова и Ш. Султановой. Серия «История сталинизма». – М., 2008; Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР: документы и комментарии: Т. 1. 1925 – июнь 1941 г. Сост.: Водопьянова З.К. (отв. сост.), Домрачева Т.В., Бабеева Л.М. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

⁴³ *Блум А.* Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. Пер. с фр. В.М. Володина. 2-е изд. Серия «История сталинизма». – М., 2008; *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. – М., 2001; *Шаттенберг С.* Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. Пер. с нем. Брун-Цеховой В.А., Пантина Л.Ю. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

⁴⁴ *Соломон П.Г.* Советская юстиция при Сталине. Пер. с англ. Серия «История сталинизма». – М., 2008.

⁴⁵ *Голдман В.З.* Женщины у проходной: гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). Пер. с англ. В.Ю. Лобовской. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

⁴⁶ *Ильюхов А.А.* Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

⁴⁷ *Лейбович О.Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. Серия «История сталинизма». – М., 2008.

⁴⁸ *Меерович М.Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. Серия «История сталинизма». – М., 2008.

⁴⁹ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941. Серия «История сталинизма». – М., 2008; *Сигельбаум Л.* Машины для товарищей: биография советского автомобиля. Пер. с англ. М. Лейко. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

⁵⁰ *Рольф М.* Советские массовые праздники. Пер. с нем. В.Т. Алтухова. Серия «История сталинизма». – М., 2009.

⁵¹ *Юинг Е.Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. Пер. с англ. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

⁵² *Хеделер В., Дици Ш.* 1940 – счастливый год Сталина. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

⁵³ *Меерович М., Коньшева Е., Хмельницкий Д.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

⁵⁴ *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932 гг. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

⁵⁵ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. Пер. с англ. Л.Ю. Пантина. Серия «История сталинизма». – М., 2008.

⁵⁶ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX в. Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. Серия «История сталинизма». – М.: РОССПЭН, 2011.

⁵⁷ *Зубок В.М.* Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

⁵⁸ *Нерар Ф.К.* Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР (1928–1941). Серия «История сталинизма». – М., 2011.

⁵⁹ *Историография сталинизма.* Сб. ст. Под ред. Н.А. Симония. Серия «История сталинизма». – М., 2007; *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России: современная историография. Пер. с англ. В.И. Матузовой. Серия «История сталинизма». – М., 2009; Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. Сб. ст. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

⁶⁰ *Лево Х.Д.* Сталин. Пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова. Серия «История сталинизма». – М., 2009; *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. Серия «История сталинизма». – М., 2010; *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.* Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. Пер. с англ. гл. 1, 2, 6 А.А. Пешкова. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

⁶¹ *Емельянов Ю.* Сталин перед судом пигмеев. Серия «Сталин: Великая эпоха». – М., 2007; *Кремлев С.* Берия. Лучший менеджер XX века. Серия «Сталин: Великая эпоха». – М., 2008; *Наумов Л.* Сталин и НКВД. Серия «Сталин: Великая эпоха». – М., 2007; *Невежин В.А.* Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. Серия «Сталин: Великая эпоха». – М.: Язуа, 2007; *Прудникова Е.* Самый человечный человек. Правда об Иосифе Сталине. Серия «Сталин: Великая эпоха». – М., 2008; *Романенко К.* Борьба и победы Иосифа Сталина. Тайны «Завещания Ленина». Серия «Сталин: Великая эпоха». – М., 2007; *Романенко К.* Великая война Сталина. Триумф Верховного Главнокомандующего. Серия «Сталин: Великая эпоха». – М., 2008; *Романенко К.* Последние годы Сталина. Эпоха Возрождения. Серия «Сталин: Великая эпоха». – М., 2008; *Романенко К.* Сталинский 37-й. Лабиринты заговоров. Серия «Сталин: Великая эпоха». М. 2007.

⁶² *Алексашин М.* Последний бой Василия Сталина. Серия «Сталин: Великая эпоха». – М., 2007.

⁶³ *Смирнова М.И., Дмитриева И.А.* Социокультурные истоки сталинизма: историографический дискурс // Историография сталинизма. С. 7. Существует сходная по тематике серия – «Наша Родина – Советский Союз», включающая в себя и книги, посвященные Сталину, – на

пример, Эпоха Сталина: события и люди. Энциклопедия / Составитель В.В. Суходеев. Серия «Наша Родина – Советский Союз». – М., 2004 (об этой книге пойдет речь далее).

⁶⁴ Дюков А.Р. Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953) / Предисл. С. Артеменко. – М., 2007;

⁶⁵ Алексушин Г.В. История правоохранительных органов. Самара, 2005; Афанасьев А.А. На гребне волны и в пучине сталинизма: Воспоминания. – М., 2003; ГУЛАГ. Главное управление лагерей. 1918–1960. Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2000; История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верг, С.В. Мироненко. Отв. сост. И.А. Зюзина. – М., 2004–2005; Козлов В.А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГОм (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) Статья 1 // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 95–109; Козлов В.А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГОм (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) Статья 2 // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 122–136; Козн Стивен. Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв. Пер. И. Давидян. Серия «АИРО – первая публикация в России». – М.: АИРО-XXI, 2011; Поживши в ГУЛАГе. Сборник воспоминаний. Сост. А.И. Солженицын. – М., 2001. (Всероссийская мемуарная библиотека. Серия «Наше недавнее». Вып. 7); Рыбников В.В., Алексушин Г.В. История правоохранительных органов Отечества. – М., 2007; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923–1960: Справочник. Сост. М.Б. Смирнов. – М., 1998; Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. – М., 2006.

⁶⁶ Катень. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. Сост. Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова, Б. Вошинский, В. Матерский. – М., 1999;

⁶⁷ Ковригина С.В. Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945–1953 гг. Диссертация ... кандидата ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 2009;

⁶⁸ 1941 год. В 2-х книгах. Сост. Л.Е. Решин и др. Под ред. В.П. Наумова. – М., 1998.

⁶⁹ Волтер Г. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. Документально-публицистическая повесть. Изд. 3-е, доп. и испр. Augsburg: Waldemar Weber Verlag, 2004;

⁷⁰ Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации. 1938–1953. Сост. Г.В. Костырченко. – М., 2005; Костырченко Г.В. В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Документальное исследование. – М., 1994; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. Изд. 2-е, доп. – М., 2003.

⁷¹ Россия и США. Дипломатические отношения. 1900–1917. Сост. Ю.В. Басенко, В.И. Журавлев, Е.Ю. Сергеев. – М., 1999.

⁷² Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). – Кемерово, 2005.

⁷³ Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. – СПб., 2000; Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. Сост. Л.В. Максименков. – М., 2005; Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. Сост. Л.В. Максименков. – М.: Международный фонд «Демократия», 2005; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М., 2002; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ 1921–1923. Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; Комментар. В.Г. Макарова М., 2005; Добренко Е. Красный день календаря: Советский человек между временем и историей // Советское богатство: статьи о культуре, литературе и кино. Под ред. М. Балиной. – СПб., 2002. С. 97–123; Евсеева Е.Н., Красовицкая Т.Ю. СССР В 1945–1953 гг.: Духовная жизнь // Новый исторический вестник. – М., 2002. № 1. С. 179–214; Евсеева Е.Н., Красовицкая Т.Ю. СССР В 1945–1953 гг.: Экономика, власть и общество // Новый исторический вестник. – М., 2002. № 1. С. 214–229; Зверева Л.А., Чернышова О.О. Кризис сталинизма: идеологические кампании 1946–1953 гг. // Вестник Сев-КавГТУ: Серия «Право». Ставрополь, 2004. № 1; Златоустова В.И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг. // Музей и власть: Часть 1. – М., 1991. С. 226–298; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945–1964. – М., 1993; Плаггенборг Ш. Революция и куль-

тура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. Пер. с нем. И. Карташевой. – СПб.: Журнал «Нева», 2000; Сарнов Б. Сталин и писатели. Книга 1 и книга 2. – М., 2008; Книга 3. – М., 2009; Сахаров В. Михаил Булгаков: писатель и власть. По секретным архивам ЦК КПСС и КГБ. – М., 2003; Сизов С.Г. Идеологические кампании 1947–1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири // Вопросы истории. – М., 2004. № 7. С. 95–103; Сталин и космополитизм. 1945–1953. – М.: Материк, 2005; Тарасова Е.Г. Политическая социализация в СССР: идеологические основы и технологии воздействия на массовое сознание: 1945–1953 гг.: Диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 Москва, 2006; Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Монография. Пермь, 2007.

⁷⁴ Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. – М., 2011.

⁷⁵ 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века: Материалы «Круглого стола» 4 марта 2003 г. – М., 2005;

⁷⁶ Экология и власть. 1917–1990: Документы. Сост. В.И. Пономарева и др. – М., 1999.

⁷⁷ Нойтатц Д. Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). Пер. с нем. Ю.А. Петров. – М., 2006.

⁷⁸ 58\10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог. Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. Сост. О.В. Эдельман. – М., 1999.

⁷⁹ Берельковский И.В. Советская научно-педагогическая интеллигенция и идеология тоталитаризма в конце 1920-х – начале 1950-х гг. Борьба с инакомыслием: по материалам Нижегородской губернии, Горьковского края, Горьковской области. – М., 2008.

⁸⁰ Бим-Бад Б.М. Сталин. Исследование жизненного стиля. – М., 2002; Вайсзонф М.Я. Писатель Сталин. – М., 2001; Жуков Ю.Н. Иной Сталин. – М., 2005; Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. – М., 2003; Жуко Ю.Н. Первое поражение Сталина. 1917–1922: от Российской империи – к СССР. – М., 2011; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. – М., 2005; Застольные речи Сталина. Документы и материалы. Составление, введение, комментарии В.А. Неvejeина. – М.: АИРО-XX, 2003; Иванов Р.Ф. Сталин и союзники. 1941–1945 годы. – М., 2005; Капченко Н.И. Политическая биография Сталина. В 3 томах. – М., 2004–2009; Медведев Р.А. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история, № 2, 2002; Неvejeин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. Серия «Сталин: Великая эпоха». – М., 2007; Рыбас Е., Рыбас С. Сталин. Судьба и стратегия. В 2 томах. – М., 2007; Рыбас С.Ю. Сталин. Серия «ЖЗЛ». 2-е изд. – М., 2010; Себаг-Монтефиоре С. Сталин. Двор Красного монарха. – М., 2006; Смолененкова В.В. Риторика Сталина военного времени. Приказ № 70. – М., 2006 (http://genhis.philol.msu.ru/article_105.html); Соловьев Б.Г., Суходеев В.В. Полководец Сталин. – М., 2003; Суходеев В.В. Сталин. Военный гений. – М., 2005; Такер Р. Сталин. История и личность. – М., 2006; Хромов С.С. По страницам личного архива Сталина. – М., 2009.

⁸¹ Жуков Ю.Н. Первое поражение Сталина. 1917–1922: от Российской империи – к СССР. – М., 2011.

⁸² Островский А. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2002.

⁸³ Брахман Р. Секретная папка Иосифа Сталина. Скрытая жизнь. Пер. с англ. – М., 2004.

⁸⁴ Радзинский Э. Сталин. – М., 1997.

⁸⁵ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. – М., 2005. С. 3.

⁸⁶ Сахаров А.Н. Открытие круглого стола // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века: Материалы «Круглого стола» 4 марта 2003 г. – М., 2005. С. 12.

⁸⁷ Истер Дж. М. Советское государственное строительство: Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. Пер. с англ. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

⁸⁸ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. Серия «История сталинизма». – М., 2010; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. Пер. с англ. гл. 1, 2, 6 А.А. Пешкова. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

⁸⁹ *Илизаров Б.С.* Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3,4; *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина: По материалам его библиотеки и архива. К историсофии сталинизма. 2-е изд. – М., 2003.

⁹⁰ *Медведев Р.* Люди и книги. Что читал Сталин? Писатель и книга в тоталитарном обществе. – М., 2005; *Медведев Р.* Что читал Сталин // http://www.elitarium.ru/2005/05/26/chto_chital_stalin.html. Из более старых исследований по теме см.: *Шаранов Ю.* Пятьсот страниц в день... // Московские новости. 1988. 18 сентября.

⁹¹ *Курляндский И.* О мнимом повороте Сталина к православной церкви // Вопросы истории. 2008 г. № 9; *Курляндский И.* «В Бога и святых он не верил с детства...» // Политический журнал. 2007. 4 июня. С. 106–111 (электронный вариант статьи на сайте <http://krotov.info/history/19/1890/soso.htm#33>).

⁹² *Хромов С.С.* По страницам личного архива Сталина. – М., 2009.

⁹³ *Хромов С.С.* Указ. соч. С. 3.

⁹⁴ *Прудникова Е.* Самый человеческий человек. Правда об Иосифе Сталине. Серия «Сталин: Великая эпоха». – М., 2008.

⁹⁵ *Прудникова Е.* Указ. соч. С. 5.

⁹⁶ *Рыбас С.Ю.* Сталин. Серия «ЖЗЛ». 2-е изд. – М., 2010

⁹⁷ *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Рец. на кн.: С.Ю. Рыбас. Сталин. – М.: Молодая гвардия, 2009. 912 с. (Серия «ЖЗЛ») // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 167–177.

⁹⁸ *Никольский С.А., Можегов В.И.* Рец. на кн.: С.Ю. Рыбас. Сталин. – М.: Молодая гвардия, 2009. 912 с. (Серия «ЖЗЛ») // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 163–167.

⁹⁹ На приеме у Сталина. Тетради, журналы записи лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. Научный редактор А.А. Чернобаев. – М.: АИРО-XXI, 2008.

¹⁰⁰ *Торчинов В.А., Леонтьев А.М.* Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000.

¹⁰¹ Сталин. Энциклопедия / Составитель В.В. Суходеев. – М., 2008; Эпоха Сталина: события и люди. Энциклопедия / Составитель В.В. Суходеев. Серия «Наша Родина – Советский Союз». – М., 2004.

¹⁰² Сталин. Энциклопедия / Составитель В.В. Суходеев. – М., 2008. С. 6.

¹⁰³ См. об этом: *Смоленцова В.В.* Риторика Сталина военного времени. Приказ № 70. – М., 2006 (http://genhis.philol.msu.ru/article_105.html).

¹⁰⁴ *Смоленцова В.В.* Указ соч.

¹⁰⁵ *Вайскопф М.Я.* Писатель Сталин. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. См. также: *Гордон А.* Писатель Сталин. Беседа с М.Я. Вайскопфом и Л.Ф. Кацисом. // Гордон А. Диалоги. – М., 2004. С. 239–271.

¹⁰⁶ *Романенко А.П.* Образ ратора в советской словесной культуре: Учебное пособие. – М., 2003.

¹⁰⁷ *Смоленцова В.В.* Указ. соч.

¹⁰⁸ *Смоленцова В.В.* Указ. соч.

¹⁰⁹ *Вайскопф В.Я.* Указ. соч. С. 7–8.

¹¹⁰ Там же. С. 123.

¹¹¹ *Смоленцова В.А.* Указ. соч.

¹¹² *Невежин В.А.* Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. Серия «Сталин: Великая эпоха». – М.: Эксмо, Яуза, 2007; Застольные речи Сталина. Документы и материалы. Составление, введение, комментарии В.А. Неvejина. – М.: АИРО-XXI, 2003.

¹¹³ См. рецензию на вторую книгу Неvejина: *Соколов Б.* Сталин за праздничным столом. Рец. на кн.: Застольные речи Сталина. Документы и материалы. Составление, введение, комментарии В.А. Неvejина // Газета «Первое сентября». 2003. № 88.

¹¹⁴ *Сигельбаум Л.* Машины для товарищей: биография советского автомобиля. Пер. с англ. М. Лейко. Серия «История сталинизма». – М., 2011.

¹¹⁵ Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. Сост. Л.В. Максименков. – М., 2005; Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. Сост. Л.В. Максименков. – М., 2005; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М., 2002.

¹¹⁶ Писатель и вождь. Переписка М.А. Шолохова с И.В. Сталиным. 1931–1950 годы. Сб. документов из личного архива И.В. Сталина. Сост. Ю. Мурин. – М., 1997.

¹¹⁷ Горький А.М. и Сталин И.В. // *Горький М.* Собрание сочинений в 30 томах. Том 29. Письма, телеграммы, надписи. 1927–1936. – М., 1956. С. 155, 264, 494, 532; *Сталин И.В.* Сочинения. В 13 томах. Том 12. – М., 1949. С. 173–177; Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 183–187; Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 215–219; Литературная газета. 1993. 10 марта. С. 6; Незданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. – М., 1998 (Серия «М. Горький и его эпоха. Материалы и исследования». Выпуск 5). С. 295–298 и 308–309; Вечерняя Москва. 1994. 10 мая. С. 4; Новый мир. 197. № 9. С. 167–192; Новый мир. 1998. № 9. С. 159–178; Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 251–296. Попытка комплексного анализа взаимоотношений писателя с советскими вождями, в частности со Сталиным, а также обзор литературы по теме содержится в: *Суровцева Е.В.* Максим Горький: личность, писатель, политик, общественный деятель (по материалам переписки М. Горького с советскими вождями). Опыт анализа // Источниковедческие исследования. Выпуск 5. Отв. ред. А.О. Чубарьян. Сост. Т.В. Гимон. М. (в печати).

¹¹⁸ См. об этом: На приеме у Сталина. Тетради, журналы записи лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. Научный редактор А.А. Чернобаев. – М.: АИРО-XXI, 2008.

¹¹⁹ См. об этом: *Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е годы). Серия «АИРО – Первая монография» (Том 30). – М.: АИРО-XXI, 2008.

¹²⁰ *Сарнов Б.* Сталин и писатели. Книга 1 и книга 2. – М.: Эксмо, 2008; Книга 3. – М., 2009.

¹²¹ *Васькин А.А.* Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. – М., 2009.

¹²² *Меерович М.Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. Серия «История сталинизма». – М., 2008.

¹²³ *Хмельницкий Д.С.* Архитектура Сталина: Психология и стиль. – М., 2007; *Хмельницкий Д.С.* Зодчий Сталин. – М., 2007.

¹²⁴ *Хмельницкий Д.С.* Зодчий Сталин. – М., 2007. Самого Сталина можно назвать «стилеобразующим фактором» – он и зодчий, по выражению Хмельницкого, он и писатель, по выражению Вайскопфа (*Вайскопф М.Я.* Писатель Сталин. – М., 2001).

¹²⁵ *Грациози А.* Советский Союз в 209 цитатах. 1914–1991. Пер. с итал. А.И. Петрожицкого. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

¹²⁶ *Буббайер Ф.* Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. Пер. с англ. Серия «История сталинизма». – М., 2010.

¹²⁷ *Дэвлин Дж.* Миф о Сталине: развитие культа // Труды «Русской Антропологической школы»: Вып. 6. – М.: РГГУ, 2009. С. 213–240 (электронный вариант статьи опубликован на сайте <http://ec-dejavu.net/s-2/Stalin.html>).

¹²⁸ *Дэвлин Дж.* Указ. соч. С. 213.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ *Рогинский А.Б.* Память о сталинизме // RELGA – научно-культурологический сетевой журнал – <http://www.relga.ru/> (Ростов-на-Дону). 10.07.2009. № 10 (190). (Тот же материал перепечатан на сайте «Полит.ру»: <http://polit.ru/article/2008/12/11/memory/>). Позволил себе в сноске перечислить ряд статей на эту же тему, опубликованных в электронных изданиях: *Рогинский А.Б.* Нобелевская премия и память о терроре // Полит.ру (2007). <http://www.polit.ru/article/2007/03/15/memorial/>; «Мемориал». О «национальных образах прошлого» // Полит.ру (2008). <http://www.polit.ru/article/2008/03/27/memory/>; Возрождение нерасколдованного призрака. Сталин и антисталинизм: материалы дискуссии (Материалы Круглого стола, 2006) // Полит.ру (2006). <http://www.polit.ru/article/2006/03/06/antistalinizm/>; *Рогинский А.Б.* Без честного и последовательного анализа истории советского государственного террора у России нет ни настоящего, ни будущего (2002) // Полит.ру (2006). <http://www.polit.ru/article/2006/03/31/roginskiy/>; *Рогинский А.Б.* Всех поименно? Не стоит. Интервью с А.Б. Рогинским вела М. Гессен // Полит.ру (2003). <http://www.polit.ru/article/2003/03/08/609910/>; «Мемориал». «Вспомнить о людях, чья жизнь и свобода лежит в основе нынешнего процветания» ведущих предприятий России. Письмо Международного Общества «Мемориал» в Правление Российского Союза Промышленников и Предпринимателей // Полит.ру (2008). <http://www.polit.ru/article/2008/05/29/memo/>; «Мемориал». 1937 год и современность. Тезисы «Мемориала» // Полит.ру (2007).

<http://www.polit.ru/article/2007/04/05/1937/>; Даниэль А. Сталин с нами? // Полит.ру (2005). <http://www.polit.ru/article/2005/04/19/stalin/>; Даниэль А. Государственный сталинизм и чекистская державность // Полит.ру (2005). <http://www.polit.ru/article/2005/01/09/staly/>; Даниэль А., Рогинский А.Б. Россия и европейский либерализм // Полит.ру (2001). <http://www.polit.ru/article/2001/10/26/479356/>; Даниэль А., Рогинский А.Б. Обыватель–россиянин–подданный Великой Державы // Полит.ру (2001). <http://www.polit.ru/article/2001/08/17/479337/>; Даниэль А., Рогинский А.Б. «Аресту подлежат жены» // Полит.ру (2003). <http://www.polit.ru/article/2003/10/30/628134/>.

¹³¹ Рогинский А.Б. Память о сталинизме...

¹³² Рогинский А.Б. Указ. соч.

¹³³ Рогинский А.Б. Указ. соч.

¹³⁴ Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41); Гудков Л.Д. Мы ему не братья не сестры. А он нам не отец // Новая газета. 22.05.2011; Данные Левада-Центра «Россияне о Сталине и репрессиях», 5 марта 2010 года // <http://old.levada.ru/press/2010030507.html>; Дубин Б.В. «Кровавая» война и «великая» победа. О конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970–2000-х годов // Отечественные записки. 2004. № 5; Дубин Б.В. Бремя победы. О политическом употреблении символов // Критическая масса. 2005. № 2; Дубин Б.В. Неразменный образ. Что отражают представления о войне в массовом сознании россиян // Политический журнал. 2005. № 16 (67); Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки, № 4 (43), 2008. С. 6–21; Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. М., 2011; Дубин Б.В. Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // Мониторинг общественного мнения, № 2 (64), 2003. С. 26–40; Рогинский А.Б. Память о сталинизме. Доклад на международной конференции «История Сталинизма», 5–7 декабря 2008 года // RELGA – научно-культурологический сетевой журнал – <http://www.relga.ru/> (Ростов-на-Дону). 10.07.2009. № 10 (190). (Тот же материал перепечатан на сайте «Полит.ру»: <http://polit.ru/article/2008/12/11/memory/>); Солоед К.В. Психическая травма в семьях, пострадавших от сталинских репрессий // Консультативная психология и психотерапия. 2006. № 4; Ферретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 5; Щербак И.Л. Память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сборник статей. – Челябинск, 2004. С. 168–198.

¹³⁵ Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ». – М.: АИРО-XXI, 2010.

¹³⁶ Нахимова Е.А. Идеология СТАЛИН в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. Выпуск 2(36). – Екатеринбург, 2011. С. 152–156.

¹³⁷ Нахимова Е.А. Указ. соч. С. 154.

¹³⁸ Нахимова Е.А. Указ. соч. С. 156.

¹³⁹ Сахаров А.Н. Открытие круглого стола // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века: Материалы «Круглого стола» 4 марта 2003 г. – М., 2005. С. 13.

¹⁴⁰ Никольский С.А., Можегов В.И. Рец. на кн.: С.Ю. Рыбас. Сталин. – М.: Молодая гвардия, 2009, 912 с. (Серия «ЖЗЛ») // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 163.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Рогинский А.Б. Память о сталинизме // RELGA – научно-культурологический сетевой журнал – <http://www.relga.ru/> (Ростов-на-Дону). 10.07.2009. № 10 (190) (RELGA – научно-культурологический сетевой журнал – <http://www.relga.ru/> (Ростов-на-Дону). 10.07.2009. № 10 (190). (Тот же материал перепечатан на сайте «Полит.ру»: <http://polit.ru/article/2008/12/11/memory/>).

¹⁴³ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рец. на кн.: С.Ю. Рыбас. Сталин. – М.: Молодая гвардия, 2009, 912 с. (Серия «ЖЗЛ») // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 175.

Игорь ГРЕБЕНКИН, Ирина БЕЛОВА

Первая мировая: Великая «забытая» война

Войны, которые российское государство вело на протяжении минувших веков, неизменно занимали исключительное по значимости место в общественном сознании и исторической памяти народа с одной стороны и влияли на формирование официальной государственной идеологии с другой. Как в зеркале эти обстоятельства отражались и на процессе научного познания прошлого, для которого военные сюжеты всегда являлись важнейшими. Так, военные победы Петра I сформировали у политической элиты России XVIII века представление о месте молодой империи в международном пространстве Европы. В течение первой половины XIX века определяющее влияние на взгляды и настроения просвещенной части российского общества и рост национального самосознания оказывали изгнание Наполеона из России и победоносное завершение борьбы против наполеоновской Франции. Спустя более ста лет, уже в иную историческую эпоху Великая Отечественная война и победа СССР в ней стали одним из центральных пунктов советской идеологии. При всей разнице социальных и политических реалий России XIX и XX веков единым в восприятии двух отечественных войн обществом был образ всенародного отпора агрессору, справедливой освободительной борьбы, конечной победы над сильным и опасным врагом.

На этом фоне совсем иное место в общественном сознании выпало еще одной великой войне России XX века – Первой мировой. Войны победоносные и бесславные, военные успехи и военные неудачи преподают обществу разные уроки. Память о победах принято культивировать и превозносить, поражения хочется быстрее оставить в прошлом как досадную, хотя порой неизбежную жизненную неурядицу. Это несложное построение в значительной мере объясняет психологию востребованности разных по эмоциональному звучанию исторических сюжетов общественными представлениями. Если воспоминания о победах постоянно репродуцируются официальной риторикой, то осмысление поражений и неудач – куда более сложная и рискованная задача – обычно выпадает на долю исторической науки. Сегодня много сказано о причинах того, отчего Первая мировая война не заняла и, на наш взгляд, не могла занять места вполне соответствующего своим истинным масштабам и значимости в общепринятой модели исторического прошлого, превратившись через несколько десятилетий в массовом сознании сначала советского, а после российского населения в войну «забытую». Данное далеко неоднозначное явление объясняется в первую очередь самим контекстом российской истории начала XX века, согласно которому Первая мировая война, обнажив все кризисное состояние государственной, общественной, хозяйственной жизни страны, стала высшей точкой длительного системного

кризиса и прологом к его революционному разрешению. Мировая война – событие беспрецедентное во всей предшествующей истории России – инициировало революцию 1917 г. – подлинный политико-социальный катаклизм, явление еще более яркое и масштабное, без преувеличения коснувшееся положения и судеб каждого жителя бывшей империи, направившее ход исторического развития страны по новым рельсам и в новом направлении. Развернувшаяся затем братоубийственная Гражданская война стала для всех соотечественников даже большей трагедией, так как происходила на внутрироссийском театре, вовлекая в свой водоворот большие массы населения, а связанные с ней бедствия далеко превзошли тяготы предшествующей мировой. В сознании современников мировая война, революция и война Гражданская неразрывно соединились в длительный период испытаний, которое большой русский писатель А.Н. Толстой столь верно обозначил в названии романа – «Хождение по мукам». Для людей, переживших это время, Первая мировая так и обречена была остаться лишь прологом к настоящему хождению по мукам, в сравнении с которыми ее муки были еще и не муки вовсе¹. Последующие бурные десятилетия и новая Великая война вовсе оттеснили память о Первой мировой на периферию исторического сознания большинства жителей нашей страны и особенно молодого поколения, сформировавшегося в советскую эпоху.

Поскольку в отечественной общественно-политической и исторической литературе начиная с 1920-х гг. центральное место занимала революция 1917 г., Первая мировая война и участие в ней России рассматривались лишь в качестве сопутствующего эпизода, фактора, причем далеко не первостепенного, обусловившего последующие революционные события. В противоположность тому свою самостоятельность как исторический сюжет Первая мировая война сохраняла в литературе русского зарубежья, ей были посвящены крупные работы Н.Н. Головина и А.А. Керсновского, аналитические статьи и воспоминания о войне постоянно публиковались на страницах эмигрантской прессы. Таким образом, утверждалась ситуация, в которой период Первой мировой войны как заключительный акт существования Российской империи в смысловом плане противостоял новой революционной эпохе. Постепенно сама тема войны приобретала «скользкое» в идеологическом плане звучание. Симптоматичным фактом можно считать и то, что в начале 1970-х А.И. Солженицын обратился к событиям августа 1914 г. в первом романе цикла «Красное колесо», распространявшемся в самиздате и транслировавшемся на СССР западными радиостанциями. В позднее советское время Первая мировая война как исторический сюжет сохранялась лишь в относительно узком проблемном поле научно-исторических исследований. Тема войны возникала и в произведениях художественной литературы и кино², но обращение к ее образам, несмотря на идеологическую выверенность, выглядело как одно из проявлений интеллигентской фронды. Закономерное оживление внимания к Первой мировой войне, под флагом раскрытия «белых пятен» истории, произошло в годы «перестройки». В 1989 году, на который пришлось

75-летие начала войны, к массе как более, так и менее обоснованной критики всех деяний Советской власти добавился упрек в «похищении» воинской славы России. В публицистическом ажиотаже вновь извлечены были давно неудобопоминаемые определения – «Великая» и «Вторая отечественная», что в той общественной обстановке имело, конечно, не просветительское, а определенно пропагандистское звучание, так как вольно или невольно противопоставляло «Великую» и «Вторую отечественную» другой, советской «Великой Отечественной».

Представление о Первой мировой войне как войне «неизвестной» довольно произвольно переносилось и на состояние исторических исследований о ней. Специалисты же признают, что в советский период сложилась весьма обширная историография войны, были выработаны хорошо обоснованные концепции всей ее истории и важнейших, связанных с ней проблем. Среди недостатков и ошибок советской историографии Первой мировой войны принято было указывать заидеологизированность и, как следствие, методологическую ограниченность, а также чрезмерную включенность исследований о ней в социально-политическую проблематику³. Преодолеть эти недостатки предстояло отечественной историографии постсоветского периода.

Пространство проблем: Мир и Война...

В новых общественно-политических условиях проблематика Первой мировой войны выглядела весьма перспективным направлением научного поиска. Реагировать на социальный заказ в данном случае готово было и научное сообщество. Еще в 1989 г. была образована Российская ассоциация историков Первой мировой войны (РАИПМВ). В качестве основных задач Ассоциация заявляла возрождение и развитие отечественной исторической науки по проблемам Первой мировой войны, содействие раскрытию реального научного потенциала, сохранению и развитию традиций отечественной исторической науки в области изучения Первой мировой войны, установлению и расширению творческих контактов между историками и объединяющими их организациями России и других стран, занимающимися исследованиями проблем Первой мировой войны, распространению в российском обществе правдивой информации и новых знаний о роли нашей страны в Первой мировой войне, истоках и последствиях милитаризации государств, протестных социальных движениях⁴. Более двадцати лет ее работу направляли известные историки Ю.А. Писарев, П.В. Волобуев, В.Л. Мальков. В настоящее время Ассоциация под руководством Е.Ю. Сергеева продолжает объединять и координировать деятельность историков, работающих в этой сфере. При ее участии проводятся представительные научные мероприятия, подготовлены и вышли в свет серьезные обобщающие работы⁵.

Новый этап развития отечественной исторической науки, начавшийся в 1990-х гг. знаменовал кардинальные перемены в интересах историков, направленности их поисков, методологии. Характерными его чертами являлись отказ от традиционных подходов советской эпохи, возможность обращаться к ранее недоступным документальным материалам, попытки переосмыслить на их основе наиболее острые моменты отечественной истории и, как следствие, заметная политизация научных исследований. Общий рост интереса наблюдался в отношении проблем недостаточно раскрытых прежней историографией: военного потенциала царской России и оборонной политики правительства, различным аспектам военных действий, состоянию русской армии и отдельных ее контингентов в условиях войны индустриальной эпохи, жизни российской провинции в военный период, роли высших военных и деловых кругов в политической борьбе накануне революции. Об этом свидетельствуют материалы научных конференций, сборников статей и коллективных монографий⁶. Первая мировая война как историческое явление и хронологический период стабильно представлена в тематике кандидатских и докторских диссертаций. Однако именно труды по этой сложной проблематике испытали на себе такие негативные тенденции, свойственные постсоветской историографии, как чрезмерная социально-политическая позиционированность, недооценка научного наследия советского периода и, в противоположность тому, некритичное восприятие выводов и установок, утвердившихся в западной и эмигрантской литературе.

Важнейшим направлением в исследованиях ученых остаются международные отношения и дипломатия военного периода. Историки, рассматривающие войну, как проблему развития мирового сообщества не перестают задаваться вопросом об альтернативности исторического пути стран Европы в начале XX века. Обращаясь к этой проблеме в год 90-летия начала Первой мировой войны, историк-международник В.Н. Виноградов попытался дать ответ на вопрос, была ли неизбежной катастрофа августа 1914 г. для ее участников и в первую очередь для России⁷. В качестве ведущего и непреодолимого противоречия, предопределившего столкновение, автор указывает не просто на экспансионистские планы (в конечном итоге в них можно уличить обе стороны конфликта), а решимость военных и политических кругов Германии к их реализации силовым путем, высокую организационную и психологическую готовность к войне германского государства и общества. В свою очередь идея германского господства была неприемлема ни для Франции и Англии, ни для России, но никто из них не решился бы противостоять Германии в одиночку. Чтобы разорвать эту цепь и спасти Россию, от участия в смертельной для нее аванюре от ее вождей потребовались бы незаурядные политическая мудрость и воля – качества, для российской правящей элиты того времени столь дефицитные.

Темой множества публикаций и диссертационных исследований стало военно-политическое и военно-экономическое сотрудничество, складывавшееся между союзниками по Антанте в годы Первой мировой войны⁸. Анализи-

руя различные аспекты союзнических отношений, авторы приходят к достаточно единодушному заключению, что их потенциал в ходе войны не был вполне реализован. В ряде своих работ, посвященных российско-британским отношениям на Востоке, В.В. Михайлов показал, что союзное взаимодействие России и Великобритании в борьбе против Османской империи происходило на фоне значительных противоречий и только там, где интересы политики и дипломатические несогласованности не влияли на стратегические планы и их реализацию, оно осуществлялось в соответствии с военной необходимостью и, в результате, приводило к военным и политическим успехам. В военно-экономическом сотрудничестве, союзники, полагая Восточный фронт вспомогательным по отношению к главному – Западному, вели себя по отношению к русскому союзнику скорее как расчетливые коммерческие дельцы, извлекая максимум выгод из сложного положения, в котором находилась Россия. Британская помощь не оправдывала возлагавшихся надежд ни быстротой, ни эффективностью. Российско-итальянское военно-политическое и экономическое сотрудничество, достигавшее заметных масштабов в 1915–1916 гг., не получило большего развития в силу представлений о его «тактическом» характере. Искренним проявлением союзнических отношений не стало и участие русских воинских контингентов в боевых действиях на Западном и Салоникском фронтах, поскольку со стороны России являлось слишком очевидной символической уступкой на настоятельные требования Франции, что явно не устраивало последнюю своими масштабами. Подобный характер сотрудничества, которое даже в условиях кровопролитной борьбы являлось предметом постоянного торга союзников, не оставлял надежд на его безоблачное послевоенное развитие.

Непохожими для бывших союзников стали пути к миру. Брестские переговоры и мирное соглашение остаются одним из самых дискуссионных вопросов не только в историографии, но и в общественной полемике. Научные публикации на эту тему, к сожалению, продолжают нести отпечаток политизированности, которая не способствует решению научных задач⁹. С этой точки зрения более взвешенный характер носят работы, посвященные формированию Версальско-Вашингтонской системы. Учитывая опыт современных западных историков, российские специалисты отмечают, что ее условия не только таили опасность рецидива европейского конфликта, но и заложили идеологические основы будущего противостояния Запада и Востока¹⁰.

Историю войны невозможно представить без описаний и анализа сражений, сопоставления армий и вооружения противоборствующих сторон, обращения к личностям и деятельности военачальников. Так, собственно военно-историческим сюжетам посвящено немало работ. Монографии и научные статьи В.Б. Каширина, Д.Ю. Козлова, С.Г. Нелиповича, А.В. Шишова и др. освещают как крупные боевые операции, так и малоизвестные эпизоды войны¹¹. Общим для них является основательность научного поиска, новизна материала и архивных находок. Война объективно способствовала развитию всех видов вооруженных сил и родов войск, в особенности связанных с при-

менением новейшей по тем временам техники. Первым шагам русской морской авиации посвящены работы В.Л. Герасимова, а морской радиоразведки – В.Г. Кикнадзе¹².

Интерес исследователей привлекают армии воюющих сторон и, конечно, в первую очередь, российская армия как единый государственный институт и элемент оборонного потенциала, так и отдельные ее контингенты и группы военнослужащих¹³. В данном сегменте военно-исторических работ качество отдельного направления приобрело в последние годы изучение командного состава и военной элиты. Представленческие модели, характерные для российского генералитета и офицеров Генерального штаба в сфере международного положения и анализа внешних угроз в начале XX в., и восприятие хода Первой мировой войны стали темой работ Е.Ю. Сергеева и диссертационного исследования А.А. Черниловского¹⁴. В широком круге научных публикаций изучались вопросы, связанные с боевой и служебной деятельностью офицерского корпуса российской армии военного периода, состоянием резерва, подготовкой пополнений, а в некоторых случаях и социальным обликом офицерства¹⁵. События войны и судьбы ее участников получили отражение в ряде работ в жанре исторической биографии. Их героями стали видные военачальники и офицеры русской армии А.И. Деникин, Л.Г. Корнилов, Н.Н. Юденич, А.М. Каледин, А.И. Дутов и др. Очевидно, однако, что интерес к этим персоналиям был обусловлен не столько их заслугами в годы мировой войны, сколько ролью в антибольшевистском движении. Исключение в данном случае составили диссертационные исследования об А.А. Брусилове, А.А. Свечине и книга о русских летчиках-асах Первой мировой войны¹⁶.

Своеобразной приметой последнего десятилетия стал всплеск исследовательского внимания к проблеме военного плена вообще и в годы Первой мировой войны в частности¹⁷. В качестве наиболее значительной работы на эту тему следует отметить монографию О.С. Нагорной, посвященной русским военнопленным в Германии в 1914–1922 гг. К несомненным ее достоинствам следует отнести комплексный подход к реализации исследовательской задачи. Широкий круг разнообразных и разноплановых источников, в частности документов из российских и немецких архивов, дает возможность представить военный плен в совокупности смысловых измерений: во-первых, как административно-правовой институт и государственную практику в отношении военнопленных как во враждебной Германии, так и на Родине, во-вторых, с точки зрения процесса формирования и образа жизни сообщества военнопленных в условиях лагерной изоляции и, наконец, на этапе репатриации и послевоенной адаптации бывших военнопленных. Данный подход позволил увидеть явление в достаточной полноте, в том числе проследить судьбу российских военнопленных в революционных событиях в России и Германии и даже в общественных реалиях межвоенного периода.

Особый аспект истории русской армии периода Первой мировой войны представляет изучение ее в качестве субъекта социально-политического конфликта в революционных событиях 1917 г. В ряде публикаций поднимался

вопрос и роли войск в отдельных эпизодах революции¹⁸. Процессы разложения и политическая борьба, охватившая армию в революционные месяцы находятся в центре исследований С.Н. Базанова¹⁹. Политическую окраску в этот период приобретает работа военных учреждений и большинство мероприятий центральной власти в области обороны²⁰. Темой многих публикаций стала развернувшаяся летом 1917 г. под флагом революционного оборончества кампания по формированию ударных частей из добровольцев фронта и тыла²¹. Вниманием исследователей пользовалось положение российского офицерства и те перемены, которые происходили в нем как в служебно-профессиональном, так и в политическом плане с началом революции²². В ряде трудов рассматривались инициативы политической самоорганизации офицерства, выразившиеся в создании военно-патриотических союзов, в частности, действовавшего при Ставке Союза офицеров армии и флота²³.

...Война и «Мирь»

Как и прежде среди исследований о Первой мировой войне без преувеличения ведущее положение занимают труды по общественно-политической проблематике. Обилие работ и разнообразие аспектов в данной сфере лишь подчеркивают подлинное значение и содержание этого периода российской истории для исследователей. Заметное место среди них принадлежит исследованиям деятельности политических партий периода нарастания общенационального кризиса, их активность в регионах России и среди различных групп населения²⁴.

Сложнейшие коллизии внутренней политики накануне и во время войны, которые привели к формированию влиятельной антиправительственной оппозиции, являются предметом монографии О.Р. Айрапетова «Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917»²⁵. Рассмотрев прецеденты взаимодействия думских либералов, крупных промышленников и высших военных кругов в предвоенный период, автор смог показать каким образом складывалась общность интересов и потенциал сотрудничества у представителей политической, деловой, военной элиты. С началом войны, когда со всей очевидностью проявилась слабость военной экономики страны, эта общность интересов приобрела новое значение. Проблемы, постоянно существовавшие в снабжении действующей армии, являлись причиной недовольства высшего военного командования деятельностью правительства. Это давало основания либеральной оппозиции для развертывания широкой кампании критики властей с требованием создания «ответственного министерства», то есть, по сути, глубокой политической реформы в разгар войны. О.Р. Айрапетов вскрыл механизм, с помощью которого государственные субсидии, направляемые частным предприятиям для

нужд обороны, через структуры Центрального военно-промышленного комитета и Земгора поступали на финансирование политической оппозиции. Ее лидеры, тесно связанные с частным капиталом, сумели убедить в своих организационных способностях первых лиц в военном руководстве, что во многом объясняет их позицию во время Февральской революции 1917 года²⁶. Стоит отметить, что, оперируя на такой «зыбкой» почве как политический заговор, автор не допускает столь соблазнительных в этом деле натяжек и фантазий, оставаясь в рамках объективистского взгляда. Заговор думцев, предпринимателей и военных, безусловно, имел место, но был ориентирован на верхушечный переворот. Расшатывая прежние государственные устои, его участники не способны были выработать и осуществить собственный государственный и социальный проект.

Интереснейший сюжет взаимодействия власти и общества в годы войны раскрывает петербургский историк Б.И. Колоницкий²⁷, исследовавший восприятие общественным сознанием образов императорской семьи. Решение этой исследовательской задачи предполагало реализацию, по крайней мере, двух последовательных и тесно связанных этапов, каждый из которых базируется на своих подходах и комплексе источников. На первом этапе необходимо было изучить всевозможные свидетельства и артефакты, позволяющие оценить политику самопредъявления власти: сведения о публичных акциях с участием царствующих особ и лиц императорской фамилии, публикации прессы и визуальные материалы. Второй этап должен был показать, как образы первых лиц империи усваивались массовым сознанием на разных социальных уровнях и какие реакции вызывали. Если взгляды образованной части общества помогли уяснить источники личного происхождения и цензурные отчеты Департамента полиции, то представление о настроениях малограмотного и неграмотного большинства населения дают следственные дела по оскорблению царя и лиц императорской фамилии. В сложном социокультурном спектре, которым характеризуется российское общество начала XX века, репрезентационная стратегия царской семьи и властей не могла вызывать однозначных реакций. Ее ошибки в конечном итоге способствовали усилению конфронтационных настроений среди населения.

Особой сферой исследований массового сознания времен войны стало в последние годы изучение восприятия образа врага, которое получило разработку в трудах Е.С. Сеньявской²⁸. Предложенная ею модель призвана продемонстрировать происхождение, структуру и динамику образа врага в сознании современников и в первую очередь непосредственных участников войны. Существование и функционирование этого образа рассматриваются на двух уровнях. Первый – массовый («глобальный») формируется под воздействием пропаганды и включает в себя представления о военном противнике как о враждебном государстве или коалиции и остается относительно неизменным в ходе войны. Второй («бытовой») уровень возникает с появлением индивидуального опыта контакта с представителями враждебного лагеря – он более подвижен и изменчив под влиянием хода и характера боевых действий, побед

и поражений, настроений на фронте и в тылу, но менее долговечен и с окончанием войны отступает перед доминирующим первым. По мнению Е.С. Сенявской, «особенностью Первой мировой войны был переход от стереотипа «врага-зверя» к образу «врага-человека»... оценки его на личностно-бытовом уровне были ... в Первую мировую войну менее эмоционально окрашенными, более нейтральными, часто даже беззлобными и просто ироничными»²⁹. Данный взгляд соответствует наблюдениям А.Б. Астахова, отмечавшего, что русские солдаты по существу не видели в противнике врага³⁰. Разнообразные исследования в области восприятия образов власти и образов врага разными слоями российского населения подводят к обобщенному выводу о том, что по ходу войны в массовом сознании все более актуализировались представления о враге внутреннем, нежели о внешнем, что вполне описывает ситуацию 1917 года.

Стоит отметить, что настроения населения в военный период являются востребованной темой научных работ. Исследователей привлекает феномен патриотического бума начала войны, его массовые проявления, соотношение с националистическим и антинемецким компонентами в общественном сознании³¹. Специфика воздействия на него средствами пропаганды и массовой информации получили отражение в исследованиях о российской печати того времени³². Особое место среди них занимают статьи о взаимных контактах и представлениях русских и немцев, которые включены в трехтомное международное издание **«Россия и Германия в XX веке»**³³.

Изучение общественных групп, специфики их коллективного сознания, социального поведения и судеб в годы войны составляют сегодня отдельную категорию работ³⁴. Самая многочисленная и значимая с точки зрения ведения войны и социальных процессов того периода часть населения России – крестьяне, рабочие и солдаты – находится в центре научных интересов О.С. Поршневой³⁵. Задача, которую ставит перед собой автор, – увидеть события войны глазами простого человека из «низов», показать развитие ситуации в стране через анализ, переживаний, восприятий, представлений, поведенческих реакций, присущих представителям самых массовых слоев российского общества – является во многом новаторской. Для ее решения потребовалось использование самобытного комплекса источников, от официальных отчетов и сводок до народного фольклора, позволяющего извлечь по крупицам рассеянные сведения о настроениях, бытовавших в народной массе, и характерных примерах социального поведения. Объективные выводы на основе огромного информационного массива можно было построить, применяя оригинальную методику, в которой традиционные для исторического исследования подходы сочетаются с методами семантического и статистического анализа. На примере трех социально и ментально связанных общностей – крестьян, рабочих, солдат – автору удалось проследить как в военный период лояльный и даже патриотически ориентированный фон настроений масс сменился недоверием к власти и имущим слоям. Этот процесс, в не меньшей мере, чем политизация общества, был обусловлен массовыми народными

представлениями о справедливости в распределении тягот войны среди различных его слоев. Таким образом, социокультурный раскол, проявившийся в условиях войны с особой остротой, не оставлял возможностей для консолидации общества.

Офицерский корпус российской армии как социальная группа и профессиональное сообщество в условиях социально-политического кризиса в России периода Первой мировой войны представлен в исследованиях И.Н. Гребенкина³⁶. В ходе войны российское офицерство по причине интенсивной ротации состава постепенно утрачивало черты сословно-профессиональной корпорации и в заметной степени маргинализировалось. В политическом отношении оно постепенно накапливало потенциал недовольства и оппозиционности, отражавший настроения широкой российской общественности. С началом революции охватившие армию процессы разложения внесли раскол и в среду офицерства. Как социальная группа оно не склонилось явно к той или иной стороне гражданского конфликта и в дальнейшем втягивалось в борьбу ситуативно.

Именно события Первой мировой войны стали полем для исследования социального облика и качеств самого массового ее участника – солдата армии военного времени³⁷. Российским солдатам того периода посвящены работы А.Б. Асташова, который остановился на восприятии войны и характере социального поведения солдата – вчерашнего крестьянина. Крестьянский облик русской армии военного времени был обусловлен самой структурой общества, где доля сельского населения превышала 80 %. Уровень развития и культуры солдат-крестьян, их специфический образ мышления и поведения, доверенный жизненный опыт определяли как сильные, так и слабые стороны армии как боевой и социальной силы. Несколько иначе смотрит на значимость этого аспекта И.В. Нарский. Он настаивает на цивилизаторской роли войны в отношении ее участников, независимо от их происхождения. «Прошедшие социализацию на современной войне, российские фронтовики оказались более чувствительны к призывам расправиться с прошлой «отсталостью» и к обещаниям «светлого будущего». Принудительный модернизационный опыт 1914–1916 гг. сказался и в том, что русская армия воспитала множество врагов «устаревшего» сельского образа жизни»³⁸.

Мировая война актуализировала проблему национальных отношений как внутри империи, так и на ее рубежах. Первые шаги совершали национальные движения, интенсивно формировалось национальное самосознание народов. Успехи русский войск в Галиции хотя бы и на короткий срок выдвинули вопрос о будущем этого края и его населения в составе России, национальная карта разыгрывалась противниками России с тем чтобы осложнить обстановку в национальных регионах, наконец, война коснулась положения различных национальностей, исторически населявших Россию. Затрагивая весьма широкий круг политических, социальных, этнокультурных и этноконфессиональных проблем, научные публикации, связанные с национальным вопросом в контексте военных событий, образуют самостоятельный тематический круг³⁹.

Важным аспектом исследований является состояние российской экономики военного периода, ее финансов, индустрии, транспорта и аграрного сектора. Событием в этой области может считаться выход в свет работы крупного военного специалиста старой школы генерала В.С. Михайлова «Очерки по истории военной промышленности», подготовленной автором еще в 1920-х гг., но опубликованной только в наши дни⁴⁰. Построенная по принципу справочного издания, эта книга дает объективную картину состояния военного производства и организации закупок вооружения для русской армии за границей в период войны. Вопросы мобилизации хозяйства, вклад отечественной промышленности в снабжение армии и фронта, финансовая политика государства, хозяйственно-экономические проблемы на местах отражены во многих работах⁴¹. Характеризуя обстановку, складывавшуюся в хозяйственной сфере, большинство авторов сходятся во мнении о затажном и затратном характере перестройки экономики на военный лад. В связи с этим внимание современных исследователей особо привлекает деятельность государственных и общественных организаций по мобилизации промышленности, ее реальных результатов, успехов и неудач. Активности Военно-промышленных комитетов, Союзов земств и городов в данном направлении посвящены диссертационные исследования, построенные главным образом на региональном материале⁴².

Устойчивым интересом ученых пользуется положение российской деревни и связанная с ним проблема продовольственного кризиса. Аграрной обстановке в различных регионах страны были посвящены монографии и диссертационные исследования⁴³. Большинство авторов едины во мнении, что уровень производства в аграрном секторе российской экономики в период войны сохранял стабильные показатели, а продовольственный кризис являлся следствием непродуманной закупочной политики со стороны государства, но не недостатка сельхозпродукции.

Весьма широко в исследованиях последних лет представлена тематика связанная с общественно-политической и хозяйственной обстановкой в российской провинции военного периода. В них авторы, рассматривая деятельность администрации, самоуправления, общественных организаций и политических партий, положение различных групп населения, создают картину жизни и настроений общества в регионах России, его отношения к войне и политике властей⁴⁴. В качестве особого направления в исследованиях проблем народонаселения России начала XX века необходимо указать миграционные процессы в российских регионах, деятельность государственных и общественных организаций по помощи раненым, эвакуированным, беженцам Первой мировой войны⁴⁵. Авторы этих трудов признают, что огромное количество мигрантов во время войны усугубляло социальные проблемы регионов пребывания, тем не менее в России была создана и функционировала система попечения о беженцах, объединявшая усилия государственных и общественных органов. Заметный размах в тот период приобрела благотворительная деятельность частных лиц и общественных организаций, которая весьма активно изучается историками⁴⁶.

Последнее десятилетие было отмечено выходом ряда информационно-справочных изданий по военной истории, в том числе охватывающих период Первой мировой войны⁴⁷. Предприняты первые попытки произвести хотя бы в рамках отдельных регионов поименный учет павших на фронтах войны. Примером такой работы является «Рязанская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов», подготовленная А.И. Григоровым, в которой содержатся сведения о более 30 тыс. участниках войны⁴⁸.

Картина достижений отечественной историографии за последнее десятилетие не была бы полной, если не упомянуть о многочисленных публикациях источников, среди которых особую ценность представляют воспоминания, дневники и письма участников войны⁴⁹. Наряду с ведущими академическими изданиями видное место в публикациях материалов о Первой мировой войне принадлежит «Военно-историческому журналу». В современных условиях большую помощь историкам-профессионалам и любителям оказывают информационные ресурсы Интернета, в частности сайты целиком посвященные истории императорской армии и Первой мировой войны⁵⁰.

От тематического многообразия к обобщениям

Минувшее десятилетие было отмечено появлением крупных обобщающих трудов, решающих задачи многоаспектного и систематического исследования мировых военных конфликтов. Среди самых заметных событий в этой области необходимо указать выход в 2002 г. четырехтомного капитального исследования о двух мировых войнах XX в., первые два тома которого посвящены Первой мировой войне⁵¹. Представительность авторского коллектива (в числе авторов такие видные специалисты в данной области как В.Н. Виноградов, Б.М. Туполев, В.Л. Мальков, С.В. Тютюкин, В.К. Шаццлло, Г.Д. Шкундин, З.П. Яхимович и др.), масштабы работы и охват проблематики позволяют считать ее этапным, итоговым явлением отечественной историографии за несколько предшествующих десятилетий, а включение ряда новых направлений делают его беспрецедентным⁵². Именно поэтому внимания заслуживает ряд выводов и положений, имеющих теоретическое и методологическое значение.

Приступая к освещению столь сложного, многогранного явления, каким является Первая мировая война, и учитывая опыт исследований в этой области, авторы не могли обойти проблемы генезиса мирового военного конфликта и ответственности за него сторон. Ответы на эти вопросы не могут быть простыми и однозначными. Решая эту задачу с известной осторожностью и тактом, Б.М. Туполев, автор раздела, посвященного происхождению войны, намечает важнейшие узловые пункты международных политических и цивилизационных процессов, обусловивших высокую вероятность военного столк-

новения крупнейших мировых держав в начале XX в. Основные противоречия между главными акторами будущего мирового конфликта складывались и вызревали в течение относительно длительного времени. Если англо-германское соперничество имело основой преимущественно экономическую конкуренцию, то франко-германский антагонизм наряду с закономерными противоречиями в экономической сфере усугублялся взаимными территориальными претензиями, неразрешенными со времен Франко-прусской войны. Политико-территориальные притязания России были связаны с безраздельным контролем над Черноморскими проливами, обладание которыми имело как экономическое, так и военно-стратегическое значение, а борьба за них становилась точкой столкновения интересов сразу нескольких ведущих европейских держав. Эти сложные перипетии политики европейской развивались на фоне «мировой политики», состоявшей, в понимании того времени, в приобретении колониальных владений, контроле над ними и их эксплуатации – сфере, в которой германские амбиции не получали удовлетворения в силу уже завершившегося в основном раздела сфер влияний в мире. Таким образом, уже в конце XIX века военные и политические деятели Европы в риторике вполне допускали возможность возникновения, хотя и в отдаленной перспективе, войны за мировое господство⁵³. Приближению конфликта способствовало и складывание военно-политических блоков, развитие военно-технической сферы и гонка вооружений. Наиболее вероятным инициатором большой европейской войны выступала Германская империя, чьи экспансионистские устремления диктовали агрессивный стиль во внешней политике и силовой характер разрешения, стоящих перед нею проблем.

Однако развертывание событий по самому трагичному сценарию невозможно объяснить лишь аккумуляцией и ситуативным совпадением всевозможных негативных факторов. Саму природу противоречий, породивших военный конфликт, в котором столкнулись наиболее цивилизованные мировые державы, автор выводит из степени развития капиталистической организации хозяйства и общества, специфики и черт ее высшей формы – империализма. Подобное решение в данном случае нельзя считать данью советской историографической традиции, неизменно квалифицировавшей Первую мировую войну как «империалистическую». Анализ применения термина империализм в современной западной историографии, несмотря на подчас различное его понимание, показывает, что изучение феномена и проблем империализма вовсе не утратило актуальности и необходимо при рассмотрении генезиса и характера Первой мировой войны⁵⁴.

Данный методологический посыл, однако, не является довлеющим, что можно с уверенностью отнести к достоинствам этого большого труда. Концепция империализма как неизбежного источника международной агрессии, возможно, не является исчерпывающей для объяснения происхождения первого всемирного военного конфликта, однако она весьма детально демонстрирует, как и по каким направлениям на рубеже XIX–XX веков шло накопление взрывоопасной критической массы противоречий, которые не могли

найти разрешения в экономических и тесно с ними связанных политических реалиях исторического момента. Дополнить этот взгляд с точки зрения некоторых гуманитарных аспектов вполне органично позволяет трактовка тотальной войны новой индустриальной эпохи как выражения цивилизационного кризиса. Развивая эту концептуальную модель, автор соответствующего раздела З.П. Яхимович показала как социальные и экономические институты, элиты и общественное мнение развитых стран, воспринимая различные формы конфликтности окружающего мира, становились ее носителями и усваивали представление о возможности и допустимости изменения существующего миропорядка с использованием вооруженной силы. В рамках обоих подходов достаточно очевидным становится, что проблема ответственности сторон за разжигание мирового военного конфликта, ведение войны варварскими методами и ее трагические последствия должна стоять несколько шире, чем поиск конкретного, но, возможно, ситуативного виновника. И хотя очерки, посвященные блоковой политике, стратегическому планированию, и военным приготовлениям вполне объективно показывают Германию лидером подготовки войны в Европе, последующая апокалиптическая картина мировой бойни и Версальский финал, не создавший гарантий надежного мира в будущем, подводят вдумчивого читателя к заключению об обоюдном, встречном движении коалиций и стран-участниц к мировой катастрофе и неизвлеченных из нее уроках.

Исследование содержит огромный нарративный материал. В нем наряду с необходимыми разделами, посвященными предвоенному кризису, ходу вооруженной борьбы на фронтах, международным отношениям и дипломатической активности военного периода, завершению войны и ее итогам присутствуют компоненты, значительно расширяющие проблемное пространство исследования о войне. Значительное внимание авторов занимают социально-политические проблемы, причем предметом анализа становятся политическая жизнь и общественные процессы не только в странах-участницах воюющих коалиций, но и в нейтральных государствах. События в России от вступления в войну до Брестского мира и демобилизации армии составили отдельную главу. Таким образом, революция 1917 года, всегда преподносившаяся отечественной историографией как самоценное явление, предстает эпизодом мировой войны, что имеет все основания, так как именно военный фактор в развитии общенационального кризиса и политическом перевороте занимал ведущее место. Наконец, самостоятельный раздел освещает цивилизационные, социокультурные и национально-психологические аспекты войны, представляя итоги исследований сравнительно новых направлений развивавшихся в исторической науке в течение последнего десятилетия.

Важность социального компонента в историческом дискурсе о мировых войнах XX века вызвала появление еще одного большого исследования, связанного с предыдущим в генетическом и концептуальном плане, но на этот раз целиком посвященного проблеме «война и общество». Трехтомная коллективная монография «Война и общество в XX веке», подготовленная под

руководством О.А. Ржешевского, представляет собой не менее серьезную попытку подойти к истории мировых войн на ином проблемном и методологическом уровне. Ее первая книга также обращается к событиям начала XX века и Первой мировой войне⁵⁵.

Уже сама постановка проблемы подсказывает, что авторы исследования поставили перед собой самобытную задачу: с одной стороны, осмыслить происхождение войны как производного от состояния общества уровня развития и особенностей организации, господствующих в нем идей, взглядов и настроений, приоритетов власти, а, с другой, показать, каким образом общество адаптировалось к такому кризисному явлению как является тотальная война, оценить последствия войн минувшего века для мирового сообщества. Данный замысел реализуется в два этапа. Первый этап призван ввести читателя в атмосферу социальной и военно-политической действительности начала XX века, авторы показывают, как страны и народы приближались к роковому рубежу, преодолевая ступеньку за ступенькой войны того периода – Англо-бурскую, Русско-японскую, Итало-турецкую, две войны на Балканах. На втором этапе развернута широкая картина жизни обществ большинства стран Европы и США – как участников конфликта, так и нейтральных государств – в годы мировой войны. В силу того что главы, посвященные разным странам, написаны разными, в том числе и зарубежными, авторами, эта картина отличается разнообразием и даже определенной пестротой подходов и содержания. На общем фоне очерков, воссоздающих историю обществ в военный период и содержащих значительный описательный компонент, своей концептуальной постановкой выделяется раздел немецкого специалиста М. Залевски, посвященный Германии и ее обществу накануне и в начале Первой мировой войны. Не отрицая общепринятого тезиса о милитаризованности немецкого общества, автор показывает его природу, и неоднозначное влияние на повседневную жизнь и сознание населения Германии. Сложные процессы, происходившие внутри общества в начале XX века, ни в коем случае не позволяют считать его единым и сплоченным. Объединить его, и даже вызвать волну «военного восторга», смогла «справедливая» война. Но такое явление, в большей или меньшей степени, наблюдалось во всех без исключения странах, вступивших в битву в августе 1914 г. Этот взгляд интересен тем, что фактически «подмывает» бытовавшее в течение десятилетий в трудах политиков, историков, литераторов (в том числе и немецких) мнение об ответственности за развязывание войны не только германских властей, но и самих немцев. Стоит отметить, что в трудах современных немецких исследователей (М. Шмид, Г. Аффлербах и др.) с рациональных позиций критике подвергнуто представление о фатальной неотвратимости войны по причине некоей особой воинственности германской власти и нации⁵⁶. Впрочем, М. Залевски считает, что германское общество того времени заслуживает негативной оценки, но при этом строго определяет границы его «подсудности», а именно его сплоченность и «дееспособность в начале войны», которые являлись следствием «убежденности в том, что Германия полностью невиновна в развязывании этой войны»⁵⁷.

Наряду с очевидными выводами о чудовищных жертвах и ущербе, нанесенных мировой войной всем сторонам, принимавшим ней участие, исследователи общества не могли обойти вниманием те специфические последствия войны которые, которые проявились в социальной динамике воевавших стран. Заметной стала тенденция к смене элит, свое место в общественно-политической жизни уступали аристократия и церковь. Ускорились процессы социализации масс населения и эмансипации отдельных социальных групп, значительно расширились возможности социальной мобильности. На авансцену общественной жизни вышли такие группы как женщины, молодежь. С окончанием войны заявили о себе как о социальной силе бывшие фронтовики, которые, представляя наиболее активную часть мужского населения, претендовали на лидерство в социальной и политической сферах. В ближайшие годы движениям участников войны предстояло сыграть роль в формировании правящих режимов в ряде стран. На карте Европы появились новые государства, в которых мононациональные сообщества получили новые возможности развития в условиях национальной независимости.

Оба многотомных исследования – «Мировые войны XX века» и «Война и общество в XX веке» – не являются дублирующими, даже, несмотря на схожесть отдельных сюжетов. Второе в данном случае служит развитием и более полной реализацией тех интересных методологических находок, которые были сделаны в первом. Если первое определенно наметило важность социально-политического компонента в контексте истории мировых войн, то второе исследует войны как явление общественной жизни. В первом – две мировые войны рассмотрены последовательно как два самостоятельных, хотя и связанных события, что создает дополнительные возможности для сопоставлений и аналитических заключений. Второе объединяет мировые войны как важнейшие вехи в общем дискурсе социальной истории первой половины XX века. Плодотворность этих подходов была отмечена специалистами: «Главный вывод, к которому фактически приходят авторы, состоит в том, что реально в XX в. были не две, а одна мировая война, состоявшая из двух кампаний, которые были разделены 20-летней паузой, заполненной разными конфликтами и перетасовкой участников враждебных коалиций, оказавшихся в конечном счете теми же самыми, что и в 1914–1918 гг.»⁵⁸.

К крупным работам, претендующим на полноту и многоаспектность, следует отнести книги известного историка-американиста А.И. Уткина⁵⁹. В них инцидент мирового военного конфликта, вооруженное столкновение враждующих сторон и взаимное сотрудничество союзников по коалициям выступают только как внешнее проявление куда более сложных и неочевидных процессов. Будучи специалистом в области истории стран Запада и международных отношений, автор стремится раскрыть собственно феномен участия России в войне в коалиции с западно-европейскими союзниками, представляя его как высшую, критическую точку исторического сближения России с Европой. Слишком многие обстоятельства – своеобразие расположения империи на стыке Европы и Азии и связанные с ним геополитические интересы, самобытность культуры и исторической судьбы, экономическая неразвитость

и долгие годы назревавший конфликт власти и общества делали Россию неорганичным и слабым звеном в цепи сражающихся союзников по Антанте. Испытание войной выявило, вероятно, главное противоречие российской цивилизации – глубокую разобщенность между относительно малочисленным просвещенным классом, в котором правящая, деловая и творческая элиты при всех взаимных противоречиях были объединены прозападной ориентацией в ментальном, культурном, материальном отношениях, с одной стороны, и огромной народной массой, для которой опыт Запада не имел позитивного значения, а в негативном ассоциировался лишь с властным механизмом социального подавления. В условиях, когда потребовалась беспрецедентная мобилизация всех ресурсов государства, общества, хозяйства, незрелый социальный механизм показал себя не только нефункциональным, но и стал одним из факторов усугублявших кризис.

Мировой военный конфликт и место в нем России являются для автора тем исследовательским полем, на котором решается более масштабная проблема, а именно сосуществование и взаимовлияние российской и западно-европейской цивилизаций. Обращает на себя внимание, что историографическая и источниковая основа исследования представлена главным образом трудами англо-американского происхождения, что усилило звучание цивилизационного подхода в анализе истоков трагической для России развязки войны. Вероятно, этим объясняется и ряд неточностей, допущенных при изложении фактического материала, на который обращали внимание рецензенты⁶⁰. Тем не менее, сами по себе труды А.И. Уткина представляются глубоко продуманными и неангажированными, раскрывающими новые грани исторических судеб России и мира в прошлом и настоящем.

Отдельный жанр представляют научно-популярные очерки истории Первой мировой войны, рассчитанные на массового читателя⁶¹. Написанные с разной степенью детализации событий, они отражают устоявшиеся взгляды и концепции и не претендуют на монографический уровень.

Подходы и методы: поиски и находки

Изменившаяся за последние два десятилетия историографическая ситуация в целом характеризуется большими возможностями в плане апробации и применения новых исследовательских подходов и методов. Отчасти этому способствовало состояние изученности и специфика отражения историографией некоторых исторических сюжетов и проблем. Это относится к событиям и периоду Первой мировой войны: новизна многих аспектов, отсутствие устоявшихся традиций их освещения создавали широкое поле для выбора и конструирования научного инструментария. Процесс этот нельзя считать завершенным, поэтому отметим лишь некоторые его специфические черты и итоги.

Постсоветский период развития отечественной историографии был отмечен многократным ростом количества работ по истории Первой мировой войны или так или иначе связанных с ее периодом. Подобная «мода» на эту тематику не была вызвана исключительно научной целесообразностью, но относительная незаполненность данной хронологической ниши создавала иллюзию ее новизны и востребованности.

Сегодня обилие работ по истории Первой мировой войны (и в первую очередь в ее российском фрагменте) свидетельствует о том, что ее хронологические рамки априори признаются значимым историческим этапом, не нуждающимся в дополнительном обосновании важности и актуальности событий и процессов происходивших в этот период в той или иной области. В большинстве случаев это действительно так. Во многих сферах жизни государства и общества влияние мировой войны было в полном смысле критериальным. Однако, учитывая политическую и социальную реальности России начала XX века, ее географические масштабы и степень развития коммуникаций, становится очевидным, что связанные с войной перемены и тяготы распространялись в ее территориальном и социальном пространстве неравномерно и ощущались порой весьма опосредованно. Вследствие этого хронологические рамки Первой мировой войны далеко не всегда являются одинаково обоснованными и показательными, применительно к различным государственным, общественным, хозяйственным сферам и процессам в разных регионах страны. Эти обстоятельства не всегда учитываются молодыми исследователями при выборе тем кандидатских работ. Следствием этого является описательность, недостаточная обоснованность выводов, невозможность правильно понять сущность частных аспектов и процессов избранного периода в контексте социально-политического развития страны в более длительной исторической перспективе.

Обращает на себя внимание и весьма произвольная трактовка многими авторами хронологических рамок Первой мировой войны. В связи с этим типичным, едва ли не общепринятым явлением стало то, что верхней хронологической границей исследований считается февраль (значительно реже октябрь) 1917 года. Таким образом, в качестве сложившейся традиции отечественного историописания Первой мировой войны следует признать разделение ее по хронологическому принципу на периоды «имперский» и «революционный», которые значительно отличаются характером освещения и степенью исследовательского интереса. Примером может считаться получившая в последние годы значительное развитие проблематика общественной и хозяйственной жизни российской провинции в период войны, ее историко-антропологическим аспектам. Работы этого, весьма обширного, круга, как правило, ограничиваются рубежом Февральской революции и не затрагивают заключительный год войны. Вместе с тем достойно внимания, что авторы ряда работ, посвященных политическому, общественному, экономическому развитию России начала XX века, кульминационным пунктом которых несомненно являются Первая мировая война и революция 1917 года, строят

свои исследования в более сложных хронологических границах (1905–1917 гг., 1907–1917 гг., 1914–1922 гг., первая четверть XX в. и т. п.), что требует особого обоснования, но безусловно более соответствует содержанию рассматриваемых в каждом индивидуальном случае проблем.

В методологическом плане исследования, связанные с периодом Первой мировой войны, представляют собой весьма пеструю картину, обусловленную широтой проблемного поля и разнообразием стоящих перед историками задач. С одной стороны, в условиях, когда многие явления и события политической, социальной, военной истории являются недостаточно изученными, испытанный арсенал традиционных методов исторического исследования – проблемно-хронологического, системного, генетического, сравнительного, личностно-психологического, количественного и качественного анализа – дает хороший первоначальный результат. Более глубокая разработка, а в некоторых случаях потребность переосмысления сложных общественно-политических проблем, а также реализация новых направлений в исследованиях требуют внедрения эвристических комплексных методов, основанных на использовании категорий смежных научных дисциплин.

Применение междисциплинарных подходов в современной практике исторического поиска является уже не характерной чертой отдельных конкретных работ, а необходимым условием для эффективного решения исследовательских задач. Так, в последнее десятилетие наблюдается рост интереса исследователей к возможностям такого сравнительно молодого направления в исторической науке, как военно-историческая антропология, построенного на использовании подходов и категорий политологии, социологии, культурологии, психологии. Занимавшаяся разработкой основных методологических принципов этого направления Е.С. Сенявская, так определяла его ключевые задачи: выявление того общего, что во всех войнах влияет на психологию социума в целом и армии в частности, и особенного, что зависит от специфики конкретной ситуации (масштабы войны, ее оборонительный или наступательный характер, значение для государства, социально-политический контекст и т. д.); анализ ценностей, представлений, верований, традиций и обычаев всех социальных слоев в контексте назревания войны, ее хода, завершения и последствий; изучение взаимовлияния идеологии и психологии вооруженных конфликтов; изучение диалектики соотношения образа войны в массовом общественном сознании и сознании ее непосредственных участников; изучение эволюции понятий «свой-чужой» и формирования образа врага в различных вооруженных конфликтах; реконструкция совокупности факторов, влияющих на формирование и эволюцию психологии участников военных действий; изучение влияния социальных и социально-демографических факторов и параметров на психологию военнослужащих; рассмотрение основных социально-психологических и социально-демографических феноменов мировых и локальных войн; определение того, как условия конкретной войны влияют на дальнейшее существование их участников, включая механизмы и способы адаптации к послевоенной мирной жизни⁶².

Подходы, выработанные в рамках военно-исторической антропологии, оказались востребованы историками Первой мировой войны, в работах которых война предстает в «человеческом» измерении⁶³. Данный методологический комплекс находит применение в исследованиях взаимосвязи и взаимовлияния явлений социальной и культурной динамики с мировой войной. Это направление также не может обойтись без использования междисциплинарных подходов. Изучение настроений общества в конкретный исторический период строится на лингвистическом и смысловом анализе свидетельств выявленных письменных источников. К максимально объективным выводам позволяет придти последующая статистическая обработка полученного массива информации. Одной из любопытных, по сути методологических, черт проявляющихся среди работ на социальную тематику является повышенный интерес исследователей к относительно малым, нестабильным, маргинальным группам, возникавшим в условиях войны. Обращает на себя внимание большое число публикаций и диссертационных исследований, посвященных военнопленным, интернированным, дезертирам, беженцам Первой мировой войны. Сместился и фокус в рассмотрении ведущих факторов при анализе социальной динамики, на смену классовым и партийно-политическим критериям приходят национально-конфессиональные, гендерные и демографические.

Традиционный угол зрения, под которым историки рассматривали международные и военные проблемы периода 1914–1918 гг. в последние годы также претерпевает изменения. Как отмечает глава Российской ассоциации историков Первой мировой войны Е.Ю. Сергеев, в изучении этих вопросов исследователи постепенно отходят от привычного европоцентризма, и наряду с главными театрами военных действий все чаще обращаются к второстепенным фронтам: военным кампаниям на Ближнем и Среднем Востоке, в африканских колониях, операциям флотов на океанских коммуникациях. Уделяется внимание участию всевозможных малочисленных и «экзотических» воинских контингентов в боевых действиях, в том числе на удаленных и изолированных участках борьбы: русским бригадам во Франции и Македонии, австралийским частям в Галлиполийской операции, англо-индийским войскам на Ближнем Востоке, французским колониальным частям на Европейском театре.

По-новому рассматривается в контексте глобального конфликта роль нейтральных стран. Очевидно, что их внешняя и внутренняя политика испытывала влияние обеих противоборствующих коалиций. Неверно игнорировать участие экономик нейтральных стран в снабжении воюющих держав, заслуживает внимания поддержка ими миссий международных гуманитарных организаций, наконец, их территории во время войны становились центрами тайной дипломатии и деятельности спецслужб.

Повышенный интерес исследователей вызывают итоги и последствия Первой мировой войны, как решающие факторы формирования нового мирового порядка в рамках Версальско-Вашингтонской системы. Все большее признание получает концепция «Второй Тридцатилетней войны», рассматривающая хронологический отрезок 1914–1945 гг. как целостный исторический период

мировых войн и революционных трансформаций, итогом которых стала победа индустриальной модернизации и складывание развитого индустриального общества в крупнейших странах⁶⁴.

Развитие российской историографии Первой мировой войны в последнее десятилетие проходило довольно бурно, а его результаты могут быть признаны впечатляющими: сотни статей, диссертационных исследований, монографий, в том числе, значительные обобщающие труды. Войне посвящены книжные серии популярных издательств, постоянные рубрики и тематические выпуски исторических журналов. Вслед за спонтанным поиском подходов и концепций, свойственных 1990-м, пришла более целенаправленная разработка проблематики, появились интересные методологические решения. Вместе с тем направление не избежало и вполне закономерных болезней роста – «мелкотемья», конъюнктурной актуализации и популяризаторского мифотворчества.

Не будет большим откровением замечание, о том, что повышенное внимание к тем или иным историческим событиям и сюжетам, определенным образом характеризует современное состояние общества, формирующего свой «заказ» на образы исторического прошлого, причем происходит это неявно, на эмоциональном уровне. В этом смысле интерес ученых и литераторов всех направлений к такому трагическому этапу, каким была в истории России Первая мировая война, может считаться своеобразным симптомом социальной обстановки в стране на рубеже XX–XXI веков. Нынешний благоприятный период в изучении Первой мировой войны – финального аккорда империи и преддверия ее крушения – вероятно, будет продолжаться пока в обществе не перестанет превалировать потребность в «страдательном» восприятии своего прошлого.

Происходящие количественные и качественные перемены в области исследований о Первой мировой войне, однако, демонстрируют удивительную преемственность предшествующему, советскому периоду своего развития, которую данное направление сохраняет сегодня. Лидирующее положение в нем по-прежнему занимает социально-политическая проблематика. Именно эту сферу заметно обогатили главные методологические достижения последних лет – новинки, связанные с исторической антропологией и изучением массового сознания. Таким образом, научные предпочтения исследователей еще раз подчеркивают то, каким представляется содержание периода Первой мировой войны профессионалам. Другой приметой исследований в этой сфере остается политизация того или иного толка, которая часто подменяет непредвзятое осмысление чисто научных проблем. Значительные наработки в области истории государства и общества в тот сложный период нуждаются в масштабных обобщениях, которые становятся задачей исторической науки в предстоящие годы. Не менее важным следует признать создание крупного обобщающего военно-исторического очерка мировой войны.

Учитывая итоги работы ученых последних десятилетий Первая мировая война едва ли может считаться забытым эпизодом в истории России. Однако

ярлык «забытой» войны, казалось бы, ситуативный и отвечающий пропагандистским нуждам момента на рубеже 1980–90-х гг., оказался более чем живуч и сегодня существует не только как стереотип общественного сознания, но и как торговый бренд⁶⁵. Это лишь в очередной раз подтверждает, что историческая наука, историческая память и информационная конъюнктура живут и развиваются по разным законам. Ученые никогда не переставали делать свое дело, но война остается «забытой», потому что на пропагандистском и на книжном рынке «забытые» войны лучше продаются...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данном случае обоснованным представляется привести мнение российского историка И.В. Нарского, согласно которому Первая мировая война для России не была официально завершена, а перешла в войну гражданскую и весь период с 1914 г. до фактического окончания военных действий на территории страны в 1921–1922 гг. был воспринят российскими очевидцами как непрерывная «семилетняя война» с апогеем в 1918–1920 гг. (См.: *Нарский И.В.* Фронтовой опыт русских солдат. 1914–1916 годы // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 203.)

² События и период Первой мировой войны получили отражение в романах В.С. Пикуля «Моонзунд», «Из тупика», «Нечистая сила», «Честь имею», которые в 1970–80-х гг. пользовались ажиотажной популярностью. Вероятно, единственное масштабное и реалистичное изображение картин войны в кино того времени возникло в многосерийной экранизации В. Ордынского романа А.Н. Толстого «Хождение по мукам».

³ См.: *Козенко Б.Д.* Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27; *Шубин Н.А.* Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы (1914–2000). – М., 2001.

⁴ Устав Российской Ассоциации историков Первой мировой войны (РАИПМВ), принятый 10 декабря 1992 г., с изменениями от 25 февраля 2009 г. (http://rusasww1.ru/post_nav.php?cat=news).

⁵ Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. – М., 1994; WWI and the XX Century. Acts of the International Conference of Historians. Moscow, 24–26 May, 1994. – Moscow, 1995; Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. – М., 1998; Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: доклады и выступления участников Международной конференции «Первая мировая война и современный мир». – М., 2011.

⁶ Голоса истории. Материалы по истории Первой мировой войны. Сборник научных трудов. Вып. 24. Кн. 3. – М., 1999; Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века: Очерки. – М., 2003; Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны): материалы межвузовской научной конференции, 10–11 декабря 2004, Самара, 2004; Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции 7–8 сентября 2004 года. – М., 2006; Доклады академии военных наук. Военная история. № 5 (23) «Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу». – Саратов, 2006; Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): материалы международной научной конференции 11–12 ноября 2008 г. – Тамбов, 2009; Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: материалы Международной конференции, Москва, 8 декабря 2010 г. – М., 2011.

⁷ *Виноградов В.Н.* 1914 год: быть войне или не быть? // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 17–25.

⁸ *Михайлов В.В.* Противостояние России и Британии с Османской империей на Ближнем Востоке в годы Первой мировой войны. – СПб., 2005; *Он же.* Британия и Россия в решении внутривосточных противоречий Османской империи в годы Первой мировой войны. – СПб., 2007; *Он же.* Галлиполи в 1915 г. Могила русской мечты и британских солдат. – СПб., 2008; *Он же.* Восточный вопрос и позиции Великобритании и России в Первой мировой войне : дис. ... д-ра. ист. наук. – СПб., 2010; *Павлов А.Ю.* Россия на межсоюзнических конференциях в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 2. С. 25–31; *Виноградов П.В.* Русско-английское военно-экономическое сотрудничество в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2009; *Чиняков М.К.* Переговоры союзников с Россией об отправке русских войск на Западный фронт и на Балканы // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 38–53; *Черников А.В.* Дипломатическое и военное сотрудничество Италии с Россией в годы Первой мировой войны. 1914–1917: дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2002; За балканскими фронтами Первой мировой войны. – М., 2002.

⁹ *Макаренко П.В.* Большевики и Брестский мир // Вопросы истории. 2010. № 3; *Ватлин А.Ю.* Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны. // Вопросы истории. 2008. № 3.

¹⁰ См.: *Мальков В.Л.* О новых подходах в изучении истории Первой мировой войны // Последняя война Российской империи... С. 17–26.

¹¹ *Козлов Д.Ю.* «Странная война» на Черном море (август–октябрь 1914 года) М., 2009; *Он же.* Роль российского Балтийского флота в экономической блокаде Германии. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2010. № 9; *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка: неизвестная победа русских войск весной 1915 г. – М., 2010; *Нелипович С.Г.* Брусилловский прорыв. Кампания 1916 года. – М., 2007; *Он же.* Бои в пригородах Варшавы в октябре 1914 года // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 6. – Саратов, 2005; *Шишов А.В.* Персидский фронт (1909–1918): незаслуженно забытые победы. – М., 2010; *Мартыросян Д.Г.* Саракамышская операция (12–24 декабря 1914 г.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 7. – Саратов, 2006. С. 55–65; *Он же.* Генерал Г.Э. Берхман «управлял всем ходом того дела, которое кончилось большим успехом...». Приписанные заслуги генералов Н.Н. Юденича и М.Л. Пржевальского // Военно-исторический журнал. 2008. № 6. С. 27–30.

¹² *Герасимов В.Л.* История создания отечественной морской авиации (1910–1917 гг.). – Смоленск, 2007; *Кикнадзе В.Г.* Радиоразведка Российского флота в первой мировой войне // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 144–152.

¹³ *Изонов В.В.* Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 34–39; *Шишов А.В.* Участие Русской армии в боевых действиях Первой мировой войны // Последняя война Российской империи... С. 216–220; *Болтаевский А.А.* Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009; *Тихомиров А.В.* Чапкевич Е.И. Русская гвардия в первой мировой войне // Вопросы истории. 2000. № 9; *Купцова И.В.* «Наш солдат – это солдат удивительной, прямо-таки железной стойкости» // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 54–59; *Балла Т., Кисс Г.* Австро-венгерские солдаты на Русском фронте в 1914–1918 годах // Последняя война Российской империи... С. 39–48.

¹⁴ *Сергеев Е.Ю.* Иная земля, иное небо: Запад и военная элита России. – М., 2001; *Он же.* Представленческие модели российской военной элиты начала XX века // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М., 2002; *Его же.* Геополитические представления военной элиты России накануне Первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. – М., 2006; *Черниловский А.А.* Первая мировая война в сознании военной элиты России : дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2005.

¹⁵ *Гребенкин И.Н.* Офицерство российской армии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 52–66; *Копылов Е.Ю.* Социально-психологический портрет русского офицерства в годы Первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. – М., 2005. С. 127–140; *Коровин В.М., Свиридов В.А.*

Особенности восполнения офицерского состава в России 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 2. С. 34–39; *Константинов С.В., Оськин М.В.* Русские офицеры военного времени. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 107–111; *Чернобаев А.А.* Человек на войне: эволюция общественно-политических взглядов на примере биографии А.И. Тодорского // Последняя война Российской империи... – М., 2006. С. 245–251.

¹⁶ *Ипполитов Г.М.* Деникин. – М., 2000; *Козлов А.И.* Антон Иванович Деникин: Человек, полководец, политик, ученый. – М., 2004; *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Лавр Корнилов. – М., 2006; *Гребенкин И.Н.* Генерал Л.Г. Корнилов: штрихи к портрету // Отечественная история. 2005. № 4. С. 108–123; *Кириенко Ю.К.* Алексей Максимович Каледин // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 59–80; *Цветков В.Ж.* Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 55–84; *Он же.* Николай Николаевич Юденич // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 37–59; *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. – М., 2006; *Александров Б.Ю.* А.А. Брусилов: военная и общественно-политическая деятельность 1877–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009; *Думби Ю.Ф.* Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000; Летающие тузы. Российские асы Первой мировой войны. – СПб., 2006.

¹⁷ *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). – М., 2010; *Гущин Ф.А., Жебровский С.С.* Пленные генералы Российской императорской армии 1914–1917. – М., 2010; *Галицкий В.П.* Защита прав военнопленных в период Первой мировой войны: опыт и уроки // Последняя война Российской империи... С. 254–257; *Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2006; *Ниманов Б.И.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009; *Новикова И.Н.* «Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 55–58; *Поликартов В.В.* Военнопленные в лагерях под Ижевском в 1915–1916 гг. // Вопросы истории. 2007. № 2; *Свольшак П.* Словенские военнопленные во время Первой мировой войны // Последняя война Российской империи... С. 242–244; *Солнцева С.А.* Военный плен в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2000. № 4–5; *Солнцева С.А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143–149; *Фишер Я.* «Русские» военнопленные на Словенской территории // Последняя война Российской империи... С. 251–253.

¹⁸ *Чапкевич Е.И.* Русская гвардия в Февральской революции // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 3–16; *Чиняков М.К.* Мятеж в Ля-Куртин // Там же. 2004. № 3. С. 57–73.

¹⁹ *Базанов С.Н.* Разложение русской армии в 1917 году (К вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. С. 282–290; *Он же.* «Немецкие солдаты стали... переползать к русским “товарищам” и брататься с ними» // Военно-исторический журнал. 2002. № 6. С. 43–50; *Он же.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). – М., 2003.

²⁰ *Сенин А.С.* Военное министерство Временного правительства. – М., 1995; *Солнцева С.А.* Комиссары в армии революционной России (февраль 1917 г. – март 1918 г.) // Отечественная история. 2002. № 3; *Кавтарадзе А.Г.* Николаевская академия при Временном правительстве // Военно-исторический журнал. 2002. № 9.

²¹ *Кибовский А.* Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917. // Цейхгауз. 1998. № 2. С. 30–36; *Маслаков А.* Предшественники Добровольческой армии // Белая гвардия. 1998. Вып. № 2. С. 59–68; *Иванов Д.* «Рожденный на заре свободы – за нее умрет...» Части смерти в русской армии 1917 г. // Военный сборник. Статьи и публикации по российской военной истории до 1917 г. – М., 2004. С. 113–125; *Солнцева С.А.* Ударные формирования русской армии в 1917 г. // Отечественная история. 2007. № 2. С. 47–59.

²² *Кузнецов Д.А.* Офицерский корпус России, февраль–август 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2001; *Солнцева С.А.* 1917: кадровая политика революции в российской армии // Отечественная история. 2004. № 3. С. 102–116; *Жебровский С.С.* Высший командный состав русской армии весной 1917 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 2. С. 196–201; *Кожевин В.Л.* Психология офицерства в условиях революционной смуты

1917 г. («Молитва офицеров русской армии» как исторический источник) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. – М., 2005. С. 101–112.

²³ *Копылов Н.А.* «Союз офицеров армии и флота» в России периода февральской революции: формирование, программа, тактика : дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001; *Абинякин Р.М.* Военно-патриотические организации 1917 года: к предыстории белого движения // Белая армия. Белое дело. Исторический науч.-поп. альманах. № 6. – Екатеринбург, 2002. С. 5–12; *Кожевин В.Л.* Деятельность Союза офицеров армии и флота (май–август 1917 г.) // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 137–142.

²⁴ *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. – М., 2001; *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). – М., 2003; *Михалев О.Ю.* Воронежская организация конституционно-демократической партии (1905–1917 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2001; *Сорокина О.Ю.* Эсеры в Сибири в годы Первой мировой войны: июль 1914–февраль 1917 г.: автореф. ... канд. ист. наук. – Омск, 2006; *Чертушцев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2007; *Овечкин П.А.* Деятельность партии социалистов-революционеров в войсках Московского гарнизона. 1914–1917 гг.; автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009.

²⁵ *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. – М., 2003.

²⁶ Стоит отметить, что роль высшей военной элиты царской России в лице корпорации Генерального штаба в политических интригах кануна 1917 г. была отмечена и в исследованиях западных историков: *Steinberg J.* 'All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914'. – Washington, 2010.

²⁷ *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М., 2010.

²⁸ *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006.

²⁹ Там же. С. 105.

³⁰ См.: *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 78.

³¹ *Поршинева О.С.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2; *Казанцев А.А.* Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: На примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2005; *Терещина Е.П.* Отношение населения Поволжья к Первой мировой войне: По материалам периодической печати 1914–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2006; *Савинова Н.В.* Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2008; *Айрапетов О.Р.* Репетиция настоящего взрыва. Немецкий погром в Москве: бои на внешнем и внутреннем фронте // Родина. 2010. № 2.

³² *Белогурова Т.А.* Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы первой мировой войны (1914 – март 1917 г.). – Смоленск, 2006; *Гужва Д.Г.* Российская военная периодическая печать в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. – М., 2008; *Морозова Н.В.* Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 – февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2010; *Цыкалов Д.Е.* Проблема «Россия» и «Запад» в отечественной публицистике периода Первой мировой войны (июль 1914–февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2003; *Акопов А.А.* Формирование образа врага на страницах газеты «Северокавказский край» в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2008; *Эйдук Д.В.* «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: по материалам газеты «Утро России»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2008.

³³ *Федюк В.* Борьба с «немецким засильем» // Россия и Германия в XX веке. В 3-х т. Т. 1. Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. – М., 2010. С. 78–96; *Колоницкий Б.* Метаморфозы германофобии: образ Германии в политических конфликтах Февральской революции 1917 года // Там же. С. 97–114; *Ян П.* «Нечисть царей, нечисть варва-

ров». Русская оккупация Восточной Пруссии 1914 г. в восприятии немецкой общественности // Там же. С. 176–191; *Коровина Л.* «Боеприпасы без патрон». Антигерманские настроения и пропаганда в русской армии во время Первой мировой войны // Там же. С. 192–210.

³⁴ *Смирнова А.М.* Столичная интеллигенция в годы Первой мировой войны: июль 1914 – февраль 1917.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000; *Купцова И.В.* Художественная интеллигенция в годы Первой мировой войны: Июль 1914 г.- март 1918 г.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2004; *Журавлева М.Д.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой мировой войны (Общественное сознание и социальное поведение) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2001; *Шапков В.И.* Политические настроения сибирского крестьянства в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2001; *Кижжаева Т.А.* Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2006; *Назаров А.Н.* Массовое сознание русского крестьянства в 1905–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009.

³⁵ *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004; *Она же.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). – Екатеринбург, 2000; *Она же.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Екатеринбург, 2000.

³⁶ *Гребенкин И.Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции: 1914–1918 гг. – Рязань, 2010; *Он же.* Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914–1918 гг.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Владимир, 2011.

³⁷ *Астахов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86; *Миронов В.В.* Формы солдатского протеста в Австро-Венгерской армии во время Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 196–202

³⁸ *Нарский И.В.* Фронтовой опыт русских солдат. 1914–1916 годы // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 204.

³⁹ *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. – М., 2000; *Она же.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). – М., 2004; *Савченко В.Н.* Восточная Галиция: проблемы национально-территориального и политического размежевания (1914–1923) // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 95–107; *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. – СПб., 2002; *Она же.* Молодые финны обязаны были «служить Германской империи всеми силами и на любых участках фронта» // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 35–41; *Вирфель Н.А.* Саратовские немцы в годы Первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып.6. – Саратов, 2005; *Пивоварчик С.А.* Трагедии Первой мировой войны: «евреи-шпионы» // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. – М., 2005. С. 71–83; *Степаняц С.М.* Сопrotивление армян геноциду в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2007. № 1; *Булдаков В.П.* «Бунт» (о восстании казахов в 1916 г.) // Родина. 2004. № 11. С. 68–72; *Котюкова Т.В.* «Во имя истинных интересов государства...». Отношение Государственной думы и А.Ф. Керенского к восстанию 1916 г. в Туркестане // Военно-исторический журнал. 2005. № 8. С. 60–63.

⁴⁰ *Генерал В.С. Михайлов (1875–1929):* Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. – М., 2007.

⁴¹ *Китанина Т.М.* Россия в первой мировой войне в 1914–1918 гг. Экономика и экономическая политика. В 2 ч. Ч. 1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – сер. 1916. – СПб., 2002; *Страхов В.В.* Внутренние займы в России в Первую мировую войну // Вопросы истории. 2003. № 9; *Солнцева С.А.* «Заем свободы» Временного правительства // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 150–154; *Машикова Н.Н.* Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны 1914–1917 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2004; *Трофимова Е.В.* Производство взрывчатых веществ в годы Первой мировой войны // Отечественная история. 2002. № 2. С. 147–152.

⁴² Голубин Р.В. Военно-промышленные комитеты Нижегородской губернии (Организация и хозяйственно-экономическая деятельность в годы Первой мировой войны) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Н. Новгород, 2003; Гуцин Ф.А. Военно-промышленные комитеты России в период Первой мировой войны: На материалах Нижнего и Среднего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2004; Кюнг П.А. Военно-промышленные комитеты в России в годы Первой мировой войны: историко-архивоведческое исследование: автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 2007; Баженова К.Е. Деятельность организаций Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза городов на Среднем Урале в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2010

⁴³ Ковалев Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). – М., 2004; Булатова Л.В. Продовольственная политика царского и Временного правительств и ее реализация на Южном Урале в годы первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2002; Голубинов Я.А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2009; Шевелева О.В. Сельскохозяйственное развитие великорусской провинции и столыпинская аграрная реформа в годы Первой мировой войны (по материалам Тульской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тула, 2008.

⁴⁴ Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М., 2011; Старков Д.А. Местное административное управление в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны, август 1914 – февраль 1917 гг. (Пензенская, Самарская, Сибирская губернии): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009; Петровичева Е.М. Земство Центральной России в период Первой мировой войны. – М., 2001; Она же. Земское самоуправление Центральной России в 1906–18 гг.: Эволюция на последних этапах деятельности: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2003; Алехина Е.В. Тамбовское земство в годы Первой мировой войны 1914–1918: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2005; Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914- февраль 1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2002. Еремин И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918): дис. ... докт. ист. наук. – Барнаул, 2006; Фабрика Ю.А. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 6; Меньщиков В.Н. Экономическое и социокультурное развитие Тобольской губернии в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2001; Алехин Д.В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война (июль 1914-февраль 1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2003; Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): дис. ... канд. ист. наук. – Орел, 2005; Гавриков Ф.А. Города российской провинции в условиях Первой мировой войны: на примере Курской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2006.

⁴⁵ Гатрелл П. Беженцы в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4 (122); Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. – Смоленск, 2000; Утгоф В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2003; Златина М.А. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010; Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005; Зубаров И.Е. Деятельность коллегии по делам военнопленных и беженцев в Сибирской губернии в 1914–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2006.

⁴⁶ Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны: автореф. дис.... канд. ист. наук. – СПб., 2000; Соколовская О.В. Благотворительная деятельность греческой королевы Ольги в России в годы Первой мировой войны // новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 223–233; Демина И.С. Благотворительная деятельность семьи принцев Ольденбургских в России (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006; Сенина М.А. Благотворительность власти и общества: деятельность великих князей Романовых в Петрограде и на фронте (июль 1914 – февраль 1917 гг.). – СПб., 2010; Ивано-

ва Н.М. Милосердие и благотворительность в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. (на материалах Петрограда): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2002; *Полуаршинов А.В.* Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: Июль 1914 – февраль 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2005; *Грицаева А.Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008; *Немова В.В.* Организация благотворительной помощи на Дону в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.

⁴⁷ *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне: биографический энциклопедический словарь. – М., 2003; *Российская гвардия. 1700–1918.* Справочник. – М., 2005; *Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920.* Биобиблиографический справочник. – М., 2004.

⁴⁸ *Рязанская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов / сост. А.И. Григоров.* – М., 2010.

⁴⁹ См. напр.: «Была бы справедливость, о большем и не мечтали». Воспоминания солдата Первой мировой войны (публ. И.Н. Гребенкина) // *Исторический архив.* 2007. № 4. С. 45–69; *Дневник начальника саперной команды 24-го Сибирского стрелкового полка прапорщика А.И. Тодорского. Июнь–сентябрь 1915 г.* // *Военно-исторический журнал.* 2004. № 8, 9; *Записка бывшего военного агента в Софии Г.Д. Романовского о деятельности Фердинанда Кобурга, 1916 год* (публ. В.Б. Каширина) // *Вопросы истории.* 2004. № 7; *Дневник генерала А.Н. Куропаткина.* – М., 2010; *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // *Вопросы истории.* 2001. № 1–12; *Романов А.В.* Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008; *Дневник подпоручика лейб-гвардии егерского полка М.М. Печковского: воспоминания войны за 1915 год* (Ломжилестская операция, Колмсхая и Виленская). – СПб., 2009; *Сергеевский Е.* Пережитое. 1914. – М., 2009; *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция 1914–1917 гг. – Минск, 2004; *Ткачев В.М.* Крылья России. Воспоминания о прошлом русской военной авиации. 1910–1917 гг. – СПб., 2007; *Фронтвые дневники генерала А.Е. Снесарева* // *Военно-исторический журнал.* 2003. № 8–10; 2004. № 3, 4, 6–11; *Фронтвые письма есаула А.А. Упорникова периода Первой мировой войны* // *Военно-исторический журнал.* 2007. № 1, 3, 5–7.

⁵⁰ «Русская армия в Великой войне» (<http://www.grwar.ru/>); «Август 1914-го...» (<http://www.august-1914.ru/index.html>); «Великая война 1914–1917» (<http://1914.borda.ru/>); «Герои Первой мировой» (<http://hero1914.com/>); «Георгиевская страница» (<http://george-orden.narod.ru/Port/index.html>); «Русская императорская армия» (<http://regiment.ru/>) и др.

⁵¹ *Мировые войны XX века: в 4-х кн. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк / Науч. рук. В.Л. Мальков.* – М., 2002. (2-е издание – М., 2005); *Кн. 2: Первая мировая война. Документы и материалы / Науч. рук. Б.М. Туполев.* – М., 2002. (2-е издание – М., 2005).

⁵² Предшествующее и, пожалуй, единственное в отечественной историографии обобщающее исследование по истории Первой мировой войны вышло в свет в 1975 г. и представляло собой преимущественно военно-исторический очерк действий на фронтах (*История Первой мировой войны 1914–1918 гг. В 2-х т.* – М., 1975).

⁵³ См.: *Первая мировая война. Исторический очерк.* – М., 2005. С. 39.

⁵⁴ См.: *Morrow J.H.* The Great War: An Imperial History. – N.Y., 2003; *Mommsen W.* Der europäische Imperialismus. Aufsätze und Abhandlungen. – Göttingen, 1979. S. 214; *Thobie J.* Les intérêts économiques, financiers et politiques français dans la partie asiatique de l'Empire Ottoman de 1895 à 1914. Lille, 1973. Т. I; *Geyer D.* Der russische Imperialismus: Studien über den Zusammenhang von innerer und äuswartiger Politik 1860–1914. – Göttingen, 1977. S. 12;

⁵⁵ *Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Науч. рук. В.А. Золотарев.* – М., 2008.

⁵⁶ См.: *Schmid M.* Der «Eiserne Kanzler» und die Generäle: Deutsche Rüstungspolitik in der Ära Bismarck (1871–1890). Paderborn u.a., 2003; *Afflerbach H.* Falkenhayn. Politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München, 1994; *Angelow J.* Kalkül und Prestige: Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges. – Köln; Weimar, Wien, 2000.

⁵⁷ *Война и общество накануне и в период Первой мировой войны.* С. 412.

⁵⁸ Новый труд о мировых войнах XX века // Отечественная история. 2004. № 1. С. 154.

⁵⁹ Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. – Смоленск, 2000; *Он же*. Первая мировая война. – М., 2001.

⁶⁰ См.: Отечественная история. 2001. № 1. С. 189.

⁶¹ Шаццло В.К. Первая мировая война. 1914–1918. Факты. Документы. – М., 2003; *Он же*. Последняя война царской России. – М., 2010; *Оськин М.В.* Первая мировая война. – М., 2011.

⁶² См.: *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145.

⁶³ *Култышев П.Г.* Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010; *Сыч А.И.* О некоторых социально-психологических последствиях первой мировой войны // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 109–113; *Астахов А.Б.* Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. – М., 2002. С. 268–281; *Он же*. Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. – М., 2006. С. 367–382; *Мионов В.В.* Ревизия ценностных представлений австро-венгерских фронтовиков периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. – М., 2006. С. 213–219; *Базанов С.Н.* Кавалерист-девица на фронтах Первой мировой // Военно-исторический журнал. 2001. № 10. С. 79–80; *Судацов Н.Д.* «...Героиня, противопоставившая тевтонской бронированной силе свою любящую душу русской женщины» // Военно-исторический журнал. 2002. № 3. С. 47–52.

⁶⁴ См.: *Сергеев Е.Ю.* Первая мировая война – пролог истории XX века // Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: доклады и выступления участников Международной конференции «Первая мировая война и современный мир». – М., 2011. С. 11–15.

⁶⁵ Напр.: Великая забытая война / Отв. ред. Пернавский Г.Ю. Москва, 2009; Забытая война и преданные герои / Авт.-сост. Рудая Е.Н. – М., 2011; Забытая война / сост. и науч. ред. Р.Г. Гагкуев. – М., 2011. Книжная серия о Первой мировой войне издательства «Эксмо» выходит под названием «Великая забытая война».

Антон ПОСАДСКИЙ

Гражданская война: новый взгляд

Каковы основные тенденции и результаты последнего десятилетия в научном и внеучном освоении феномена Гражданской войны? В какой степени удалось преодолеть избирательно-односторонний взгляд советского времени с характерными для него принудительной фрагментарностью, изъятиями, запретными темами, нежелательными дискурсами, агрессивной идеологической доминантой? Особенно если учесть, что со сменой парадигм изучения войны вернулось многомерное и укорененное в отечественной историографии определение «смута». В.Д. Соловей, развивая метафору, пишет о «смутореволюции» как российском феномене¹. Революция и гражданская война могут оцениваться как полоса свободы, время выхода на политический уровень глубинных национальных архетипов, локальных особенностей, разнопорядковых напряженностей, накопившихся в социуме. Такое понимание взывает к междисциплинарным подходам и демонстрирует сложность темы.

Гражданская война – это состояние общества, которое при новой общественно-политической конфигурации способно возвращаться. Гражданская война всегда – травмирующий массовый опыт, который становится элементом исторической памяти, окрашивает собой жизнь, по крайней мере, нескольких поколений. Наиболее очевидно это проявилось в стране с сильными изоляционистскими традициями, не знавшей разрушительных нашествий – Соединенных Штатах Америки. Их Гражданская война уже полтора столетия является не только предметом завидно скрупулезного изучения, но и фактором общественной жизни, вызывающим осмысление в разных жанрах и формах. В России она также не может являться лишь фактором историографии.

Варианты восприятия войны

Сложился ряд вариантов восприятия Гражданской войны ее наблюдателями и исследователями:

Борьба трудящихся против праздных.

Битва Европы с Азией.

Космос цивилизации против Хаоса вечной степи и народного анархизма, неприятия любой власти.

Борьба красного и голубого масонства, – борьба, в которой не могло быть русского победителя (интерпретация, развиваемая М.В. Назаровым).

Борьба соли земли, лучших против Хама, Числа, массы.

Борьба национальной, исторической России против Интернационала, борьба освободительная, крестовый поход за веру.

Борьба хрупкой молодой демократии против «красного и белого большевизма».

Трагическая междоусобица, в которой «своя своих не познаша», борьба непримиримых правд (данную традицию М. Волошина в литературе продолжил Л. Бородин).

Крестьянская война за землю и волю в крестьянской стране, на что наслаивались более частные политические и идеологические смыслы (концепция крестьянской революции В.П. Данилова).

Эпизод в драме антихристианского наступления и сопротивления ему, при этом русская гражданская война повторяет логику предшествующих «великих» революций и междоусобиц.

Не будем претендовать на исчерпание вариантов, хотя основные позиции, бытовавшие на протяжении 90 лет, нами представлены. Сегодня все они ожили и стали действующим фактором современного сознания и явлением историографии. Многие старые споры, оценки, забытые полемики вновь вернулись в сегодняшний день. Это произошло как из-за появления в научном и (благодаря интернету) общественном обороте мощного корпуса источников, прежде всего мемуаров и периодики, так и из-за острого дефицита общенационального понимания прошлого.

Пик интереса тема Гражданской войны, очевидно, пережила в 1990-е годы, но сам интерес остался и, если так позволительно выразиться, профессионализировался. При этом поток современной историографии способен вызывать у исследователей негативные ассоциации, например, с «мутным зеркалом»².

В общественном сознании последних советских десятилетий вполне допускалось прочтение Гражданской войны как трагедии, при условии прогрессивности одной стороны и обреченности другой, даже при наличии своей, ущербной, правды³. Характерно, что тематика Гражданской войны возвращается в преддверии возможной новой «смуты»⁴. Вероятно, следует предполагать инверсию официального красного пафоса вечной революции, вечной борьбы, с одной стороны, и ощущения общественной несправедливости дня сегодняшнего, с высокими общественными ожиданиями, с другой.

Соображения о неких глубинных противоречиях как одной из форм русского национального бытия высказывались неоднократно: А.С. Ахизером⁵ (идея социокультурного раскола), С.В. Лурье⁶ (идея функционального внутриэтнического конфликта как особенности русского самосознания), В.Д. Соловьев (феномен смутреволюции). Они по-разному осмысливают, видимо, одни и те же исторические реалии. Это создает дополнительный перспективный контекст для осмысления Гражданской войны. В этом направлении примечательна публицистика Д. Тараторина⁷. Его соображения имеют определенные пересечения с трактовками евразийца Н.Н. Алексеева⁸, с представлением о фундаментальном несовпадении народной жизни и жизни официальной, государственной.

Научные изыскания нередко принуждены облекаться в научно-популярную форму, чтобы оставаться востребованными за пределами узкого круга специалистов, чтобы заинтересовать издателя. Поэтому на одних и тех же полках соседствует литература разного качества и разных жанров, посвящен-

ная теме Гражданской войны. При этом растут сообщества исследователей-любителей, реконструкторов и т. п., в рамках которых нередко ведется интенсивная и продуктивная исследовательская работа. Развитие коммуникативных возможностей заметно изменило формат и самой исследовательской работы, и обнародования ее результатов.

Новые тенденции и подходы

Можно отметить две тенденции, серьезно корректирующие изучение Гражданской войны в последнее десятилетие. Во-первых, научно-исследовательская деятельность тесно связывается с мемориальной, музейной, реконструкторской, отчасти общественно-политической («юбилеи как движущая сила науки» – горько шутят историки) деятельностью. В то же время широкий резонанс, который вызывает художественное, прежде всего, кинематографическое, прочтение истории, стимулирует исследовательскую и издательскую деятельность. Во-вторых, изменилась информационная ситуация. Огромные массивы редкой литературы и периодики в последние годы стали доступны в электронном варианте. Надобность в републикациях малодоступных источников, столь сильная в 1990-е годы, сходит на нет. Это расширяет исследовательские возможности, но и возобновляет старые споры. Например, о сути явления казачества и его роли в Гражданской войне.

На этом фоне наблюдается довольно резкое разделение историков на «красных» и «белых» – по симпатиям, выбору тем, форме подачи материала. Характерно, что авторы берут на вооружение метафоры оппонентов, инверсивно обыгрывая их. Так, П. Голуб пишет о «колчаковском ГУЛаге», а автор журнала «Посев» – о «Рабоче-крестьянской белой армии». Отметим появление целостных попыток увидеть историю России в двадцатом столетии глазами последовательных антибольшевиков, белых (с известной долей условности). Это проект «Две России XX века»⁹ и проект А.Б. Зубова «История России XX века»¹⁰.

В каком же ключе более продуктивно изучать междоусобное противостояние? Методология изучения Гражданской войны востребует политическую позицию исследователя. Как представляется, это феномен изучения именно внутренних социальных потрясений, которые проецируются на сегодняшний день. Живая ткань Гражданской войны требует больших усилий для понимания обстановки, мотивации людей, чем ситуация войны внешней, революционного взрыва или политического кризиса.

Итак, как же целесообразнее изучать феномен Гражданской войны? Как цельное событие, в котором имеются некие стороны (при этом быстро выясняется, что у баррикады более чем две стороны)? Или в логике развития противоборствующих сил? Или в логике хозяйственного, инфраструктурного распада? В последнем случае Н.Д. Кондратьев и П.А. Сорокин окажутся наи-

более продуктивными авторами для понимания механизмов противостояния. Отметим в этом контексте усилия В.В. Галина¹¹, объясняющего смысл непримиримой схватки с позиций третируемой ныне политэкономии, а также интересные очерки С.В. Карпенко об экономической деятельности Белого Юга¹².

Существенной чертой последнего десятилетия является появление новых горизонтов в понимании Гражданской войны. Изучение демографической ситуации, трансформации традиционного общества с появлением новых «валентностей» для активных возрастов, гендерных аспектов, инфраструктурной ситуации и многих иных проблем создает возможности для новых оценок собственно событий Гражданской войны, – ее причин, мотивов участников, механизмов разрастания, – и формирует для них рамки восприятия и изучения. В этом отношении большое значение, на наш взгляд, имеют масштабные труды Г.А. Гольца¹³, Б.Н. Миронова¹⁴, С.А. Нефедова¹⁵. С.Д. Домников в своем социально-философском исследовании проанализировал взаимоотношения городской и крестьянской культур в России, хотя проблем XX века напрямую и не касался¹⁶. Труд А. Большаковой¹⁷ способствует пониманию деревни как архетипа, что очень значимо для проникновения в суть гражданского конфликта в российском, сельском по преимуществу, социуме. Следует отметить, что на русском языке появилась классическая, не переводившаяся до сих пор, фундаментальная работа П.А. Сорокина¹⁸.

Видимо, надо разделять Гражданскую войну (в данном случае неважно, датировать ли ее 1918–1920 или же 1917–1922 гг.) и гражданскую войну как состояние общества, которое не раз актуализировалось и после начала 1920-х годов. Прежде всего, речь может идти о годах коллективизации и войны 1941–1945 гг. Еще одна ипостась этой проблемы – тот мощный потенциал вражды, без которого трудно представить полномасштабную войну в 1917–1922 гг. Элементы Гражданской войны в 1905–1907 гг. – также дискуссионная тема. Это еще одно направление расширения понимания Гражданской войны. И на данном направлении идет интенсивная исследовательская работа. Тема Гражданской войны возникает как одна из ведущих, когда ученые в качестве объекта исследования выбирают сравнительно далекие от нее сюжеты. Например, известный исследователь антибольшевистского сопротивления в годы Второй мировой войны К.М. Александров представил в своих работах корпус биографий офицерского состава КОНР. При этом поведение будущих власовских офицеров в годы Гражданской войны, мотивы, которыми они руководствовались, карьерные стратегии оказываются существенно значимыми для понимания эволюции этих людей в последующие двадцать-двадцать пять лет.

Такова же проблематика Большого террора и реальной борьбы групп советской элиты. Многое в этой борьбе восходит к группировкам и личным отношениям, сложившимся в годы Гражданской войны. Ярким примером значительного удельного веса нашей проблематики в осмыслении 1937 года служит недавняя работа известного исследователя темы С.Т. Минакова¹⁹.

Еще одна линия сопоставлений – опыт гражданских войн в российской и мировой истории. Любая гражданская война вызывает к сравнениям, ибо данный сюжет известен в истории разных стран и эпох. И в России смута, заматня, гиль – периодически повторяющееся состояние общества. В последние годы заметен всплеск интереса к Смутному времени²⁰. Показательно, что ему корреспондирует острый публицистический интерес к эпохам и фигурам Ивана Грозного и Сталина. Гражданская война после революции вписывается в сравнительный ряд революций, сопровождавшихся, как правило, гражданской войной и внешним участием. Более того, сами революционеры очень трепетно относились к сравнениям. Большевики во многом жили в мире образов Французской революции. Отсюда страх термидора и Бонапарта, частые отсылки к судьбе Парижской коммуны, взятие красными Казани в 1918 г. как «русское Вальми» и т. п. Перспективными линиями сравнения, которые сегодня вызывают интерес, являются роль казачества в истории «смутных времен», формы самоорганизации в обстоятельствах распада властных структур, феномен контрреволюции.

Наконец, все более очевидной становится научная перспективность целостного изучения периода 1914–1922 гг., что не требует пространных комментариев²¹. Великая война возвращается на подобающее ей место в историографии, превращаясь из некоего преддверия революции в грандиозное событие истории, определившее в значительной степени, ход революции и инфраструктуру Гражданской войны. Близящийся столетний юбилей обещает новый всплеск интереса и новые историографические события. Это еще одно направление в историографии Гражданской войны. В советский период преэминентность Великой войны и Гражданской рассматривалась только в весьма узких содержательных коридорах, с ориентацией на ленинские слова о мировой войне как «дирижере» и «ускорителе».

Неясность царит в понимании и периодизации революций и гражданской войны. Сейчас очевидна тенденция понимать революцию 1917 года как единый процесс, без деления на «февральскую» и «октябрьскую». Гражданская война также оценивается в более широких пределах, начиная с 1917 до 1923 гг. Очевидная в нашей революции интервенция чуждых концептов сопровождалась чрезвычайно активным участием в русской судьбе этнических чужаков, как имперской «приписки», так и обладателей иностранных паспортов. Характерно, что официальные акценты выразительно смещались: «Иностранная военная интервенция и гражданская война» (Большая советская энциклопедия, 2-е изд.) – «Гражданская война и иностранная военная интервенция» (Большая советская энциклопедия, 3-е изд.). Современное понимание иностранной интервенции сближается, как нам представляется, с определением А.И. Деникина, точно написавшим о «своекорыстном» поведении союзников.

В современном интеллектуальном пространстве публицисты озвучивают, часто в императивной форме (жанр диктует!) некие, весьма масштабные, гипотезы или интерпретации Гражданской войны. При этом встречается на-

рочито неакадемическая (и даже «антиакадемическая») стилистика, хотя публицисты позволяют себе не оглядываться на политкорректность. В. Шамбаров написал популярный очерк по истории Белого движения и Гражданской войны «Белогвардейщина», которые неоднократно переиздавался. Из ярких публицистов, занимающих противоположные позиции, и предлагающих целостные версии Гражданской войны, назовем С. Кара-Мурзу²² и Р. Ключника²³. Броские объяснительные схемы, родившиеся в жанре публицистики, – и последующее освоение предлагаемых тем наукой, возможно, достаточно дееспособное содружество.

Проекты, структуры и региональные аспекты изучения

За последнее десятилетие вышел значительный массив документальных и энциклопедических изданий²⁴. Масштабные проекты реализуются под научной редакцией В.И. Шишкина. Выделим среди них продолжающийся проект по изданию материалов антибольшевистских правительств на востоке России²⁵. Одной из современных общественных организаций, ведущих тему Гражданской войны с определенных идеологических позиций – позиций Белого движения, является Народно-Трудовой союз, некоммерческое партнерство «Посев». В сотрудничестве с ними группа исследователей издает серию «Белые воины», которая стала явлением в научной жизни последнего десятилетия.

Параллельно развивается проект издательства «Айрис-пресс»: серия «Белая Россия». В рамках серии подготовлен ряд переизданий, в том числе знаковых работ, как труд Н.Н. Головина «Российская контрреволюция», известные воспоминания генерала П. Петрова. Нарращивание источниковой базы, формирование в процессе этой работы научных связей, разумеется, представляет собой существенное продвижение в освоении обширной темы.

Отметим ряд крупных работ, явившихся плодом многолетних исследовательских усилий. Обобщающий труд по идеологии и практике государственного строительства белых правительств представил известный исследователь В.Ж. Цветков²⁶. В.П. Булдаков продолжил исследование феномена революции в парадигме «красной смуты» и предложил новую, существенно расширенную, версию своей работы (первое издание – 1997 г., последнее – 2010)²⁷.

Инфраструктуру изучения Гражданской войны составляют научные мероприятия и периодика. Целый ряд значительных явлений историографии вырос на базе проведенных содержательных конференций²⁸. Как правило, такие конференции являются рабочими, без «представительской» составляющей. Периодика, полностью или частично посвященная проблематике Гражданской войны, продолжает существовать, а на смену закрытым проектам приходят новые. Видимо, надо считать завершенным проект альманаха «Белая гвардия» под редакцией В.Ж. Цветкова (с 1997 г. вышло 10 номеров, преимущественно тематические выпуски, последний – в 2010 г.). Однако появи-

лись новые содержательные издания. Альманах «Горыныч» ведет уральскую казачью тему, специальные выпуски журнала «Родина» по Гражданской войне (2008, № 3 и 2011, № 2) посвящены, соответственно, белым армиям и РККА. Региональные периодические (например, «Ретроспектива»²⁹) и продолжающиеся³⁰ издания также практикуют тематические спецвыпуски. Достаточно профессионален и имеет устойчивый круг читателей Екатеринбургский альманах «Белая армия. Белое дело».

Альманах «Мемориал. Донские казаки в борьбе с большевиками» (в 2009–2011 гг. вышло 6 номеров) был создан сообществом, которое возникло вокруг инициативы по созданию музея и мемориального комплекса (г. Подольск и станица Еланская) и, соответственно, сайтом elan-kazak.ru³¹. Еще одно яркое явление – выход в 2010 г. первого номера «Сибирского исторического альманаха» (Красноярск), который заявлен как орган форума «Гражданская война в Сибири». Мемориальное братство во имя архистратига Михаила выпускает альманах «Михайлов день» (на сегодняшний день вышло два номера), в котором тематика Гражданской войны и Русского зарубежья является приоритетной.

Бурно развивается региональная история Гражданской войны. Наиболее активны историки-краеведы в тех регионах, где Гражданская война оставила наиболее тяжелый след. Это, например, казачьи районы, Урал, Прикамье, Псковщина³².

История повседневности и человека в обстоятельствах места и времени также затронула историографию Гражданской войны. В данном ключе работают челябинский исследователь И.В. Нарский³³, О.М. Морозова³⁴ из Ростова-на-Дону. В Сибири плодотворно работают В.И. Шишкин, Н.С. Ларьков, В.М. Рынков, В.А. Шулдяков, В.А. Новиков, А.П. Шекшеев. В частности, в работах последнего затрагивается знаковый сюжет 90-х годов – роль А. Гайдара в подавлении енисейского повстанчества и ликвидации повстанческого отряда Соловьева. Сюжет, романтизированный в советском массовом сознании и демонизированный в постсоветский период³⁵, находит новую оценку на общем фоне междоусобия, норм и нравов повстанческой и антиповстанческой борьбы. Гражданская война в центральной России, где не было массового белого движения, получила освещение в обобщающем труде Т.В. Осиповой³⁶. Она, в частности, оспорила вывод западных исследователей об отсутствии «зеленого» движения в Центральной России³⁷. Среди региональных исследований следует выделить и работу В.В. Кондрашина, посвященную Поволжью³⁸.

Тамбовский регион известен, прежде всего, «антоновским» восстанием. В последнее десятилетие эта тема также получила продолжение. «Ударный» сюжет с использованием отравляющих веществ против восставших не раз привлекал внимание публицистов и исследователей³⁹. Однако настоящий резонанс вызвала работа тамбовского краеведа Б.В. Сенникова. Его версию относительно использования «газов» поддержал журнал «Посев»⁴⁰. Профессиональный историк доказал надуманность апокалиптических версий исполь-

зования отравляющих веществ. Что интересно, его статья в уважаемом издании была отредактирована таким образом, что вызвало самые резкие возражения автора⁴¹.

В Прикамье устойчивый интерес вызывает проблематика Ижевско-Воткинского восстания. Над его историей работают как профессиональные исследователи, так и краеведы – А. Гончаров, С. Жилин, А. Петров, С. Простнев, Н. Смоленцев-Соболь. Н. Смоленцев-Соболь недавно обобщил сделанное историками и краеведами⁴². Научные мероприятия и публикаторская деятельность в регионе также достаточно активная⁴³. Историей Гражданской войны активно занимаются и на Урале. Пермский материал наиболее системно представлен в работах М.Г. Ситникова, а среднеуральский – А.М. Кручинина. На Севере России лидером историков Гражданской войны по-прежнему является В.И. Голдин. Гражданская война на Черноморье стала в последние годы объектом исследования А.А. Черкасова. Сильный элемент самоорганизации черноморского крестьянства на фоне борьбы белых и красных, а также в условиях соседства с независимой Грузией делает эту тему многоплановой и особо интересной. Выделим также многолетние усилия Г.А. Беликова из Ставрополя, которые поддержал А.И. Солженицын⁴⁴.

В последние годы формируются локальные (губернские) базы данных на участников Гражданской войны⁴⁵. В Интернете заметна работа сайта, в котором размещаются как мемуарные, так и исследовательские работы, связанные с эпопеей Нестора Махно⁴⁶. Вышла и биография самого Махно, написанная В.Я. Головановым⁴⁷. Активный интерес к персоналиям выразился также в создании баз данных на офицерский корпус Русской императорской армии, офицеров-генштабистов, белых офицеров, корпус гражданских служащих, духовенства. Перспективным является изучение корпораций, сложившихся по разным обстоятельствам в годы Гражданской войны. А.В. Ганин в 2010 г. опубликовал фундаментальный труд об истории офицеров генерального штаба в Гражданскую войну⁴⁸. Данный сюжет, прежде всего количественное и качественное распределение офицеров по воюющим сторонам, вызывал дискуссии и освещался по-разному. Научная полемика обострилась с выходом ряда работ на ту же тему оппонировующих авторов⁴⁹. По офицерскому корпусу продуктивно работает украинский исследователь Я. Тинченко⁵⁰. Корпус публикаций М.А. Елизарова⁵¹ о моряках в годы революции и Гражданской войны показывает эволюцию этой знаковой многотысячной корпорации в годы междоусобицы, в том числе ее связи с идейным и народным анархизмом. Последний сюжет особо интересен, и привлекает внимание исследователей, например, омского историка А.А. Штырбула.

Одной из актуальных тем в изучении Гражданской войны является тема террора, как красного, так и белого. В постперестроечный период высказывалось соображение о принципиальном различии террора – красный оценивался как институциональный, а белый – как инцидентный. Пишущие по этой теме авторы нередко занимают выражено «красную» или «белую» позицию (П. Голуб⁵² или Ю. Фельштинский⁵³) или же стремятся разобраться в явле-

нии, занимая подчеркнуто объективистскую позицию (А. Литвин⁵⁴)⁵⁵. Отметим работы архангельского историка Ю.Н. Дойкова⁵⁶, который прокламирует задачу «всех назвать». И это поименное перечисление погибших на севере от красного террора само по себе формирует отчетливое представление, а значит, и мнение о событии. Интересен опыт дотошного исследования судебной и правоприменительной практики Войска Донского в 1918–1919 гг. по отношению к красным подпольщикам, предпринятый Ю.В. Селезевым⁵⁷.

В Москве и в регионах увидели свет результаты исследований и документальные публикации, созданные при активном участии или под эгидой силовых и специальных служб⁵⁸. Эта литература содержит интересную полемику с авторами антикоммунистической направленности по поводу практики подавления крестьянских восстаний, числа жертв, степени необходимости силовых действий, мотивов действий вовлеченных в восстания⁵⁹.

Зарубежные исследователи также обращаются тематике русской гражданской войны. Из монографических исследований последнего времени назовем труды В. Новака (Польша), Э. Ландиса (Великобритания), Э. Кронера (Голландия)⁶⁰. В. Новак подробно разбирает борьбу польской и красной кавалерии на западном фронте в 1920 г., его труд целиком относится к области военной истории. Э. Ландис предпринял попытку целостного рассмотрения такого непростого феномена, как «Антоновщина»; он основательно проработал тамбовские архивохранилища. Наконец, Э. Кронер выступил в биографическом жанре, обратившись к одной из центральных фигур Гражданской войны – П.Н. Врангелю.

В свое время исследователи обращали внимание на своеобразную популярность, например, Степана, «Стеньки», Разина. Популярен, но как герой-висельник, помнится как своего рода социальный барометр: Стенька вернется, когда на Руси грехи умножатся. Очень показательно, что подобное понимание можно диагностировать и среди сегодняшней массовой аудитории, по крайней мере, на уровне пилотажных исследований. Белые проиграли, потому что были «слишком нежными»; «красный» ассоциативный ряд brutalен и малосимпатичен, «белый» привлекателен по человеческим качествам, но этим-то и объясняется проигрыш. В общем, мы не из господ, потому и красные – это наши, сами из них⁶¹. А – «господа в Париже» или, в мрачном сибирском варианте – «в Байкале», как любила щегольски выражаться коммунистическая молодежь в пореволюционные годы.

Последнее десятилетие принесло определенные новации, как тематические, так и методологические. В частности, О.М. Морозова предложила рассматривать феномен Гражданской войны в поликультурном социуме⁶². При этом остаются актуальными не раз, начиная с Б. Николаевского, высказывавшиеся мнения о «безнадежной» сложности темы революции и Гражданской войны⁶³. Это видится залогом новых витков интереса к теме и появления новых содержательных работ. Тем более что источниковая база – массивы нетронутых исследователями документов – вполне позволяет многим историкам плодотворно работать по обширной, трагической и поучительной теме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Соловей В.* Россия накануне Смуты // Свободная мысль – XXI. 2004. № 12.

² *Рышков В.М.* Мутное зеркало истории: современные историографические исследования Гражданской войны на востоке России // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. материалов регион. молодежной конференции. – Новосибирск, 2007. С. 13–22.

³ Назовем, к примеру, несколько киноработ, которые можно считать серьезными вехами в прочтении темы. «Гори, гори, моя звезда» (А. Митта, 1969, сценарий Митты, Ю. Дунского, В. Фрида), «В огне брода нет» (Г. Панфилов, 1967, сценарий Панфилова, Е. Габриловича), «Служили два товарища» (Е. Карелов, 1968, сценаристы Ю. Дунский и В. Фрид). Оставляю за бортом экранизации «Тихого Дона», «Бега» и др. «Раба любви», «Комиссар» и иные кинематографически сильные работы – все же не о гражданской войне, а в антураже гражданской войны. А вот что касается «белого» пафоса в современном кинематографе, то он гораздо менее убедителен – например, фильм «Русские братья» (1991), равно как и нашумевший «Адмирал» (2009).

⁴ Скажем, при всей «протестности» и высокой общественной чувствительности, у В.С. Высоцкого подобных мотивов не слышится. А перестроечная эстрада выходит на тематику «войны с самими собой»: «Предчувствие гражданской войны» (группа ДДТ), «Мой брат Каин» (Наутилус Помпилиус), «Я хотел бы вернуться с войны» (И. Тальков), «Поезд в огне» (Аквариум).

⁵ *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1–3. – М., 1991.

⁶ См., например: *Лурье С.В.* Метаморфозы традиционного сознания. – СПб., 1994.

⁷ *Тараторин Д.* Русский бунт навеки. 500 лет Гражданской войны. – М., 2008.

⁸ *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. – М., 2000.

⁹ *Пушкарёв Б.С.* Две России XX века: обзор истории 1917–1993 гг. – М.: Посев, 2008.

¹⁰ История России. XX век: 1894–1939 / под ред. А.Б. Зубова. – М., 2009; История России. XX век: 1939–2007. – М., 2009.

¹¹ Война и революция. – М., 2004; Интервенция и Гражданская война. – М., 2004; Революция по-русски. – М., 2006; Красное и белое. – М.: Алгоритм, 2006.

¹² *Карпенко С.В.* Очерки истории белого движения на Юге России (1917–1920 гг.). – М., 2002.

¹³ *Гольц Г.А.* Культура и экономика России за три века, XVIII–XX вв. Том 1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск, 2002.

¹⁴ Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб., 1999. Т. 1, 2. 2-е исправл. изд. – СПб., 2000. Т. 1, 2. 3-е исправл. изд. – СПб., 2003. Т. 1, 2; Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. – М., 2010.

¹⁵ Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005; Концепция демографических циклов. – Екатеринбург, 2007; Аграрные и демографические итоги русской революции. – Екатеринбург, 2009.

¹⁶ *Домников С.Д.* Мать-земля и царь-город. Россия как традиционное общество. – М., 2002.

¹⁷ *Большакова А.* Деревня как архетип: от Пушкина до Солженицына // Литературная учеба. 2001. №№ 3,6; 2002. № 4; Вышгород. 2001. № 3.

¹⁸ *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. – М., 2006

¹⁹ См.: *Минаков С.Т.* 1937. Заговор был! М., 2010.

²⁰ См., например: *Томенцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. – Волгоград, 1999; *Ульяновский В.* Смутное время. – М., 2006.

²¹ Например, международный исследовательский проект «Россия в Великой войне»: <http://web.ku.edu/~russiasgreatwar/cgi-bin/index.php>; интересное начинание с электронным продолжающимся изданием в Самаре: Россия от Первой мировой войны до образования СССР и др.

²² *Кара-Мурза С.* Гражданская война 1918–1921. Урок для XXI века. – М., 2003.

²³ *Ключник Р.* Лекции в народном университете. Т. 6. Террор после 1917. Супертеррор. Сопротивление. – СПб., 2009.

²⁴ Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сб. документов и материалов. М. – СПб., 2004; «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007; Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникине. – М., 2008; Большая энциклопедия. Революция и Гражданская война в России. 1917–1923 гг. В 4-х томах. – М., 2008 и др.

²⁵ За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921. Сб. документов. – Новосибирск, 2000; Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы. В двух томах. – М., 2000. Т. 1, Сибирская Вандея. 1920–1921. Документы. В двух томах. – М., 2001. Т. 2; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. – М., 2003; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 2005; Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 2007; Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.). Сб. док-тов и мат-лов. – Новосибирск, 2010.

²⁶ Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг.: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. – М.: Посев, 2008; *Его же*. Белое дело в России. 1919 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). – М., 2009

²⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 2010.

²⁸ Гражданская война в России (события, мнения, оценки). Памяти профессора Ю.И. Кораблева. – М., 2002; Крым. Врангель. 1920 год. – М., 2006; Падение монархии, революция и гражданская война в России. – М., 2010; продолжается проект, руководимый В. Голдиным, на базе Поморского государственного университета, и др.

²⁹ Ретроспектива. Пермский историко-архивный журнал. Гражданская война на Урале. 2008. № 5(10).

³⁰ См., например: Доклады Академии военных наук. № 5(29). Гражданская война в России (1917–1922): взгляды и оценки через 90 лет. Саратов, 2008.

³¹ Отметим, что данный сайт содержит завидную библиотеку по теме, которая включает редкие издания, в том числе богатое собрание периодических изданий Русского Зарубежья.

³² См. содержательный сайт: <http://krai-pskovsky.ru/rubrik/istoriya-pskovskogo-kraya/>. Основные научные силы последние годы аккумулируют Калкинские чтения, по итогам которых выходят сборники статей и материалов.

³³ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М., 2001.

³⁴ Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2010.

³⁵ См. документальную повесть В.А. Солоухина «Соленое озеро».

³⁶ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. – М., 2001. Более ранняя монография: Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1974.

³⁷ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции... С. 315–316.

³⁸ Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922. Дисс. ... докт. ист. наук. Самара, 2001; *Его же*. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. – М., 2009.

³⁹ Аптекер П. «Химчистка» по-тамбовски // Родина. 1994. № 5; Соколов Б.В. Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала». – Смоленск, 1999 и др.

⁴⁰ См.: Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. / Р.Г. Гагкуев, Б.С. Пушкарев. Серия «Библиотечка россияневедения». Выпуск 9. – М.: Посев, 2004; А. Елецких. «Урожай» земляничной поляны // Посев. 2003. № 11.

⁴¹ Бобков А.С. Тамбовское восстание: вымыслы и факты об использовании душающих газов // Военно-исторический журнал. 2011. № 1. Авторский текст, жесткие авторские комментарии и обширные отклик на материал: <http://www.tukhachevsky.ru/blog/2011-02-05-23-0-4>.

⁴² Смоленцев-Соболь Н.Н. Обзор литературы по Ижевскому восстанию, выпущенной в последнее время // Верность. Электронное издание, орган Общества ревнителей памяти блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). 2010. № 138 (февраль).

⁴³ См.: Гражданская война на Востоке России. Материалы Всероссийской научной конференции. – Пермь, 2008; Гражданская война в Прикамье. Май 1918 – январь 1920 гг. Сб. док-тов. – Пермь, 2008.

⁴⁴ *Беликов Г.А.* Безумие во имя утопии, или ставропольская голгофа. Оккупация. Изд. 2-е, испр. и доп. – Ставрополь, 2009.

⁴⁵ См., например: *Волков В.* Костромские белогвардейцы. – Кострома, 2009

⁴⁶ <http://www.makhno.ru/>. Представляются малоубедительными попытки некоторых авторов увидеть некоторую преемственность махновцев от запорожских казаков, хотя в качестве гипотезы и направления поиска подобные соображения имеют право на апробацию.

⁴⁷ *Голованов В.Я.* Нестор Махно. – М., 2008.

⁴⁸ *Ганин А.В.* Корпус офицеров генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. – М., 2009.

⁴⁹ *Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии. – М., 2010; *Его же.* Троцкий и заговор в красной ставке. – М., 2010; *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба в Красной армии. – М., 2011.

⁵⁰ Наиболее известная работа на русском языке: *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. – М., 2000.

⁵¹ *Елизаров М.А.* Матросские массы в 1917–1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. – СПб., 2004.

⁵² *П.А. Голуб.* Белый террор в России (1918–1920 гг.). – М., 2006.

⁵³ Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков // Под ред. Ю. Фельштинского и Г. Чернянского. – М., 2004.

⁵⁴ *Литвин А.* Красный и белый террор 1918–1922. – М., 2004.

⁵⁵ См. также: *Балмасов С.С.* Красный террор на Востоке России, М., 2006; *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб., 2006, документальная публикация: Красный террор в Петрограде. – М., 2011, и др.

⁵⁶ Наиболее объемная работа: *Дойков Ю.* Красный террор. Россия. Украина. 1917–1924. – Архангельск, 2008.

⁵⁷ *Селезнев Ю.В.* Кракелюр парсун (компаратив). К истории Всевеликого Войска Донского. – Ростов-на-Дону, 2007.

⁵⁸ В обширной литературе выделим книги, в которых содержится оригинальный и новый материал по истории Гражданской войны: Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. Ярославль, 2001; От ВЧК до ФСБ. История и современность. Управление ФСБ РФ по Республике Мордовия. Саранск, 2003.

⁵⁹ Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. – Ярославль. С. 178–179, 189.

⁶⁰ *Кронер Э.* Белая армия, черный барон. Жизнь Петра Врангеля. – М., 2011.

⁶¹ См.: *Ожегова О.А.* Оппозиция «белые – красные» в исторической памяти и повседневной мифологии // Падение монархии, революция и гражданская война в России. – М., 2010. С. 541–547.

⁶² *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 157.

⁶³ См., например: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. С. 11; *Иоффе Г.З.* Рец. на кн.: *Pereira N.Y.O.* White Siberia... // Отечественная история. 1997. № 3. С. 208–209.

Алексей ТЕПЛЯКОВ

Эпоха репрессий: субъекты и объекты

Роль и значение органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ в советской и мировой истории столь очевидны, что научный и общественный интерес к их деятельности не только сохраняется в полной мере, но и усиливается, о чем свидетельствует нарастающий поток монографий, статей, документальных публикаций. При всей непоследовательности архивной революции 1990-х гг. историография «органов» и террора последнего десятилетия опирается как на внушительную источниковую базу, так и на историографическую традицию. Отечественные и зарубежные историки в последние два десятилетия на принципиально новом источниковом уровне активно изучают прежде всего репрессивные аспекты функционирования советской политической полиции, активно участвовавшей в создании нового общества и нового человека. Правда, в последние годы видно не только значительное повышение качества многих исследований, но и определенные проблемы, связанные прежде всего с малодоступностью основных источников, которые явно останутся актуальными и в обозримом будущем.

Общество получает противоречивые сигналы от власти, которая не может четко определиться с последовательной оценкой большевистского террора и собственно советского наследия. С одной стороны, в последние годы важными для историков и общественности в целом были заявления В.В. Путина и Д.А. Медведева с категорическим осуждением репрессий, визиты первых лиц к местам массовых захоронений, широкое обнародование известных историкам документов о Катынском расстреле, юридическая реабилитация семьи Романовых. С другой стороны, власть считает себя преемницей и всего положительного, что было создано в советскую эпоху, в связи с чем уверена, что необходимо сбалансировано подходить к ленинско-сталинской эпохе и не рассматривать ее наследие как нечто глубоко антинародное. Как заметил А.Б. Рогинский, нынешняя концепция «великой России» проистекает из двух дефицитов: исторической идентичности у населения и исторической легитимности у элиты¹.

Российское общество все еще очень далеко от консенсуса по узловым предметам своей новейшей истории и продолжает эмоциональные дискуссии о целях, средствах, достижениях и провалах советской политики. Прозвучавшие два десятилетия назад заявления российского правительства о том, что Россия является правопреемником СССР на деле означало принятие ответственности за перипетии отечественной истории советского периода, в том числе связанные с ущемлением прав граждан других государств. Отсюда неприятие понятия «оккупация» применительно к «мирному присоединению» Прибалтики, страх признать политической репрессией расстрел польских военнослужащих

в 1940 г. и пр. Зафиксированная в первые постсоветские годы преемственность российской власти с имперским и советским периодами диктует отношение к прошлому как полному свершений и побед, а также борьбы как с внешними, так и внутренними врагами.

На формирование позитивных образов и оценок советской эпохи существует очевидный общественно-политический заказ, что стимулирует – в отсутствие доступа ко многим основополагающим архивным документам – появление ангажированных и просто непрофессиональных сочинений, далеких от науки. В современной исторической публицистике фактически доминируют теории антисоветских «заговоров» генералов, чекистов, троцкистов, сионистов и прочие «достижения» конспирологического подхода к прошлому, склоняющиеся к оправданию репрессий и возвеличиванию Сталина. Поток такого рода литературы в последнее десятилетие стремительно множится. Серьезные труды на этом фоне замечаются только специалистами и не находят интереса у широкой общественности.

Публикаторский бум: перлы и плевелы

Тем не менее, нельзя говорить о застое в изучении репрессивных органов: с каждым годом растет число исследований, опирающихся на все более широкие источники, что постепенно приближает нас к пониманию феномена деятельности советской политической полиции. И здесь исключительную роль играет масштабное введение в оборот чекистских документов. В 1990-е годы увидели свет множество документов из архивов силовых структур. Они открыли различные аспекты темы политических репрессий, дали возможность приступить к изучению структур и персоналий органов госбезопасности². В 2000-е годы источники по репрессивной политике и роли в ней карательных органов пополнились как за счет целого ряда «крупноформатных» серий, так и большого числа отдельных сборников³. Особую роль сыграл шеститомник «Трагедия советской деревни», а также близкий к завершению четырехтомный (в пяти книгах) проект «Советская деревня глазами ВЧК-НКВД». До начала 30-х годов доведена публикация информационных сводок ВЧК-ОГПУ в многотомном проекте «Совершенно секретно». Лубянка Сталину о положении в стране»⁴.

Если издания 1990-х годов далеко не всегда отличались качественным справочным аппаратом, то центральные, и региональные сборники последнего десятилетия гораздо чаще соответствуют требованиям исторического сообщества⁵. Продолжают выходить Книги памяти в странах СНГ (их число составляет уже 300 томов)⁶. В Чите и Новосибирске вышли отдельные тома Книг памяти, посвященные жертвам «раскулачивания»⁷. Среди вводимых в оборот новых источников есть не только материалы следственных дел и раз-

личные спецсообщения ВЧК-НКВД-КГБ, но также делопроизводство, материалы агентурных разработок, сведения о чекистских кадрах. Колоссальные залежи массовых источников (архивно-следственные дела реабилитированных и нереабилитированных лиц, тюремные дела, учетные документы заключенных лагерей и ссыльных, а также перемещенных лиц, фильтрационные дела, розыскные картотеки и т. д.) представляют крайне важный интерес для исследователей.

Интенсивно документализируется история партий, общественных и религиозных организаций (в том числе эмигрантских) с учетом их преследования, разложения и уничтожения спецорганами. Публикуются материалы процессов против эсеров, меньшевиков, шахтинцев⁸. Продолжается изучение репрессий военных и ученых. Принципиальным шагом в изучении массовых репрессий стало изучение карательного механизма в рамках многотомного российско-украинско-германского проекта «Сталинизм в советской провинции. 1937–1938 гг.». Исследования и многочисленные документы, опубликованные в серии сборников (2008–2010 гг.), описывают проведение «кулацкой операции» 1937–1938 гг. в Центральной России, Алтайском крае, Пермской области и в Украинской ССР. Расширив географию изучения террора, участники данного проекта выявили сходство методов его проведения и основных целевых групп, подвергшихся репрессиям: «кулаков», «бывших», старой интеллигенции, лиц, связанных с политическими партиями и заграницей, маргиналов. При этом значительное внимание уделено деятельности аппарата политической полиции и судьбам его активистов и исполнителей. Благодаря массовому рассекречиванию документов Службой безопасности Украины участники проекта получили в свое распоряжение и обнародовали ценнейшие материалы делопроизводства 1936–1939 гг. из фондов такой крупной репрессивной структуры, как НКВД УССР⁹. Стал очевидным исследовательский потенциал архивно-следственных дел, изученных поверхностно. В частности, до сих пор мало затронут такой исключительно ценный источник, как следственные дела на чекистов и милиционеров, особенно нереабилитированных. К сожалению, эти дела малодоступны, однако, работы, в которых они использованы, выгодно отличаются полнотой и доказательностью¹⁰.

Документы, рассекреченные в бывших советских республиках, в известной мере компенсируют медленное введение в доступ документов спецслужб в России. В вышедших, к примеру, на Украине сборниках раскрывается содержание разных сюжетов: голодомор, репрессивная статистика, преследование национально ориентированных украинцев и других этнических групп, чекистские сообщения, агентурные дела на видных деятелей культуры¹¹. В ряде стран СНГ проблемы террора изучаются довольно поверхностно, но поток документальных публикаций в последнее десятилетие и там заметно растет¹².

Значительную роль в изучении структур и кадров карательных органов играют многочисленные справочные пособия. После выхода справочников о руководящих кадрах ОГПУ-НКВД 30-х годов и лагерной системе¹³ историки

в последнее десятилетие получили ряд добротных работ о чекистских персоналиях как 1920-х, так и 1940–1950-х гг., в том числе, работавших в Восточной Германии. Новейший справочник К.В. Скоркина¹⁴ дает сведения не только о руководящих работников чекистских, но и милицейских органов, а также начальствующего состава отделов управления – местных органов НКВД РСФСР в первые годы советского режима.

Существенно расширяет исследовательские возможности Интернет. В его сетях выкладываются ценные документы, которые нигде до того не публиковалась. Среди наиболее информативных интернет-журналов следует отметить блоги: [алин777](#), [therese-phil.livejournal.com](#), [corporatellie](#), Д.В. Соколова ([d_v_sokolov](#)), [afanarizm.livejournal.com](#), [elena-sem.livejournal.com](#), [oboguev.livejournal.com](#) и др., активно публикующие замечания, исследования и документы, противостоящие потоку так называемой сталинистской литературы, вроде появившихся в последнее время фальшивых дневников Берии и исполнителей приговоров (лишнее подтверждение большой популярности подобных тем у читателя).

Заметным событием стало появление в открытом доступе очень важного архива крупного чекиста 1920–1930-х гг. С.А. Болотова. Особенный интерес в нем вызывает письмо Болотова полпреду ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е.Г. Евдокимову о Михаиле Шолохове (1927 г.), где, в частности, недвусмысленно говорится, что Шолохов работал в одном из отделений Экономического управления ОГПУ: «В 1923 году работал в 4 отделении ЭКУ ОГПУ...» Таким образом, мнение литературоведа З. Бар-Селлы о прямом сотрудничестве юного Шолохова с «органами»¹⁵ получает весомое подтверждение.

Говоря об источниках по наиболее острым темам советской эпохи, следует также иметь в виду, что в последнее десятилетие в оборот было вброшено несколько так называемых сенсационных «документов» якобы из архивов ЦК и госбезопасности. Это так называемые письма Ленина, соглашение о совместной работе НКВД и гестапо, инструкция по кадровой работе НКВД и т. п., которые были очень кустарно сфабрикованы «патриотической» печатью. Пресловутые «Генеральное соглашение между НКВД и гестапо» и инструкция «Об основных критериях при отборе кадров для прохождения службы в органах НКВД» появились в сборнике статей «Расовый смысл русской идеи» (М., 2000. Вып. 1. 496 с.). Однако распространенность их вышла за пределы маргинальных националистических кругов. Вскоре эти документы были разрекламированы автором генштабовской «Военной мысли» Ю. Бобылевым, путившегося на страницах известной газеты «Независимое военное обозрение» (2001, № 46, с. 7) в рассуждения о том, что «исторически возможны и оправданы расовые войны» и что «расовая теория вносит существенные поправки в идеологию российской государственности, особенно в свете существенных расовых отличий русских как преимущественно нордического народа арийского происхождения от украинцев, имеющих ярко выраженную восточную тюркскую окраску». За Бобылевым поспешил автор популярной

книги о Сталине «Генералиссимус» (2003 г.) В.В. Карпов¹⁶, процитировавший не только эти документы, но и сочиненную им самим справку Берии для Сталина о количестве репрессированных в 1919–1940 гг., среди которых якобы преобладали евреи. Приходится констатировать, что все эти фальшивки широко «пошли в народ», проникли и в научную среду.

Один из остепененных авторов совсем недавно, с полным доверием к постулатам относительно недопустимости принятия в НКВД лиц с примесью еврейской крови, а также рыжих, косых, рябых, длиннозубых и хромых, заявил, что ныне «при принятии кандидата на государственную гражданскую службу необходимо... по возможности применять некоторые положения инструкции № 00134/13 от 21 декабря 1938 г. «Об основных критериях при отборе кадров для прохождения службы в органах НКВД», поскольку данная «инструкция позволяет избежать поступление на государственную службу психически неустойчивых и сомнительных кандидатур...»¹⁷. Полгода спустя журнал, опубликовавший этот бред, пополнил почтенный ВАКовский список. Украинские медики, напротив, отметили «псевдонаучные и дискриминационные» подходы инструкции, не сомневаясь при этом в ее существовании и практическом применении¹⁸.

Публицистом-«патриотом» Г. Назаровым были сфабрикованы косноязычные письма Ленина о его «заключении» во время болезни, с приказами о расстреле миллиона пленных казаков, о массовых расстрелах духовенства, которые, благодаря неразборчивости иных доверчивых исследователей, получили распространение не только в Интернете¹⁹. На Кавказе появился фальшивый документ о сожжении при выселении заживо до 700 чеченцев в ауле Хайбах в Галанчжойском районе Чечни, восходящий к действительной трагедии много меньшего масштаба. Публиковавшееся без ссылки на источник письмо М.М. Гвишиани Берии: «Только для ваших глаз! Ввиду нетранспортабельности и в целях неукоснительного выполнения в срок операции “Горы” вынужден был ликвидировать более 700 жителей в местечке Хайбах. Полковник Гвишиани»²⁰ является абсолютно несерьезным, однако авторитетные исследователи до последнего времени упоминали его как более²¹ или менее²² заслуживающее доверие. В новейшем капитальном документальном сборнике «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). – М., 2011», составленном Ф. Бенвенути, В.А. Козловым, П.М. Поляном, В.И. Шереметом, оно уже не фигурирует.

Напоследок отметим фальсификацию в известной работе Ю.Н. Жукова «Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг.. М., 2003», где автор, профессиональный историк, придумал записку секретаря Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе Сталину, в которой сибирский партийный начальник летом 1937 г. якобы потребовал организовать в крае внесудебную тройку для массового расстрела «контрреволюционных элементов». Несмотря на давнее разоблачение аферы Жукова²³, указавшего ложный архивный шифр для своей «сенсационной» находки, профессор уверенно продолжает

опираться на несуществующий документ и утверждать, что репрессии возникли как ответ сильной партийной номенклатуры на инициативу слабого Сталина ввести в 1937 г. свободные выборы и таким образом лишить ее власти.

Новые аспекты изучения советских репрессий

Анализ огромнейшей литературы по террору и силовым структурам в последние годы стал крайне необходим²⁴, хотя порой и встречаются беспомощные, скорее, библиографические работы²⁵. С.А. Кропачев справедливо отмечает, что период 2000-х гг. стал временем глубоких исследований отечественных историков о государственном терроре 1930-х гг., прояснивших очень многое в изучении его причин, масштабов, механизмов, видов репрессий и категорий репрессированных. Определены масштабы «большого террора», названа поименно значительная часть его жертв. Однако работа по изучению всех проявлений политических репрессий далека от завершения²⁶, особенно по периодам 20-х и 40–50-х годов. Это обстоятельство препятствует увековечению памяти жертв режима.

Современные исследователи в целом едины относительно порядка цифр репрессированных²⁷, пересмотрены данные О. Шатуновской о виденной ей статистике КГБ, где упоминалось о 7 млн. расстрелянных и 19 млн. отправленных в ГУЛАГ перед войной. Правда, в монографии И.В. Павловой о сталинском социализме, отличающейся проработанными идеями о конспиративной сути большевистской власти и политике Сталина, основанной на идее подготовки к мировой войне с империализмом (у этой теории все больше сторонников), «всплывают» 500 тыс. номенклатурных работников, якобы уничтоженных в 1937–1938 гг. Очевидна и ошибка известного историка террора С.А. Папкова, который, некритически подойдя к информации, зафиксированной в допросах одного из чекистов, недавно предположил, что в Красноярском крае тройка НКВД действовала и в 1939 г., осуществляя массовые расстрелы²⁸, что не подтверждается никакими источниками.

По мнению председателя правления Международного общества «Мемориал» А.Б. Рогинского, с 1921 г. в СССР на преследуемых по политическим мотивам было заведено 5 млн. уголовных дел. Если учесть, что примерно 10 % из них были осуждены несколько раз, число жертв политического террора составит 4,5 млн. чел. К ним следует прибавить примерно 7 млн. депортированных. Таким образом, количество пострадавших от массовых политических репрессий в СССР составляло около 11,5–12,5 млн. чел. (без учета значительной части жертв Гражданской войны). Также в это число не входят «раскулаченные» и жертвы голодоморов 1921–1922, 1932–1933, 1946–1947 гг.²⁹. От этого нельзя абстрагироваться, поскольку голодная смертность была вызвана в первую очередь политическими решениями и хозяйственны-

ми просчетами: голодовки начала 1920-х гг. унесли не менее 5 млн. жизней, в 1932–1933 гг. – до 6–7 млн. жертв, в 1946–1947 гг. – 1,5–2 млн.³⁰

Историки террора интенсивно изучают различные его аспекты, «доходят» до целевых групп репрессий, как социальных, так и национальных³¹. Правда, даже сейчас иные исследователи не всегда в состоянии объективно оценить суть репрессивной политики 30-х годов и предлагают давно устаревшие суждения, склоняющиеся к выпячиванию сталинско-ежовской атаки против номенклатуры. Так, новейшее монографическое исследование А.А. Макарова о репрессиях 1934–1938 гг. сосредоточено отнюдь не на главной террористической акции «Большого террора» – так называемой «кулацкой операции», и ошибочно относит Красноярский край к регионам со средней интенсивностью репрессий, где планы Москвы предусматривали репрессировать в 1937 г. «только» 0,2 % населения³². Между тем последние исследования по «Большому террору», где анализируются не только первоначальные планы, но и итоги террора, говорят о том, что только в рамках «кулацкой операции» репрессиям подверглось 0,93 % жителей Красноярского края, что вдвое больше, чем в среднем по стране³³.

Участники проекта «Трагедия советской деревни» уточнили количество жертв «Большого террора»: к расстрелу в 1937–1938 гг. было приговорено заметно большее число арестованных – не 682 тыс. человек, как ранее считалось, а примерно 725–740 тыс.³⁴. Часть особенно впечатляющих эксцессов карательной политики стала предметом отдельных исследований, например, история массовой гибели ссыльных в 1933 г. в Нарымском крае, на о. Назино³⁵. Эти издания дают впечатляющую картину того, как в число «вычищаемых» в ходе паспортизации людей были включены, наряду с меньшей частью криминального элемента, бродяги, и цыгане, оказавшиеся затем в сибирских болотах, без еды и жилья, обреченные на мучительную смерть рецидивисты. Новаторский характер носит недавняя коллективная монография о многочисленных маргинальных париях режима, в том числе ссыльных³⁶.

Значительно продвинулось в последние годы изучение репрессий в отношении национальных меньшинств. Наряду с репрессиями в отношении немцев (являющейся, пожалуй, наиболее развитой в научном отношении темой), изучаются прочие «наказанные народы», трагические судьбы которых ранее не были представлены крупноформатными работами³⁷. Заслугой П.М. Поляна является определение ключевых понятий и установление четкой хронологии депортаций и их масштабов. По данным историка, с 1919 по 1952 гг. было депортировано около 15 млн. человек, из них 6 млн. пришлось на внутренние и 9 млн. – на международные депортации (из них 5,8 млн. на депортации в СССР и 3,2 млн. – депортацию советских граждан за пределы СССР). Ежегодно в среднем «инонационалы» (заодно с «раскулаченными» и «вычищенными из городов») подвергались нескольким репрессивным акциям³⁸. Некоторые оценки данного вида репрессий носят политизированный характер: так, американский исследователь Норман Неймарк широко пользуется вполне корректным понятием «этнические чистки», отделяя их от «геноцида».

Однако депортации чеченцев, ингушей и крымских татар в СССР он странным образом рассматривает в одном ряду с холокостом и истреблением армян и греков в Турции³⁹.

Серьезно расширяет изучение государственной депортационной политики введение обширного регионального материала. Историк А.А. Шадт обоснованно рассматривает этнические депортации и ссылку «как часть глобального процесса советской национальной политики, получившей свое выражение в конструировании советской «этничности» через принудительную ассимиляцию, способствующую... созданию «советского народа», обладающего всеми характеристиками «полноценного» этноса»⁴⁰. Одной из малоизученных трагедий остаются предпринятые в начале 1940-х гг. насильственные мобилизации на военные предприятия и стройки Урала и других промышленных центров огромного числа жителей Средней Азии (только из Узбекской ССР в 1941–1943 гг. было изъято более 155 тыс. трудмобилизованных, включая заключенных)⁴¹. Неквалифицированные рабочие, плохо знавшие русский язык, оказались не нужными, были лишены самого элементарного для поддержания жизни. Они в массовом порядке бежали и полуживыми возвращались домой, либо погибали в местах расселения или в пути⁴².

Значительное внимание исследователей привлекает начальный период советской государственности и первые шаги «управления террором». В силу отсталости Россия ее население на добрые 90 % состояло из носителей социокультурной архаики. В связи с этим обстоятельством В.П. Булдаков исследовал феномен революции в парадигме «красной смуты», выдвигая концепцию буйства черни, затопляющей левым экстремизмом все и вся⁴³. Автор концентрируется на психопатологии российской смуты XX в., выделяя иррациональные причины варварски жестокого поведения людей, в связи с чем, по авторскому определению, «в данной работе на передний план выступают эмоции, иллюзии, поверья, страсти». Следует отметить историографический раздел второго издания книги Булдакова, фактически монографический, очень интересный, несмотря на очевидную разность в отношении многих оппонентов. Значительную роль в историографии красного террора занимают работы А.И. Литвина, А.М. Плеханова, И.С. Ратьковского⁴⁴ и других историков. К сожалению, в книге Литвина содержатся преувеличенные сведения о белом терроре, в связи с чем его концепция равенства красного и белого террора в Гражданской войне не выдерживает критики. Работа Ратьковского о красном терроре в 1918 г. показывает пределы использования преимущественно газетного материала, нуждаясь в сопоставлении с широким кругом архивных источников. Внушительная монография А.М. Плеханова о ВЧК-ОГПУ 1920-х гг. основана на документах ФСБ и вводит массу ценных фактов карательной работы «органов» в центре и на местах, но архаичные взгляды автора входят в прямое противоречие с приводимым материалом, изложенным к тому же с огромным количеством фактических ошибок и опечаток.

Роль ВЧК в системе государственного внеэкономического принуждения подробно, с привлечением ценных документов госбезопасности, рассматри-

вает Л.В. Борисова⁴⁵. Л.А. Боева раскрывает участие органов ВЧК-ОГПУ в процессе строительства диктаторского партийно-государственного режима, что привело к расширению чрезвычайных прав карательной машины⁴⁶.

Пока исследователи только примериваются к такой специфической черте насилия первых советских лет, как, например, масштабный краснопартизанский террор. В последней монографии К.В. Скоркина сведения о терроре ВЧК справедливо дополнены информацией о партизанских чистках ряда городов Крыма осенью 1920 г., унесших не менее 3 тыс. жертв⁴⁷. Важным подспорьем для исследователей стал подготовленный работниками Гоголевской библиотеки Новокузнецка аннотированный библиографический указатель литературы о разгроме уездного Кузнецка партизанами Г.Ф. Рогова в декабре 1919 г., хотя и далекий от полноты, но насыщенный цитатами из труднодоступных публикаций⁴⁸. Однако среди, например, дальневосточных исследователей, изучающих деятельность партизанского командира Я.И. Тряпицына, сжегшего дотла весной 1920 г. Николаевск-на-Амуре и вырезавший тысячи его жителей, поныне распространены апологетические оценки тряпицынщины⁴⁹, а наиболее серьезная работа по данной теме носит противоречивый и к тому же краеведческий характер⁵⁰.

История ГУЛАГа остается одним из самых плодотворных исследовательских направлений. Изучается ГУЛАГ в целом, и как «концентрационный мир» отдельных лагерей⁵¹. Особенно важной стала публикация семитомника «История сталинского Гулага», который представляет внушительный массив первостепенных документов, преимущественно из фондов ГА РФ, и задает векторы изучения наиболее значимых элементов этого государства в государстве. Плодотворно идет активное изучение лагерей для военнопленных Второй мировой войны. Исследователям еще предстоит показать мир конкретных концлагерей, изучение становления которых серьезно осложняется уничтожением многих документов 1930-х годов во время московской паники октября 1941 г. и малодоступностью, а также не всегда удовлетворительной сохранностью архивов МВД. На фоне крупных исследований лагерной системы заметно отставание в изучении системы тюрем и особенно исправительно-трудовых колоний; между тем, пристальное внимание к системе ИТК оправдано уже тем, что смертность в них, например, в годы войны была выше, чем в лагерях ГУЛАГа⁵².

Одной из приоритетных тем является изучение репрессий в отношении крестьянства. Наиболее авторитетные на сегодняшний день специалисты в этом вопросе Л. Виола и С.А. Красильников выпустили фундаментальные работы о жизни крестьянской ссылки, основах жизнедеятельности в условиях несвободы и поведенческих механизмах, с помощью которых ссылки пытались адаптироваться к режиму спецкомендатур⁵³. В монографии С.А. Красильникова «Серп и молот» показано, как осуществлялись массовые и локальные депортации, изучены формы крестьянского сопротивления, масштабы и структура эксплуатации труда депортированных сталинской системой, организация и функционирование системы спецпоселений. Л. Виола

вслед за А. Грациози рассматривает коллективизацию как гражданскую войну между городом и деревней, в которой власть стремилась установить свое разрушительное господство над деревней. Продвигают изучение данной темы и работы, выполненные на примере небольших регионов⁵⁴.

Активно идет изучение советских политических судебных процессов, практика которых оказала глубокое воздействие на ход коммунистических репрессий, в том числе в странах-сателлитах.⁵⁵ Особое внимание привлекают знаковые дела: процесс эсеров 1922 г.⁵⁶, Шахтинское дело, обеспеченные в последние годы публикацией крупных массивов источников из фондов ФСБ. Исследователи вписывают конкретные громкие дела в политический контекст, выявляя их заказной характер и реконструируя цели и последствия конкретных судебных преследований. В этом отношении показательна книга С.С. Войтикова⁵⁷ о причинах ареста в 1919 г. высшего командования РККА во главе с главкомом И.И. Вацетисом.

Актуальная проблема противостояния человека и власти в 20–30-е годы XX века изучается историком В.Ф. Зимой на примере многочисленных архивных источников, включая дело крупного сталинского сатрапа Р.И. Эйхе⁵⁸. Плодотворность изучения конкретного следственного дела в контексте эпохи доказал и французский исследователь П. Шинский в монографии «Микроистория большого террора: фабрика виновности в сталинское время»⁵⁹. Вышли интересные работы по истории советской внешней разведки, которая до середины 1950-х гг. активно применяла террористические методы⁶⁰.

Вопросы, связанные с функционированием силовых структур, активно прорабатывают представители юридических наук. В монографии В. Кудрявцева и А. Трусова рассмотрены вопросы создания репрессивного аппарата в советской России после 1917 г.. Авторы выдвинули концепцию «политической юстиции», под которой подразумеваются структурные элементы юридической системы, специально созданные и используемые для подавления политических противников путем применения не столько правовых, сколько противоправных средств (ВЧК-ОГПУ-НКВД, чрезвычайные «тройки» и аналогичные внесудебные органы, ревтрибуналы). Авторы уверены, что в условиях возникновения и консолидации тоталитарного режима демократическая судебная процедура оказывалась не только мало эффективной, но и вовсе непригодной, поэтому для карательной практики использовались «иные репрессивные формы»: ревтрибуналы, «спецколлегии», «тройки», «особые совещания» и т. п.⁶¹

Если о количестве жертв 1930-х гг. в научном сообществе имеется определенное согласие, то дискуссии о причинах репрессий и вспышках их обострений продолжают вызывать дискуссии. В последние годы В.Э. Багдасарян выделил основные, по его представлению, модели историографического дискурса, среди которых – «самоистребление революционеров», «сталинский термидор», «патологическая личность» и др. Авторское заключение, что «несмотря на декларируемый историографический плюрализм, тематика «Большого террора» остается очерченной рамками идеологического табу», выгля-

дит очень спорным⁶². После рассекречивания советских архивов уже немного остается сторонников идеи о том, что 1937 г. был сосредоточен на истреблении элиты. Также меньшинство историков продолжает настаивать на том, что Большой террор был слепым и безадресным, воплощая конфликты либо между слабой сталинской властью и сопротивлявшимися ей региональными элитами, либо имея основой попустительство властей желанию широких масс посчитаться со всеми, кто «мешал народу».

Основная часть исследователей уверена в том, что Большой террор являлся подготовленной и целенаправленной акцией. Немецкие историки М. Юнге и Р. Биннер видят во вспышке «Большого террора» совокупность причин. Не отрицая важности фактора военной угрозы и стремления правящей верхушки ликвидировать «пятую колонну» накануне решающей схватки с мировым империализмом, Юнге и Биннер подчеркивают, что сталинский режим в качестве неблагонадежных рассматривал очень большое количество сограждан: это и военно-политическая элита, и многочисленные представители «бывших», и «враждебные национальности», и криминальные элементы. При этом террор выступал не только как средство решения внутривнутриполитических задач, но и в качестве орудия, расчищавшего путь к строительству коммунистического общества, физически избавленного от представителей враждебных классов и любых неблагонадежных. Жестокое преследование маргинальных и криминальных групп населения также укладывается в концепцию глобальной социальной чистки⁶³.

Вместе с тем в научной среде нет согласия относительно причин, которые бы удовлетворительно объясняли происхождение террора 1937–1938 гг. Но все же российские и зарубежные историки, с каждым годом выпуская все больше основательных исследований, уже весьма удовлетворительно знают «как?», неторопливо приближаясь к взвешенной точке зрения, отвечающей на вопрос «зачем?»

Более глубокое понимание архаичности советского общества заставляет делать выводы, которые ранее были бы невозможны в силу идеологических причин. Пересмотр советологических клише, по мнению Е. Добренко, ведет не только к более глубокому анализу сталинизма, но и к более трезвому и беспощадному взгляду на советское общество. Новый пересмотр традиционной советологии, представленный трудами Ш. Фицпатрик, К. Кларк, Т. Лахузена, Э. Наймана, И. Халфина, О. Хархордина, Й. Хеллбека, М. Штейнберга и др., куда дальше и от либерального упрощения прежней советологии (тоталитарный режим и страдающие массы), и от левых симпатий прежнего ревизионизма. Вместо традиционного противопоставления режима и подавляемых масс многие современные историки видят их взаимное поддерживание, усиление и слияние. Источник террора оказывается не в режиме, но в самих массах, отсталая политическая культура которых неизбежно воспроизводит такой режим, который институционно оформляет массовую агрессию и коллективное пренебрежение к индивидуальности⁶⁴.

Так, К. Шлегель пишет, что инициированный верхушкой во имя великой цели избавиться от врагов террор был с готовностью подхвачен и использован множеством структур и граждан для решения своих проблем⁶⁵. В. Голдман в своей монографии⁶⁶ отказывается видеть причину развязывания Большого террора в стремлении Сталина к единоличной власти и выдвигает версию самого деятельного участия масс в репрессиях под давлением госаппарата. Изучая профсоюзные организации, она заявляет, что террор осуществлялся согласно приказам и распоряжениям, но приводили его в действие миллионы активных участников. Она прослеживает, как террор, развязанный сверху, распространялся вниз через аппарат профсоюзов – от ВЦСПС до фабзавкомов и рядовых трудящихся, что вызвало как неподдельный энтузиазм в преследованиях, так и всеобщий страх, радикально изменивший взаимоотношения в каждом учреждении или на предприятии.

В настоящее время исследователи признают, что коммунистический террор выполнял целый ряд функций (устрашение ликвидацией реальных и мнимых противников, укрепление большевистской диктатуры, формирование нового общества, очищенного от представителей враждебных социальных, а также национальных групп), отказываясь от какого-то одного универсального объяснения. Среди серьезных западных историков многие согласны объяснять террор и всевластие карательных органов ленинско-сталинского периода вынужденным стремлением эффективно решить социально-экономические и военно-дипломатические проблемы, видеть в репрессиях неизбежную плату за социалистическую модернизацию.

Германский историк Й. Баберовски считает причиной перехода к Большому террору в сопротивлении Сталину со стороны региональных и местных элит, саботировавших указания центра. Чистки против национальностей должны были нивелировать этническую карту страны. Баберовски критикует выводы ревизионистов о слабости сталинской власти: «Ревизионисты» перепутали претензию на тотальность с тоталитарным господством. Режим не мог осуществить свои тоталитарные претензии⁶⁷, но он постоянно пытался сделать это. В результате в ходе этих попыток общественная и приватная сферы жизни в СССР были устроены заново и упорядочены по репрессивному принципу». Таким образом, именно террор как способ осуществления претензии на тотальность составляет, согласно Баберовскому, сущность сталинского режима, опиравшегося на насилие как единственное средство проводившихся реформ. Сталинизм таким образом представляет собой определенный тип цивилизации, сущностью которой стал террор⁶⁸.

Американский исследователь Х. Куромия разделяет мнение О.В. Хлевнюка об опасениях Сталина относительно «пятой колонны» в СССР и нанесении превентивного удара по представителям «враждебных национальностей»; также Сталин, по его мнению, особенно опасался командования РККА и раздувал кампанию шпиономании. Н. Верт в последней монографии «Пьяница и цветочница» показывает механизмы «Большого террора», динамику репрессий как в отношении того меньшинства, которое относился к элите, так и к

основному контингенту рядовых жертв, прошедшему по «кулацкой» и «национальной» линиям. Террор мыслился властью как важнейший этап социальной инженерии, окончательное завершение политики «раскулачивания» и депортаций «вредных элементов». Также Верт полагает, что в начале 30-х годов имело место целенаправленное намерение сталинского руководства обречь на голод Украину⁶⁹. Однако такие авторитетные специалисты, как Р. Дэвис и С. Уиткрофт, основываясь на уникальных источниках о хлебофуражных балансах СССР в начале 1930-х гг., отрицают идею о целенаправленности украинского голодомора⁷⁰.

Интересна новейшая основательная работа Д. Ширера о сталинском полицейском социализме, пытающаяся уловить логику развязывания террора с преодолением общего хозяйственно-политического хаоса первой половины и середины 1930-х годов⁷¹. Автор исследовал историю советской госбезопасности и милиции в контексте отчаянной попытки государства управлять социальными последствиями гражданской войны, коллективизации, индустриализации и урбанизации. Ширер утверждает, что максимум репрессий во время сталинской диктатуры 1930-х гг. отмечен против маргинальных социальных групп: мелких преступников, проституток, бродяг, сектантов и пр. Советские лидеры считали общественный беспорядок более опасным для государства, чем политическую оппозицию, используя массовые репрессии в ответ на «последовательности кризисов», становившихся неожиданными для режима. Несмотря на все усилия ОГПУ-НКВД и милиции, очистить общество от маргиналов не удалось, и именно эта неудача подготовила почву для массовых чисток 1937 г. Поскольку индустриализация и классовая война в деревне создали «социальные неурядицы библейских масштабов», верхушка испугалась социальной дезорганизации. В декабре 1933 и январе 1934 г. руководители партии и правительства были охвачены, по словам Ширера, «паническими настроениями», в итоге использовав ОГПУ-НКВД для искоренения всех потенциальных противников режима: от криминала и остатков свергнутых классов до целого ряда этнических групп. На основе подсчета устрашающего числа «вредных элементов» Сталин дал старт великой чистке; автор утверждает, что вождь начал подготовку «Большого террора» весной 1937 г., ссылаясь на то, что некоторые руководители управлений НКВД начали составление проскрипционных списков уже в июне.

Исследовательское поле рассматриваемой темы выглядит чрезвычайно широким. Более основательные разыскания должны быть посвящены наиболее «трудноуловимым» репрессиям периода Гражданской войны, партизанскому и краснобандитскому террору. Здесь перспективно обращение к такому важному демографическому источнику, как церковные метрические книги, которые из фондов МВД постепенно передаются в открытые архивы. Явно недостаточно информации по карательной практике периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени, репрессиям в отношении заключенных и ссыльных. Мало написано о репрессивной функции милиции, внесудебных тройках 1930–1934 гг., ощущается недостаток исследований по

работе судов и прокуратуры, военных трибуналов, Особого совещания при НКВД-МГБ СССР. Перспективны дальнейшие исследования в отношении репрессий против криминальных и маргинализованных элементов, конспиративной агентуры спецслужб, нацменьшинств (например, цыган), изучение длившейся всю первую половину 1930-х гг. грабительской так называемой «валютной операции», террора в ходе военных действий в других государствах, репрессий в отношении представителей самих силовых структур. Необходимо дальнейшее изучение региональной специфики террора, поскольку те территории, которые к настоящему времени изучались, показали существенные различия в карательной практике. Так, в коллективной монографии пермских историков⁷² обращено внимание на технологию осуществления репрессий в регионе, связь террора и политических кампаний против партийного и хозяйственного аппарата, идеологический контекст кампании против «кулаков», а также отмечено, что в ходе так называемой «кулацкой операции» в Прикамье аресту подвергались в основном рабочие и служащие предприятий⁷³. Все еще остро стоит вопрос о статистике репрессий, особенно по регионам; наиболее слабо документированы в этом отношении периоды первых лет советской власти, военный и послевоенный периоды.

Попутно отметим неприятные случаи влияния на иных исследователей меняющихся политических реалий, когда неожиданная тенденциозность ведет к отказу от очевидных оценок, которые зафиксированы, например, в современном законодательстве о жертвах репрессий. Новосибирская исследовательница Л.П. Белковец в 90-е годы выпустила в свет несколько крупных работ о репрессиях в отношении советских немцев, обнародовала важнейшие документы о так называемом «агентурно-оперативном обслуживании» этнической ссылки⁷⁴. А в 2003 г. опубликовала монографию⁷⁵, в которой заявила: «...Можно смело утверждать, что переселения народов в годы Великой Отечественной войны... режим спецпоселения и нарушения “законных прав” переселенных народов не представляли собой репрессивного механизма. Спецпоселение не превратилось в часть системы исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа НКВД». Как отметили в связи с этим С.А. Красильников и его соавторы, попытка Л. Белковец последовательно вывести депортации (принудительные переселения) немцев 1941 г. за скобки репрессий, а затем и сами спецпоселения – за пределы репрессивной системы, называя это научной формулой «специальный административно-правовой режим», вряд ли заслуживает быть признанной как вклад в развитие историко-правовых исследований. За наукообразной аргументацией в работе Белковец очевидна «набирающая силу тенденция легитимизировать государственное насилие, оправдать целесообразность его применения»⁷⁶.

Странной выглядит и позиция новгородского историка ВЧК-ОГПУ М.Н. Петрова, недавно заявившего, что обилие заключенных в лагерях после войны объяснялось исключительно «борьбой с тем разгулом криминала, который наблюдался в послевоенное время» и предлагающего преподавателям проводить «понятную слушателям параллель с нынешним временем, когда число

заклученных давно превысило пресловутый миллион»⁷⁷. На деле в современной России заключенных менее 900 тыс. и «политических» среди них, насколько можно судить, минимальное количество. Объяснять переполненность ГУЛАГа принципиальной борьбой «органов» с преступностью – значит полностью игнорировать и крайне низкое качество милицейского следствия, и (главное!) жесточайшие сталинские законы, по которым людей массами судили на большие сроки за мелкие преступления и незначительные проступки. Характерны и сожаления Петрова о том, что в современной литературе и кинематографе создан отрицательный образ работников особых отделов на войне, хотя известно, что в 1941–1945 гг. «органы» арестовали почти 700 тыс. чел. и осудили участников около 5 тыс. придуманных «антисоветских контрреволюционных организаций»⁷⁸.

Органы госбезопасности глазами гражданских историков

Посвященная террору и силовым структурам часть известной книги Дж. Кипа и А. Литвина, а также сравнительно немногочисленные работы других историков дают – при большом внимании к теме репрессий – только весьма общие сведения о состоянии современной историографии «органов». Отметим, что многие выглядевшие излишне радикально мнения перестроечной публицистики (основанные на эмигрантских, диссидентских и западных умозаключениях) относительно проблем истории, кадров и особенно методов работы ВЧК-КГБ, имевших явно криминальный характер с первых месяцев существования, вполне подтверждаются позднейшими разысканиями и публикациями⁷⁹.

В.П. Булдаков утверждает, что в 1930-е гг. «происходил отбор такого кадрового состава, который был лишен традиционных нравственно-психологических сдержек для грязной работы», и что «НКВД, особенно его гулаговская часть, пополнялась настоящими подонками общества»⁸⁰. Этот тезис подкрепляется мнением современного психоаналитика: «Садизм не был предписан сотрудникам НКВД специальными распоряжениями, он был их личным проявлением. Масштабы его распространения были огромны... По-видимому, среди сотрудников НКВД было много людей с психическими нарушениями, или же они обретали их в процессе своей работы»⁸¹.

Отечественные и зарубежные исследователи до последнего десятилетия преимущественно изучали репрессивные аспекты деятельности советской политической полиции. В целом уже весьма полно изучены проявления террора в отношении крестьянства, военных, номенклатуры, интеллигенции, священнослужителей. Но такое важное направление, как исследование собственно деятельности и аппарата репрессивных органов, находится по сути в начальной стадии. В связи с этим до сих пор ощущается нехватка обобщающих трудов по истории ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ центра и регионов.

Современные историки деятельности и внутренней жизни «органов» демонстрируют уверенное освоение новых тем, предлагая с каждым годом множасьщееся число основательных публикаций, которые большей части сосредоточены на изучении истории ВЧК-ОГПУ, в меньшей степени – органов НКВД, в еще меньшей – НКГБ-МГБ-КГБ. Целая когорта исследователей занимается биографическими разысканиями, попутно вводя ценный архивный и мемуарный материал как о внутренней жизни «органов», подробностях агентурно-оперативной работы, так и о жертвах политической полиции⁸². Статья Б. Сопельняка об исполнителях смертных приговоров приоткрыла завесу над самой большой кадровой тайной «органов» сталинского периода; затем тема процедуры исполнения смертной казни и исполнителей приговоров была отражена в отдельном исследовании⁸³. В этом же ряду находится обширный сборник о деятельном участии латышей и эстонцев в строительстве советского государства и его карательной системы⁸⁴.

В наиболее серьезных работах о репрессивной системе видны попытки основательного осмысления процессов, происходивших в недрах карательной машины. Очень важна работа О.И. Капчинского, посвященная подробному исследованию социального и национального состава центрального аппарата ВЧК⁸⁵. Эта монография – пример того, как в отсутствие доступа к документам ФСБ можно добиться превосходных результатов путем тщательного собирания и анализа архивных источников из открытых хранилищ. Много работают по истории ВЧК-ОГПУ региональные историки, в работах которых не только показаны методы агентурно-оперативной работы «органов» и фабрикация подавляющей части дел о «заговорах», но даются подробности психологии и быта чекистов⁸⁶. Выделяется обстоятельностью, опорой на информативные источники, включая приказы и распоряжения центрального аппарата ВЧК, монография А.В. Рыжикова⁸⁷.

Но нередко появляются и книги, которые больше обращены в прошлое и предлагают апологетику как направлений деятельности ВЧК-ОГПУ⁸⁸, так и конкретных структур. Автор работы о Московской ЧК М.А. Яковлева⁸⁹ говорит о том, что партия и народ направляли на работу в чрезвычайные комиссии лучших своих сынов, верных солдат революции, людей редкого мужества и бесстрашия. Яковлева придерживается мнения о том, что действия Советской власти были адекватны ситуации и обстановке конкретного времени, нарушения чекистами законов не носило широкого характера, хотя проявленная ими жестокость не всегда была оправдана. Автор также говорит о справедливости, объективности и своевременности задач, ставившихся Лениным перед ВЧК, уверяя, что исследователи просто вырывают из контекста известные ленинские фразы, чтобы создать ложное представление о диктаторстве советской власти и большевистской партии.

Подробный рассказ о работе и деятелях Кунцевского РО УНКВД по Московской области в годы «Большого террора», их клановых связях и психологии содержит исследование А.Ю. Ватлина⁹⁰. В монографии В. Хаустова и Л. Самуэльсона «Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.»⁹¹, основанной на

значительном массиве документов из ЦА ФСБ и АП РФ, обстоятельно реконструирована технология сталинского контроля над карательными органами, приведены подробные сведения об инициированных диктатором репрессиях в отношении видных деятелей, в том числе чекистов. Авторы критикуют распространенный тезис о том, что значительная часть сотрудников НКВД выражала несогласие с политикой репрессий и арестовывалась именно по этой причине⁹². О динамике места и роли карательных органов в 1930-е гг., сращивании партийных и карательных аппаратов как на кадровом уровне, так и в совместном выполнении многих задач пишет в своем новейшем исследовании О.В. Хлевнюк⁹³.

В 2007 г. вышли две научные биографии Н.И. Ежова – совместный труд Н.В. Петрова и М. Янсена, английский вариант которого появился пятью годами ранее, а также книга А.Е. Павлюкова⁹⁴. При этом работа Павлюкова в значительной степени повторяет пионерское исследование Петрова и Янсена, во многом опирается на аналогичные источники из архивов ФСБ и ЦК ВКП(б), однако не содержит ссылок на книги авторов, писавших о Ежове ранее. Н.В. Петров в последние годы опубликовал также монографии о И.А. Серове, Н.И. Ежове, деятельности МГБ в Восточной Европе, политических процессах эпохи позднего сталинизма и ряд других работ⁹⁵. В последней работе «Палачи. Они выполняли заказы Сталина» даны не только портреты руководящих чекистов и наиболее известных следователей, но и приведены, например, интереснейшие факты поведения исторических личностей перед расстрелом.

В последние годы харьковским историком В.А. Золотаревым выпущено несколько биографических книг о чекистах Украины, отличающихся богатым фактическим содержанием и объективностью оценок. В его исследованиях о В.А. Балицком, А.И. Успенском, крупных чекистах Харьковской области и руководящем аппарате СПО ГПУ-НКВД УССР приведены уникальные документальные свидетельства об агентурно-оперативной деятельности, структуре и кадрах ВЧК-НКВД Украины, репрессиях, в том числе в отношении самих чекистов⁹⁶. Напротив, известная книга британского литературоведа Д. Ренфилда о руководителях сталинской тайной полиции не сообщает нового материала, имеет подчас грубые ошибки, характерные для авторов, которые не являются глубокими знатоками темы⁹⁷.

Традиционно велик интерес общественности к работам об истории внешней разведки. Новыми фактами насыщены монографии В. Голдина и Л. Флейшмана⁹⁸ о зарубежной деятельности ВЧК-ОГПУ; большой биографический материал о кадрах разведки и различных спецоперациях собран в многочисленных работах А.И. Колпакиди и др.⁹⁹. Однако наиболее ценные работы по истории отечественной разведки опубликованы за рубежом, например, книги К. Эндрю¹⁰⁰, основанные на сенсационных архивных выписках сотрудника архива СВР В. Митрохина, вывезенных им в Великобританию в 1992 г. Недавно в США вышла коллективная монография с участием бывшего советского разведчика А. Васильева (сделанные последним в архиве СВР обшир-

ные выписки из множества агентурных дел ныне являются общедоступными благодаря электронной публикации на сайте Центра Вудро Вильсона) об истории советской резидентуры ОГПУ-МГБ в США¹⁰¹. Благодаря этому исследованию стали известны подробности работы на советскую разведку одного из отцов ООН О. Хисса, заместителя министра финансов США Г. Декстер-Уайта – основателя МВФ и Всемирного банка, нобелевского лауреата Э. Хемингуэя (последний, правда, будучи завербован в 1941 г., какой-то реальной работы на СССР не проводил); вместе с тем опровергается ложная информация генерал-лейтенанта МГБ П.А. Судоплатова, что советским агентом был руководитель американского атомного проекта Р. Оппенгеймер. Однако до сих пор наиболее ценные документы о деятельности внешней разведки СССР недоступны даже ведомственным историкам.

Ведомственные особенности изучения проблемы

Анализ литературы позволяет легко вычленить особенную часть историографии – многочисленные сочинения ведомственных историков. Гражданская и ведомственная историография отличаются так же, как военный от штатского. Поэтому приходится выделять ведомственных историков в отдельную резервацию, с удовлетворением отмечая эффективные попытки выхода отдельных исследователей за пределы зоны «пониженного профессионализма»¹⁰². Но отнюдь не лучшие достижения историков от ФСБ-МВД определяют лицо историографии, создаваемой работниками закрытых учреждений. По сравнению с 90-ми годами здесь мало что изменилось и историки в погонах пишут какую-то свою, особенную историю для внутреннего употребления. Значительная ее часть – вообще для служебного пользования и совершенно неизвестна остальным историкам. Но и надводная часть айсберга весьма велика. Ведомственная историография, до сей поры недостаточно обращая внимания на изменения в прогрессе научного описания деятельности и кадров ВЧК-КГБ, очень внимательно отмечает политические дуновения «нулевых», реабилитировавших в глазах многих суть работы репрессивных органов ленинско-сталинского и последующего периодов.

Тенденциозность, поверхностность, грубые ошибки, а также искажения действительности вплоть до заведомо ложных утверждений довольно часто встречаются в специальной литературе. Общей ее особенностью является обильное цитирование документов и статистики внутреннего делопроизводства органов госбезопасности, что крайне ценно, но в то же время объясняется практически монопольным доступом их авторов к документам Центрального архива (ЦА) ФСБ и региональных архивов ФСБ. Однако доверие к языку советских документов, от которого все более основательно избавляются гражданские историки, у исследователей от спецслужб остается зачастую

непоколебимым. Например, вышедшие в 2003 г. книги работника ФСБ В.И. Михеева¹⁰³ в основном построены на документах ЦА ФСБ, а также местных управлений ФСБ, и дают читателям ту же картину событий, которая предназначалась чекистскому руководству 1920–1930-х гг. Правда, следует отметить, что в последних своих работах В.И. Михеев занимает более объективную позицию по отношению к документам ОГПУ, закавычивая тенденциозные термины вроде «кулак», «контрреволюционная организация», «повстанческая группировка» и приводя ценные фактические данные о чекистских репрессиях против сельского населения¹⁰⁴. Подобная эволюция нехарактерна, однако, для О.Б. Мозохина, отличительной чертой многочисленных работ которого является не только обилие ошибок и неточностей, воспроизведение идеологических штампов советской историографии, но и сознательное игнорирование новейшей литературы, в т. ч. ключевых публикаций по избранной теме. Например, в книге «Право на репрессии»¹⁰⁵ О.Б. Мозохин практически все сноски дает на архивы ФСБ и Архив Президента (АП) РФ, так что в ней нет ни одной ссылки на чью-либо публикацию. Между тем большое количество цитируемых документов из архивов КПСС и госбезопасности уже давно введено в научный оборот В.П. Даниловым, В.П. Наумовым, В.Н. Хаустовым, О.В. Хлевнюком и другими историками. Много ошибок делает автор, говоря о структуре и кадрах ОГПУ–НКВД. Но главное, он совершенно обходит исключительную роль ВЧК–МГБ в политико-идеологической системе СССР, их ведомственную заинтересованность в осуществлении репрессий и огромное влияние на все институты государства.

О.Б. Мозохин утверждает, что репрессии второй половины 1930-х гг. нанесли «невосполнимые кадровые потери» органам госбезопасности, хотя справедливость этого мнения (с. 18) можно отнести только к аппарату внешней разведки НКВД, а данный вопрос получил объективное освещение в новейших исследованиях. Миф о многотысячных жертвах в самом НКВД давно разоблачен в справочнике Н.В. Петрова и К.В. Скоркина «Кто руководил НКВД, 1934–1941 гг.», однако О.Б. Мозохин упорно завышает количество расстрелянных чекистов во много раз (с. 220)¹⁰⁶. Авторские ошибки и многочисленные дефекты в приводимой без какой-либо критики официальной статистике репрессий¹⁰⁷ обесценивают работу О.Б. Мозохина. В другой книге, посвященной деятельности органов ГПУ–ОГПУ по обеспечению экономической безопасности СССР, О.Б. Мозохин, цитируя очень интересные архивные материалы, по-прежнему слепо транслирует чекистскую точку зрения и подробно перечисляет разоблаченных мифических шпионов, давно реабилитированных в судебном порядке. Мало того, при анализе нескольких «шпионско-диверсионных» дел первой половины 1930-х гг. автор прямо подвергает сомнению объективность прокуроров, прекративших данные дела как сфабрикованные¹⁰⁸.

Профессор Академии ФСБ А.М. Плеханов считает, что в 20-е годы деятельность органов ВЧК–ОГПУ направлялась в основном против действительных врагов государства, приводя в качестве примера многочисленные фами-

лии лиц, осужденных, например, по обвинениям в шпионаже¹⁰⁹. Для иллюстрации подрывной работы зарубежных разведок автор постоянно ссылается на мифические шпионские и диверсионные организации, участники которых были реабилитированы еще в 1990-е годы.

Исследование А.А. Здановича о деятельности особых отделов в 1921–1934 гг.¹¹⁰ отличается основательностью и предлагает для размышлений ценный массив информации об основных направлениях работы военной контрразведки. В то же время концепция книги базируется на традиционной точке зрения об органах ВЧК–НКВД как послушном инструменте политического руководства, на повторении старых клише, к примеру, о якобы существовавшем «Всесоюзном троцкистском центре» и др. Вместе с тем следует согласиться с автором, когда, оспаривая традиционное мнение своего коллеги А.М. Плеханова, он четко заявляет, что все официальные высокие требования к морально-политическим и профессиональным качествам сотрудников госбезопасности на деле были далеки от реальности. Правда, А.А. Зданович не приводит статистики правонарушений в ОГПУ и ограничивается аккуратным тезисом о том, что «холодное, бездушное отношение к людям» возникало только у некоторых чекистов.

Среди взявшихся за перо работников ФСБ есть и любители откровенных сенсаций. На этом поприще отличился тюменский чекист А.А. Петрушин. Он приписал чекистам 1930-х гг. подготовку заговора против Сталина, уверяя, что работники ОГПУ–НКВД предвидели массовые репрессии в отношении них самих и решили нанести превентивный удар, опираясь на бывших белых генералов вроде «специально» освобожденного из тюрьмы А.Н. Пепеляева. В другой работе А.А. Петрушин превратил одного из руководителей губернских чека М.Д. Бермана в главного чекиста Сибирского региона, а также придумал и факт постановления к середине 1930-х гг. почти всего взрослого мужского населения страны под чекистский контроль¹¹¹. На деле даже к марту 1941 г. на списочном учете НКВД СССР состоял только 1 млн. 263 тыс. чел., а во многих райотделах НКВД к 1937 г. не было учета ни «социально-вредного элемента», ни представителей «враждебных национальностей»¹¹².

Весьма серьезно выглядит вклад К.В. Скоркина в изучение системы НКВД первых лет Советской власти, к сожалению, определенно обесцененный как идеологизированным подходом, так и многочисленными небрежностями в его громоздких монографиях¹¹³. Автор впервые в научной литературе рассматривает подробную структуру центрального аппарата НКВД, его деятельность (при этом много сведений приводится о ВЧК–ГПУ), приводит биографии всех руководителей самостоятельных подразделений. Однако некоторые авторские положения вызывают несогласие. Например, после циркуляра ВЦИК и ЦК РКП(б) «О подготовке политических сводок» ВЧК, по мнению Скоркина, государственный статус ВЧК с мая 1921 г. изменился и она из органа чисто исполнительного превратилась в непосредственного участника формирования государственной политики. На деле это произошло, конечно, значительно раньше. Автор уверяет, что якобы руководство ВЧК в центре и на местах «решительно и безжалостно избавлялось от сотрудников, совер-

шивших должностные преступления и злоупотребления», а цензура в начале 1920-х гг. «не носила идеологического характера». О высланных в 1922 г. интеллигентах дается забавное пояснение: они отторгали Советскую власть, поскольку «[прежде] жили в хороших квартирах, в комфорте и тепле, получали большую заработную плату, отменно питались, их обслуживала прислуга». А вот действия чекистов одобряются: «Отбор кандидатов на высылку за границу чекисты провели вполне профессионально и на очень конкретных документальных основаниях»¹¹⁴.

В начале 1920-х гг. милиция, согласно Скоркину, обеспечивала «надежную охрану правопорядка и законности в стране», а чекисты, «проводя в стране вынужденные меры репрессии и принуждения», «не выродились в орудие смерти, террора и произвола», сохранили «чистые руки». Эти руки умели стрелять, рубить, колоть, строить, ласкать и любить. Только вот “брать” они не умели...». Основной тезис автора четко свидетельствует о его идеологических предпочтениях: «Советская власть оказалась способной быстро и эффективно думать, находить смелые и оригинальные решения возникающих проблем, а главное – оставаться честной и ответственной перед своим народом...»¹¹⁵.

Некритическое отношение к явным домыслам, допущенным мемуаристами из числа чекистов, проявляется в ряде новейших работ. Например, А.И. Пожаров в академической публикации примитивно объясняет ненависть Хрущева к Сталину расстрелом своего сына: «В свое время Сталин отказался помочь Н.С. Хрущеву отвести от смертного приговора его сына, летчика Леонида Хрущева, совершившего уголовное преступление»¹¹⁶. Однако версия о предательстве и казни боевого летчика Леонида Хрущева сочинена из мести к его отцу-«предателю» сталинским охранником Докучаевым¹¹⁷ и не имеет никаких подтверждений. Стоит ли удивляться, что очень слабо выглядят защищенные в последние годы многие диссертационные работы ведомственных авторов по истории органов политической полиции. Так, В.А. Гашенко и В.В. Онищенко склонны доверять официальной информации о разоблачении на территории Новосибирской и Кемеровской областей в период Великой Отечественной войны многочисленных шпионов немецкой, японской и др. разведок¹¹⁸.

Вместе с тем отрадно появление заметного числа информационно насыщенных сборников по истории ФСБ-МВД-ГУИН¹¹⁹. Однако почти все, что выходит за пределы «голой» информации, выглядит и в этих трудах не самым убедительным образом. Выдержки из документов и воспоминаний в многочисленных юбилейных сборниках региональных управлений ФСБ и МВД являются единственным достоинством данных томов¹²⁰. Идеология и лексика этих красиво оформленных подарочных изданий остается абсолютно советской. Например, о крупном сталинском чекисте Б.А. Баке в 2009 г. пишется так: «Около десятка лет в Самаре он разоблачал вредителей, кулаков-террористов, замышлявших или совершивших свои злодеяния»¹²¹. К привычным формулировкам о разоблачении врагов режима для приличия примешиваются дежурные сожаления о репрессиях 30-х годов, а если автор

упоминает выражения вроде «трагедии Гражданской войны», то его можно считать свободомыслящим.

Во многих книгах последнего времени, авторами которых выступают лица, близкие к ФСБ, проводники сталинского террора прямо превозносятся как герои-патриоты. Так, чекист В.В. Кочетков в 1937–1938 гг. являлся начальником дорожно-транспортных отделов ГУГБ НКВД Восточно-Сибирской и Орджоникидзевской железных дорог, а в 1940 г. был осужден на 5 лет заключения за нарушения законности, а затем амнистирован и участвовал в боевых действиях в немецком тылу¹²². В недавно вышедшей биографии чекиста Д.Н. Медведева, написанной Т.К. Гладковым, о кровавом прошлом Кочеткова нет ни слова; напротив, о нем сказано как о невинной жертве произвола одной-единственной реабилитирующей фразой: «В период массовых репрессий Кочетков был осужден к длительному сроку лишения свободы». Аналогичная апологетика содержится в биографии Кочеткова, опубликованной другим его современным коллегой¹²³.

Чекисты периода ВЧК по-прежнему остаются для их наследников преимущественно рыцарями без страха и упрека. Например, в книге о владимирских чекистах приводится восторженный очерк о видном палаче К.Я. Крумине – в Сибири он сфабриковал целый ряд крупных политических дел и даже лечился от нервного расстройства, связанного с активным участием в расстрелах. Составители также не погнушались включить в сборник и бредовую современную статью о «бактериологических диверсиях» 1930-х гг., обвиняющую известных врачей региона в самых страшных преступлениях: «Диверсанты со своими смертельно опасными вирусами гастролировали в Коврове, Шуге, Александрове и Кинешме, оставляя после себя мор и болезни...»¹²⁴.

Открытые фонды партийно-советских учреждений, а также доступные довольно многим историкам дела на реабилитированных лиц, вне сомнения, позволяют увидеть очень многое, включая региональные особенности репрессивной политики и причудливые изгибы кадровых решений спецслужб, нюансы взаимоотношений «органов» с другими местными институциями, подробности карательной работы и повседневной жизни представителей «искореняющей профессии». Но далеко не все вышедшие в 2000-е гг. труды основательно опираются на материалы чекистского делопроизводства: докладные записки, информационные сообщения, расстрельные акты, материалы на нереабилитированных чекистов и милиционеров, а также реальных преступников, чьи дела вела госбезопасность, поскольку в следственных делах и архивах партийно-советских органов отложилось ограниченное число подобных документов. Основная и наиболее ценная часть фондов госбезопасности практически недоступна историкам.

Чрезвычайно затруднен доступ и к архивам МВД, которые также сохранность ведомственной тайны ставят выше государственного архивного законодательства. Между тем без фондов МВД невозможно подробно изучать ни систему лагерей, тюрем и ссылки, ни репрессии против «социально-вредных

элементов» и криминалитета, ни даже кадровую историю госбезопасности, поскольку многие личные дела чекистов, приказы по личному составу, материалы служебных расследований и кадровых проверок довоенного периода хранятся именно в архивах МВД. Есть проблемы с доступом ко многим фондам партийных органов, хранящим материалы на чекистов личного, в том числе компрометирующего характера, поскольку многие архивисты препятствуют – под предлогом сохранения личной тайны – ознакомлению исследователей с документами «моложе» 75 лет.

К настоящему времени у исследователей накоплен опыт работы с целым видом чекистских источников, которые в немалом количестве просочились из архивов спецслужб: архивно-следственными делами, разнообразными информационными сводками и «спецсообщениями», протоколами троек, различными меморандумами из информационных сводок и материалов перлюстрации, закрытыми мемуарами сотрудников. Еще большую ценность имеют те виды документы из архивов спецслужб, которые в настоящее время известны в очень ограниченном масштабе: личные дела агентуры, агентурные разработки и дела формулярного учета (досье), дела нереабилитированных лиц, акты о приведении в исполнение смертных приговоров, деловая и личная переписка функционеров госбезопасности. Судя по работам ведомственных историков, в архивах сохранились признанные имеющими историческое значение довольно многочисленные агентурные разработки – дела, состоящие из разнообразных материалов, исходивших от агентуры и полученных путем перлюстрации, наружного наблюдения, прослушки и пр. Это крайне интересный и перспективный источник, который со временем будет более активно вводиться в научный оборот.

Однако при постоянно растущем количестве работ по истории «органов», на сегодняшний день очевидно и некоторое торможение в разработке множества актуальных тем: от уточненной статистики репрессий и анализа внутриведомственной преступности до количественных и качественных оперативных показателей работы как отдельных подразделений – политического сыска, внешней разведки, особых и транспортных органов, контрразведки, «работы» с заключенными и ссыльными, исполнения смертных приговоров и т. д., так и службы конкретных сотрудников, в т.ч. конспиративных, их личного вклада в чекистские операции (в том числе, за рубежом) и т. д. В связи с недоступностью основного массива ведомственных документов резко ограничиваются как исследовательские усилия, так и число самих исследователей, которых неизбежно бы привлекли монбланы рассекреченных архивов ВЧК-КГБ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Рогинский А.* Память о сталинизме // История сталинизма. Итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. – М., 2011.

² См. Иосиф Сталин в объятиях семьи. Сб. документов. Сост. Ю.Г. Мулин. – М., 1993; Левые эсеры. Сборник документов. Сост. А.Л. Литвин. – Казань, 1996; Генеральный комиссар государственной безопасности Генрих Ягода. Сборник документов. – Казань, 1997; Лубянка:

ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991: Справочник. / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров М., 1997; Кронштадт 1921. Сост. В.П. Наумов, А.А. Косаковский. – М., 1997; Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы и материалы. Под ред. В.П. Данилова, Т. Шанина. – М.: МФД, 1997; Политбюро и церковь. Сост. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. В 2-х тт. – М., 1997; Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог. Сост. О.В. Эдельман. – М.: МДФ, 1999, и др.

³ Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. – М., 2000–2003; Лубянка и ВЧК–МГБ. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1922–1953 гг. / Сост. В.Н. Хаустов и др. – М., 2003–2007; так и отдельных сборников Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. – М., 2001; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. – М., 2005; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ /сост. А.М. Плеханов и А.А. Плеханов. – М., 2007. О.Б. Мозохин, незнакомый с правилами издания документов, уверяет (см. *Мозохин О.Б.* Деятельность ГПУ–ОГПУ по обеспечению экономической безопасности советского государства (1922–1934 гг.). Автореферат дисс. д.и.н. – Самара, 2011. С. 16), что сборник о Дзержинском был подготовлен «на высоком археографическом уровне», хотя на деле составители пропустили целый ряд важных документов, часть материалов исказили, неправильно датировали и даже напечатали дважды, а комментарии весьма неудовлетворительны).

⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939. – М., 2000–2006; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Том 1–4. 1918–1939. Документы и материалы. – М., 1998–2012 (продолжается); Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Сборник документов. Т. I–V. – М., 1995–2009.

⁵ Процесс эсеров; ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1918–1960 гг. / Сост. А.И. Кокурин и Н.В. Петров. – М., 2000; Лубянка: ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991: Справочник. / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2003; 1937–1938 гг. Операции НКВД. Из хроники «большого террора» на Томской земле. Сб. документов и материалов. – Томск: М., 2006; Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. Сост. А.И. Савин. – Новосибирск, 2004.

⁶ Выделяются тщательностью подготовки тома «Ленинградского мартиролога», а также, например, том «Узницы “АЛЖИРА”»: Список женщин-заключенных Акмолинского и других отделений Карлага / Сост.: В.М. Гринев, В.В. Горецкий, Г.Н. Карсакова и др. – М., 2003.

⁷ Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. – Чита, 2000; Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Сост. Красильников С.А. и др. – Новосибирск. Вып. 3. 2010.

⁸ Меншевицкий процесс 1931 г. Кн. 1–2. – М., 1997–1999; Демократический союз. Следственное дело. 1928–1929 гг. – М., 2010; Савинков Борис на Лубянке: Документы. – М., 2001; Генерал В.С. Михайлов. 1875–1929. Документы к биографии: Очерки по истории военной промышленности. – М., 2007; Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Т. 1–4. – М., 1998–2007; Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы. / Сост. и науч. ред. А.И. Савин. – Новосибирск, 2009.

⁹ Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / Г.Д. Жданова, В.Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. – М., 2010; «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция в Украинской ССР: 1937–1941 гг.»: В 2 т. – М., 2010.

¹⁰ *Золотарьов В.А.* Секретно-політичний відділ ДПУ УССР: справи та люди. – Харків, 2007; *Петров Н.В., Янсен М.* «Сталинский питомец» Николай Ежов. – М., 2007; *Хаустов В.Н., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М., 2009.

¹¹ Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках: В 2 т. – Київ, Сфера, 2003; Голодомор 1932–1933 років в Україні. За документами ГДА СБУ. Анотований довідник – Львів, 2010 (в книзі анотуються численні документи з отраслевого госархива СБУ, касаються голода); Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. / Упоряд. Сергій Кокін, Марк Юнге. Т. 1, 2. – Київ, 2010.

¹² Красный террор: Политическая история Казахстана (сборник документальных материалов политических репрессий 20–50-х годов XX века) / Сост. Койгелдиев М.К., Полулях В.И., Тлеубаев Ш.Б. – Алматы, 2008; *Дулатбеков Н.О., Жумадилова Н.Т.* Карлаг: творчество в неволе. Художники, музеи, документы, памятники (на рус., каз., англ яз.). – Караганда, 2009.

¹³ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. – М., 1999; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. Сост. М. Смирнов. – М., 1998.

¹⁴ *Скоркин К.В.* На страже завоеваний Революции. Местные органы НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. – М., 2010. Высоко оценивая собранный за много лет крайне нужный исследователям материал (сотни неизвестных персоналий), следует отметить значительное количество ошибок и огромного числа опечаток, а также избирательность примечаний, в которых автором даются причины перемещений руководящих чекистов; на самом деле лиц, смещенных за различные преступления и злоупотребления, было гораздо больше.

¹⁵ *Бар-Селла З.* Литературный котлован. Проект «писатель Шолохов». – М., 2005.

¹⁶ *Костырченко Г.В.* Расовые инструкции Берии. По поводу публикации одной фальшивки // Лехаим. 2002. № 5. С. 70–75.

¹⁷ *Качелин А.С.* Формирование кадров государственной службы как класса: от Петра I до настоящего времени // Научный вестник Уральского академии гос. службы. Вып. 1 (10), май 2010.

¹⁸ *Абрамов А.В., Семенюк Н.А., Олефиренко В.Л.* История зарождения, становления и развития военно-врачебной экспертизы (до начала Великой Отечественной войны) // Журнал психиатрии и медицинской психологии. Издание Донецкого гос. медицинского ин-та. 2006. № 1 (16).

¹⁹ См. цитаты в: *Петрушин А.А.* Тюмень без секретов, или Как пройти на улицу Павлика Морозова. – Тюмень, 2011. С. 134–135.

²⁰ *Айдаев Ю.* Хайбах – аул, которого нет. Чеченцы: история и современность. – М., 1996. С. 275.

²¹ *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001.

²² «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД». Документы о проведении спецоперации по депортации народов ЧИ АССР. 1943–1944 гг. Публ. В.П. Сидоренко // Исторический архив. 2000. № 3. С. 79–80. В данной публикации В.П. Сидоренко официального отчета М.М. Гвишиани об операции в Галанчжойском районе говорится о нескольких десятках убитых или умерших в пути чеченцев.

²³ Вопросы истории. 2003. № 10. С. 37.

²⁴ *Хлевнюк О.В.* «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. – М., 2004; *Петров Н.В.* Некоторые тенденции в современных исследованиях по истории советских карательных органов и репрессивной политики // Украина–Росія: діалог історіографій: Матер. міжнар. наук. конф. 2002 р. / Ін-т історії України НАН України, Канад. ін-т укр. студій Альбертського ун-ту (Едмонтон), Сіверський ін-т регіон. дослідж. – Київ; Чернігів, 2007. С. 181–197; *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. – М.: РОССПЭН, 2009; *Кропачев С.А.* Новейшая историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 годах // Российская история. 2010. № 1. С. 166–172.

²⁵ *Степанов М.Г.* Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). – Абакан, 2008; *Он же.* Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. – Абакан, 2009.

²⁶ *Кропачев С.А.* Новейшая историография о масштабах политических репрессий... С. 166–172.

²⁷ *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. – М., 2001; *Рассказов Л.П.* Деятельность органов государственной безопасности по реализации политики ВКП(б). (Конец 1920-х – 1941). – М., 2001 и др.

²⁸ *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. – Новосибирск, 2001. С. 252; *Папков С.А.* Тройки ОГПУ–НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. научных статей. – Новосибирск, 2010. С. 153–154.

²⁹ *Кропачев С.А.* Международная научная конференция в Париже о сталинском «Большом терроре» // Отечественная история. 2009. № 1. С. 207.

³⁰ *Познанский В.С.* Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. – Новосибирск, 2007.

³¹ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008; Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М., 2009; Бурдс Д. Советская агентура: Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). – М.: Нью-Йорк, 2006; *Аблажей Н.Н.* «Харбинская операция» НКВД 1937–1938 гг. на Урале и в Сибири // Общество. Интеллигенция. Репрессии: Сб. статей. – Новосибирск, 2009. С. 143–164; *Шекшеев А.П.* Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. – Абакан, 2006; *Тепляков А.Г.* Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М.: АИРО, 2008.

³² Макаров А.А. Репрессии в Красноярском крае (1934–1938). – Абакан, 2008.

³³ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора... С. 571.

³⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939. – Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. – М., 2006. С. 568.

³⁵ 1933 г. Назинская трагедия. Документальное научное издание. Сост. С.А. Красильников. – Томск, 2002; *Werth N.* Cannibal Island: death in a Siberian gulag. – Princeton, 2007.

³⁶ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). – Новосибирск, 2004.

³⁷ *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001; *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М., 2003; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. – М., 2003; *Баберовски Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. – М.: РОССПЭН, 2010; *Батырбаева Ш.Д.* Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении. – М., 2010; *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. – М., 2008; 1937 год. Российские корейцы: Приморье–Центральная Азия–Сталинград (Депортация). – М., 2004; *Джуха И.Г.* Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. – СПб., 2008; *Убушаев В.Б., Убушаев К.В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959. – Элиста, 2007; Сталин и немцы: Новые исследования. Под ред. Ю. Царуски. – М., 2009; Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Избр. Док-ты / Сост., вступит. статья и комм. А.И. Савина. – Новосибирск: СПб., 2006. – 496 с.; *Деннингхаус В.* В тени «Большого Брата»: западные национальные меньшинства в СССР 1917–1938. – М., 2011; Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). – М., 2011.

³⁸ *Полян П.М.* Не по своей воле... С. 239–240.

³⁹ *Неймарк Н.* Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века. – М., 2005.

⁴⁰ *Шадт А.А.* Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики (1940–1950-е гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. – Новосибирск, 2002. С. 244.

⁴¹ *Антуфьев А.А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург, 1992. С. 228.

⁴² В феврале 1943 г. на строительные работы в г. Алапаевск Свердловской области прибыло 5 тыс. трудмобилизованных из Средней Азии узбеков, туркмен, киргизов и казахов, а к январю 1944 г. из них оставалось 1094 чел., в основном тяжелобольных, а 2613 значились выбывшими домой по болезни. Соответственно, 1 300 чел. частью сбежали, частью погибли. Тем, кто оказался активирован по болезни, вернуться удалось не всем: из эшелона в 1050 чел., который перед отправкой 13 дней стоял в Алапаевске с людьми без всякого снабжения и отопления, в Новосибирске было снято 80 трупов и 108 истощенных больных, из которых 22 и 23 января 1944 г. умерло 20 чел. РГАНИ.Ф. 6. Оп. 2. Д. 876. Л. 45, 46.

⁴³ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 2010.

⁴⁴ *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. – М., 2004; *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006; *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб., 2006.

⁴⁵ *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. – М., 2001.

⁴⁶ *Боева Л.А.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. – М.: АИРО-XXI, 2009.

⁴⁷ *Скоркин К.В.* На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. – М., 2011. С. 909.

⁴⁸ *Рогов Г.Ф.* (Кузнецк, декабрь 1919). Аннотированный список литературы. Сост. Т.Н. Киреева. – Новокузнецк, 2010.

⁴⁹ *Левкин Г.Г.* Было, но быльем не поросло... – Хабаровск, 2006.

⁵⁰ *Смоляк В.Г.* Междоусобица. По следам нижеамурской трагедии. – Хабаровск, 2009.

⁵¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. – М., 2004–2005; *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа. 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. – М., 2006; *Эплбаум Э.* ГУЛАГ. Паутина Большого террора. – М., 2006; *Бородин Л.И., Грегори П., Хлевнюк О.В.* ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М., 2005; *Козн С.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв. – М.: АИРО-XXI, 2011; *Нахатев Б.А.* Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. – М., 2009; *Бродский Ю.* Соловки. Двадцать лет Особого назначения. – М., 2000; *Бикметов Р.С.* Под конвоем в шахту: Спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса (начало 1930-х – середина 1950-х гг.) – Кемерово, 2002; *Суслов А.Б.* Спецконтингент в Пермской области. 1929–1953 гг. – М., 2010.

⁵² История пенитенциарной системы в Бурятии. – Улан-Удэ, 2006; *Уйманов В.Н.* Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). – Томск, 2011.

⁵³ *Виола Л.* Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. – М., 2010; *Красильников С.А.* Серп и Молот: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. – М., 2003, 2009; *Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н.* Корни или щепки: крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. – М., 2010.

⁵⁴ *Надькин Т.Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. – М., 2010.

⁵⁵ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. – М., 2002; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. Сост. В.И. Шишкин. – М., 2003; *Исаев В.И.* Они хотели убить Сталина. – Новосибирск, 2005; *Роженева Ж.А.* Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е гг. – Томск, 2008; Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения: сб. материалов российско-французского семинара (Москва, 11–12 сентября 2009 г.). – Новосибирск, 2010; Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. материалов франко-российского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.) – Новосибирск, 2011; *Красильников С.А.* «Белогвардейский заговор» 1933 г. в Западной Сибири (по материалам архивно-следственного дела) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2005, № 2.

⁵⁶ *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. – М., 2005.

⁵⁷ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. – М., 2009.

⁵⁸ *Зима В.Ф.* Человек и власть в СССР в 1920–1930-е годы: политика репрессий. – М., 2010.

⁵⁹ *Chinsky P.* Micro-histoire de la Grande Terreur: La fabrique de culpabilité à l'ère stalinienne. – Paris, 2005.

⁶⁰ *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. – М., 2007; *Колтакиди А.И., Прохоров Д.П.* Внешняя разведка России. СПб.-М., 2001 и др.

⁶¹ *Кудрявцев В., Трусов А.* Политическая юстиция в СССР. – М., 2000.

⁶² *Багдасарян В.Э.* «Загадочный тридцать седьмой». Опыт историографического моделирования // Историография сталинизма / под ред. Н.А. Симония. – М., 2007.

⁶³ *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992; *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим». Секретный приказ №00447 и технология его исполнения. – М.: АИРО-XXI, 2003.

⁶⁴ *Добренко Е.* Советское прошлое: манифест нового ревизионизма. Рец. на кн.: *Everyday life in early Soviet Russia: Taking the revolution inside.* Bloomington, 2006 // Новое литературное обозрение. 2007. № 85.

⁶⁵ *Шлегель К.* Террор и мечта. Москва 1937. – М., 2011.

⁶⁶ *Голдман В.* Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. – М., 2010.

⁶⁷ Ср. с утверждением одного из виднейших российских культурологов, что «тоталитарная система вообще никогда и нигде не доходила в своем развитии до последней точки, до последнего человека»: *Соскин В.Л.* Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. – Новосибирск, 2004. С. 74.

⁶⁸ *Baberowski J.* Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. Deutsche Verlags-Anstalt. – München, 2003. S. 8–10.

⁶⁹ *Werth N.* L'Ivrogne et la Marchande de fleurs. Autopsie d'un meurtre de masse, 1937–1938. – Paris, 2009.

⁷⁰ *Davies R.W. and Wheatcroft Stephen G.,* The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. – New York: Palgrave Macmillan, 2004.

⁷¹ *Shearer David R.* Policing Stalin's Socialism. Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. – Yale University Press, 2009.

⁷² «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. – М., 2009.

⁷³ Пермские авторы одной из последних публикаций о терроре «“Пишите то, что я приказываю”. Особенности массовой репрессивной операции по приказу 00447 в г. Краснокамске» А.Н. Кабацков и И.Ю. Федотова (Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 161–174), доказывают, что репрессировавшая более 1 000 чел. операция, проведенная Пермским оперсектором УНКВД по Свердловской области в Краснокамске, «выделялась своим ярко выраженным этническим характером», поскольку основным объектом репрессивных мероприятий пермских чекистов стали уроженцы Татарстана, высланные в Пермский край в качестве «раскулаченных». Авторы утверждают, что в приказах союзного НКВД об операции против «кулаков» или национальных операциях нет никаких упоминаний о национальном контингенте татар, в связи с чем данная «специфика» может считаться «заслугой областного начальства, стремящегося действовать на опережение официальных приказов столичного руководства и ведущего поиск новых социальных групп» для репрессий. На деле в основе репрессивной акции против «раскулаченных» татар лежала директива ГУГБ НКВД СССР от 8 июня 1937 г. «Об агентурно-оперативной работе по антисоветским тюрко-татарским националистическим организациям». См. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 гг. – М., 2004.

⁷⁴ *Белковец Л.П.* Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.) // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. – М., 1999. С. 158–180.

⁷⁵ *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. – Новосибирск, 2003 (2-е изд. – М., 2009).

⁷⁶ *Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н.* Корни или щепки... С. 15–17.

⁷⁷ *Петров М.Н.* Материалы «Исторических чтений на Лубянке» в преподавании исторических и правовых дисциплин // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. – М., 2008.

⁷⁸ Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М., 2006. Профессор Б.А. Старков, известный в 90-е годы многочисленными, резкими и не всегда основательными публикациями об истории ВЧК-НКВД, ныне прямо обвиняет критиков сталинщины в антипатриотизме: «Стихийное рассекречивание, связанное с крушением социалистической государственности советского типа, привело к появлению мифологизированной истории советского общества. [...] Трактовка деятельности органов государственной безопасности в истории российской государственности приобрела негативный, антинародный и антинациональный характер. Это в значительной степени способствует формированию деструктивного исторического сознания, выхолащивая духовно-нравственные основы... За этим нередко стоят... политические и коммерческие интересы не только авторов, но и определенных групп, выступающих с антинациональных позиций». *Старков Б.А.* План «Д»: вымыслы и действительность. Специальные мероприятия органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны // <http://www.chekist.ru/article/2219>

⁷⁹ *Абраменко Л.М.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. – Киев, 2005; *Филимонов С.Б.* Тайны крымских застенков. – Симферополь, 2003; «Руководствуясь революционной совестью...» Сборник документов по истории Алтайской губЧК 1919–1922. – Барнаул, 2006; Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. Сост. С.С. Балмасов. – М., 2006; Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. Сост. С.В. Волков. – М., 2010; *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. – М.: АИРО-XXI, 2007 и др.

- ⁸⁰ Булдаков В.П. Красная смута... С. 572.
- ⁸¹ Солоед К.В. Психологические последствия репрессий 1917–1953 годов в судьбах отдельных людей и в обществе // Журнал практической психологии и психоанализа. Ежеквартальный научно-практический журнал электронных публикаций. 2010. № 4 <http://psyjournal.ru/j3p/par.php?id=20100403>
- ⁸² Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2007; Сухомлинов А.В. Кто вы, Лаврентий Берия? – М., 2003; Соколов Б.В. Берия. Судьба всевильного наркома. – М., 2008; Буяков А.М. Органы государственной безопасности Приморья в лицах: 1923–2003 гг. – Владивосток, 2003; Тумишис М.А. ВЧК. Война кланов. – М., 2004; Голоскоков И.В., Уйманов В.Н. На страже: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. – Томск, 2008; Тепляков А.Г. Опричники Сталина. – М., 2009; Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах / Автор-сост. А.С. Колесников. – Хабаровск, 2011; Золотарьев В. Свояк Сталина (сторінки біографії комісара держбезпеки 1 рангу Станіслава Реденса) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2004. № 1/2. С. 210–249.
- ⁸³ Сопельняк Б. Профессия убивать. Палачи сталинской эпохи // Родина. 2003. № 9. С. 66–69; Тепляков А.Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. – М., 2007.
- ⁸⁴ Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя / Сост.: В.А. Гончаров, А.И. Кокурин. – М., 2009.
- ⁸⁵ Капчинский О.И. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. – М., 2005. – 384 с.
- ⁸⁶ Тумишис М.А., Папчинский А.А. 1937. Большая чистка... 2009; Наумов И.В. Органы государственной безопасности Восточно-Сибирского края (1930–1936) <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Naumov.htm>; Тепляков А.Г. Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М., 2008.
- ⁸⁷ Рыжиков А.В. Ивано-Вознесенская губернская чрезвычайная комиссия. 1918–1922 гг. – Иваново, 2007.
- ⁸⁸ Аурилене Е.Е., Цыбин А.Ю. Меч пролетарской диктатуры: Дальневосточные органы ГПУ-ОГПУ в борьбе за экономическую безопасность СССР. – Хабаровск, 2010; Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006.
- ⁸⁹ Яковлева М.А. МЧК: Московская чрезвычайная комиссия. – М., 2011.
- ⁹⁰ Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – М., 2004.
- ⁹¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М., РОССПЭН, 2009.
- ⁹² Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии... С. 236–237.
- ⁹³ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М., 2010.
- ⁹⁴ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2007; Павлюков А.Е. Ежов. Биография. – М., 2007.
- ⁹⁵ Petrov Nikita. Les transformations du personnel des organes de sécurité soviétiques, 1922–1953 // Cahiers du Monde Russe 42/2–4. – Paris, 2001; Петров Н.В. Первый председатель КГБ Иван Серов. – М., 2005; Он же. По сценарию Сталина. Роль органов НКВД-МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. – М., 2011; Он же. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. – М., 2011.
- ⁹⁶ Золотарьев В.А. ЧК-ДПУ-НКВС на Харьковщині: люди та доли (1919–1941). – Харьков, 2003; Он же. Олександр Успенський: особа, час, оточення. – Харьков, 2004; Он же. Секретно-політичний відділ ДПУ УССР: справи та люди. – Харьков, 2007.
- ⁹⁷ Рейфилд Д. Сталин и его подручные. – М., 2008. В этом смысле работа журналистки Э. Эпплбаум о ГУЛАГе выглядит гораздо более интересной, предлагая широкой публике объективную картину жизни этого государства в государстве.
- ⁹⁸ Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. – Архангельск: СПб., 2010; Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. – М., 2003 и др.

⁹⁹ Дегтярев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. – М., 2009; Гладков Т. Лифт в разведку. «Король нелегалов» Александр Коротков. – М., 2002; Батурич Ю. Досье разведчика. – М., 2005; Никандров Н. Иосиф Григулевич. Разведчик, «которому везло». – М., 2005; Соцков Л.Ф. Код операции – «Тарантелла». Из архива внешней разведки России. – М., 2007; Долгополов Н. Абель – Фишер. – М., 2010.

¹⁰⁰ Andrew C. The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB. – Basic Books, 2000; Vasili Mitrokhin and Christopher Andrew, The World Was Going Our Way: The KGB and the Battle for the Third World. 2005; The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West. – Penguin Press History, 2006.

¹⁰¹ John Earl Haynes, Harvey Klehr, Alexander Vassiliev. Spies: The Rise and Fall of the KGB in America. – New Haven & London. – Yale University Press. 2009.

¹⁰² Например, Хаустов В.Н. Развитие советских органов государственной безопасности: 1917–1953 гг. // Cahiers du Monde Russe 42/2–3–4 Avril-decembre 2001. – Paris, 2002. S. 357–373.

¹⁰³ Михеев В.И. Основные направления деятельности органов ГПУ–ОГПУ Центрального Черноземья в 1922–1934 гг. – М., 2003; Он же. Деятельность органов безопасности по противодействию бандитизму и повстанческим проявлениям в Центральном Черноземье в 1922–1934 годах. – М., 2003.

¹⁰⁴ Михеев В.И. Из истории деятельности ОГПУ Центрального Черноземья в 1930 г. // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. – М., 2008. С. 173–187.

¹⁰⁵ Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). – Жуковский: М., 2006.

¹⁰⁶ Характерные мифические утверждения о том, что аппарат НКВД в 1937–1938 гг. пострадал в процентном отношении больше, чем все остальные ведомства, см.: Полянский А.И. Ежов. История «железного» сталинского наркома. – М., 2001. С. 40.

¹⁰⁷ Достаточно любому читателю взглянуть на графу, в которой Мозохиним указаны данные о расстрелянных в 1932 г., чтобы увидеть несуразно большое количество осужденных к высшей мере наказания (436 тыс.), и несложным подсчетом определить, что в графе «ВМН» просто суммированы все осужденные по стране за 1932 г. Число расстрелянных следует искать в графе «ИТЛ», а заключенных в лагеря – в графе «Адм. высылка» (С. 302–307). Эти грубейшие ошибки, которые фактически лишают возможности пользоваться приведенной статистикой за весь 1932 г., обнаружены Мозохиним еще в 2005 г. (Мозохин О., Гладков Т. Менжинский. Интеллигент с Лубянки. – М., 2005), и без коррекции повторены в «Праве на репрессии». Немногом лучше ситуация с карательной статистикой 1931 г.: на С. 294–295 итоговая цифра репрессированных приведена в графе «Прочие обвинения», количество расстрелянных – в графе «Переданные», число осужденных к заключению в ИТЛ – в графе «Всего».

Официальные данные о расстрелах по СССР за 1933 г. (С. 312) являются полностью дефектными по иной причине: в них изначально не были включены сведения о расстрелянных тройками в Западной и Восточной Сибири, а также на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях. Между тем в Западной Сибири в 1933 г. только по «заговору в сельском хозяйстве» было расстреляно 976 чел., по «белогвардейскому заговору» – не менее 247 чел., по делу «Глубинка» на «заговорщиков» в Хакасии – 68 чел. Панков С.А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. – Новосибирск, 1997. С. 92–96. Тройкой при ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края с декабря 1932 г. по середину марта 1933 г. было осуждено к расстрелу 1 712 чел. ЦА ФСБ.Ф. 2. Оп. 11. Д. 712. Л. 2.

Жестокий террор царил в 1933 г. на Украине, которому никак не соответствуют приводимые Мозохиним цифры – 69 чел.. Согласно обнаруженным официальным данным из архивов Службы безопасности Украины, за 1933 г. ГПУ УССР осудило 45 тыс. человек, из них 774 – к высшей мере наказания. Еще 750 чел. были приговорены к расстрелу по делам ГПУ гражданскими судами республики. См. Никольский В.М. Репрессивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. – Донецьк, 2003. С. 389 (указано В.А. Золотаревым). Еще одна грубая ошибка принадлежит автору: на С. 244 он отнес давно опубликованную и заниженную цифру репрессированных с 1935 по 1940 гг. – 1 980 635 арестованных и 688 503 расстрелянных – к совершенно непонятному периоду (то ли к 1934–1953 гг., то ли к 1953–1954 гг.), при этом ее исказил и тем занижил число арестованных на 60 тыс. чел.

В книге Мозохина много других ошибок. Например, НКВД Башкирии, согласно автору, базируется во Фрунзе (С. 164), а упоминая арест чекистами Свердловской области 2330 чел. во время «операции по японцам» в начале 1938 г. (С. 165), Мозохин не поясняет, что имеются в виду не этнические японцы, а «японские шпионы», к которым относили, в первую очередь, харбинцев, китайцев и корейцев, а также русских, высланных с Дальнего Востока.

¹⁰⁸ Мозохин О.Б. Деятельность ГПУ–ОГПУ по обеспечению экономической безопасности советского государства (1922–1934). – М., 2009. С. 343–354, 386.

¹⁰⁹ Плеханов А.М. ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности.

¹¹⁰ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). – М., 2008.

¹¹¹ Петрушин А. Проклятье шамана // Родина. 2006. № 3. С. 60; Он же. Чекистские истории. Хлебное место // Тюменский курьер. 2005. № 89–90. 16 июля.

¹¹² Хаустов В.Н. Развитие советских органов государственной безопасности: 1917–1953 гг. // Cahiers du Monde Russe 42/2–3-4 Avril-decembre 2001. Paris, 2002. S. 369–370.

¹¹³ Скоркин К.В. На страже завоеваний революции. История НКВД–ВЧК–ГПУ РСФСР. – М., 2010. – 1216 с.; Он же. МВД России. Люди, структура, деятельность. Т. 2. НКВД РСФСР 1917–1923. – М., 2008.

¹¹⁴ Скоркин К.В. МВД России. Люди, структура, деятельность. Т. 2... С. 405–406, 410, 492, 506.

¹¹⁵ Там же. С. 520, 565, 456.

¹¹⁶ Пожаров А. Современная источниковая база по истории советских спецслужб 1950–1960-х гг. // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 29–36.

¹¹⁷ Докучаев М.С. Москва. Кремль. Охрана. – М., 1995.

¹¹⁸ Гащенко В.А. Деятельность органов безопасности по защите глубокого тыла в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей). Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Кемерово, 2008; Онищенко В.В. Образование и деятельность советских органов государственной безопасности в Кемеровской обл. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Кемерово, 2010.

¹¹⁹ Вепрев О.В., Лютов В.В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. – Челябинск, 2002; Соловьев А.В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. – М., 2002; Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002 гг.: страницы истории. – Кемерово, 2002; Марченко С.Г. Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. – Кемерово, 2009; Голоскоков И.В., Уйманов В.Н. На страже: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. – Томск, 2008.

¹²⁰ Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области (1918–2003) / Сост. В.П. Дубровин, В.Л. Загайнова, О.В. Карнаев. – Екатеринбург, 2003; Безопасность Родины – выбор, долг, призвание: из истории органов ВЧК–ФСБ по Кабардино-Балкарии / Сост. А.В. Казаков. – Нальчик, 2003; Служение Отечеству. Воспоминания, статьи, документы 1917–2005 гг.: В 2 кн. Сост. В.В. Онищенко. – Кемерово, 2005; Осипов А.В., Харламов В.А. Органы государственной безопасности в Нижегородской области. Страницы истории: в 2 т. Т. 2. История нижегородских органов безопасности: 1917–2006 гг. – Н. Новгород, 2007 и др.

¹²¹ Громов А.В., Хорошавин В.А., Хумарьян С.Г. Самарский щит: Очерки, посвященные 90-летию Управления ФСБ по Самарской области. – Самара, 2008. С. 83.

¹²² РГАНИ.Ф. 6. Оп. 2. Д. 822. Л. 47.

¹²³ Gladkov T. Медведев – супердиверсант Судоплатова. – М., 2005. С. 271; Игнашов А. Чекист // Самарские судьбы. 2009. № 1. С. 32–39.

¹²⁴ На страже безопасности отечества: воспоминания, статьи, документальные материалы. УФСБ по Владимирской области. Сост. О.В. Шошина. – Владимир, 2007. С. 28–38, 112–114.

Предыстория Великой Отечественной войны

Характерной чертой советской историографии предыстории Великой Отечественной войны было наличие единственной официальной версии событий¹. Процесс переоценки истории советского общества, начавшийся с конца 1980-х годов, привел к возникновению в отечественной исторической науке альтернативных взглядов и формированию историографии, в которой представлены различные, зачастую прямо противоположные, подходы к изучению тех или иных вопросов. Распад Советского Союза позволяет формально говорить о прекращении существования советской историографии, однако идеи, характерные для советской литературы, продолжают оказывать значительное влияние на современную российскую историографию. По большому числу проблем 1939 – первой половине 1941 гг. велись и ведутся ожесточенные дискуссии, зачастую выходящие за рамки исторической науки и испытывающие влияние политической конъюнктуры.

Фактически в литературе обозначились два основных историографических направления:

1. «Традиционалистское» («просоветское»), придерживающееся модернизированного варианта официальной советской версии и пытающееся на основе ставших доступными документов понять внутреннюю логику исторических событий эпохи, и

2. «Критическое» («антисоветское»), настаивающее на полном концептуальном переосмыслении этих проблем на базе не столько новых источников, сколько неких абстрактных моральных категорий.

В последние годы появилось значительное количество исследований по проблемам кануна Великой Отечественной войны. Привлечение нового документального материала позволило более подробно изучить такие крупные темы как генезис советско-германского договора о ненападении, отношения СССР с великими державами Запада, политика советского руководства в Восточной Европе в 1939 – первой половине 1941 гг. и военные аспекты подготовки Советского Союза к войне. Продвижение в изучении этих проблем все яснее показывает необходимость корректировки, а кое-где и полного пересмотра привычной концепции исторических событий.

Политический кризис 1939 г.

События 1939 г. по-прежнему остаются в центре внимания российской историографии, так как проблематика возникновения Второй мировой войны имеет явный политический аспект и практически во всех странах пропаганда

активно использует определенные исторические факты для подтверждения правильности действий своих правительств в ходе политического кризиса 1939 г. Так как Российская Федерация также является участником этих пропагандистских баталий, соответствующие исследования российских ученых имеют не только чисто научный, но и вполне прикладной характер. По проблемам политического кризиса 1939 г. имеются довольно обширные документальные публикации, изданные в Англии, Франции, Германии, Италии, Польше и СССР/Российской Федерации. Столь же широка и фактографическая база подобных исследований. Поэтому отказ тех или иных российских исследователей от учета в своих работах определенных групп фактов и документов связан исключительно с их мировоззренческими установками. В центре внимания исследователей остаются две основные проблемы этого периода: англо-франко-советские переговоры и советско-германский договор о ненападении.

Касаясь вопроса о причинах начала англо-франко-советских переговоров, российские историки довольно единодушны в том, что экспансионистские действия Германии и Италии в марте-апреле 1939 г. вынудили Англию и Францию начать зондаж позиции Советского Союза. Анализируя вопрос о целях участников переговоров, сторонники традиционной версии² указывают, что Англия и Франция использовали переговоры с СССР в интересах политики «умиротворения», подталкивая германскую экспансию на Восток. Их критики³ склонны видеть в политике западных держав заинтересованность в союзе с Москвой. Говоря о целях СССР на переговорах, сторонники традиционной версии считают, что он искренне добивался союза с Англией и Францией, надеясь предотвратить или оттянуть войну и блокировать возможный единый антисоветский фронт. По мнению критически настроенных авторов, советское руководство стремилось не к союзу с Западом, а к соглашению с Германией.

В литературе рассмотрен ход переговоров и показано, что камнем преткновения стал вопрос об определении «косвенной агрессии». Сторонники традиционной версии указывают на то, что советское предложение по этому вопросу отвечало интересам защиты мира, но поскольку Запад не пошел на уступки, то политический договор не был заключен. С точки зрения их критиков именно неуступчивость Москвы в этом вопросе сорвала достижение соглашения, а ее требование об одновременном заключении политического и военного договоров давало советскому руководству дополнительное время для переговоров с Германией. В этом направлении историографии советское руководство упрекают в том, что оно вело переговоры как с Англией и Францией, так и с Германией, добиваясь более выгодного для себя соглашения. Понять логику подобных упреков невозможно, поскольку вся международная политика строится именно на таких методах. Было бы странно, если бы Москва в 1939 г. старалась добиться соглашения на невыгодных для себя условиях. К тому же данные авторы игнорируют давно известные факты нежелания английского руководства вообще иметь какое-либо соглашение с СССР.

Сторонники традиционной версии указывают, что военные переговоры, начатые по инициативе Советского Союза, показали неготовность Англии и Франции к военному соглашению и не дали результата, так как Польша категорически отказалась пропустить на свою территорию советские войска, а Запад не оказал на нее давления. По мнению их критиков, вопрос о проходе Красной армии на территорию Польши явился для Москвы удобным предлогом для прекращения переговоров. Ответственность за срыв переговоров традиционная версия возлагает на партнеров СССР, особенно на Англию, которая вела секретные переговоры с Германией. Ее критики полагают, что причиной срыва переговоров было взаимное недоверие партнеров и склонность СССР к соглашению с Германией. Как ни странно, последствия неудачи переговоров не вызывают существенных разногласий, несмотря на позицию исследователей. Общим местом отечественной историографии является тезис о том, что союз Англии, Франции, СССР и США предотвратил бы Вторую мировую войну. Единственным отличием позиции критиков традиционной версии является мнение, что именно советское руководство отказалось от такого союза. Но, к сожалению, сам этот тезис никогда не исследовался в отечественной историографии и пока является всего лишь привычным пропагандистским стереотипом.

Анализируя проблему генезиса советско-германского договора о ненападении, традиционная историография считает целью советского руководства обеспечение безопасности СССР в условиях начавшегося кризиса в Европе. Ее критики отмечают, что целью Кремля являлось столкновение Германии с англо-французским блоком и расширение господства «фронта социализма». Стоит отметить, что оба эти тезиса вовсе не противоречат друг другу. Вопрос заинтересованности Германии в заключении договора с СССР излагается в историографии противоречиво. Одни авторы считают, что Германия не слишком стремилась к соглашению с Советским Союзом, так как могла выбирать между договоренностью с ним или с Англией. Другие, наоборот, полагают, что Берлин летом 1939 г. находился в сложном положении и был заинтересован в соглашении сильнее, чем Москва, поскольку это было одним из этапов внешнеполитической изоляции Польши в предстоящей войне. Именно поэтому Германия и была инициатором договора с СССР. Продолжают высказываться различные гипотезы относительно возможных альтернатив советско-германскому договору и по проблеме момента начала советско-германского сближения. Оценивая советско-германский договор, одни авторы рассматривают его как большой успех, другие – как вынужденный шаг, а третьи – как просчет советской дипломатии. В российской историографии господствует мнение, что секретный дополнительный протокол был естественным продолжением договора о ненападении, которым Берлин расплатился с Москвой за ее нейтралитет в возможной войне с Польшей, признав сферу советских интересов в Восточной Европе. Вместе с тем, следует отметить, что фотокопии секретных протоколов 1939 г. до сих пор не публиковались, что дает основания для различных предположений относительно аутентично-

сти опубликованного текста. Так, например, А.А. Кунгуров попытался вообще опровергнуть наличие секретных протоколов к советско-германским соглашениям⁴, хотя они фигурируют в довольно большом количестве как советских, так и германских дипломатических документов 1939–1941 гг., что однозначно подтверждает их существование, но не решает проблему аутентичности текста.

Основной проблемой, вызывающей непрекращающиеся споры, является вопрос о влиянии советско-германского договора на начало войны в Европе. Правда, введенные в научный оборот факты и документы показывают, что советско-германский договор о ненападении не был детонатором войны в Европе. Ведь вместо честного выполнения своих союзнических обязательств перед Польшей Англия и Франция продолжали добиваться соглашения с Германией, что порождало в Берлине уверенность в невмешательстве западных союзников в возможную германо-польскую войну. Фактически именно дипломатические игры Лондона и Парижа подтолкнули Германию к войне с Польшей. Тем не менее, с точки зрения критически настроенных авторов самым неожиданным образом виноватым в этом почему-то оказался СССР. Одной из наиболее серьезных дискуссий по вопросам фактографии событий 1939 г. стало обсуждение опубликованной еще в 1994 г. «речи Сталина» перед членами Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г., содержавшей задачу использовать войну в Европе для усиления там советского влияния⁵. Как убедительно показал С.З. Случ этот «документ» является фальсификацией французских спецслужб⁶. Правда, была предпринята неудачная попытка доказать факт выступления И.В. Сталина для того, чтобы обосновать лживую версию о том, что СССР и Германия «несут равную ответственность за развязывание Второй мировой войны»⁷. В основном же дискуссии возникали по вопросам интерпретации различных фактов политического кризиса 1939 г., в ходе которых в полной мере проявились именно мировоззренческие различия между исследователями. Критически настроенные авторы исходят из базовой установки, что любые действия советского руководства являются неправильными. Так, многие из них упрекают Сталина в том, что в течение всей второй половины 1930-х гг. он стремился нормализовать отношения с Германией. Причем никаких обоснований, почему это стремление является «плохим», никто из подобных авторов не приводит. Для них это некая аксиома, которая периодически подкрепляется бредовой версией о том, что нормализация советско-германских отношений – это сближение тоталитарных режимов против демократии. Хотя сегодня совершенно очевидно, что концепция «тоталитаризма», как, впрочем, и концепция «демократии» являются всего лишь обычными идеологическо-пропагандистскими конструкциями, имеющими очень слабое отношение к реалиям политических систем разных стран.

Естественно, что в этом направлении историографии советско-германский договор рассматривается как пример реализации стремления Германии и СССР «к военно-силовому переустройству мира на свой лад». Конечно же, упоминаются в негативном плане некие советские глобальные амбиции. Так,

Д.Г. Наджафов упрекает Сталина в том, что он «стремился играть самостоятельную и активную роль на международной арене», использовать межимпериалистические противоречия, что, по мнению исследователя, было проявлением классовых и имперских целей. То есть фактически советское руководство упрекают в том, что оно честно отстаивало интересы своей собственной страны. Критически настроенные авторы уверены, что советско-германский договор избавил Берлин от войны на два фронта, хотя такими фронтами для Германии были польский и французский. Какое отношение ко всем этим стратегическим проблемам имеет СССР так и остается неясным. Конечно же, по мнению этих авторов, заключив договор с Германией, советское руководство поощрило агрессивные намерения Берлина, что и привело к возникновению Второй мировой войны. Следовательно, Сталин является провокатором и подстрекателем Второй мировой войны. Таким образом, делается попытка возложить ответственность за возникновение войны в Европе на Советский Союз, для того чтобы обелить политику Англии, Франции и даже Германии.

В рамках подобного подхода СССР рассматривается как фактический союзник Германии. Однако ни о каком советско-германском военно-политическом союзе в 1939–1941 гг. не было и речи. Ни в одном соглашении сторон об этом не было сказано ни слова, ни Москва, ни Берлин никогда не рассматривали свои отношения в этом ключе, хотя и допускали такие пропагандистские заявления, которые могли быть истолкованы как определенная тенденция дальнейшего сближения между ними. Однако дальше этого дело не пошло. Еще более тенденциозно в этом направлении историографии интерпретируется секретный дополнительный протокол к советско-германскому договору о ненападении. Расхожим утверждением является тезис о том, что советско-германские договоренности были «направлены на ликвидацию государственного суверенитета и территориальной целостности четырех стран и, как таковые, грубо нарушали общепринятые нормы международного права»⁸. В данном случае, зная о дальнейших событиях, подобные авторы просто переносят свое «послезнание» на участников событий 1939 г. Кроме того, следует отметить, что в отличие от союзного договора, соглашение о ненападении не может быть направлено против кого-то. В нем нет ни слова о каких-либо враждебных действиях против каких-либо восточноевропейских стран. Да, договор имел характер неограниченного нейтралитета, но англо-германская и франко-германская декларации от 30 сентября и 6 декабря 1938 г., имевшие такой же характер, не вызывают теперь никаких упреков в нарушении интересов третьих стран. Однако схожие действия СССР почему-то всячески осуждаются, а Англия и Франция, видимо, имеют некую исключительную индульгенцию, которая заранее оправдывает любые их действия.

Секретный протокол к советско-германскому договору также носил достаточно аморфный характер. Хотя в нем зафиксировано разграничение «сфер интересов» сторон на случай «территориально-политического переустройства» региона, но никаких реальных территориальных изменений или оккупа-

ции «сфер интересов» он не предусматривал⁹. Также он не порождал никаких юридических последствий для третьих стран. Вообще ситуация конца августа 1939 г. была столь запутанной, что политики и дипломаты всех стран, в том числе и Советского Союза, старались подписывать максимально расплывчатые соглашения, которые в зависимости от обстановки можно было бы трактовать как угодно. Ведь никто не знал, возникнет ли вообще германо-польская война или будет достигнут какой-то компромисс, как это было в 1938 г. В этой ситуации термин «территориально-политическое переустройство» Восточной Европы мог трактоваться и как вариант нового Мюнхена, то есть позволил бы Москве заявить о своих интересах на возможной международной конференции. А понятие «сфера интересов» вообще можно было трактовать как угодно. В любом случае советско-германский договор был соглашением, рассчитанным на любую ситуацию. Понятно, что критически настроенные авторы стараются не затрагивать эти аспекты. Так, например, С.З. Случ, не будучи в состоянии оспорить подобную аргументацию, просто отказался ее рассматривать, заявив, что она не относится «к научному анализу данной проблемы»¹⁰.

Таким образом, в последние годы в российской историографии создана более объемная картина событий предвоенного политического кризиса 1939 г. Возникшая научная дискуссия способствовала как изучению этих неоднозначных проблем, так и складыванию различных направлений в историографии. В итоге стало очевидно, что Советский Союз являлся не пассивным объектом развития международной обстановки, а активным субъектом событий, преследующим свои собственные цели. Однако следует отметить, что ведущиеся дискуссии, чем дальше, тем больше становятся все более политизированными. В итоге утрачивается сам смысл научных дискуссий, которые постепенно превращаются в политические склоки, не имеющие никакого познавательного смысла.

Отношения СССР с великими державами Запада

В историографии внешней политики советского руководства в отношении великих держав до сих пор нет фундаментальных исследований двусторонних отношений Советского Союза с Англией, Францией, США, Италией и Германией накануне Великой Отечественной войны. Хотя в последние годы продолжалась выборочная публикация дипломатических документов¹¹.

Советско-английские отношения изучены довольно фрагментарно. Как и ранее, популярным сюжетом являются англо-французские планы военных действий против Советского Союза зимой 1939–1940 гг. В литературе довольно подробно рассмотрен вопрос о попытке английского правительства установить более тесный контакт с Москвой в июле 1940 г., анализируется

политика Англии, направленная весной 1941 г. на вовлечение СССР в войну с Германией. Появились исследования восприятия Советского Союза английским общественным мнением и политики Лондона на Ближнем Востоке¹². Однако целостного исследования советско-английских отношений накануне Великой Отечественной войны в российской историографии все еще не появилось.

Вопросы советско-французских отношений в 1939 – июне 1941 г. только начинают исследоваться в российской историографии¹³. Еще слабее изучены советско-итальянские отношения¹⁴ этого периода и практически совершенно не изучались советско-американские отношения¹⁵.

В последние годы основное внимание в российской историографии уделялось исследованию советско-германских отношений¹⁶. Апогеем советско-германского партнерства большинство авторов считает период осени 1939 – весны 1940 г. Договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. получил в историографии противоречивую оценку. Одни авторы видят в нем обеспечение советских интересов, а другие – резко критикуют СССР за раздел Польши. Исследования советско-германских торгово-экономических связей не подтвердили версию об экономической поддержке Советским Союзом Германии в ущерб собственным интересам. Однако целостного анализа влияния германских поставок для развития советской экономики в российской историографии так и не появилось, хотя был опубликован ряд документов, которые позволяют более подробно исследовать торгово-экономические отношения между Москвой и Берлином. Начало ухудшения советско-германских отношений большинство авторов относит к июлю 1940 г.

Ставшие доступными дипломатические документы позволили обстоятельно изучить ход переговоров в Берлине в ноябре 1940 г., показать, что СССР был готов обсудить предложение Берлина о новом соглашении с Германией, Италией и Японией, но при этом настаивал на получении преимуществ в Финляндии, определенных районах Балканского полуострова и Ближнего Востока. Основная дискуссия ведется по вопросу о том, насколько серьезно стороны относились к высказанным в ходе переговоров предложениям. По мнению В.С. Лаврова, в Берлине никаких конкретных предложений В.М. Молотову передано не было, имел место лишь общий зондаж относительно нового соглашения четырех держав. Тогда так советские предложения от 25 ноября 1940 г. преследовали цель подтолкнуть Германию к реальным переговорам по этому вопросу. Однако германское руководство намеревалось изолировать СССР от Англии, для чего нужно было заинтересовать Москву в переговорах и получить от нее некие предложения, которые можно было довести до сведения Лондона. Именно на это был, по мнению исследователя, направлен полет Р. Гесса в Англию в мае 1941 г. Со своей стороны английское руководство тоже было заинтересовано в войне между СССР и Германией, в которую оно не собиралось вмешиваться¹⁷. Однако эта довольно любопытная гипотеза пока не получила однозначного документального подтверждения. Точно также в научный оборот не было введено документов,

которые позволили бы однозначно установить оценку советским руководством итогов берлинских переговоров. Например, В.Я. Сиполс попытался использовать для этого так называемую «записку управляющего делами СНК СССР Я.Е. Чадаева»¹⁸, хотя, как выяснилось, это всего лишь мемуарное свидетельство, содержащее немало неточностей и прямых несоответствий реальным событиям¹⁹.

В историографии показано, что в последующие месяцы советско-германские отношения отмечены нарастающей конфронтацией в основном вокруг балканских проблем. В литературе более активно изучаются проблемы германской политики на Ближнем Востоке. Появившиеся документальные публикации позволили уточнить проблему неформальных контактов германского посла в Москве с советским полпредом в Берлине в мае 1941 г. Подготовка Германии к нападению на Советский Союз во второй половине 1940 – первой половине 1941 гг. подробно изучена в целом ряде исследований²⁰. Еще одной проблемой историографии советско-германских отношений являются различные предположения относительно переписки или встречи между А. Гитлером и И.В. Сталиным, периодически всплывающие преимущественно в публицистических работах²¹. Однако пока никаких документальных подтверждений этого ни в германских, ни в советских архивах так и не найдено.

В литературе широко распространено мнение, что весной 1941 г. советское руководство проводило политику умиротворения агрессора, приведшую к внезапному нападению. Однако вместо подтверждения этого тезиса на основе рассекреченных советских документов, некоторые авторы используют фальсифицированные «документы». Так, В.А. Анфилов для обоснования этой точки зрения ссылается на опубликованные в 15 томе сочинений И.В. Сталина (М., 1997) документы: «Выступление на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) (конец мая 1941 года)» и «Беседа с А.М. Лавровым 18 июня 1941 года»²². Однако оба эти «документа» – фальшивки, автором которых, по всей видимости, является В.М. Жухрай, в чьей художественно-публицистической книге они впервые и появились²³. Совокупный анализ советской дипломатии в отношении Берлина, военных мер по подготовке к войне, мероприятий по развитию военной промышленности и изменения в советской пропаганде позволили ряду авторов сделать вывод о подготовке упреждающего удара Красной армии по Германии.

Таким образом, вопросы взаимоотношений СССР с великими державами исследованы в российской историографии очень неравномерно. Если советско-английские и советско-французские отношения изучались хотя бы фрагментарно, то советско-итальянские и советско-американские отношения до сих пор остаются практически не исследованными. Наиболее обстоятельно оказались исследованы советско-германские отношения, хотя, конечно, и эта проблема еще далека от полного решения. При этом российские исследователи почему-то довольно слабо используют соответствующие работы своих зарубежных коллег по этим вопросам.

Политика советского руководства в Восточной Европе.

Традиционным направлением в российской историографии являются исследования проблем взаимоотношений Советского Союза с его западными соседями в 1939 – первой половине 1941 гг.

В исследовании советско-польских отношений основное внимание уделяется событиям сентября 1939 г. В литературе отмечается, что еще весной 1939 г. Москва предлагала Варшаве договориться о взаимодействии против возможной германской агрессии, но польская сторона отвергла эти советские предложения, понадеявшись на поддержку Англии и Франции. Ряд авторов полагает, что быстрый разгром Польши Германией был неожиданностью для советского руководства и потребовал ввода Красной армии на ее территорию, поскольку обстановка резко обострилась и возросла угроза советским границам. Высказывается мнение о том, что войска Белорусского и Украинского фронтов готовились к конфронтации с Германией и поэтому имели равноценные действующим в Польше войскам вермахта силы²⁴. По мнению других исследователей, вступление Красной армии в Польшу было предопределено секретной договоренностью с Германией и сталинской политикой территориальных захватов, а затяжка с реализацией этих планов была связана с необходимостью психологической подготовки населения, опасениями столкновения с Англией и Францией, необходимостью успокоить мировое общественное мнение и ожиданием падения Варшавы. Соответственно, действия советских войск рассматриваются как агрессия против Польши и вступление СССР во Вторую мировую войну²⁵.

Ныне в российской историографии подробно изучены действия советских войск на территории Западной Украины и Западной Белоруссии и соответствующие изменения в советской пропаганде²⁶. Стало очевидным, что действия СССР были обусловлены общей ситуацией в ходе начавшейся войны в Европе. Только убедившись, что англо-французские союзники Польши бросили ее на произвол судьбы, Москва решила на ввод войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Именно в этих условиях и пригодились как советско-германская договоренность о разделе сфер интересов, так и настойчивые просьбы Берлина о вводе советских войск в Польшу. Как только стало ясно, что никакого серьезного сопротивления польскими войсками оказано не будет, главной задачей Красной армии стало «любезное вытеснение» вермахта как можно дальше на запад. Правда, имели место случайные боевые столкновения между частями вермахта и Красной армии, впрочем, быстро улаженные путем переговоров. В итоге, умело используя военно-политическую ситуацию, советское руководство смогло освободить территорию Западной Украины и Западной Белоруссии от польского ига и добиться воссоединения белорусского и украинского народов в границах Белорусской и Украинской ССР. Вместе с тем, в посвященной событиям сентября 1939 г. литературе сохраняется довольно много различных мифов. Так, В.С. Парса-

данова полагает, что «еще будучи в Москве, Риббентроп договорился со Сталиным о выступлении СССР против Польши едва ли не одновременно с Германией»²⁷. Однако известные документы о просьбах Берлина ускорить ввод Красной армии в Польшу свидетельствуют, что германская сторона ни разу не ссылаясь на некую предварительную договоренность об этом. Поэтому тезис о советско-германской договоренности о нападении на Польшу является ложью, позаимствованной из современной польской историографии. Еще одной фантазией является версия о том, что «разгром и пленение грубешовской группировки польской армии были результатом непосредственного взаимодействия вермахта и Красной армии, санкционированного в Москве»²⁸. Однако, во-первых, никакой польской грубешовской группировки просто не существовало, а во-вторых, в 15 часов 24 сентября из Москвы от наркома обороны в штаб Украинского фронта поступило «сообщение о том, что договоренности с немцами о совместном действии против поляков не было, нужно поляков бить самим»²⁹. Видимо, версия о «совместных» действиях германских и советских войск на территории Польши позаимствована также из современной польской историографии. Традиционным для критически настроенных авторов является постоянно повторяемый ими миф о проведении советско-германских военных парадов в Гродно, Бресте и Пинске³⁰. Однако, поскольку ни в Пинске, ни в Гродно в сентябре 1939 г. не было никаких германских войск, то и проводить парады там было просто не с кем. Единственный советско-германский парад состоялся в Бресте, но был не «парадом победы», а всего лишь частью процедуры передачи города вермахтом Красной армии. Причем именно генерал Г. Гудериан был инициатором его проведения³¹.

В последние годы появились сборники документов и исследования о политике советских властей на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Однако в литературе преобладают исследования преимущественно репрессивной политики в отношении польского населения без четкого объяснения ее причин, хотя опубликованные документы показывают как террористическую борьбу польского подполья на этих территориях, так и наличие серьезных межнациональных проблем, порожденные польским господством 1920-х – 1930-х гг. Советское руководство было вынуждено параллельно решать оба эти круга проблем и всего в 1939–1940 гг. с этих территорий в глубь СССР было переселено 292515 человек³². Кроме того, остается до конца не проясненной позиция польского эмигрантского правительства в отношении СССР. Одни авторы указывают, что оно объявило войну СССР, однако, по мнению других, подобного официального заявления сделано не было³³. К сожалению, документы, которые позволили бы окончательно решить данный вопрос в российской историографии не публиковались.

Еще одним крайне политизированным вопросом советско-польских отношений продолжает оставаться «катынское дело». Как известно, весной 1990 г. советское руководство сделало официальное заявление о причастности к этим событиям органов НКВД. Однако появившиеся исследования

и документальные публикации³⁴, как, впрочем, и расследование Главной военной прокуратуры РФ, отнюдь не прояснили данную проблему. Ныне в Российской Федерации возникла публичная общественная дискуссия по этому вопросу, в ходе которой стало очевидно, что никаких однозначных доказательств вины советского руководства до сих пор не найдено³⁵. Используемые в качестве таких доказательств записка Л.П. Берия в Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 февраля 1940 г., выписка из решения Политбюро от 5 марта 1940 г. и записка председателя КГБ А. Шелепина Н.С. Хрущеву от 3 марта 1959 г. прежде всего вызывают серьезные сомнения в своей аутентичности. Кроме того, в записке Берия и выписке из решения Политбюро речь идет не о поголовном расстреле военнопленных польских офицеров, а о разрешении создаваемой для рассмотрения их следственных дел комиссии (тройки) НКВД выносить в том числе и смертные приговоры. Иначе непонятно, зачем вообще была нужна эта комиссия. Именно приговоры этой комиссии, а также материалы о приведении этих приговоров в исполнение явились бы прямыми доказательствами вины тогдашнего советского руководства в расстреле определенного количества польских офицеров. В литературе имеются сведения о том, что всего было расстреляно 3 196 военнопленных, причастных к уничтожению советских военнопленных в 1920–1921 гг., к борьбе против левого движения в Польше и совершивших тяжкие уголовные преступления на территории СССР уже после пленения. Однако совершенно очевидно, что к трагедии в Катынском лесу эти репрессии вообще не имеют никакого отношения. В любом случае, все эти проблемы требуют тщательного, всестороннего и обстоятельного расследования с рассекречиванием всех имеющих хоть какое бы то ни было отношение к этим вопросам документов в российских и зарубежных архивах.

В последние годы появились новые исследования отношений Советского Союза с республиками Прибалтики. Ряд авторов утверждает, что с началом Второй мировой войны возросла угроза захвата этих стран Германией, а следовательно, им не оставалось другого выхода, кроме договоров о взаимопомощи с СССР. Другие исследователи указывают на заинтересованность советского руководства в этих территориях в силу их стратегического положения и отмечают, что советско-германские договоренности предопределили судьбу Прибалтики. В литературе показано, что переговоры осени 1939 г. велись Москвой с позиции силы и под угрозой военного вторжения Эстония, Латвия и Литва были вынуждены подписать договоры о взаимопомощи. Рассматривая вопрос о выполнении этих договоров, большинство авторов отмечает, что, несмотря на определенные трения, стороны в целом лояльно выполняли их. Введение летом 1940 г. в Прибалтику дополнительных контингентов советских войск и присоединение этих стран к СССР объясняется рядом авторов антисоветской политикой этих государств. Другие исследователи рассматривают эти действия советского руководства как вмешательство во внутренние дела стран Прибалтики. Вместе с тем, большинство исследователей полагает, что советские действия в регионе имели антигерманскую направленность.

В последние годы в российской историографии появились работы по истории размещения советских военных и военно-морских баз на территории Прибалтики, была исследована проблема «похищений» советских военнослужащих в Литве в 1940 г., изучались вопросы реформирования местных армий в территориальные стрелковые корпуса РККА и влияния вступления Прибалтики в состав СССР на советско-германские экономические отношения. Подробно рассмотрен вопрос о выкупе Москвой юго-западного угла территории Литовской ССР у Германии. В литературе затрагиваются вопросы внешней политики самих стран Прибалтики и реакции великих держав на события лета 1940 г. в регионе³⁶. Однако в целом советско-прибалтийские отношения в 1939–1940 гг., а также проблемы внутривосточной ситуации в Прибалтике летом 1940 г. исследованы в российской историографии явно недостаточно.

Ныне проблемы советско-прибалтийских отношений 1939–1940 гг. изучаются на фоне довольно активной антироссийской пропаганды Эстонии, Латвии и Литвы, которые оценивают события лета 1940 г. как «оккупацию» и «аннексию» Прибалтики Советским Союзом. В российской историографии на этот счет высказываются разные точки зрения. Правда, следует отметить, что авторы, поддерживающие версию прибалтийских исследователей³⁷, так же как и они, не спешат изложить свои аргументы в пользу этой смелой гипотезы. Как правило, такие авторы делают вид, что не знают о том, что слова «оккупация» и «аннексия» являются международно-правовыми терминами, описывающими довольно конкретные ситуации.

Как известно, «военная оккупация – это временное занятие в ходе войны вооруженными силами государства части или всей территории противника и установление власти военной администрации на оккупированной территории, но без перехода суверенитета над занятой территорией к оккупирующему государству». Точно также известно, что «между Советским Союзом и Латвией, Литвой и Эстонией в 1940 году не существовало состояния войны. Между ними не велись какие-либо военные действия без объявления состояния войны. Советские войска не нападали на эти государства и не занимали их территорию без их согласия. Таким образом, их нельзя относить к неприятельским войскам, а их ввод на территорию Прибалтийских государств не может быть расценен как оккупация»³⁸. Прекрасно зная об этом, «историки стран Балтии, анализируя произошедшие летом 1940 г. события, в основном подводят их под такой тип оккупации как «*occupation pacifica*» (дословно, что-то вроде мирной оккупации)»³⁹. Правда, как отмечает вице-президент Российской Ассоциации международного права С.В. Черниченко, «разговоры об «оккупации в мирное время» (*occupation pacifica*) не имеют под собой никакой почвы, поскольку такого института в международном праве не было и нет»⁴⁰.

Иными словами, все рассуждения прибалтийских авторов на эту тему являются лишь их личными фантазиями и применяются исключительно для пропаганды. К сожалению, некоторые российские исследователи в своих рассуждениях пытаются совместить несовместимые взгляды. Так, например,

Е.Ю. Зубкова пишет, что «действия Советского Союза в Прибалтике с момента вторжения до решения сессии Верховного Совета СССР о вхождении Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза, т. е. с 15–17 июня до 3–5 августа 1940 г., могут быть, хотя и с большой долей условности, расценены как “военная оккупация” – если не по “букве”, то по сути. Вместе с тем термин “оккупация” совершенно не соответствует ни долговременным планам Советского Союза относительно Прибалтики, ни реальному развитию событий в этом регионе»⁴¹. Но если этот термин не «соответствует реальному развитию событий», то, совершенно очевидно, что он не адекватен ситуации и применять его, оставаясь в рамках научного изучения проблемы, просто невозможно. Не говоря уже о том, что именно термин «военная оккупация» совершенно не соответствует событиям лета 1940 г., как, впрочем, и использованный автором термин «вторжение».

Действительно советское руководство провело подготовительные военные меры для того, чтобы иметь возможность оккупировать страны Прибалтики, но между подготовкой военной операции и ее проведением есть большая разница. Дело в том, что руководство стран Прибалтики согласилось с советскими требованиями об изменении состава правительств в Каунасе, Риге и Таллинне и вводе дополнительных контингентов войск Красной армии на их территорию. Вопрос же о том, в силу каких причин страны Прибалтики согласились с советскими требованиями, для данной проблемы вообще не имеет никакого значения. Конечно, прибалтийские авторы стараются всячески демонизировать ситуацию с советскими требованиями, предъявленными Литве, Латвии и Эстонии в июне 1940 г., для того, чтобы показать, что только угроза применения силы заставила эти страны принять их. Однако они тщательно умалчивают о том, что «принцип, запрещающий прибегать к силе или угрозе ее применения, ставший одним из основных принципов современного международного права, впервые был закреплен в Уставе ООН»⁴². Таким образом, советские ультиматумы ни коим образом не противоречили тогдашнему международному праву.

К тому же войска Красной армии уже находились на территории государств Прибалтики в силу договоров о взаимопомощи и увеличение их количества было связано с резким изменением ситуации в ходе Второй мировой войны в Европе. Соответственно, помимо дипломатических договоренностей между СССР и странами Прибалтики, были подписаны соглашения между военными командованиями сторон о местах размещения дополнительных контингентов советских войск. Именно в эти районы советские войска и проследовали. Кроме того, следует помнить, что согласно ст. 42 Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, подписанной 18 октября 1907 г., «территория признается занятою, если она действительно находится во власти неприятельской армии. Занятие распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность»⁴³. Как известно, никакой советской военной власти в странах Прибалтики не создавалось, там продолжали действовать свои собственные

правительства. Таким образом, никакой «оккупации» государств Прибалтики Советским Союзом никогда не было.

Что касается вопроса об «аннексии», то так называется «насильственное присоединение (захват) одним государством всей или части территории другого государства». Собственно, вся история международных отношений полна различными примерами аннексий, являвшихся результатом многочисленных войн. Однако после Первой мировой войны термин «аннексия» стал постепенно приобретать негативный оттенок и в международное право стали вноситься различные ограничения на подобные действия. «До Второй мировой войны недействительной считалась аннексия, явившаяся результатом агрессивной войны или же договора, заключенного под принуждением». Поскольку вступление стран Прибалтики в состав Советского Союза «не было результатом ни агрессивной войны, ни договора, навязанного силой», то оно не может считаться аннексией и «не противоречило действовавшему в 1940 году общему международному праву»⁴⁴.

Российская историография, посвященная взаимоотношениям Советского Союза со скандинавскими странами, в последние годы пополнилась рядом работ по советско-норвежским и советско-шведским отношениям⁴⁵. Однако всесторонних исследований отношений СССР с этими скандинавскими странами в российской историографии все еще не появилось.

Традиционно основное внимание в историографии уделяется исследованию проблем советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Российские историки признают сложность советско-финляндских отношений межвоенного периода и, как правило, рассматривают советско-финляндские переговоры осени 1939 г. как стремление СССР мирным путем решить вопрос об изменении границы. При этом некоторые авторы указывают на взаимное военнополитическое давление сторон в ходе переговоров. Ряд авторов отмечает, что советско-германский пакт развязал советскому руководству руки в отношении Финляндии. В литературе преобладает мнение о том, что Москва была вынуждена готовиться к войне наспех после срыва переговоров, но специально этот вопрос не исследовался. Так и не получила однозначного завершения дискуссия по вопросу об инциденте в Майниле (обстрел советской погранзащиты), который рассматривается некоторыми авторами как финская провокация. Ряд авторов старается не определять своей позиции, а многие считают, что это был повод к войне, созданный советской стороной. Говоря о целях советского руководства в этой войне, одни авторы считают, что оно хотело оккупировать Финляндию и навязать ей просоветское правительство, что привело бы к потере ею независимости и присоединению к СССР. Другие авторы более или менее твердо отрицают подобную версию.

В литературе дано общее описание хода боевых действий, хотя этот вопрос все же нельзя признать окончательно решенным, поскольку многие конкретные проблемы все еще не отражены в историографии. По мере рассекретивания советских документов появляются сборники документов НКО и НКВД, связанных с событиями советско-финляндской войны, что позволяет

более углубленно исследовать эту тему. Появилось серьезное исследование деятельности созданного советской стороной «финляндского» правительства в Терийоках. В историографии довольно подробно освещены вопросы международного резонанса этой войны и хода мирных переговоров в марте 1940 г. Относительно итогов войны высказывается мнение, что, хотя граница и была передвинута, престиж СССР как военной державы упал, было ускорено нападение Германии, а Финляндия стала ее союзником⁴⁶. Проблемы советско-финляндских отношений в марте 1940 – июне 1941 г. изучены намного слабее. Имеющиеся исследования посвящены, как правило, не столько двусторонним отношениям, сколько анализу политики Финляндии, приведшей ее к соучастию в германской агрессии против СССР⁴⁷.

В последние годы российская историография пополнилась рядом новых исследований по проблемам отношений Советского Союза со странами Юго-Восточной Европы. Публикации дипломатических документов способствовали углублению исследований советско-румынских отношений. На основе рассекреченных документов Красной армии был впервые исследован не только дипломатический, но и военный аспект решения Бессарабского вопроса летом 1940 г. В результате стало очевидным, что действия СССР в отношении Румынии не являлись ни «советской агрессией», ни «оккупацией», как это утверждают румынские исследователи и некоторые российские «борцы с тоталитаризмом». Действия Советского Союза в июне 1940 г. позволили восстановить советско-румынскую границу по рекам Прут и Дунай, установленную еще решением Берлинского конгресса 1878 г. Бессарабия была освобождена от румынской оккупации и воссоединилась с СССР. Что касается Северной Буковины, то в данном случае имело место присоединение этой территории к СССР и установление новой границы между Прутом и Карпатами. В международно-правовом плане установленная соглашением от 28 июня 1940 г. советско-румынская граница была закреплена мирным договором с Румынией, подписанным 10 февраля 1947 г. Тем самым советскому руководству удалось не только фактически, но и юридически урегулировать Бессарабский вопрос⁴⁸. В литературе исследован вопрос о переселении немцев с территории Бессарабии и Северной Буковины в Германию⁴⁹ и показана связь Бессарабского вопроса с общей обстановкой на Балканах и политикой Германии, Италии и СССР в регионе⁵⁰.

В историографии была обстоятельно исследована политика СССР в отношении Чехии и Словакии в период Второй мировой войны⁵¹, продолжают анализироваться советско-венгерские и советско-болгарские отношения, военно-политические процессы в Восточном Средиземноморье и на Балканах⁵². Появились серьезные работы по проблемам советско-югославских отношений и договора о дружбе и ненападении. Было показано, что инициатива договора принадлежала югославской стороне, которая была согласна даже на некоторые социальные преобразования в случае, если СССР заключит с ней пакт о взаимопомощи и пошлет в Югославию войска. Однако договор о союзе не заинтересовал советскую сторону, которая высказалась за расплывча-

тый документ, не имеющий никаких реальных последствий. Правда, Москве пришлось отказаться от своей первоначальной позиции, и в договор было внесено расплывчатое обязательство о дружественных политических отношениях, что расценивалось советским руководством как демонстрация своих интересов на Балканах. Все авторы отмечают резкую активизацию линии СССР на умиротворение Германии после начала Балканской кампании, что привело к разрыву дипломатических отношений с Югославией 8 мая 1941 г. по советской инициативе. Вместе с тем война в Югославии оттянула срок нападения Германии на Советский Союз⁵³

Таким образом, в последние годы вопросы взаимоотношений Советского Союза с его западными соседями были существенно переосмыслены в российской историографии на более широкой источниковой базе. Конечно, в освещении этих проблем сохраняется еще довольно много неясностей и исследовательских лакун, прежде всего в вопросах документального изучения стратегических целей советской внешней политики в регионе, но можно констатировать серьезное продвижение в исследовании данной проблематики. Вместе с тем, следует отметить, что навязываемые восточноевропейскими государствами Российской Федерации дискуссии по историческим проблемам становятся все более политизированными, что в принципе препятствует объективному изучению событий 1939–1941 гг. Видимо, российским исследователям придется научиться более твердо отстаивать собственную позицию в ходе публичных дискуссий на базе соответствующих исторических документов.

Военные аспекты подготовки Советского Союза к войне

Другим крупным блоком проблем, исследуемых в российской историографии кануна Великой Отечественной войны, являются вопросы непосредственных военных приготовлений СССР. В новейшей историографии значительное внимание было привлечено к вопросам деятельности советской разведки накануне войны⁵⁴. Появились работы, раскрывающие ее структуру и дающие некоторое представление о кадровом составе. Одни авторы продолжали следовать сложившейся еще в 1960-е гг. версии о том, что разведка располагала точными сведениями о подготовке германского нападения на СССР, но И.В. Сталин не верил этой информации, что и привело к внезапному нападению. Другие исследователи на основе анализа доступных документов показали, что разведке не удалось достоверно установить намерения Германии на лето 1941 г., поэтому советское руководство не сумело объективно оценить угрозу германского нападения и допустило роковую ошибку. Однако причины, по которым она была допущена, все еще остаются дискуссионными.

Насколько можно судить, советская разведка не имела доступа к документам германского командования и была вынуждена ограничиваться слухами

о тех или иных военных решениях Гитлера. В чем-то эта информация соответствовала действительности, а в чем-то являлась вольной или невольной дезинформацией. В итоге раскрыть стратегический замысел германского командования не удалось. Кроме того, советская разведка не имела точных сведений о возможном характере боевых действий Германии против СССР. Поэтому все предвоенные оценки исходили из идеи затяжной войны, тогда как Германия делала ставку на «блицкриг».

Одной из целей советской разведки накануне войны было выявление сосредоточения германских войск на границах СССР и определение их количества. При этом в работе советской разведки большую роль играли оценочные данные о германском военном потенциале, которые, как правило, были значительно завышены. Так, в июне 1941 г. считалось, что Германия располагает 290 дивизиями, хотя в действительности их было всего 206. Ориентируясь на эти завышенные сведения, командование РККА полагало, что для войны с СССР Германия развернет не менее 180 дивизий. Сопоставление этих завышенных расчетов с оценкой германской группировки у советских границ на 1 июня в 122 дивизии, показывало, что процесс сосредоточения вермахта для войны с СССР еще далек от завершения. Ведь против СССР было сосредоточено всего 41,6 % германских дивизий, а против Англии – 42,6 %. Исходя из этих показателей, никто в Москве не стал бы делать вывод о завершении подготовки удара по СССР. Даже по данным на 20 июня против СССР было развернуто всего 44,5 % дивизий вермахта, тогда как в реальности их было 62 %. Кроме того, из данных Разведуправления следовало, что если с 4 апреля до 1 июня к советским границам было переброшено 38 германских дивизий, то для сосредоточения ожидавшихся еще 58 дивизий понадобится не менее 2 месяцев. Таким образом, советской разведке не удалось достоверно установить состав вооруженных сил Германии и ее группировку на Востоке, что затрудняло оценку угрозы Советскому Союзу.

Появившиеся в последние годы документальные публикации по истории советской разведки, как правило, включают те документы, которые содержат сведения, подтвержденные последующими событиями и послевоенными исследованиями. Совершенно очевидно, что подобная выборочная публикация искажает картину предвоенных разведывательных материалов, так как менее достоверные сведения остаются неизвестными исследователям. Кроме того, и опубликованные материалы далеко не всегда соответствовали действительности и содержали взаимоисключающую информацию. В российской историографии так и не появились работы, которые бы раскрывали механизм обработки поступавших в Москву агентурных донесений. В итоге до сих пор не ясно, как именно советское руководство оценивало поступавшие данные, и какое влияние они оказывали на его деятельность.

Хотя историография проблемы репрессий в Красной армии и пополнилась значительным количеством исследований⁵⁵, но вопросы их причин и последствий все еще остаются дискуссионными. Широко распространенная версия о том, что именно сфабрикованные германскими спецслужбами документы

привели к репрессиям в Красной армии, так и не была подтверждена документально. Довольно бурную, но бесплодную дискуссию вызвала версия, что причиной репрессий в армии было то, что военные узнали, что до 1917 г. Сталин был агентом «царской охранки» и готовили заговор с целью его убийства. Опасаясь разоблачения, Сталин устроил репрессии в стране⁵⁶. Некоторые исследователи полагают, что репрессии 1935–1938 гг. явились отражением реальных разногласий в советском руководстве по вопросам внутренней и внешней политики. К сожалению, эти проблемы все еще остаются слабо изученными. Не исключено, что поводом для репрессий стала борьба между разными группировками внутри руководства Наркомата обороны. Однако пока вопросы о наличии группировок среди высшего комсостава и об их влиянии на политическое и военное руководство СССР только поставлены в историографии, но еще очень далеки от какого-либо реального изучения. Если рассматривать чистку офицерского корпуса как борьбу политического руководства за полный контроль над армией, то следует отметить, что эта цель была достигнута.

В литературе общим местом стала версия об ослаблении офицерского корпуса в результате репрессий, однако когда речь заходит о конкретных примерах этих негативных последствий, мнения расходятся. Обычно к последствиям репрессий относят снижение качества офицерского корпуса в результате устранения опытных офицеров, частых перемещений по службе, создания дефицита военных кадров, снижения образовательного уровня комсостава, особенно высшего. Однако все эти тезисы, как правило, просто постулируются без какой-либо серьезной аргументации. Как ни странно, до сих пор не решен вопрос о масштабах репрессий. В историографии было указано на недопустимость смешивания понятий «репрессированные» и «уволенные», но подобная практика все еще распространена чрезвычайно широко. В литературе высказаны мнения о гибели всего или половины офицерского корпуса, но наиболее часто приводятся цифры в диапазоне от 50 до 40 тыс. офицеров. В своем новейшем исследовании О.Ф. Сувениров привел поименные сведения о 1 634 расстрелянных и о 3 682 осужденных к различным срокам заключения военными трибуналами в 1936–1941 гг. за контрреволюционные преступления офицерах⁵⁷. Совершенно очевидно, что для окончательного решения вопроса о количестве репрессированных необходимо конкретное изучение судеб всех уволенных офицеров, чего до сих пор не сделано. Также остается неизученным вопрос о распределении репрессированных по категориям командно-начальствующего состава, что не позволяет оценить воздействие чисток на уровень боеспособности советских вооруженных сил.

В итоге широко распространенная версия о катастрофических для армии последствиях репрессий так и не была доказана и требует дальнейшего тщательного изучения. Все еще слабо исследованы вопросы о месте 1937–1938 гг. в системе чисток офицерского корпуса РККА, их связи с планами Сталина в отношении армии, боевой и политической подготовкой комсостава и реальной боеготовностью Красной армии накануне войны. Вопрос о по-

следствиях репрессий для боеспособности Красной армии продолжает оставаться нерешенным, поскольку не были сформулированы объективные научные критерии для его решения.

Вопросы развития и состояния Красной армии в предвоенные годы продолжают изучаться в русле нескольких локальных тем. Рассекречивание соответствующих архивных документов и появление ряда документальных публикаций⁵⁸ позволило довольно подробно исследовать процесс формирования новых воинских частей и соединений, начала изучаться проблема уровня боевой подготовки войск⁵⁹. Приводимые в литературе материалы показывают, что подготовка войск оставалась на невысоком уровне, на что помимо всего прочего влиял традиционный беспорядок, бытовая неустроенность личного состава и пьянство командного состава. Вероятно, именно изучение боеготовности советских вооруженных сил может стать тем направлением исследований, которые приведут к внятному ответу на вопрос о причинах поражений 1941 г. Правда, следует отметить, что для решения вопроса об определении реальной боеспособности Красной армии накануне войны требуется, прежде всего, разработать методологию его исследования.

Рассекречивание и публикация ряда документов оперативного планирования Генштаба РККА⁶⁰ позволили конкретизировать исследование этой проблемы⁶¹. Ныне опубликовано 4 варианта так называемых «Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.», которые были подготовлены в июле и сентябре 1940 г., в марте и мае 1941 г. Следует подчеркнуть, что эти документы являются не директивами для войск, а излагают лишь общий оперативный замысел действий Красной армии в случае войны. Опубликованные документы показывают, что на случай войны с Германией советское командование готовилось к ведению активных наступательных операций заблаговременно развернутыми на западной границе войсками. Фактически планировалось нанести упреждающий удар по развертывавшимся у советских границ германским войскам. Поначалу предусматривалось наносить главный удар либо по Восточной Пруссии, либо по Южной Польше. В итоге советское командование сделало вывод, что удар по Южной Польше является более выгодным, и именно поэтому основные силы Красной армии планировалось сосредоточить на Украине.

Так как данная проблематика оказалась в центре дискуссии, спровоцированной публикацией в России книг В. Суворова, в которых германское нападение на СССР представлено «превентивной» войной, она испытала на себе сильное влияние политической конъюнктуры. Поскольку первым был опубликован как раз последний по времени разработки документ от 15 мая 1941 г., именно вокруг него и развернулись основные историографические дискуссии. Одни авторы продолжают утверждать, что этот план не был утвержден советским военно-политическим руководством, хотя и не приводят никаких материалов, подтверждающих это мнение. Их оппоненты указывают на то, что предлагаемые в этом документе меры подготовки операций Крас-

ной армии начали в мае – июне 1941 г. осуществляться на практике, что было бы невозможно без его одобрения советским руководством.

Однако в данном вопросе не следует ограничиваться рассмотрением одного документа, поскольку все 4 опубликованных документа отражают единый процесс развития оперативного замысла Генштаба РККА. Более того, документ от 18 сентября 1940 г. был 5 октября доложен И.В. Сталину и В.М. Молотову. В ходе обсуждения Генштабу было поручено доработать план с учетом развертывания еще более сильной главной группировки в составе Юго-Западного фронта. В итоге доработанный «южный» вариант плана был 14 октября утвержден в качестве основного, но при этом было решено «иметь разработанным» и «северный» вариант. Тем самым советские вооруженные силы получили действующий документ, на основе которого велось более детальное военное планирование. При этом следует отметить, что данный факт в российской историографии никогда не подвергался какому-либо сомнению. Таким образом, можно считать доказанным факт одобрения советским руководством общего замысла Генштаба РККА по нанесению упреждающего удара по германским войскам и проведения мер, необходимых для его реализации. Однако, как верно было указано в работах ряда авторов, опубликованные оперативные документы не позволяют однозначно решить вопрос о том, приняло ли советское военно-политическое руководство решение о нанесении упреждающего удара по Германии.

Некоторые военные историки, не оспаривая сущность общего замысла военного командования РККА, стараются всячески минимизировать предлагавшиеся оперативные планы. Так, например, Ю.А. Горьков и Ю.Н. Семин полагают, что «стратегический план 1940 г. предусматривал не кампанию или стратегические наступательные операции, а сосредоточение войск на Западе и возможные активные действия в рамках фронтовых операций по двум вариантам»⁶². Хотя очевидно, что изложенные в этом документе оперативные соображения Генштаба РККА как раз и являлись общим наброском замысла первой кампании будущей войны и первых стратегических операций Красной армии. Точно также не обоснована попытка этих исследователей выдать опубликованные ими планы прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания Красной армии, разработанные в штабах западных приграничных округов в мае – июне 1941 г.⁶³, за оперативные планы этих округов. По мнению И.П. Макара, в советском оперативном плане от 15 мая 1941 г. «не ставились задачи по овладению территориями каких-либо сопредельных суверенных государств, что наглядно свидетельствует об отсутствии агрессивных намерений в отношении как Германии, так и ее союзников. Основная цель заключалась в разгроме главной немецкой группировки южнее Варшавы и лишении ее возможности наступления, а также в изоляции нацистской Германии от союзных ей стран»⁶⁴. Очевидно, что подобные рассуждения не могут вызвать ничего, кроме улыбки.

Еще более фантастическую версию отстаивает Ю.А. Никифоров, который полагает, что все исследователи советского оперативного планирования кар-

динально ошибаются в своих оценках, поскольку на самом деле «рассекреченные в 1990-е гг. документы военно-стратегического планирования не дают оснований для утверждений о подготовке [СССР] нападения на Германию. Более того, нет оснований и для утверждений о подготовке Генеральным штабом Красной Армии упреждающего удара по сосредотачивающимся у границы немецким войскам»⁶⁵. По его мнению, советское командование исходило из устаревшей идеи о начале войны до завершения сосредоточения главных сил войск сторон, а, значит, СССР не собирался первым начинать боевые действия. Соответственно, план от 15 мая 1941 г. не является предложением нанести превентивный удар по противнику. Кроме того, превентивное нападение СССР на Германию было исключено по политическим соображениям из-за опасения англо-германского соглашения, а также СССР не был готов к войне. Вообще же, как полагает Ю.А. Никифоров, для советского руководства мир с Германией был более выгоден, нежели столкновение с непредсказуемыми последствиями.

Вызывает удивление отказ автора от доказательства того, что в Генштабе РККА при разработке оперативных планов действительно руководствовались некими абстрактными теоретическими положениями, а не классическим принципом: «Нападение – лучшая оборона». Ссылка на мемуары Г.К. Жукова в данном случае вообще не является аргументом, поскольку задним числом можно написать все, что угодно. Появившиеся исследования военно-теоретических взглядов командного состава РККА показали, что в 1930-х гг. общепринятым стало мнение о том, что теперь войны не объявляются, а начинаются внезапным нападением «армий вторжения». Реалии начавшейся Второй мировой войны показали, что теперь противник может начать нападение сразу главными силами, что поставит подвергшуюся нападению сторону в заведомо невыгодные условия. В итоге в военно-теоретических разработках Красной армии присутствовали две схемы вступления в войну. Первая схема предполагала, что сначала в военные действия вступали «армии вторжения» в качестве первого стратегического эшелона, а затем – главные силы в качестве второго стратегического эшелона. Вторая схема предусматривала начало военных действий сразу главными силами в качестве первого стратегического эшелона, а затем в бой вводился резерв главного командования как второй стратегический эшелон⁶⁶. Правда, совершенно не ясно, насколько эти теоретические положения реально использовались в советском военном планировании. Однако оперативные документы 1940–1941 гг. свидетельствуют скорее в пользу второй схемы начала войны, поскольку предполагалось развернуть в первом стратегическом эшелоне от 94,6 до 79,2 % сил, выделенных для сосредоточения на Западном ТВД. В любом случае все эти вопросы нуждаются в самостоятельном обстоятельном исследовании, без чего любые предположения на этот счет являются всего лишь гипотезами.

В силу большей территориальной емкости Западного ТВД на территории СССР по сравнению с Восточноевропейским ТВД основной проблемой советских военных планировщиков являлся вопрос о том, как обеспечить со-

средоточение главных сил Красной армии на ТВД примерно в одно время с противником. Ведь в противном случае вермахт получал явные преимущества над войсками западных приграничных округов и мог бы глубоко вторгнуться на территорию СССР. Поскольку подобного развития событий следовало избежать, единственным решением становилась заблаговременное скрытое сосредоточение и развертывание главных сил РККА на западной границе. Если бы это удалось осуществить, то Красная армия получила бы возможность захватить стратегическую инициативу с самого начала войны и вести военные операции на территории противника. Собственно такой сценарий мы и видим в доступных документах советского оперативного планирования. Конечно, в этих документах нет прямого ответа на вопрос об инициаторе военных действий, поскольку для военных важна не эта чисто политическая проблема, а возможность осуществить свои оперативные замыслы. Однако в результате реализации изложенного в этих документах замысла РККА получала бы возможность вообще сорвать вероятное германское вторжение в СССР, но сделать это можно было либо нанеся упреждающий удар, либо имея возможность перейти в наступление буквально с первых часов войны. И в том, и в другом случае Красная армия должна была быть отоблизована, сосредоточена и развернута на ТВД еще до начала войны.

Следует отметить, что Ю.А. Никифоров полностью игнорирует введенные в научный оборот еще 15 лет назад документы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от мая – июня 1941 г., в которых как раз и излагается пропагандистское обоснование необходимости для советской стороны взять на себя инициативу начала военных действий. Совокупный анализ оперативных документов Генштаба РККА, директивных идеологических документов ЦК ВКП(б) и военной пропаганды, а также данных о непосредственном сосредоточении Красной армии на Западном ТВД недвусмысленно свидетельствует о намерении советского руководства не просто пассивно ожидать действий Германии, а быть готовым к тому, чтобы в случае необходимости самим нанести удар по сосредоточивающимся у советских границ германским войскам. Конечно, рассуждая абстрактно, сохранение мира с Германией, вполне вероятно, было более выгодно, чем война с ней, но проблема заключалась в том, что начавшееся с конца 1940 г. явное охлаждение советско-германских отношений и нарастающее игнорирование Германией советских интересов в Европе, не оставляли Москве другого выхода кроме военного противоборства со слишком много возомнившим о себе Берлином.

Вместе с тем, анализируя подготовку Советского Союза к войне с Германией, следует помнить, что мы исследуем незавершенный процесс. Поэтому дискуссии относительно действительных намерений советского руководства, очевидно, будут продолжаться. Ведь, насколько известно, несмотря на подготовку к войне с Германией, Кремль вплоть до 22 июня 1941 г. так и не принял решения об использовании военной силы для отстаивания своих интересов. Конечно, дальнейшее рассекречивание и введение в научный оборот материалов последних месяцев перед германским нападением, возможно, позво-

лит более точно реконструировать намечавшиеся действия советского руководства. Однако, вполне вероятно, что по некоторым аспектам этой проблемы получить однозначный ответ не удастся никогда. Кстати сказать, ход ведущихся дискуссий показывает, что главным вопросом при изучении проблемы 1941 г. является вопрос о причинах, по которым советское руководство не сумело реализовать свой стратегический замысел.

В новейшей историографии были значительно уточнены вопросы стратегического сосредоточения и развертывания Красной армии на Западном ТВД в мае–июне 1941 г., которое должно было завершиться к 15 июля 1941 г. Правда, следует отметить, что большая часть документов, отражающих этот процесс, все еще не введена в научный оборот. Поэтому можно предполагать, что данный вопрос также будет еще одним важным направлением будущего научного поиска. Пока же известные документы позволяют предположить, что завершение к 15 июля развертывания намеченной группировки Красной Армии на Западном ТВД позволило бы СССР в любой момент после этой даты в случае необходимости начать боевые действия против Германии. Сторонники традиционной версии решительно возражают против постановки этого вопроса вообще, считая, что никакой подготовки к нападению на Германию не велось⁶⁷.

Появившиеся исследования развития советского военно-промышленного комплекса дают представление о производстве вооружения и техники для Красной армии и позволяют более конкретно анализировать проблему сопоставления военно-экономических потенциалов СССР и Германии. Стало известно, что с марта 1941 г. начался перевод советской промышленности на условия работы военного времени, а 6 июня советское правительство решило провести все мероприятия, чтобы с 1 июля промышленность могла перейти на работу по мобилизационному плану⁶⁸. В новейшей историографии была окончательно опровергнута версия о количественном превосходстве вермахта над советскими войсками. Правда, наметилась тенденция, пользуясь неясностью вопросов качественного состояния вооружений, под этим предлогом сводить на нет советское количественное превосходство. При этом вопрос о качественном состоянии германской техники обходится стороной. Тем самым, предпринимаются попытки в новом виде реанимировать старую версию о германском техническом превосходстве⁶⁹.

Таким образом, в российской историографии накоплено значительное количество конкретных фактов, данных и материалов, отражающих подготовку Советского Союза к войне с Германией. Доступные документы и появившиеся исследования со всей очевидностью показывают, что традиционная для отечественной историографии концепция состояния Красной армии и советских военных приготовлений накануне войны требует с одной стороны коренного пересмотра, а с другой стороны – дальнейших обстоятельных исследований с привлечением нового документального материала.

Исследования вопроса о содержании советской пропаганды в преддверии войны с Германией показали, что в идеологическом плане внешняя политика

советского руководства была направлена на расширение «фронта социализма» на максимально возможную территорию. По мере нарастания напряженности в советско-германских отношениях со второй половины 1940 г. в советской пропаганде постепенно стала усиливаться завуалированная критика Германии, а с зимы 1940–1941 гг. советские пропагандистские структуры занялись подготовкой обеспечения будущей войны с Германией. После выступления И.В. Сталина 5 мая 1941 г., содержание которого стало объектом оживленной дискуссии, началась явная перестройка пропаганды с задачей осторожно подготовить советское общественное мнение к «неизбежности столкновения Советского Союза с капиталистическим миром и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление». Реализация этого замысла позволила бы не только обезопасить СССР, но и кардинально сказаться бы на судьбах капитализма в целом⁷⁰.

Таким образом, российская историография последних лет пополнилась значительным количеством документальных публикаций и исследований, посвященных кануну Великой Отечественной войны. Вместе с тем продолжающееся рассекречивание советских предвоенных документов, ставит перед российской историографией проблему их изучения и введения в научный оборот. Совершенно очевидно, что решение данной задачи потребует длительного труда не одного поколения ученых. Имеющийся опыт документальных публикаций показывает, что наиболее значимыми становятся именно тематические подборки документов. Однако понятно, что публикации документов являются лишь опорными точками в исследовании проблем кануна войны. Поэтому перед российской историографией стоит задача подготовки серьезных монографических исследований на базе доступных архивных документов. Для изучения процесса выработки различных решений советским руководством важное значение имеют не только соответствующие документы, но и дневниковые записи участников этих процессов. Однако, например, дневник Г. Димитрова так и не был издан на русском языке, хотя имеется его болгарское издание⁷¹. Точно также на 1939 г. прекращена публикация решений Политбюро ЦК ВКП(б), посвященных внешней политике СССР⁷². Кроме того, новой для российской историографии проблемой, как уже было показано, является появление различных фальсифицированных «документов».

Существенным успехом российской историографии последних лет стали попытки конструирования рационального объяснения действий советского руководства на основе использования впервые ставших доступными документов предвоенного периода, на основе которых поднимаются новые темы или аспекты изучаемых проблем. Вместе с тем в литературе высказываются различные политические оценки событий 1939 – первой половины 1941 г. в зависимости от мировоззренческих позиций исследователей. К сожалению, достижения российской историографии последних лет остаются все еще слабо обобщенными. Это является определенным тормозом в развитии исследо-

ваний, поскольку не позволяет дать целостную картину предвоенной ситуации и способствует сохранению в литературе положений, которые уже были уточнены или пересмотрены. Ведущиеся дискуссии связаны не только с различными мировоззренческими позициями исследователей, но и с недоступностью многих архивных фондов, особенно тех, которые содержат документы, отражающие деятельность высшего советского руководства накануне войны. Тем не менее, доступные ныне документы и ведущиеся дискуссии показывают необходимость комплексного переосмысления проблем предыстории Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фальсификаторы истории. Историческая справка. – М., 1948; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. Т. 1–2. – М., 1960–1961; История второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 2–4. – М., 1974–1975.

² *Токарев В.А.* Советская внешнеполитическая концепция накануне пакта Молотова – Риббентропа // Проблемы истории, филологии, культуры. Ч. 1. История. Вып.3. М. – Магнитогорск. 1996. С. 193–198; *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. – М., 1997. С. 8–117; *Демидов С.В.* Великобритания и англо-франко-советские переговоры 1939 г. // Вопросы всеобщей истории. Рязань. 1997. С. 144–155; *Краснопольская Н.Е.* Развязывание Второй мировой войны и формирование европейской политики советского государства (август–сентябрь 1939 г.) // Вопросы всеобщей истории. Рязань. 1997. С. 156–166; *Безыменский Л.А.* Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3–26; *Фалин В.М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. – М., 2000. С. 30–134; *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. – М., 2000. С. 171–292; *Вишнев О.В.* Накануне 22 июня 1941 г. Документальные очерки. – М., 2001. С. 8–17; *Куманев Г.А.* Тяжелый выбор: Советско-германский пакт о ненападении // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова. – М., 2001. С. 152–167; *Демидов С.В., Малафеев К.А.* Эдуард Даладь: человек и политика // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 98–123; *Вишнев О.В.* «Большая политика»: март – май 1939 года (к предыстории советско-германского договора о ненападении) // Россия и Германия. Вып.2. – М., 2001. С. 214–233; *Демидов С.В.* Европейская политика и дипломатия Великобритании в 1933–1939 гг. – Рязань. 2001. С. 149–179; *Перов Г.Б.* Франция накануне войны. Внутренняя и внешняя политика правительства Э. Даладь в 1938–1939 гг. – Самара. 2001. С. 179–232; *Мировые войны XX века. Кн.3: Вторая мировая война: Исторический очерк.* – М., 2002. С. 52–62; *Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802–2002.* В 3 т. – М., 2002. Т. 2: 1917–2002. С. 235–256; *Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* План «Барбаросса» // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 26–27; *Демидова О.Г.* СССР – Запад. Первая попытка создания антигитлеровской коалиции в 1939 г. // Актуальные проблемы новой и новейшей истории России XIX – XX веков. – Рязань. 2002. С. 156–168; *Аблизин В.А.* Англо-франко-советские переговоры в августе 1939 г. и поворот к советско-германскому сближению // Новый век: история глазами молодых. Сборник научных трудов аспирантов и студентов исторического факультета СГУ. Вып.2. Саратов. 2003. С. 160–175; *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио. – М., 2004. С. 130–186; *Шубин А.В.* Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. – М., 2004. С. 308–358; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). Изд. 3-е, исправ. и доп. – М., 2008. С. 39–66; *Заленев В.Н.* 17 апреля 1939 года: один день в истории германо-советских отношений // Англия, Франция, Германия, мусульманский Восток. Вып.8. Брянск. 2008. С. 116–125; *Соколов В.В.* Великобритания на пути ко Второй мировой войне // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С. 70–82; *Капитонова Н.К.* Политика Великобритании от Мюн-

хена до пакта Риббентропа – Молотова (от «умиротворения» к политике гарантий) // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. – М., 2009. С. 207–237; *Обичкина Е.О.* 1938–1939 года: французская дипломатия от «умиротворения» к «сдерживанию», или Политике гарантий // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 238–272; *Мельтюхов М.И.* Советский Союз в европейской политике осени 1938 – лета 1939 года // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 149–181; *Дюков А.Р.* «Пакт Молотова – Риббентропа» в вопросах и ответах. – М., 2009; *Мяжков М.Ю., Ржешевский А.О.* Упущенный шанс: англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. и советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. // 65 лет Великой Победы. В 6 т. Т. 2: Вставай, страна огромная. – М., 2010. С. 58–65; *Канто А.С.* Пакт Молотова–Риббентропа: мистификация или реальность? – М., 2011.

³ *Пронин А.А.* Советско-германские соглашения 1939 года: Истоки и последствия. Екатеринбург. 1998; *Наджафов Д.Г.* Советско-германский пакт 1939 года: переосмысление подходов к его оценке // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 154–167; *Наджафов Д.Г.* Начало второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова – Риббентропа // Война и политика, 1939–1941. – М., 1999. С. 85–105; *Наджафов Д.Г.* СССР в послевоенной Европе. Октябрь 1938 г. – март 1939 г. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 67–88; *Случ С.З.* Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. – М., 2000. С. 77–168; *Токарев В.А.* Советско-германский договор о ненападении как антитеза литвиновской традиции // Проблемы российской истории. Вып. 1. – Магнитогорск. 2002. С. 255–270; *Наджафов Д.Г.* «Подлинное толкование Мюнхена». Новый архивный документ и его интерпретация // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. – М., 2003. С. 186–214; *Случ С.З.* Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119; *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945. В 4 т. Т. 1: Подготовка ко Второй мировой войне, 1933–1939. – М., 2005. С. 457–477; *Случ С.З.* Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 году и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. – М., 2006. С. 61–92; *Наджафов Д.Г.* Советско-германский пакт 1939 года и его исторические последствия // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 3–22; *Случ С.З.* Пока еще не последовали удары... Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. – август 1939 г.) // Отечественная история. 2009. № 5. С. 64–85; *Случ С.З.* Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Сталин и немцы. Новые исследования. – М., 2009. С. 82–122; *Случ С.З.* Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. – август 1939 г.) // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 309–348; *Лебедева Н.С.* Польша между СССР и Германией. 1939–1941 // Белые пятна – черные пятна – сложные вопросы в российско-польских отношениях. – М., 2010. С. 202–230; *Случ С.З.* Советская внешняя политика (1939 г.) на пути из изоляции в тупик // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. – М., 2011. С. 330–351.

⁴ *Кунгуров А.А.* Секретных протоколов не было, или Фальшивка, разрушившая СССР. – М., 2011.

⁵ *Бушуева Т.С.* «...Проклятая – попробуйте понять» // Новый мир. 1994. № 12. С. 230–237.

⁶ *Случ С.З.* Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113–139.

⁷ *Дорошенко В.Л., Павлова И.В., Раак Р.Ч.* Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 года // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 3–20; *Дорошенко В.Л., Павлова И.В., Раак Р.Ч.* Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 года // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. – М., 2006. С. 205–238.

⁸ *Лебедева Н.С.* Указ. соч. С. 203.

⁹ *Вишнев О.В.* Накануне 22 июня 1941 г. С. 14–16; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 59.

¹⁰ Отечественная история. 2009. № 5. С. 85, прим.133; Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 347, прим.148.

¹¹ Документы внешней политики. Т. 23. В 2 кн. Кн.2. – М., 1998; «Я почту за удовольствие вновь приехать в Москву». Обмен посланиями между И. Риббентропом и И.В. Сталиным в ок-

тябре 1940 г. // Источник. 1999. № 1. С. 140–146; *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. В 2 кн. Кн.1: 1934–3 сентября 1939 г. – М., 2006; Кн.2. В 2 ч. Ч. 1: 4 сентября 1939–21 июня 1941 года. – М., 2009; Россия и США: Экономические отношения. 1933–1941. Сборник документов. – М., 2001; Советско-американские отношения. 1939–1945. – М., 2004; Москва – Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1941: Сборник документов. В 3 т. Т. 3: 1933–1941. – М., 2009; СССР – Германия: 1933–1941. Вестник Архива Президента Российской Федерации. – М., 2009. С. 171–343.

¹² *Бокарев Ю.* Директива № 21 // Россия XXI. 1996. № 7–8. С. 116–136; № 11–12. С. 114–137; 1997. № 1–2. С. 134–159; *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С. 168–188, 197–233, 361–386; *Чевтаев А.Г.* Великобритания и война в Европе: весна – лето 1940 г. // Британская история XIX – XX веков: люди, события, идеи. Челябинск. 1997. С. 167–183; *Поздеева Л.В.* Лондон – Москва: Британское общественное мнение и СССР, 1939–1945. – М., 2000; *Степанов А.С.* Англо-французские планы ударов по Баку и ответные мероприятия СССР в 1939–1941 гг. // Петербургская историческая школа. Вып.3. – СПб., 2005. С. 190–206; *Мельтохов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 191–221; *Чубарьян А.О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года. – М., 2008. С. 135–164, 376–406; *Валиахметова Г.Н.* Иракская нефть в международной политике на Ближнем Востоке (1928–1941 года) // Новая и новейшая история. 2009. № 6. С. 32–50.

¹³ *Чельшев И.А.* СССР – Франция: трудные годы 1938–1941. – М., 1999; *Чубарьян А.О.* Указ. соч. С. 135–164.

¹⁴ *Смирнова Н.Д.* Неизвестные страницы советско-итальянских отношений 1939–1941 гг. По новым документам // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 32–53; *Смирнова Н.Д.* Советско-итальянские отношения. 1939–1940 // Война и политика, 1939–1941. С. 416–429.

¹⁵ *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С. 341–361; *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М., 2006. С. 11–17; *Чубарьян А.О.* Указ. соч. С. 417–432; *Мальков В.Л.* Россия и США в XX веке. Очерки истории международных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. – М., 2009. С. 197–248; *Ржешевский О.А.* Перед великим испытанием // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 16–20.

¹⁶ *Сиполс В.Я.* Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939–1941 гг. в свете новых архивных документов // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 29–41; *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. С. 323–340; *Залепеев В.Н.* Экономика и политика: заключение между Германией и Советским Союзом хозяйственного соглашения 10 января 1941 года // Проблемы отечественной и всемирной истории. Брянск. 1998. С. 192–202; *Вишлев О.В.* К вопросу о характере германо-советских отношений (осень 1939 г. – лето 1940 г.) // Россия и Германия. Вып.1. – М., 1998. С. 337–349; *Случ С.З.* Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Славяноведение. 1999. № 6. С. 32–43; *Чубарьян А.О.* Советская внешняя политика (1 сентября – конец октября 1939 г.) // Война и политика, 1939–1941. С. 7–20; *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 331–369; *Случ С.З.* Советско-германские отношения в сентябре – декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5. С. 46–58; № 6. С. 10–27; *Вишлев О.В.* Накануне 22 июня 1941 г. С. 20–78, 103–122; *Капистка В.В.* И.В. Сталин: «Организуем изучение нашими людьми немецких самолетов»: В июне 1940-го, за год до начала Великой Отечественной войны, фашистские боевые самолеты появились в небе Москвы // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 16–20; *Кульков Е.Н.* Пакт трех держав и операция «Барбаросса» // Россия и Германия. Вып.2. – М., 2001. С. 234–248; *Валева Е.Л.* Советско-германское противоборство на Балканах в контексте международных отношений накануне и в начале Второй мировой войны // Россия – Польша – Германия в европейской и мировой политике XVI – XX вв. – М., 2002. С. 353–368; *Оришев А.Б.* Политика Германии в Иране накануне Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 25–36; *Журавель В.А.* Советско-германские торгово-экономические отношения 1933 – июнь 1941 гг. Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. – М., 2003; *Волков В.К.* Призрак и реальность «Барбароссы» в политике Сталина (весна – лето 1941 г.) // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 31–58; *Иларионова Т.С.* Обмен населения между СССР и Германией накануне и в начале Второй мировой войны // Отечественная история. 2004. № 4. С. 54–62; *Залепеев*

ев В.Н. Вторая мировая война и ее влияние на германо-советские экономические отношения. 1939–1941 гг. // Вестник Брянского государственного университета. История. Литературоведение. Право. Философия. Языковедение. 2005. № 2. С. 24–31; *Оришев А.Б.* Политика нацистской Германии в Иране. – М., 2005; *Мельтюхов М.И.* К вопросу о проходе германских войск по контролируемой Красной Армией территории в октябре 1939 г. // Проблемы российской истории. Вып.8. – Москва–Магнитогорск. 2007. С. 386–398; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 191–221; *Мельтюхов М.И.* Один эпизод из истории взаимного передвижения германских и советских войск в период Польского похода 1939 г. // Славяноведение. 2008. № 1. С. 37–46; *Чубарьян А.О.* Канун трагедии. С. 98–134, 293–351; *Соколов В.В.* Германский посол в Москве в 1934–1941 годах Ф. Шуленбург – противник войны с Советским Союзом // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 154–170; *Случ С.З.* Мотивы приглашения В.М. Молотова в Берлин. Факты, предположения, неокончательные выводы // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. – М., 2010. С. 265–293.

¹⁷ *Ситолс В.Я.* Тайны дипломатические. С. 256–278; *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 331–369; *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин–Москва–Токио. С. 303–349; *Лавров В.С.* Что скрывалось за приглашением В.М. Молотова осенью 1940 года в Берлин и полетом Р. Гесса в мае 1941 года в Англию // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 3–25.

¹⁸ *Ситолс В.Я.* Указ. соч. С. 274–275.

¹⁹ *Куманев А.Г.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. – М., 1999. С. 399–406; *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 360–362; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 281–283; Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. С. 506–508.

²⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн.1. – М., 1998. С. 41–52, 94–103, 112–116; *Кульков Е.Н.* Советский Союз в военно-политических планах нацистской Германии (1933–1941 гг.) // Россия и Германия. Вып.1. М., 1998. С. 294–318; *Коломиец М.В., Макаров М.В.* Прелюдия к «Барбароссе» // Фронтовая иллюстрация. 2001. № 4; *Соловьев Б.Г.* 22 июня 1941 года (как готовилась война против СССР). – М., 2004; *Аганов А.Б.* Дневники Йозефа Геббельса: Прелюдия «Барбароссы». Пер. с нем. – М., 2004; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 341–355; *Бобров М.А.* Стратегическое развертывание ВВС фашистской Германии накануне нападения на СССР // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. С. 24–26; *Ямпольский В.П.* «Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. – М., 2008; *Голыцын В.В.* Досье «Барбаросса». – М., 2011; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1: Основные события войны. – М., 2011. С. 44–61.

²¹ *Ганелин Р.Ш.* СССР и Германия перед войной: отношения вождей и каналы политических связей. – СПб., 2010.

²² *Анфилов В.А.* Сталин в войне // Независимое военное обозрение. 1998. № 4. С. 5.

²³ *Жухрай В.М.* Сталин: правда и ложь. – М., 1996. С. 43–65, 76–104.

²⁴ *Ситолс В.Я.* Указ. соч. С. 128–132; *Вишнев О.В.* Накануне 22 июня 1941 г. С. 103–111; *Иванов Ю.В.* Очерк истории российско(советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 гг. – М., 2002.

²⁵ *Парсаданова В.С.* Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 год // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 13–31; *Лебедева Н.С.* Польша между Германией и СССР в 1939 году // Война и политика, 1939–1941. С. 65–84; *Лебедева Н.С.* Германо-советское взаимодействие в ликвидации польского государства // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 169–197; *Лебедева Н.С.* Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 407–445; *Лебедева Н.С.* Польша между СССР и Германией. 1939–1941 // Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях. С. 202–230.

²⁶ *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. – М., 2001; *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. 2-е изд., исправ. и доп. – М., 2004; *Токарев В.А.* Советское общество и польская кампания 1939 г.: «романтическое ожидание войны» // Человек и война (Война как явление культуры). – М., 2001. С. 399–418; На земле

Беларуси: канун и начало войны. Документы и материалы. – М., 2006; *Мельтюхов М.И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. – М., 2009.

²⁷ *Парсаданова В.С.* Указ. соч. С. 21.

²⁸ Отечественная история. 2000. № 5. С. 53; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 187–188.

²⁹ *Мельтюхов М.И.* 17 сентября 1939. С. 419–423.

³⁰ *Арутюнов А.А.* Ленин. Личностная и политическая биография. (Документы, факты, свидетельства). Т. 2. – М., 2003. Фотоклейка между с.240 и 241; *Короленков А.В.* Накануне: продолжение дискуссий о событиях предвоенной поры // Отечественная история. 2004. № 3. С. 174; *Лебедева Н.С.* Польша между СССР и Германией. 1939–1941 // Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях. С. 221.

³¹ *Вишлев О.В.* Указ. соч. С. 108–109; *Мельтюхов М.И.* 17 сентября 1939. С. 412–414.

³² Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Т. 1–2. Варшава – Москва. 2001; Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. Варшава – Москва. 2003; Исторические выпуски «Мемориала». Вып.1. Репрессии против поляков и польских граждан. – М., 1997. С. 77–177; *Яковлева Е.В.* Польша против СССР 1939–1950 гг. – М., 2007. С. 5–73; Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. – СПб., 2011.

³³ *Бухарин Н.И.* Российско-польские отношения в XIX – первой половине XX в. // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 12; *Широкорад А.Б.* Русь и Польша: Тысячелетняя вендетта. – М., 2011. С. 352.

³⁴ Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. – М., 1997; Катынь. Март 1940 – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьба живых. Эхо Катыни. – М., 2001; *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. – М., 2001 (2-е изд. – М., 2009); *Лебедева Н.С.* Катынское преступление // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. С. 280–304.

³⁵ *Мухин Ю.И.* Катынский детектив. – М., 1995; *Мухин Ю.И.* Антироссийская подлость. – М., 2003; *Швед В.Н.* Тайна Катыни. – М., 2007. С. 8–230; *Швед В.* Вновь о Катыни // Наш современник. 2010. № 2. С. 173–203; Открытое письмо директору Государственного архива РФ Мироненко С.В. // Наш современник. 2010. № 3. С. 286–288; *Мухин Ю.И.* Подонки истории. Самая зловещая тайна XX века. – М., 2011; *Прудникова Е., Чигирин И.* Катынь. Ложь, ставшая историей. – М., 2011; *Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М.* Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации. – М., 2011. С. 662–673; *Илюхин В.И.* Путин. Правда, которую лучше не знать. – М., 2011. С. 128–238.

³⁶ *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С. 140–148, 235–242; *Орлов А.С.* СССР и Прибалтика. 1939–1940 // Война и политика, 1939–1941. С. 192–206; *Мельтюхов М.И.* Нарастание советского военного присутствия в Прибалтике в 1939–1941 гг. // Отечественная история. 1999. № 4. С. 46–70; *Петров Б.Н.* Вооруженные формирования Прибалтики накануне и в начале Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. 2000. № 10. С. 269–299; *Залепеев В.Н.* Территориальная проблема Литвы в германо-советских отношениях: 1939–1941 годы // Межвузовский сборник научных трудов. Вып.9: Страницы истории. Брянск. 2001. С. 69–77; *Мельтюхов М.И.* «Посещал притоны, пьянствовал...». Кто похищал советских солдат в Литве в 1940 году // Родина. 2002. № 7. С. 88–92; *Курмышов В.М.* Базирование Балтийского флота в межвоенный период 1921–1941 гг. – СПб., 2003; *Мельтюхов М.И.* Судьбы «похищенных» красноармейцев (Литва, 1940 г.) // Проблемы российской истории. Вып.4. Магнитогорск. 2004. С. 120–144; *Залепеев В.Н.* Сувальский регион в военно-политических взаимоотношениях нацистской Германии и СССР // Вестник Брянского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 83–88; *Курмышов В.М.* Решение проблемы базирования Балтийского флота накануне войны (развертывание военно-морских баз в Прибалтике, конец 1939–1941 гг.) // Военно-исторический архив. 2004. № 2. С. 115–135; *Шубин А.В.* Указ. соч. С. 384–387, 413–423; *Ковалев С.Н.* Советские войска на территории Эстонии. 1939–1940 гг. – СПб., 2005; *Курмышов В.М.* Развертывание военно-морских баз и береговой обороны в Прибалтике в феврале 1940 – июне 1941 года // Военно-исторический журнал. 2005. № 2. С. 17–21; *Мальков В.Л.* При-

балтийский узел. 1939–1940 гг. По материалам американских архивов // Россия XXI. 2006. № 3. С. 122–149; Прибалтика и геополитика. Сборник документов (1935–1945). – М., 2006; СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1: СССР и Литовская Республика (март 1939 – август 1940 г.). Сборник документов. Вильнюс. 2006; *Лебедева Н.С.* Германия и присоединение Литвы к СССР // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. С. 246–267; *Ковалев С.Н.* «Советские гарнизоны на побережье Балтийского моря являются таким фактором, который обеспечивает мир в этой части Европы»: Латвийское руководство о международном положении в начальный период Второй мировой войны. 1939–1940 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 6. С. 9–13; *Залепеев В.Н.* Латвия, Эстония и Литва в торгово-политических отношениях Германии и СССР в 1939–1941 годах // Всеобщая история: современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 16. – Брянск. 2007. С. 215–227; *Ковалев С.Н.* Советские войска на территории стран Балтии (1939–1940 г.). – СПб., 2008; *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. – М., 2008. С. 44–127; *Чапенко А.А.* История стран Балтии (Эстония, Латвия и Литва) в Первый период независимости и в годы Второй мировой войны: Очерки. Мурманск. 2008. С. 88–133; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 129–157; *Чубарьян А.О.* Канун трагедии. С. 78–97, 251–292; *Ковалев С.Н.* Развитие военной инфраструктуры советских войск (сил) на территории Прибалтийских стран. 1939–1940 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 19–24; *Ковалев С.Н.* Мероприятия по обеспечению ввода и пребывания советских воинских контингентов на территории Эстонии, Латвии и Литвы (1939 г.) // Военно-исторический журнал. 2008. № 9. С. 28–31; *Ковалев С.Н.* Особенности организации и обеспечения размещения контингентов советских войск (сил) в пунктах дислокации (базирования) на территории Эстонии, Латвии и Литвы (1939–1940 гг.) // Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 16–21; *Ковалев С.Н.* Особенности организации и обеспечения размещения советских воинских контингентов в Литве в 1939–1940 годах // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск. 2008. С. 10–16; *Ковалев С.Н.* Проблемы размещения советских войск в странах Балтии (по опыту дислокации на территории Латвии) в 1939–1940 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История: Научно-теоретический журнал. Вып. 3. – СПб., 2008. С. 56–66; *Чапенко А.А.* История создания, организации, вооружения и боевого пути 29-го Литовского территориального стрелкового корпуса Красной Армии. 1940–1941 гг. // Ученые записки МПГУ. Исторические науки. Вып. 8. Мурманск. 2008. С. 72–88; *Чапенко А.А.* Преобразование эстонской Народной армии в 22-й территориальный стрелковый корпус РККА (по материалам Российского Государственного военного архива) // Ученые записки МПГУ. Исторические науки. Вып. 10. – Мурманск. 2009. С. 160–176; *Симиндей В.В.* «Антисоветский флирт» авторитарной Латвии (1934–1940): между Лондоном, Парижем, Римом и Берлином // *Нарочницкая Н.А.* Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? – М., 2009. С. 241–268; *Фоменко А.В.* Прибалтийский вопрос в отношениях США с Советской Россией: 1918–1940. От появления независимых прибалтийских режимов до включения их в состав СССР. – М., 2009; *Донгаров А.Г.* СССР и Прибалтика (1939–1940 гг.). – М., 2010; *Ковалев С.Н.* «Мы должны быть готовы... к настоящей большой серьезной войне»: Особенности боевой подготовки советских воинских контингентов в Прибалтике (1939–1940 гг.) // Военно-исторический журнал. 2010. № 12. С. 19–23; *Петров П.В.* Балтийский флот и блокада побережья Эстонии в июне 1940 г. // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 156–161; *Ковалев С.Н.* СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 33–37.

³⁷ Так, по мнению Д.Г. Наджафова, присоединение Прибалтики к СССР произошло в соответствии с секретным соглашением с Германией в условиях фактической оккупации (Вопросы истории. 1999. № 1. С. 154), а, по мнению Н.С. Лебедевой, «15–16 июня большая часть территории Литвы была занята советскими войсками. Тем самым было положено начало процессу оккупации и последующей аннексии Литвы и других стран Балтии Советским Союзом» (СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 54).

³⁸ *Черниченко С.В.* Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения // Международная жизнь. 2004. № 7–8. С. 213.

³⁹ *Чапенко А.А.* История стран Балтии (Эстония, Латвия и Литва) в Первый период независимости и в годы Второй мировой войны. С. 106.

⁴⁰ Черниченко С.В. Указ. соч. С. 213.

⁴¹ Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 100.

⁴² Черниченко С.В. Указ. соч. С. 214.

⁴³ Международное право. Ведение военных действий. Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1999. С. 31.

⁴⁴ Черниченко С.В. Указ. соч. С. 214, 216.

⁴⁵ Советско-норвежские отношения, 1917–1955 гг. Сборник документов. – М., 1997; Ренневский А.В. СССР – Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия. – Архангельск. 1998; Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы 1930–1950-е годы. – М., 2005.

⁴⁶ Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. – СПб., 1997; Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 148–167, 188–197; Галицкий В.Н. Финские военнопленные в лагерях НКВД. – М., 1997; Степаков В.Н. Легенды и мифы советско-финляндской войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 171–173; Зимняя война 1939–1940. В 2 кн. – М., 1998; Гагин В.В. Воздушная война в Финляндии. 1939–1940. – Воронеж. 1998; Кулин Ю.М. Карелия в политике Советского государства, 1920–1941. Петрозаводск. 1999; Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. – СПб., 2000; Балашиов Е.А., Степаков В.Н. Линия Маннергейма и система долговременной фортификации на Карельском перешейке. – СПб., 2000; Туркельтауб С.В., Степаков В.Н. Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 годов. – СПб., 2000; Коллонтай А.М. Дипломатические дневники, 1922–1940. В 2 т. Т. 2. – М., 2001; Коломиец М.В. Танки в зимней войне 1939–1940 // Фронтвая иллюстрация. 2001. № 3; Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 т. – СПб., 2003; Книга памяти. Т. 2–9. 1939–1940. – М., 1994–2005; Петров П.В., Степаков В.И., Фролов Д.Д. Война в Заполярье (1939–1940 гг.) // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 116–132; Балашиов Е.А., Кишкурно Я.А. Линия Маннергейма и система долговременной фортификации Финляндии 1919–1940 гг. – СПб., 2002; Барышников Н.И., Барышников В.Н. Рождение и крах «терийковского правительства» (1939–1940 гг.). СПб – Хельсинки. 2003; Антекарь П. Советско-финские войны. – М., 2004; Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию, 1939–1940 гг.: Сборник документов и фотоматериалов. 2-е изд., доп. – СПб., 2004; Шубин А.В. Указ. соч. С. 387–406; Гончаров В. Так кто же стрелял в Майнила? // Захаров В.М. Генеральный штаб в предвоенные годы. – М., 2005. С. 522–531; Петров П. Балтийский флот. Финский гамбит. – М., 2005; Барышников В.Н. «Аландский вопрос» в международных отношениях Балтийского региона в 1939 г. // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград. 2005. С. 96–108; От войны к миру: СССР и Финляндия. 1939–1944 гг. – СПб., 2006. С. 11–170; Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 99–128; Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 186–226; Петров П.В. «Зимняя война». Балтика 1939–1940. – Хельсинки. 2008; Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. – СПб., 2009; «Зимняя война» 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии: исследования, документы, комментарии. – М., 2009; Иринчеев Б. Оболганная победа Сталина. Штурм линии Маннергейма. – М., 2009; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. – М., 2010; Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД: по материалам архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. – СПб., 2010; Барышников Н.И. Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. – СПб., 2010. С. 247–369; Якимович К.В. На фланге линии Маннергейма. Битва за Тайпале. – М., 2010.

⁴⁷ Барышников В.Н. Вступление Финляндии во вторую мировую войну. 1940–1941 гг. – СПб., 2003 (2-е изд., доп. – СПб., 2005); Курмышов В.М. Аренда полуострова Ханко в 1940–1941 гг.: Первый опыт военно-политического руководства страны по созданию военно-морских баз за рубежом // Клио. 2004. № 3. С. 223–230; Курмышов В.М. Создание и оборудование обороны военно-морской базы Ханко: 1940–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 8–12; Куманев Г.А. Об участии Финляндии в составе фашистского блока в войне против Советского Союза. 1941–1944 годы. К изучению проблемы в отечественной и финской историографии // Отечественная история. 2006. № 4. С. 129–139; Барышников Н.И. Указ. соч. С. 213–239.

⁴⁸ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. – М., 1996; *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С. 242–246; Советско-румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы. В 2 т. – М., 2000; *Ереценко М.Д.* Румыния между Германией и Советским Союзом: политика без иллюзий // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 333–362; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина С. 157–190; *Гросул В.Я.* Возвращение на Дунай // Военно-исторический журнал. 2003. № 4. С. 62–67; *Шубин А.В.* Указ. соч. С. 423–428; *Мельтюхов М.И.* Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). – М., 2006; *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. – М., 2010.

⁴⁹ *Пасат В.И.* Эвакуация немецких колонистов с территории Бессарабии и Северной Буковины в 1940 году // Отечественная история. 1997. № 2. С. 87–106.

⁵⁰ *Аблизин В.А.* Преддверие Великой Отечественной войны. Бессарабская кампания Красной Армии летом 1940 года // Доклады Академии военных наук. Саратов. 2005. № 3. С. 16–22; *Голуб Ю.Г., Аблизин В.А.* Бессарабская проблема в контексте советско-германских отношений 1939–1941 годов. Саратов, 2009. К сожалению, большая часть ссылок в указанных работах является фальсификацией.

⁵¹ *Марьина В.В.* Чехословацкий легион в СССР (1939–1941 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 58–73; *Марьина В.В.* «Ворота на Балканы». Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии. 1939–1941 // Война и политика, 1939–1941. С. 472–489; *Марьина В.В.* Словакия в политике СССР и Германии // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 198–240; *Марьина В.В.* Втайне от Берлина и Лондона. Контакты советских и чехословацких разведок в 1940–1941 гг. // Россия XXI. 2001. № 3. С. 116–151; *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. – М., 2003; *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. – М., 2006; *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. В 2 кн. Кн.1. 1939–1941 гг. – М., 2007; *Марьина В.В.* Советские дипломаты и словацкие политические деятели. 1939–1941 года. По материалам Архива МИД РФ // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 49–68.

⁵² *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С. 278–285; *Волков В.К.* Советско-германское противоборство на Балканах во второй половине 1940 года: мотивы и характер // Война и политика, 1939–1941. С. 394–415; *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Венгеро-румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 – июнь 1941 года // Война и политика, 1939–1941. С. 456–471; *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Румыно-венгерский конфликт в контексте германо-советского соперничества // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 297–362; *Валева Е.Л.* Болгария в советско-германских противоречиях на Балканах // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 363–404; *Костин А.А.* Позиция США в отношении Югославии в январе–марте 1941 года // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 107–115; Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. – М., 2005. С. 131–154; *Чубарьян А.О.* Указ. соч. С. 352–375.

⁵³ *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С. 285–304; *Гибианский Л.Я.* Югославский кризис начала 1941 года и Советский Союз // Война и политика, 1939–1941. С. 207–225; *Гибианский Л.Я.* Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 405–501; *Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея»: Вторая половина XIX – начало XXI века. – М., 2002; *Гибианский Л.Я.* Югославия в советской политике на Балканах в начале Второй мировой войны // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08–03.09.2004). – СПб., 2004. С. 66–89; *Гибианский Л.Я.* СССР и «первая Югославия» накануне и в момент ее гибели // Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. – СПб., 2005. С. 277–299; *Гибианский Л.Я.* Балканский кризис и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. С. 481–528.

⁵⁴ *Безыменский Л.А.* Советская разведка перед войной // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 78–90; *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. – М., 1996; Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 3: 1933–1941 годы. – М., 1997; *Си-*

полс В.Я. Указ. соч. С. 394–397; Ответы главного консультанта группы консультантов Службы внешней разведки России генерал-лейтенанта В.А. Кирпиченко на вопросы журнала «Новая и новейшая история» // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 83–93; Новые документы из архивов СВР и ФСБ России о подготовке Германией войны с СССР 1940–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 94–104; *Кочик В.Я.* Советская военная разведка: структура и кадры // Свободная мысль. 1998. № 5. С. 94–104; № 6. С. 88–103; № 7. С. 97–109; № 8. С. 68–94; № 9–12. С. 98–117; *Мельтюхов М.И.* Советская разведка и проблема внезапного нападения // Отечественная история. 1998. № 3. С. 3–20; *Вишлев О.В.* Указ. соч. С. 43–62; *Фесюн А.Г.* Новые документы по «делу Зорге» // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 118–146; Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. – СПб., 2000; *Соколов В.В.* Новые данные о подготовке германского вторжения в СССР в 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 82–89; *Вишлев О.В.* Дезинформационная политика Гитлера накануне нападения на СССР // Россия XXI. 2001. № 3. С. 96–113; *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: дела и люди. СПб – М., 2003; *Лота В.И.* «Альта» против «Барбароссы»: Как были добыты сведения о подготовке Германией к нападению на СССР. – М., 2004; *Гаврилов В.А., Горбунов Е.А.* Операция «Рамзай»: Триумф и трагедия Рихарда Зорге. – М., 2004; *Владимиров О.В.* Деятельность советской военно-морской разведки в Германии. 1939–1941 годы // Отечественная история. 2004. № 3. С. 14–19; *Лота В.И.* Секретный фронт Генерального штаба. – М., 2005; *Кикнадзе В.Г.* Советская военная радиоразведка в годы Великой отечественной войны // Отечественная история. 2006. № 3. С. 47–55; «По данным радиоразведки...». Документы Центрального военно-морского архива. Июнь 1941 г. // Исторический архив. 2006. № 3. С. 20–29; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 221–244; Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. – М., 2008; *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 443–463; *Кикнадзе В.Г.* Морская радиоэлектронная разведка СССР в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. // Отечественная история. 2009. № 6. С. 102–105; *Лота В.И.* ГРУ. Испытание войной: военная разведка России накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 2010; Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки РФ 1939–1941 г. – М., 2011.

⁵⁵ *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. С. 103–105; Репрессии в Красной армии (30-е годы): Сборник документов из фондов РГВА. Неаполь. 1996; *Мельтюхов М.И.* Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5. С. 109–121; *Суворов В.* Очищение. Зачем Сталин обезглавил свою армию. – М., 1998; *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. – М., 1998; *Кругов М.Б.* Тайны военной реформы. Записки менеджера. – М., 1998. С. 21–23; *Минаков С.Т.* За отворотом маршальской шинели. – Орел. 1999; *Герасимов Г.И.* Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1. С. 44–52; *Герасимов Г.И.* Высшее военное руководство РККА: анализ данных 1919–1941 гг. // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 53–61; *Клевцов В.Г.* Социальные и организационные проблемы военных реформ 20–30-х годов // Армия и общество. 1900–1941 гг. Статьи, документы. – М., 1999. С. 138–184; *Печенкин А.А.* Высший командный состав Красной Армии в годы Второй мировой войны. – М., 2002; *Печенкин А.А.* Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: репрессии и обновление. – М., 2003; *Черушев Н.С.* 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. – М., 2003; *Черушев Н.С.* Удар по своим. Красная Армия: 1938–1941. – М., 2003; *Минаков С.Т.* Военная элита 20–30-х годов XX века. – М., 2004. С. 440–479; *Короленков А.В.* Еще раз о репрессиях в РККА в предвоенные годы // Отечественная история. 2005. № 2. С. 154–162; *Багдасарян В.Э.* Заговор в РККА: историографический дискурс о «деле М.Н. Тухачевского» // Историография сталинизма. – М., 2007. С. 207–226; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 276–280; *Минаков С.Т.* 1937. Заговор был! М., 2010.

⁵⁶ *Плимак Е.Г., Антонов В.С.* Тайна «заговора Тухачевского» (Невостребованное сообщение советского разведчика) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 123–138; *Жуков Ю.Н.* Так был ли «заговор Тухачевского»? // Отечественная история. 1999. № 1. С. 176–181; *Перегудова З.П.* «Роковая папка» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 181–183; *Тумишис М.А., Панчинский А.А.* Правда и ложь А. Орлова // Отечественная история. 1999. № 6. С. 179–182; *Плимак Е.Г., Антонов В.С.* Реплика по поводу дискуссии вокруг статьи «Тайна «заговора

Тухачевского» // Отечественная история. 1999. № 6. С. 182–184; Был ли Сталин агентом окранки? М., 1999.

⁵⁷ *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. С. 302–308.

⁵⁸ Красная Армия за год до фашистской агрессии // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 18–28; № 4. С. 18–23; 1941 год. Документы. В 2 кн. – М., 1998; Русский архив: Великая Отечественная. Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 25(14). – М., 1998; «Просим рассмотреть и утвердить» // Источник. 2001. № 5. С. 96–122; Военно-воздушные силы России. Неизвестные документы (1931–1967 гг.). – М., 2003; «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.). Материалы Комиссий Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской войны. М. – СПб., 2004; Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. – М., 2004; Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. М. – СПб., 2005; Военно-воздушные силы России. Неизвестные документы (1931–1942 годы). – М., 2005; Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.). Документы и материалы. – Минск. 2007.

⁵⁹ *Анфилов В.А.* Дорога к трагедии сорок первого года. – М., 1997; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн.1. – М., 1998; *Ленский А.Г.* Сухопутные силы РККА в предвоенные годы. Справочник. – СПб., 2000 (2-е изд. СПб., 2008); *Кулешиова Н.Ю.* Красная Армия в конце 1930-х годов: проблема боеспособности с точки зрения истории повседневности // Отечественная история. 2003. № 4. С. 60–83; *Якубович Н.В.* Авиация СССР накануне войны. – М., 2006; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 245–276; *Мельтюхов М.И.* Организационное развитие Красной Армии в 1939–1941 гг. и проблема соотношения сил сторон к началу Великой Отечественной войны // 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. – М., 2009. С. 197–236; *Герасимов В.Л.* Военно-Воздушные Силы Военно-Морского Флота накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. – М., 2010; *Смирнов А.* «Соколы», умытые кровью. Почему советские ВВС воевали хуже Люфтваффе? М., 2010; *Смирнов А.* Крах 1941 г. – репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную Армию? – М., 2011; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1. С. 61–90.

⁶⁰ 1941 год. Документы. Кн.1. С. 181–182, 237–238, 742, Кн.2. С. 215–216; 1941. Документы и материалы к 70-летию начала Великой Отечественной войны. Вып.1. В 2 т. Т. 1. – СПб., 2011. С. 280–298.

⁶¹ *Горьков Ю.А., Семин Ю.Н.* О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 108–129; *Молодяков В.Э.* Начало Второй мировой войны: некоторые геополитические аспекты // Отечественная история. 1997. № 5. С. 128–135; *Безыменский Л.А.* Загадка плана Жукова // Новое время. 1998. № 40. С. 32–35; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн.1. С. 103–112; *Мельтюхов М.И.* Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается. – М., 1999; *Гареев М.А.* Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // Война и политика, 1939–1941. С. 270–279; *Невежин В.А.* Стратегические замыслы Сталина накануне 22 июня 1941 года (По итогам «незапланированной дискуссии» российских историков) // Отечественная история. 1999. № 5. С. 108–120; *Горьков Ю.А., Семин Ю.Н.* О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны. Новые архивные документы // Война и политика, 1939–1941. С. 280–304; *Бобылев П.Н.* Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах // Отечественная история. 2000. № 1. С. 41–64; *Безыменский Л.А.* О «плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 58–67; *Михалев С.Н.* Стратегическое руководство. Россия/СССР в двух мировых войнах XX столетия. Красноярск. 2000; *Петров Б.Н.* От «революционной четотки» к военной катастрофе. Эволюция военной доктрины советского государства (1918–1941 гг.) // Военно-исторический архив. 2001. № 3. С. 18–38; *Михалев С.Н.* Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. – М., 2003; *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. – М., 2005; *Макар И.П.* Из опыта планирования стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на случай войны с Германией и непо-

средственной подготовки к отражению агрессии // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 3–9; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 281–313; *Ржешевский О.А.* О советских военных планах и внешнеполитических расчетах перед нападением Германии на СССР // Война. Народ. Победа. – М., 2008. С. 149–162.

⁶² Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 110.

⁶³ Конец глобальной лжи // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 2–15; № 3. С. 4–17; № 4. С. 2–17; № 5. С. 2–15; № 6. С. 2–7.

⁶⁴ Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 4.

⁶⁵ *Никифоров Ю.А.* К вопросу об интерпретации документов кануна Великой Отечественной войны в современной историографии // Вопросы отечественной истории. Межвузовский сборник научных работ молодых ученых. Вып.3. – М., 2000. С. 63–79; *Никифоров Ю.А.* «План Г.К. Жукова» от 15 мая 1941 года: проблемы интерпретации // Война. Народ. Победа. – М., 2008. С. 381–397; *Никифоров Ю.А.* Оперативно-стратегические планы Советского Союза накануне войны // 1941. Документы и материалы к 70-летию начала Великой Отечественной войны. Вып.1. В 2 т. Т. 1. – СПб., 2011. С. 145–151; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1. С. 87.

⁶⁶ *Арцыбашев В.А.* Образ начального периода войны в представлениях командного состава Красной Армии в 1931–1941 гг. – М., 2004; *Мицу М.М.* Представления военно-политического руководства СССР о будущей войне с Германией // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 94–104; *Мицу М.М.* «Стратегия сокрушения»: стратегическая и военно-техническая концепция будущей войны в структуре советской военной доктрины 1930-х – начала 1940-х годов // Отечественная история. 2010. № 3. С. 3–18.

⁶⁷ *Бобылев П.Н.* Указ. соч. С. 41–64; *Орлов А.С.* Сталин: в преддверии войны. – М., 2003; *Бобров М.А.* Стратегическое развертывание ВВС Красной армии на западе страны перед Великой Отечественной войной // Военно-исторический журнал. 2006. № 5. С. 3–7; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 309–313; *Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К.* Июнь. 1941 год. Запрограммированное поражение. – М., 2010.

⁶⁸ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М., 1996; *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность накануне Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2003. № 3. С. 113–123; *Хохлов Е.В.* Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. – СПб., 2005; *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. – М., 2006; *Солонин М.* На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года. – М., 2006; *Степанов А.С.* Военные планы и оборонная промышленность СССР накануне и в начале Второй мировой войны. Британский фактор // Отечественная история. 2006. № 3. С. 33–40; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 504–538; *Степанов А.С.* Развитие советской авиации в предвоенные годы (1938 год – первая половина 1941 года). – М., 2009; *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е гг.). – М., 2006; *Мухин М.Ю.* Советская авиационная промышленность в годы Великой Отечественной войны. – М., 2011. С. 19–59.

⁶⁹ *Герасимов Г.И.* «Мобилизация есть война...» Мобилизационная готовность РККА и начальный период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 2–11; *Герасимов Г.* Количественно-качественная характеристика ВВС РККА накануне войны // Авиация и космонавтика – вчера, сегодня, завтра. 2000. № 1. С. 1–6; *Алексеев В.И.* Советские ВВС накануне и в годы Великой Отечественной войны // Авиация и космонавтика – вчера, сегодня, завтра. 2000. № 2. С. 1–7, № 3. С. 1–8, № 4. С. 1–8; *Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г.* Отечественные бронированные машины. XX век. В 4 т. Т. 1: Отечественные бронированные машины. 1905–1941 гг. – М., 2002; *Свищев В.Н.* Начало Великой Отечественной войны. В 2 т. Т. 1. Подготовка Германии и СССР к войне. – М., 2003; *Калашиников К.А., Феськов В.И., Чмыхало А.Ю., Голиков В.И.* Красная армия в июне 1941 года. Новосибирск. 2003; *Дриг Е.Ф.* Механизированные корпуса РККА в бою: история автобронетанковых войск Красной Армии в 1940–1941 гг. – М., 2005; Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. Кн.1: 1929–1941; Кн.2: 1940–1942. – М., 2005; *Свирин М.Н.* Броневой щит Сталина: история советского танка. 1937–1943. – М., 2007; *Кавалерчик Б.К.*

Танковые войска Вермахта и РККА // Военно-исторический архив. 2007. № 4. С. 44–66; № 5. С. 69–91; № 6. С. 30–54; № 7. С. 57–75; *Ленский А.Г.* Танки отечества: броня и бронирование. Кн.1. – СПб., 2008; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 355–366; *Мельтюхов М.И.* Организационное развитие Красной Армии в 1939–1941 гг. и проблема соотношения сил сторон к началу Великой Отечественной войны // 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. С. 236–270; *Уланов А.А., Шейн Д.В.* Порядок в танковых войсках. – М., 2011.

⁷⁰ *Раак Р.Ч.* Источник из высших кругов Коминтерна о планах Сталина, связанных со Второй мировой войной // Отечественная история. 1996. № 3. С. 41–46; *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. – М.: АИРО-XX, 1997; Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке к войне // Археографический ежегодник за 1995 г. – М., 1997. С. 191–207; «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» // Источник. 1997. № 5. С. 103–147; Коминтерн и идея мировой революции: Документы. – М., 1998; *Вишлев О.В.* Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г. Российские документы // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 77–89; *Вишлев О.В.* Западные версии высказываний И.В. Сталина 5 мая 1941 г. По материалам германских архивов // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 93–115; Коминтерн против фашизма: Документы. – М., 1999; *Вишлев О.В.* Накануне 22 июня 1941 г. С. 79–102, 165–187; *Кулешова Н.Ю.* Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной Армии конца 1930-х годов // Отечественная история. 2001. № 2. С. 61–72; *Кулешова Н.Ю.* «Не нынче – завтра грянет бой»: образ грядущей войны и ее участников в литературе 1930-х годов // История России XIX – XX веков: новые источники понимания. – М., 2001. С. 267–279; *Кулешова Н.Ю.* «Большой день»: грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 181–191; И.В. Сталин «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”» – и идеологическая подготовка к мировой войне // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 3–40; Застольные речи Сталина. Документы и материалы. – М. АИРО-XX, 2003; *Багдасарян В.Э.* Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31–46; *Токарев В.А.* «Кара панам! Кара!»: польская тема в предвоенном кино (1939–1941 годы) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 47–59; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: Документы. – М., 2004; *Токарев В.А.* Советский культурный ландшафт в тени пакта Молотова – Риббентропа (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 2010. № 5. С. 61–74; *Невежин В.А.* «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. – М., 2007; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 314–340; *Голубев А.В.* «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х годов // Отечественная история. 2008. № 5. С. 119–127; *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу республику...»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. – М., 2008. С. 174–179.

⁷¹ *Марьина В.В.* Дневник Г. Димитрова // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 32–54.

⁷² Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. – М., 2001.

Новые ракурсы и проблемы Второй мировой войны

История Великой Отечественной войны и победа в ней остаются едва ли не единственной основой современной российской идентичности. День победы в современной России остается единственным праздником советской эпохи, который все еще объединяет российское общество. Поэтому и власть, и общество особенно болезненно воспринимают попытки демифологизировать историю Великой Отечественной войны. Поэтому этот эпизод советской истории до сих пор не подвергся серьезной демифологизации. Только здесь до сих пор в почти неизменном виде остаются схемы советских времен. В этом смысле более чем показательным является первый том официальной «Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», вышедший в июне 2011 года, к 70-летию начала войны. Он представляет собой как бы конспект остальных 11 томов, и по нему можно вполне судить об издании в целом¹. Подавляющее большинство авторов придерживаются основных советских мифов войны. В предисловии, подписанном президентом РФ Д.А. Медведевым, утверждается, что в книге «показан героический и драматический подвиг фронта и тыла страны, ее народов в единстве и динамике ее (войны. – Б.С.) событий и явлений, раскрыта сущность ратной и трудовой деятельности творцов Великой Победы». Здесь же требуется осмысление «героической истории» и воспитание у народов России любви к Родине, гордости за Отечество, уважение к делам и традициям предшествующих поколений². Практически тем самым история Великой Отечественной войны рассматривается всего лишь как орудие политической пропаганды. Этот период истории фактически выводится из сферы исторической науки. Берутся только те события, которые можно истолковать в героическом ключе, не исключая, например, трагических событий начала войны. Но в истории много не только героического и трагического, но и низкого, подлого, преступного, стыдного. Когда таких тем приходится касаться, их лишь упоминают и по возможности стараются оправдать действия Красной Армии, советского народа, Сталина и других деятелей советского руководства. Ведь уважение к традициям предшествующих поколений – это прежде всего уважение к тоталитарным и авторитарным традициям, поскольку иных в истории России и СССР почти не было.

Главные проблемы, которые оказались в центре внимания российской историографии Второй мировой войны после падения коммунистического режима в 1991 году, это:

- 1) события 1939–1941 годов;
- 2) размер советских военных потерь;
- 3) роль Сталина, народа, отдельных советских полководцев и советского народа в достижении победы в войне;

- 4) проблема коллаборационизма и партизанского движения;
- 5) роль ленд-лиза и вооруженных сил западных союзников в достижении Победы;
- 6) уровень советского военного искусства;
- 7) причины советской победы в войне;
- 8) преступления Красной Армии в Европе в 1944–1945 годах;
- 9) историческая память различных народов о Второй мировой войне и конфликты исторической памяти на постсоветском пространстве.

Основные направления современного изучения Второй мировой войны

В идеологическом отношении в российской историографии Второй мировой войны можно выделить два основных течения, или направления, – либерально-демократическое и национально-патриотическое. Каждое из них, в свою очередь, можно подразделить на два поднаправления. В национал-патриотическом направлении мы выделяем лево-марксистское и право-националистическое направление, а в либерально-демократическом – лево-либеральное и национал- демократическое направления. При этом различия в позициях представителей различных поднаправлений оказываются менее значимыми, чем различия между двумя главными направлениями. Эти позиции различны практически по всем основным значимым проблемам истории Второй мировой войны.

К лево-марксистскому поднаправлению можно отнести большинство авторов и редакторов 12-томной «Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», представляющие Центр военной истории Института всеобщей истории РАН, Военно-мемориального центра вооруженных сил и б. Институт военной истории МО (ныне – Центр военно-исторических исследований при Академии Генерального штаба). Их органом, в частности, является издаваемый Министерством обороны «Военно-исторический журнал», который лишь очень короткое время, в 1991–1993 годах, представлял историков либерально-демократического направления. Эти последние в настоящее время публикуются в журнале «Военно-исторический архив», издающийся с 1997 года.

В своем подавляющем большинстве лево-марксистские историки придерживаются марксистской методологии, хотя и предпочитают не цитировать прямо Маркса или Ленина. Лозунг историков национально-патриотического направления – слова отца П.А. Столыпина генерала А.Д. Столыпина: «Военная история России – стержень нашей нравственности»³.

Следует отметить, что целый ряд историков не может быть однозначно отнесен к тому или иному направлению или поднаправлению. Например, В.Э. Молодяков в позитивной оценке пакта Молотов–Риббентроп как будто

оказывается ближе к национально-патриотическому направлению, тогда как по общей оценке роли Сталина в войне он оказывается ближе к либерально-демократической историографии. Однако необходимо признать, что Молодяков позитивно оценивает пакт лишь в плане возможного создания долгосрочной оси Берлин – Москва – Токио, создание которой вряд ли было осуществимо в реальных условиях 1939–1941 годов, принимая во внимание остроту советско-германских противоречий⁴.

Свой анализ мы проведем по порядку указанных проблем.

События 1939–1941 годов

События 1939–1941 годов привлекают особенно пристальное внимание российских историков и политиков, поскольку с их оценкой оказываются тесно связаны взаимоотношения России с рядом европейских государств. Здесь выделяют следующие отдельные темы: пакт Молотов–Риббентроп и роль СССР в начале Второй мировой войны; секретные протоколы к Советско-германским договорам и соглашениям 1939–1940 годов и захват Советским Союзом Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Литвы, Латвии, Эстонии, а также советское нападение на Финляндию; собирался ли Сталин напасть на Гитлера и причины того, что германское нападение на СССР оказалось внезапным. Историки либерально-демократического безоговорочно осуждают секретные протоколы к Советско-германским договорам 1939 года и признают, что Сталин несет свою долю ответственности за развязывание Второй мировой войны. В то же время, историки лево-либерального направления не склонны все же уравнивать ответственность Сталина с ответственностью Гитлера, в отличие от историков национал-демократического направления, готовые признавать равную ответственность за Вторую мировую войну нацизма и сталинизма, как это записано в известной резолюции ПАСЕ. Сторонники национально-патриотического направления не признают какой-либо ответственности Сталина и СССР за возникновение Второй мировой войны, целиком перекладывая ответственность на Германию, а также Англию, Францию и США. Они признают, что секретные протоколы не соответствовали нормам международного права, но оправдывают действия Сталина тем, что международное право тогда нарушали все великие державы, приводя в пример Мюнхенское соглашение 1938 года и рассматривая пакт о ненападении между СССР и Германией как «наш ответ на Мюнхенский сговор», как законные и необходимые меры по обеспечению безопасности СССР. При этом сторонники лево-марксистского поднаправления в большей мере стремятся восстановить советскую картину событий 1939–1941 годов и настаивают на том, что существовала реальная опасность сговора Гитлера и западных союзников с целью ликвидации пер-

вого в мире социалистического государства. Сторонники же право-националистического поднаправления делают больший упор на «законное», как они полагают, право Сталина восстановить границы Российской империи и создать собственную зону влияния в Восточной Европе. Сторонники либерально-демократического направления осуждают советское нападение на Финляндию, включение в состав СССР стран Балтии, Бессарабии и других территорий, проведенное с использованием угрозы силы и с применением силы. В тоже время сторонники лево-либерального направления в большей мере осуждают форму, а не суть территориальных преобразований, осуществленных Сталиным в Восточной Европе в 1939–1940 годах, полагая, что, по крайней мере, значительная часть населения указанных территорий хотела присоединения к СССР в конкретных условиях начавшейся Второй мировой войны, и предпочитают не употреблять термин «оккупация» по отношению к действиям Советского Союза. Тут сказывается и давление российских правительственных структур, которые выступают против использования термина «оккупация», поскольку Россия считается правопреемником СССР, и признание факта оккупации может спровоцировать финансовые претензии к России и подрывает планы по установлению российского преобладания на постсоветском пространстве. Представители лево-либерального поднаправления мотивируют от термина «оккупация» тем, что жители присоединенных территорий имели равные права с остальным населением СССР, а финансирование некоторых новых советских республик осуществлялось в объемах, существенно более высоких, чем среднесоюзные. Сторонники национал-демократического поднаправления осуждают оккупацию и аннексию Сталиным территории стран Восточной Европы и применяют к этим действиям термин «оккупация». Представители национально-патриотического направления считают присоединение Сталиным ряда территорий в 1939–1940 годах оправданным шагом, мотивированным как соображениями безопасности так и стремлением народов этих территорий войти в состав СССР. Представители этого направления, с некоторыми оговорками, считают выборы, проведенные на аннексируемых территориях, отражающими волю народа.

На вопрос о том, собирался ли Сталин напасть на Гитлера в 1940–1941 годах, подавляющее большинство историков как национально-патриотического так и либерально-демократического направления отвечает отрицательно. Только историки и публицисты национально-демократического направления считают, что Сталин действительно собирался вторгнуться в Европу и только германское нападение предотвратило его, хотя Гитлер и сам не ожидал сталинского нападения в 1941 году. Большинство историков лево-либерального поднаправления полагают, что Сталин боялся Гитлера и всеми силами пытался если не предотвратить, то максимально оттянуть столкновение с Германией. Историки национально-патриотического направления считают, что Сталин сознавал неготовность СССР к войне и в то же время ошибался в сроках возможного нападения Германии, полагая, что оно последует не ранее 1942 года. Историки национально-демократического поднаправления счита-

ют, что Сталин, наоборот, верил что Красная Армия сильнее вермахта, и Гитлера нисколько не боялся, хотя нападения его раньше 1942 года.

Следует отметить, что сторонникам национально-патриотического направления в большей мере, чем их противникам, приходится замалчивать целый ряд исторических фактов и аналогий. Так, в первом томе 12-томника вообще нет рассказа о событиях войны с Финляндией 1939–1940 годов или о советской оккупации государств Прибалтики в 1940 году, поскольку здесь, без прямой и очевидной фальсификации хорошо известных в мире исторических фактов, трудно найти что-то патриотическое и выступающее действия Советского Союза в благоприятном свете. Там же утверждается, что война со стороны СССР была безусловно справедливой, поскольку поражение в ней означало гибель не только советской, но и традиционной российской государственности, под которой понимается Российская империя. Авторы 1-го тома утверждают, что территории, полученные Сталиным в результате пакта Молотов–Риббентроп, были исключительно бывшими территориями Российской империи, что является явной фальсификацией. Все историки национально-патриотического направления оправдывают российскую и советскую имперскую политику и считают, что Россия может существовать только как империя. При этом подавляющее большинство представителей как национально-патриотического так и либерально-демократического направлений рассматривают лишь два варианта исхода войны – победа СССР и его союзников и поражение Германии или победа Германии и поражение СССР и других стран Антигитлеровской коалиции и превращение СССР в колонию Германии. Между тем, теоретически существовал и третий вариант окончания войны: поражение Красной Армии и резкое ослабление советского сопротивления в 1942 году, после чего Вторая мировая война, скорее всего, закончилась бы в 1946 году после массированных бомбардировок германских городов атомными бомбами, сбрасываемыми с англо-американских самолетов. При таком сценарии развития событий сталинская Россия, хотя и оказалась бы среди победителей, но в лучшем случае, сохранила бы довоенные границы 1939 г. При этом нельзя было бы исключить, что от Советского Союза отпали бы Украина Кавказ и другие республики и что сталинский режим был бы свергнут. Очевидно, такой вариант окончания войны нельзя было однозначно оценить в качестве благоприятного или неблагоприятного для России. Поэтому его предпочитали не рассматривать как национально-патриотические, так и либерально-демократические историки. Между тем, негативными последствиями для СССР в случае завершения войны в 1946 году атомной бомбардировкой Германии можно было счесть, что тогда он оказался бы только в роли «второстепенного победителя», вроде гоминьдановского Китая, и вынужден был бы подчиниться главным победителям – США и Англии и, в лучшем случае, смог бы только восстановить свои границы, существовавшие до 1 сентября 1939 года. Зато в этом случае и советские потери погибшими оказались бы в несколько раз меньше. Главное же, была бы большая вероятность падения коммунистического режима в Советском Союзе, подобно тому,

как это произошло с режимом Чан Кайши в Китае, а также и распада СССР. В этом случае Россия почти наверняка начала тот путь развития, на который она встала в 1991 году, почти на полвека раньше.

Либеральная историография Великой Отечественной войны представлена главным образом в 100-томной серии «История сталинизма», выпускаемой издательством РОСПЭН (в ней представлены и зарубежные авторы). Что характерно, в серии почти нет работ, целиком посвященных Великой Отечественной или Второй мировой войны. Из вышедших к настоящему времени 106 книг проблематике Второй мировой войны целиком посвящены только три книги, из которых лишь одна является трудом российских авторов. Это – «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях» (М., 2009), авторами которого являются И.С. Яжборовская, А.Ю. Яблоков и В.С. Парсаданова, которые убедительно доказывают, что Катынь является советским преступлением против человечности. Но эта книга – переиздание книги 1999 года.

Тут следует подчеркнуть, что работы историков национал-патриотического направления отличаются ярко выраженными антипольскими мотивами. Так, видный представитель право-националистического поднаправления национал-патриотического направления Н.А. Нарочницкая голословно обвиняет поляков в том, что еще в марте 1939 года они собирались вместе с Гитлером воевать за Советскую Украину⁵. И до сих пор большими тиражами выпускаются, где повторяется лживая версия комиссии Н.Н. Бурденко о том, будто поляков в Катыни убили немцы осенью 1941 года⁶.

Получается, что за 2000-е годы российские историки леволиберального поднаправления либерально-демократического не создали ни одной книги, целиком посвященной Великой Отечественной или Второй мировой войны, которую бы редакторы сочли достойным включения в «Историю сталинизма». Показательно, что период 1941–1945 годов, как правило, выпадает из трудов по истории сталинских репрессий, написанных леволиберальными историками. Они опасаются подрывать единый общенациональный объединяющий миф о Великой победе. Другие книги в серии «История сталинизма», посвященные периоду 1939–1945 годов, принадлежат иностранным авторам. Это – ««Предатель – ты, Сталин!» Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны» (М., 2011) германского историка Б. Байерляйна, где критикуется политика Сталина по отношению к Коминтерну в период советско-германского сближения в начале Второй мировой войны. Фактически это – лишь сборник документов с критическими по отношению к Сталину комментариями. Следует назвать также «Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика» (М., 2010) американца С.М. Майнера. Здесь автор, используя главным образом британские и американские источники, исследует роль православия в сталинской политике в годы войны. Майнер полагает, что Сталин использовал православную церковь прежде всего для восстановления Советской власти на ранее оккупированных территориях, а также в пропагандистских целях, дабы

продемонстрировать западным союзникам, что в СССР существует свобода вероисповедания. С первым тезисом можно поспорить, хотя бы потому, что значительное число православных священников служило во время оккупации, и после освобождения оккупированных территорий Красной Армии они подверглись репрессиям. Необходимо также упомянуть книгу израильского исследователя Г. Городецкого «Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз» (М., 2008), ранее неоднократно издававшуюся в России под разными названиями и ранее выпущенную РОССПЭНом в 2001 году. Автор отвергает тезис о том, что Сталин в 1941 году собирался напасть на Гитлера, и фактически возвращается к легендам советской либеральной историографии 60-х годов о Сталине, будто бы боявшемся Гитлера и делавшем все, чтобы предотвратить войну с Германией или хотя бы отдалить ее. При этом Городецкий, как и российские противники версии о намерении Сталина напасть на Гитлера⁷, игнорирует те факты, которые однозначно доказывают существование такого намерения у Сталина. Это – резолюция заместителя начальника Генштаба генерала Н.Ф. Ватутина на мартовском 1941 года плане развертывания Красной Армии на Западе: «Наступление начать 12 июня» и решение Политбюро от 4 июня 1941 года о формировании к 1 июля 238-й стрелковой дивизии Красной Армии из поляков и лиц, знающих польский язык. Такое решение могло приниматься только в том случае, если в самое ближайшее время Красная Армия собиралась начать боевые действия на территории оккупированной Германией Польши. Точно так же за месяц до советского нападения на Финляндию было решено сформировать финский корпус Красной Армии⁸. Все эти факты можно объяснить, только предположив, что летом 1941 года Сталин собирался напасть на Германию, и Гитлер лишь случайно упредел его.

Единственный из историков национально-патриотического направления, убежденный, что Сталин в 1941 году собирался вторгнуться в Европу, это М.И. Мельтюхов. С его точки зрения, такого рода поведение было обычным в то время и было направлено на отстаивание законных имперских интересов⁹. Мельтюхов также склонен оправдывать секретные протоколы к советско-германским договорам 1939 года и вторжение Красной Армии в Польшу в сентябре 1939 года, рассматривая это в качестве «реванша» за «польскую агрессию 1920 года»¹⁰.

Из историков лево-либерального поднаправления В.А. Невежин полагает, что в целом как сталинская внешняя политика так и военное планирование и подготовка к войне Красной Армии носили наступательный характер, но затрудняется дать однозначный ответ на вопрос, собирался ли Сталин напасть на Гитлера уже в 1941 году¹¹.

Среди томов «Истории сталинизма» также значительное внимание событиям Второй мировой войны уделено в книге Е.Ю. Зубковой «Прибалтики и Кремль. 1940–1953» (М., 2008). Автор подробно рассматривает события 1940–1941 годов в Прибалтике, убедительно доказывая, с использованием ранее недоступных документов, что никаких «народных революций» в 1940

году не было и что все выражения «народной поддержки» Красной Армии были заранее запланированы в Политбюро, а последующие парламентские выборы проходили полностью по советскому образцу. Однако Зубкова не использует по отношению к советским действиям в Литве, Латвии и Эстонии термин «оккупация» в значении «насильственное занятие территории государства против воли населения и с нарушением норм международного права», оставаясь в зависимости от официальной позиции российского правительства, до сих пор отрицающего факт советской оккупации Прибалтики. Между тем, советская оккупация Эстонии, Латвии, Литвы в 1940 году ничем не отличается от «мирной оккупацией» Германией Дании, происшедшей двумя месяцами ранее и которую, в качестве оккупации, никто в мире не пытается отрицать, или от столь же мирных оккупаций вермахтом Чехии в марте 1939 года и Австрии в марте 1938 года.

Интересно, что в совместном российско-германском учебнике «История Германии», изданном в 2008 году, прямо говорится, что «12 марта 1938 г. немецкие войска оккупировали Австрию. В стране был развязан настоящий террор против всех политических противников». И тут же подчеркивается, что после этого термин «аншлюс» приобрел окраску насильственного захвата территории». ¹² Если здесь «Австрию» заменить на одну из стран Балтии, «март 1938 г.» – на «июнь 1940 г.», то фразу о терроре против политических противников можно даже не менять.

Более удачным представляется другой совместный российско-германский проект – первый том «Оболение власти. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах» трехтомника «Россия и Германия в XX веке», подготовленного в рамках Вуппертальского проекта. Здесь российские авторы вполне адекватно оценивают преступления Красной Армии в Германии, сравнивая их с преступлениями вермахта (Г.А. Бордюгов), исследуют пропагандистские мифы времен войны (Т.М. Горяева, В.А. Небезин, Ю.В. Басистов, Б.В. Соколов) ¹³

Зубкова также отказывается от рассмотрения событий в Прибалтике в 1941–1944 годах, поскольку здесь пришлось бы высказываться по таким проблемам, как советское партизанское движение и подполье в Прибалтике и сотрудничество местного населения с немцами, по которым у российской леволиберальной историографии до сих пор нет однозначной позиции, в отличие от историков Литвы, Латвии и Эстонии. Последние осуждают лишь тех из своих коллаборационистов, кто совершил военные преступления или преступления против человечества. Остальных же считают жертвами обстоятельств, когда выбор был только между двумя оккупационными державами, при том, что многие из тех, кто боролся против Красной Армии, ошибочно полагали, что тем самым они способствуют восстановлению национальной независимости.

Характерно, что в изданных к середине 2011 года фондом «Демократия», представляющем леволиберальное поднаправление и созданном в 1996 году по указу президента Б.Н. Ельцина, 66 книг серии «Россия. XX век. Докумен-

ты» истории Великой Отечественной и Второй мировой войны посвящены 8 томов¹⁴. Это не так уж мало, учитывая, что издания Фонда охватывают период с 1900 по 1991 года. Однако данные цифры показывают, что тема Великой Отечественной войны не является для него столь же приоритетной, как для официальной историографии.

Размер советских военных потерь

Проблема советских военных потерь так же раскалывает российское историческое сообщество. Историки национально-патриотического направления склонны принимать на веру российские официальные цифры потерь Красной Армии в Великой Отечественной войне, впервые опубликованные в 1993 году и будто составившие 8 668,4 тыс. убитых и умерших военнослужащих. При этом безвозвратные потери вермахта и его союзников будто бы были всего лишь в 1,3 раза меньше советских потерь. С этими цифрами в целом согласны и лево-либеральные историки, хотя допускают, что они немного занижают советские потери и что соотношение 1,3:1 получено за счет завышения потерь Германии и ее союзников и что в действительности советские потери превышали германские более чем в 2 раза. Только ряд историков национально-демократического и право-националистического поднаправлений полагают, что официальные цифры советских потерь многократно занижены и что потери советских вооруженных сил в 4–10 раз превосходили потери их противников.

Историки национально-патриотического направления, за редчайшим исключением яростно отстаивают официальную цифру советских военных потерь в 8 666 400 погибших и умерших военнослужащих, отменяя всякую критику в адрес официальных цифр. При этом безвозвратные потери Германии и ее союзников на Восточном фронте сознательно завышаются, чтобы безвозвратные потери Красной Армии лишь в 1,3 раза превышали потери ее противников¹⁵. Те же цифры были повторены и в первом томе 12-томной «Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Между тем, существуют альтернативные подсчеты советских потерь, которые указывают на сознательное многократное занижение истинной цифры безвозвратных потерь Красной Армии группой военных историков под руководством Г.Ф. Кривошеева. С.А. Ильенков, основываясь на картотеке безвозвратных потерь Министерства обороны, оценивает потери советских войск не менее чем в 13 850 тыс. убитыми и умершими¹⁶. И.И. Ивлев, используя те же картотеки потерь рядового и офицерского состава, считает, что потери советских вооруженных сил убитыми и погибшими не могли быть меньше 15,5 млн. человек, но они могли составлять и 16,5 млн. и даже 20–21 млн. человек¹⁷. Последняя цифра получена следующим образом. Общее число извещений

военкоматов о погибших и пропавших без вести, попавших в семьи Архангельской области, превышает 150 тыс. По оценке Ивлева, примерно 25 % этих извещений не попали в военкоматы. В то же время, в военкоматах Российской Федерации насчитывается 12400900 извещений, в том числе 61400 на погибших и пропавших без вести в пограничных войсках и 97700 – во внутренних войсках НКВД СССР. Таким образом, 12241800 извещений поступили из частей НКО и НК ВМФ. Из этого числа, по оценке Ивлева, около 200 тыс. приходится на повторы, на лиц, оставшихся в живых, а также на лиц, служивших в гражданских ведомствах. За их вычетом получится не менее 12041800 уникальных извещений. Если пропорция извещений, не попавших в военкоматы, для всей России примерно та же, что была определена для Архангельской области, то общее число уникальных извещений в пределах Российской Федерации можно оценить не менее чем в 15042000. Чтобы оценить число уникальных извещений, которое должно находиться в остальных бывших союзных республиках, Ивлев предполагает, что доля погибших жителей России среди всех безвозвратных потерь Красной Армии и Флота примерно равна доли русских в безвозвратных потерях, приведенной в книгах группы Г.Ф. Кривошеева, – 72 %. Тогда на остальные республики приходится примерно 5854000 извещений, а общее их число в пределах СССР можно оценить в 20905900 человек. С учетом же потерь пограничных и внутренних войск НКВД общее число уникальных извещений, по мнению Ивлева, превышает 21 млн. человек¹⁸.

Однако нам представляется некорректным оценивать долю извещений, находящихся за пределами Российской Федерации, основываясь на оценке доли нерусского населения среди безвозвратных потерь. Во-первых, в России живут и жили не только русские. Во-вторых, русские жили не только в РСФСР, но и во всех остальных союзных республиках. В-третьих, у Кривошеева доля русских в числе погибших и умерших военнослужащих оценивается не в 72 %, а в 66,4 %, причем она взята не из документа о безвозвратных потерях, а рассчитана на основе данных о национальном составе в списочной численности Красной Армии в 1943–1945 годах. Если добавить сюда оценку потерь народностей, проживавших преимущественно в РСФСР в сегодняшних границах: татар, мордвин, чувашей, башкир, удмуртов, марийцев, бурят, коми, народностей Дагестана, осетин, кабардинцев, карелов, финнов, балкарцев, чеченцев, ингушей и калмыков, то доля потерь Российской Федерации возрастет еще на 5,274 %. Не исключено, что Ивлев приплюсовал сюда и половину потерь евреев, – 0,822 %¹⁹, тогда потери народов РСФСР возрастут до 72,5 %. Вероятно, округлив это число, Ивлев и получил 72 %. Поэтому, на наш взгляд, для оценки числа уникальных извещений за пределами РФ более правильно использовать данные о доли населения РСФСР в населении СССР на 1 января 1941 года. Она составляла 56,2 %, а за вычетом населения Крыма, переданного в 1954 году Украине, и с добавлением населения Карело-Финской ССР, включенной в 1956 г. в состав РСФСР, – 55,8 %²⁰. Тогда общее число уникальных извещений можно оценить в 26,96 млн., а с учетом

извещений в пограничных и внутренних войсках – в 27,24 млн. За вычетом же военнослужащих, оставшихся в эмиграции, общее число погибших и умерших составит 26,99 млн. человек.

Эта цифра практически совпадает с нашей оценкой потерь советских вооруженных сил погибшими и умершими в 26,9 млн. человек. Она основана на помесечных данных о безвозвратных потерях Красной Армии за 1942 год, на данных о помесечном числе раненых за всю войну, анализе советских переписей населения и Объединенной базы данных «Мемориал» безвозвратных потерь советских вооруженных сил. Общие же потери СССР в войне, включая потери мирного населения, оцениваются в 40,1–40,9 млн. погибших и умерших²¹. Как отмечает либеральный историк Никита П. Соколов, «По свидетельству полковника Федора Сетина, работавшего в середине 1960-х в Центральном архиве Минобороны, первая группа оценила безвозвратные потери Красной армии в 30 млн. человек, но эти цифры «не были приняты наверху»»²². Н.П. Соколов также отмечает, что Г.Ф. Кривошеевым и его товарищами не учитывается «мобилизация, производившаяся непосредственно частями действующей армии на территории оккупированных немцами областей после их освобождения, так называемое неорганизованное маршевое пополнение. Кривошеев косвенно в этом признается, когда пишет, что «за годы войны из населения было изъято: в России... 22,2 % трудоспособных граждан..., в Белоруссии 11,7 %, в Украине 12,2 %». Разумеется, в Белоруссии и на Украине было призвано не менее «трудоспособного населения», чем в целом по России, только здесь меньшая часть призывалась через военкоматы, а большая – напрямую в части»²³.

Следует отметить, что если в германской армии число раненых примерно втрое превышало число убитых, то в Красной Армии числа убитых и раненых были примерно равны между собой. Это было связано, в частности, с плохо поставленной с советской стороны эвакуацией раненых с поля боя. Например, по воспоминаниям немецких танкистов, танки и другая бронетехника в германской армии в значительной мере использовались для эвакуации раненых – танкистов, пехотинцев и артиллеристов, тогда как советские танкисты практически не помнят таких фактов²⁴.

Столь ожесточенные споры по поводу советских военных потерь вызваны тем, что от их величины зависит соотношение советских и германских военных потерь и, соответственно, оценка эффективности сталинского режима. Если официальные цифры дают соотношение потерь не в пользу Красной Армии 1,3:1, то неофициальные – от 9,3:1 до 4,8:1. Для историков либерально-демократического направления истинное соотношение потерь служит подкреплением тезисов о неэффективности и преступности сталинского режима. Для большинства же историков национально-патриотического настроения официальные цифры являются подкреплением тезиса об эффективности советской модернизации, о превосходстве Красной Армии над вермахтом, о превосходстве советской экономики над германской, о Сталине как «эффективном менеджере».

Необходимо отметить, что в Первой мировой войне соотношение потерь русской и германской убитыми в сражениях друг против друга было примерно 7:1 в пользу немцев²⁵. Поскольку кайзеровская армия была относительно слабее гитлеровского вермахта, а Красная армия – относительно слабее российской императорской армии, прежде всего из-за снижения качества офицерского корпуса, то соотношение советских и германских безвозвратных потерь в годы Второй мировой войны было еще в большей степени в пользу немцев.

Роль Сталина, народа, отдельных советских полководцев и советского народа в достижении победы в войне

Историки национально-патриотического направления считают Сталина не только главным и единственным архитектором победы, но и эффективным менеджером. При этом лево-марксистского направления выделяют роль партии, тогда как право-националистические историки упирают на поддержку Сталина советским народом. Оба поднаправления признают роль в победе роль советских маршалов, особо выделяя роль Жукова. Историки либерально-демократического направления едины только в отрицательной оценке роли Сталина. Представители лево-либерального поднаправления, что народ победил не благодаря, а вопреки Сталину, который своими ошибками только усугублял советские потери. Они признают роль советских маршалов, но не ставят на первый план Жукова, которого считают слишком жестоким. Представители национально-демократического поднаправления считают Сталина главным архитектором победы, поскольку только он обладал властью и мог принимать решения, но отказывают ему в эффективном руководстве, поскольку победа была купле на большой кровью. Они также невысоко ценят сталинских маршалов и наркомов.

Труды П.В. Данилина и А.В. Филиппова («Книга для учителя. Новейшая история России 1945–2006 гг.») (М.: 2007), (Учебник для 11 класса «История России, 1945–2007») и (Методическое пособие «История России 1900–1945») (М., 2008) остаются знаковыми для национал-патриотического направления. Их концепцию вполне продолжает 1-й том 12-томной «Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Основные положения этих работ таковы:

1. Начатая в 1917 году модернизация России была жизненно необходима для сохранения национальной независимости страны и победы в Великой Отечественной войны, которая рано или поздно была неизбежна.

2. Великая Отечественная война – центральное, главное событие всей российской истории XX века.

3. Теория тоталитаризма ненаучна и неприменима к советскому опыту, являясь порождением русофобских сил на Западе, ставящих на одну доску Советский Союз и нацистскую Германию.

4. С точки зрения решения задач модернизации Сталин показал себя «эффективным менеджером».

5. Сопротивление противников модернизации, в том числе внутрипартийной оппозиции и значительной части крестьянства, можно было преодолеть только с помощью репрессий.

6. Территории, приобретенные Сталиным в результате пакта Молотов – Риббентроп, не выходили за пределы «утраченного Отечества» – территорий, прежде входивших в состав Российской империи. Поэтому нельзя говорить о советской агрессии. И никаких экспансионистских планов, выходящих за эти пределы, у Сталина в 1939–1941 годах не существовало.

7. Великая Отечественная война стала величайшим испытанием и величайшей победой советского народа (или советских народов) и доказательством оправданности и эффективности сталинской модернизации.

При этом обходится вопрос о цене мобилизации, о числе жертв войны и репрессий, о возможности демократических альтернатив, в частности, в случае установления в СССР демократии или изначального союза с западными демократиями, что могло либо предотвратить войну, либо обеспечить победу в ней с гораздо меньшими жертвами. Права человека, личности полностью игнорируются в пользу интересов государства, с которыми отождествляются интересы народа и общества.

Альтернативная история Второй мировой войны содержится в двухтомнике «История России. XX век» (М.: АСТ, 2009), выпущенном под редакцией известного историка, в прошлом – председателя Народно-Трудового Союза А.Б. Зубова. Она написана с антикоммунистических и национально-демократических позиций. Основным автором статей по периоду 1939–1945 годов» здесь является известный петербургский историк К.М. Александров. В книге не используется термин Великая Отечественная война, а только – Вторая мировая война и Советско-нацистская война. Последний термин представляется совершенно некорректным. Ведь «нацистский» относится к определенной идеологии, тогда как «советский» – к государству и в реальности обозначает определенную метаэтническую общность. Правильно было бы говорить о Советско-германской войне или о нацистско-коммунистической войне. Советский режим рассматривается как преступный, а его агрессивная политика – одной из причин Второй мировой войны. К.М. Александров и А.Б. Зубов считают подлинной речь Сталина на Политбюро 19 августа 1939 года с изложением будущего германо-советского соглашения о разделе сфер влияния, хотя достаточно убедительно доказано, что это была фальшивка, изготовленная французскими спецслужбами²⁶

Проблема коллаборационизма и партизанского движения

Представители национально-патриотического направления безоговорочно осуждают коллаборационизм советских граждан с нацистами. Среди историков либерально-демократического направления только представители лево-

либерального поднаправления осуждают коллаборационизм, особенно русский коллаборационизм генерала Власова. Значительная часть представителей национально-демократического направления оправдывает РОА Власова тем, что генерал стал подлинным борцом против сталинского тоталитаризма. Другая часть национал-демократов, осуждая Власова, которого в сотрудничестве с нацистами двигали не идейные, а карьерные мотивы, склонны оправдывать коллаборационистов с территорий, оккупированных СССР в 1939–1940 годах. Они также считают, что на этих территориях коллаборационистами должны считаться как те представители коренного населения, которые служили в армии и полиции Германии и ее союзников, так и те из них, кто служил в Красной Армии и НКВД. Интересно, что проблема партизанского движения теперь рассматривается теперь в тесной связи с проблемой коллаборационизма, поскольку против советских партизан боролись главным образом коллаборационистские формирования.

Авторами «История России. XX век» (под редакцией А.Б. Зубова) деятельность генерала Власова и его Русской Освободительной Армии (РОА) называется Русским Освободительным Движением (РОД) и характеризуется исключительно положительно как единственная альтернатива сталинскому режиму, хотя и не имевшая шансов на победу. Подчеркивается, что победа была куплена чрезмерно дорогой ценой и была бы невозможна без помощи западных союзников.

К.М. Александров в своих работах, посвященных русским коллаборационистам, хотя и признает, что оппозиционность генерала А.А. Власова по отношению к сталинскому режиму определялась тем фактом, что он попал в немецкий плен, тем не менее считает, что РОД, исповедовавшее, по его мнению, идеологию солидаризма Народно-Трудового Союза, было реальной альтернативой Сталину, хотя в силу сложившейся геополитической ситуации и не имело шансов на победу. В то же время, Александров разоблачает целый ряд мифов, связанных с Власовым и РОА, в частности, связанных с обстоятельствами его пленения, опровергает версию о том, будто он был причастен к предвоенным репрессиям, а также о том, будто Власов фактически не руководил 20-й армией во время контрнаступления под Москвой, с участием РОА в Пражском восстании и др.²⁷.

С традиционных советских позиций написана посвященная коллаборационизму книга новгородского историка Б.Н. Ковалева²⁸. Автор безоговорочно осуждает всякий идейный коллаборационизм, без учета того, какому режиму вынуждены были противостоять коллаборационисты, хотя склонен частично оправдывать бытовой и экономический коллаборационизм.

Отношение белой эмиграции ко Второй мировой войне и ее участие в антисоветских коллаборационистских формированиях освещены в монографии НТС-ского журнала «Посев» Ю.С. Цурганова²⁹. Он подчеркивает, что главной причиной того, что сотрудничество белой эмиграции с движением Власова не принесло тех плодов, на которые рассчитывали эмигранты, стал пси-

хологический барьер между эмиграцией, и бывшими советскими офицерами, возглавлявшими РОА. Появление этого барьера Цурганов связывает с политикой германской оккупационной администрации, расчленившей оккупированные советские территории на несколько административных единиц, поощрявшей сепаратистские настроения народов Прибалтики, украинцев и белорусов, и ограничивавшей доступ эмигрантов на оккупированные территории³⁰.

Среди историков национал-демократического направления существует также тенденция в качестве реальной альтернативы сталинскому режиму т. н. «Локотскую республику» Бронислава Каминского и созданную им при поддержке немцев Русскую Освободительную Народную Армию (РОНА). С.И. Веревкин противопоставляет РОНА и РОА, подчеркивая, что первая представляла собой «истинно народное» сопротивление сталинизму, тогда как власовская армия была создана бывшими сталинскими генералами, переметнувшимися к врагу. Он также негативно характеризует нравы советских партизан, боровшихся с РОНА. В книге содержится ряд фактических ошибок, особенно относительно боевых действий на фронте за пределами Локотского округа, поскольку автор не является профессиональным историком³¹. Другие авторы, исследующие феномен РОНА, делают упор на позитивные моменты в развитии Локотской республике, но при этом не закрывают глаза и на военные преступления каминцев, а также более объективно описывают противостоявших им советских партизан³². Здесь проявляется имперский взгляд автора. Как нам представляется, причины психологического (и не только психологического) конфликта белой эмиграции и бывших советских офицеров лежали как в разном менталитете (эмигранты не имели опыта советской жизни), так и в стремлении обеих групп занять руководящие позиции в РОА и других антисоветских формированиях. Позиция же немцев в возникновении этого конфликта большого значения не имела. Зато в разрешении данного конфликта немецкие органы встали на сторону Власова и его товарищей по Красной Армии. Немцы резонно полагали, раз РОА и другие русские коллаборационистские формирования состоят из советских военнопленных, то и руководить ими должны преимущественно советские офицеры, чтобы между солдатами и командирами не возникало дополнительного психологического барьера.

Среди работ, в которых дана реальная картина Советского партизанского движения, содержание которого нередко ложилось тяжким бременем на местное население, а рапорты о партизанских победах были сильно преувеличены, можно назвать книгу представителя либерально-демократического направления В.Е. Полякова. Он также указывает, что многие советские партизаны, в частности, из крымских татар, после войны подверглись необоснованным репрессиям³³.

Роль ленд-лиза и вооруженных сил западных союзников в достижении Победы

Представители национально-патриотического направления считают роль ленд-лиза и другой помощи со стороны западных союзников незначительной, утверждая, что СССР одержал бы победу и без ленд-лиза. Подчеркивается незначительная доля ленд-лиза в общем объеме советского военного производства, а также относительно низкое качество ряда вооружений и боевой техники, например, танков, поступавших из США и Британской империи³⁴. Представители либерально-демократического направления, наоборот, считают, что ленд-лиз был важнейшим фактором победы и что без него Красная Армия бы не победила. Они подчеркивают, что ленд-лиз покрывал основные «узкие места» советской экономики – производство бензина, взрывчатых веществ, алюминия, цветных металлов, радиостанций, грузовиков и т. д. Без поставок по ленд-лизу советская экономика произвела бы значительно меньше танков и самолетов, бомб, мин и снарядов, чем это было в действительности, и было гораздо труднее применить все эту технику из-за нехватки горючего, транспортных средств, средств связи и др. В гипотетической схватке один на один между СССР и Германией, без помощи по ленд-лизу, а также без отвлечения основных сил люфтваффе и германского флота, а также более четверти сухопутных сил на борьбу против Англии и США, Сталин не смог бы победить Гитлера³⁵.

Уровень советского военного искусства в Великой Отечественной войне

Уровень военного искусства Красной Армии представители национально-патриотического направления оценивают достаточно высоко, а в 1943–1945 годах – как безусловно превосходящее военное искусство вермахта и армий западных союзников. Неудачи Красной Армии в начале войны они объясняют внезапностью нападения и незавершенностью сосредоточения советских войск. Представители либерально-демократического направления считают, что по уровню командования и боевой подготовки Красная Армия на протяжении всей войны уступала вермахту, хотя к концу войны разрыв между ними сократился.

Появился целый ряд хороших работ, посвященный отдельным операциям Великой Отечественной войны и действиям отдельных видов вооруженных сил. Здесь можно указать на работы представителя национал-демократического направления А.А. Смирнова и А.С. Степанова, посвященные истории авиации в годы Второй мировой войны. Они доказывают превосходство

люфтваффе над советскими ВВС в 1941–1945 годах³⁶. Также превосходство германской авиации отмечается в трудах представителей леволиберального направления Д.Б. Хазанова, В.Г. Горбача, М.В. Зефирова и др., в которых подробно описаны воздушные сражения на Восточном фронте³⁷. М.Э. Морозов с соавторами является автором аналогичных работ, посвященных войне на море³⁸. Из работ, посвященных сражениям на суше, следует отметить работы Л.Н. Лопуховского, посвященные сражениям под Вязьмой и на Курской дуге и отличающиеся весьма квалифицированным анализом хода боевых действий³⁹. Можно назвать еще ряд работ представителей либерально-демократического направления, посвященных отдельным сражениям⁴⁰. Заслуживает внимания работа А.А. Смирнова, посвященная предвоенному развитию Красной Армии. Он доказывает, что уровень боевой подготовки и командования советских войск был весьма низок как в первой половине 30-х годов, так и в 1939–1941 годах, значительно уступая главному потенциальному противнику – вермахту. Репрессии 1937–1938 годов не оказали на эти показатели сколько-нибудь существенного влияния. С этим выводом можно поспорить, поскольку в результате репрессий усилилось недоверие бойцов к своим командирам, а у командиров усилилась боязнь принимать самостоятельные решения, хотя и прежде большой любовью к самостоятельности не отличались. Зато можно вполне согласиться с выводом о том, что отставание Красной Армии от германской было обусловлено рядом особенностей, унаследованной Красной Армией от русской императорской армии, и, в частности, резким преобладанием теоретического знания над практическим, низкой функциональной грамотностью солдат и офицеров, неумением учить войска тому, что реально потребуется на войне. Возможно, причины здесь – в глубокой феодальной иерархии как российского дореволюционного, так и советского (да и постсоветского) общества. Здесь основная масса народа отвыкла от самостоятельных действий и не слишком стремилась к овладению практическими навыками, которые значили значительно меньше, чем сесто в социальной иерархии, по большей части от практической деятельности не зависевшее⁴¹.

Среди историков национально-патриотического направления, занимающихся исследованием боевых действий в ходе Великой Отечественной войны, необходимо отметить А.В. Исаева. Он довольно умело занимается фальсификацией. Вводя в оборот некоторые новые документы и признавая отдельные, даже весьма существенные ошибки советского командования и сравнительно низкую боеспособность советских войск в начале войны, Исаев, оперируя заведомо неточными цифрами соотношения сил, средств и потерь сторон, фактически реанимирует советский миф, что к началу контрнаступления под Сталинградом Красная Армия уже научилась воевать и в дальнейшем чаще побеждала не числом, а умением⁴². Из иностранных работ можно отметить перевод на русский язык работ американского военного историка Д.М. Глэнца, наиболее известного в США исследователя боевых операций Красной Армии в годы Великой Отечественной войны⁴³. Необходимо также указать на

то, что массовое издание в 1990–2000-е годы переводов немецкой и англо-американской мемуарной и исследовательской литературы о Второй мировой войне, в значительной степени стимулировали российских исследователей к двустороннему освещению боевых операций как с советской, так и с немецкой стороны.

Преступления Красной Армии в Европе в 1944–1945 годах

Представители национал-демократического направления предпочитают либо вовсе не писать о преступлениях Красной Армии, либо, если довольно скупом упоминают о них, то оправдывают их обстоятельствами военного времени и чувством мести по отношению к немцам, не обращая внимание на то, что преступления совершались советскими солдатами не только против немцев, но и против других народов, включая народы СССР. Представители леволиберального поднаправления не избегают темы советских военных преступлений, но, как правило, указывают на фактор мести и на то, что подобные преступления были и в армиях западных союзников. Представители национал-демократического направления сравнивают преступления Красной Армии с преступлениями вермахта и приходят к выводу, что они не уступали немецким преступлениям по масштабу, а порой и превосходили их. Причины этих преступлений они видят в природе сталинского режима, не менее преступного, чем нацистский, а также в том, что советские солдаты, ощущая себя пушечным мясом, о сбережении которого командование не заботятся, вымещали свою ненависть, как к командованию, так и к начавшему эту войну врагу, на мирном населении и пленных.

«История России. XX век» – один из немногих общих курсов, где специальная глава посвящена преступлениям Красной Армии в Европе, которые подвергаются безусловному осуждению и трактуются не как отдельные эксцессы и проявления мести за нацистские злодеяния, а как отражение преступной природы советского режима. Следует подчеркнуть, что до сих пор нет российских монографий, посвященных этой болезненной для российского национального сознания. Российская публика знает о советских преступлениях главным образом из переведенных на русский язык книг германского историка И. Гофмана и британского историка Э. Бивора⁴⁴. Можно отметить также свидетельства советских ветеранов об этих преступлениях⁴⁵.

Историки национально-патриотического направления, преуменьшая масштаб «советских зверств» и лукаво утверждая, что они распространялись только на территорию Германии, для их оправдания приводят примеры изнасилований, совершенных войсками западных союзников в Западной Германии, а также преступлений, совершенных против немцев поляками, чехами и бывшими узниками концлагерей. Е.С. Сенявская с удовлетворением отмеча-

ет: «...В западных зонах оккупации отнюдь не было той идиллии, образ которой сегодня внушается немецкому, да и всему западному сознанию»⁴⁶. Идиллии то не было, но историки национально-патриотического направления предпочитают не сравнивать масштабы советских и англо-американо-французских преступлений. А он и были несравнимы хотя бы потому, что германское население массово бежало из советской в западные зоны оккупации, а не наоборот. Советские солдаты не только насильствовали, но и массово убивали немцев, чего западные союзники почти не делали. Кроме того, советские преступления распространялись не только на Германию, но и практически на всю Западную Европу, от Прибалтики до Сербии.

Историческая память различных народов о войне и «войны памяти» на постсоветском пространстве

Национально-патриотические историки стремятся навязать свой вариант исторической памяти о Второй мировой войне, мало отличающийся от советского варианта, народам постсоветского пространства и ряду народов Восточной и Центральной Европы. Либерально-демократические историки полагают, что у каждого народа может быть свой вариант памяти о Второй мировой войне, важно только, чтобы он не был основан на фальсификации исторических фактов.

Один из видных представителей либерально-демократического направления А.И. Миллер в статье, посвященной «исторической политике», утверждает, что в России после распада СССР «Попытки добавить в национальную «аллею славы» людей, сотрудничавших с гитлеровской Германией, не имели успеха. Однако на смену их огульной демонизации пришло «понимающее» обсуждение. Это принципиально отличало Россию от ее западных соседей, прежде всего прибалтийских республик и Украины, где героизация многих коллаборационистов как борцов за свободу против советской оккупации стала важным элементом нового исторического нарратива». Здесь утверждение о героизации пособников нацистов в странах Балтии является ошибочным. Если в Украине, по крайней мере, в ее западных областях действительно происходит героизация УПА, а ее руководителям С. Бандере и Р. Шухевиче, некоторое время сотрудничавших с нацистами, присвоено звание Героя Украины, то бойцы легионов СС в Латвии и Эстонии рассматриваются скорее как жертвы обстоятельств, чем как герои борьбы за независимость. Осуждению же подвергаются лишь те из них, кто повинен в военных преступлениях или преступлениях против человечества⁴⁷. А.И. Миллер убежден, что «сегодня уже трудно представить, чтобы тенденция, апогеем которой были указ о комиссии по борьбе с фальсификациями и учебник Филиппова–Данилова, могла возобновиться с прежней силой, апломбом и уверенностью в успехе» Он

также отметил, что «вместо создания Института национальной памяти по украинскому или польскому образцу в России было выбрано технологически более эффективное решение: использовать ряд формально независимых общественных организаций, которым можно выдавать соответствующее задание и снабжать их теми архивными материалами, которые удобны заказчику. По сути, это была модификация хорошо известной технологии «слива» через прессу, когда «сливаемая» информация не обязательно неправда, но непременно предмет манипуляции.⁴⁸». Одной из таких структур стал, например, возглавляемый А.Р. Дюковым фонд «Историческая память», с беспрепятственным доступом к ряду документов архива ФСБ, закрытых для других исследователей, и непрозрачным финансированием. Этот фонд специализируется на истории Второй мировой войны, прежде всего разоблачая коллаборационистов Прибалтики и Западной Украины и оправдывая советскую оккупацию этих территорий. К науке такого рода проекты, разумеется, отношения не имеют, будучи чисто политическими.

Между тем, против неподконтрольных спецслужб историков заводятся дела, связанные с архивными материалами, что фактически закрывает доступ исследователей в ряд архивов. Так, архангельский историк М.Н. Супрун и начальник Информационного центра при УВД Архангельской области А.В. Дударев в 2009 году были обвинены ФСБ в незаконном предоставлении Германии архивных данных о репрессированных и депортированных немцах, хотя эта передача осуществлялась в рамках вполне легального совместного российско-германского проекта. Им инкриминируют в нарушении неприкосновенности частной жизни, что является практически универсальным средством для ограничения доступа к очень большим массивам документов советского периода. В результате дела Супруна–Дударева, по свидетельству членов общества «Мемориал», для исследователей закрылись архивы и информационные центры МВД, в ряде районов прекратили действовать проекты по изданию книг, основанных на архивных документах.⁴⁹

Проблеме исторической памяти о Второй мировой войне посвящены работы известного историка Г.А. Бордюгова⁵⁰. Он справедливо отмечает, что культ Великой Победы складывался не сразу, а затем претерпевал трансформацию в зависимости от конкретных исторических условий в момент проведения очередной юбилейной кампании. Как полагает Бордюгов, Сталин «не хотел встраивать 9 мая в единую конструкцию главных идеологических советских праздников. У этого праздника, по всей видимости, не было необходимой чистоты – непростительные ошибки правительства, непомерная цена, заплаченная за победу, начавшаяся «холодная война» с бывшими союзниками»⁵¹. Думаю, тут была еще одна немаловажная причина. Во Второй мировой войне Сталин рассчитывал поставить под свой контроль всю континентальную Европу и заполучить Иран и Турцию в качестве сфер влияния. Причем надеялся осуществить это, быстро, малой кровью и самостоятельно, без помощи западных союзников. Война же, как мы знаем, пошла совсем не так, как он рассчитывал. И потери оказались непомерны, и выиграть ее удалось

только с помощью Англии и США. Сталину пришлось удовлетвориться Восточной Европой. Попытки же утвердиться в Турции и Иране вызвали резкое противодействие США и Англии и окончились неудачей. Сталин осознал, что он далеко не достиг своих целей и оказался в условиях жесткой конфронтации с гораздо более сильным противником – Америкой. Поэтому, с точки зрения Сталина праздновать было нечего. Можно согласиться с Бордюговым в том, что культ Великой Победы возник только в связи с ее 20-летием, уже при Брежневе, причем в связи с этим начальник ГлавПура генерал Алексей Епишев произнес историческую фразу: «Там в “Новом мире” говорят, подавай им черный хлеб правды, а на кой черт она нам нужна, если она нам невыгодна». Что ж, таково отношение власти к истории во все времена. Что же касается юбилея Великой Победы, то он, по мнению Бордюгова, сопровождался «сакрализацией самой среды обитания народа», что заставляло вспомнить о Святой Руси. Как раз к 20-летию Победы были впервые присвоены звания городов-героев. Уже и тогда здесь были некоторые нестыковки. Поскольку имя Сталина было во многом табуировано, звание города героя получил Волгоград, в период великой битвы называвшийся Сталинградом. Сегодня эти несуразности только усугубились. Как, например, правильнее говорить, город-герой Санкт-Петербург или город-герой Ленинград? И то, и другое словосочетание звучит достаточно нелепо, поскольку в первом случае речь идет о городе, который так не назывался в годы войны, а во втором случае – о городе, который сегодня под таким названием не существует.

Бордюгов, на наш взгляд, довольно точно определяет суть современных «войн памяти», одной из главных тем которых на постсоветском пространстве стала история Второй мировой войны: «Понятно, что «войны памяти» подспудно подразумевают вполне определенную цель – преодоление всего советского и имперского, идентификацию и национальную мобилизацию, равно как и сопротивление всему этому, желание восстановить прежний порядок»⁵². Естественно, что от таких войн страдает история как наука, поскольку для создания нужной им картины войны грешат очень избирательным подбором фактов, не останавливаясь перед прямыми фальсификациями.

Из историков национально-патриотического направления проблемой исторической памяти о Великой Отечественной войне занимается Е.С. Сенявская. Она считает, что попытки изменить традиционную советскую картину войны инспирированы извне и являются частью психологической и информационной войны, имеющей целью отнять у народа память о великих героических свершениях предков⁵³. По убеждению Е.С. Сенявской, «историческая память – основа национального самосознания, которое имеет решающее влияние на развитие страны, жизнеспособность народа и государства, особенно в условиях тяжелых национально-государственных кризисов. Травмированное и дезориентированное массовое сознание, в том числе в отношении исторического прошлого своей страны, – один из сильнейших факторов подрыва национальной безопасности, способных привести к катастрофе»⁵⁴. Подобная политизация проблемы исторической памяти о войне в контексте соз-

дания «образа врага» исключает научный подход к ней. Историки национально-патриотического направления ощущают себя солдатами информационной войны, а своих противников – представителей либерально-демократического направления рассматривают если не как агентов иностранных разведок, то уж точно агентами иностранного влияния. Это препятствует сколько-нибудь плодотворный научный диалог.

В целом можно констатировать, что в современной России достаточно много отдельных интересных работ по частным вопросам истории Второй мировой и Великой Отечественной войны, но сохранение официальной мифологии войны и острых разногласий между историками различных идейных направлений в настоящее время препятствуют созданию большого обобщающего труда по истории Великой Отечественной войны. Характерно, что большинство книг и изданий по истории Второй мировой войны сейчас относятся к истории техники, вооружения, униформы и наград. Все эти темы, как правило, не требуют от историка идейно го осмысления, а только технических знаний.

Полноценному исследованию истории Великой Отечественной войны препятствует также ограниченный и избирательный допуск исследователей к ряду важнейших архивов, прежде всего к Президентскому архиву и архиву ФСБ, а также практически полное прекращение публикации документов, относящихся к высшим эшелонам власти и Верховному Главнокомандованию в период 1939–1945 годов. Последней значительной публикацией серии документов была публикация «Русским Архивом» серии «Великая Отечественная» (М.: Терра) в 1993–1999 годах. Однако в 2000-е годы такого рода публикации сошли на нет, по мере того как власть восстанавливала в обществе официальную (фактически – советскую) картину войны. Формальное решение об открытии основной массы дел Центрального архива Министерства Обороны, относящихся к 1941–1945 годам, фактически является обманом общественности, поскольку, с одной стороны, рассекречиванию не подвергнутся документы фронтов, Генштаба и Ставки, а, с другой стороны, процедура рассекречивания предполагает фронтальный просмотр комиссией всех рассекречиваемых дел. Поскольку таких дел в ЦАМО насчитывается более 10 млн., процедура рассекречивания грозит растянуться на несколько десятилетий, а то и столетий. Между тем, без введения в научный оборот значительного массива новых документов продолжение исследований по истории Великой Отечественной войны сейчас крайне затруднено.

Причины советской победы в войне

Представители национально-патриотического направления полагают, что победа была достигнута благодаря гению Сталина, поддержанному усилиями коммунистической партии и народа, сохранившему преданность советскому

режиму. Представители либерально-демократического направления считают, что победа была одержана благодаря стойкости тоталитарного режима и готовности народа принести бесчисленные жертвы на алтарь победы. Практически нет специальных работ, которые были бы специально посвящены причинам советской победы, данные тезисы в той или иной форме присутствуют во всех более или менее значительных работах представителей соответствующих направлений.

В целом можно перечислить следующие основные причины Советского Союза в Великой Отечественной войне: значительное по численности население, в 2,5 раза превосходившее население Рейха; огромная территория; помощь со стороны западных союзников в виде ленд-лиза и отвлечения на свои фронты основных сил германской авиации и военно-морского флота, а также до четверти германской сухопутной армии; наличие в СССР достаточно развитой военной промышленности, способной производить современные вооружение и боевую технику; наличие многочисленной Красной Армии, способной вести современную войну с использованием новейших видов вооружений и боевой техники; наличие тоталитарной системы, способной выстоять в поражении; отказ Гитлера от предложений создать антикоммунистические русское и (или) украинское правительства и армии. Нетрудно убедиться, что все эти факторы нельзя ранжировать, поскольку отсутствие хотя бы одного из них гарантировано приводило СССР к поражению. Так, если бы территория СССР, например, была бы всего вчетверо больше польской территории 1939 года, то страна была бы полностью оккупирована уже через пару месяцев войны. Если бы население СССР было бы меньше населения Рейха, людские ресурсы иссякли бы уже к концу 1941 года. Если бы Красная Армия была неспособна вести современную войну, она превратилась бы в армию Чан Кайши, способную вести лишь ограниченную, полупартизанскую войну. Если бы в Советском Союзе был бы не тоталитарный, а авторитарный строй, вроде того, что реально существовал в Российской империи в 1914 году, война кончилась бы поражением России и революцией. Если бы в СССР в 1939 году была демократия, то Вторая мировая война вообще не возникла бы при тех обстоятельствах, при которых она возникла в действительности. А если бы Гитлер в самом начале войны образовал антибольшевистское русское правительство и армию, у Сталина также бы не хватило людских ресурсов для победы.

Если сохранится прежняя закрытость архивов и фактическая государственная цензура памяти о Великой Отечественной войне сохранятся, то в ближайшие годы мы не видим оснований для оптимизма по поводу возможности новых выдающихся работ по истории Великой Отечественной войны, поскольку опубликованный и открытый в 90-е годы архивный материал в значительной мере исчерпан, и новые работы почти не дают прирост документального знания. Крупные обобщающие работы требуют значительного финансирования. Между тем, финансирование с помощью зарубежных грантов сейчас практи-

чески отсутствует, а государственные органы фактически финансируют лишь реставрацию советской картины войны, ничего общего с наукой не имеющей.

Действительно свободные, по-настоящему бесцензурные в самом широком смысле слова исследования, посвященные истории Великой Отечественной войны, могут в значительном количестве появиться только тогда, когда в России установится демократический режим. Будут открыты все архивы, а исследователям не будут чинить препоны в обнаружении тех или иных выводов, болезненных для национального самосознания. Однако тогда интерес общества к этому периоду истории наверняка упадет. Он станет таким же объектом для объективного исследования и разрушения мифов, как, например, история XIX века или история революции 1917 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 тт. Т. 1: Основные события войны. Под ред. В.А. Золотарева, А.М. Соколова, Н.В. Илличевского, А.А. Кокошина, Ю.В. Рубцова. – М., 2011.

² Там же. С. 5.

³ Андроников Н.Г. «Знамена и ордена сдать...» // Независимое военное обозрение, 2010, 7 февраля (http://nvo.ng.ru/history/2010-07-02/14_institut.html)

⁴ См.: Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин–Москва–Токио. – М.: Вече, 2004; *Он же*. Риббентроп. Упрямый советник фюрера. – М., 2008.

⁵ Нарочникая Н.А. Сталин изменил расписание войны // Комсомольская правда, 2009, 27 августа (<http://kp.ru/daily/24350.3/538016/>)

⁶ Мухин Ю.И. Антироссийская подлость. Научно-исторический анализ. Расследование фальсификации Катынского дела Польшей, Генеральной прокуратурой России с целью разжечь ненависть поляков к русским. – М., 2003; *Он же*. Главная антироссийская подлость. – М., 2010; Швед В.Н. «Тайна Катynи». – М., 2007.

⁷ См., например: Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь. 1941 год. Запрограммированное поражение. – М., 2010. Авторы, представляющие лево-либеральное направление, убедительно показывают, что в 1941 году вермахт наголову превосходил Красную Армию, но уходят от вопроса, как именно Сталин в тот момент оценивал боеспособность советских войск.

⁸ См.: Соколов Б.В. Мифическая война. Миражи Второй мировой. – М., 2011. С. 49–50. Интересно, что документ о формировании польской дивизии был опубликован еще в 1993 году (Новая и новейшая история, 1993, № 2. С. 62). А резолюцию Н.Ф. Ватутина о том, что наступление следует начать 12 июня, впервые обнаружил противник версии В. Суворова и М. Солонина о том, что Сталин собирался атаковать Гитлера, но он почему-то не счел ее решающим доказательством сталинских намерений (См.: Гарева М.А. Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // Война и политика 1939–1941 / Под ред. А.О. Чубарьяна. – М., 1999. С. 274.

⁹ Мельтохов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). 3-е изд., испр. – М., 2008.

¹⁰ Мельтохов М.И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. – М., 2009.

¹¹ Небезин В.А. «Если завтра в поход...». – М., 2007.

¹² История Германии. Т. 2. / Под ред. Б. Бонвеча, Ю. Галактионова. – М., 2008. С. 266. Характерно, что в этом издании ни слова не говорится о преступлениях Красной Армии против мирного населения Германии.

¹³ Россия и Германия в XX веке. Т. 1. /Под ред. К. Аймермахера, Г.А. Бордюгова, А. Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010.

¹⁴ Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. – М., 2008; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. – М., 2006; Советско-Американские отношения, 1939–1945; Тайны дипломатии Третьего Рейха. Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену: Документы из следственных дел. 1944–1955. – М., 2011; Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. – М., 2009; Георгий Жуков. – М., 2001; Катынь. Пленники необъявленной войны. – М., 1999; 1941 год. Кн. 1–2. – М., 1998.

¹⁵ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 1993. Второе, дополненное издание этой книги, см.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 2001; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 2010. Кроме того, раздел данной книги, посвященный Великой Отечественной войне, был переиздан в виде отдельной книги: Великая Отечественная без грифа секретности: Книга потерь. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 2009; Никаких новых цифр, относящихся ко Второй мировой войне, в изданиях 2009–2010 годов по сравнению с изданием 2001 года не появилось.

¹⁶ Ильенков С.А. Память о миллионах павших защитников Отечества нельзя предавать забвению // Военно-исторический Архив, 2000, № 7(22). С. 77–78. Этот автор может быть отнесен к национал-демократическому поднаправлению либерально-демократического направления.

¹⁷ Ивлев И.И. «...А в ответ тишина – он вчера не вернулся из боя!» // Военная археология, 2011, №№ 1–4. Эти статьи также размещены на сайте И.И. Ивлева – известного архангельского поисковика «Soldat.ru» (<http://www.soldat.ru/news/865.html>; <http://www.soldat.ru/news/866.html>; <http://www.soldat.ru/news/878.html>; <http://www.soldat.ru/news/880.html>). Этот автор может быть отнесен к представителям право-националистического направления.

¹⁸ Там же. <http://www.soldat.ru/news/880.html>

¹⁹ Россия и СССР в войнах XX века. С. 238, табл. 121.

²⁰ Подсчет по: Кожурин В.С. О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал, 1991, № 2. С. 26.

²¹ Соколов Б.В. Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011; *Он же*. Кто воевал числом, а кто – умением. Чудовищная правда о потерях СССР во Второй Мировой. – М., 2011.

²² Соколов Никита (Редакция «Вокруг света»). Сведение счетов. Объяснение с читателями по случаю спорных цифр соотношения потерь Красной армии и вермахта в годы Второй мировой войны // Телеграф. Вокруг света, 30.06.2011 (<http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/history/1339/>); Сетин Ф. Сколько же мы потеряли в войне? // Русская жизнь, 1991, 25 мая.

²³ Соколов Никита (Редакция «Вокруг света»). Сведение счетов; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил» под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева. – М., 2001. С. 245.

²⁴ См.: Фей В. Танковые сражения войск СС. Пер. с англ. – М., 2009; Дробкин А.В. Я дрался на Т-34. – М., 2010.

²⁵ Во второй половине 1916 года это соотношение было 7:1 (Нелипович С.Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. – М.: Цейхгауз, 2006. С. 45.), а в Варшавско-Ивангородской операции в октябре – ноябре 1914 года – 6,8:1 (Нелипович С.Г. Ладыя Харона. Потери российско-императорской армии в Варшавско-Ивангородской операции 1914 г. Рукопись. За предоставление в мое распоряжение данной рукописи приношу С.Г. Нелиповичу самую глубокую благодарность). Соотношение же русских и австро-венгерских потерь убитыми в обоих случаях оказывается близким к 1:1.

²⁶ См.: Случ С.З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история, 2004, № 1 (<http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/RUHIST/STANET1.HTM>)

²⁷ Александров К.М. Русские солдаты вермахта. Герои или предатели. – М.: Яуза; ЭКСМО, 2005; *Он же*. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945–1-е изд.: СПб., 2001; 2-е изд.: М., 2009; *Он же*. Мифы о генерале Власове. – М., 2010.

²⁸ Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы – Новгород Великий: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2009.

²⁹ Цурганов Ю.С. Белоземгранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. – М., 2010.

³⁰ Там же. С. 240.

³¹ Вережкин С.И. Самая запретная книга о Второй мировой. – М., 2009. Критику С.И. Вережкина с позиций традиционной советской историографии и со справедливым указанием на ряд фактических ошибок см.: Абашкин В.Н. Еще раз о Вережкине С.И. и его книге «Самая запретная книга о второй мировой» // Великая Отечественная война (<http://www.sevsk32.ru/gpw/7/165/>)

³² См.: Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления 1941–1943. – М., 2011; *Он же*. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками, 1941–1944. – М., 2010; Жуков Д.А., Ковтун И.И. 29 гренадерская дивизия СС «Каминский». – М., 2009.

³³ Поляков В.Е. «Страшная правда» о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». – М., 2009.

³⁴ См., например: Сутулин П. Ленд-лиз. Мифы и реальность // История России. Великая Отечественная, 2009, 21 октября (<http://statehistory.ru/35/Lend-liz--Mify-i-realnost/>)

³⁵ См.: Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои. – М., 1996; Панерно А.Л. Ленд-лиз. Тихий океан. – М., 1998.

³⁶ Смирнов А.А. «Соколы», умытые кровью. Почему советские ВВС воевали хуже Люфтваффе? М., 2010 (1-е изд. – Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне. – М., 2006); Степанов А.С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год – первая половина 1941 года). – М., 2009.

³⁷ Хазанов Д.Б. 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. – М., 2006; Хазанов Д.Б., Горбач В.Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Оборонительный период. – М., 2004; Соболев Д.А., Хазанов Д.Б. Немецкий след в истории отечественной авиации. – М., 1996; Хазанов Д.Б. Неизвестная битва в небе Москвы 1941–1942 гг. – М., 1999; Зефиоров М.В. Асы Люфтваффе. Кто есть кто. Выдержка, мощь, внимание. – М.: АСТ, 2011; Зефиоров М.В., Баженов Н.Н., Дегтев Д.М. Свастика над Волгой. Люфтваффе против сталинской ПВО. – М., 2007; Зефиоров М.В., Дегтев Д.М., Баженов Н.Н. Тени над Заполярьем. – М., 2009.

³⁸ Морозов М.Э., Кулагин К.Л. «Щуки». Легенды Советского подводного флота – М., 2008; Морозов М.Э., Кулагин К.Л. Советский подводный флот 1922–1945 гг. О подводных лодках и подводниках – М., 2006; Морозов М.Э. Воздушная битва за Севастополь 1941–1942. М., 2007.

³⁹ Лопуховский Л.Н. Прохоровка без грифа секретности. – М., 2005; *Он же*. 1941. Вяземская катастрофа. – М., 2008.

⁴⁰ См., например: Быков К.В. Киевский «котел». – М., 2007; Герасимова С.А. Ржев 42. Positionная бойня. – М., 2008 и др.

⁴¹ Смирнов А.А. Крах 1941 – репрессии ни при чем. – М., 2011.

⁴² Исаев А.В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. – М., 2004; *Он же*. Краткий курс истории ВОВ. Наступление Маршала Шапошникова. – М., 2005; *Он же*. Когда внезапно уже не было. История ВОВ, которую мы не знали. – М., 2005; *Он же*. Георгий Жуков. Последний довод короля. – М., 2006; *Он же*. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. – М., 2008; *Он же*. Берлин 45-го. Сражения в логове зверя. – М., 2007.

⁴³ См., например: Гланц Д.М. Крупнейшее поражение Жукова Катастрофа Красной Армии в операции Марс 1942 г. – М., 2006; *Он же*. Битва за Ленинград 1941–1945. – М., 2008; Гланц Д., Хауз Дж. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. – М., 2007 и др.

⁴⁴ Бивор Э. Падение Берлина. 1945. – М.: АСТ, 2004; Гофман И. Сталинская война на уничтожение (1941–1945 годы). Планирование, осуществление, документы. – М., 2006.

⁴⁵ Копелев Л.З. Хранить вечно. Кн. 1–2. – М., 2004; Рабичев Л.Н. Война все спешет. – М., 2008.

⁴⁶ Сенявская Е.С. Освободительная миссия Красной Армии в контексте информационной войны // Закон времени, 2010, 31 мая (<http://www.zakonvremeni.ru/analytics/6-2--/1928-2010-05-31-17-26-02.html>)

⁴⁷ См., например: *Бутулис И., Зунда А.* История Латвии. – Рига, 2010. С.С. 160–163; *Tannberg T., Maesalu A. et al.* History of Estonia. 2nd Ed. – Tallinn, 2002. P. 271–275.

⁴⁸ *Миллер А.И.* Лабиринты исторической политики // Россия в глобальной политике, 2011, № 4, июль–август, 11 июня (<http://www.globalaffairs.ru/number/Labirinty-istoricheskoi-politiki-15219>)

⁴⁹ Дело историка Михаила Супруна закрыло российским ученым доступ во многие архивы страны // Эхо Москвы, 2011, 17 октября (<http://echo.msk.ru/news/821489-echo.html>).

⁵⁰ *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010; *Он же.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. – М.: АИРО-XXI, 2011.

⁵¹ *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. С. 240.

⁵² *Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. С. 15.

⁵³ См.: *Сенявская Е.С., Сенявский А.С.* Поле боя – историческая память. Военная история России XX века в контексте психологической войны и современной геополитики // Журнал российских и восточноевропейских исследований, 2010, № 1, апрель – июнь; *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // «Завтра может быть уже поздно.» Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. – М., 2009. С. 299–310.

⁵⁴ *Сенявская Е.С.* Освободительная миссия Красной Армии в контексте информационной войны // Закон времени, 2010, 31 мая (<http://www.zakonvremeni.ru/analytics/6-2-/1928-2010-05-31-17-26-02.html>).

Петр ЧЕРЁМУШКИН

«Холодная война»: российские и американские исследования

«Холодная война» как исторический феномен остается важной темой не только в науке, но сохраняет влияние на современную политику и общественную жизнь. Продолжительный исторический период XX века вызывает интерес не только кабинетных ученых, но и журналистов, интересующихся недавним прошлым, а также и политиков. Сегодняшняя реальность заставила возвратиться к сюжетам этого периода и выступлению В.В. Путина в Мюнхене 10 февраля 2007 года, когда он определил ценностное разделение между Россией и Западом во внешней политике. И именно в этот момент многие наблюдатели узрели в происходящем грядущую новую «холодную войну». Произошло это в период роста конфронтации между Россией и США в 2007–2008 годах и, особенно, проявилось во время российско-грузинского столкновения в августе 2008 года, когда речь зашла о возможности перерастания конфронтации в глобальный конфликт. Но стороны вовремя остановились у края пропасти, как это не раз случалось и во времена «холодной войны».

Однако уместность сравнений и аналогий отношений России и Запада периода «холодной войны» с первой декадой XXI века все же вызывает сомнения – Россия уже не Советский Союз, состоявший из 15 республик, отгороженный от всего мира государственной границей, закрытой на замок, не государство с огромными вооруженными силами, дополненными войсками государств-участников Варшавского договора, как теперь говорят, странами советского блока. Это другая страна, в чем мы не всегда отдаем себе отчет. Конечно, сегодняшняя Россия остается единственным государством в мире, способным своим ядерным арсеналом полностью уничтожить США, но в то же самое время она настолько включена в мировую экономику, что ее современное лицо вызывает опасения, скорее, проникновением организованной преступности в международный бизнес, чем способностью к внезапным пускам стратегических ракет или возможностью танковым броском захватить Западную Европу. И хотя Россия объявлена правопреемницей СССР, это уже не государство, которое тратит огромные деньги на военный бюджет, готовится к глобальному конфликту с США и НАТО и размещает свои базы вблизи американской территории.

Давая определение «холодной войне» как явлению, член-корреспондент РАН Алексей Арбатов писал, что «холодная война – политический феномен, продукт особого исторического периода, продолжавшегося с конца 40-х до конца 80-х годов прошлого века»¹. Ее основополагающей чертой была ярко выраженная биполярность структуры международных отношений, расколов-

шая мир по линии Восток–Запад. В 1950-е СССР и США разделили на сферы влияния Европу и Азию, а в 1960-е и 1970-е – Латинскую Америку и Африку. Центральный разлом расколол несколько стран и народов: Германию, Корею, Вьетнам, Китай (отделив Тайвань), Палестину (современный конфликт между арабами и евреями стал, по сути, результатом геополитических маневров великих держав при переделе палестинских территорий). «Мир фактически превратился в арену напряженного соперничества двух сверхдержав, которое с переменным успехом продолжалось вплоть до конца 1980-х годов. Практически в любом локальном и региональном вооруженном конфликте сверхдержавы оказывались по разные стороны баррикад»², – пишет А. Арбатов.

Когда речь заходит о новых угрозах и о новых временах, наступивших после окончания «холодной войны», от американских политологов в частных беседах порой можно услышать сетования на то, что времена советско-американского противостояния были предсказуемым временем, когда все было понятно, и существовала некая договоренность (особенно на завершающем этапе «холодной войны»), позволявшая миру соблюдать баланс интересов и сохранять мирное сосуществование. Мой знакомый американский профессор с восхищением вспоминал, как в 1970-е годы посол СССР в США Анатолий Добрынин имел постоянный пропуск в госдепартамент и заезжал в подвальный гараж госдепа на своей машине практически без проверки, чтобы поговорить с госсекретарем Генри Киссинджером. «Ты можешь себе представить, чтобы представитель Усамы Бен Ладена или Аль-Каеды таким же образом приезжал сейчас в госдеп или присылал своего представителя?», – говорил мой знакомый. «Что мы получили после окончания “холодной войны”?, – задавался он вопросом, и сам себе отвечал: Мир, в котором нет правил игры».

Но так уж ли благостно обстояли дела на самом деле в советско-американских отношениях на протяжении нескольких десятилетий, которые начались после окончания Второй мировой войны и завершились с распадом Советского Союза. Стоит ли нам идеализировать этот период истории, как полный компромиссов, взаимных уступок, устоявшихся правил игры и мирного сосуществования? А самое главное: все ли мы уже знаем не только о деталях и нюансах того времени, но и об общей картине происходящего. Насколько хорошо понимаем мотивы принятия политических решений в то время?

Российские историки и журналисты много пишут о различных эпизодах «холодной войны», для многих они свежи как воспоминания детства и юности, как составная часть жизни поколения, которое сейчас приближается к своей зрелости. Конечно, все меньше остается в живых людей, которые помнят первые послевоенные годы, когда отношения между СССР и Западом трансформировались от союза в борьбе с Гитлером к холодной войне. Все меньше тех, кто помнит Корейскую войну или советское вторжение в Венгрию в 1956 году или события в Познани в июне того же года. Но многие помнят Берлинский кризис 1961 года, Карибский кризис 1962 года, войну во

Вьетнаме, конфликты на Ближнем Востоке, которые происходили там после образования государства Израиль, советское вторжение в Чехословакию в 1968 году, разрядку международной напряженности и визиты президентов Никсона и Форда в СССР, споры о размещении ракет средней дальности в Европе, шпионские скандалы и взаимные высылки дипломатов, советское проникновение в Африку, ввод советских войск в Афганистан, польский кризис 1980–1981 годов и введение военного положения генералом Ярузельским, сбитый южнокорейский «Боинг». Список этих тем и сюжетов весьма обширен. В данном случае мне придется остановиться лишь на некоторых эпизодах «холодной войны», которые получили наилучшее освещение в историографии, написанной на русском языке. Ряд американских книг на эту тему были в последние годы переведены на русский язык вскоре после своего выхода в свет и теперь становятся быстро доступными историкам и читающей публике.

В США также продолжается постоянная дискуссия о «холодной войне», создаются специальные научные и учебные центры по изучению этого периода, об этом говорят американские историки, журналисты и отставные дипломаты. Намечается, как пишет доктор исторических наук Н.И. Егорова, «интернационализация профессионального сообщества»³. Многие труды выпускаются совместно российскими и американскими авторами, российскими и германскими, а также российскими и, скажем, польскими авторами.

Следует отметить, что в США была проведена огромная работа историков по анализу периода холодной войны, выходили специальные энциклопедии и альманахи, которые не оставались без внимания российских историков, получали достойный анализ в научных журналах. Это, например, «Кембриджская история холодной войны», вышедшая в 2010 году и, как отмечают Н.И. Егорова и Н.В. Гайдук, «является важным этапом в развитии историографии этой по-прежнему актуальной темы»⁴. Авторы условно подразделяют историю «холодной войны» на три периода «Происхождение», «Кризисы и разрядка», «Окончание холодной войны», с чем можно согласиться как с самым общим определением периодизации. Важную роль в США играет проект по международной истории «холодной войны» Центра президента Вудро Вильсона в Вашингтоне.

Открывшиеся в 1990-е годы архивы, изобилие мемуарной литературы дают обозревателю историографии этого периода широкое поле деятельности. Первое, наиболее полное и детальное описание российской историографии «холодной войны» проделали В. Печатнов и В. Зубок, рассмотрев период с 1990-го по 2000 год⁵. Этот труд до сих пор остается наиболее содержательным анализом историографии «холодной войны» за период первого десятилетия, прошедшего после распада СССР. Авторы отмечают открывшуюся возможность доступа к материалам ЦК КПСС, его международного отдела, отдела агитации и пропаганды, дискуссий на пленумах, материалы из Архива президента Российской Федерации. В тоже время, начиная с 1993 года, процесс рассекретивания материалов и доступ к ним стал затруднен. Авторы

констатируют закрытость архивов генштаба и структур ВПК. Полностью закрыты архивы КГБ. Не изменилась эта ситуация и поныне. Тем не менее, исследователи проводят активную работу на различных направлениях и фрагментах исторических знаний о холодной войне. На базе Института всеобщей истории РАН образован Центр по изучению «холодной войны», а к нему подключились сотрудники Института славяноведения, Института российской истории, МГИМО, Санкт-Петербургский институт истории РАН. С наступлением XXI века в России вышли новые труды, посвященные истории «холодной войны», проводились «круглые столы» историков о ее феномене в международных отношениях XX века. В марте 2006 года в Институте всеобщей истории (ИВИ) РАН был проведен «круглый стол» на тему «Феномен «холодной войны» в международных отношениях XX века: итоги и перспективы исследования». Руководитель Центра по изучению «холодной войны» Н.И. Егорова проделала подробный анализ «новой истории «холодной войны» в современных зарубежных исследованиях». Отмечая общие тенденции изучения, она пишет, что «свой вклад в совместные усилия по созданию новой истории холодной войны вносят и российские специалисты, хотя по количеству публикаций они по-прежнему уступают западным коллегам»⁶. Н.И. Егорова отметила важность изучения состояния советского общества в разные периоды «холодной войны», зарождения и развития диссидентского движения. «Необходимо также продолжать изучение советского военно-промышленного комплекса в контексте других вопросов, относящихся к глобальному противостоянию»⁷. Вышли в свет первые работы по истории создания Организации Варшавского договора (ОВД). «Однако сегодня изучение деятельности Политического консультативного комитета ОВД в плане дипломатии, в вопросах обеспечения европейской безопасности затруднено из-за отсутствия доступа к российским источникам»⁸, – отмечает Н.И. Егорова. Ситуация выглядит удручающей на фоне доступности архивов стран Центральной и Восточной Европы и появившихся зарубежных публикаций документов ОВД⁹.

В настоящей работе предпринимается попытка обозрения российской и американской историографии «холодной войны» в последующее десятилетие с 2000 года по 2010 год на основе публикаций в журнале «Новая и новейшая история», монографий и другой литературы. Следует также добавить, что значительно расширился круг источников, вышли в свет и продолжают выходить многочисленные воспоминания высокопоставленных советских дипломатов, государственных деятелей, открывающие доселе неизвестные или малоизвестные страницы истории «холодной войны»¹⁰.

В США продолжается процесс рассекречивания документов, имеющих отношение к «холодной войне». В частности, в октябре 2011 года США рассекретили архивные документы октября 1969 года, в которых приводятся ранее не публиковавшиеся материалы об учениях объединенного комитета начальников штабов, когда президент США Ричард Никсон в секретном порядке поднял по тревоге американские вооруженные силы, включая ядерные.

Об этом говорится в сообщении офиса главного историка госдепартамента США в связи с рассекречиванием архивных документов в области национальной безопасности, имеющие отношение к 1969–1976 годам. Это документы, касающиеся войны во Вьетнаме и изменению стратегического баланса между США и СССР – том XXXIV за 1969–1976 годы в области политики национальной безопасности и внешнеполитической деятельности¹¹.

В сообщении для прессы по этому поводу говорилось, что, когда президент США Ричард Никсон вступил в свою должность в январе 1969 года, он обнаружил, что США больше не обладают превосходством над другой сверхдержавой-соперником, как это было в период его вице-президентства в 1961 году. Советы добились стратегического паритета, который оставил США со «значительными уязвимостями» по отношению к СССР. Рассекреченные документы показывают усилия администрации Никсона в связи с новой стратегической ситуацией, дают обзор американских ядерных и обычных вооруженных сил и стратегической доктрины, попыток выяснить уровень технологической изощренности советской ракетной программы и решения разместить «Сейфгард» – модифицированной противоракетной системы.

В открытых для публики документах содержится обзор американской политики в области химического и биологического оружия, ядерной политики США в Азии, эволюция стратегических приоритетов администрации перед лицом урезаемого военного бюджета, переход от призыва в вооруженных силах США к добровольному набору.

В ноябре 2011 года госдепартамент США рассекретил очередную порцию документации, имеющую отношение к Советскому Союзу с 1969 по 1976 годы. Это том документов госдепартамента номер XV, касающийся отношений с Советским Союзом с июня 1972 по август 1974 года¹². В сообщении для прессы госдепартамента отмечалось, что раскрытием этих документов советско-американские отношения рассматриваются в контексте «холодной войны», выявляя различные аспекты конфликтов и сотрудничества между двумя сверхдержавами. В частности, там содержится прямая переписка между президентом Никсоном и советским лидером Леонидом Брежневым по таким вопросам как ОСВ-1, и договор по ПРО, подписанные в Москве. Другие вопросы касаются войны в Индокитае, контроля над вооружениями, конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, продажи зерна, эмиграции советских евреев, законодательства Джексона-Вэнника, арабо-израильской войны 1973 года. Детально задокументированы встречи на высшем уровне, как в США, так и в Советском Союзе, включая переговоры между помощником президента США по национальной безопасности Генри Киссинджером и министром иностранных дел СССР Андреем Громыко, которые привели к визиту Никсона в СССР в июне 1974 года.

Американские авторы о «холодной войне» по-русски и по-английски

На русском языке в течение рассматриваемого десятилетия вышли работы американского историка Уильяма Таубмана, и, прежде всего, в серии ЖЗЛ его биография Хрущева на русском языке¹³. Стоит высоко оценить объемную книгу бывшего корреспондента «Вашингтон пост» в Москве Дэвида Хоффмана «Мертвая рука. Неизвестная история холодной войны и ее опасное наследие» (М., 2011), где он описывает сверхсекретные советские планы по созданию бактериологического оружия и последствия этих действий, а также многие другие эпизоды советско-американского противостояния, в том числе ложную тревогу на командном пункте раннего оповещения в Серпухове о ракетном нападении, едва не приведшую к запуску советских ядерных ракет по США¹⁴.

Вслед за книгой Хоффмана, уже опубликованной по-русски, выделим ряд объемных монографий, вышедших в США за последнее время. На них следует остановиться особо. Речь идет о книгах бывшего посла США в Москве Джека Мэтлока «Иллюзии сверхдержавы»¹⁵, директора Атлантического совета в Вашингтоне Фредерика Кемпе «Берлин, 1961»¹⁶ и бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера «О Китае»¹⁷, которые наверняка увидят свет и на русском языке.

Мэтлок против течения

Среди тех в США, кто вносит важный вклад в осмысление итогов и уроков «холодной войны», дает определение ее феномену, многие ветераны американской дипломатической службы, к примеру, Генри Киссинджер и Мадлен Олбрайт, считающие победу США в «холодной войне» свершившимся и неоспоримым фактом. Но есть и другие, придерживающиеся более тонких оценок и более сложного видения ситуации. В частности, бывший посол США в СССР Джек Мэтлок горячо возражает бывшей главе американской дипломатии и ее многочисленным сторонникам, выступает против триумфалистского понимания итогов «холодной войны». Мэтлок включился в дискуссию в отношении того, было ли окончание холодной войны победой США. Сама эта тема вызывает жаркую полемику, как в России, так и в США, остается частью политической повестки дня настоящего времени. В вышедшей в 2010 году новой книге «Иллюзии сверхдержавы: как мифы и фальшивая идеология сбили Америку с пути и как вернуться к реальности» Мэтлок, в частности, пишет: «Американские политики восприняли окончание холодной войны как полувоенную победу нежели достигнутый в результате переговоров выход,

от которого выиграли обе стороны. Им показалось, что исчезновение Советского Союза привело США в положение единственной сверхдержавы, которая способна контролировать весь мир даже без международного одобрения или помощи союзников. Кабинетные стратеги с иллюзиями в отношении мощи никогда не могли понять, что исчезновение Советского Союза снизило американские инструменты влияния на другие страны, которым больше не нужна была американская поддержка по сдерживанию коммунистической угрозы»¹⁸.

«Непонимание природы «холодной войны» – отношение к ней как будто бы ее окончание стало военной победой одной страны над другой, а не результатом выработанного по итогам переговоров финалом, выгодным для обеих сторон, принесло ложное чувство безопасности, фальшивый триумфализм, который ослепил нас (США) перед растущей угрозой терроризма и заставил американских лидеров втянуть вооруженные силы страны в растущее число местных и региональных конфликтов»¹⁹, – пишет Мэтлок. «Вместо того, чтобы работать над созданием международного миропорядка, который сможет справиться с проблемами безопасности самих США, создавая порядок, где власть и ответственность будет совместной (с другими странами ПЧ), локальные конфликты сдерживаться, а оружие массового поражения перейдет под надежный контроль, США позволили отвлечь себя»²⁰, – утверждает Мэтлок. По мнению ветерана американской дипломатии, США позволили вовлечь свои вооруженные силы в конфликты, которые «не имеют отношения к благополучию Америки и сделали это так, что враждебность других стран, сотрудничество с которыми было необходимо, по отношению к США только увеличилось»²¹. Посол Мэтлок осуждает решение президента Клинтона расширить НАТО на Восток. Это решение, принятое вместо того, чтобы включить Россию в сотрудничество по обеспечению европейской безопасности, «подорвало развитие демократии в России, сделало более сложным поддержание мира на Балканах, и замедлило процесс ядерного разоружения, начатого президентами Рейганом и Горбачевым»²².

В тоже время далеко не все в США разделяют точку зрения Мэтлока. В частности, историк из Гарварда Марк Крамер – директор Центра изучения «холодной войны» – настаивает на том, что ни СССР, ни России не давались обещания не расширять НАТО и утверждения Москвы на сей счет не более чем манипуляция общественным мнением. Не удалось найти в архивах подтверждения того, что Москве давались обязательства не расширять НАТО во время переговоров об объединении Германии²³. Обвинения на сей счет с российской стороны прозвучали в Мюнхенской речи Владимира Путина. В связи с этим пресс-секретарь премьер-министра России Дмитрий Песков сообщил мне 26 июля 2011 года, что переговоры на сей счет имели закрытый характер, их содержание по сию пору не подлежит огласке²⁴.

Российские историки об истоках и происхождении «холодной войны»

Начало «холодной войны» и ее происхождения наилучшим образом освещены в работах В.О. Печатнова²⁵ и статье Н.В. Злобина об американских архивных материалах, посвященных выступлению Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 года²⁶. В качестве факторов, приведших к происхождению «холодной войны» В.О. Печатнов отмечает растущую взаимную подозрительность на завершающем этапе Второй мировой войны и, в частности, разногласия о будущем Польши, подозрительность в отношении ядерных вопросов. Печатнов пишет, что масла в огонь подлила речь Сталина в Большом театре 9 февраля 1946 года, в которой он, развивая линию, намеченную еще осенью 1945 года в переписке с соратниками, призвал к новой мобилизации сил для очередного оборонно-экономического рывка и «воскресил ортодоксальную идеологическую установку о капитализме как источнике войн»²⁷. В США эта речь была воспринята как отказ от союза с Западом и возвращение к идеологической вражде и революционной экспансии предшествовавшего периода.

Написанная по горячим следам сталинской речи знаменитая «длинная телеграмма» Джорджа Кеннана подвела развернутую аналитическую базу под новый (а точнее подновленный) взгляд на источники советского поведения. «Неотразимая привлекательность кеннановского анализа для «вашиingtonского сообщества» заключалась не только в том, что он давал авторитетное обоснование и ориентиры уже пробивавшему себе дорогу курсу в отношении СССР, но и в том, что снимал с США всякую моральную ответственность за прогрессирующий развал союза и обострение международной обстановки, целиком перекаладывая ее на СССР»²⁸, – отмечает В.О. Печатнов.

В российской и американской историографиях за последнее десятилетие появился ряд новых книг и статей о Джордже Кеннана, его биографии и роли в начальный период «холодной войны». Причем, в большинстве случаев Кеннан предстает как «голубь мира» и сторонник мирного сосуществования США и России²⁹. Настоящим событием 2011 года стала опубликованная в Нью-Йорке объемная биография Джорджа Кеннана, написанная крупнейшим американским специалистом по истории «холодной войны» Джоном Льюисом Гэддисом³⁰.

В статье, опубликованной в журнале «Новая и новейшая история» в 2000 году, известный политолог Н. Злобин описывает малоизвестные обстоятельства вокруг выступления Черчилля в Фултоне. Как известно, 5 марта 1946 года У. Черчилль произнес в Фултоне свою знаменитую речь, из которой, по словам бывшего президента США Рональда Рейгана, не только родился современный Запад, но и мир на нашей планете. Неделями позже И.В. Сталин в интервью «Правде» поставил Черчилля в один ряд с Гитлером и заявил, что тот в своей речи призвал Запад к войне с СССР. Для всего мира эта мартовская неделя стала началом «холодной войны», а Фултон зарезервировал свое

место в учебниках истории – в одних как старт борьбы за свободную Европу, а в других, как место разжигания новой мировой войны.

Но «холодная война» разворачивалась не только в Европе – крупномасштабной ее площадкой стал азиатский регион. Важнейший раздел истории «холодной войны» на азиатском направлении получил отражение в монографии ректора МГИМО МИД РФ Анатолия Торкунова «Война в Корее», выпущенной в 2005 году³¹. В 2001 году журнал «Новая и новейшая история» опубликовал материалы, касающиеся переговоров Н.С. Хрущева с Мао Цзедунуном в июле–августе 1958 года и в октябре 1959 года.³²

Среди американских книг, посвященных истории «холодной войны» в Азии отметим бестселлер Маргарет Макмиллан «Никсон и Мао», посвященную визиту американского президента в Пекин в феврале 1972 года³³. Этот сюжет почему-то так волнует сознание на в США и на Западе, что по его мотивам даже написана опера, которая регулярно ставится на различных сценах от Нью-Йорка до Осло.

Существенным элементом «холодной войны» стало противостояние разведок СССР и США. В филиале Вашингтонского музея авиации и космонавтики, расположенном неподалеку от аэропорта Даллес, выставлен самолет-разведчик SR-71, снятый с боевого дежурства в 1991 году, но ранее использовавшийся как сверхвысотный и сверхскоростной самолет для облета советской территории. Самолет обладал уникальными возможностями и ставил рекорды скорости и высоты. Снятие с боевого дежурства этого самолета стало завершающим этапом «холодной войны» и своего рода знаком того, что воздушная разведка США в отношении Советской России завершена. Однако у этой разведки была долгая история, начавшаяся в 1946 году, когда американские самолеты совершали вторжение в воздушное пространство СССР. Истории этой разведки посвящена статья А.С. Орлова «Воздушная разведка США над территорией СССР в 1950–1955 гг.», опубликованная в журнале «Новая и новейшая история» в 2000 году³⁴. Из статьи следует, что во времена «холодной войны», особенно на начальном ее этапе существовали серьезные возможности перерастания выжидательного противостояния в открытое боевое столкновение, как это произошло в 1950 году, когда советские ПВО сбили над Балтикой американский самолет Б-29.

За время с 1950 по 1970 годы, по признанию журнала US News and World Report, по меньшей мере 252 американских летчика были сбиты в ходе шпионских воздушных операций, из них 24 погибли, 90 остались в живых, а судьба 138 авиаторов не выяснена до сих пор. Первой жертвой этой тайной воздушной войны стал самолет РБ-29, сбитый советскими истребителями в районе города Лиепая. В дальнейшем главную роль в выполнении разведывательных программ стали играть космические средства – искусственные спутники Земли разведывательного назначения. Однако несмотря на создание и использование спутниковых технологий в наблюдении друг за другом, США и СССР продолжали вести активную агентурную разведывательную деятельность, о чем свидетельствует вышедшая сначала по-английски, а затем по-

русски книга двух авторов Грегори Файфера и Валерия Черкашина, полковника КГБ, завербовавшего основных американских агентов для СССР Олдрича Эймса и Роберта Хансена, отбывающих сейчас пожизненное заключение в американских тюрьмах³⁵. Книга воспоминаний бывшего резидента КГБ в Америке Александра Феклисова охватывает период с конца 1930-х до конца 1960-х годов³⁶. Война спецслужб продолжалась до самого конца СССР и риску предположить, что продолжается и по сию пору.

В российской научной литературе находится все больше и больше подтверждений, что в начале 1980-х годов, когда Брежнев был серьезно болен, и затем после его кончины, вплоть до прихода к власти Горбачева в 1985 году, среди высшего руководства СССР господствовали параноидальные настроения и страхи в отношении намерений Запада и США в отношении СССР, подтверждением чему, в частности, стала история со сбитым 1 сентября 1983 года южнокорейским «Боингом». «В Москве, в штаб-квартире КГБ его председатель Владимир Крючков открыл одно из заседаний словами о том, что наблюдение за подготовкой к ядерному нападению – все еще важнейший приоритет разведывательной работы за рубежом. Крючков объявил, что риск ядерной войны достиг «опасных пропорций», что Пентагон увлечен «фантастической идеей мирового господства» и что Белый дом занимается психологической подготовкой населения к ядерной войне»³⁷, – пишет Дэвид Хоффман.

1985 год – «год шпиона» – был своего рода водоразделом в мире шпионажа, отмеченным ошеломляющей последовательностью вербовок и предательств по обе стороны фронта «холодной войны». Последствия этого проявились позднее – аресты в 1986 году и после, а некоторые результаты всего случившегося продолжают ощущаться и в настоящее время. Многие же остаются для той и другой стороны неизвестным и сейчас»³⁸. Этот вывод Дэвида Хоффмана можно считать наиболее точной оценкой итогов войны советской и американской разведок в период «холодной войны».

Берлин-1961 – самое опасное место на земле³⁹

В американском издательстве «G.P. Putnam's Sons» весной 2011 года вышла книга президента и исполнительного директора Атлантического совета в Вашингтоне – государственного и внешнеполитического «мозгового» центра США – Фредерика Кемпе «Берлин 1961 год. Кеннеди, Хрущев и самое опасное место на земле». В течение 25 лет Кемпе проработал репортером и редактором в «Wall Street Journal», а также специальным дипломатическим корреспондентом и зав. бюро в Берлине этого издания. Предисловие к книге написал генерал Brent Скоукрофт, отметивший, что «в этой работе автор виртуозно совместил свои навыки рассказчика-репортера с места событий с аналитическими качествами политолога и историка, умело использовавшего

недавно открытые секретные архивы СССР, США и Германии, чтобы показать действующие силы и личности, стоявшие за созданием Берлинской стены – легендарного рубежа – которой суждено было стать символическим камнем преткновения в холодной войне». Очень благоприятно отозвался об этой работе и Збигнев Бжезинский, советник по национальной безопасности бывшего президента США Джимми Картера. Он считает книгу «лучшей исторической хронологией»⁴⁰.

Представляя «Берлин – 1961», ее автор сказал: «Я действительно хочу начать новую дискуссию о том, что происходило тогда. Можно ли называть Кеннеди героем за то, что он сделал на Кубе? Или мы должны осудить его за то, что случилось в Берлине? Я больше склоняюсь ко второму». Потратив на написание своего основательного труда шесть лет и приурочив его издание к 50-летию строительства Берлинской стены, автор со всей унаследованной от матери-уроженки Берлина немецкой педантичностью тщательно изучил некоторые до сих пор непереураченные на Западе воспоминания Н.С. Хрущева и личные дневники президента Дж. Кеннеди. Он также переработал массу исторических материалов и книг. Много лет спустя после выступления руководителя СССР в Вене в июне 1961 года, когда он назвал Берлин «самым опасным местом на земле», Фредерик Кемпе дал свое обоснование определению, сделанному советским лидером. По его мнению, именно шестьдесят первый год оказался наиболее политически нестабильным и определяющим в советско-американских отношениях. Автору удалось составить захватывающую, чрезвычайно интригующую, почти ежедневную хронику тех событий, хорошо дополненную многочисленными, порою, уникальными фотографиями. И в итоге, он пришел к парадоксальному заключению, что «если бы не промах молодого и неоперившегося президента США, то Берлин, а, возможно, и вся Восточная Европа, могли быть избавлены от десятилетий советского господства»⁴¹.

Для молодого Кеннеди 1961 год выдался напряженным, это была, по его собственным словам, «череда катастроф», начиная с фиаско операции на Плайя-Хирон, неудавшегося саммита в Вене и кончая построенной перед его носом Берлинской стеной и появлением «грозного танка» в контрольно-пропускном пункте Чарли. Еще не оправившись от своего унижения в заливе Кочинос, он все же пытался почти в одиночку проявить себя решительным и самостоятельным лидером свободного мира, явно недооценивая 85-летнего Аденауэра, не зря волновавшегося, что отсутствие исторического и политического опыта помешают американскому президенту противостоять СССР в духе его предшественников Рузвельта и Эйзенхауэра. А более опытный и экспрессивный Никита Сергеевич желал улучшить отношения между Востоком и Западом, несмотря на жесткую враждебность презиравшего его законченного сталиниста Вальтера Ульбрихта. В своей книге Кемпе обвинил Кеннеди в том, что тот неправильно истолковал интересы отказавшегося от сталинской платформы Хрущева в ГДР, полагая, что если на Западе прекратят поток беженцев, то советский руководитель станет сговорчивее и в от-

ношении других внешнеполитических вопросов. Опасность так раздражавшей коммунистических лидеров «утечки мозгов на Запад» подтверждалась тем, что в течение первых послевоенных лет граждане Восточной Германии толпами устремлялись через открытую границу в процветающий Западный Берлин, в одном только 1960 году их убежало около 200 тысяч. Так, «золушка из восточной зоны», Марлен Шмидт, не только вовремя успела покинуть родную Йену, выбрав свободу вместо грозившей ей «за преступление против республики» тюрьмы, но и получила свою корону Мисс Вселенная – в 1961 в США, что явилось страшным личным оскорблением для лидера ГДР. Кемпе документально доказал, как молодой президент США, в ужасе от ядерного противостояния, сам «написал сценарий» для жертвоприношения Берлина в руки Советов», хотя вполне мог предпринять решительные шаги, чтобы помешать строительству стены, потому что не вся власть на тот момент была сосредоточена в руках Хрущева. «Согласие между всеми игроками не было достигнуто, и стена была возведена», зато, как считает Кемпе, все-таки удалось избежать новой войны. «Берлин сошел с газетных заголовков на долгие 28 лет, пока в 1989 году и сама стена, и «холодная война» не прекратили свое существование»⁴², – отмечает Кемпе.

Структурно «Берлин – 1961 год» составлен по классической схеме – вступление, три основные части и эпилог. Первые главы книги под общим названием «Игроки» охватывают период с декабря 1960 по февраль 1961 года. Постепенно Кемпе знакомит читателей с четырьмя главными участникам тех непростых дней одного года, создавая их броские политические портреты: генсек ЦК КПСС Никита Хрущев, президент США Джон Ф. Кеннеди, а также генеральный секретарь Социалистической единой партии ГДР Вальтер Ульбрихт и канцлер ФРГ коварный Конрад Аденауэр. В хронологии много других действующих лиц: brutальный маршал Конев, которому предстояло второе, тогда уже «бескровное» взятие Берлина, мэр Западного Берлина, незаконнорожденный сын продавца из Любека Вилли Брандт, послы СССР в США Анатолий Добрынин и США в СССР «Томми» Томпсон, другие официальные персоны. Автор подробно описывает их мотивации и позиции в той политической драме. Вторая часть «Назревает буря» прослеживает события с марта по июнь 1961 года, когда политическое влияние Кеннеди и уважение среди мировых лидеров докатились до самой низкой точки, если не сказать больше. Хрущев увидел в этом свою возможность остановить массовое бегство жителей из Восточной Германии и закрыл границы. Он вообще вел себя издевательски по отношению к Кеннеди, и это вошло в annales изучения истории дипломатии и политологии. Советский лидер буквально «гарцевал» вокруг неопытного американца, одновременно задирая и унижая его. Справедливости ради Кемпе пишет, что несмотря ни на что, Кеннеди все же держался основной цели – не допустить развязывания ядерной войны. Третья часть, озаглавленная «Выяснение отношений» (или как сказали бы сейчас, «разборки»), является кульминацией книги. Ведь именно в июле–октябре 1961 года и произошло воздвижение пресловутой Берлинской стены.

Одним из ярких мест книги, безусловно, является ее эпилог, где автор утверждает, что и Карибский кризис можно было предотвратить, если бы ни все та же наивность Джона Ф. Кеннеди в отношениях с Никитой Хрущевым. Проявленная им в Берлине слабость позволила Хрущеву разместить ядерные ракеты на Кубе. Однако за тринадцать октябрьских дней 1962 года американскому президенту, а это был уже иной, «новый» Кеннеди, все же удалось достичь того, что он провалил годом ранее в Германии. Он на этот раз проявил, по мнению Кемпе, удивительную твердость. Во-первых, по причине близости географического расположения (размещенные на острове Свободы советские ракеты представляли реальную угрозу США), во-вторых, неудача на Кубе могла бы худшим образом повлиять на его переизбрание на новый срок, и, в третьих, Кеннеди понял, что его малодушие и бездействие только провоцируют Хрущева. Таким образом, американский президент извлек урок из берлинских событий. Но что «ему было не под силу, так это убрать стену, воздвижение которой он так пассивно наблюдал», а в истории это навсегда останется показательным примером того, «что могут навязать несвободные страны остальному миру, если лидеры свободных держав не смогут им противостоять». Таким горестным обвинением заключает Кемпе свой фундаментальный труд.

Апогей «холодной войны»

Новые данные о Карибском ракетном кризисе 1962 года были опубликованы академиком А.А. Фурсенко и, в частности, записи бесед советских руководителей с кубинскими и послания Ф. Кастро Хрущеву, в котором говорилось, что для кубинцев стало полной неожиданностью то, что советские ракеты были, в конечном счете, выведены с территории Кубы. «Для Гаваны якобы было полной неожиданностью предложение СССР убрать ракеты с Кубы в обмен на вывоз американских ракет из Турции. Когда Москва выступил с этим предложением, «у нас возник вопрос: “Что же делать”?». Для кубинцев советское заявление было полной неожиданностью. Эти сведения содержатся в записи беседы члена кубинского руководства, одного из лидеров Народно-социалистической партии Кубы Карлоса Рафаэля Родригеса с первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым, которая состоялась в Москве 11 декабря 1962 года вскоре после завершения Кубинского ракетного кризиса.

Вышедшая в 2006 году книга Александра Фурсенко, Тимоти Нафтали «Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г.» посвящена тому моменту истории, которые авторы справедливо называют «апогеем холодной войны». Монография состоит из разделов, анализирующих предпосылки, возникновение Карибского кризиса, эскалацию и отступление от края пропасти, которым можно считать тайные переговоры между

людьми Хрущева и Кеннеди, миссию Микояна. Представлены также детали, сопутствовавшие кризису, без которых сложно понять политический и исторический фон многоплановой и многослойной обстановке в мире. «Не кубинский кризис лишил Хрущева его поста; не он стал причиной смерти Кеннеди. Но борьба двух сверхдержав за этот остров сделала обоих лидеров уязвимыми. С самого начала своего пребывания на посту президента США Кеннеди тратил все больше и больше капитала на устранение Кастро»⁴³, – пишут авторы. «В конце концов, и Кеннеди, и Хрущев, в досаде, неведении и страхе, стали уповать на чудо, которое поможет им решить кубинский вопрос. Чуда не произошло. Тайные операции Кеннеди и ядерный гамбит Хрущева стали не только дорогостоящими неудачами, но и катализатором опаснейшего кризиса в истории «холодной войны». Даже после его урегулирования Куба стала причиной тяжелых потерь с обеих сторон, явившись, по сути, вдохновительницей акта ненависти, стоившего Джону Кеннеди жизни, и политического заговора, положившего конец карьере Н.С. Хрущева»⁴⁴.

Важный вклад в изучение Карибского кризиса внесли новые биографии советского партийного и государственного деятеля, проводившего переговоры об урегулировании кризиса, Анастаса Ивановича Микояна, опубликованные в последние годы⁴⁵.

Секретный канал разрядки

За прошедшее десятилетие заметный прорыв произошел в изучении разрядки в отношениях СССР и США в 1970-е годы. Вышедший в 2007 году сборник рассекреченных документов, подготовленный совместно Историко-документальным департаментом МИД России и Исторической службой госдепартамента, был приурочен к 200-летию установления дипотношений между двумя странами. В основе сборника – записи бесед посла СССР в США Добрынина и тогдашнего госсекретаря США Киссинджера, которые были главными связующими лицами между Брежневым и Никсоном и осуществляли личное руководство работой конфиденциального канала обмена информацией. Он был установлен по инициативе американской стороны в феврале 1969 года, вскоре после прихода к власти Никсона, и действовал до конца 1976 года пока Киссинджер оставался у руля внешней политики США. По сути дела это была форма секретной связи между Белым домом и Кремлем, которая действовала в обход госдепа и других государственных органов. «Во многом благодаря этому каналу связи стали возможными серьезные перемены в советско-американских отношениях, та возросшая степень взаимопонимания и доверия, которая привела к разрядке начала 1970-х годов и вытекавшим из нее крупным договоренностям»⁴⁶, – отмечает А.Г. Дульян. Перед читателем возникают колоритные образы руководителей обеих стран, мало соответствующие сложившимся стереотипным представлениям. При этом советские деяте-

ли – Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, А.А. Громыко, Л.В. Смирнов, а равно и заокеанские партнеры демонстрируют высокий уровень политического профессионализма⁴⁷.

После чтения этих рассекреченных документов может сложиться впечатление, что советско-американские отношения периода разрядки выглядят как тайный альянс, который две страны заключили для того, чтобы за спиной общественности решать многие мировые проблемы, не доводя дело до развязывания Третьей мировой войны. Однако, как справедливо указывает Джек Мэтлок в своих воспоминаниях, не следует забывать, что термин «мирное сосуществование», который столько часто употребляла советская пропаганда, является тактической уловкой для «продвижения классовой борьбы в мире с ядерным оружием». Мэтлок пишет: «Поскольку ядерная война была бы самоубийственной, она не могла быть полезным инструментом в классовой борьбе, но во всех других областях борьба продолжалась. Во время периода разрядки 1970-х годов советские средства массовой информации постоянно напоминали всей стране, что никаких послаблений в области идеологии быть не может. И пока это отношение превалировало в советском руководстве, холодная война продолжалась даже, несмотря на то, что гонка вооружений ставилась под некоторый контроль»⁴⁸.

Среди конференций, проведенных за последнее время, следует упомянуть о международной конференции, организованной посольством России в США и американским Институтом Кеннана, в которой автору этих строк довелось принять участие. Конференция была посвящена 100-летию со дня рождения А.А. Громыко, отмечающемуся в 2009 году. Двумя главными гостями конференции историков сын советского политического деятеля, академик РАН Анатолий Андреевич Громыко и бывший госсекретарь США Генри Киссинджер, возглавлявший американскую дипломатию примерно в те же годы, что и Громыко. Ветеран американской политики сказал о Громыко: «Это был советский лидер, который не был противником, он был коллегой и другом»⁴⁹. Советско-американские отношения были очень сложными в то время, напомнил он. Шла Вьетнамская война, Советский Союз ввел войска в Чехословакию, на реке Уссури на Дальнем Востоке нарастал открытый военный конфликт между СССР и Китаем. «Сейчас мы знаем, что Хрущев стремился к переговорам, но хотел продемонстрировать силу, а мы, в США, считали СССР более сильным, чем он был на самом деле... В те времена, когда я был в администрации, нас упрекали в излишне мягком подходе к СССР»⁵⁰ – сказал Киссинджер. «Мы понимали, что не можем себе позволить ядерную войну просто из-за ужасного количества жертв, к которому она приведет, и мой советский партнер тоже хорошо это понимал»⁵¹, – продолжил оратор. «Мы не могли позволить себе, что бы дела дошли до экстрима конфронтации». В то время в США шла большая дискуссия в отношении так называемой концепции увязок, сводившейся к тому, что все обсуждавшиеся вопросы, должны быть увязаны друг с другом, напомнил Киссинджер. «Это означало, что вы не можете просто выдернуть один вопрос из всего комплекса двусторонних отношений»⁵². Андрей Громыко производил впечатление «очень профессио-

нального и точного человека», – вспомнил Киссинджер. «И именно таким он и был, всегда подготовленный, никогда не терявший выдержки и обладавший большим чувством юмора, и, кстати, это не было так уж очевидно на первый взгляд»⁵³. «Вопросы, которые мы обсуждали на переговорах, имели давнюю и глубокую предысторию, и каждая сторона была сильно связана своими внутренними проблемами»⁵⁴. «Общественное мнение в каждой из наших стран были разделены в отношении того, как вести политику в отношении другого... Мы старались избежать такой ситуации, при которой Советы оказывались бы застигнутыми врасплох, и ситуация могла бы развиваться непредсказуемо»⁵⁵. Говоря о том, что США стремились выстроить систему обмена информацией и консультаций с Советским Союзом, Киссинджер обрисовал тогдашние американские переговоры с СССР в следующем ключе: «Мы еще не знаем, что мы намерены предложить, но я хочу сказать вам, о чем мы думаем, когда мы сделаем это предложение... Когда мы встретились впервые, Громыко был ограничен в своих действиях, потому что не был полным членом политбюро (только кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС), и он не всегда сам понимал, что происходит в советской системе»⁵⁶. Например, на переговорах по сокращению стратегических наступательных вооружений, говорил Киссинджер, я понимал, что являюсь более информированным о размещении тех или иных советских видов вооружений, чем Громыко. В качестве примера было приведено решение в отношении некоего вида оружия, на котором Громыко долго настаивал, но которое не было логичным. «Однако советский генерал, присутствовавший на переговорах, сказал, что мы можем вернуться к этой теме после перерыва, и видимо объяснил ему в чем дело, а потом Громыко принял мою точку зрения»⁵⁷, – рассказывал Генри Киссинджер.

Участовавший в конференции историков политолог Николай Злобин сказал, что «в годы советско-американского противостояния, когда дипломатию возглавлял Громыко, существовало много каналов, которые позволяли избегать ситуаций, подобных той, что произошла в августе 2008 года в Грузии, когда российско-американские отношения достигли самой нижней точки после окончания “холодной войны”». По мнению политолога, за эти годы были утрачены такие каналы связи, которые позволяли не доводить ситуацию до той, что случилась в августе 2008 года»⁵⁸.

Роль советского ВПК в «холодной войне» и истощении ресурсов СССР

Роли и месту советского военно-промышленного комплекса в истории СССР и России в последнее время посвящено много новых книг, фильмов и телепередач. Одной из них стал документальный сериал «Хроника забытых побед», где содержится интересное описание достижений ученых, конструкторов, ин-

женеров, создававших всевозможные технические проекты, которые порой оказывались на грани фантастики. Такими, в частности, были, экранопланы и суда на воздушной подушке Ростислава Алексева, подводные лодки С.Н. Ковалева, катапульты и парашюты Гая Северина, радиолокационные установки Акселя Берга, зенитные ракеты Грушина, стратегические ракеты Макеева и Янгеля.

Перенапряжение советской экономики военными расходами, их непомерность и расточительность в гонке за превосходство в космосе, на земле, на воде и в воздухе получает не столь частое освещение в трудах российских историков, несмотря на свою значимость и возможно первопричину советского краха. Хотя можно назвать подводника Николая Черкашина, написавшего книгу «В отсеках “холодной войны”», ряд других авторов. В данном случае хотелось бы упомянуть рукопись «Преодоление», которая попала в распоряжение автора этого текста. Это воспоминания доктора технических наук, главного конструктора спутников, профессора Юрия Валерьевича Трифонова⁵⁹. Ведущий специалист по созданию спутников в институте ВНИЭМ имени А.Л. Иосифьяна детально описал, как он вынужден был обходить бюрократические препоны советской системы, чтобы добиваться конкретных технических результатов по созданию искусственных летательных аппаратов. Мемуары таких специалистов являются существенным источником для понимания роли и места советского ВПК во всей командно-административной системе в условиях, когда архивы министерств и ведомств остаются закрытыми.

Одним из авторов, активно пишущих о роли военно-промышленных комплексов и противостоянии «холодной войны», является А.А. Киличенков (РГГУ)⁶⁰. Серьезной работой, посвященной советско-американской гонке в космосе, стала переведенная на русский язык книга В. Хардести и Дж. Айсман «История космического соперничества СССР и США»⁶¹. Этой же тематикой активно занимается исследователь истории советского, американского и российского космоса Ю. Караш, публикующий свои работы на сайте русской службы «Голоса Америки» и в других изданиях⁶². В США вышла книга сына известного американского политолога Збигнева Бжезинского Мэтью Бжезинского, посвященная советско-американскому соперничеству в космосе, начавшегося с 1957 года, когда Советский Союз запустил первый спутник⁶³.

Ближний Восток: на сцене и за кулисами

Вышедшие в 2006 году мемуары Е.М. Примакова подробно раскрывают неизвестные и малоизвестные стороны политики СССР на Ближнем и Среднем Востоке, в частности, отношения с арабскими странами и Ираном, тайные закулисные контакты, существовавшие у СССР с Израилем после расторжения дипломатических отношений, последовавшего в результате шестидневной

войны 1967 года. В частности, Примаков публикует документы совершенно секретной «особой папки» из Архива президента РФ, определившие проведение конфиденциальных контактов с израильским руководством, которые осуществлялись с перерывами с августа 1971 по сентябрь 1977 года. Рассказ об этом представляет интерес и потому, что он показывает: даже в период отсутствия дипломатических отношений с Израилем Советский Союз пытался, действуя по всем направлениям, привести дело к компромиссному, в интересах всех сторон, урегулированию на Ближнем Востоке⁶⁴.

Конечно, осведомленность Е.М. Примакова о хитросплетениях советской политики на Ближнем Востоке и личное участие во многих закулисных операциях в Египте или с курдами в Ираке, обширные связи в российских силовых структурах, в разведке и на вершинах власти, дают ему огромное преимущество перед другими исследователями. «Без выявления особенностей арабского национализма, истинной сути основных фигур на ближневосточном политическом поле – Гамалы Абдель Насера, Ясира Арафата, Анвара Садата, Саддама Хусейна, Хафеза Асада, Муамара Каддафи, короля Хусейна и других, – без рассмотрения причин эволюции, которую пережили арабские режимы во второй половине XX века, без критического анализа политики внешних по отношению к арабскому миру сил и государств, влияния на него конфликта с Израилем, «холодной войны» можно прийти к ошибочному пониманию того, что представляет собой столь важный для мировой политики и экономики регион сегодня, и, еще хуже ассоциировать Ближний Восток с исламской угрозой, нависшей над «цивилизованной» частью человечества»⁶⁵, – пишет Е.М. Примаков. По оценке российского востоковеда, «в сегодняшнем арабском мире мировоззренческий феномен арабского революционного национализма пошел на убыль, можно считать, размылся. Однако это был целый этап арабской истории, и без понимания его особенностей невозможно разглядеть сегодняшний Ближний Восток»⁶⁶.

Другие российские историки, прежде всего М.М. Наринский, активно осваивают новые материалы, связанные с ближневосточными кризисами XX века⁶⁷. Среди новых американских работ, посвященных событиям на Ближнем Востоке периода «холодной войны», выделю воспоминания американского советника короля Иордании Хусейна Джека О'Коннела – офицера ЦРУ и ветерана американских спецслужб⁶⁸.

Военная операция СССР в Афганистане

Не ослабевает внимание исследователей к проблеме вторжения СССР в Афганистан. Из материалов заседания Политбюро ЦК КПСС 17–19 марта 1979 г. следует, что в советском руководстве существовал большой разброс мнений в отношении действий в Афганистане. В частности, подтверждается тезис о том,

что советский ВПК и его главный лидер, занимавший в ту пору пост министра обороны Д.Ф. Устинов, подталкивали к военному вторжению⁶⁹. В статье Ю.В. Рубцова говорится о том, что именно Устинов проинформировал Политбюро о том, что в министерстве обороны разработаны два варианта военной акции, которые могут быть реализованы уже через трое суток. Первый из них предусматривал переброску в течение суток 105-й воздушно-десантной дивизии и мотострелкового полка непосредственно в Кабул. Андропов и Громыко занимали куда более осторожную позицию, подобную той, что они заняли позднее во время польского кризиса. Андропов говорил, что «политическое решение следует разработать и иметь в виду то, что на нас обязательно навесят ярлык агрессора, но, несмотря на это, нам ни в коем случае нельзя терять Афганистан. Мнения о том, что нельзя терять Афганистан придерживался и Громыко⁷⁰.

Наиболее заметной американской работой на тему Афганистана стала книга журналиста Грегори Файфера, работавшего сначала репортером в газете «Москоу таймс», а затем собкором радиостанции National Public Radio в Москве в начале 2000 годов⁷¹. Автор провел большое количество интервью с ветеранами афганской войны и создал обширную картину с анализом событий того времени.

И все таки Польша

Начиная с раскрытия «катынского дела» в 1942 году «польский вопрос» оставался камнем преткновения в отношениях союзников по антигитлеровской коалиции, будь-то во время московских визитов Черчилля, так и в Тегеране, Ялте и Потсдаме. После молчаливого согласия на раздел мира и создание сфер влияния между СССР и Западом, Польша была самым, если можно так выразиться, «несмирившимся элементом» этой геополитической расстановки сил, что заставляло две сверхдержавы снова и снова возвращаться к польской теме. Черета польских кризисов регулярно потрясала социалистический лагерь – бунты и волнения повторялись почти каждое десятилетие и были предметом озабоченности Москвы, а также далеких США из-за давления польской диаспоры на американскую администрацию и конгресс. События 1956 года, студенческие волнения в Варшаве в 1968 году, столкновения между рабочими и студентами в 1970-м году на Балтийском побережье, и, наконец, создание движения-профсоюза «Солидарность» постоянным эхом отзывались в Москве. Наиболее ярко международный или, как сказали бы теперь, глобальный аспект польского кризиса проявился в декабре 1981 года, когда для сохранения Польши в советской орбите генералу В. Ярузельскому пришлось использовать так называемое «меньшее зло» – ввести военное положение как альтернативу вводу войск СССР и стран Варшавского договора для

успокоения массового протестного движения. И, несмотря на грозную риторику президента США Рейгана и недовольство самих поляков, которые в эти годы покидали страну, голосуя ногами, поддерживаемый советской военной мощью режим продержался в Польше еще 8 лет, а его падение стало предвестником распада самого Советского Союза.

Как справедливо отмечает И.С. Яжборовская, к исследованию советско-польских отношений 1950–1980-х годов российские историки еще только приступают⁷². По ее мнению, основным препятствием является все еще сохраняющаяся закрытость документальной базы. Если первые публикации партийных и государственных документов высокого уровня уже появились, то практически закрыты или не вводятся историками в оборот документы аппарата ЦК КПСС более низкого уровня, министерств и ведомств. Значительный вклад в изучение истории «холодной войны» на польском направлении сделан авторами сборника «Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях» под редакцией А.В. Торкунова и А.Д. Ротфельда⁷³. Сборник вышел в 2010 году по результатам работы российско-польской группы историков. В нем подробно исследуются обстоятельства польского кризиса 1956 года, который долгое время оставался в тени Венгерских событий того же года. Две большие статьи посвящены обстоятельствам введения военного положения в Польше. Правда, польский автор Анджей Пачковский сетует на то, что в «России до сих пор не вышла в свет ни одна научная работа, посвященная польско-советским отношениям в 1980–1982 гг. или политике Москвы в отношении самого большого партнера по Варшавскому договору. Может показаться, что этой проблематикой просто пренебрегают, поскольку – что весьма естественно – наиболее проблемными вопросами являются внутренние дела Советского Союза, а также конфронтация с США»⁷⁴.

Это замечание верно лишь отчасти. В последнее время опубликованы хотя и не такие объемные, но весьма содержательные книги Я.Я. Гришина «“Братская помощь” или военное положение?»⁷⁵ и 100-страничная книга о Войцехе Ярузельском «Мой генерал» Рудольфа Борецкого, который был приглашенным профессором в Варшаве, а затем собкором журнала «Новое время»⁷⁶. Обстановка в Польше после XX съезда КПСС, когда в Познани началось рабочее восстание, подробно описана в работе Н.И. Бухарина в названном сборнике «Белые пятна– черные пятна». Роль и место советского военного присутствия в Польше после Второй мировой войны и особенно личная роль маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского впервые подробно представлена в книге Б.В. Соколова, вышедшей в серии ЖЗЛ⁷⁷.

Самая серьезная работа последнего времени о введении военного положения в Польше появилась в журнале «Новая и новейшая история» в 2010 году⁷⁸. Ее автор И.С. Яжборовская провела подробный анализ событий, «ухватила» ситуацию того времени, собрала и обобщила детали, которые раньше не попадали в поле зрения исследователей. Возможно, впервые в историографии упоминается роль Мечислава Мочара как возможной альтернативы

Ярузельскому в случае эскалации кризиса в Польше и введения советских войск⁷⁹. А об этом не многие знают в России. Примечательным местом в статье является ссылка на высказывание генерала Д. Волкогонова о том, что «советское руководство продолжало подготовку введения войск в Польшу». В работе упоминается, что на территории Польши находилось советское ядерное оружие, однако этот факт не подтвержден ссылкой на источник. Этот важный постулат резко отвергает любое возможное сравнение мотивации действий СССР в отношении Польши с мотивацией действий в Афганистане. «С расстояния в более, чем десятилетия легко забыть дурные предчувствия и опасения, связанные с этим или ему подобными кризисами времен «холодной войны». Польский кризис, возможность советских военных действий создавали глобальную напряженность, опасность просчета, и даже возможного военного конфликта между сверхдержавами»⁸⁰, – пишет в своих воспоминаниях бывший министр обороны США Роберт Гейтс в начале 1980-х годов, занимавший пост заместителя директора ЦРУ. Яжборовская точно показывает, как генералу Ярузельскому удавалось сохранять доверие Кремля. 18 октября 1981 года – он избран первым секретарем ЦК ПОРП. В его руках сосредоточилась политическая, административная и военная власть. Генерал продолжал действовать осторожно и дипломатично, маневрируя между кремлевскими старцами в ЦК КПСС, консервативными силами в Польской объединенной рабочей партии, советскими маршалами и генералами, антикоммунистической оппозицией и влиятельнейшей в Польше римско-католической церковью. Однако и Москва вела свою игру, и довольно коварную. 21 октября на заседании Политбюро ЦК КПСС было принято решение: на все зондажи поляков отвечать, что СССР вводить войска в Польшу не будет. Однако 11 ноября Суслов выступил на закрытом заседании пленума ЦК КПСС, предложив вариант «А» – введение военного положения и вариант «Б», согласно которому в случае нарастания анархии в Польше власть должны были взять «здоровые силы» во главе с Мечиславом Мочаром – бывшим министром внутренних дел, человеком КГБ и сторонником решительного подавления оппозиции. Этот план предусматривал арест и изоляцию Ярузельского⁸¹.

В более поздних интервью Ярузельский признавался, что и ему приходилось вести двойную игру, трудную, если угодно, не без хитрости. «Особенно трудно было с Суловым, который проигрывал различные варианты». «А если вы начнете, а потом войдем мы?» «Сами справимся!», – отвечал Ярузельский. И об этом он впоследствии рассказывал советскому журналисту Р. Борецкому. 3 декабря маршал В.Г. Куликов говорил с Ярузельским по телефону по поводу ввода войск 8 декабря. Однако Ярузельский перевел тему в другую плоскость – о возможной военной помощи СССР, если военное положение не сработает. Сейчас этот сюжет вызывает наибольшие споры среди историков – предлагал ли он советским войти или нет? Логика развития событий показывает, что Ярузельский явно хотел решить проблему «польскими силами».

По прошествии 30 лет рассекречены многие документы, написаны воспоминания участников событий тех лет. Генерал Ярузельский опубликовал не-

сколько книг, в том числе: «Военное положение: почему?»⁸². Объем материала поражает интенсивностью секретных приготовлений, консультаций, переговоров, а главное, различием между тем, что происходило на самом деле в коридорах власти под завесой секретности, в тайных спорах между советскими вождями и польскими ставленниками Москвы и картинкой, которую власти пытались навязать своему обществу под названием «нерушимое единство стран социализма». Вместе с тем в материалах архивов остается еще много неясностей, есть вырванные страницы в протоколах заседаний Политбюро ЦК КПСС, есть явно переписанные страницы. Иногда происходят вбросы ранее якобы неизвестных документов. Так это произошло с дневником полковника Аношкина, адъютанта маршала В.Г. Куликова, ведшего записи рабочих бесед главкома ОВД с Ярузельским. Этим документом поспешили воспользоваться в политических целях в Польше и в США. Политические противники Ярузельского пользуются дневником Аношкина, чтобы доказать вину генерала за призывы к вводу советских войск. Ярузельского и других генералов, участвовавших во введении военного положения, в Польше постоянно пытаются судить. Однако факты свидетельствуют о том, что польский лидер всячески пытался оттянуть этот момент и готов был действовать сам, хотя знал, что у СССР имеется в запасе аварийный вариант на случай его неудачи. Именно об этом говорил последний командующий советской группы войск генерал В.П. Дубынин (в 1981 году – командир танковой дивизии под Минском, готовивший план ввода войск под Варшаву). Генерал В.А. Ачалов вспоминал как его, командира дивизии ВДВ в Каунасе, переодетого в форму майора, отправили в Польшу для проведения рекогносцировки высадки десанта на Варшаву и Лодзь, для подготовки интернирования Ярузельского и других руководителей страны и вооруженных сил. В своих более поздних воспоминаниях В.П. Дубынин говорил, что вторжение планировалось на 14 декабря, если действия Ярузельского не принесут результата⁸³.

В последние годы появились и новые американские публикации по проблеме⁸⁴, в том числе рассекреченные документы американской разведки, касающиеся польского кризиса⁸⁵.

Африка грез и действительности

Постепенно раскрываются страницы истории противостояния между СССР и странами Запада (США и Францией) в Африке. Одной из крупных работ, посвященных этой теме, стала монография С.В. Мазова «Политика СССР в Западной Африке 1956–1964. Неизвестные страницы истории холодной войны»⁸⁶. В фондах Национальных архивов и Отделе рукописей Библиотеки конгресса США автор обнаружил документы, позволяющие заполнить немало «белых пятен». «Устоявшийся взгляд на Западную Африку как на перифе-

рийную зону соперничества СССР и США, которая всегда находилась в нижней части шкалы их приоритетов, не отражает ситуацию, существовавшую с конца 1950-х годов до середины 1960-х годов. Первые независимые государства появились в Западной части южнее Сахары, и Советский Союз использовал возможности для налаживания с ними отношений, в том числе и союзнических. Советская активность вызывала быструю и резкую реакцию Запада. Администрация США разработала и осуществляла комплекс мер для системного противодействия «коммунистическому проникновению»⁸⁷, – пишет С.В. Мазов во введении к своей монографии.

Выходят и другие серьезные работы, посвященные противостоянию СССР и США в Африке, противодействию западных стран советскому доминированию в Африке⁸⁸, в том числе посвященные Конголезскому кризису 1960-го года, когда ЦРУ США и КГБ СССР вошли практически в открытое противостояние из-за этой африканской страны. Статья ветерана КГБ О.И. Нажесткина, опубликованная в журнале «Новая и новейшая история», открывает многие ранее неизвестные детали этого важного события «холодной войны»⁸⁹. В США также вышли воспоминания резидента ЦРУ в Конго в этот период⁹⁰. Несомненно, что многие эпизоды «холодной войны» в Африке, в частности, конфликт между Сомали и Эфиопией, конфликт в Анголе еще ждут своего исследователя.

Таким образом, объем работы, проделанный как российскими, так и зарубежными историками, дипломатами, другими исследователями в первой декаде XXI века заслуживает самой высокой оценки. Можно сказать, что российская историография «холодной войны» постепенно входит в контекст мировой исторической науки, и не только испытывает на себе воздействие научной мысли Запада, но и вносит свой вклад в изучение этого уникального периода мировой истории.

Один из важнейших выводов изучения «холодной войны» заключается в осознании практической необходимости постоянного поддержания контактов между державами, консультаций и переговоров на всех уровнях. То есть история помогает извлекать уроки и упреждать ситуации, подобных той, что произошла в августе 2008 года в Грузии, когда российско-американские отношения достигли самой нижней точки после окончания «холодной войны». Когда читаешь воспоминания посла США в СССР Анатолия Добрынина, кажется, что они написаны сегодня, и взяты из заявления то ли МИДа России, то ли российской секции госдепартамента, что речь в них идет о «перезагрузке» двусторонних отношений, провозглашенных администрацией президента Обамы. Подводя итоги своей деятельности как посла, А.Ф. Добрынин пишет: «Главное теперь для обеих стран – избавиться от менталитета «холодной войны» и развивать непростое, но действительно необходимое стратегическое сотрудничество в пользу мира, благосостояния и других общих интересов, не позволяя в тоже время возможным, а подчас и неизбежным разногласиям и трудностям вредить этому главному делу»⁹¹. С этим трудно не согласиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Арбатов Алексей*. Грядет ли холодная война? // Россия в глобальной политике, № 002 Vol. 5, 2007. С. 38–50.

² Там же.

³ *Егорова Н.И., Гайдук И.В.* Кембриджская история «холодной войны» // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 108.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ *Зубок В., Печатнов В.* Российская историография «холодной войны» // Отечественная история. 2000. № 4. С. 143–150; № 5. С. 139–162.

⁶ *Егорова Н.И.* Новая история «холодной войны» в современных зарубежных исследованиях // Новая и новейшая история. 2009. N 4. с. 116–129.

⁷ *Круглый стол в ИВИ РАН: Феномен «холодной войны» в международных отношениях XX века: итоги и перспективы исследования* // Новая и новейшая история. 2006. № 6.

⁸ Там же.

⁹ *A Cardboard Castle. An inside history of the Warsaw pact, 1955–1991.* Budapest – New York, 2005.

¹⁰ За последнее время вышли, например, мемуары бывшего личного переводчика Хрущева и Брежнева Виктора Суходрева («Язык мой – друг мой»), в 2011 году опубликован огромный том «От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова» (Гагик Карапетян, Владимир Грачев-Седых, «От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова». – Москва, 2011) переизданы мемуары бывшего посла СССР в США Анатолия Добрынина «Сугубо доверительно», являющаяся основным источником по истории советско-американских отношений второй половины XX века после 1960 года. Опубликованы воспоминания посла СССР в США Ю.В. Дубинина, сменившего А.Ф. Добрынина в этой должности. – *Дубинин Ю.В.* На посту посла в США // Новая и новейшая история. 2003. № 3.

¹¹ Сообщается, что доступ к рассекреченным документам можно получить на сайте историка госдепартамента <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v34>.

¹² 1969–1976, Volume XV, Soviet Union, June 1972–August 1974 The Department of State released today Foreign Relations of the United States, 1969–1976, Volume XV, Soviet Union, June 1972–August 1974.

¹³ *Таубман Уильям*. Хрущев. – М., 2010.

¹⁴ *Хоффман Дэвид*. «Мертвая рука». Неизвестная история холодной войны и ее опасное наследие. – М., 2011.

¹⁵ *Matlock Jack Jr.* Superpower Illusions, How Myths and False Ideologies Led America Astray – And How to Return to Reality. – Yale University Press, New Haven & London, 2010.

¹⁶ *Kempe Frederik.* Berlin-1961, Kennedy, Khrushchev and the Most Dangerous Place on Earth, 2011.

¹⁷ *Kissinger Henry.* On China. – NY, 2011.

¹⁸ *Matlock Jack Jr.* Superpower Illusions, How Myths and False Ideologies Led America Astray – And How to Return to Reality. – Yale University Press, New Haven & London, 2010.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ *Kramer Mark.* The Myth of a No-NATO – Enlargement Pledge to Russia. The Washington Quarterly, April 2009.

²⁴ Ответ на вопрос получен 26 июля 2011 года через пресс-службу премьер-министра Российской Федерации В.В. Путина. Имеется в распоряжении автора. Звучит так: «Мы не подвергаем сомнению истинность слов ВВ. Если сказал, то так оно и есть. Но все эти беседы велись при закрытых дверях и без стенограмм. А если такие стенограммы и есть – они под грифом “Совершенно секретно”. Документов в открытом доступе нет».

²⁵ *Печатнов В.О.* От Союза – к холодной войне, советско-американские отношения в 1945–1947 гг. – М., 2006.

²⁶ Злобин Н.В. Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5 марта 1946 // Новая и новейшая история. 2000.. С. 156–167.

²⁷ Печатнов В.О. От Союза – к холодной войне, советско-американские отношения в 1945–1947 гг.

²⁸ Там же.

²⁹ Орлик И.И. Дж.Ф.Кеннан: «Большие дебаты» // Новая и новейшая история. 2011. № 1; Thompson Nicholas. The Hawk and the Dove, Paul Nitze, George Kennan, and The History of the Cold War, 2009.

³⁰ John Lewis Gaddis, George F. Kennan. Am American Life. – NY., 2011.

³¹ Торкунов А. Война в Корее. – М., 2005.

³² Переговоры Н.С. Хрущева с Мао Цзедуном 31 июля-3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 1.

³³ Macmillan Margaret. Nixon and Mao, The Week that Changed the World, – NY, 2007.

³⁴ Орлов А.С. Воздушная разведка США над территорией СССР в 1950–1955 г.г. // Новая и новейшая история. 2000. № 6.

³⁵ Черкашин В. Файфер Г. В поисках агента. Записки разведчика. – М- 2007

³⁶ Феклисов А.С. Кеннеди и советская агентура, – М., 2011.

³⁷ Хоффман Д. Указ. Соч. С. 213.

³⁸ Там же. С. 225.

³⁹ Эта глава подготовлена Т.Ю. Сенькевич.

⁴⁰ Kempte Frederik. Berlin-1961.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Фурсенко Александр, Нафтали Тимоти. Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. – М., 2006. С. 471.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Павлов М.Ю. Анастас Микоян. Политический портрет на фоне советской эпохи. – М.: Международные отношения, 2010.

⁴⁶ Дульян А.Г. Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969–1972. Рассекреченные архивные материалы // Новая и новейшая история. 2008. №. 2. С. 82–89.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Matlock Jack Jr. Superpower Illusions, How Myths and false Ideologies Led America Astray – And How to Return to Reality. – NY, 2010.

⁴⁹ Материалы личного архива автора.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Текст воспоминаний Ю.В. Трифонова имеется в распоряжении автора.

⁶⁰ Киличенко А.А. «Холодная война» в океане: технические аспекты противостояния (зарубежная историография проблемы) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1. С. 81–96; *Его же*. Советское военно-морское присутствие в период «холодной войны» в оценках зарубежных исследователей // Военно-исторический журнал. 2008. № 1. С. 20–23; *Его же*. Советский военно-морской флот в Карибском кризисе // Новый исторический вестник. 2008. № 1(17). С. 120–133; *Его же*. Холодная война на море: зарубежная историография на рубеже XX–XXI вв. / Киличенков Алексей Алексеевич // Новый исторический вестник. 2008. № 2. С. 150–156.

⁶¹ Хардести В., Айсман Дж. История космического соперничества СССР и США. – СПб., 2009.

⁶² <http://www.russia-today.ru/tema-nomera/1957-yurij-karash-polveka-v-okolozemnyx-okovax.html>

⁶³ *Brzezinski Mathew*. 1965 – Red Moon Rising: Sputnik and the Hidden Rivalries that Ignited the Space Age. – NY. 2007.

⁶⁴ *Примаков Е.М.* Ближний Восток: на сцене и за кулисами. – М., 2006. С. 5.

⁶⁵ Там же. С. 6.

⁶⁶ Там же. С. 3.

⁶⁷ *Наринский М.М.* Советский Союз и Суэцкий кризис 1956 года. Новые данные, № 2, 2004, // Новая и новейшая история. 2004. № 2; *Его же.* Советский Союз и арабо-израильская война 1973 года // Там же. 2006. № 4; *Косач Г.Г.* Новые документы АВП РФ по истории Ближневосточного конфликта. 1947–1967 // Новая и новейшая история. 2004. № 5; *Крысин М.Ю.* Индо-пакистанский конфликт 1965 года в оценках КГБ // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. – М., 2008.

⁶⁸ *O'Connell Jack, Loeb Vernon (with).* King's Counsel: A Memoir of War, Espionage, and Diplomacy in the Middle East. – Norton, WW & Company, Inc. 2011.

⁶⁹ *Рубцов Ю.В.* Советский Союз в «необъявленной» войне в Афганистане (1979–1989 годы): осмысление прошлого // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 48–70.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ *Feifer Gregory.* The Great Gamble: the Soviet War in Afghanistan/ Harper Collins Publishers – NY., 2009.

⁷² Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. Под общей редакцией академика А.В. Торкунова и профессора А.Д. Ротфельда. – М., 2010.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ *Гришин Я.Я.* «Братская помощь» или военное положение? – Казань, 2002.

⁷⁶ *Борецкий Р.А.* Мой генерал. Что он спасал: режим или страну? – М., 2008.

⁷⁷ *Соколов Борис.* Рокоссовский. – М., 2005.

⁷⁸ *Яжборовская И.С.* Введение военного положения в Польше и позиция советского руководства (1980–1981 годы) // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 120–141.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Gates Robert.* From the Shadows. The Ultimate Insider's Story of Five presidents and How they Won the Cold War. – New York, 1996, P 232–236.

⁸¹ См. *Яжборовская И.С.* Введение военного положения.

⁸² *Jaruzelski Wojciech.* Stan Wojenny: Dlaczego... Polska Oficyna Wydawnicza «BGW», 1992.

⁸³ Цит. по *И.С. Яжборовская.* Введение военного положения в Польше. С. 134.

⁸⁴ *Weiser Benjamin.* A Secret Life: the Polish Officer, his Covert Mission, and the Price he Paid to Save his Country. – NY. 2004.

⁸⁵ *MacEachin Douglas I.U.S.* Intelligence and the Confrontation in Poland, 1980–1981. 2002.

⁸⁶ *Мазов С.В.* Политика СССР в Западной Африке 1956–1964. Неизвестные страницы истории холодной войны. – М., 2008.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ *Кривушин И.В.* Франция и Черная Африка в постимперскую эпоху // Новая и новейшая история 2007. N 1, – с.3–19.

⁸⁹ *Нажесткин О.И.* Годы конголезского кризиса (1960–1963). Записки разведчика // Новая и новейшая история. 2003. № 6, – с. 154–164.

⁹⁰ *Devlin Larry,* Chief of Station, Congo: Fighting the Cold War in a Hot Zone. – NY, 2007.

⁹¹ *Добрынин А.* Сугубо достоверно. – М. 2010.

Алексей АНТОШИН

Русский мир и русское зарубежье

Распад СССР в 1991 г., крушение советской политической системы оказали огромное влияние на историографическую ситуацию. По сути дела рухнули барьеры между советской и эмигрантской историографией: практика проведения совместных конференций, издание работ эмигрантов в нашей стране привели к объединению этих двух потоков, формированию современной отечественной исторической науки. У специалистов по данной проблематике резко увеличились возможности работы в зарубежных, в том числе эмигрантских архивах. Это обстоятельство не могло не повысить уровень их сочинений. Наконец, в условиях методологического плюрализма исследователи более не находились в жестких рамках единой методологии, что сделало научный поиск более свободным.

Тем не менее, подводя в 2001 г. некий промежуточный итог исследованию данной проблемы в 1990-е гг., В.П. Булдаков был настроен довольно критически. Отмечая, что «на протяжении более чем десятилетия в нашей историографии наблюдается беспрецедентный интерес к российской эмиграции первой волны», он, однако, указывал: «До сих пор в опубликованных работах остается немало одностороннего и даже наивного: многообразие эмигрантской политической жизни предстает то осколком умирающей России, то реальной альтернативой большевизму; иногда в ней видят чисто реставраторскую силу, а порой – даже конструктивную программу переустройства современной России. Попытки рассмотрения деятельности политической эмиграции как системного целого, ориентированного не столько на Россию дореволюционную, сколько на реалии текущей международной политики, большевистскую государственность и “советских людей”, практически не предпринимались. Мало обращали внимания и на различия в психологии “стариков” и эмигрантской молодежи, хотя именно с этим фактором связано множество противоречивых – от предательства до отчаянного терроризма – действий в среде российских изгнанников. До сих пор остались без ответа некоторые вопросы: пыталась ли эмиграция преодолеть былую доктринальную умозрительность, оставалась ли она непримиримо разобщенной, поменялись ли внутри нее идейно-политические ориентиры, под влиянием каких факторов возникали новые ценностные установки, как менялся психологический ее настрой – уныние, бодрячество, склонность к истерии, оптимизм? Даже вопрос о том, что выдвинулось в эмиграции на первый план – славянофильство или западничество, оставался без ответа»¹.

Организация, источниковая база, историографические разработки

Знаковым явлением стало появление в 1990-е гг. не только многочисленных публикаций по истории Российского зарубежья, но и структур, специализировавшихся на изучении этой проблематики. Одной из них стало издательство «Русский путь» – своего рода филиал парижского издательства «YMCA-Press», возглавляемого Н.А. Струве. Одним из важнейших результатов его деятельности стало открытие в Москве в 1995 г. Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» (БФРЗ), учредителями которой выступили «YMCA-Press», Русский Общественный фонд Александра Солженицына и Правительство Москвы. Уже к концу 1990-х гг. обозначаются основные направления ее работы: собирание, обработка, хранение архивных материалов; пополнение и систематизация книжного и газетно-журнального фондов; проведение конференций, семинаров, круглых столов, лекций, выставок, встреч, творческих вечеров, презентаций книг и других мероприятий; издание трудов эмиграции, современных исследований, посвященных различным аспектам истории и культуры Русского зарубежья. В 2000 г. Правительством Москвы было принято решение о расширении и реконструкции здания Библиотеки, и к началу 2005 г. был возведен современный архитектурный комплекс площадью 7 тыс. кв. м. Характерно, что на открытии комплекса присутствовал тогдашний руководитель Администрации Президента РФ Д.А. Медведев. После кончины А.И. Солженицына Библиотека была переименована, с 2009 г. ее новое название – Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. В том же 2009 г. создатель и бессменный директор Дома В.А. Москвин был награжден Премией Правительства РФ, что явилось символом признания значимости данной структуры для развития связей России с зарубежными соотечественниками².

На сегодня Дом Русского зарубежья – одно из богатейших в России хранилищ источников и литературы по данной проблематике. Его музейное собрание насчитывает более 16 тыс. единиц хранения, в архиве Дома – более 60 фондов (свыше 50 тыс. единиц хранения), в библиотеке – 75 тыс. единиц хранения. Большую роль в пополнении фондов Дома играют тесные связи с зарубежными соотечественниками. Так, немало книг было получено от издательства «YMCA-Press» и лично от Н.А. Струве. Значительный вклад вносит и комитет «Книги для России», действующий в США под руководством Л.С. Флам-Оболенской. В результате его усилий более 300 проживающих в США русских эмигрантов прислали свои книги в Дом.

Все это является базой для развития Дома Русского Зарубежья как одного из важнейших исследовательских центров по данной тематике на современном этапе. Дом осуществляет ряд долгосрочных научных проектов, таких, как «История русской эмиграции в исследованиях и публикациях», «Религиозная деятельность Русского зарубежья», «Дипломаты Российского зарубе-

жья (1917–1941)», «Российское научное зарубежье», «Молодежные организации Русского зарубежья» и др. Их результаты выкладываются на сайт Дома и доступны через Интернет.

Дом Русского Зарубежья проводит крупные международные конференции с участием ведущих российских ученых, зарубежных соотечественников, иностранных исследователей. В частности, в 2000 г. проведены конференции «Томаш Г. Масарик и “Русская акция” Чехословацкого правительства», «Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании» (1917–1940)», в 2001 г. – «С.Н. Булгаков: религиозно-философский путь», в 2002 г. – «Русский Берлин: 1920–1945», в 2003 г. – «Александр Солженицын: Проблемы художественного творчества. К 85-летию писателя», в 2004 г. – «Русские в Италии: культурное наследие эмиграции», в 2006 г. – «Проблемы изучения культуры русского зарубежья», в 2009 г. – «От Бунина до Пастернака: русская литература в зарубежном восприятии (к юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям)» и др. Активно развивается выставочная деятельность Дома Русского Зарубежья. Ежегодно им проводится более 40 разнообразных выставок.

Дом Русского Зарубежья является одним из наиболее активных участников проектов взаимодействия с зарубежными соотечественниками. Среди других участников этой деятельности – Министерство иностранных дел, Министерство культуры, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Международный совет российских соотечественников. В деле сохранения и расширения позиций русского языка в мире активную роль играет Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

Следует отметить, что Дом Русского Зарубежья хранит и активно использует и такие виды источников как аудиовизуальные материалы, о значимости которых очень много говорится в современной исторической науке. Всего архив аудиовизуальных материалов Дома насчитывает свыше 1600 единиц хранения. Благодаря этим фондам Домом было снято уже более десятка документальных фильмов. Их заказчиком и партнером в производстве выступают Министерство культуры, ВГТРК. Среди них – картины, посвященные В. Зворыкину, М. Чехову, С. Голлербаху, русской диаспоре в Венесуэле и др. В 2005 г. был создан кино клуб «Русский путь», попечительский совет которого возглавил народный артист СССР Владимир Наумов. Дважды в месяц проводятся показы картин, освещающих историю Русского зарубежья. По итогам года режиссеру фильма, заслужившему симпатии большинства зрителей, вручается специальный приз «Бронзовая свеча». С 2007 г. проводится Международный кинофестиваль «Русское Зарубежье». Его программа состоит из лент, посвященных Русскому миру за пределами России, истории и современному состоянию российской эмиграции. В конкурсное жюри в разные годы входили Глеб Панфилов, Геннадий Полока, Вениамин Смехов, Александр Долгорукий (Франция), Рашит Янгиров, Марина Тарковская, Джон

Глэд (США) и др. В 2008 г. Домом Русского Зарубежья и киноклубом «Русский путь» учреждена медаль имени Михаила Чехова. Среди ее обладателей – Никита Михалков, Сергей Юрский, Николай Караченцов, Тонино Гуэрра, Марина Влади и др.

Одним из ярких примеров взаимодействия «двух России» является современный этап в деятельности нью-йоркского «Нового журнала» – крупнейшего «толстого» литературно-политического журнала русской эмиграции эпохи «холодной войны», который основали М. Алданов и М. Цетлин еще в 1942 г. На годы «перестройки» и «постперестройки» в СССР пришелся непростой период и в истории «Нового журнала», начавшийся после смерти его многолетнего редактора Р.Б. Гуля. В 1990–1994 гг. редактором этого издания был Ю. Кашкаров, которого сменил В. Крейд, редактировавший журнал в 1994–2005 гг. С 2005 г. «Новый журнал» возглавила Марина Адамович, в редакционную коллегию входят представители разных волн и поколений российской эмиграции С. Голлербах, Г. Иоффе, В. Синкевич, В. Цуриков и др. Однако, финансовое положение этого издания остается непрочным. Не случайно, в 2007 г. редакция обратилась с призывом оказать журналу помощь. Характерно, что на это обращение откликнулся не только известный в Русском зарубежье Фонд имени И.В. Кулаева (председатель Правления – О. Раевская-Хьюз), но и Посольство РФ в США. Благодаря этому в сентябре 2007 г. был выпущен специальный номер «Нового журнала», посвященный 200-летию дипломатических отношений между Россией и США. Символично, что номер открывался обращением к читателям посла РФ в США Ю. Ушакова. В нем официальный дипломатический представитель России в США отметил значение этого эмигрантского издания, которое «не просто приумножает традиции нашей литературы, но и помогает сберечь бесценные частицы истории и культуры Отчизны, ее дух и теплоту»³. В номере были охарактеризованы основные структуры Русской Америки – Толстовский Фонд, Конгресс Русских Американцев, Русский Центр в Сан-Франциско и т. д. Авторами большинства статей являлись эмигранты, долгое время принимавшие участие в деятельности этих институтов диаспоры (Т.А. Родзянко, Л.А. Фостер, О. Раевская-Хьюз, П. Якубовский-Лерке и др.).

Характерным для современной историографической ситуации явлением, свидетельствующим об интересе к истории Российского зарубежья, стало появление альманахов, продолжающихся изданий и т. д., специально посвященных этой тематике. Среди крупных проектов этого плана следует выделить альманах «Диаспора: новые материалы», ответственным редактором которого является О. Коростелев. В каждом из его выпусков содержатся интереснейшие объемные публикации источников, прежде всего из зарубежных архивов. Помимо того, что альманах впервые вводит в научный оборот большие комплексы исторических источников, на его страницах публикуются статьи ведущих специалистов по истории Российского зарубежья, обычно посвященные малоизвестным аспектам данной проблемы.

Для развития исследований по данной проблеме большое значение имел тот факт, что в последнее десятилетие вышел ряд крупных документальных

публикаций. Среди них выделяется База данных «Русский мир и Россия: модели и факторы единства и разъединения в XX веке» – проект Ассоциации исследований российского общества (АИРО–XXI) и фонда «Русский мир», осуществленный в 2008–2009 гг. Руководителями проекта выступили Г.А. Бордюгов и А.Ч. Касаев, кроме того, в работе над Базой данных приняли участие А.В. Антошин, З.С. Бочарова и М.Н. Мосейкина. Авторы выделили ряд аспектов, которые освещались ими на протяжении всей истории Российского зарубежья в XX в.: отношение России к эмигрантам и эмиграции, география размещения эмигрантов по миру, примерная численность, сфера занятий, степень связанности «Русского мира» в разных странах, роль Русской Православной Церкви, отношение представителей «Русского мира» к России и т. д. Достоинством проекта является и тот факт, что он содержит иллюстративные материалы и подробную библиографию по каждому из этапов истории Российского зарубежья в XX в. (См.: www.airo-xxi.ru).

Среди них выделяется, например, осуществленное О.В. Будницким издание переписки таких крупных деятелей «первой волны» эмиграции, как Б.А. Бахметев и В.А. Маклаков⁴. Оно основано на материалах архивных коллекций Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет) и является прекрасным источником для характеристики восприятия российскими эмигрантами развития политических процессов в России и мире в 1920–1940-е гг.

Большое значение для характеристики правовых аспектов эмиграции из Советской России и СССР в 1920-е гг. имел труд З.С. Бочаровой⁵. Здесь представлены документы о деятельности Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев, материалы по истории русского беженства в Турции. В опубликованных З.С. Бочаровой источниках характеризуются процесс репатриации в 1920-е гг., участие русских общественных организаций за границей в урегулировании правового положения беженцев и т. д. Особенно важен, на наш взгляд, концептуальный тезис З.С. Бочаровой, что «модель международных действий в отношении беженцев начала свое становление с решения российского вопроса»⁶.

Среди заметных документальных публикаций последних лет – сборник материалов Российского Зарубежного съезда, работавшего в Париже в 1926 г.⁷ Основой издания послужили источники из архива князя Н.Л. Оболенского, Начальника Общей Канцелярии Великого Князя Николая Николаевича на чужбине. Н.Л. Оболенский завещал свой архив А.И. Солженицыну, который по возвращении в Россию передал его в Библиотеку-фонд «Русское зарубежье». В этом же сборнике опубликованы протоколы заседаний инициативной группы по объединению русских общественных организаций из коллекции Н.В. Савича, переданные в БФРЗ Н.Н. Рутычем в 2002 г.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает двухтомное издание документов «Меньшевики в эмиграции»⁸, ответственными редакторами которого выступили известный российский ученый А.П. Ненароков и профессор Андре Либих (Женева, Швейцария). Этим трудом завершается многолетняя работа

международного коллектива историков и архивистов над документальной историей меньшевистского крыла РСДРП (всего с 1994 по 2010 г. было выпущено 11 книг). В нем представлена история Заграничной делегации РСДРП, которая вплоть до ее самороспуска в 1951 г. оставалась единственной реальной политической организацией социалистической эмиграции. Составители проделали огромную работу, выявив множество материалов в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк), Гуверовском архиве войны, революции и мира и Российском государственном архиве социально-политической истории (Москва).

Работа с хранящимися в российских и зарубежных архивах источниками, а также с опубликованными документами создала новые возможности для исследовательского поиска по различным аспектам темы истории Российского зарубежья. Полемику, однако, нередко вызывают сами термины «Русское зарубежье» («русская эмиграция») и «Российское зарубежье» («российская эмиграция»). Так, известный этнолог Н.М. Лебедева, на наш взгляд, справедливо полагает, что понятие «российская эмиграция» значительно шире, оно охватывает всех подданных России, вынужденно или добровольно покинувших ее. «Русской эмиграцией», по ее мнению, следует называть русских по происхождению и тех, кто полностью – «по языку, культуре, образу мысли, складу характера» – «вписался» в русскую нацию. Исследовательница считает, что лишь первая волна российской послереволюционной эмиграции может быть названа «русской эмиграцией»⁹. Эту трактовку проблемы в целом разделяет известный исследователь П.Н. Базанов, который вслед за М.И. Раевым считает приемлемым применение термина «Русское Зарубежье» только к эмиграции 1917–1940-х гг. «как необычному культурно-историческому феномену». Хотя он признает, что и вторая и, в минимальной степени, третья «волны» являются продолжением традиций русской дореволюционной культуры. В своих работах П.Н. Базанов использует термин «русская эмиграция», т. к. автор понимает под «русскими эмигрантами» людей, «воспитанных в русской культуре, для которых русский язык был родным, вне зависимости от национальности». Под «российскими эмигрантами» он подразумевает категорию выходцев из Российской империи или СССР и их потомков, «фактически никак не связанных с русской государственностью и культурой (например, немцы-менониты, ортодоксальные евреи, басмачи и т. п.)»¹⁰. Несколько иначе, на наш взгляд, расставляла акценты Г.Я. Тарле, во многом благодаря усилиям которой в 1990-е – начале 2000-х гг. Институт российской истории РАН стал важным центром исследования истории российской эмиграции. Она полагала, что более корректно говорить о Российском зарубежье, куда входят выходцы из нашей страны, принадлежащие к разным национальностям¹¹. Чрезвычайно важным представляется тезис Г.Я. Тарле о том, что историю Российского зарубежья нужно рассматривать «в контексте мировых миграционных процессов», т. к. тогда «становится очевидным, что именно для истории России характерно акцентирование внимания на этих процессах, естественных для истории большинства государств».

Для дальнейшего развития исследований по истории российской эмиграции, бесспорно, необходимо было проанализировать, что сделано в предшествующий период. Поэтому закономерно появление ряда серьезных произведений источниковедческого и историографического характера. Среди крупных обобщающих трудов этого плана следует, на наш взгляд, указать на работы А.В. Попова. Еще в 1990-е гг. им было предпринято интересное исследование документальной базы по истории Российского зарубежья в архивах Москвы¹². В новых сочинениях данного автора представлен подробный перечень и анализ разнообразных источников по истории Российского православного зарубежья¹³.

Что же касается трудов историографического характера, то здесь следует выделить, например, работы екатеринбургской исследовательницы В.И. Цепиловой¹⁴. В.И. Цепилова продолжает традиции уральских историков и историографов, которые занимались изучением проблемы истории советской культуры, идейных исканий советской интеллигенции. Как известно, важный импульс формированию того облика Российского Зарубежья 1920-х гг., который нам известен, придала высылка видных экономистов, философов, публицистов и т. д. на знаменитом «философском пароходе». Дискуссии современников и исследователей вокруг этого явления были подробно проанализированы в труде М.Е. Главацкого¹⁵. Сам факт развития историографических исследований по истории Российского Зарубежья является отражением того факта, что в последние два десятилетия уже немало сделано для осмысления этого феномена отечественной истории.

Основные проблемы эмиграции из Российской империи

В последние годы продолжается изучение истории эмиграции из Российской империи в XIX – начале XX в. Данная тема достаточно активно изучалась и в советский период, т. к. удачно «вписывалась» в официальную советскую историческую концепцию. История политической эмиграции из Российской империи находилась в тесной связи с историей революционного движения в России, многие представители которого (А.И. Герцен, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин и др.) долгое время жили на положении эмигрантов. Что же касается наиболее массовой экономической эмиграции из дореволюционной России, то она ярко доказывала тезис о бедственном положении угнетенных народных масс, свойственный советской историографии.

Пожалуй, в последние годы наиболее значимыми трудами по данному периоду стали весьма основательные монографии В.Я. Гросула¹⁶. Он занимается этой тематикой в течение многих лет, еще в 1970–1980-е гг. выпустив несколько монографий о деятельности российских революционеров на Балканах во второй половине XIX в. Особо следует выделить книгу В.Я. Гросула,

вышедшую в 2008 г., т. к. фактически она представляет из себя первое в историографии исследование, посвященное Российскому Зарубежью первой половины XIX в. Оно рассказывает не только о жизни за границей постоянных колоний выходцев из России, характеризуя их кружки, организации, салоны, землячества, но и повествует о пребывании за рубежом частей русской армии, дипломатического корпуса, русских стажеров и т. д. Перед читателем проходят судьбы декабристов в эмиграции, русских католиков, известных писателей и поэтов, художников и ученых, актеров и т. д. Герои книги – В.Г. Белинский и К.Н. Батюшков, К.П. Брюллов и П.А. Вяземский, А.И. Герцен и Н.П. Огарев и многие другие. Не случайно в аннотации к монографии отмечается, что труд В.Я. Гросула – это «своеобразная энциклопедия» Русского зарубежья первой половины XIX в.

В новых условиях, опираясь на привлечение недоступных ранее источников из зарубежных архивов, возникла возможность несколько иначе взглянуть на тему истории российской эмиграции второй половины XIX – начала XX в. Появились как работы обобщающего плана, характеризующие эту эпоху в истории Российского зарубежья в целом¹⁷, так и труды, где рассказывается о российских диаспорах в отдельных странах¹⁸. Обращают на себя внимание изданные в России сочинения, написанные теми отечественными историками, которые постоянно проживают за рубежом. Они нередко отличаются наиболее активным использованием документов из зарубежных архивов. Среди работ этого плана в 1990-е гг. выделялся труд проживающего в Бельгии В.К. Ронина, посвященный тем россиянам, судьбы которых связаны с Антверпеном¹⁹. Книгу В.К. Ронина отличала весьма тщательная работа с источниками из Городского архива Антверпена, Архива Антверпенского коммерческого института, Общего Государственного архива в Брюсселе и др. Привлечение столь интересных документов, впервые введенных автором в научный оборот, позволило В.К. Ронину на практике реализовать тот самый антропологический подход, о важности применения которого так много говорится в современной российской исторической литературе. На страницах книги представлены интереснейшие портреты ученых и инженеров, художников и музыкантов, студентов, экономических и политических эмигрантов из Российской империи, которые на тот или иной срок оказывались в Антверпене в XIX – начале XX в.

Долгое время по сути дела «белым пятном» на карте дореволюционного Российского зарубежья являлась Япония. Работ об истории русских общин в странах Востока вообще существенно меньше, чем посвященных США или Европе. Поэтому обращают на себя внимание отличающиеся оригинальностью подходов труды П.Э. Подалко – профессора Университета Аояма (Токио)²⁰.

Современным российским исследователям удастся внести некоторую новизну в освещение и такого сюжета, как история политической эмиграции из дореволюционной России, которая, казалось бы, весьма активно освещалась в советское время. В последние годы значимым явлением стали работы

Л.Ю. Гусмана, где анализируется малоисследованный в советской историографии сюжет истории политической эмиграции из Российской империи – судьбы в эмиграции русских либералов, находившихся, по меткому выражению автора, «в тени «Колокола»²¹. Появление этих работ еще раз свидетельствует о том, что по-прежнему остается немало аспектов истории Российского зарубежья до революции 1917 г., требующих дополнительного изучения.

«Первая волна» послереволюционной эмиграции

«Белоэмигранты», бесспорно, и в советское время привлекали внимание исследователей. Однако, крушение существовавшего в СССР политического режима принципиально изменило историографическую ситуацию на этом исследовательском поле. Уже в начале 1990-х гг. появляются первые обобщающие работы по истории российской эмиграции в XX в., написанные с последовательно антикоммунистических позиций. Заметным явлением стал труд бывшего сотрудника «Посева» М.В. Назарова, вышедший уже в 1992 г.²². Его отличали привлечение большого массива ранее недоступных советским исследователям эмигрантских источников, наличие четкой авторской концепции, глубокий анализ идейных исканий эмиграции. Политические симпатии автора явно находятся на стороне Белого движения и правых сил в Российском зарубежье, противостоящих коммунистам и либерал-демократам, на которых возлагается основная вина за трагедию России в XX веке. Эти идеи получили дальнейшее развитие в других публикациях М.В. Назарова²³ и коллективном труде «Эмиграция и репатриация в России», среди авторов которого, помимо М.В. Назарова, были также В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева и А.В. Окоороков. Здесь была предпринята попытка комплексного анализа российской эмиграции с национал-патриотических позиций, опираясь на концепцию И.Л. Солоневича, утверждавшего, что ранее история России рассматривалась «с нерусской точки зрения». Центральным тезисом авторов стала идея о «всемирном призвании России» и роли русской эмиграции как «передового дозора русской нации в предапокалипсическую эпоху»²⁴.

Среди крупных работ обобщающего характера, вышедших в свет в последние годы, бесспорно, нельзя обойти вниманием труд «Две России XX века. Обзор истории. 1917–1993», подготовленный коллективом авторов под руководством Б.С. Пушкарева²⁵. Неслучаен, конечно, тот факт, что этот труд вышел в издательстве «Посев»: практически все авторы являются видными сотрудниками знаменитого журнала. Сам Б.С. Пушкарев – сын известного эмигрантского историка С.Г. Пушкарева, многолетний член и бывший председатель НТС. Труд был задуман как продолжение работ С.Г. Пушкарева, прежде всего, его известного труда «Обзор русской истории», где изложение истории России было доведено до 1917 г. Дело отца продолжил сын, извест-

ный политик российской эмиграции эпохи «холодной войны», в труде которого представлено его видение советского периода Отечественной истории. Спецификой данного исследования является стремление авторов не только доказать антинародный характер советской государственной политики, но и показать наличие в Советском Союзе и в эмиграции оппозиционных сил, выступавших за ликвидацию существовавшего в стране политического режима.

Характеризуя современную отечественную историографию российской эмиграции, нельзя не обратить внимание на появление большого числа исследований, посвященных российским диаспорам в отдельных странах и регионах мира. Поскольку в период расцвета первой послереволюционной волны эмиграции крупнейшими центрами российской диаспоры были Берлин, Париж, Прага и т. д., то закономерно, что активно изучается история российской эмиграции в странах Европы²⁶.

Среди исследователей истории российской диаспоры в Северной Америке, бесспорно, выделяется Э.Л. Нитобург, в многочисленных работах которого представлена вся история российской иммиграции в США в XX в.²⁷

В 1990-е гг. в изучении истории российской диаспоры в Южной Америке особенно большую роль играли сотрудники Института Латинской Америки РАН, прежде всего, профессор А.И. Сизоненко. В последние годы этой проблемой все более активно занимаются исследователи из других центров изучения российской диаспоры²⁸.

В период расцвета первой послереволюционной волны российской эмиграции одним из важнейших центров диаспоры был Китай. Поэтому неслучайно, что эта тематика всегда привлекала внимание исследователей. В последние годы данная проблематика продолжает развиваться в трудах Н. Аблажей, А.А. Хисамутдинова, Е.Е. Аурилене и др.²⁹.

Значительно более активно стала изучаться история российской диаспоры в Африке³⁰. Большая заслуга в этом принадлежит сотрудникам Института Африки РАН, где усилиями А.Б. Летнева и В.П. Хохловой возник один из неформальных центров изучения данной темы. Н.Л. Крылова продолжает многолетнее исследование гендерных проблем истории российской диаспоры в Африке, анализирует судьбы русских женщин в странах континента. Продолжает свою многолетнюю деятельность по изучению многообразных связей России и Африки А.Б. Давидсон, возглавляющий Центр африканских исследований Института всеобщей истории РАН. Среди работ историков-эмигрантов своей масштабностью, использованием уникальных источников, на наш взгляд, выделяется двухтомный труд уже упомянутого В.К. Ронина. Это – итог почти 20-летней работы автора, в ходе которой в Бельгии, Франции и России им было проведено более 100 многочасовых интервью с эмигрантами и их близкими. Труд автора основан на неопубликованных письмах, дневниках, воспоминаниях и автобиографической беллетристике. В.К. Рониным было выявлено более 600 выходцев из России, которые с конца XIX в. до 60-х гг. XX в. работали в Конго, Руанде и Бурунди и очень многое сделали для развития этих территорий в колониальный и постколониальный период.

Особое внимание автор уделил профессиональной деятельности «русских конголезцев», их общественной и личной жизни, отношениям с бельгийской средой и с африканцами.

Достаточно много работ появилось в последние годы и по истории российской диаспоры в Австралии³¹. Обращает на себя внимание такой обстоятельный, и, вместе с тем, противоречивый труд, как подготовленная издающимся в Сиднее журналом «Австралиада – русская летопись» «История русских в Австралии». Ее выход в свет был приурочен, как указывали составители, к 80-летию русских общин в Австралии. Таким образом, проживающие в Австралии эмигранты заявили о своем негативном отношении к политэмигрантам из Российской империи, которых они вычеркивают из истории русской диаспоры в стране: для авторов этого труда история русской диаспоры в Австралии начинается с 1923 г., с появления на континенте «белой» эмиграции. Иную позицию заняла Г.И. Каневская, капитальный труд которой представляет собой попытку действительно целостного взгляда на историю русской диаспоры в Австралии. Она характеризует и историю политической эмиграции из Российской империи в Австралии, рассказывая, в частности, о знаменитом Артеме (Ф. Сергееве) – личности, привлекавшей пристальное внимание советских историков. Достоинство работы Г.И. Каневской – привлечение исследовательницей материалов из Национального архива Австралии, большинство из которых впервые было введено ею в научный оборот.

Бесспорно, эпохой расцвета «первой» волны стали 1920–1930-е гг. Не случайно, именно этот период всегда привлекал наибольшее исследовательское внимание. Среди наиболее заметных трудов по истории «первой» послереволюционной волны эмиграции из Советской России можно назвать коллективную монографию московских историков С.С. Ипполитова, В.М. Недбаевского и Ю.И. Руденцовой «Три столицы изгнания»³², вышедшую в серии «Русские без отечества». В ней было рассказано о драматичных событиях эвакуации из Крыма в 1920 г. и трудной жизни русских беженцев в Турции, была дана яркая и противоречивая картина Русского Берлина и Русского Парижа 1920–1930-х гг. Закономерно, что такое популярное в последние годы направление, как «история повседневности», также нашло отражение в этом издании. Оно активно присутствует и в ряде других современных исследований, посвященных истории Российского зарубежья 1920–1930-х гг.³³

Еще с советских времен внимание исследователей привлекала проблема того выбора, который сделала после Октября 1917 г. русская интеллигенция, судьбы видных деятелей русской культуры в эмиграции. Одним из тех, кто наиболее активно исследовал эту тему в годы «перестройки» и «постперестройки» был А.В. Квакин, который и ныне обращается к этим сюжетам³⁴. Культурная элита «первой» волны уже не один десяток лет относится к числу тем, вызывающих стабильный интерес у исследователей. При этом историческая и философская мысль Российского зарубежья находится «на стыке» интересов ученых, принадлежащих к различным областям знания. Эти сюжеты активно представлены в трудах философов, культурологов, искусствоведов,

филологов. Активно изучается, в частности, творческое наследие философов Н.А. Бердяева, Б.П. Вышеславцева, И.А. Ильина, С.А. Левицкого, Н.О. Лосского, Ф.А. Степуна, Г.П. Федотова, протоиерея Г. Флоровского, С.Л. Франка³⁵, социолога П.А. Сорокина³⁶, культуролога В.В. Вейдле, историков Г.В. Вернадского, М.М. Карповича, М.Т. Флоринского и др.³⁷. Среди крупных работ последних лет нельзя не выделить энциклопедию «Общественная мысль Русского зарубежья»³⁸. В ней прослеживается развитие отечественной общественной мысли в хронологических рамках всех волн эмиграции с середины XIX в. по настоящее время. Основное внимание уделено выдающимся представителям интеллектуальной элиты российского общества, оказавшимся в силу различных обстоятельств вне пределов Отечества.

Вместе с тем, историки все чаще осознают тот факт, что необходимо более пристальное изучение тех сюжетов в истории «первой» послереволюционной волны эмиграции, которые долгое время были своеобразными «белыми пятнами». Среди них – роль эмиграции в событиях Кронштадтского мятежа 1921 г. Со времен «перестройки» в историографии доминирует тезис, согласно которому мятеж (а точнее, Кронштадтское восстание, как чаще пишут современные историки) был естественной реакцией на большевистскую политику периода «военного коммунизма», преимущественно стихийным народным выступлением. Не отрицая этого факта, некоторые исследователи, однако, задаются вопросом: как пыталась использовать эти события антибольшевистская эмиграция, как она реагировала на них? Так, например, А.П. Новиков пишет о позиции во время мятежа лидеров партии эсеров³⁹. Интереснейший рассказ о т. н. «Петроградской боевой организации» («таганцевской организации»), связанной в том числе и с личностью Н. Гумилева, представлен в статье В.Ю. Черняева⁴⁰.

Выяснилось, что мы довольно мало знаем об эмигрантском «активизме», поскольку изучение деятельности тех структур Российского зарубежья, которые стремились «проникнуть» в СССР, вести активную работу в подполье и т. д. требует обращения к документам, хранящимся в архивах ФСБ России. А совершенно очевидно, что работа с этими документами имеет свою специфику, связанную с получением к ним доступа, сроками работы и т. д. Среди исследований, посвященных этой теме, следует выделить, например, труды А.А. Куренышева, где анализируется деятельность крестьянских эмигрантских организаций⁴¹. Пожалуй, одним из тех, кто наиболее активно разрабатывает эти сюжеты, является М.В. Соколов⁴². Опираясь на материалы Центрального архива ФСБ, он доказывает, что наряду с широко известной благодаря советской художественной литературе и кинематографу операцией «Трест» фактически существовал и «Трест-2», созданный ОГПУ вокруг Республиканско-демократического союза и Трудовой крестьянской партии. Он занимался вбросом в западную прессу нужной СССР дезинформации, заброшкой агентуры в эмиграцию. По мнению М.В. Соколова, эта провокация оказывала воздействие на ситуацию в Российском зарубежье вплоть до весны 1938 г. При этом исследователь подчеркивает противоречивость этого яв-

ния, невозможность свести его только к «инфильтрации» эмигрантских организаций агентами советских спецслужб: «Почти десятилетняя игра чекистской Москвы и русской Праги была обоюдоострой. На исторической дистанции в 70 лет так и нельзя однозначно сказать, кто же выиграл»⁴³.

На наш взгляд, весьма перспективным является подход тех исследователей, которые ищут материалы о «разработке» советскими спецслужбами эмигрантов и в зарубежных архивах. Так, например, И.В. Сабенникова опирается при исследовании этой проблемы на архив префектуры полиции Парижа⁴⁴.

Анализируя взаимодействие Российского зарубежья и Советской власти, исследователи зачастую еще четче видят всю противоречивость этой проблемы. Так, вопрос о возвращении эмигрантов на Родину в течение всего советского периода являлся весьма дискуссионным и политизированным. Советские официальные структуры в определенные исторические периоды всячески содействовали этому процессу, стремясь использовать его в качестве козыря в идеологической борьбе против Запада. К этой теме обращалась в своих исследованиях З.С. Бочарова. Подробно анализируя правовые аспекты проблемы репатриации, деятельность Ф. Нансена и т. д., она приходит к выводу: «Советская репатриационная политика была неоднозначна, дифференцирована по отношению к разным категориям и социальным группам возвращающихся, менялась во времени, являлась ограничительной, обуславливалось классовыми, идеологическими и экономическими мотивами... Возвращение соотечественников из-за границ России не являлось свободным волеизъявлением»⁴⁵. Во многом к аналогичным заключениям пришла и Ю.В. Бельчич. Отмечая, что в начале 1920-х гг. «с каждым днем росло число заявлений желающих вернуться на Родину и восстановить в правах гражданства», исследовательница при этом указывает, что «лишь тяжелейшая экономическая ситуация в стране заставила советскую власть пусть временно, но отказаться от идеологических установок и проявить прагматизм в решении жизненно важной для страны на тот период многоаспектной кадровой проблемы»⁴⁶.

По мнению некоторых современных историков, Советский Союз даже располагал за рубежом некоторым числом «агентов влияния», которые вели активную пропаганду возвращения в СССР. Среди таких людей Н.А. Родионова, например, выделяет Е.Д. Кускову: «Ее пребывание в эмиграции, агитация за возвращение и призывы “не отменять полезный опыт большевиков” приносили большевистскому режиму больше пользы, чем ее возможное возвращение на родину, куда она сама, уговаривая других, возвращаться, по-видимому, не очень стремилась»⁴⁷.

Далеко не всегда в случае возвращения на Родину речь шла о полном принятии советской идеологии, образа жизни и т. д. Это прекрасно показано в работе М.В. Кротовой, посвященной периоду совместного советско-китайского управления КВЖД, когда часть проживавших в Маньчжурии эмигрантов приняли советское гражданство. Исследовательница показывает, что очень многие из них были «редискаами» – «красные снаружи, белые внут-

ри»⁴⁸. Очень любопытны нарисованные автором картины того, как эмигрантский быт влиял и на советских людей, командированных в Харбин: они «обуржуазились», «сменили гардероб, завели прислугу, детей стали обучать музыке и иностранным языкам, а свободное время проводить в кабаре, слушая джаз и танцуя фокстрот... Жены советских чиновников тайком водили детей в церковь («вернемся домой, там уж этого не будет»), святтили на Пасху куличи, а на Радоницу посещали кладбище»⁴⁹.

Важная и весьма дискуссионная проблема – ситуация в православной церкви в эмиграции. Бесспорно, она особенно актуализировалась в связи с успешно закончившимися переговорами об объединении церквей. Поэтому интерес вызывает, например, статья Н.Т. Энеевой, посвященная положению Русской Православной Церкви в отделившихся от бывшей Российской империи государствах в 1918–1922 гг. По словам исследовательницы, документы являются свидетелями «героической и, как тогда многим могло казаться, неблагодарной борьбы русских иерархов и клириков за единство Русской Церкви, за духовное единство русской паствы... Документы свидетельствуют о соработничестве клириков и мирян Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Русской Церкви в изгнании в существенных вопросах, касающихся бытия Церкви и русской духовной общности»⁵⁰. Таким образом, автор подчеркивает, что в период Гражданской войны многие священнослужители и верующие, принадлежащие в двум «ветвям» Русского православия, успешно работали вместе на благо Церкви.

Вместе с тем, характеризуя изучение истории Российского зарубежья в период его расцвета, стоит отметить, что некоторые темы, поднимаемые в современной литературе, отражают духовную атмосферу в нынешнем российском обществе, интерес к сенсационным, разоблачительным материалам, «жареным» фактам. Среди них, например, вопрос о судьбе «царского золота», ставшего «золотом Колчака». Однако и здесь появляются серьезные исследования, опирающиеся на материалы из зарубежных архивов. Так, в последнее десятилетие эту проблему активно исследует О.В. Будницкий, которому удалось установить судьбу золотого запаса Российской империи после революции 1917 г.⁵¹

Российские эмигранты и Вторая мировая война

Эта тема, бесспорно, относится к числу наиболее «острых». Еще во времена «перестройки» одной из тех фигур, с которых начались ожесточенные дискуссии (сначала – на страницах «толстых» журналов «Новый мир» и «Наш современник», затем – в исследовательской литературе) был известный ученый Н.В. Тимофеев-Ресовский, ставший прототипом главного героя романа Д. Гранина «Зубр». В современной историографии была сделана попытка как бы

подвести итог дискуссиям, опираясь на недавно рассекреченные документы, которые были недоступны исследователям конца 1980-х гг.⁵².

Проблема политического выбора, который вынуждены были делать российские эмигранты в годы Второй мировой войны, продолжает оставаться одной из самых тяжелых тем для исследования. Неслучайно, известный специалист по истории Российского военного зарубежья В.И. Голдин так и назвал свою книгу – «Роковой выбор»⁵³. Большое внимание автор уделил политической позиции, занятой лидерами военной эмиграции, руководством РОВС в период «Зимней войны» и в годы Великой Отечественной войны, рассказал об истории Русского Корпуса в Сербии, деятельности эмигрантских казачьих формирований в рядах Вермахта и т. д. Как подчеркивает В.И. Голдин, «выбор, сделанный в пользу сотрудничества с фашистской Германией, не просто обрекал русских эмигрантов на незавидную роль наемников, выполнявших чужую волю, но своими действиями они фактически помогали врагу, стремившемуся уничтожить русскую государственность, рассматривавшему славян как низшую расу, недочеловеков, которым было уготовано массовое уничтожение и роль рабов в Третьем рейхе»⁵⁴.

Любопытно, однако, что в современной историографии предпринимаются и попытки как-то объяснить причины выбора, сделанного теми эмигрантами, которые пошли на союз с державами «оси». Для этого исследователи приводят самые различные мотивы. Так, например, С.С. Балмасов доказывает, что необходимо помнить о факторе воинского долга: эмигранты, верно служившие японцам в годы Второй мировой войны, «сохранили честь русских на японской службе, показав, что далеко не все из них в трудную минуту готовы предать своих командиров»⁵⁵. Что же касается тех старых белых офицеров, которые воевали во Второй мировой войне на стороне Германии, то известный современный исследователь данной проблемы Ю.С. Цурганов отмечает: «Некоторые российские военные в эмиграции могли находить психологические возможности примирения с Германией, тем более, что участие в Первой мировой войне привело к революции и ее саму. Подчеркнуто прохладное отношение Гитлера к экс-императору Вильгельму II было хорошо известно. В любом случае белогвардейцам предстояло иметь дело не с кайзеровским правительством»⁵⁶.

В то же время хорошо известно, что далеко не все лидеры военной эмиграции пошли на сотрудничество с нацистской Германией и Японией. Среди тех фигур, деятельность которых находит положительную оценку практически во всех современных исследованиях, выделяется А.И. Деникин. Он предстает как русский патриот, который в годы Второй мировой войны неоднократно заявлял о своей любви к России и необходимости разгрома нацизма⁵⁷.

Весьма противоречивым был и политический выбор, сделанный в годы Второй мировой войны казачеством. В литературе можно встретить весьма высокие оценки опыта боевого применения казачьих частей, воевавших на стороне нацистской Германии. Любопытной представляется позиция П. Крикунова, который доказывает, что «именно казахи части благодаря своему

высокому моральному духу, надежности и боеспособности пользовались практически безграничным доверием немецкого командования и занимали не последнее место в системе Германских вооруженных сил»⁵⁸. Особое место среди казачьих лидеров занимала фигура П.Н. Краснова. Объясняя сделанный им в годы Второй мировой войны выбор, О.Г. Гончаренко заявляет, что генерал «был и оставался принципиальным и последовательным германофилом, искренним врагом еврейства и большевизма»⁵⁹.

Исследователи обращаются и к позиции, занятой в годы войны политической элитой «первой» волны эмиграции⁶⁰. Сохраняется довольно критическое отношение к такому неоднозначному политику, как А.Ф. Керенский. Так, характеризуя основные вехи его жизни, Н.В. Четвертков указывает, что «нападение фашистской Германии на Советский Союз Керенский приветствовал, надеясь, что война приведет к уничтожению большевистского режима». Однако, «когда фашисты начали создавать концлагеря, проводить массовое уничтожение людей и вывозить в Германию с занятых советских территорий все, что можно, Керенский осознал, что на роль «спасителя России» Гитлер никак не подходит»⁶¹.

Среди наиболее значительных научных форумов последних лет, где проблема «Российское зарубежье и Вторая мировая война» рассматривалась особенно основательно, на наш взгляд, важное место занимает международная конференция «Нансеновские чтения 2009», которая прошла в Санкт-Петербурге. Конференция еще раз показала, что невозможно говорить о некоей единой позиции Российского зарубежья в условиях этого глобального конфликта. Достаточно полно была представлена тема российского коллаборационизма. В частности, в докладе З.С. Бочаровой была проанализирована позиция лидеров военной эмиграции в начальный период войны. Исследовательница справедливо отмечает, что «общее поле для взаимного интереса и сотрудничества эмиграции с Берлином, по мнению лидеров РОВС, составляла ненависть к коммунизму и борьба с большевизмом»⁶². Именно Германию считала военная эмиграция своим главным союзником в борьбе против большевизма и Коминтерна. Однако, З.С. Бочарова убедительно показывает, что российская эмиграция «была исключена из геополитических планов Гитлера. Настроения лидеров РОВС прошли эволюцию от уважения к германским властям до заискивания, от намерения стать субъектом в русской политике до самоощущения марионетки. В результате они испытали разочарование и безысходность в решении «русского вопроса», все острее осознавая отсутствие перспективы и неизбежность краха эмигрантского бытия»⁶³.

Среди авторов, чьи доклады были посвящены этому вопросу, особое место, бесспорно, занимает петербургский исследователь К.М. Александров, много лет занимающийся историей армии генерала А.А. Власова⁶⁴. Незадолго до конференции он выпустил 2-е, существенно дополненное издание своего труда, посвященного офицерам власовской армии⁶⁵. К.М. Александров в своих трудах стремится обосновать тезис о том, что «навязанные более полувека назад и господствующие до сих пор примитивные оценки не позволяют уви-

деть ни трагедии частных лиц, ни трагедии целого народа, десятилетия существовавшего в условиях гражданской войны, искусственно привнесенной в российское общество в 1917 г. ленинской партией»⁶⁶. Историк доказывает закономерность возникновения такого явления, как РОА, тесную связь его с репрессивной политикой советского государства в 1917–1940 гг. Именно К.М. Александров, член НТС с 1989 г., был автором посвященного Второй мировой войне раздела в уже упомянутом нами обобщающем труде «Две России», вышедшем под редакцией Б.С. Пушкарева. В этой работе, пародировав усилия властей новой России по поиску официальной идеологии, петербургский историк стремится доказать, что «реальное «согласие и примирение» между участниками Гражданской войны на красной и на белой стороне состоялось в рядах армии Власова»⁶⁷.

В целом же история власовской армии по-прежнему вызывает ожесточенные дискуссии. После того, как в первой половине 1990-х гг. делались попытки пересмотреть отношение к генералу Власову и его армии, в последнее десятилетие вновь стали доминировать работы, содержащие исключительно негативную оценку этого явления. Труды К.М. Александрова, основанные на огромном архивном материале, неоднократно подвергались критике на страницах «Военно-исторического журнала» и других изданий.

На «Нансеновских чтениях 2009» доклад К.М. Александрова был посвящен судьбам офицеров армии Власова в послевоенной эмиграции. Указывая, что принудительных выдач контрразведке СМЕРШ и советским репатриационным органам удалось избежать более 20 тыс. служивших в армии Власова, он при этом отмечает тот факт, что они «были лишены харизматических лидеров в лице генералов и авторитетных старших офицеров»⁶⁸. Это обстоятельство, наряду с идеологическими разногласиями, и обусловило многочисленные конфликты внутри власовских организаций. Вместе с тем, анализируя послевоенные судьбы офицеров власовской армии А.Г. Нерянина, М.В. Шатова, В.В. Позднякова, Р.С. Сидельникова, К.М. Александров подчеркивает: «Несмотря на сверхсложные послевоенные обстоятельства, никто из них не ушел в частный быт и не канул в эмигрантское безвременье, отказавшись от собственного выбора. До последних лет жизни эти люди продолжали занимать активную позицию, сопряженную с определенными рисками, неустанно занимались общественно-политической или культурной деятельностью»⁶⁹.

На конференции прозвучала и тема участия проживавших в Бельгии русских эмигрантов (в том числе членов монархической организации «Российский имперский союз-орден») в боевых действиях в составе дивизии СС «Валлония», которая освещается и в ряде других современных публикаций⁷⁰. Одной из основательных работ по этой тематике является, например, статья С.А. Манькова, где отмечается, что часть эмигрантов по рекомендации лидера бельгийских нацистов Л. Дегрелля была даже привлечена к участию в диверсионной деятельности. После встречи в январе 1945 г. известного русского монархиста Н.И. Сахновского с знаменитым О. Скорцени началось создание специального диверсионного подразделения при СД, которое, однако, не успело провести какие-либо серьезные акции⁷¹.

Как показали материалы «Нансеновских чтений 2009», иллюзии относительно идеологических принципов держав «Оси» разделялись в годы Второй мировой войны частью русских эмигрантов, которые проживали не только в Европе и Азии, но и на других континентах. Как показывает исследование Г.И. Каневской, феномен русского фашизма существовал и в далекой Австралии. Используя документы из австралийских архивов, исследовательница убедительно показывает, что в реальности русские фашисты Брисбена «не были настоящими фашистами и плохо разбирались в сущности этого движения». Их ошибка состояла в том, что они «попросту не понимали, что Гитлер и его приспешники считали представителей славянской «расы» недочеловеками и не собирались спонсировать русский национализм или государственность в каком бы то ни было виде»⁷². Однако, австралийские власти, конечно, не стали разбираться в содержании идеологических воззрений этой группы эмигрантов, а просто арестовали их в 1942 г. и отправили в лагерь, где те находились до конца войны вместе с иммигрантами из стран, воевавших против Содружества наций.

Очень интересный и в чем-то даже провокационный вопрос поставил уже в названии своего доклада М.Г. Шендерюк: «Совпатриоты и коллаборанты: возможен ли знак равенства?». Исследователь подчеркивает: сами эмигранты указывали на тот факт, что во Франции многие из «советских патриотов» послевоенной поры – это бывшие коллаборационисты времен нацистской оккупации Парижа в 1940–1944 гг. Очень многое зависело от психологии человека, его нравственных качеств. На наш взгляд, М.Г. Шендерюк очень точно указывает на причины того, почему совпатриоты и коллаборанты многими эмигрантами оценивались аналогично: «После окончания Второй мировой войны Зарубежная Россия... распадалась под натиском переломных политических изменений на карте Европы, неизбежных ассимиляционных процессов, вливая в ряды старых эмигрантов значительные массы чуждых им по духу представителей второй волны эмиграции. В этих условиях русские эмигранты, стремясь сохранить “чистоту рядов”, всячески старались отмежеваться как от истинных или мнимых коллаборантов, запятнавших себя сотрудничеством с немцами, которых открыто обвиняли в предательстве и лишали помощи из США, так и от совпатриотов, многие из которых вернулись на Родину. Нередко мемуаристами двигало и желание (осознанное или скрытое) свести старые счеты».

Вместе с тем, сам исследователь обоснованно полагает, что в современной исследовательской литературе к этому вопросу необходимо подходить взвешенно, без навешивания ярлыков: «Если негативное отношение мемуаристов-эмигрантов к совпатриотам вполне объяснимо, то современный отечественный исследователь истории русского зарубежья не может его разделять. Судьбы вернувшихся на родину совпатриотов складывались по-разному, порой трагически, но это нисколько не умаляет значение волны русского патриотизма, вовлекшей в антифашистскую борьбу тысячи людей»⁷³.

Бесспорно, проблема политического выбора, сделанного эмигрантами в годы войны, относится к числу чрезвычайно важных. Однако, для многих эмигрантов самым актуальным оставался вопрос физического выживания, который в годы войны еще более обострился. Поэтому позитивным моментом является обращение исследователей к теме эмигрантской повседневности в годы войны, которая, как мы уже отмечали, находится в русле современных методологических тенденций. Среди любопытных исследований по данной проблеме можно выделить, например, статью И.К. Капран, где анализируется ситуация в Харбине⁷⁴. Автор пользовалась преимущественно материалами Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), которые хранятся в фондах Государственного архива Хабаровского края.

Следует отметить, что тема «Российское зарубежье и Вторая мировая война» привлекает внимание не только отечественных, но и западных историков. Иностранные исследователи также обращаются к теме политического выбора, сделанного российскими эмигрантами в годы Второй мировой войны. Так, например, анализ этой проблемы на материалах Словакии выполнен Л. Гарбулевой⁷⁵. Она показывает, что ряд эмигрантских объединений (НТС, Казацье национально-освободительное движение в Словакии и др.) в годы войны стояли на прогерманских позициях, пытались организовать сбор средств на антибольшевистскую пропаганду на русском языке на словацком радио, были готовы мобилизовать своих членов для борьбы против Советского Союза.

Таким образом, военные годы, расколовшие Российское зарубежье, по-прежнему являются одной из самых тяжелых тем для исследователей. Думается, дискуссии вокруг проблемы политического выбора, сделанного эмигрантами в условиях того глобального конфликта, утихнут еще не скоро. Если утихнут когда-либо вообще...

«Вторая волна» эмиграции из СССР и состояние российской диаспоры в середине 1940-х – 1960-е гг.

Привлекая большой комплекс новых источников, исследователи в последнее десятилетие обратились и к изучению различных проблем послевоенной истории российской диаспоры. Бесспорно, этот период освещен в историографии значительно менее основательно, чем эпоха расцвета Российского зарубежья 1920–1930-х гг. Тем не менее, и здесь появляются интересные исследования, основанные на обширном архивном материале. Так, проблема взаимоотношений лидеров белой эмиграции с Советской властью в первые годы после окончания Второй мировой войны анализируется, в частности, в работах О.В. Будницкого⁷⁶. Современные исследователи показывают сложность той ситуации политического выбора, в которой оказались вожди после-

военной российской диаспоры, когда наряду с антикоммунистическими настроениями было сильно стремление к достижению компромисса между эмиграцией и руководством СССР, усилившееся после того, как наша страна внесла решающий вклад в победу над нацизмом.

Далеко не однозначно оценивается в современной отечественной историографии «вторая волна» эмиграции из СССР. Она всегда оставалась как бы «на периферии» исследовательского интереса, «в тени» ярких имен эмигрантов «первой» послереволюционной волны. Однако только ли дело в «яркости» имен, степени общественной известности представителей политической и культурной элиты каждой из волн? На одну из причин того, почему о «второй» волне написано существенно меньше, чем о «первой», верно, на наш взгляд, указал известный исследователь А.В. Попов. Сам много сделавший для того, чтобы видные представители «второй волны» стали известны широкому кругу читателей, он отмечает, что одной из проблем при изучении «второй волны» является «роль и значение иностранных спецслужб в деятельности этой эмиграции, ее использование правительствами иностранных государств в деле борьбы с СССР, работа советской агентуры против и внутри таких организаций»⁷⁷. Действительно, без привлечения материалов Центрального архива ФСБ, Архива Службы внешней разведки и т. д. многие вопросы этой темы осветить очень трудно.

Характеризуя источники формирования «второй» волны эмиграции из Советского Союза, историки обычно выделяют несколько основных групп: военнопленные Красной Армии, «остарбайтеры», коллаборационисты и др. Особенно большой вклад в осмысление этой проблемы, бесспорно, внес известный демограф П.М. Полян⁷⁸. Однако, возникает вопрос: что объединяло указанные выше разнородные группы людей, можно ли говорить о «второй» волне эмиграции как некоей единой общности? В академической среде достаточно распространенным является тезис о сильной разобщенности деятелей этой волны, их взаимном недоверии друг к другу⁷⁹. Думается, не вполне справедливо подчеркивать в данном случае специфику «второй» волны: не следует забывать о феномене власовских организаций, которые спланировали значительную часть эмигрантов, принадлежавших к этой волне.

Однако в последние 10–15 лет у читателей в нашей стране появилась возможность услышать и мнение самих представителей «второй» волны эмиграции. Во многом благодаря усилиям упомянутого выше историка А.В. Попова в России вышли работы Н.А. Троицкого, протоиерея Димитрия Константинова и др., где содержится взгляд на армию генерала А.А. Власова и «вторую» волну эмиграции из СССР как на «мощное народное оппозиционное движение», противостоявшее большевистскому режиму⁸⁰. Появились и публикации, посвященные отдельным политикам из числа эмигрантов «второй волны»⁸¹.

Вместе с тем, не вполне корректно судить о «второй» волне эмиграции из СССР только на основании произведений, написанных представителями ее политической элиты. В таком случае «за кадром» остаются десятки и сотни

тысяч рядовых эмигрантов, которые зачастую были гораздо менее политизированы. Эту проблему во многом позволяет решить сборник воспоминаний «Судьбы поколения 1920–1930-х гг. в эмиграции», редактором-составителем которого выступила известная представительница современной российской диаспоры в США Л.С. Флам-Оболенская⁸². Характерно, что он был выпущен московским издательством «Русский путь», связанным с Домом Русского Зарубежья, с которым активно контактирует Л.С. Флам-Оболенская. Сборник позволяет иначе взглянуть на очень важную проблему взаимоотношений между эмигрантами «первой» и «второй» волн эмиграции. В предисловии к данному изданию Л.С. Флам указывает: «Когда окончилась война, в лагерях для перемещенных лиц, в русских начальных школах и гимназиях, возникших в оккупированных западными союзниками частях Германии и Австрии, при церквях, в студенческих группах и скаутских лагерях произошло немедленное и естественное сближение рожденных на Западе и выехавших из Советского Союза. И если среди старшего поколения ощущалось подчас деление на старых и новых эмигрантов, то мы, молодежь, сразу же органически слились»⁸³.

Среди наиболее основательных исследований последних лет, на наш взгляд, можно выделить работу Т.И. Ульяновской, которая много лет занимается историей жизни в эмиграции русских ученых. В новом ее сочинении⁸⁴ рассказывается о судьбах представителей российской научной эмиграции в 1940–1950-е гг., деятельности советских репатриационных комиссий, усилиях российских эмигрантских организаций в США и Европе по спасению и защите соотечественников. Издание богато иллюстрировано редкими фотографиями, снабжено биографическим словарем и объемной публикацией личной переписки эмигрантов. Следует отметить, что автор провела большую работу в архивах США, в том числе в тех, где до нее исследователи почти не работали – в Архиве Русской академической группы в США (находящемся в доме вице-президента группы профессора Е.Г. Магеровского в штате Нью-Джерси, скончавшегося в 2009 г.), в Архиве Толстовского Фонда в штате Нью-Йорк и др.

В сфере интереса отечественных исследователей остается и политическая история послевоенной российской диаспоры. Безусловно, этот сюжет уже не столь явно, как раньше, доминирует в литературе. Классик советского эмигрантоведения Л.К. Шкаренков одним из первых заявил о необходимости ликвидации этого дисбаланса, заметив: «Теперь мы знаем, что, конечно, история эмиграции – это не только политическая борьба, она только часть этой истории»⁸⁵. Важной вехой в изучении этой темы стал выход в свет энциклопедического справочника А.В. Огорокова, где были кратко охарактеризованы все основные политические объединения Российского зарубежья⁸⁶. Крупным специалистом по истории издательского дела российской эмиграции, в том числе и ее политических организаций, является П.Н. Базанов, активно использующий документы из американских архивов и редко привлекаемые исследователями материалы Архива Управления ФСБ по Ленинградской области⁸⁷.

По-прежнему значительное внимание историков привлекает НТС. Особенно большой вклад в исследование истории НТС внес Д.Ю. Алексеев. Его работы⁸⁸, содержащие позитивную оценку деятельности солидаристов, написаны на основе большого комплекса источников, в том числе личной переписки автора с деятелями НТС. В рамках этой же концепции написано и очередное издание краткого курса истории НТС, созданного самими солидаристами⁸⁹. Следует отметить и публикации, посвященные пропагандистской деятельности, которую вел НТС среди советских граждан в эпоху «холодной войны». Их авторами являются известные деятели Союза, публицисты «Посева» Б.С. Пушкарев, В.Э. Долинин и др.⁹⁰. В целом, следует отметить, что на страницах «Посева» регулярно публикуются материалы по истории НТС, которые нацелены на формирование позитивного образа Союза как ведущей антикоммунистической эмигрантской силы эпохи «холодной войны». Редакция «Посева» постоянно полемизирует с основными тезисами советской историографии, стремится подчеркнуть, что никогда сотрудничество НТС с иностранными силами (нацистская Германия, США эпохи «холодной войны») не было беспринципным. Настойчиво доказывается утверждение, что деятельность Союза всегда была продиктована национальными интересами России.

Вместе с тем, далеко не все исследователи согласны с положительной трактовкой образа НТС. Против идеализации его деятельности выступает Г.Я. Тарле, отмечающая: «Трудно согласиться с попытками обелить тех, кто звал бывших советских военнопленных... повернуть оружие против Красной Армии и помочь гитлеровской Германии разгромить ее»⁹¹. Многие другие авторы также подчеркивают, что и в годы «холодной войны» сильная зависимость НТС от финансовой помощи со стороны ЦРУ не позволяет говорить о Союзе как о самостоятельной антикоммунистической силе. В целом, на наш взгляд, традиционная для советской историографии трактовка образа НТС не подверглась кардинальной трансформации в современной литературе.

История НТС, естественно, тесно связана с весьма важной проблемой – вопросом о позиции США по отношению к организациям эмигрантов из Советского Союза в условиях «холодной» войны. Так, например, П.Н. Базанов указывает, что в закрытых источниках тех лет, например, в совершенно секретной директиве Совета Национальной безопасности США СНБ 20/1 «Цели США в отношении России», знаменитом плане «Дропшот» и т. д. не последнее место отводилось «использованию русскоязычной эмиграции». Именно в этих документах уже применялись термины «диссидент» и «психологическая война»⁹². Повествуя о судьбе Мюнхенского института, все повороты которой в значительной мере определялись «подъемами» и «спадами» «холодной войны», А.В. Попов указывает: «К середине 1950-х гг. полностью возобладала и победила тенденция – курс на национальное раздробление России. Американское правительство и учреждения, курирующие эмигрантские организации, стали поддерживать и финансировать только те организации, которые отвечали задачам курса, направленного на расчленение России, и не проявляли излишней самостоятельности»⁹³.

Среди тех проблем, которые еще требуют дополнительного изучения, важное место занимает вопрос о воздействии эмиграции на советское общество. Очень интересное исследование этого вопроса было предпринято А.Б. Горяниным. Он подчеркивает: «Эмиграция влияла на «советских людей» даже в самые глухие годы – в 30-е, 40-е и 50-е. Очень многое уцелело, произошло и состоялось благодаря эмиграции – просто потому, что закупоренная субмарина СССР протекала тысячами дыр отнюдь не только на закате советской власти». Исследователь отмечает, что и в самые страшные 1930-е гг. «множество людей продолжали переписываться и даже получать посылки, как они привыкли это делать в 1920-е гг.». В работе А.Б. Горянина рассказано о том, как из произведений советских писателей и журналистов, из выпущенных в Советском Союзе в годы хрущевской «оттепели» мемуаров Л.Д. Любимова и других эмигрантов советские люди получали информацию о феномене Русского зарубежья. Исследователь осознает, что данный вопрос связан с тем, как мы оцениваем и само советское общество, насколько закрытым оно было: «Те, кто говорят о невозможности влияния эмиграции на метрополию в тридцатилетие между 1930 и 1960 годами, по умолчанию исходят из того, что общество в СССР было в этот период контуженным и обездвиженным, а страна в целом – большой серой дырой. Но это полностью неверно. Миллионы (не тысячи, а миллионы) людей сомневались и недоумевали, размышляли и делали выводы, жадно ловили информацию и признаки перемен»⁹⁴.

Другая сторона проблемы контактов между «двумя Россиями» – это вопрос о сотрудничестве эмиграции с Советским Союзом, его официальными структурами. Тем более, что, как отмечает М.Н. Мосейкина, регулярные контакты со страной-донором имеют большое значение для нормального функционирования диаспоры: «Связь с Родиной играет важную роль в процессе культурного облика и национальной идентичности эмигрантского сообщества, и, наоборот, изоляция от родины редко создает устойчивые и полнокровные диаспоры»⁹⁵. Об этом же пишет и Т.П. Тетеревлева, также указывающая на то, что связи эмигрантов с Советским Союзом «особенно важны в свете предпринимающихся в современной отечественной историографии усилий по целостному теоретическому осмыслению русского зарубежья как диаспоры»⁹⁶.

Обращаются к теме истории Российского зарубежья в конце 1940-х – 1960-е гг. и иностранные авторы. После распада СССР внимание западных исследователей к проблемам истории российской эмиграции сохранилось, хотя, возможно, и несколько снизилось, в силу того, что данная тема перешла из сферы реальной политики в круг сюжетов, имеющих прежде всего академический интерес. Продолжается изучение судеб эмигрантов первой после революционной волны после окончания Второй мировой войны⁹⁷. Не обходится без внимания иностранных авторов и проблема репатриации, которая проводилась Советским Союзом после войны⁹⁸. Как и у российских авторов, немалый интерес у современных западных специалистов вызывает политическая история российской эмиграции. В первую очередь здесь нужно упомянуть работы А. Либиха⁹⁹, посвященные комплексному исследованию эмигрантского меньшевизма и основанные на материалах американских, британских, ни-

дерландских и российских архивов, в том числе архива ФБР, личных бесед автора с известным меньшевиком Б.М. Сапиром, вдовой Б.И. Николаевского А. Бургиной и другими участниками событий. Монография А. Либиха, безусловно, стала событием в историографии 1990-х гг.

Как и отечественные авторы, западные историки далеко не однозначно характеризуют НТС. Показательно, что известный американский исследователь У. Лакер уделяет НТС раздел в своей монографии, посвященной русскому фашизму¹⁰⁰. Таким образом, подводя итог анализу современной исследовательской литературы по истории российской эмиграции после Второй мировой войны, можно констатировать накопление историками большого фактического материала, характеризующего различные аспекты темы. Вместе с тем, необходимо указать на отсутствие обобщающих исследований, специально посвященных идейно-политическим позициям российских эмигрантов в противостоянии Востока и Запада. К сожалению, мы все еще очень мало знаем о материально-бытовых условиях жизни российских эмигрантов после Второй мировой войны, а ведь этот фактор оказывал существенное влияние на морально-психологическое состояние зарубежных россиян, их отношение к событиям международной жизни тех лет. Российская эмиграция фактически оказалась в те годы «между Востоком и Западом», вынуждена была вновь делать нелегкий выбор. Поэтому осмысление позиций российских эмигрантов в глобальном противостоянии эпохи «холодной войны», на наш взгляд, требует обращения к теме восприятия ими как эволюции советского государства и общества в данный период, так и ситуации, которая складывалась внутри «свободного мира». Не следует забывать, что одним из ключевых «фронтов» «холодной войны» было духовное противостояние Востока и Запада. Мог ли Запад, с точки зрения российских эмигрантов, в середине XX в. предложить перспективную модель развития общества, которая была бы более привлекательной, чем тот путь, по которому шел Советский Союз? Все поставленные здесь автором проблемы, бесспорно, очень важны, между тем, эти сюжеты пока весьма фрагментарно освещаются в историографии. Еще в начале 1990-х гг. В.С. Лельчук и Е.И. Пивовар поставили вопрос о пропагандистском обеспечении «холодной войны» в СССР и менталитете советского общества той эпохи¹⁰¹. На наш взгляд, необходимо исследовать эти явления и на материалах российских эмигрантских сообществ в различных странах мира. При этом следует учитывать, что противостояние Востока и Запада в эту эпоху носило поистине глобальный характер, а значит, необходим комплексный анализ восприятия российскими эмигрантами того, как развивалась «холодная война».

«Третья» волна эмиграции из Советского Союза и современная российская диаспора

Значительно слабее, на наш взгляд, в современной историографии представлена «третья» волна эмиграции из СССР. Пока можно говорить преимущест-

венно об исследованиях, посвященных отдельным сюжетам, персоналиям, связанным с этой эмиграционной волной.

В чем причины такой ситуации? Во многом, очевидно, это обусловлено составом этой волны эмиграции, значительной долей советской еврейской интеллигенции. Характерна, по нашему мнению, трактовка «третьей» волны в уже упомянутом обобщающем труде «Две России», вышедшем под редакцией Б.С. Пушкарева. Его авторы в значительной степени разделяют позицию многих представителей «первой» и «второй» волн эмиграции из Советского Союза, весьма критически относящихся к «третьей» волне. По их мнению, «третья волна» – это «преимущественно иммигранты в Израиль, в Германию, в США; с русской политической эмиграцией они имели мало общего»¹⁰².

Среди работ, посвященных этой волне, выделяется статья Г.Я. Тарле, написанная на основе личной переписки семьи «рядовых» эмигрантов. К сожалению, работы такого плана по истории «третьей» волны пока еще весьма редки, между тем, именно такой вид источников, как личные письма, позволяют глубже понять психологию эмигрантов тех лет, их внутренний мир, настроения. Сама исследовательница хорошо понимала значение обращения именно к этим источникам, указывая: «История эмиграции из СССР–России, возможно, особенно слабо отражена в сохранившейся переписке 1960-х – начале 1990-х гг. по причине существовавших долгое время ограничительных мер в стране. После того, как эти меры перестали, казалось бы, мешать свободной почтовой связи, возникли новые обстоятельства, обусловленные развитием технического прогресса в мире коммуникаций. Между тем переписка – по почте и «с оказией» в 1970-е – начале 1990-х гг. имела огромное значение для тысяч и даже миллионов людей»¹⁰³. Очень важно и то, что Г.Я. Тарле сосредоточила свое внимание не на личностях широко известных представителей политической и культурной элиты эмиграции «третьей» волны, а обратилась к судьбе «обычной» семьи Яриновских, уехавших из Ленинграда в Западный Берлин в начале 1980-х гг.

Важнейшим явлением в истории «третьей волны» эмиграции из Советского Союза стал массовый выезд из страны еврейской интеллигенции. Проблема периодизации истории еврейской эмиграции из Советского Союза, характеристике ее основных этапов посвящен труд такого исследователя, как В.В. Энгель. В нем охарактеризован, в частности, процесс возникновения знаменитого района Брайтон-Бич, который, по замечанию автора, создала «многочисленная группа, в основном из числа людей, не имевших высшего образования, преимущественно выходцы из Одессы, частично Молдавии и Черновиц». Эта группа «предпочитала создать свою собственную социальную среду, отгороженную наподобие гетто от остальной Америки»¹⁰⁴.

Особый интерес вызывает характеристика автором влияния эволюции американской иммиграционной политики на приезд советских граждан в США в период «перестройки». На наш взгляд, В.В. Энгель совершенно справедливо отмечает: «Запад, стоило СССР открыть свои границы в конце 1980-х гг., поспешил закрыться от иммиграционного потока с Востока»¹⁰⁵.

Весьма любопытен рассказ автора о ситуации внутри русскоязычной общности в США в 1990-е гг., о попытках ее лидеров проникнуть в руководящие органы еврейских организаций США. Пытаясь понять причину широкой распространенности среди русскоязычных американцев антироссийских настроений, В.В. Энгель, думается, весьма обоснованно отмечает: «Любой иммигрант время от времени задает себе вопрос о том, правильно ли он сделал, пустившись в эмигрантское плавание, начав жизнь заново на чужбине. И, как правило, отрицательный ответ на этот вопрос приравнивается в признании самого себя неудачником. Поэтому многие предпочитают собственную выдумку и сплетни, распространяемые местными СМИ, объективным наблюдениям и фактам... Иммигранты, руководствовавшиеся прежде всего экономическими мотивами при принятии решения о новом месте жительства за рубежом, стремятся обрести хотя бы видимость политической и моральной мотивации своего поступка»¹⁰⁶.

Какова же судьба российской эмиграции в современном мире, каковы перспективы ее развития? На этот вопрос попытались ответить авторы труда «Две России». Результатом их раздумий стал довольно грустный, но весьма реалистичный вывод: «Когда советская власть исчезла – исчезла и необходимость противостояния ей: политическая эмиграция стала не нужна. Несколько эмигрантских журналов и ряд деятелей переехали в Россию, но для большинства инерция местоположения оказалась сильнее символики возвращения. Все же в условиях открытых границ начала воссоединяться русская культура зарубежья и страны... Едва ли эту новую «Зарубежную Русь» можно считать чем-то цельным. Слишком велика разница между русскими в Крыму, русскими немцами из Казахстана в Германии, внуками белых эмигрантов в Париже и евреями из Кишинева в Лос-Анджелесе»¹⁰⁷.

Даже в том случае, если Зарубежная Россия стала Атлантидой, канувшей в небытие, ее история, думается, еще очень долго будет привлекать внимание исследователей. Слишком уж противоречивым было это явление, вместившее в себя пламенную любовь к покинутой Родине и готовность призвать врагов на ее землю, блеск культурной элиты Русского Парижа и отчаянную нищету жизни многих его жителей, ожесточенные споры о будущем России и плачи по погибшей Империи... Очевидно, что назрела необходимость гораздо более основательного изучения феномена «третьей волны» эмиграции из Советского Союза. Важно, чтобы «из-за спин» виднейших представителей ее культурной и политической элиты, о деятельности которых написано уже немало, встали бы десятки и сотни тысяч «рядовых» советских людей, по самым разным причинам уехавших из страны в конце 1960-х – начале 1980-х гг. Чрезвычайно интересной, однако, вместе с тем, и весьма сложной задачей является анализ современного состояния российской диаспоры. В прессе уже говорится о «пятой» волне российской эмиграции, но еще не был проведен комплексный анализ причин и масштабов этого явления. Так или иначе, дис-

куссии вокруг феномена Российского зарубежья, наверно, не утихнут никогда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Булдаков В.П.* Рец. на: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы / Под ред. А.Ф. Киселева. – М., 1999 // Отечественная история. 2001. № 6. С. 165.

² <http://www.bfrz.ru>

³ Новый журнал. Нью-Йорк, 2007. Кн.248. С. 8.

⁴ См.: «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3-х т. Т. 1. Август 1919 – сентябрь 1921 / Под ред. О. Будницкого. – М., 2001 и др.

⁵ См.: Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е гг.): Сб.док-тов и мат-лов /Сост. З.С. Бочарова. – М., 2004.

⁶ Там же. С. 54.

⁷ См.: Российский Зарубежный Съезд 1926 г. Париж. Документы и материалы. – М., 2006.

⁸ Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной делегации РСДРП. 1922–1951 гг. Ч. 1–2 / Отв.ред. А. Либих, А. Ненароков. – М., 2010.

⁹ См.: Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окорочков. – М., 2001. С. 107–108.

¹⁰ *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). – СПб., 2008. С. 9.

¹¹ См.: *Тарле Г.Я.* История русского зарубежья: некоторые понятия и основные этапы // Проблемы изучения истории российского зарубежья. – М., 1993. С. 14–15.

¹² См.: *Попов А.В.* Русское Зарубежье и архивы. – М., 1998.

¹³ *Он же.* Российское православное зарубежье: история и источники. – М., 2005; Российское православие за рубежом: библиографический указатель литературы и источников: 1918–2006 гг. / Автор-составитель А.В. Попов. – М., 2007.

¹⁴ См.: *Цепилова В.И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004). Екатеринбург, 2005; *Она же.* Российская эмиграция и 100-летие выступления декабристов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 159–166; *Она же.* Некоторые проблемы изучения исторической мысли русского зарубежья 1920–1930-х гг. // Вопросы истории. 2007. № 1.

¹⁵ См.: *Главацкий М.Е.* «Философский пароход»: год 1922. Историографические этюды. Екатеринбург, 2002.

¹⁶ См.: *Гросул В.Я.* Международные связи российской политической эмиграции во второй половине XIX в. – М., 2001; *Он же.* Русское зарубежье в первой половине XIX в. – М., 2008.

¹⁷ См.: *Савченко А.И.* Пресса российской политической эмиграции в конце XIX – начале XX в.: Автореф.дис...д-ра ист.наук. – М., 1998; *Куприн Д.Л.* Эмиграция из России в конце XIX – начале XX в.: Дис...канд.ист.наук. – М., 2000 и др.

¹⁸ См.: *Битюков К.О.* Российская иммиграция в США до Первой мировой войны: Дис... канд.ист.наук. – СПб., 1996; *Тудоряну Н.Л.* Русские на Гавайях в начале XX в. – Кишинев, 2000; *Чернявский С.И.* История русского православия в Швейцарии (1817–1917). – М., 2000; *Любина Г.И.* Русская научная эмиграция XIX в. в Париже // Вопросы естествознания и техники. 2002. № 2. С. 281–299; *Левошко С.С.* Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX в. – Хабаровск, 2003; *Кужушкин В.Е.* Славянская трудовая эмиграция из Российской империи в Канаду в начале XX в. // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 126–139; *Хисамудинов А.А.* Деятельность обществ американцев русского происхождения на тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. 1867–1980-е гг.: Автореф. дис...д-ра ист.наук. – М., 2004; *Путятова Э.Г.* Российские эмигранты в Аргентине (конец XIX – начало XX в.) // Латинская Америка. 2005. № 4. С. 23–29; *Мусаев В.И.* Россия и Фин-

ляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX – 1930-е гг.). – СПб., 2007; *Росс Н.* Русская церковь на берегах Сены. От зарождения храма до 1917 г. – СПб., 2007 и др.

¹⁹ См.: *Ронин В.К.* Подданные царя в Городе Синьоров. – М., 1994.

²⁰ См., напр.: *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX в. – М., 2004.

²¹ См.: *Гусман Л.Ю.* В тени «Колокола». Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840–1860-е гг.). – СПб., 2004; *Он же.* Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840–1860-е гг.). Автореф. дис...докт. ист. наук. – СПб., 2005.

²² См.: *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. – Ставрополь, 1992.

²³ См.: *Он же.* Всемирное призвание России в духовном опыте Русского Зарубежья // *Трибуна русской мысли.* – М., 2002. № 1. С. 130–134.

²⁴ Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Око-роков. – М., 2001. С. 225–227.

²⁵ См.: *Пушкарев Б.С.* Две России XX века. Обзор истории. 1917–1993 / Соавторы К.М. Александров, С.С. Балмасов, В.Э. Долинин, В.Ж. Цветков, Ю.С. Цурганов, А.Ю. Штамм. – М., 2008.

²⁶ *Мнухин Л.* Русско-еврейский Париж в первые послевоенные годы // *Евреи России – иммигранты Франции.* – М.; Париж; Иерусалим, 2000. С. 99–107; *Талалай М.Г.* Организация русских эмигрантов во Флоренции (1917–1949) // *Россия и Италия.* Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX в. – М., 2003. С. 32–39; *Он же.* «Казацкая земля» в Италии // *Наука, культура и политика русской эмиграции.* – СПб., 2004. С. 53–57; *Он же.* «Русский Капри» после Горького // *Проблемы истории Русского Зарубежья: материалы и исследования.* – М., 2005. Вып. 1. С. 254–265; *Он же.* Русские церковные общины в Греции в межвоенный период // *Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг.* – СПб., 2005. С. 124–131; *Востокова Н.С.* Лидия Вячеславовна Иванова. По материалам Римского архива // *Россия и Италия.* Вып 5: Русская эмиграция в Италии в XX в. С. 207–218; *Косик В.И.* Русская церковь в Болгарии (1940–1950-е гг.) // *Славяноведение.* 2003. № 6. С. 85–93; *Он же.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде, 1920–1950-е гг. – М., 2007; *Он же.* Софии русский уголок. – М., 2008; *Он же.* Русские краски на балканской палитре. – М., 2010; *Миронова Е.И.* Дипломатическая поддержка формирования колонии русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1917–1922) // *Русский исход.* – СПб., 2004. С. 201–244; *Колосова В.О.* Деятельность Российского общества Красного Креста в Германии в 1919–1922 гг. // *Русский исход.* – СПб., 2004. С. 106–164; *Лунева И.А.* Деятельность русских антикоммунистических организаций в Германии после Второй мировой войны (на примере НТС и СБОНР, 1945–1957 гг.) // *Наука, культура и политика русской эмиграции.* С. 64–71; *Тетеревлева Т.П.* Пореволюционная российская эмиграция на севере Европы 1917 – начала 1920-х гг. // *Русский исход.* – СПб., 2004; *Русский Белград /* Сост. В.А. Тесемников, В.И. Косик. – М., 2008; *Танин С.Ю.* *Русский Белград.* – М., 2009; *Командорова Н.И.* *Русский Лондон.* – М., 2011 и др.

²⁷ См.: *Нитобург Э.Л.* Русские «перемещенные лица» в США: история и судьбы // *Новая и новейшая история.* 2001. № 4. С. 11–26; *Он же.* Русскоязычная пресса в США // *США – Канада: Экономика. Политика. Культура.* 2001. № 1. С. 58–74; *Он же.* Русские в Америке: интеграция или ассимиляция? // *Этнографическое обозрение.* 2001. № 6. С. 82–103; *Он же.* Русские трудовые иммигранты в США (конец XIX в. – 1917 г.): адаптация и судьбы // *Отечественная история.* 2002. № 5. С. 63–75; *Он же.* Судьбы русских иммигрантов второй волны в Америке // *Отечественная история.* 2003. № 2. С. 102–115; *Он же.* В поисках своей ниши в американском обществе (третья волна русских иммигрантов в США) // *Отечественная история.* 2004. № 1. С. 83–93; *Хисамутдинов А.А.* Русская диаспора на Тихоокеанском побережье США (1-я половина XX в.) // *Вопросы истории.* 2005. № 11; *Он же.* *Русский Сан-Франциско.* – М., 2010 и др.

²⁸ См.: *Сизоненко А.И., Панков Н.А.* Наши соотечественники в Латинской Америке. – М., 2002; *Мосейкина М.Н.* Русские перемещенные лица в Венесуэле (1940–1950-е гг.) // *История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России. 1941–2001.* – М., 2007. С. 144–158; *Нечаев С.Ю.* *Русские в Латинской Америке.* – М., 2010 и др.

²⁹ См.: *Хисамутдинов А.А.* Русские эмигранты на Филиппинах // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 141–146; *Он же.* Русская Япония. – М., 2010; *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (1-я половина XX в.). – М., 2005; *Балмасов С.С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. – М., 2007; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.) . – Хабаровск, 2008; *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.) . – Барнаул, 2010 и др.

³⁰ См.: Российская диаспора в Африке. 20–50-е гг. / Отв.ред. А.Б. Летнев. – М., 2001; *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...». Русские в Египте. – М., 2003; *Он же.* Русский Египет. – М., 2008; *Летнев А.Б.* На южной окраине всемирного рассеяния: россияне в африканских тропиках // Куда идешь, Африка? М., 2004. С. 38–49; *Хохлова В.П.* Российские эмигранты на Африканском театре военных действий (1939–1945) // Там же. С. 84–92; *Крылова Н.Л., Прожогина С.В.* Женщина и чужбина. – М., 2007; *Ронин В.К.* «Русское Конго»: 1870–1970: Книга-мемориал: в 2 т. М., 2009; *Русская Африка.* – М., 2009.

³¹ *Петриковская А.С.* Российское эхо в культуре Австралии (XIX – первая половина XX в.). – М., 2002; *История русских в Австралии.* – Сидней, 2004. Т. 1; *Каневская Г.И.* «Мы еще мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX – вторая половина 80-х гг. XX в.) . – Владивосток, 2010; *Кравцов А.Н.* Русская Австралия. – М., 2011.

³² См.: *Ипполитов С.С., Недбаевский В., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. – М., 1999.

³³ См.: *Чередникова А.Ю.* Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. – М., 2005. Вып.1. С. 176–200.

³⁴ См.: *Квакин А.В.* Между белыми и красными: Русская интеллигенция 1920–1930-х гг. в поисках Третьего пути. – М., 2006.

³⁵ См.: *Аверьянов В.В.* Проблема традиции в русской философии XX в. (Русское Зарубежье): Автореф.дис...канд.филос.наук. – М., 2000; *Горидько М.И.* Проблема природы и противоречий национальных отношений в творческом наследии мыслителей Русского зарубежья (20–40-е гг. XX в.): Автореф.дис...канд.филос.наук. – М., 2000; *Зимовец Л.Г.* Культурологическая концепция Н.А. Бердяева: Автореф.дис...канд.филос.наук. – Ростов-на-Дону, 2001; *Крекшин И., отец.* Метафизика зла (пролегомены к теодицее в философии позднего С.Л. Франка) // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 128–139; *Погодин И.В.* Христианская историософия Н.А. Бердяева: Автореф.дис...канд.филос.наук. – М., 2001; *Солодухин Д.Т.* Рациональные и иррациональные аспекты познания в интуитивизме С.Л. Франка: Автореф.дис...канд.филос.наук. – М., 2001; *Емельянов Б.В.* Очерки русской философии XX века. – Екатеринбург, 2001; *Он же.* Три века русской философии: Русская философия XX века. – Екатеринбург, 2003; *Глазкриницкая С.С.* Интуитивизм в западноевропейской и русской традициях (А. Бергсон и Н.О. Лосский): Автореф.дис...канд.филос.наук. – Ростов-на-Дону, 2002; *Зимянина Е.В.* Философия человека в системе С.Л. Франка: Автореф.дис...канд.филос.наук. – М., 2002; *Тучкова Т.В.* Проблема национального характера в философии русского зарубежья: Автореф.дис...канд.филос.наук. – Мурманск, 2002; *Павлюц К.Н.* Б.П. Вышеславцев: критика индустриальной культуры // Посев. 2003. № 2. С. 32–34; *Тюренков М.* «Поющее сердце» Ивана Ильина // Посев. 2003. № 4. С. 29–30; *Он же.* Русский философ-солидарист. К 95-летию со дня рождения С.А. Левицкого // Посев. 2003. № 6. С. 31–33; *Гребнева Г.А.* Эволюция философских взглядов И.А. Ильина: Автореф.дис...канд.филос.наук. – Екатеринбург, 2004; *Щученко В.А.* Г.П. Федотов о «традиции» и «революции» в «великом синтезе» России // Наука, культура и политика русской эмиграции. – СПб., 2004. С. 80–87; *Посадский А.В.* Г.В. Флоровский как аналитик русского западничества // Там же. С. 99–106 и др.

³⁶ См.: *Зюзев Н.Ф.* Ценностные основания философии истории П.А. Сорокина. Поздний этап творчества: Автореф.дис...канд.филос.наук. – М., 2000 и др.

³⁷ См.: *Некрасов А.П.* Философско-эстетические воззрения В.В. Вейдле: Автореф. дис...канд.филос.наук. – М., 2000 и др.

³⁸ См.: *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия* / Отв.ред. В.В. Журавлев; отв. секр. А.В. Репников. – М., 2009.

³⁹ См.: *Новиков А.П.* Эсеровские лидеры и Кронштадтский мятеж 1921 г. // Отечественная история. 2007. № 4. С. 57–64.

⁴⁰ См.: *Черняев В.Ю.* Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // Нансеновские чтения. 2008. – СПб., 2009. С. 17–38.

⁴¹ См.: *Куреньшиев А.А.* Крестьянские организации Русского зарубежья. – М., 2008.

⁴² См.: *Соколов М.В.* Создание Республиканско-демократического союза // Диаспора: новые материалы. – СПб., 2004. Вып. 6. С. 174–263; *Он же.* Из истории республиканско-демократического крыла русской эмиграции // Новая и новейшая история. 2008. № 2. С. 172–184; *Он же., Базанов П.Н.* Своим путем: «Крестьянская Россия», она же трудовая крестьянская партия // Родина. 2008. № 2. С. 74–79.

⁴³ *Соколов М.В.* Партия «Крестьянская Россия» и советский «железный занавес» в 1920-е гг. // Нансеновские чтения. 2008. – СПб., 2009. С. 64–82.

⁴⁴ См.: *Сабенникова И.В.* Советские спецслужбы и постреволюционная эмиграция // Там же. С. 153–162.

⁴⁵ *Бочарова З.С.* Реализация советской политики по репатриации российских граждан в 1920-е гг. // Там же. С. 250.

⁴⁶ *Бельчич Ю.В.* «Для продолжения прерванной событиями последних лет работы...» (усилия Советской власти по возвращению в страну научных кадров в 1920-е гг.) // Там же. С. 273.

⁴⁷ *Родионова Н.А.* «Возвращенчество» в публицистике Е.Д. Кусковой: искреннее заблуждение или провокация? // Там же. С. 232.

⁴⁸ *Кротова М.В.* «Красные», «белые» и «редиски» в Харбине в 1924–1935 гг. // Там же. С. 89.

⁴⁹ Там же. С. 90.

⁵⁰ *Энеева Н.Т.* Положение Русской Православной Церкви в новообразованных государствах, отделившихся от России в 1918–1922 гг. // Проблемы истории Русского Зарубежья. – М., 2008. С. 107.

⁵¹ См.: *Будницкий О.В.* Дипломаты и деньги. Статья 1-я: «Колчаковское золото» // Диаспора: новые материалы. Вып. 4. – Париж; СПб., 2002. С. 457–508; *Он же.* Дипломаты и деньги. Статья 2-я: «Национальный фонд» // Диаспора: новые материалы. Вып. 5. – Париж; СПб., 2003. С. 283–334; *Он же.* «Колчаковское золото»: последняя глава, 1940–1957 // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России. 1941–2001. – М., 2007. С. 45–62.

⁵² См.: *Горбушин Н.Г.* Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н.В. Тимофеева **Ошибка! Закладка не определена.**-Ресовского. Документы // Отечественная история. 2005. № 1. С. 194–196.

⁵³ См.: *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. – Архангельск–Мурманск, 2005.

⁵⁴ Там же. С. 404.

⁵⁵ *Балмасов С.С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. – М., 2007. С. 484.

⁵⁶ *Цурганов Ю.С.* Формирование прогерманского крыла российской военной эмиграции (1920–1930) // Проблемы истории Русского Зарубежья: материалы и исследования. – М., 2005. Вып. 1. С. 300.

⁵⁷ См., напр.: *Козлов А.И.* Антон Иванович Деникин. – М., 2004; *Ходаков И.М.* Политические взгляды генерала А.И. Деникина // Отечественная история. 2006. № 1. С. 141–147.

⁵⁸ *Крикунов П.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным. – М., 2005. С. 111.

⁵⁹ *Гончаренко О.Г.* Белоэмигранты между Звездой и Свастикой. – М., 2005. С. 215.

⁶⁰ См.: *Коновалова О.В.* Эсеровская эмиграция в США в годы Второй мировой войны: проблемы культурно-политической идентичности // Американские исследования в Сибири. – Томск, 2005. Вып. 8. С. 32–41 и др.

⁶¹ *Четвертков Н.В.* Несколько штрихов к портрету А.Ф. Керенского // Отечественная история. 2001. № 6. С. 142.

⁶² *Бочарова З.С.* «...Больше не суетиться и не шуметь» (русская эмиграция на начальных этапах Второй мировой войны в переписке А.А. фон Лампе) // Нансеновские чтения 2009. С. 180–181.

⁶³ Там же. С. 190.

⁶⁴ См., напр.: *Александров К.М.* Армия генерала Власова. 1944–1945. – М., 2006; а также многие другие исследования.

⁶⁵ См.: *Он же.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944–1945 гг. – М., 2009.

⁶⁶ Там же. С. 10.

⁶⁷ *Пушкарев Б.С.* Две России XX века. Обзор истории. 1917–1993. С. 302.

⁶⁸ *Александров К.М.* «Не обольщаем себя надеждами о скорой реабилитации...». Судьбы офицеров власовской армии в послевоенной эмиграции // *Нансеновские чтения 2009.* С. 258.

⁶⁹ Там же. С. 267.

⁷⁰ См.: *Туровский Б.С.* Российский Имперский Союз – Орден: вчера, сегодня, завтра (информационное сообщение) // *Наука, культура и политика русской эмиграции.* – СПб., 2004. С. 200–206; *Кузнецов Н.А., Семенов К.К.* Судьба морского офицера Георгия Чехова // *Нансеновские чтения 2009.* С. 269–276; *Имперцы. 80 лет РИС-О. 1929–2009.* Б.м., б.г.

⁷¹ См.: *Маньков С.А.* Бельгийский коллаборационизм и русская правая эмиграция в 1940–1945 гг. // *Нансеновские чтения 2009.* С. 90.

⁷² *Каневская Г.И.* Политическая палитра русской диаспоры Австралии накануне и в годы Второй мировой войны // Там же С. 135.

⁷³ *Шендерюк М.Г.* Совпатриоты и коллаборанты: возможен ли знак равенства? // Там же. С. 298.

⁷⁴ См.: *Капран И.К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина в период японской оккупации (1932–1945 гг.) // Там же. С. 92–98.

⁷⁵ См.: *Гарбулева Л.* Русские эмигрантские объединения в Словакии во Вторую мировую войну // Там же. С. 222–231.

⁷⁶ См.: *Будницкий О.В.* Попытка примирения // *Диаспора: новые материалы.* Париж – СПб., 2001. Вып. 1. С. 179–240.

⁷⁷ *Понов А.В.* Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // *История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России. 1941–2001.* – М., 2007. С. 119.

⁷⁸ См.: *Полян П.М.* Не по своей воле...История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. *Он же.* Жертвы двух диктатур. – М., 2002 и др.

⁷⁹ См.: *Полоскова Т.В.* Судьбы перемещенных лиц // *Дипломатический вестник.* 1996. № 10. С. 78; *Черкасов А.И.* Русские канадцы // *США – Канада. Экономика, политика, культура.* 1999. № 1. С. 94.

⁸⁰ См.: *В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции.* – М., 1997. С. 66–67; *Константинов Д., протоиерей.* Мюнхенский институт. Из истории второй российской политической эмиграции // *Трибуна русской мысли.* 2002. № 4. С. 133–144; *Дичбалис С.* Зигзаги судьбы. Воспоминания. – М., 2003 и др.

⁸¹ См.: *Кремнев С.С.* Михаил Васильевич Шатов – библиограф и издатель «второй» эмиграции // *Книга. Культура. Общество.* – СПб., 2002. С. 155–164; *Карнов В.С., Попов А.В.* Негаснущий факел «второго исхода» // *Трибуна русской мысли.* 2003. № 1. С. 121–126 и др.

⁸² См.: *Судьбы поколения 1920–1930-х гг. в эмиграции. Очерки и воспоминания.* Ред.-сост. Л.С. Флам. – М., 2006.

⁸³ Там же. С. 5. Очень любопытно в плане анализа проблемы взаимоотношений эмигрантов «первой» и «второй» волн и исследование О.А. Коростелева. Рассказывая об истории журнала «Опыт», предпринятого Р.Н. Гринбергом и В.Л. Пастуховым, он отмечает, что это было «первое после войны и долгое время единственное полностью литературное издание». Известно, что политизированные эмигранты «второй волны» часто критиковали «Опыт» именно за то, что те старались уходить от злободневных политических тем. Однако, подводя итоги существования журнала, О.А. Коростелев приходит к выводу: «Полвека спустя темы, разрабатываемые в «Опытах», продолжают оставаться в центре внимания, а как раз жгучие вопросы современности, казавшиеся в 50-е гг. наиболее актуальными, сегодня зачастую выглядят безнадежно устаревшими» (*Коростелев О.А.* Журнал-лаборатория на перекрестке мнений двух волн эмиграции: «Опыт» (Нью-Йорк, 1953–1958) // *История российского зарубежья. Эмиграция из СССР России...* С. 115).

⁸⁴ См.: Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса...» Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950-е гг.). – М., 2010.

⁸⁵ Шкаренков Л.К. У нас есть возможность по-новому прочитать литературное наследие зарубежья // Проблемы изучения истории российского зарубежья. – М., 1993. С. 28.

⁸⁶ См.: О कोरोков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и военные организации. 1920–1990. – М., 2003.

⁸⁷ См.: Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). – СПб., 2008.

⁸⁸ См.: Алексеев Д.Ю. НТС российских солидаристов в борьбе против тоталитарного режима: Автореф. дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1998; *Он же, Печерица В.Ф.* Российский солидаризм: теория, история и современность. – Уссурийск, 2000; Алексеев Д.Ю. Российский солидаризм: теория, практика, люди. – Владивосток, 2010.

⁸⁹ См.: НТС: мысль и дело. – М., 2000.

⁹⁰ См.: Пушкирев Б. Эмиграция и революция // Посев. 2002. № 8. С. 2–5; Долинин В.Э. Связь зарубежной организации НТС с оппозицией в Ленинграде. 1950–1980-е гг. // Наука, культура и политика русской эмиграции. – СПб., 2004. С. 71–79; *Он же.* Первые 60 лет «Посева» // Посев. 2005. № 11. С. 13–15.

⁹¹ Тарле Г.Я. Судьбы российских эмигрантских диаспор в годы Второй мировой войны // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. – М., 2001. С. 76.

⁹² См.: Базанов П.Н. «Лига борьбы за народную свободу»: политическая и издательская деятельность // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001 гг. С. 161.

⁹³ Попов А.В. Мюнхенский институт по изучении истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // Там же. С. 124.

⁹⁴ Горянин А.Б. Воздействие русской эмиграции на СССР в 1930-е – 1950-е гг.: к постановке вопроса // Нансеновские чтения. 2008. – СПб., 2009. С. 442.

⁹⁵ Мосейкина М.Н. Славянский комитет СССР и латиноамериканская ветвь российской эмиграции: связи и проблемы (1941–1950-е гг.) // Там же. С. 206.

⁹⁶ Тетеревлева Т.П. Акция «помощь друзьям» // Там же. С. 59.

⁹⁷ См.: Ristaino M. Shanghai: Russische fluchtlinge im «gelben Babylon» // Der grosse exodus. Die russische emigration und ihre zentren 1917 bis 1941. – Munchen, 1994; Beyer T. New York: Russen in der Neuen Welt // Ibid; Ризалити Р. Княгиня М.П. Демидова в судьбах русской эмиграции // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX в. С. 39–45; Литворния А. Казачьи станицы во Фриули // Там же. С. 46–52; Мерчи С., Валлетти Э. Вилла Оланда: островок русских эмигрантов в Валл-Пелличе // Там же. С. 52–60; Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. – М., 2004.

⁹⁸ См.: Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в СССР. – М., 2002.

⁹⁹ См.: Liebich A. From the other shore. Russian social-democracy after 1921. – Cambridge; London, 1997; Idem. Mensheviks Wage the Cold War // Journal of Contemporary History. Vol. 30 (1995). P. 247–264; Idem. At Home Abroad: The Mensheviks in the Second Emigration // Canadian Slavonic Papers. Vol. XXXVII. Nos. 1–2. March-June 1995. P. 1–13 и др.

¹⁰⁰ См.: Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. – М., 1994. С. 129–136.

¹⁰¹ См.: Лельчук В.С., Пивовар Е.И. Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 63–78.

¹⁰² Пушкирев Б.С. Две России XX века. С. 452.

¹⁰³ Тарле Г.Я. Фольксдойч в Западном Берлине в 1982–1988 гг. (история семьи эмигрантов в письмах) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России. 1941–2001. С. 199.

¹⁰⁴ Энгель В.В. Социально-психологические аспекты еврейской эмиграции из СССР/СНГ последней трети XX – начала XXI в. (на примере Израиля, США и Германии) // Там же. С. 175.

¹⁰⁵ Там же. С. 180.

¹⁰⁶ Там же. С. 188–189.

¹⁰⁷ Пушкирев Б.С. Две России XX века. Обзор истории. 1917–1993. С. 453–454.

III

МЕТОДЫ И МОДЕЛИ ПОЗНАНИЯ

Светлана ЛУРЬЕ

Имперская история. Новые подходы к методологии изучения

В последние десятилетие число публикаций по проблемам империй продолжало расти. Если еще несколько лет считалось, что писать об империи не в отрицательном ключе является чем-то постыдным, то теперь империи рассматриваются как полезный опыт «управления разнообразием». Сегодня историки и политологи отмечают ключевую роль империй в истории, рассуждают о них как о явлении сложном, неоднозначном, оставившим как отрицательное, так и положительное наследие, выглядят скорее респектабельно, чем вызывающе. Все больше исследователей склонны видеть имперские структуры не только в прошлом, но и в настоящем, рассматривать их роль без «упрощенного натягивания».¹

В политической риторике недавнего времени ярлык «империя» зачастую использовался для дискредитации того или иного политического режима. Достаточно вспомнить «империю зла» Рональда Рейгана. Но перегруженный негативными ассоциациями образ империи не ограничивается риторикой и популярными мифами: «в большинстве случаев и в современном политическом языке, – писали историки в 2004 году, – империя является нам как деспотичный (а потому нелегитимный) политический режим, который несовместим с правами человека... Очевидно, что современный политический дискурс описывает нам империю как архаический и чужеродный нам объект, и описание это во многом покоится на фундаментальном представлении Нового времени о норме... Отголоски политической компрометации империи мы можем обнаружить и в современных политических дискуссиях, будь то критика глобализации, приводящей к тому, что крупный бизнес больше заботится о мировых рынках, чем об экономиках собственных стран, или предубеждения о том, что нарушения прав человека в ходе международных вооруженных конфликтов подрывает правовые режимы в странах воюющих демократий»².

Это писалось всего несколько лет назад. Но уже тогда отмечалось, что «возросший... интерес к империи и “имперскости” во многом является результатом исчерпания ресурса концептуального аппарата модерности, призванного описать процессы эпохи “постмодерна”... Обозначившийся в конце 1980-х гг. кризис СССР вновь поставил вопрос о гетерогенности российского и советского исторического опыта, в результате чего появились первые исследования истории России как многонациональной империи... Распад Советского Союза – последней многонациональной империи в Европе – стал одним из факторов пробуждения интереса к проблематике империи в конце XX века»³.

Особо подчеркнем то, что нам представляется первостепенно важным: в последние годы наиболее пристальное внимание стало уделяться методологии изучения империи, методике ее описания и анализа, попыткам найти методологически корректный способ определить ее как понятия. Это начало совершенно нового подхода в империологии, синхронно развивающегося как на Западе, так и в России. Сегодня возникают новые методологические рамки исследования империй – подходы, связанные с «имперской ситуацией» и анализом «имперских историй». На фоне всех используемых методологий изучения империй последние представляются нам наиболее интересными.

Наблюдаемый сегодня расцвет имперских историй напрямую связан с пониманием того, что изучение имперского опыта обогащает различные варианты управления разнообразием и может способствовать, пусть и в критическом ключе, лучшему пониманию текущих событий. Конфликты между концессиями и культурами, сословиями и классами были присущи всем имперским режимам, особенно в России⁴. Особую роль в развитии этого подхода играет журнал «Ab Imperio». Проблема разнообразия понимается в большинстве статей этого журнала как центральная проблема империи, его авторов «интересует обсуждение как философских, так и *методологических* (выделено нами – С.Л.) импликаций проблемы разнообразия», «эмпирические исследования империи, позволяющие делать обобщения... методологические основания для анализа комплексных, композитивных и неравномерно организованных обществ»⁵, то есть империй.

Методология «имперской ситуации» и «имперских историй»

В интервью редакторов журнала «Ab Imperio» Ильи Герасимова и Марины Могильнер журналу «Логос»⁶ выражено удивление, что торжество конструктивистского подхода к «нации», который признается большинством исследователей «конструктом», «воображаемом сообществом» никак не коснулось «истории империй», что по-прежнему делаются попытки создать «теорию империи», вычислить некий цикл ее развития (упадка и возрождения). Авторы предложили изучать в рамках Новой имперской истории не структуры, а практики и дискурсы, которые переплетаются в динамичную открытую систему «имперской ситуации». «Имперская ситуация» характеризуется параллельным существованием несовпадающих социальных иерархий и систем ценностей, с очень приблизительно устанавливаемым «обменным курсом» статуса – в то время как идеальная модель современного национального государства предполагает универсальность и равнозначность социальных категорий во всех уголках общества»⁷. Это действительно новый шаг в изучении империй. Предлагается методология, которая применима именно к импер-

ским исследованиям. В то же время данный подход не является принципиально новым, он, как нам представляется, разрабатывается на основании методологии «контактной ситуации» призванной установить рамки исследования взаимоотношений двух и более народов. «Имперская ситуация» характеризуется сосуществованием нескольких альтернативных социальных иерархий, с неопределенным или множественным «курсом взаимной конвертации».

Приведем пример «имперской ситуации». Если выпускники университета – православный и иудей – имеют разные шансы дальнейшей карьеры, это само по себе не является выражением имперской ситуации. Проблема не в самом неравенстве, а в том, что не существует однозначной и универсальной его «шкалы». В Российской империи еврей мог принадлежать к совершенно разным социальным группам, с разным статусом и правами в зависимости от проживания в Одессе, Москве, Харбине или Туркестане. «Имперская ситуация характеризуется тем, что сословие, конфессия, язык, класс, экономическое положение, образование, сфера занятости – выступают в роли самостоятельных и часто равнозначных элементов, из которых можно “выстраивать” совершенно разные комбинации. Тем, что отсутствуют универсальные, действующие во всех уголках государства правила и даже законодательство»⁸.

«Новая имперская история» – это не история как таковая, не историческая эмпирика сама по себе, это метод описания исторической реальности принципиально гетерогенного, полиэтнического и мультикультурного общества. Только исходя из этого методологического подхода можно понять, почему в Российской империи до самого конца не было единой «национальной политики» – но было единое пространство принятия решений. «Ротация администраторов приводила к обмену локальным опытом управления и решения проблем, потому что существовали структурно схожие ситуации – в которых вовлеченные стороны вели себя очень по-разному, потому что фундаментально дискретное имперское пространство было при этом единым полем социального и политического действия... Антипольские репрессии приводили, пусть и временно, к стимулированию украинского или литовского национального движения. Имперский режим с большим трудом удерживал состояние неустойчивого равновесия, сохраняя баланс сил и оплачивая репрессии по отношению к одной социальной группе привилегиями по отношению к другой... Игнорирование “нации” сразу делает анализ одномерным, как и игнорирование “имперскости”, которая может проявиться в самом неожиданном месте. Условно говоря, нация – это относительно гомогенное пространство универсальных прав, обязанностей, культуры и языка. Империя – принципиально гетерогенное пространство. Реальность всегда находится между этими двумя полюсами, но ближе к одному или другому, и эта оппозиция позволяет нам описывать историческую динамику более аккуратно»⁹.

Понятие «имперская ситуация» релятивизирует структуралистские теории «империи» и «нации»: «как и нация, империя – не «вещь», а система отношений. Причем национальная логика может восторжествовать в империи, а им-

перская ситуация проявиться в самом современном «национальном» обществе»¹⁰.

Таким образом, новая методология дает нам возможность дать определение империи (что до сих пор считалось невозможным), а равно и оригинальное определение понятия «нация», хотя сами авторы методологии так не считают, избегая слова «теория». Однако, по их же словам, «новая имперская история» возникла как исследовательский проект, направленный, собственно, на прояснение основ этой самой истории. Они избегают слова «империология», и пугаются попыток рассмотрения предмета из исследования как научной дисциплины: «“Дисциплина” – это, вероятно, продукт определенного этапа институционализации. Нас этот аспект не интересует, тем более что главной задачей является диалог с коллегами, а не их нормативное дисциплинирование»¹¹. Интерес представляет сравнительный функциональный анализ: как разные общества реагировали в схожих ситуациях на схожие вызовы, а вовсе не сравнение империй друг с другом в общем плане.

Как мы уже упоминали, авторы возражают против того, что дается определение понятию «империя» (с чем мы не согласны), они возражают в принципе, что такое понятие может быть дано. «Коль скоро государство обычно называют империей на основании нескольких признаков (обширность территории, полиэтничный состав населения, военная мощь, авторитаризм системы управления), то именно они и “дистиллируются” в результате сравнительного анализа различных “империй”: оказывается, им всем присущ авторитаризм, экспансионизм, милитаризм... Помимо эвристической бесплодности этой аналитической процедуры, остается неясным, чем эта “империя” отличается от национального государства, управляемого авторитарным милитаристским режимом и гомогенизирующего собственное население? Таким образом, все попытки вычленивать некую универсальную “имперскость” или заниматься историей “империи” сталкиваются с той же проблемой: эссенциализация объекта толкает исследователя в замкнутый цикл “дурной бесконечности”, когда он имплицитно формирует предмет исследования, но, воспринимая его как очевидную данность, не рефлектирует свою роль в создании этой виртуальной, по сути, реальности и пытается индуктивно из нее же вывести некие новые знания – а они были заложены с самого начала при определении границ предмета исследования... Структурно невозможно отделить “империю” от “не-империи”, “постимперии”»¹².

«Имперскость», по мнению Ильи Герасимова и Марины Могильнер, как «аналитическая категория важна и нужна тогда, когда необходимо объяснить дискретность социального пространства, сохраняющего свою целостность»¹³. То, что Россия покоряла Кавказ само по себе не делает ее империей – по крайней мере, в глазах исследователя (вполне типичным являлось желание обезопасить южную границу, установить надежное сообщение с отдаленной провинцией – Грузией, отсутствие «exit strategy» перед лицом ширящегося восстания горцев и пр. аспекты «логики ситуации»). «А вот то, что после по-

коренная центральная власть отказалась от попыток распространить единое, универсальное имперское законодательство на значительную территорию, фактически живущую по шариату – является очень интересным и важным “имперским” фактом. Политическая лояльность края иногда обменивается на передачу беспрецедентных экономических и налоговых льгот, а иногда добывается террором; иногда происходит инкорпорация элит в имперский политический класс (Украина), а иногда местные элиты получают карт-бланш на самостоятельность в управлении краем в обмен на стабильность (российские протектораты в Средней Азии)»¹⁴.

Важно подчеркнуть, что Новая имперская история – это попытка рассматривать прошлое как открытую динамическую систему в состоянии неустойчивого равновесия, где невозможны однозначные и предсказуемые «термодинамические» уравнения.

Определение Империи, которое мы выводим таким образом из рассуждения авторов концепции «Новой имперской истории» состоит в том, что она – принципиально гетерогенное пространство.

Относительно близко к этой идее подходит анонимный автор вступительной статьи книги «Новая имперская история постсоветского пространства»: «“Империя” – это исследовательская ситуация, а не структура, проблема, а не диагноз. ... Секрет в том, что аналитический инструментарий модерности насквозь «национален» и империю нельзя описывать в рамках какой-то одной модели, при помощи какого-то одного метанарратива. Поэтому “увидеть” империю можно только осознанно и контекстуализированно совместив разные исследовательские оптики... Новая имперская история предлагает многомерный взгляд на политических, социальных и культурных акторов, на «пространства», в которых они действуют. Таким образом, новая имперская история выступает в качестве “археологии” понимаемой в духе постструктуралистской фуколдианской парадигмы, подвергающей деконструкции базовые и нормативные идеи социальных наук. Несмотря на отсутствие консенсуса по вопросу о применимости фуколдианских подходов к российской имперской истории, этот метод обладает колоссальным потенциалом для ревизии недавно сформировавшейся ортодоксии в оценке Российской империи как политического, культурного и социального пространства, четко поделенным по национальным и только национальным линиям. Археология знания об империи позволяет четко увидеть, как происходит национальная апроприация общего прошлого в полиэтнических регионах и городах (Санкт-Петербурге, Варшаве, Одессе, Вильно, Киеве, Баку и т. п.). Именно археология знания об империи позволяет восстановить социальные идентичности (региональные, конфессиональные, сословные), которые обычно встраиваются в телеологическую и монологическую парадигму строительства нации или класса/конфессии. Она же делает возможной контекстуализацию современного процесса конструирования национального прошлого и через историографию как целенаправленное действие и инструмент политической борьбы»¹⁵.

От имперской ситуации к контекстообразующему и когнитивному повороту

«Имперской ситуации» посвящена и статья Ильи Герасимова, Сергея Глебова, Яна Кусбера, Марины Могильнер и Александра Семенова «Новая имперская история и вызовы империи». «В 1917 г. – пишут авторы – основоположник российской школы формализма в литературоведении Виктор Шкловский ввел в оборот концепцию “остранения”. Остранение позволяет лучше разглядеть скрытую суть объекта путем его отчуждения, превращения знакомого в незнакомое, странное, непредсказуемое. На примере ряда недавних исследований империи, которые условно можно назвать “новыми имперскими историями”, становится понятно, что этот механизм может работать и в обратном направлении: тонкий, вдумчивый, внимательный к нюансам анализ имперского контекста в результате воссоздает удивительно неожиданный, незнакомый и странный мир. С нашей сегодняшней точки зрения этот мир представляется иррациональным или, по крайней мере, подчиненным некой совершенно иной по типу рациональности. В этих работах империя проявляет себя через скрытые или неявные конфликты (tensions) и “скандал”; она производит “плотское знание” (carnal knowledge) и сама оказывается обретенной или завоеванной парадоксальным образом “по рассеянности” (absent-mindedness)»¹⁶.

В исторических исследованиях индивидуальный феномен конкретной империи и кажущаяся самоочевидной описательная функция категории «империи» всегда мешали обобщению и теоретическому осмыслению «имперских формаций» (термин Энн Стоулер).

Среди историков бывшего Советского Союза возникло растущее понимание, что «империя» больше не может изучаться просто как совокупность ряда «наций». Ощущалась необходимость определения Российской империи как самостоятельного феномена, однако для подобного описания и объяснения имперского прошлого не существовало готовой аналитической рамки и языка. Авторы осуществляют критический анализ феномена империи «через когнитивный поворот к империи как категории анализа и контекстообразующей системе языков самоописания имперского опыта. Этот когнитивный поворот в осмыслении империи созвучен предложенному Роджерсом Брубейкером когнитивному повороту в области исследований национализма. Нам важно подчеркнуть эпистемологический вызов, связанный с попыткой теоретизации империи как аналитической категории, применимой для объяснения как прошлого, так и настоящего... Мы предлагаем сосредоточиться на имперском опыте, то есть реальном или семантически сконструированном столкновении с различиями, и на тех аспектах неравенства и дисбаланса власти, с которым это столкновение обычно связано. Различия как норма социально-политической реальности и их восприятие оказываются в центре нашего проекта изучения истории Российской империи и наших размышлений о потенциале империи как критической аналитической категории»¹⁷.

Этот подход был во многом предвосхищен в капитальном двухтомном исследовании российской монархии Ричарда Уортмана. Уортман предложил новый взгляд на понимание роли империи и имперского суверенитета в российской истории, не сводящий империю к нормативному концепту государства и институциональной структуры управления. Его концепции «сценариев власти» и «политического мифа» незаменимы для понимания специфики имперского суверенитета в российском контексте и с точки зрения исторической семантики. «Уортмановская история российской монархии показывала несводимость имперской мифологии (еще одного ключевого языка самоописания в империи) к нормативному концепту идеологии и объясняла, каким образом имперская система приспосабливалась к динамическим контекстам и вызовам современности»¹⁸. Уортман создал «остраненный» образ имперской власти, основанной на эпосе и «риторической правде» и оказавшейся плохо совместимой с миром современной рациональности, идеологии и политики.

Илья Герасимов, Сергей Глебов, Ян Кусбер, Марина Могильнер, Александр Семенов предлагают когнитивный подход к империи, который помогает разобраться с концепцией империи как идеального типа, противоположного «нации». Политику и восприятие, обусловленные нациецентричной логикой, довольно просто принять за имперский механизм производства различий. Дело в том, что логика национализма и – более широко – модерная установка общественных наук и политики вовсе не чужды гетерогенности. Они также могут создавать и воспринимать плюрализм национальных притязаний на общую территорию, социальное пространство или государство. «Важным различием между национальной и имперской когнитивной рамкой является то, что дискурс национализма и современный склад мышления могут помыслить соперников только в виде четко очерченных и внутренне однородных элементов культурного и социального пространства. Для ясности и чтобы подчеркнуть специфику нации как идеального типа, этот тип дискурса и политики можно назвать «стратегическим эссенциализмом». Противоположная логика, составляющая отличительную черту империи как идеального типа, может быть названа по аналогии «стратегическим релятивизмом». Под этим мы понимаем дискурс и взгляд, релятивизирующие замкнутую и внутренне однородную природу составных частей социально-политического пространства и государственного управления. Логика стратегического релятивизма создает неправильные и нерегулярные типологии, элементы которых неоднородны и неравномерны. Такая когнитивная рамка социально-политического взаимодействия и воображения создает ситуацию неопределенности, несоизмеримости и неразличимости»¹⁹ которые можно считать сущностными характеристиками «имперской формации».

Гипотеза стратегического релятивизма предлагает иное объяснение развития империй в свете вызовов современности. «В качестве отправной точки обратимся к набору «имперских вопросов» в Российской империи, в своей совокупности все еще недостаточно осмысленных в историографии. Эти «вопросы», включая «еврейский вопрос», «мусульманский вопрос» и «польский

вопрос», не решались в рамках некоей единой «национальной политики», они мыслились партикуляристски и предполагали как особые законы, так и специфическое администрирование. Как заметил правовед и политический деятель времен поздней империи Борис Нольде, «система складывалась исторически и сохранила всю пестроту исторического уклада»²⁰.

Стратегический релятивизм может стать основой горизонтальной мобилизации сетевого типа в разобщенной социальной среде, но также и оказаться и препятствием для возникновения недвусмысленного чувства групповой принадлежности. Другими словами, аналитическая модель стратегического релятивизма оставляет место для различных нормативных оценок и суждений в зависимости от точки зрения наблюдателя.

Отказ от фокуса на структуралистских, эссенциалистских и функционалистских определениях империи в пользу более динамической модели конструирования и маркирования имперского опыта логически ведет к исследованию комплекса языков самоописания и саморационализации. «Вместо обсуждения того, что такое империя, мы приглашаем наших читателей к размышлению о том, что делает определенные тропы и дискурсы имперскими. Таким образом, мы не претендуем на универсальную теорию или определение империи. Вместо этого мы предлагаем рабочую модель «имперской ситуации», характеризуемой напряженностью, несочетаемостью и несоразмерностью языков самоописания разных исторических акторов. Пристальный взгляд на конфликты и накладки этого «многоголосия» российского имперского опыта позволяет дать более точное определение исторически сложившегося разнообразия как главной характеристики имперской ситуации. Это разнообразие оказывается неравномерно локализованным, многоуровневым и динамичным. Опыт переживания различий пронизывает собой разрывы политического, социального и культурного пространства. Неравномерное и динамическое разнообразие является и результатом, и источником имперского стратегического релятивизма. Разнообразие имперской ситуации, воплощающее принцип стратегического релятивизма, не может быть описано в рамках какого-то одного внутренне непротиворечивого нарратива или каталогизировано на основе единых рациональных и столь же непротиворечивых принципов классификации»²¹.

«Реконструируя особый имперский опыт как набор языков, мы низводим все богатство трудноуловимых “опытов” до системы непосредственных впечатлений от них и попыток их рационализации, но это позволяет нам «ухватить» имперский стратегический релятивизм в рамках парадигмы “лингвистического поворота”. Центральной темой исследовательского проекта Новой имперской истории является эпистемологический и политический конфликт в империи, столкнувшейся с необходимостью более рациональной организации и систематизации ее разнообразия – чтобы стать более эффективной, управляемой, контролируемой или соответствующей идеологически новым политическим, философским или научным идеям... Опираясь в новой имперской истории на археологию языков имперского самоописания, мы не возрождаем

догму Леопольда фон Ранке о написании истории так, “как она происходила”. Вместо этого мы предлагаем критический подход к империи как к контексто-образующей категории. Мы работаем с имперской ситуацией, которая делает специфику империи заметной. Империя обретает видимость либо в результате противоречий, вытекающих из неравномерной и несистематической гетерогенности, либо в итоге осознанных попыток сделать ее более управляемой и потому более рациональной»²².

В статье «Новая имперская история и вызовы империи» рассматриваются также вызовы империи, которые позволяют выявить логику стратегического релятивизма, т. е. «увидеть» империю. «По организационным соображениям эти вызовы разделены на два больших кластера: вызовы интеграции и вызовы трансформации. Их можно представить как ситуации коммуникации с очень ограниченными возможностями взаимного перевода и понимания; они приводят к попыткам выработать четкие грамматические правила и стандарты для неупорядоченного имперского многоголосия. “Вызов” обозначает ситуацию, когда неравномерная и многослойная имперская гетерогенность, неупорядоченное имперское разнообразие перестают справляться с поддержанием статус-кво, когда “имперская ситуация” с ее логикой стратегического релятивизма перестает восприниматься как нечто естественное, как норма данного общества и политической системы»²³.

Другая заметная тенденция в современных исторических исследованиях Российской империи, релятивизирующая константы имперского разнообразия и подрывающая претензии на универсальность описания этого разнообразия через национальность или территорию, представлена историками религии и конфессиональной политики²⁴. Эти исследователи переносят внимание с «формальной конфигурации» Церкви на местные практики и институционализацию религиозности, а также на имперские аспекты изучения религии в российской истории. Исходя из этого, Роберт Круз предлагает концепцию «конфессионального государства» как метарамку для изучения его разнообразия, а Пол Верт утверждает, что «культурное разнообразие евразийских империй... упорядочивалось и институционализировалось при помощи конфессиональных критериев»²⁵. Предлагаемый упор на религию, религиозность и конфессию подчеркивает несводимость религиозного и конфессионального разнообразия к территориальной и национальной гетерогенности, тем самым еще более усложняя задачу выработки устойчивого структурного определения империи.

Примеры имперских ситуаций

В книге «Новая имперская история постсоветского пространства» описан ряд «имперских ситуаций» связанных с Российской империей. Наиболее интересной нам представляется та, что описана в статье Роберта Джераси «Культурная империя».

турная судьба империи под вопросом: мусульманский восток в российской этнографии XIX в». Идеал полной культурной ассимиляции российских окраин, – пишет Джераси, был характерен для «всех основополагающих исторических сочинений того времени (особенно – в наиболее доступных читающей публике работах) благодаря чему большинство образованных русских людей воспринимали свою страну вовсе не как многонациональную страну, состоящую из метрополии и различных зависимых от нее колониальных территорий, но скорее как национальное государство в процессе формирования, идущему по пути проторенному несколькими столетиями ранее такими странами, как Англия и Франция.

Поскольку историки и, вероятно, читающая публика, были уверены, что все народы России будут в конечном счете ассимилированы и войдут в состав русского народа, мы можем рассматривать это представление как вариант российской имперской “предопределенной культурной судьбы”, по аналогии с американским географическим концептом “manifest destiny”²⁶. Все они разделяли веру в предопределенность цивилизаторской миссии России на Востоке. При этом русские мыслители полагали, что поскольку Россия стоит гораздо ближе к народам Востока и готова их ассимилировать, она гораздо лучше подходит для цивилизаторской миссии, нежели такие колонизаторские державы, как Англия и Франция.

Этнографы, однако, иначе представляли будущее России. «Русские этнографы XIX в., по сравнению с историками, были не только менее оптимистично настроены относительно перспектив культурной ассимиляции мусульманского Востока в русский народ, но и сама тема мусульманских народов привлекала к себе гораздо меньше внимания в этнографической литературе... Иными словами, неспособность многих или большинства этнографов разделить веру своих коллег-историков в предопределенную судьбой миссию России на Востоке являлась не столько результатом их исследований, сколько их изначальным условием. Можно даже предположить, что недостаток внимания к этнографии мусульман не позволял идеалу цивилизаторской миссии России на Востоке реализовываться ни в ходе реализации правительственной политики, ни в ходе спонтанного самореализующегося процесса»²⁷. Под этнографией понималось изучение особенностей культуры различных народов, в то время как за мусульманскими народами таких особенностей не признавалось. Многие этнографы считали, что у мусульманских народов ислам является не только основной, но и единственной культурной характеристикой. Эта религия воспринималась как нечто противоположное культурному своеобразию, поскольку, как считалось, у мусульман отсутствует представление о личности и об индивидуальности. Изучение ислама отдавалось на откуп Православной церкви.

С точки зрения концепции «имперской ситуации» интерес представляет так же статья Камитака Мацузато «Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу». Разница основных функций «генералов-этнополитиков» и «генералов-хозяйственников» была

«отражена в содержании их всеподданнейших отчетов. В отчетах степных, туркестанских, западно- и восточно-сибирских генерал-губернаторов преобладают хозяйственные вопросы, в то время как в отчетах западных генерал-губернаторов и кавказских главнокомандующих главное внимание обращалось на этнополитическую ситуацию в крае»²⁸.

Проблема концептуального определения «империи» и «национального государства»

Итак, никакого общепринятого определения империй не существует. По мнению А.И. Миллера, при попытке определения империй ученые подчеркивают их гетерогенность, неравноправность отношений между центром и периферийными сообществами, «специфику организации пространства, которое структурировано по модели колеса без обода, когда все периферийные сообщества связаны с центром и слабо связаны (если вообще связаны) напрямую между собой». Много внимания уделяется соотношению прямых и не прямых форм управления периферийными сообществами, причем отмечается, что для империи более характерно не прямое управление при опоре на местные элиты. Подчеркивается роль империй как крупных игроков в международных (правильнее сказать – межимперских) отношениях, и способность мобилизовать ресурсы для участия в этой игре – это одна из ключевых задач империи и критерий ее эффективности²⁹.

Миллер также ставит проблему соотношения империи и национального государства, которое еще больше затрудняет проблему определения империи: «Парадокс заключается в том, что модерное государство рождается в сердцевине империй и во многом как реакция на проблемы, возникающие в контексте соревнования империй, прежде всего в военной сфере. Не все доимперские империи сумели справиться с задачами строительства государства в своем ядре, но те, кто сумел, как Британия, Франция, Пруссия-Германия, не перестали от этого быть империями. Они, а за ними и их отставшие соперники – Россия, Австрия, Османская империя, Испания – стремились, каждый по своему, найти приемлемое сочетание традиционных имперских механизмов с формами и методами современных государств. Практически все империи нового времени в XIX в. уже не были классическими империями. Они видели смысл своего существования не в сохранении и воспроизводстве себя, но в развитии и «прогнесе» и переживали кризис приспособления к новым методам правления и формам политической организации. Это был именно кризис, то есть сюжет с открытым финалом»³⁰.

Дело в том, что проект нации-государства, с его стремлением культурно-языковой гомогенизации населения, сам вызревает в империях. Франция, как эталон нации-государства, была ядром империи, кроме того она сама прошла

путь подавления локальных культур и языков в своем континентальном шестиугольнике в пользу доминирующей культуры и языка Иль-де-Франс. В Российской империи такой проект был сформирован в 30–60-е гг. XIX в. Он включал великороссов, белорусов и малороссов, а так же фино-угорские народы Поволжья. «Таким образом, в строительстве наций и наций-государств империи не были лишь фоном или помехой, в действительности они были важными, если не главными, участниками процесса»³¹. Вопреки прежним представлениям о том, что русский национализм стремился к превращению всей империи в нацию-государство, исследования показали, что проект русского национализма был избирательным. Русский национализм XIX в. и не включая в образ русской национальной территории Кавказ, Крым, Среднюю Азию, Балтийские губернии, Финляндию, Польшу.

По непонятной причине работы Миллера заслужили негативную оценку Ильи Герасимова и Марины Могильнер: «Другая крайность, которую мы отвергаем, – различные проекты “империологии”, направленные на типологизацию империй и выработку некой “теории империи”. Примером может служить недавняя интерпретация А.И. Миллером концепции новой имперской истории. В своих публичных выступлениях и публикациях Миллер объявил, что занимается “новой историей империи”, и что такое определение благозвучнее и не несет никаких “имперских” коннотаций. Безусловно, заниматься можно всем, и нет никакой единственно правильной истории, однако нужно и отдавать себе отчет в смысле существующих различий в подходах. “История империи” предполагает, что существует некая “империя”, которую изучают. Неизбежно возникает вопрос: а что есть империя? Советский Союз – империя? А держава Чингисхана? Исторически и юридически корректно можно говорить всего о нескольких политиях, использовавших этот термин латинского происхождения. Но что общего между Священной Римской империей германской нации и Второй французской колониальной империей? Большая часть общеизвестных “империй” получили этот титул в трудах историков и политологов, не подозревая об этом своем качестве»³².

Методологические проблемы типологизации империй

Параллельно продолжают появляться работы, где проводится типологизация империй.

Следует отметить статью Сеймура Беккера «Россия и концепт империи» по причине не типичности предложенной в ней классификации. Автор пишет о том, что Российская империя отличалась от империй других европейских государств XIX – начала XX вв. по трем основным параметрам. Наиболее часто отмечаемое отличие состоит в том, что периферии других империи (за исключением Австрийской) в большинстве случаев состояли из земель и на-

родов, удаленных от соответствующих метрополий на тысячи морских миль. «Территория же Российской империи, напротив, не разрывалась солеными водами океанов, если не считать краткосрочное обладание аванпостами на побережье Аляски и Калифорнии. Не менее важным является и второе отличие. За исключением, опять-таки, будущих самоуправляющихся доминионов Британской империи, остальные европейские державы рассматривали свои имперские владения как неассимилируемые зависимые территории, пригодные лишь для эксплуатации и “патерналистского” наставления на путь “цивилизации”. Россия, напротив, рассматривала свои владения, за возможным исключением Туркестана, как расширение метрополии, как составную часть сообщества (даже если для интеграции требовался некоторый переходный период), открытую, там, где это было возможно, для постоянного поселения русских.

В-третьих, в то время как в других империях подвластными землями и народами управляло государство-нация, империя Романовых, подобно Габсбургской, представляла собой политику более старого типа – династическое государство, характеризующееся подчиненностью всех одному правителю. В каждом из этих случаев правитель принадлежал к династии, связанной с одной из территорий, находящихся под его скипетром (австрийские герцегства в случае Габсбургов, Московское княжество в его границах XVI в. В случае Романовых). Эта ситуация ничего общего не имела с властью государства над зависимыми территориями»³³.

Российская империя «походила на подавляющее число империй известных истории тем, что она состояла из смежных владений и ставила перед собой цель, по крайней мере, частичного поглощения или интеграции своих периферий, а также по своей династической природе. «В этом смысле именно европейские колониальные империи Нового времени, а вовсе не Россия отклонялись от нормы»³⁴. До пришествия национализма государство определялось исходя не из населения, а земли или земель, подвластных одному правителю или правящей группе. Пока данное определение государства преобладало, культурная идентичность или идентичности его населения были вопросом в лучшем случае вторичным. Если государство занимало большую территорию, то оно, скорее всего, могло включать в себя народы, принадлежащие к разным культурам. «Подобные государства подпадают под определение империи, вне зависимости от того, считали ли они себя таковыми и провозглашали ли себя империями официально. Подобно России XIX в. Англия и Франция периода Средневековья и раннего Нового времени включали в себя земли с разным историческим прошлым (хотя и в рамках одного западно-христианского общества), населенные разными этническими группами. Несмотря на то, что Англия и Франция были империями в любом значении этого слова, они уже начали эволюционировать в архетипические европейские национальные государства. Оба государства определялись своей лояльностью одной правящей династии, принадлежащей или ассоциирующей себя с

доминирующей этнической группой. Оба они проводили политику административной, правовой, фискальной унификации среди народов, их населяющих. И использовали высокую культуру и язык королевского двора для унификации элит – выходцев с этнических окраин. Несколько лет назад Фредерик Герц заметил, причем достаточно точно, что современные государства-нации – это “бывшие империи, которые преуспели в деле сплочения разных народов в одну нацию”³⁵.

Данная модель может быть использована для применения методологии «имперской ситуации». По мнению Ильи Герасимова, Сергея Глебова, Ян Кусбера, Марины Могильнер и Александра Семенова, «исторические нарративы империй структурировались тем или иным реальным прототипом из числа многочисленных великих империй прошлого, и каждая из них, по своему уникальная, влияла на траекторию развития других имперских формаций». Особое влияние на организующие нарративы исторических исследований оказали сюжеты возникновения и распространения наследия классических империй древности, особенно Римской империи – архетипической для современного исторического воображения³⁶. Хотя исторические исследования империй зависят от нарративов, основанных на классических прототипах, они также предлагают аналитический инструментарий для разграничения исторически сформировавшихся различий имперских формаций и закономерностей исторического процесса. Так, историки подчеркивают разницу между домодерными и модерными империями. Древние империи характеризуются наличием формализованной политической структуры, они основаны на завоевании, у них нет могущественных соперников в лице суверенных территориальных государств и национализма. Империи Нового времени рассматриваются как новые формы организации пространства и гегемонии, возникшие после Вестфальского мира и Французской революции. Они основаны на неформальном колониальном господстве, коммерческих связях и современной технологии. Этот тип империи оказывается вполне совместимым и даже взаимосвязанным с идеей суверенного национального государства, распространяющего военное и экономическое влияние за пределы своих границ. Вводя современный принцип суверенитета в Европе, этот тип имперской политики одновременно предлагал разделенный или неполноценный суверенитет за пределами «цивилизованного» континента³⁷.

Другая исследовательская типология основана на различении заморских и континентальных империй. Несмотря на явно геополитическое происхождение этой типологии, она фактически основана на предположении о технологическом и культурном превосходстве заморских империй, связанном с имевшимся у них опытом современной политической революции и наличием буржуазного общества – в общем, с их более современным характером (по сравнению с континентальными империями). «Колониальные заморские империи до последнего времени служили историкам образцом имперского господства передовых европейских держав над периферией колоний. Тем самым оппо-

зияция “модерного / додомодерного” проецировалась на дихотомию континентальных / заморских империй. Исторический опыт колониальных империй породил богатую традицию критического анализа в сфере постколониальных исследований, сосредоточивших внимание на дискурсах и культурных практиках исключения, доминирования и контроля, а также формах производства знания о колониализме.

Новая волна исторических исследований, появившихся после распада многонациональных государств, таких как СССР и Югославия в конце XX века, привела к открытию иного исторического типа империй в Центральной Европе и Евразии (Османской, Габсбургской, Российской, а также СССР). Этот тип территориально-протяженных, или континентальных, империй характеризуется более пористыми границами и менее четкими отличиями между имперским центром и периферией, династической и недемократической формой правления в сочетании с режимами подданства и дифференцированного гражданства, а также полиэтничным составом населения. В империях этого типа общее пространство оспаривается разными национальными движениями и версиями национального воображения. Новый этап имперских исследований во многом осложнил казавшуюся прежде самоочевидной аналитическую дихотомию современных / архаических и заморских / континентальных империй. Течение, которое можно назвать «ревизионистскими постколониальными исследованиями», релятивизировало прежние представления о фиксированности границ между метрополией и колониальной периферией в Британской, Французской, Испанской, Португальской и Голландской империях и даже о непроницаемости расово детерминированной преграды между колонизатором и колонизированным»³⁸.

Эти классификации могут быть использованы в сочетании с методологией имперской ситуации и имперских историй.

Абсолютно неприменимы новые выработанные плодотворные подходы к работам, где используется устаревшая классификация империй, таким как относительно недавняя статья О.Ю. Малиновой «Тема империи в современных российских политических дискурсах». Она выделяет в качестве признаков империи:

1. *Многосоставность*: «империя – это политическое образование, включающее в себя *много* разнокачественных элементов, которые могут выделяться по разнокачественным основаниям (“народы”, “нации”, “национальности”, “этносы”, “политические организмы”, “разнокультурные земли” и др.). В роли идеально-типической противоположности этой характеристики выступает “национальное” государство с ударением на прилагательное. В российских публичных дискурсах в качестве альтернативы нередко предстают государства, где есть доминирующая нация»³⁹.

2. *Наличие центра и периферии* (метрополии и колоний), отношения между которыми имеют ассиметричный и неравноправный характер. «Нередко подчеркивается насильственный характер “удержания” территории, а также несправедливый обмен ресурсами в пользу центра. В этом качестве “импе-

рия” противостоит, с одной стороны, *федерации*, где отношения между федеральным центром и субъектами федерации строятся на началах равноправия, а с другой – *унитарному государству*, в котором нет столь явного противопоставления центра и периферии⁴⁰.

3. *Авторитарический способ интеграции территорий и общества «сверху»*. «Данное значение понятий подчеркивает вертикальный характер политических связей в империи, в противоположность комбинации связей горизонтальных и вертикальных, характерных для идеального типа нации-государства, интерпретируемого как тандем демократического государства и гражданского обществ. В рамках такого понимания империи нередко подчеркивается факт бесправия подданных (в отличии от полноправных граждан нации-государства)»⁴¹.

4. *Наличие «универсальной объединяющей идеи»*, «некоего глобального цивилизационного проекта, во имя которого империя вбирает в собственное “тело” и в орбиту своего влияния народы и территории. Империя при таком понимании выступает не просто как способ организации власти, но как воплощение некоего мессианского проекта. В этом качестве она противоположна идеальному типу *государства* – “ночного сторожа”, функции которого ограничены обслуживанием интересов собственных граждан»⁴².

5. *Влияние на международной арене, стремление подчинить этому влиянию другие государства без утраты ими самостоятельного государственного статуса*. В этом значении «империя» – это прежде всего «великая держава», в полной мере реализующая свой потенциал влияния⁴³.

Из нашего анализа мы можем сделать вывод, что в последние годы появляются новые концептуально-методологические подходы, которые позволяют по-новому взглянуть на феномен империи и расширяют возможности ее изучения, делая их более адекватными. Изучение «имперских ситуаций» и «имперских историй» позволяет глубже понять природу империи и ее отличительные особенности. Подход к исследованию империи как гетерогенного пространства позволяет реконструировать новую неожиданную реальность, которая ускользала от внимания историков, использующих традиционный взгляд на империи. При традиционном подходе империи, хотя и не имеют общепризнанного определения, обладают заранее предпрешенными, как правило, негативными качествами, что не позволяет разглядеть специфику имперских действий и имперской логики. При новом подходе взгляд на империю нейтрален, он открыт для изучения самых разных аспектов имперского строительства и имперской практики и позволяет делать совершенно новые выводы об империи как о политико-культурном феномене.

Кроме того, в отличие от традиционного взгляда, который видел в империи пройденный этап человеческой истории, новый подход утверждает, что имперская ситуация может сложиться в любое время и любом регионе мира, и на империи нельзя глядеть просто как на наше прошлое, оно может быть и нашим настоящим, и нашим будущим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Миллер А.И.* История империй и политика памяти // Наследие империи и будущее России. – М., 2008. С. 30.

² В поисках новой имперской истории // Новая имперская история постсоветского пространства. Под ред. И. Герасимова и др. – Казань, 2004. С. 9–10, 12.

³ Там же. С. 16, 19, 21.

⁴ NOTA VENE: «Структуры и культуры имперского и постимперского разнообразия: программа журнала «Ab Imperio» на 2012 г. <http://net.abimperio.net/node/2065>

⁵ Там же.

⁶ Логос. 2007. № 1.

⁷ Логос. 2007. № 1. <http://www.ruthenia.ru/logos/number/58/13.pdf>

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В поисках новой имперской истории // Новая имперская история постсоветского пространства. С. 26–27.

¹⁶ *Герасимов Илья, Глебов Сергей, Кусбер Ян, Могильнер Марина, Семенов Александр.* Новая имперская история и вызовы империи // Ab Imperio. 2010. № 1. <http://abimperio.net/cgi-bin/aisho.w.pl?state=showa&idart=2626&page=2&idlang=2&Code=uxcPRTJsa2p0bbjjGgN5IVBpg>

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Wortman Richard.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2 [Princeton, 2000]. P. 10–15.

¹⁹ *Герасимов Илья, Глебов Сергей, Кусбер Ян, Могильнер Марина, Семенов Александр.* Новая имперская история и вызовы империи.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ *Geraci Robert and Khodorkovsky Michael (Eds.).* Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ithaca, NY, 2005; *Werth Paul W.* At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. – Ithaca, NY, 2002; *Zhuk Sergei I.* Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917. – Baltimore, 2004; *Breyfogle Nicholas B.* Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. – Ithaca, NY, 2005

²⁵ *Werth Paul.* Imperiology and Religion. Some Thoughts on a Research Agenda // Matsuzato. Imperiology. Pp. 51–67. Цит по: *Герасимов Илья, Глебов Сергей, Кусбер Ян, Могильнер Марина, Семенов Александр.* Новая имперская история и вызовы империи.

²⁶ *Джераси Р.* Культурная судьба империи под вопросом: мусульманский восток в российской этнографии XIX в. // Новая имперская история постсоветского пространства. С. 271–272.

²⁷ Там же. С. 274.

²⁸ *Мауцзато К.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. С. 452–453.

²⁹ *Миллер А.И.* История империй и политика памяти // Наследие империи и будущее России. – М., 2008. С. 26.

³⁰ Там же. С. 28–29.

³¹ Там же. С. 33.

³² Логос. 2007. № 1. <http://www.ruthenia.ru/logos/number/58/13.pdf>

³³ *Беккер С.* Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства. С. 70–71.

³⁴ Там же. С. 71.

³⁵ Там же. С. 72–73.

³⁶ *Герасимов Илья, Глебов Сергей, Кусбер Ян, Могильнер Марина, Семенов Александр.* Новая имперская история и вызовы империи // *Ab Imperio*, 2010, № 1.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ *Малинова О.Ю.* Тема империи в современных российских политических дискурсах // *Наследие империи и будущее России.* С. 63.

⁴⁰ Там же. С. 63–64.

⁴¹ Там же. С. 64.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 65.

Петр АКУЛЬШИН, Игорь ГРЕБЕНКИН

Военная история: направления поиска, методы, проблемы

На протяжении двух последних десятилетий в отечественной исторической науке складывается новое понимание военной истории как изучения военной сферы жизни общества в исторической ретроспективе. В предшествующий период ее развития преобладала более узкая трактовка военной истории, под основным объектом которой понималось общество, находящееся в особом, «критическом» состоянии – в условиях войны¹. Это обстоятельство являлось одной из предпосылок того, что к исходу XX века военная история в нашей стране не вполне сложилась как самостоятельное научное направление. Это может показаться странным, если учитывать ту роль, которую победы в Гражданской и Великой Отечественной войнах играли в легитимизации Советской власти в общественном сознании населения СССР. Еще в 1928 г. один из основателей общества историков-марксистов Б.И. Горев отмечал одну из особенностей формирующейся советской историографии: «Не только нет ни малейшей попытки поставить историческое исследование какой-нибудь прошлой войны, но нет до сих пор истории мировой войны. ...Нет н одной сводной марксистской работы, которая дала бы цельную картину мировой войны, т. е. установила бы связь в войне технических элементов с элементами социальными и политическими. Таких работ нет»². В течение последующих шести десятилетий многое, казалось бы, изменилось. В научный оборот был введен огромный фактический материал, охватывающий период от появления восточных славян на исторической арене вплоть до войн и военных конфликтов XX в., который исследовался на основе широкого круга исторических источников. Появились труды по истории войн и военного дела (Е.В. Тарле, П.А. Зайончковский, Л.Г. Бескровный, П.А. Жилин, К.Ф. Шацилло). Но в то же время военная история так и не сложилась в отдельную проблематику, война и военное дело, как правило, рассматривалась как часть курса политической, социальной и экономической истории³. Это по-своему отражало особенности идеологических основ советского общества послевоенной эпохи.

На протяжении постсоветского периода благодаря усилиям наших современников, как профессиональных исследователей, так и любителей-энтузиастов, военного дела и его прошлого, военная история конституировалась в специфическую сферу гуманитарного знания.

В поисках метода и источников

Развитие исследований в области военно-исторической проблематики шло в обстановке интенсивного усвоения дореволюционной российской и эмигрантской историографии. Примером этого может служить введение в акту-

альный научный оборот работы А.А. Керсновского, посвященного истории российской императорской армии, генерала Н.Н. Головина по истории Первой мировой войны и Н.Н. Рутыча о высшем командном составе белых армий Гражданской войны⁴.

Это позволило посмотреть на многие известные исторические сюжеты с новых позиций, непривычных для читателя, выросшего на литературе советского периода. Вместе с тем метафизическое понимание исторического процесса, которое заметно обнаруживает себя в наше время, привело к некритическому восприятию многих тезисов и положений этих работ. При всех несомненных достоинствах эти труды нуждаются в таком же критическом восприятии как исследования представителей советской историографии.

Немалое влияние на подходы отечественных исследователей оказала англо-саксонская и немецкая историческая литература, в том числе и мемуарного характера. Массовую доступность приобрели труды крупных западных военных историков и военачальников⁵. Их оценки и ментальные установки стали значимым фактором современных отечественных подходов в военной истории. Традиционный взгляд по принципу «наши» и «не наши» ощутимо уступил место более плюралистическому подходу, допускающему более критический взгляд в отношении «своих» нежели в отношении «чужих».

Сложные процессы усвоения как наследия историографических школ и направлений прошлого, так и современных методологических подходов привели к огромному разнообразию теоретических основ исторических исследований. По этим причинам массовая военно-историческая литература сегодня отражает широчайший методологический и идеологический спектр современного гуманитарного знания. В ней можно встретить тексты, написанные в духе современного извода теории официальной народности, неплохо сохранившихся наработок в духе советского понимания марксистской идеологии 1960–70-х гг. и всевозможных оттенков постмодернизма, многие из носителей которого даже не отдают себе отчет о принадлежности к этому методологическому направлению.

В изучении военной истории распространенным подходом остается то, что применительно к историографии раннего нового времени называлось «эрудизмом» и «антикварным подходом». Это проявляется в поиске, коллекционировании, описании отдельных исторических фактов военной истории при отсутствии попыток более глубокого объяснения прошлого. В некоторых случаях такое собирательство военно-исторических фактов и военно-технических и униформистских артефактов представляет определенный научный интерес. В целом же подобное сугубо описательное отношение к истории войны и военного дела свидетельствует о новом торжестве былых плацдармов традиций на основе постмодернистского понимания истории.

Тяготение значительного круга современных исследователей военной истории к позитивистскому подходу можно рассматривать как положительное в целом явление. Сбор и критический анализ исторических фактов на основе изучения источников остается ведущим, а порой единственным надежным

подходом в научном арсенале исследователя в области военной истории. Это объясняется как значительными лакунами в этой сфере, так и отсутствием во многих случаях военно-исторических нарративов, отвечающих современным потребностям общества в гуманитарном знании. Востребованность в позитивистском подходе объясняется также и тем, что с вводом в последние годы огромного количества новых источников существует настоятельная необходимость их осмысления и систематизации.

Усилилось внимание исследователей к различным маргинальным явлениям, группам и лицам. К данной категории можно отнести проблему военнопленных различных войн. Трагедия военного плена при всей своей масштабности в войнах XX в. является периферийной проблемой для военного дела и военной истории. Усиленное внимание к этой тематике стало непосредственным отражением в исторических исследованиях кризисных явлений в современном общественном сознании⁶. Этим же объясняется и появление такого направления как изучение сотрудничества с оккупантами в годы Великой Отечественной войны, в том числе в военной сфере. Под пером ряда историков ревизионистского направления коллаборационизм из маргинального общественно-политического феномена превращается в одно из преобладающих явлений периода Великой Отечественной войны⁷.

Принципиально новым методологическим комплексом, не имевшим ранее достаточного распространения в отечественной историографии, следует считать «военно-историческую антропологию». Методы военной антропологии предполагают выявление того общего и особенного, что во всех войнах влияет на психологию социума в целом и армии в частности; анализ ценностей, представлений, традиций всех социальных слоев в контексте назревания и хода войны, реконструкция совокупности факторов, влияющих на формирование и эволюцию психологии участников войны⁸.

1990-е годы были ознаменованы открытием многих ранее недоступных архивных фондов в том числе и военного направления, что имело неоднозначные последствия. Масштабы исследовательского поиска в фондах крупнейших отечественных архивохранилищ (Российского государственного военно-исторического архива – РГВИА, Российского государственного военного архива – РГВА, Центрального архива Министерства обороны – ЦА МО, значительно увеличились. Благодаря усилиям архивных работников и специалистов академических институтов были подготовлены фундаментальные публикации⁹. Появился ряд крупных справочных изданий, которые могут выступать в качестве новой основы для дальнейшей исследовательской работы¹⁰. Важное эвристическое значение имеет выход в течение последнего десятилетия Путеводителя и описания фондов по архивному собранию РГВИА¹¹. Большие возможности для работы дает Интернет-портал Росархива, который содержит сведения о фондах большинства федеральных и многих региональных архивов.

Однако общественная обстановка не вполне отвечала научному и систематическому осмыслению новых документов. Социальный заказ и недостаточ-

ная профессиональная компетентность части исследователей препятствовали объективному и квалифицированному использованию новых документальных свидетельств. Одним из проявлений этой ситуации следует считать «источниковый фетишизм», когда публикация архивного документа пусть даже интересного по содержанию, но вырванного из общего исторического контекста является самоцелью. Во многих публикациях, носящих любительский характер, не учитывается опыт, накопленный исторической наукой, прежде всего то, что называется внешней и внутренней критикой источников. К глубокому сожалению встречаются случаи, когда публикаторы и комментаторы, в силу либо недостаточного профессионализма, либо политической ангажированности идут на прямую фальсификацию документов.

На протяжении последних десятилетий был переиздан практически весь комплекс источников личного происхождения, ранее выходивший как в СССР, так и за рубежом. Значительным научным событием стало введение в научный оборот дневников военного министра пореформенной эпохи Д.А. Милютина¹². Впервые получили академическое оформление дневники и воспоминания ряда известных военных деятелей¹³. В качестве специфического направления в публикации источников по военной истории следует указать разнообразные издания визуальных источников – изобразительных произведений и фотографий по военно-исторической тематике. Это свидетельствует о значительном приращении объема исторических фактов, являющихся основой исследования в изучаемой сфере.

Растущий объем вводимых в научный оборот источников заставляет обратиться к вопросу о степени осмысления источниковедческих проблем военной истории. Применительно к хронологическим этапам до середины XIX в. различные виды письменных источников, их внешняя и внутренняя критика разработаны достаточно основательно в рамках гражданской истории. В отношении источников по военной истории более позднего периода, в особенности XX в., когда они приобрели более массовый характер, эта работа только предстоит. Назрел вопрос о переходе от накопления фактов и их систематизации к теоретическому осмыслению военной истории как особой сферы человеческого прошлого.

Профессионалы и любители

В системе классификации наук советской эпохи понимание военной истории получило двойственный характер. С одной стороны она являлась частью исторической, с другой – частью военной науки. Поэтому «гражданские» историки с известной осторожностью позволяли вторгаться в сферу того, что считалось военной историей. В эти десятилетия сложился такой феномен как «профессиональные военные» историки, который существует в нашей стране

и поныне. Под ними понимаются кадровые военнослужащие Советской, а затем Российской армии, чья основная служебная деятельность заключается в исследовательской работе в области военного прошлого. Особенность военно-исторической науки в данном контексте определяется включенностью в служебно-профессиональные структуры, ставящие максимально формализованные задачи в плане исследовательской деятельности и значительное влияние на менталитет научных работников армейской субкультуры.

В советский период ведущим научно-исследовательским учреждением в сфере военной истории считался Институт Военной истории Министерства обороны, учрежденный в 1966 г., который в настоящее время в связи с реформированием Вооруженных сил РФ получил название Центра военной истории при академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ. Главным направлением его деятельности в настоящее время является подготовка многотомного исследования и публикации документов по истории Великой Отечественной войны, а также официальных историй видов и родов вооруженных сил и структурных подразделений Министерства обороны РФ¹⁴.

Помимо Института военной истории в данной сфере важную роль играет Военный университет Министерства обороны. В этом учебном заведении функционирует диссертационный совет по историческим специальностям, где защищают диссертации преимущественно преподаватели военных учебных заведений, чьи работы в значительной степени связаны с военной проблематикой.

Формирование в нашей стране институтов гражданского общества привело к возникновению такой общественной организации как Академия военных наук. Среди направлений ее деятельности необходимо отметить проведение научных мероприятий и издание из материалов. Инициатором и руководителем академии является генерал армии М.А. Гареев, который занимает активную позицию в отношении попыток пересмотра и фальсификаций традиционных оценок и концепций Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Профессиональные военные историки внесли значительный вклад в исследования проблем военного прошлого, особенно войн и военных конфликтов XX века. Характерной чертой последних десятилетий стала активная разработка военно-исторической проблематики гражданскими исследователями, что не было характерно для предшествующей эпохи. Это оказало несомненное влияние как на проблематику, так и на методы ее разработки.

Институциональной основой отечественной исторической науки является система присуждения научных степеней. На протяжении 2000–2011 гг. в Российской Федерации защищено 77 докторских диссертаций по отечественной истории, связанных с военно-исторической проблематикой. Из них 6 (7,8 %) касаются проблем и событий XVI–XVII вв., 31 (40,2 %) – относятся к имперскому периоду, 5 (6,5 %) посвящены событиям Первой мировой войны и 35 (45,5 %) – военной истории советского периода, в том числе 11 (14,3 %) посвященных Великой Отечественной войне. За этот же промежуток времени по военно-исторической проблематике защищено более 200 кандидатских

диссертаций. Около 4 % из них посвящено военной истории Древней Руси и Московского государства. Примерно одна треть диссертаций относится к имперскому периоду, в том числе почти 5 % посвящены истории Первой мировой войны. Более половины всех диссертаций приходится на военную историю XX в. после 1917 г., в том числе 17 % – на период Гражданской, 14 % – на период Великой Отечественной войны, 31 % – на другие периоды (к межвоенному периоду относится – 12 %, а к послевоенному – 19 %). Таким образом, тематика докторских и кандидатских диссертаций свидетельствуют о том, что внимание исследователей преимущественно обращено к военной истории Российской империи и XX века¹⁵.

Итоги диссертационных исследований становятся в первую очередь достоянием научного сообщества, которое может по достоинству оценить работы коллег. Однако интерес современного общества к военно-исторической проблематике гораздо шире, нежели то информационное поле, которое обеспечивает функционирование профессиональных связей историков. Средний тираж изданий работ современных гуманитариев в среднем составляет 300–500 и редко превышает 1000 экземпляров. В то же время рынок чутко реагирует на существующий в обществе устойчивый спрос на литературу военно-исторического характера. В связи с этим заметную часть военно-исторической литературы составляют произведения, создаваемые авторами-любителями. Их совокупный тираж на несколько порядков превышает тиражи изданий профессиональных историков. В отличие от советской и дореволюционной эпох многие из этих текстов нельзя оценивать как научно-популярные произведения. Общеизвестно, что в современных условиях многие коммерческие издательства допускают к публикации авторские тексты без научного редактирования и рецензирования. Это является неизбежным следствием развития современных информационных процессов в условиях эрозии традиционных академических ценностей.

Авторов-любителей зачастую отличает амбициозность, а также значительная мотивированность к созданию своих текстов в отличие от профессиональных исследователей, разделяющих конвенциональные принципы научного сообщества. Как правило, они стремятся пересмотреть устоявшиеся оценки и подходы исходя из собственного понимания обыденного здравого смысла обычно усиленного политической ангажированностью. В этом дилетантском подходе даже можно найти свои плюсы. Во-первых, это смелое и незашоренное обращение к любым проблемам и явлениям, которое позволяет увидеть нечто, выходящее за рамки существующих научных парадигм. Во-вторых, их тексты оперативно реагируют на актуальный социальный заказ, на который профессионалы не всегда могут быстро ответить. Но кратко суммируя все недостатки свойственные подобным изданиям по военно-исторической тематике, можно указать, что своей горячей и зачастую искренней верой в собственную правоту они подменяют научный поиск, игнорируя существующие принципы и методы исторических исследований. В то же время анализировать современное состояние военно-исторических исследований без

обращения к подобного рода литературе невозможно в силу двух обстоятельств. Именно они формируют представления наших соотечественников о военной истории и именно они энергично берутся за темы и вопросы, которые профессиональные исследователи и научное сообщество в целом не затрагивают или касаются их с большой осторожностью.

В современном гуманитарном знании остро стоит вопрос о профессионализме исследователя, еще более остро он стоит в сфере изучения военной истории. Главным критерием профессионализма, конечно, является не наличие базового исторического образования и даже не обладание ученой степенью, так как в нашу эпоху эти регалии не всегда свидетельствуют о достаточном уровне их обладателя. В науке есть немало примеров, когда любитель в ходе упорной и тщательной работы над собой и над материалом достигает профессионального уровня в решении поставленных исследовательских задач. Вместе с тем такое приходится считать редким и социально обусловленным явлением. Современная действительность, к сожалению, поощряет амбициозных дилетантов, угрожающих механизму защиты гуманитарных традиций общества.

Традиционно ведущим способом распространения актуальной научной информации является научная периодика. Длительное время главным профильным изданием является «Военно-исторический журнал». Военно-историческая тематика занимает достойное место на страницах ведущих научных исторических журналов «Российская история», «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Нестор». Журнал «Родина» периодически посвящает свои тематические выпуски войнам и военным конфликтам в истории России. Помимо этих признанных периодических изданий в последние десятилетия на гребне растущего спроса массового читателя возникла целая россыпь журналов, позиционирующих себя как военно-исторические, освещающих вопросы истории войн и военного дела, развития и боевого применения вооружения и военной техники, а также униформистики, фалеристики, вексиллологии («Рейтар», «Полигон», «Танкомастер», «Авиамастер», «Мир авиации», «Флотомастер», «Цейхгауз» и др.).

В современных условиях информационной перенасыщенности широкий общественный резонанс, связанный со спорами по военно-историческим проблемам, (подобный тому, который был вызван появлением известных опусов В. Суворова) уже маловероятен. Его могут вызвать лишь медиа-проекты, получающие широкое распространение благодаря телевидению и Интернету. В российском Интернете военно-историческая тематика занимает заметное место. Некоторые ресурсы, прежде всего электронные библиотеки, дают возможность оперативного массового доступа к новой литературе¹⁶. В то же время основная масса ресурсов, связанных с военной историей тяготеет к одной из новых субкультур современного общества.

В 80-е годы прошлого столетия в нашей стране появилась и быстро развивалась такая специфическая форма социального досуга как военно-историческая реконструкция. Возникнув в подражание опыту Западной Европы и Северной Америки, она нашла много сторонников и стала одним из

значимых явлений субкультуры современной России. Без участия военно-исторических клубов сегодня не обходится ни одна годовщина крупных сражений и событий, связанных с военной историей России. С одной стороны, это явление существует и развивается как форма популяризации военно-исторических знаний, а, с другой, выражает невротическое состояние общественного сознания, так как для многих и в первую очередь молодых участников движения выступает как форма социального эскапизма и иррационального позиционирования. На наших глазах отечественная военная традиция, которая была зафиксирована не только в законодательстве и нормативных актах, но и в архетипах общественного сознания уходит в прошлое. Все меньше остается тех, кто служил и готов служить в армии, все больше тех, кто не прочь «поиграть» в войну.

Темы и проблемы

Многие исторические сюжеты, относящиеся к военной истории в советский период оказывались своеобразной «фигурой умолчания» как по научным, так и по сугубо идеологическим соображениям. На рубеже 1980–90-х гг., когда огромные изменения в жизни общества привели к переменам в исторической науке, начавшееся рассмотрение «белых пятен» в ряде случаев обратило их в пятна «черные». В первую очередь это коснулось событий Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Затем этот процесс охватил комплекс проблем и взглядов, связанных с Великой Отечественной и Второй мировой войнами. Критической оценке частоходящей до прямой ревизии подверглись практически все итоги и выводы советской историографии в области военной истории. Каковы же итоги этого критического пересмотра и попыток нового взгляда на военную историю?

Анализ процесса изучения военной истории за последние десятилетия позволяет сделать вывод, что современные исследователи обратились к проблемам, не получившим достаточного освещения в работах предшествующих поколений историков. Сложившимся можно признать такое новое направление исследований как военная археология, изучающая историю военного дела с древнейших времен до раннего нового времени по археологическим и иным материальным источникам, прежде всего предметам вооружения и снаряжения¹⁷. Это направление продолжает традиции изучения древнерусского вооружения, сложившееся в советский период благодаря трудам А.Н. Кирпичникова. В последние десятилетия интересные результаты получены в изучении вооружения и военной организации эллинизма и кочевых народов средневековой Азии¹⁸. Войны, которые вело Московское государство на рубеже XV–XVI вв., нашли отражение в работах об эпохе Ивана III и Василия III¹⁹. Целиком посвящен публикации исследований в области воен-

ной истории средневековья и раннего нового времени серийный альманах «Единорогъ»²⁰.

Традиционно в отечественной историографии военную историю допетровской Руси изучают преимущественно в рамках социальной истории служилых групп населения, что объясняется как спецификой военной системы той эпохи, так и характером сохранившихся письменных источников²¹. Возникшая в русской военной мысли на рубеже XIX–XX вв. дискуссия о степени самобытности военного дела в России вновь поднимаются в работах, посвященных комплексному исследованию вооруженных сил российского государства в XVI–XVII вв. Ряд из них отразили военные реформы предшествующие петровской эпохе, роль военного зодчества в развитии русской государственности, военные факторы колонизации Западной Сибири. Выдвинута оригинальная гипотеза, согласно которой морские походы донского и запорожского казачества на Османскую империю в первой половине XVII в. объединены в единый комплекс военных событий под названием Босфорская война²².

подавляющая часть исследований по военной истории посвящена имперскому периоду. Основное внимание уделяется таким узловым этапам как первая четверть XVIII века и первая четверть XIX века. Северная война и Отечественная война 1812 года остаются не только важнейшими событиями в военной истории России, но и важнейшими вехами в развитии исторического самосознания российского общества. Поэтому каждая юбилейная дата вновь актуализирует эту проблематику в различных институциональных формах. 200-летие Полтавской битвы (2009 г.) было ознаменовано выходом ряда крупных исследований и проведением научных мероприятий²³. В то же время диссертационных исследований, посвященных военной истории первой четверти XVIII века, появилось относительно немного²⁴. Стоит отметить наметившуюся в российской историографии тенденцию к пересмотру устоявшихся оценок петровской эпохи, в частности попытки иначе представить личность и роль гетмана И. Мазепы²⁵. Появился ряд исследований о сравнительно малоизученных вопросах военной истории XVIII века²⁶. Любопытно то обстоятельство, что войны Российской империи второй половины XVIII века не привлекают внимания исследователей, а многочисленные популярные издания используют наработки авторов дореволюционного и советского периодов.

Тематика наполеоновских войн и их кульминационного события – Отечественной войны 1812 года остается востребованной как профессиональными исследователями, так и любителями военной истории. Традиционными стали научные конференции, проводимые на Бородинском поле и в Малоярославце. Новым подходом следует считать анализ вклада отдельных регионов России в военные победы над Наполеоном²⁷. Увидел свет ряд исследований, посвященных русской армии и военным конфликтам александровского периода²⁸. Сложилось отечественное направление изучения наполеоновской армии²⁹. Подведением итогов исследований стали подготовка и издание энциклопедии «Отечественная война 1812 г.»³⁰

Преобразование Кавказа в конце XX века в зону перманентного конфликта вновь оживило интерес к истории вхождения этого региона в состав российского государства³¹. Военно-исторический аспект этой проблемы затрагивается во множестве работ, трактующих ее с разнообразных позиций от традиционно-имперского до ультралиберального, приписывающего Российской империи геноцид народов Кавказа. На фоне этого плюрализма публицистической мысли, который опирается на достаточно произвольный набор фактов, достойным исключением представляется появление исследования В.В. Лапина о русской армии в Кавказской войне³². Имеется заметное количество исследований, посвященных российскому казачеству, однако тематика большинства из них выходит за рамки проблем военной истории³³.

Одно из распространенных направлений в тематике диссертационных исследований связано с вопросами подготовки офицерских кадров в военных учебных заведениях и воспитательной работе с офицерами императорской армии³⁴. При всем разнообразии тематики кандидатских диссертаций особое внимание исследователей привлекает военно-политическая деятельность представителей элиты российской императорской армии³⁵. Новым подходом следует считать исследование деятельности российских военных агентов за рубежом³⁶. Публикации последнего десятилетия демонстрируют рост интереса исследователей к кругу вопросов и задач, относящихся к сфере военной антропологии. Традиционными стали периодические сборники статей авторов, работающих в данном направлении³⁷. С развитием военной антропологии тесно связано изучение военного быта различных эпох в рамках «истории повседневности», понимаемого в основном как жизнь офицерского корпуса³⁸. Гораздо меньше привлекает внимание исследователей другая человеческая составляющая военного потенциала России – солдатская масса, которая по-прежнему остается «серой скотинкой» малопонятной как своим начальникам, так и отечественной исторической науке. Исключения составляют исследования О.С. Поршневой, А.Б. Астахова, в которых рассмотрены социальные качества российских солдат в годы Первой мировой войны³⁹.

Другие войны XIX в. вплоть до Русско-японской войны 1904–1905 гг. остаются уделом популярной литературы, среди которой наибольший интерес представляют переиздания работ авторов уже ушедших периодов⁴⁰. Большой интерес вызывает проблема военных реформ XIX века. Предметом вдумчивого анализа стала история военных поселений⁴¹. Заложенная П.А. Зайончковским традиция изучения военных реформ и развития вооруженных сил середины – второй половины XIX века находит продолжение в ряде докторских и кандидатских диссертаций⁴². Невзирая на огромное количество источников, неисследованной остается проблематика Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Причины такого историографического феномена ждут своего объяснения. В то же время военно-политические усилия России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. – тема относительно разработанная⁴³.

В обширной историографии последних двух десятилетий о Первой мировой войне собственно военно-исторические сюжеты не являются ведущей

проблематикой. К тому же, как и вообще в изучении истории XX века наблюдается тенденция к изучению частных проблем и событий, небольших социальных групп, которую можно назвать микроисторией. Такой подход при наличии высоких профессиональных качеств позволяет достигнуть интересных результатов.

В связи с продолжающимися процессами реформирования Вооруженных сил Российской Федерации появился ряд исследований актуализирующих военную символику, а также традиции воспитания и подготовки командных кадров⁴⁴. Наряду с журнальными публикациями присутствуют и крупные диссертационные исследования о военных ритуалах, знаменах и штандартах, военной геральдике, офицерских собраниях, воспитании духовной культуры и роли церкви в жизни армии⁴⁵. Оставляя открытым вопрос, насколько эти практические рекомендации послужат укреплению современных Вооруженных сил России, необходимо признать, что такое обращение к опыту императорской армии является характерным для изучения военной истории в наше время.

Глубокий кризис армии как государственного и общественного института в годы Первой мировой получил отражение в ряде монографических исследований⁴⁶. К ним примыкают оригинальные по замыслу и содержанию исследования, прослеживающие преемственность в развитии военно-морского ведомства до и после 1917 г. и роли военно-морского флота в общественно-политической жизни России периода революции и Гражданской войны⁴⁷.

В огне Гражданской войны рождалась новая вооруженная сила российской государственности – Рабоче-крестьянская Красная Армия. Огромный поток исследований, посвященный ее истории, характерный для второй половины XX века, в современных условиях ощутимо иссяк. За последнее десятилетие докторских исследований по этой тематике не появилось, хотя стоит отметить ряд кандидатских диссертаций⁴⁸. Особое внимание исследователей привлекают моменты конфликтов и разногласий между военным и политическим руководством Советской республики⁴⁹. Судьбы представителей военно-профессиональной элиты бывшей императорской армии по обе стороны фронтов Гражданской войны оказались в центре крупных справочно-биографических изданий⁵⁰.

Гораздо более востребованной в популярной литературе тематикой является изучение военной истории противников Советской власти. В научный оборот введен основной массив воспоминаний деятелей Белого движения и других документов⁵¹. Отдельные биографические исследования были посвящены не только вождям и видным военачальникам белых армий, но и ряду второстепенных и одиозных персонажей антибольшевистской борьбы⁵². Повышенное внимание уделяется офицерскому корпусу антисоветских формирований и казачеству⁵³. К новым тенденциям в этой сфере следует отнести освещение регионального аспекта военной истории периода Гражданской войны⁵⁴. Одной из черт современного историописания Гражданской войны в России стало исчезновение из поля анализа военно-исторических проблем

такого явления как иностранная интервенция. Как и прежде неразрешенной, но актуальной задачей в исследованиях истории Гражданской войны остается преодоление односторонней позиционированности авторов.

Отдельное направление в современной отечественной историографии составляет изучение антисоветской эмиграции, в том числе и ее военно-исторических аспектов. Анализ историографических тенденций в этой области является предметом отдельного рассмотрения в рамках данного проекта. В то же время та сфера деятельности белой эмиграции, которая рассматривается исследователями как военная, скорее представляла собой попытки сохранения идентичности за пределами России⁵⁵.

Сложность и масштабность задач военного строительства в СССР делает их изучение магистральным явлением в отечественной военной истории XX века. Важным шагом в данном направлении стало появление фундаментальных публикаций документов высших органов военного управления СССР 1920–1930-х гг., среди них первое полное издание протоколов Реввоенсовета РСФСР и Военного совета при Народном комиссаре обороны СССР. На основе документов из фондов РГВА и РГАСПИ был подготовлен сборник документов, посвященных военной реформе в Красной Армии 1920-х годов⁵⁶. В свет вышли крупные справочные и обобщающие работы о советском военно-промышленном потенциале межвоенного периода⁵⁷.

В центре внимания ряда исследователей находится эволюция советской военной элиты, в том числе адаптация в ее рядах представителей офицерства бывшей императорской армии. Особенно профессионалов и любителей военной истории привлекает сложный и трагический период 1930-х годов в частности судьба маршала М.Н. Тухачевский⁵⁸. Дискуссии по этой проблеме связаны с такой острой проблемой политической жизни современной России как отношение к политическим репрессиям в СССР. Их причины, масштабы и последствия применительно к военной среде породили в современной литературе две диаметрально противоположные трактовки об их неизбежности. Мнения и аргументы оппонентов чаще всего продиктованы не анализом конкретного исторического материала, а позицией в конкретных идейных и политических спорах современности. Насколько достоверна версия о существовании или отсутствии «заговора маршалов» можно судить на основе умозрительных аргументов, а можно на основе тщательного анализа конкретного исторического материала. В этом отношении плодотворным представляется оригинальный подход к изучению советской военной элиты межвоенного периода концептуально разработанный в трудах С.Т. Минакова⁵⁹.

Одним из традиционных направлений военной истории остается рассмотрение развития отдельных видов и родов вооруженных сил⁶⁰. Новой темой стал анализ советского военного потенциала в региональном аспекте и военная политика на различных стратегических направлениях⁶¹. Большинство авторов исследований, посвященных военному потенциалу и вооруженным силам СССР вполне справедливо не спешат делать значительные концептуальные обобщения. На современном этапе изучения военной истории этого периода

основной задачей является введение в научный оборот новых фактов и их прагматическое описание. Появление многих работ этого ряда связано с потребностью современных вооруженных сил в сохранении и развитии военных традиций. Если до 1991 года исходной хронологической точкой подобных исследований являлся момент создания РККА, то для работ последнего периода характерен поиск начальных хронологических дат в истории императорской армии.

Военно-организационная структура, безусловно, является очень важным аспектом изучения военной истории, но не меньшую важность и большую сложность представляют вопросы военно-стратегического характера, особенно в плане подготовки вооруженных сил и всего государства к будущим военным конфликтам. Основные дискуссии по данной проблематике в отечественной историографии относятся к кануну и началу Великой Отечественной войны. Адекватное понимание спорных проблем в этой сфере связано не только с выявлением в архивах конкретных документов, но с изучением военно-политической мысли и механизмов принятия решений, а также порой даже невербализированного контекста стратегического руководства⁶². Введение в активный научный оборот как новых, так и забытых документов пока отстает от осмысления накопленных фактов и источников. Поэтому объективное понимание планов советского военно-политического руководства невозможно без вдумчивого анализа процесса стратегического планирования на протяжении всего периода существования советского государства.

Основная масса военно-исторических исследований посвящена Великой Отечественной и Второй мировой войнам, эти события являются предметом напряженных научных, политических и мировоззренческих дискуссий, которые в рамках настоящего проекта выведены в отдельный раздел. Заметным вкладом в рассматриваемую проблему стало научное изучение военных потерь в годы Великой Отечественной войны и войн XX в. Оно ведется в трех направлениях. Во-первых, на основе данных военного ведомства – рабочей группы под руководством Г.Ф. Кривошеева⁶³. Эти официальные оценки людских потерь СССР, которые до настоящего времени остаются единственным примером исчисления потерь на основе источников, а не умозрительных построений. Второе направление представлено исследователями-ревизионистами, которые оспаривают достоверность используемых источников и пытаются предложить собственные методики подсчетов⁶⁴. Третье направление – поименный учет воинов, павших на полях сражений. Создана общероссийская книга памяти и ведется создание региональных книг памяти. В совокупности результаты этих трех подходов и создают основу для научного анализа этой сложнейшей проблемы.

Постепенно растет число, вводимых в научный оборот, исторических фактов военной истории СССР в послевоенное время. Это создает предпосылки для первых выводов и обобщений. Темой диссертационных исследований, монографий и справочных изданий становится развитие вооруженных сил позднего советского и постсоветского периодов и участие их в военных кон-

фликтах последних десятилетий⁶⁵. Первоочередной задачей ученых остается выявление новых источников и концептуальное осмысление советского исторического опыта.

В последнее десятилетие интерес социально-гуманитарной науки и общественного сознания к проблемам военной истории вырос. И профессиональные исследователи, и профессиональные военные, и просто любители каждый по-своему пытаются осмыслить то великое наследие, которое оставили прошлые эпохи. Образно представляя эту ситуацию, искусство эпохи классицизма выбрало бы сюжет, описанный Плутархом, «Марий на развалинах Карфагена». Согласно античной традиции великий римский полководец и реформатор римской армии, потерпев поражение в борьбе за власть, в конце жизни оказался на развалинах великого города, павшего в борьбе за мировое господство. Великая военная традиция, основанная на принципе «каждый гражданин – это воин», в эпоху Мария ушла в прошлое в Древнем Риме. В нашей стране она уходит в прошлое на глазах наших современников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Жилин П.А.* О войне и военной истории. – М., 1984. С. 37.

² Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Декабрь 1928 – январь 1929. Т. 2. – М., 1930. С. 434.

³ В качестве примера двойственного толкования военной истории можно привести определение из издания начала 1970-х гг.: «Военная история – наука, изучающая войны и вооруженные силы прошлого и раскрывающая закономерности их развития; является частью исторической науки, ибо рассматривает одну из сторон истории человеческого общества; в то же время военная история является частью военной науки ибо изучает и обобщает опыт подготовки и ведения минувших войн.» состоит из истории войн, истории строительства вооруженных сил, истории военного искусства, истории военной мысли.» (Большая советская энциклопедия. Т. 5. – М., 1971. С. 206.) Таким образом, военная история рассматривалась не только как часть исторической науки, но и как часть такого специфического явления как военная наука.

⁴ *Керсновский А.А.* История русской армии. В 4-х т. – М., 1992–1994; *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Жуковский–М., 2001; *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. – М., 2002; *Он же.* Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. – М., 2002.

⁵ *Лиддел Гарт Б.* Правда о Первой мировой войне. – М., 2009; *Он же.* Вторая Мировая война. М.; СПб., 1999; *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. В. 2-х т. – М., 1994; *Гальдер Ф.* Военный дневник. 22.06.41–24.09.42. – М., 2004; *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. – Ростов н/Д., 1998; *Маништейн Э.* Утерянные победы. М.–СПб., 1999. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. – М., 2002.

⁶ Напр.: *Хомченко С.Н.* Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2007; *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). – М., 2010; *Гуцин Ф.А., Жебровский С.С.* Пленные генералы Российской императорской армии 1914–1917. – М., 2010; *Оськин М.В.* Неизвестные трагедии Первой мировой: пленные, дезертиры, беженцы. – М., 2011; *Кузьминых А.Л.* Немецкие военнопленные в СССР: социально – психологический аспект проблемы // Новая и новейшая история. 2006. № 1; *Военнопленные в СССР. 1939–1956.* Документы и материалы. – М., 2000.

⁷ *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944–1945. Биографический справочник. – М., 2009; *Волков С.В., Стрелянов П.Н.* Чины Русского Корпуса: биографический справочник в фотографиях. – М., 2009; *Котюков К.Л.* Формирование и боевая деятельность Русского охранного корпуса в Югославии в 1941–1945 гг. // Отечественная история. 2008. № 3. С. 86–94.

⁸ *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145.

⁹ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века. Документы и материалы. В 5 т. – М., 1998–2010; Реформа в Красной Армии: документы и материалы, 1923–1928 гг. В 2 кн. М.; СПб., 2006; Военный совет при Народном комиссаре обороны СССР: нояб. 1937 г.: документы и материалы. – М., 2006; То же: 1938, 1940 гг. – М., 2006; То же: Декабрь 1934 г. – М., 2007; То же: Декабрь 1935 г. – М., 2008; То же: 1–4 июня 1937 г. – М., 2008; То же: Октябрь 1936 г. – М., 2009; Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: документы и материалы. – М., 2004; Русский архив. Великая Отечественная. В 12т. – М., 1993–1999.

¹⁰ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. – М., 2004; Российская гвардия. 1700–1918. Справочник. – М., 2005; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник. – М., 2004; Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. – М.; Жуковский, 2005; Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь. В 2-х т. – М.: Жуковский, 2006; Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Действующая армия. Научно-справочное издание. – Жуковский–М., 2005.

¹¹ Фонды Российского государственного военно-исторического архива. Краткий справочник. – М., 2001; Российский государственный военно-исторический архив: Путеводитель: В 4-х т. – М., 2006–2009.

¹² Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1873–1875; 1876–1878; . 1879–1881; . 1882–1890. – М., 2008–2010.

¹³ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. – М., 2001; Дневник генерала А.Н. Куропаткина. – М., 2010.

¹⁴ Авторы выражают благодарность за помощь в знакомстве с работой Института Военной истории заместителю начальника Института Д.Ю. Козлову и научному сотруднику Института Д.Г. Мартиросу.

¹⁵ Подсчеты выполнены по данным сайта ВАК, журнала «Отечественная история» и электронного каталога Российской государственной библиотеки.

¹⁶ Наиболее известный профильный сайт – «Военная литература» (militera.lib.ru).

¹⁷ Объединяющей его структурой является Военно-археологический семинар при Государственном историческом музее под руководством О.В. Двуреченского.

¹⁸ *Нефедкин А.К.* Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.). СПб, 2001; *Он же.* Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н. э. – V в. н. э. СПб.; М., 2004. *Он же.* Конница эпохи эллинизма (военный и социальный аспект) : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Ставрополь, 2007; *Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. – М., 2011; *Бобров Л.А.* Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Барнаул, 2011.

¹⁹ *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. – СПб., 2009; *Филошкин А.И.* Василий III. – М., 2010.

²⁰ Единорогъ: материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 1. – М., 2009; То же. Вып. 2. – М., 2011.

²¹ *Володихин Д.М.* Воеводы Ивана Грозного. – М., 2009; *Он же.* Социальный состав высшего командования вооруженных сил России в 1530–1570-е гг.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 2010.

²² *Волков В.А.* Основные проблемы военной истории российского государства конца XV – первой половины XVII вв.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 2006; *Пенской В.В.* Великая огнестрельная революция. – М., 2010; *Он же.* Военный потенциал Российского государства в конце XV–XVI вв.: количественное измерение // Отечественная история. 2008. № 1. С. 3–13;

Он же. Развитие вооруженных сил России и военная революция в Западной Европе во второй половине XV – XVIII вв.: сравнительно-исторический анализ.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 2005; Носов К.С. Русские крепости конца XV–XVII вв. – СПб., 2009; *Он же.* Военное зодчество XVI–XVII вв. и его роль в становлении Российской государственности: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 2009; *Он же.* Военно-оборонительное строительство в России в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 3; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII вв.) . – СПб., 2009; *Он же.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 2010; *Он же.* Русские полки «иноземного строя» в Сибири в XVII веке // Вопросы истории. 2006. № 7; Королев В.Н. Босфорская война. – М., 2007; *Он же.* Босфорская война: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2010.

²³ Артамонов В.А. Калишская баталия 18 октября 1706 г. К 300-летию победы генерала А.Д. Меншикова. М., 2007; *Он же.* Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. и Мазепа. СПб, 2008; *Он же.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской битвы. – М., 2009; Волкова И.В. Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. 2006. № 3.

²⁴ Болтунова Е.М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003; Манойленко Ю.Е. Русская артиллерия в первой трети XVIII века. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010.

²⁵ Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. – М., 2007; Куликова В.Ф. Политическая ситуация на Украине в начале XVIII века и украинский поход Карла XII : 1708–1709 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009.

²⁶ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривполит. курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. – СПб., 2001; Собко Е.М. Участие России в войне за австрийское наследство 1740–1748 гг. // Вопросы истории. 2006. № 1; Юркевич Е.И. Военный Петербург эпохи Павла I. – М., 2007.

²⁷ Белоусов С.В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (На материалах Среднего Поволжья) : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Самара, 2007; Латина И.Ю. Земское ополчение России 1812–1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – СПб., 2008; *Она же.* Земское ополчение Санкт-Петербургской губернии в 1812 году. – СПб., 2006; Джемсупов Э.С. Национальные воинские формирования русской армии в начале XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2010; Целеев Э.А. Участие Вятской губернии в отечественной и освободительной войнах 1812–1814 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2009.

²⁸ Коваленко А.Ю. Военные реформы в России в первой четверти XIX века : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 2005; Такала И.Р., Соломеш И.М. «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 гг. // Российская история. 2009. № 6; Гасаналиев М. Русско-иранская война 1804–1813 гг и Северный Кавказ // Вопросы истории. 2009. № 9.

²⁹ Соколов О.В. Армия Наполеона. – СПб., 1999; *Он же.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг. В 2-х т. – М., 2006.

³⁰ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. – М., 2004.

³¹ Дегоев В.В. Кавказская война: альтернативные подходы к ее изучению // Вопросы истории. 1999. № 6; Савельев А.Е. Воспоминания русских военачальников о Кавказской войне 1817–1864 гг. // Вопросы истории. 2009. № 5; *Он же.* «Кавказские» и «русские» полки в начале XIX в. на Кавказе // Вопросы истории. 2010. № 2; Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817–1864 гг. и психология комбатантства : дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар 2005.

³² Латин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб., 2007; *Он же.* Стратегия Русской армии в Кавказских войнах XVIII–XIX вв. // Военно-исторический журнал. 2007. № 12; *Он же.* Новейшая историография Кавказской войны // Отечественная история. 2008. № 5. С. 179–185; *Он же.* Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2008.

³³ *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XIX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2009; *Кузнецов В.А.* Иррегулярные войска Оренбургского края в XVIII – XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Челябинск, 2011.

³⁴ *Назаров А.Н.* Подготовка офицерских кадров в Российском государстве (XVIII – начало XX в.): опыт, традиции, уроки: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2002; *Михайлов А.А.* Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в подготовке офицерских кадров: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2001; *Маслов А.В.* Воспитание корпуса армейских офицеров в духе преданности престолу и отечеству (1880 – август 1914 гг.): историческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007; *Федорова Т.В.* Формирование системы непрерывной подготовки офицеров Российской Армии во второй половине XIX – начале XX веков: на примере Сибирских военных округов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2011.

³⁵ *Черноусов А.А.* Государственная, военная, научная и педагогическая деятельность адмирала М.П. Лазарева: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008; *Юлин В.А.* Адмирал Павел Васильевич Чичагов // Вопросы истории. 2003. № 2; *Сацкий А.Г.* Дмитрий Николаевич Сенявин // Вопросы истории. 2002. № 11; *Румянцев Р.А.* Военная и государственная деятельность Павла Дмитриевича Киселева: 1805–1862 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009; *Бей Е.В.* Государственная и военная деятельность В.А. Сухомлинова (1865–1916): дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011; *Александров Б.Ю.* А.А. Брусилов: военная и общественно-политическая деятельность 1877–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009; *Садов Ю.В.* Военная и государственная деятельность генерала А.П. Ермолова: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2006; *Муханов В.М.* Князь Александр Иванович Барятинский // Вопросы истории. 2003. № 5; *Цобехия Г.Ш.* Государственная и военная деятельность М.Д. Скобелева : Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005; *Вакулов В.Е.* Военная и политическая деятельность Н.Н. Муравьева-Амурского: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003; *Малашенко О.А.* Военная и политическая деятельность И.Ф. Паскевича : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000.

³⁶ *Сергеев Е.Ю., Улунян А.А.* Не подлежит приглашению: военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914 гг. – М., 2003; *Ильина Т.Н.* Деятельность военных агентов по перевооружению русской армии в период военной реформы 60–70 – годов XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010.

³⁷ Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М., 2002; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. – М., 2005; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. – М., 2006 и др.

³⁸ *Аурова Н.Н.* От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX в. – М., 2010; *Бегунова А.И.* Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. – М., 2000; *Ивченко Л.Л.* Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. – М., 2008; *Луанова Е.М.* Офицерский корпус русского флота: норма и девиация повседневной жизни. 1768–1812 гг. – СПб., 2011; *Манвелов Н.В.* Жизнь и смерть на корабле Российского Императорского флота. – М., 2008.

³⁹ *Поршинева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004; *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2.

⁴⁰ *Зайончковский А.М.* Восточная война: 1853–1856. В 2-х т. – СПб., 2002.

⁴¹ *Ячменских К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. – Чернигов, 2006.

⁴² *Крылов В.М.* Преобразования в отечественной артиллерии в годы военной реформы 60–70-х годов XIX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2005; *Аранович А.В.* Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2006; *Королев М.А.* Преобразование армии и флота Российской империи в контексте военных реформ : вторая половина XIX – начало XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009; *Соловьев В.В.* Основные направления строительства русской армии в последней четверти XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001.

⁴³ Айрапетов О.Р. Русская армия на сопках Манчжурии // Вопросы истории. 2002. № 1; Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вопросы истории. 2007. № 4; Лихарев Д.В. Споры о причинах Цусимской катастрофы // Отечественная история. 2005. № 5; Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе с Японией (1904–1905 гг.) // Отечественная история. 2004. № 3; Шаццлло В.К., Шаццлло Л.А. Русско-японская война. 1904–1905: Факты. Документы. – М., 2004; Уткин А.И. Русско-японская война. В начале всех бед. – М., 2005; Рудаков И.С. Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России : 1884–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Хабаровск 2010; Вишняков О.В. Деятельность охранной стражи КВЖД и Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке: 1897–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2006; Русско-японская война, 1904–1905. Взгляд через столетие: Международный исторический сборник / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов. – М., 2004; Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: сб. материалов к 100-летию со дня окончания войны / авт.-сост. Е.М. Османов. – СПб., 2005.

⁴⁴ Анисимов В.В. Деятельность государственных органов по военно-правовому обеспечению строительства регулярной армии России в XVIII веке: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2010; Азамов О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Русской армии: конец XVIII – первая половина XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009; Шерстнев С.С. Деятельность государственных органов Российской империи по укреплению морального духа Маньчжурской армии в период Русско-японской войны: март 1904 – сентябрь 1905 г.: дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2010; Алексеев К.Э. Деятельность государственных и военных органов Российской Империи по правовому обеспечению подготовки офицерских кадров: 1863–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2010.

⁴⁵ Минер В.Л. Воинские ритуалы российской армии: история зарождения и развития: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2005; Комаровская В.П. Вексиллологический комплекс военной организации Российского государства в системе исторических памятников: XVIII – начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2005; Ивашико М.И. Российская армия и церковь (XVIII – начало XX в.): историографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2007; Бардыго Н.С. Отечественная военная геральдика XVIII – начала XXI в.: историографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2008; Тихомиров А.В. Офицерские собрания в России. Конец XVIII – начало XXI века.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2011.

⁴⁶ Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). – М., 2003; Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции: 1914–1918 гг. – Рязань, 2010.

⁴⁷ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. – М., 2011; Он же. Морское министерство России, 1906–1914. – СПб., 2010; Он же. «Мозг» флота России. От Цусимы до первой мировой войны. – СПб., 2006.

⁴⁸ Войтиков С.С. Строительство центрального военного аппарата Советской России: 1918 г. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2011; Попова О.Н. Культурно-просветительная работа в Красной Армии : 1918–1923 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009; Васильев В.В. Вооруженные Силы Советской России в Саратовском Поволжье: от добровольческих отрядов до 4-й армии Восточного фронта: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2007; Кузьмин А.Б. Губернские и уездные военные комиссариаты в 1918–1920 годах: На материалах Владимирской, Иваново-Вознесенской и Костромской губерний: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Иваново, 2006; Фоменцов В.В. Деятельность органов советской власти по укреплению воинской дисциплины в Красной Армии: 1918–1920 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Вольск, 2006; Стрекалов И.И. Строительство Красной Армии в войсках Завесы: Март–октябрь 1918 года: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2004; Бровко О.А. Патриотическое и интернациональное воспитание бойцов и командиров Красной армии в Гражданской войне на Юге России (февраль 1918 – ноябрь 1920): исторический опыт, уроки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2005; Козловский С.И. Формирование частей РККА на территории Вятской губернии в 1918–1920 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Киров, 2002.

⁴⁹ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной ставке. – М., 2009; *Карнов Н.Д.* Мятаж главы Сорокина: правда и вымыслы. – М., 2006.

⁵⁰ *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. – М., 2009; *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. – СПб., 2011.

⁵¹ *Марков и марковцы / Сост. Р.Г. Гагкуев и др.* – М., 2001; *Дроздовский и дроздовцы / Ред.-сост. Р.Г. Гагкуев и др.* – М., 2006; *Каппель и каппелевцы / Ред. и сост. Р.Г. Гагкуев и др.* – М., 2007.

⁵² *Ипполитов Г.М.* Деникин. – М., 2000; *Козлов А.И.* Антон Иванович Деникин: Человек, полководец, политик, ученый. – М., 2004; *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Лавр Корнилов. – М., 2006; *Гребенкин И.Н.* Генерал Л.Г. Корнилов: штрихи к портрету // Отечественная история. 2005. № 4. С. 108–123; *Кириенко Ю.К.* Алексей Максимович Каледин // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 59–80; *Войновский О.В.* Военная и политическая деятельность Е.К. Миллера: 1914–1937 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2005; *Тучапский А.К.* Петр Николаевич Краснов: судьба русского офицера: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006; *Цветков В.Ж.* Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 55–84; *Он же.* Николай Николаевич Юденич // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 37–59; *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. – М., 2006; *Он же.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. – М., 2004; *Белов Е.А.* Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. – М., 2003; *Барон Унгерн в документах и материалах.* – М., 2004; *Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны.* – М., 2004.

⁵³ *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. И., 2001; *Абинякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. – Орел, 2005; *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. – Иркутск, 2005; *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. – М., 2003. *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска, 1891–1945: биографический справочник. – М., 2007; *Тарасов М.Г.* Енисейское казачество в период революционных событий 1917 г. и годы Гражданской войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2010; *Богущий А.Е.* Енисейское и иркутское казачество в 1917–1925 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Абакан, 2007.

⁵⁴ *Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. – Архангельск, 2005; *Посадский А.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М., 2010; *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. – М., 2005; *Багаутдинов Р.О.* Участие башкир в белом движении : 1917–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2007; *Шилова С.Г.* Военные формирования народов Северного Кавказа в белых армиях Юга России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007; *Жанситов О.А.* Антибольшевистская борьба в Кабарде и Балкарии : 1917–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Грозный, 2006.

⁵⁵ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века. Документы и материалы. В 5 т. – М., 1998–2010; *Радков А.В.* Русская армия генерала Врангеля в эмиграции (ноябрь 1920 - сентябрь 1924 гг.): военно-политический и социальные аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2007; *Ряховская И.С.* Эмиграция Русской армии генерала П.Н. Врангеля : : 1920–1923 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2009; *Окороков А.В.* Русские добровольцы. – М., 2004.

⁵⁶ Реввоенсовет РСФСР. 1920–1923. – М., 2000; Реформа в Красной Армии: документы и материалы, 1923–1928 гг. В 2 кн. – М.; СПб., 2006; Военный совет при Народном комиссаре обороны СССР: документы и материалы. – М., 2006–2009.

⁵⁷ Советское военно-промышленное производство (1918–1926). В 2-х т. – М., 2005; *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс. Проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). – М., 2006.

⁵⁸ *Кантор Ю.З.* Война и мир Михаила Тухачевского. – СПб., 2008; *Соколов Б.В.* Тухачевский. – М., 2008.

⁵⁹ Минаков С.Т. За отворотом маршальской шинели. – Орел, 1999; Он же. Военная элита 20–30-х годов. – М., 2004.

⁶⁰ Степанов А.С. Авиация СССР в межвоенный период (начало 1930-х – начало 1940-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2009; Сорокин Б.М. Железнодорожные войска и их роль в укреплении обороноспособности страны (1918–1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2003; Филиппов Э.М. Пограничные войска на охране северо-западной границы: этапы становления и развития (1918–2000): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2001.

⁶¹ Песков В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX в. автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Владивосток, 2001; Кузин А.В. Военное строительство на Дальнем Востоке СССР (1922–1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Иркутск, 2005; Ливенцев Д.В. Советские военно-морские и речные силы в дальневосточной внешней политике (1917–1945 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2006; Найдено Б.Н. Военная политика Советского государства в отношении стран Прибалтийского региона и Польши (1918–1940 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2002; Ковалев С.Н. Советские воинские контингенты на территории стран Балтии в 1939–1940 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2009.

⁶² Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). – М., 2008.

⁶³ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. – М., 1993; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. – М., 2010.

⁶⁴ Соколов Б.В. Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М., 2011.

⁶⁵ Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. – М., 2000; Малащенко Е.И. Боевые действия советских войск в Венгрии в 1956 году: уроки и выводы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005; Гуров В.А. Вооруженные силы СССР и РФ во внутренних этнических и региональных конфликтах: первый исторический опыт, уроки : 1988–1998 гг. автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тольятти, 2004; Янгез Д.И. Деятельность государственных и военных органов СССР по развитию воздушно-десантных войск: 1945–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2010; Аникеев А.В. Войска ракетно-космической обороны России (1992–1997 гг.): историческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009; Уколов В.Г. Военная вертолетная авиация СССР: 1950-е – 1991 гг.: : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2007.

Сергей АНТОНЕНКО

Мир веры и мир истории: «параллельные вселенные» или «сталкивающиеся миры»?

Христианство – религия историков. Другие религиозные системы основывали свои верования и ритуалы на мифологии, почти неподвластной человеческому времени. У христиан священными книгами являются книги исторические, а их литургии отмечают – наряду с эпизодами земной жизни Бога – события из истории Церкви и святых. Христианство исторично еще и в другом смысле, быть может, более глубоко: судьба человечества – от грехопадения до Страшного суда – предстает в сознании христианства как некое долгое странствие, в котором судьба каждого человека, каждое индивидуальное «паломничество» является в свою очередь отражением; центральная ось всякого христианского размышления, великая драма греха и искупления, разворачивается во времени, т. е. в истории.

Марк Блок. Апология истории

Данный очерк является продолжением работы «Конфессиональная составляющая исторического дискурса в современной России», вошедшей в сборник «Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя». Автор исходит из обозначенного в статье 2002 г. понимания конфессионального начала как – одновременно – *внешнего* и *внутреннего* по отношению к истории (науке и способу общественного познания). В настоящей работе, в отличие от предыдущей публикации, под историческим (или историко-конфессиональным) дискурсом понимается не только академический исследовательский процесс, но и широкое поле социокультурной апробации «снятого знания». Как и в предыдущем исследовании, в данной статье внимание автора сконцентрировано вокруг сюжетов, связанных с Русским Православием. Автор надеется, что при благородной поддержке АИРО-XXI он сможет продолжить исследование, распространив его стратегии и подходы на обширный материал иных конфессий. Особое внимание в данной работе уделяется полемически заостренным работам. Итак, ниже представлены некоторые из узлов и точек пересечения «двух миров» – мира веры и позитивного знания.

Институционализация историко-конфессионального дискурса: обретения и проблемы

Изучение прошлого как гуманитарная дисциплина испытывает постоянное воздействие (иногда – давление) со стороны религии и Церкви, стремящейся освоить, истолковать и, в конечном счете, «приватизировать» научную истину,

к постижению которой стремится исследователь. В то же время, историческая наука давно и плодотворно (хотя в случае с нашей страной – с драматическими перерывами) использует конфессиональный материал, включая его в общее поле гуманитарного познания. В глазах общества результаты деятельности историка и теолога – тех, кто формулируют социально значимые истины – имеют аксиологическое значение; причем исторические и богословские категории зачастую пересекаются и накладываются друг на друга. Здесь возникает почва для взаимных претензий и конкуренции, но здесь же проявляется и обнадеживающая возможность диалога на основе общих гуманистических ориентиров. Религиозные ценности в процессе работы современного историка зачастую вступают в противоречие с ценностями рационального познания. Данная проблема не всегда получает разрешение в рамках исследовательских стратегий – таких, как феноменологический подход, «методологический атеизм» или «принцип исключения трансцендентного». Ряд исследователей отмечает, что в постсекулярном мире размываются сами границы науки и религии – такое объяснение, понятно, не способно удовлетворить ни ученых, ни священников. Напряжение между верой и разумом может быть снято творческим актом – причем, похоже, такое преодоление должно стать индивидуальным опытом исследователя. Заметим, в скобках, что классическая русская познавательная традиция отвергала то противопоставление научного познания и духовных исканий, которое было характерно для вскормленного тертуллианновским «верю, ибо абсурдно» и схоластической школой Запада. Русская эпистемология искала гармонии науки и религии. Еще Ломоносов, фактически сделавший научное познание формой религиозного опыта, писал: «Правда и вера суть две сестры родные, дочери одного Всевышнего Родителя, никогда между собою в распрю придти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрствования на них вражду всклеплет».

Важной чертой современного периода развития российского гуманитарного знания является институционализация религиоведения, истории религии и церковной истории как специальных светских дисциплин, связанных с весьма тонкой и деликатной духовной сферой. Речь идет о формировании соответствующих научных центров, складывании системы обмена исследовательской информацией (периодические издания, конференции и чтения, Интернет-ресурсы) и научного руководства. На значение данной составляющей историко-религиозного дискурса начинают обращать внимание исследователи (см., в частности, статью Александра Мраморнова «Актуальные проблемы современной российской историографии истории Русской Церкви (к вопросу об институционализации отрасли гуманитарного знания)»¹). По подсчетам А.И. Мраморнова, только в 2005–2006 гг. по истории Русской Церкви было защищено не менее 60 светских диссертаций. В советское время изучать историю религии и Церкви было возможно только в двух идеологически очерченных плоскостях: или в рамках богословского семинарско-академического образования, или в контексте «научного атеизма» (ныне полностью исчезнувшего). В послед-

ние 20 лет возникло такое качественно новое явление, как внеконфессиональное, в основе своей феноменологическое изучение религиозных явлений.

Кафедры и центры истории религии (религий) или религиоведения появились и продолжают появляться во множестве высших учебных заведений. При этом следует отметить, что религиоведческая проблематика изучается на разных факультетах – истории, культурологи, философии. Быстро окрепла и обрела научный вес кафедра истории Церкви, созданная на историческом факультете главного вуза страны – МГУ им. М.В. Ломоносова. Центры исследования истории религии и Церкви существуют в Институте всеобщей истории и Институте российской истории РАН, успешно действует Центр государственно-конфессиональных отношений РАГС при Президенте РФ (ныне – РАНХиГС). Крупным центром церковно-исторических исследований (преимущественно – новейшего периода истории Русской Церкви) является московский Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Нельзя не отметить роль ПСТГУ в диалоге между светской и церковной «ветвями» исторической науки. Представительным форумом, собирающих светских и церковных ученых, является ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Показательно, что религиоведческие и церковно-исторические центры возникают также в провинциальных университетах. Здесь большое значение имеет то, какие отношения у местного гуманитарного сообщества сложились с православной «духовной властью». При прямой поддержке или благожелательном отношении местных епархий проводятся научные встречи, чтения и формируются церковно-исторические центры в таких, например, городах, как Иваново, Тверь, Кострома, Тобольск, Вятка, Калуга.

Большое значение для институционализации рассматриваемой отрасли исторического знания имело создание Русской Православной Церкви при поддержке государственных и общественных структур Церковно-научного центра «Православная энциклопедия». Центр был создан в 1996 году в результате преобразования Издательства Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального монастыря. На его базе выпускается многотомная, не имеющая российских аналогов энциклопедия (включающая не только церковно-исторические и церковно-археологические данные, но и религиоведческие, общеисторические, философские, искусствоведческие, страноведческие и др. статьи)². С 2006 года при том же издательстве начал выпускаться четыре раза в год журнал «Вестник церковной истории», который за небольшой промежуток времени превратился в авторитетное историческое издание.

Полноценные научные школы, традиции наставничества и ученичества складываются и поддерживаются благодаря неутомимой творческой деятельности таких исследователей и педагогов, как С.Л. Фирсов, М.В. Шкаровский, О.Ю. Васильева, М.М. Шахнович, А.Б. Зубов, В.К. Шохин, Е.В. Орел, В.В. Шмидт и многие другие.

Институционализация историко-конфессионального дискурса связана и с такой актуальной для практикующих исследователей темой, как методологическая проблематика религиоведения и место его в системе гуманитарного знания.

Известным историком религии А.В. Журавским поставлен закономерный вопрос: отличаются ли методы исследования современных «светских» (и при этом верующих) историков, изучающих церковные институты, от методов «церковных» историков, и если отличаются, то чем это объясняется? Продолжая, можно сформулировать еще несколько подобных вопрошаний. Является ли религиоведение наукой в строгом – позитивистском – значении этого слова? Может ли религиовед, сохраняющий академическую объективность и непредвзятость, быть верующим человеком? Или же нейтральное, внеконфессиональное изучение религиозных феноменов – по определению удел атеистов? Все эти вопросы являются далеко не праздными для осознавшего себя полноценным интеллектуальным сообществом и находящегося в поиске собственной идентичности религиоведческого «цеха».

Интересное обсуждение, снимающее «сливки» мнений, существующих в профессиональных кругах, состоялось в рамках круглого стола «Религиоведение как наука: основные вопросы методологии». Он состоялся в июне 2011 года в Информационном отделе РПЦ³. Ведущий встречи – Владимир Легойда – очень точно сформулировал проблему как существование «недоверия, странных взаимных обвинений и разделения» между светскими академическими учеными и представителями конфессионально ориентированной церковной науки. Большинство высказанных в ходе дискуссии мнений и оценок отличались спокойным, трезвым тоном и конструктивностью.

Так, профессор СПбГУ Марианна Шахнович аргументировала позицию, согласно которой религиоведение – это не философская дисциплина (вопреки классификации ВАК), не мировоззренческий проект, а совокупность наук о культуре, так как сама религия – один из важнейших элементов культуры: «Настоящим религиоведением, а не болтовней о религиоведении, занимаются филологи, историки, историки философии, социологи, психологи, феноменологи религии». Поэтому религиоведением можно считать и труды об истории религий Геродота, и хроники Крестовых походов, и сравнительные анализы религий Возрождения. Научное же религиоведение началось в XVIII веке появлением больших трудов по всеобщей истории религий... Таким образом, именно историческая компонента выделяется авторитетным отечественным исследователем в качестве доминирующей в религиоведении.

В центре дискуссии оказалась модная ныне тема «методологического атеизма». По мнению доцента кафедры религиоведения МГУ Елены Орел, методологический атеизм – это всего лишь прием, предполагающий, что религиозный феномен изучается ученым любых взглядов «как если бы я ни во что не верил». Этот метод несколько не противоречит методу вживания в материал, по словам исследователя: ведь «религиоведение возникает как понимание чужого», – подчеркнула она. Важно, чтобы изучающий религиозные феномены ученый мог максимально освободиться от своей мировоззренческой определенности – только тогда он сможет понять явления, иноприродные по отношению к «родной» для него традиции. Для исследования конфессиональной сферы необходим также «метод исключения трансцендентного»: вся

тематика трансцендентного выводится «за скобки» научного исследования, потому что в инструментарии науки просто нет методов изучения этих вопросов. Но насколько психологически возможно для человека занять подобную абсолютно нейтральную позицию? – этот вопрос, по мнению Е. Орел, заслуживает рефлексии и дальнейшей научной дискуссии.

Крупный историк индийской философии и знаток индийско-русских культурных связей в древности профессор Владимир Шохин, напротив, считает, что методологический атеизм не может не быть идеологически нагруженным: «Если происходит элиминация религиозного опыта и объектов этого опыта как такового изначально, то и результаты будут соответствующие». Нейтральность оказывается мифом. Говоря о возможности религиоведу быть верующим, Шохин проводит аналогию: хорошие философы науки сами занимались наукой, те же, кто наукой никогда не занимались, в конечном итоге приходят к решению надуманных проблем. «Преимущество есть у тех, кто имеет опыт. Если религиовед чужд религиозному опыту как таковому, то у него будет лишь иллюзия объективности, потому что объективного отношения к религии ни у кого из занимающихся ею быть не может – это всегда будет чья-то позиция». Яркий исследователь, лектор и педагог Андрей Зубов (генеральный директор Центра «Церковь и Международные отношения» МГИМО, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН)⁴ пожалуй, наиболее соответствует понятию «православный религиовед / историк религии». Он – автор интересных исследований о нехристианских конфессиях, в которых привлекает внимание не столько их научная инновационность, сколько дерзновенная для церковного человека попытка понять и оценить с православных позиций феномены, относящиеся к духовному опыту иных религий. «Изучая другие религии, испытываешь потрясающее чувство напряжения человеческого духа... Я испытываю духовный восторг, когда занимаюсь исследованием других религиозных традиций – если это традиция, ведущая к высшим ценностям», – признается ученый. На круглом столе он обратил внимание собравшихся на очевидную истину: огромное количество религиоведов были верующими, следовательно, религиоведение не является атеистической дисциплиной, а попытка ввести дисциплину в конфессиональные (либо атеистические) рамки является недопустимой идеологизацией. Отвечая на вопрос, должен ли религиовед сам принадлежать к какой-либо конфессии, профессор провел аналогию с литературоведением: можно, конечно, изучать литературу, не написав ни строчки. Но: «Если ты сам пишущий человек, с одной стороны, ты понимаешь глубже процесс творчества, с другой – ты его понимаешь субъективно». По мнению профессора Зубова, хорошее знание своей веры помогает понять и другие традиции. Однако стоит помнить об опасности «соскользнуть в стилизацию одного под другое». Говоря о методологическом атеизме, Андрей Борисович оценил его как идеологию, которая задает параметры исследования предмета и тем самым обедняет его.

Таким образом, можно констатировать, что вопросы методологии историко-религиозных исследований, равно как и само дисциплинарное содержание

понятия «религиоведение» нуждаются в дальнейшей разработке, прояснении и уточнении. Пока же внятные, академически выверенные дефиниции зачастую подменяются выводимыми из общественного контекста определениями. Так, например, известный православный историк, специалист по духовному образованию и социальным аспектам деятельности РПЦ в предреволюционный период С.П. Синельников воспринимает религиоведов как корпорацию, априори враждебную Церкви: «Религиоведение, основываясь на отрицании (нерассмотрении или отказе от понимания) трансцендентного, формально провозглашая приоритет принципов свободы совести и светского государства, возводя в норму свободу от религии, тем самым вытесняет веру не только за пределы государственных учреждений, но даже из повседневной жизни отдельного человека, давно утратившего связь с дореволюционной традицией (не только числиться, но и быть православным). Религиоведы изучают все области церковно-государственных отношений и называют готовность Церкви к участию во всех сферах жизни необоснованной претензией, пропагандируют обязательную светскость в самом широком понимании, предлагая гражданам более легкий путь свободы от веры, в то же время рискованный и губительный. Но даже эта точка зрения полезна, как мнение оппонента, в первую очередь для Церкви».

С.П. Синельников – один из представителей цеха церковных историков, которым не чужда исследовательская рефлексия и саморефлексия. Он справедливо отмечает возросшее значение междисциплинарности для развития историко-религиозных штудий⁵. В этом смысле история религии продвигается в общем русле исторического и – шире – гуманитарного знания, представители которого все чаще воспринимают себя работниками одного цеха.

Неоспоримо значение для историко-конфессионального дискурса таких направлений, как теология, юриспруденция, психология, педагогика, искусствоведение. В последнее время возрастает значение связки «история-социология» в религиоведческом исследовании. XX век обогатил обществоведов целым арсеналом подходов и методов («понимающая социология», «включенное наблюдение» и т. п.), значение которых особенно ярко проявляется при работе с конфессиональным материалом. В качестве недавнего примера успешного применения социологических стратегий в религиоведении можно привести работы специалиста из ИСПИ РАН Ю.Ю. Синелиной. В центре ее внимания находятся такие сложные динамические процессы, как секуляризация, европеизация, воцерковление. Ю.Ю. Синелиной разработана концептуальная циклическая модель развития российского общества с точки зрения изменения религиозного мировоззрения, проведен анализ и предложена типологизация концепций секуляризации в социологической теории, изучены флуктуации функций Церкви как социального института в XVII – начале XXI века⁶. Особый интерес вызывает исследование такой сложной категории, как «воцерковленность» (Ю.Ю. Синелина фактически вводит это понятие в число научных терминов). Исследователем разработана методика расчета индекса воцерковленности («В-индекса») для православных верующих, основанного

на пяти показателях религиозного образа жизни (посещение храма, исповедь и причастие, чтение Евангелия, молитва, пост)⁷.

Итак, изучение религиозных феноменов с социальной, культурной, психологической стороны является важной частью современных исторических изысканий, в то же время, конфессиональные явления формируют внешний и внутренний контекст исторического познания в целом и индивидуальной работы профессионального историка. Однако исторические дискуссии продолжают оставаться в России феноменом, имеющим широкое общественное звучание (достаточно припомнить высокие рейтинги телепередач «Суд истории» и «Исторический процесс»). Подобным же образом, массовый отклик получают и конфессиональные споры (также, зачастую уходящие корнями в далекое прошлое). В последнем случае, можно говорить об определенной преемственности российского менталитета по отношению к византийскому (споры о догматах на рынках, описанные у отцов Церкви).

Еще одним характерным моментом в развитии историко-конфессионального дискурса в последние годы стало широкое использование такого демократичного канала, как Интернет. Это, конечно, не формальная смена носителя информации – как, например, в случае с переходом с папируса на пергамен, с пергамена – на бумагу. Мы имеем дело со случаем, когда форма активно влияет на содержание. Качественные изменения, которые вносит в историко-конфессиональный дискурс использование ИКТ – это, прежде всего, доступность и актуальность информации, оперативное введение в исследовательский оборот информации, прежде всего источников (что особенно важно в случае с весьма специфичными и труднодоступными источниками конфессионального происхождения), а также возможность более оперативной коммуникации между коллегами, формирование новых научных сообществ и площадок для дискуссий.

Крупнейшим, лидирующим по числу посещений и интеллектуальному наполнению церковно-общественным ресурсом остается созданный еще 1 января 2000 года православный информационный Интернет-портал «Православие.Ru»⁸. Он обладает обширной исторической составляющей (раздел «Документы истории», материалы о прошлом московской Сретенской обители, поместных православных Церквей и др.). Ресурс поддерживается ведущим интеллектуальным центром РПЦ, ориентированным на миссию в среде интеллигенции и молодежи – Сретенским ставропигиальным монастырем (наместник – архим. Тихон (Шевкунов)). На портале подробно освещается деятельность Российского центра Туринской плащаницы, ведущего обширную программу исследований, связанных с тайной происхождения, историей почитания и современным культурно-историческим значением важнейшей общехристианской реликвии. «Православие.Ru» «дружит» со Сретенской духовной семинарией и регулярно освещает научные и педагогические труды ее преподавателей.

Среди наиболее влиятельных Интернет-ресурсов, связанных с историко-конфессиональной тематикой, назовем Научный богословский портал «Богослов.ru»⁹. Данный Интернет-ресурс, созданный при Московской духовной

академии за короткое время своего существования сумел не просто привлечь к активной деятельности много светских и церковных исследователей, но и стать подлинным форумом межконфессионального диалога и межкультурной коммуникации. Портал самостоятельно занимается созданием электронной библиотеки, представленной, в частности, отсканированными комплектами официального органа дореволюционной Академии – «Богословского вестника» и «Прибавлений к творениям святых отец». «Богослов.ru» регулярно аннотирует новые издания, диссертации и дипломные работы; публикует аналитические, исследовательские, апробационные статьи, а также интервью, книжные обзоры, рецензии, рефераты, библиографические списки. Посетители сайта имеют возможность ознакомиться с развернутой, постоянно пополняемой и обновляемой базой данных по отечественным и зарубежным исследователям, принадлежащим к различным конфессиям... И все же, портал был бы просто электронной версией библиотеки или клуба, если бы в нем отсутствовали специфические для Интернета креативные, интерактивные проекты: «Межсоборное присутствие: дискуссия», «Школа научной информации», «Религии вымышленных миров», «Богословие в эпоху постмодерна», «Обсуждение «Основ учения о достоинстве, свободе и правах человека».

Не претендуя на полноту охвата, назовем еще некоторые Интернет-ресурсы, содержание которых интересно и полезно не только профессионалам, но и широкому кругу людей, интересующихся религией: «Благовестинфо»¹⁰, «Семинарская и святоотеческая православная библиотеки»¹¹, «Православие и мир»¹², «Московский центр миссионерских исследований»¹³.

Достаточно большим влиянием обладает откровенно оппозиционный по отношению к священноначалию Русской Православной Церкви «Портал-Credo.ru»¹⁴ (главный редактор – Александр Солдатов). В программном манифесте «Наше кредо» провозглашается важное значение для портала исторической проблематики: «Наш подход, при том, что мы работаем в режиме информационного Портала и предлагаем Вам новости и интервью, мнения и аналитику, мониторинги и обзоры, будет значительно отличаться от обычного журналистского. Для нас важнее глубже понять, нежели быстрее высказаться, и важнее высказаться всерьез, чем съерничать. Поэтому Вас, наших читателей, не должен удивлять тот факт, что огромное место в нашем Портале отведено материалам, имеющим нулевую журналистскую “актуальность” – материалам, появившимся на свет десять, сто, тысячу лет назад. В отличие от новостной религиозную актуальность они не теряют, а напротив – приобретают, с каждым годом и десятилетием. Временное, историческое, преходящее – кристаллизуется в вечное, а потому мы будем только рады, если, оказавшись на нашем Портале, Вы сможете пробиться сквозь гущу событий и оказаться перед лицом тысячелетней Традиции. Традиции, связанной с сегодняшним днем тысячью нитей». И действительно, исторические сюжеты (почти всегда в своеобразном критическом по отношению к «официальному Православию» преломлении) – частые «гости» на страницах данного сайта. Своеобразной альтернативой «Credo.ru» является Справочно-информационный портал «Ре-

лигия и СМИ», более известный под брендом «RELIGARE»¹⁵ (главный редактор – Александр Щипков). Портал ориентирован в основном на актуальную информацию, но немало его страниц посвящено также исторической проблематике (в основном в социологическом разрезе), а также освещению актуальных событий жизни историко-религиозного сообщества.

Таким образом, можно констатировать, что историко-конфессиональный дискурс в настоящее время – это динамично развивающийся мир, познавательные стратегии которого активно осваивают новые области и сферы, взаимодействуют с иными гуманитарными «мирами» и во многом формируют содержание исторического процесса. Это происходит одновременно с институализацией самой сферы религиоведения и церковной истории и обретением работающими в ней исследователями более строгой научно-академической идентичности.

Два президентства, два патриаршества. Новый «язык смыслов» как императивное требование эпохи

Изменения в конфессиональной составляющей исторического дискурса, произошедшие в последние 7–8 лет, связаны во многом с трансформацией роли религии и Церкви в российском обществе в целом, а в особенности – в государственно-политической жизни и идейно-мифотворческой практике. Данный период хронологически почти совпадает со вторым сроком пребывания на посту главы государства В.В. Путина и временем президентства Д.А. Медведева, а также с последними годами патриаршества Алексия II и началом патриаршего служения Кирилла (избран Поместным Собором РПЦ 27 января 2009 года, интронизация состоялась 1 февраля 2009 года). В это время были во многом пересмотрены основания неформального «конкордата» между верховной властью и Русской Православной Церковью. Можно констатировать, что надежды Церкви на моральное и интеллектуальное «водительство» нации и на роль безусловного лидера в чаемом духовно-нравственном возрождении, поддерживавшиеся все «лихие» 1990-е годы и в начале 2000-х, не получили полной встречной поддержки со стороны государства.

Светская власть многократно публично давала понять, что видит во власти духовной «преимущественного партнера», привилегированного по сравнению с другими участниками социального диалога. Однако масштаб этих предпочтений оказался ограничен той идеологически-легитимизирующей, психологически-компенсаторной и социально-интегративной ролью – в любом случае, подчиненной и служебной с точки зрения большинства государственных чиновников – которую призвана играть религия в современном «эффективном государстве». В свою очередь, Церковь не может больше действовать в парадигме «второго крещения Руси», восстановления утраченных дорево-

люционных позиций. Апофеозом этой линии, ее высшей точкой и завершением стало подписание Акта о каноническом общении РПЦ и РПЦЗ – воссоединение разделенных Гражданской войной ветвей Русской Церкви (17 мая 2007 года). Без сомнения, это отрадное для множества верующих событие само по себе является интересным примером воздействия историко-конфессионального дискурса на общественно-политическую сферу и символическое пространство Русского мира. Верховная государственная власть России выступила, по сути, в рамках «византийской парадигмы»: Президент В.В. Путин, подобно базилевсам Нового Рима выступил с инициативой соборной встречи и церковного примирения, стал своего рода медиатором и гарантом «уврачевания раскола». В новой идеологической и политической ситуации Церковь ищет иные, нежели простая катехизация, более эффективные пути и формы взаимодействия с обществом, в том числе – с интеллектуалами и гуманитарной интеллигенцией. Немаловажную роль в формулировании идеологической позиции Церкви (в том числе и по гуманитарным и – конкретно – историческим вопросам) играют выступления нынешнего Патриарха. По мнению ряда аналитиков, в отличие от Алексия II, высокий церковный сан Кирилла не заслоняет самостоятельность его интеллектуальной личности («Он не равен своему титулу, не растворился в нем» – о. Андрей Кураев). В задачу настоящего обзора не входит рассмотрение обширного корпуса заявлений Патриарха Кирилла на общеисторические и церковно-исторические темы. Отметим, однако, что его историософская концепция основана на православной антропологии и святоотеческом учении о свободе человека как о свободе прежде всего от греха и рабства смерти. Патриарх Кирилл – поборник идеи единства русского народа, а также духовного единства восточных славян. Еще в 1993 он выступил одним из инициаторов создания Всемирного русского народного собора и с тех пор остается безусловным интеллектуальным лидером организации, которой он сумел придать характер максимально широкого, внепартийного и даже межконфессионального (!) форума. Твердо отстаивая право Православной Церкви на особое отношение со стороны государства, предстоятель Русской Церкви неоднократно подчеркивал неантагонистический характер Православия, способность исповедующих его людей уживаться с представителями иных конфессий (свидетельством чего является, по его мнению, отсутствие в истории России религиозных войн).

В социальном мышлении Патриарха коллективные ценности, соборное начало безусловно превалируют над ценностями индивидуалистической цивилизации Запада. Отсюда – и негативная оценка Святейшим событий недавнего прошлого. Так, выступая в ноябре 2011 года на заседании попечительского, наблюдательного и общественного советов церковно-научного центра «Православная энциклопедия» Патриарх, по сообщению агентства «Интерфакс-Религия», заявил: «В этом году мы вспоминаем двадцатилетие крушения Советского Союза. Я в связи с этим предпочитаю говорить о крушении исторической России». По словам правящего епископа Москвы, многие задаются вопросом, почему произошел распад СССР, и существует много отве-

тов, «но среди причин, несомненно, упадок национального самосознания, национальной гордости, восприятия истории во всей ее совокупности, понимания огромного значения исторической общности людей для их в том числе материального и духовного процветания». В преддверии парламентских выборов председатель призвал российское общество заботиться «о росте национального самосознания, достоинства для того, чтобы никогда в истории больше не повторилось то, что произошло в начале 90-х годов и чтобы никакие ссылки на неудовлетворительное управление, неправильную идеологию не подталкивали людей к тому, чтобы разрушить государственность, потому что целились в режим, а попали в историческую Россию».

С точки зрения Патриарха Кирилла, роль Церкви как исторического института – в том, чтобы передавать те ценности, которые были заложены в основание формирования нации и которые сопровождают жизнь народа на протяжении истории. Формирование национального самосознания невозможно вне этих базисных ценностей. Поддержание и защита этих ценностей – поле для взаимодействия Церкви с государством, как, впрочем и с любой общественной силой, с институтами гражданского общества и т. д.

Примечательно, что Патриарх Кирилл получил возможность четко обозначить свой исторический идеал. Принимая в 2008 году участие в программе телеканала «Россия» «Имя России» он отстаивал в качестве наиболее значимого исторического героя святого благоверного князя Александра Ярославича Невского. Восприняв, очевидно, всерьез, этот в сущности заурядный пиар-проект (аналог опроса BBC 2002 года «100 величайших британцев») Патриарх, искренне повторял во время интервью: «Благодарю Бога, что сегодня именем России является имя этого святого человека». Дело в том, что ленинградец Кирилл с юности воспринимает св. блгв. кн. Александр как личного святого покровителя.

Присутствие конфессионального компонента в государственной политике «освоения» исторического наследия ярко проявляется в такой сфере, как проведение праздников и юбилеев. Роль Церкви и ее председателя здесь хорошо заметна. Не только религиоведам, но и каждому верующему знаком «праздничный» характер Православия. В месяцеслове Русской Православной Церкви – 366 праздничных дней (29 февраля – день св. Кассиана). В последние годы государство, испытывая определенный дефицит объединяющих социум торжеств, предприняло немало для продвижения новой праздничной культуры, основу которой составляют праздники, официально звучащие как внеконфессиональные, но фактически имеющие выраженную православную окраску (наиболее характерные примеры – День народного единства и День семьи, любви и верности). Такой же конфессиональный оттенок обретают юбилейные даты, отмечаемые на государственном уровне как имеющие общекультурное значение. Для обоснования и тех, и других событий привлекаются представители Церкви и... историки в качестве «независимых экспертов». Подобные торжества вызывают жесткую критику со стороны оппозиционно настроенных интеллектуалов как «пропагандистские мероприятия» власти

и «сросшейся с нею» Церкви. Для исследователя интересно, что почти каждая юбилейная дата вызывает целый поток исторической полемики – как на страницах «бумажных» изданий, так и в Интернете. Крупные юбилеи, кроме того, становятся своеобразной трибуной для значимых заявлений, которые также отражают оценки исторических фактов и получают истолкование со стороны профессиональных историков (1020-летие Крещения Руси (июль 2008 г., Киев). В этой связи интересно будет также рассмотреть в будущем подготовку и проведение празднования Тысячелетия Третьей тысячелетия российской (древнерусской) государственности в 2012 году.

И все же, говоря о непосредственном влиянии Церкви на развитие историко-конфессионального дискурса при нынешнем Патриархе, следует отметить, что наиболее важное значение имеет не столько конкретное содержание заявлений и деклараций (в принципе, вполне традиционное), сколько поиски «языка» диалога с гуманитарной интеллигенцией и гражданским обществом. В одном из первых своих интервью, данном 8 февраля 2009 года корреспонденту РТР Евгению Ревенко во время Первосвятительского визита в Смоленск, Патриарх ясно выразил свое кредо: «Мы будем говорить человеческим языком, понятным. Вот мы с вами сейчас говорим ведь не в категориях древней Византии, и не в категориях средневековой России – мы говорим на языке, понятном народу. Вот этот понятный язык и должен быть средством общения Церкви с окружающим миром. Речь не идет о богослужебном языке. Речь идет о тех культурных категориях, с помощью которых священник, пастырь, а тем более архипастырь передает Евангельское послание миру... Вера человеком усваивается настолько, насколько этот человек способен сопрягать ее основополагающие истины с реальной повседневной жизнью».

Если данное пастырское высказывание «переложить» для рассматриваемой сферы историко-религиозного дискурса, то нам откроется следующая императивная сверхзадача: церковным интеллектуалам необходимо найти стратегии интерпретации священного в параметрах мировосприятия человека начала XXI века, актуализировать (а быть может, даже реанимировать) не только обрядовый, но и конкретно-исторический уровень восприятия Традиции. Надо сказать, что в рядах близких к Церкви историков, философов, публицистов и иных гуманитариев совсем не много личностей, соответствующих данной масштабу данной задачи. (Чего стоит только курьезное отторжение многими церковными историками религиоведения как априори антицерковной дисциплины!). В качестве интересного примера «перевода смыслов» православной традиции на язык современного (и «постсовременного», насыщенного постмодернистскими прочтениями) интеллектуального дискурса, стоит отметить работы Р.В. Багдасарова.

Роман Багдасаров – воспитанник Историко-архивного института, свой путь в науку он начинал как этнолог (с 1991 года он постоянный участник основанного М. Громько семинара «Православие и русская народная культура» при Институте этнологии и антропологии РАН). Постепенно от прикладных исследований рудиментарной народной обрядности и древнерусской ге-

ральдики он перешел к масштабным исследованиям символики. В его работах надежная позитивистская методология смело соединена со стратегиями традиционалистского проникновения в феноменологическую сущность сложнейших аспектов духовной работы и инициатической практики. Междисциплинарный характер изысканий определяется привлечением не только письменных исторических источников, но и археологических, этнографических, культурологических, искусствоведческих и иных материалов. Известность принесли Роману Багдасарову исчерпывающие исследования «запретного символа» – свастики¹⁶. Многие православные писатели были шокированы, а иные благодарили автора за «возвращение символа Св. Духа», каковым предстает свастика в контексте православной традиции. В последние годы Р.В. Багдасаров существенно расширил свой исследовательский кругозор, дополнив его мощной составляющей искусствоведения и культурно-семантического анализа, а также креативным взаимодействием с художниками «актуального искусства».

Из недавних работ Романа Багдасарова отметим программный сборник очерков «Мистика русского православия»¹⁷. Инновационность подхода автора заключается в рассмотрении им в качестве легитимного объекта для исследования столь сложной, тонкой и часто фальсифицируемой области, как мистическая культура. По мнению Р.В. Багдасарова, «мистика – неотъемлемая, хотя и с трудом поддающаяся анализу часть православного вероучения... Мистическая культура порождалась духовными практиками и опытом, выносимым из них. В этом плане православная мистика становится всеобъемлющим явлением русской национальной традиции начиная с 988 года». Исторические эссе, помещенные в книгу, посвящены «постепенному усвоению русским народом мистических смыслов, заложенных в православии». Дробный, очерковый характер работы предопределил такое ее качество, как неровность стиля: разные части исследования, прежде чем сложиться в единую картину освоения Русью христианской Традиции, проходили различную, в том числе и журнальную апробацию. Тем интереснее наблюдать за поисками автором языковых форм выражения безусловно важного для него интеллектуального послания.

Роман Багдасаров стоит на позиции безусловного отрицания уходящей в народническую историографию и господствовавшей в советский период концепции «двоеверия» или «народного православия» (где «народ» противопоставлен «Церкви»). Он убежден в органичности с точки зрения христианской Традиции многих, на первый взгляд экзотичных, культурных феноменов. «Немало вреда, – пишет автор “Мистики русского православия”, – изучению православной мистики нанесла трактовка этнической культуры русских как чего-то принципиально отличного от христианства. Именно эти либерально-позитивистские взгляды удобрили почву для оккультного движения неоязычества... Знаменательно, что оппозиции “русской” и “церковной” культур мы нигде не обнаружим у пионера комплексного источниковедения А.С. Уварова». Графу-ученому посвящен последний очерк книги («Реанима-

тор»). Биографические главы исследования на примерах исторических лиц – св. Владимира Крестителя, свв. князей Бориса и Глеба, царя Бориса Годунова – раскрывают проблему мистических оснований власти в православном сознании. Несмотря на кажущуюся освоенность материала исторической наукой, автор находит новые, радикальные и интересные ракурсы для освещения вроде бы «хрестоматийных» фигур. По «гамбургскому счету» креативны очерки о древнерусской космологии, тесно связанной с монашеской практикой и аскетическим житием, а также о социальных аспектах мистики (воинское служение, запорожская козацкая воля, юродство Христа ради, культура повседневности). Они основаны на анализе оригинальных источников, в том числе и впервые вводимых в научный оборот.

В 2010-х и 2011-м годах Роман Багдасаров выступил соавтором, идеологом и комментатором нескольких ярких художественных проектов («Deisis», «Россия для всех»). Его работа отлилась в ряд текстов, среди которых наиболее интересной в плане развития историко-конфессионального дискурса является монография¹⁸ «Творцы священной истории». Она зародилась в ходе создания – совместно с коллекционером В. Бондаренко и художником К. Худяковым – грандиозной галереи персон священной истории «deisis/Предстояние». На основе обобщенных Романом Багдасаровым письменных источников, а также тщательного анализа иконографии Константин Худяков создал инновационные портреты героев сакральной истории – их лики методом компьютерного фотоколлажа были «собраны» из многочисленных фрагментов лиц наших современников. В итоге получился некий новый иконостас, поражающий зрителя достоверностью (и даже особой, обобщенной духовной натуралистичностью) образов. Дерзкий и небесспорный художественный эксперимент был с интересом принят культурной общественностью России (фрагменты проекта выставлялись в семи городах Пермской и Ульяновской областей), а также в Швейцарии, Германии и США. Книга «Творцы священной истории» – проект не менее дерзновенный. Она включает расположенные также по принципу высокого русского иконостаса очерки-реконструкции биографий сакральных персон. Качественное отличие работы от множющихся образцов церковной и околоцерковной агиографической литературы заключается в том, что автор, создавая свои «культурологические дешифровки Священных Писания и Предания» использовал разнокачественные и разнородные источники: библейские и коранические тексты, памятники письменности Древнего Востока, апокрифы, произведения гимнографии, богословские и философские сочинения, произведения изобразительного искусства, научные труды. При использовании этого авангардного, на первый взгляд, подхода, Р.В. Багдасаров не выступает за рамки православной историософской традиции, главный принцип которой – истолковании исторических фактов (и даже самого Писания как универсального духовно-культурного «факта») сквозь призму Предания.

Обращая внимание на уникальность в контексте древних хронографических систем (преимущественно циклических) библейской истории – линейар-

ной и телеологической – автор пытается, и во многом небезуспешно, найти новое смысловое и лингвистическое выражение для матрицы *священной истории*. Сакральный исторический нарратив отличается от позитивистского изложения не тем, что вводит новые факты, но тем, что обладает универсальной шкалой для их оценки. Достоверность священной истории – не в объективистски-хронологической последовательности *фактов*, а в силе нравственного императива *событий*; в целостном, «холистическом» восприятии, сопрягающем все области бытия: космологию, антропологию, психологию, этику. «Основу авторского подхода, – предупреждает читателя Р.В. Багдасаров, – составляет разграничение материальных фактов, имеющих однозначную привязку во времени, и событий, которые, будучи умозрительными представлениями, продолжают развиваться, получая новые смыслы в представлениях людей. По сути, такой взгляд на события объединяет позитивный смысл мифа, состоящий в его обращенности к базовым чертам человеческого сознания, с представлениями о поступательном движении от Ветхого к Новому, заложенном в христианской эсхатологии».

Р.В. Багдасаров задается вопросом: «Что стоит за лицами священной истории сегодня?». И набрасывает «контуры новых житий», открывая для себя и для читателя, почему сакральные персоны по-прежнему сохраняют актуальность для современной культуры. Фактически, автор закладывает основы «новой агиографии»: житийные проявления чудесного, по его убеждению, должны быть согласованы с историческими или природными реалиями, а также с современными жанрами. Исследователь уходит от традиционной в церковно-исторических трудах сакральной лексики. Чтобы «показать синергию человека с превосходящими его формами разумности (Ангелами, Стражами)», Роман Багдасаров обращается к компьютерной терминологии, уже ставшей неотъемлемой частью современной культуры. Он вводит (в качестве даже не аллегорий, а новых теологических терминов!) такие компьютерные «словечки», как протокол, модераторы, маршрутизация, коннект...

Исторические, искусствоведческие и лингвистические открытия воцерковленного и сохраняющего лояльность священноначалию РПЦ Романа Багдасарова могут стать – и уже становятся – ориентиром, вдохновляющим молодых православных интеллектуалов на поиски новых творческих форм сопряжения исторической правды и богословской истины.

Актуализация «византийского дискурса»

Одним из ярких моментов, позволяющих проследить конфессиональный аспект процесса исторического познания, является новое обращение к такой традиционной для русской общественно-политической и историософской мысли теме, как «Византия и Россия». Академическую и общественную

дискуссию о роли византийского фактора в становлении русской государственности и культуры, об опыте имперостроительства двух держав, о цивилизационном смысле наследия «Второго Рима» во многом «подогрев» выход историко-публицистического фильма наместника Сретенского монастыря архимандрита Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Византийский урок» (премьера состоялась на телеканале «Россия» 30 января 2008 года).

Расцвет российской византистики конца XIX – начала XX века создал в свое время предпосылки для освоения имеющей огромное значение темы. Однако силовое состязание тоталитарных идеологий на протяжении практически всего прошедшего столетия не давало прорасти тонким формам социальной метафоры, в то числе и историзирующей. Со временем византологическая традиция стала уделом узкого круга гуманитарной элиты, посвященных в «башне из слоновой кости»... И вот, после выхода в свет фильма «Гибель империи. Византийский урок» совершенно явно обозначился процесс, который историк и публицист Аркадий Малер назвал «актуализацией византийского дискурса». От обсуждения затронутых в фильме тем – так или иначе имеющих отношение к социально-политическим процессам в современной России – дискуссия, проводившаяся на самых разных площадках, перешла к более общим аспектам истории цивилизаций. Важной вехой стала, в частности, конференция «Русь и Византия. Место стран восточно-христианского мира в историческом противостоянии Востока и Запада» (20–21.10.2008).

Стоит отметить, что впервые за последние годы инициатива общественного обсуждения и осмысления спорной историософской темы, имеющей самое прямое отношение к политически обжигающей современности, исходит из церковной среды. Хотя картина «Гибель империи» не является «соборным голосом» Церкви, уже самим фактом своего появления фильм свидетельствует о возможности активного участия в обсуждении вопросов культурной ориентации современного российского общества тех, для кого личный религиозный выбор является еще и выбором *цивилизационным*. Отец Тихон не захотел оставаться в рамках существующего примерно с 1988 года смыслового и образного ряда церковной и околоцерковной кинопублицистики. Он создал не выдержанную в благостных или апокалиптически-алармистских тонах «учительную икону», а остросоциальный памфлет (его произведение так чаще всего и характеризуется: «фильм-памфлет»). С экрана зритель слышит сегодняшнюю политическую терминологию, применяемую к событиям времен Василия II Болгаробойцы или Алексея Комнина. Так, о Тихону иногда ставят в вину использование термина «олигархи» по отношению к византийским династиям – как будто это понятие, прекрасно раскрытое еще Платоном и Аристотелем, составляет специфическую принадлежность современной российской ситуации.

Важная черта «Византийского урока» заключается в том, что это – не просто рассчитанное на разовый просмотр с телеэкрана произведение, а фильм-проект. 29 мая 2008 года, в память о 555-й годовщине падения Константинополя редакция Интернет-проектов Сретенского монастыря открыла тематику

ческий сайт «Византийский урок»¹⁹, где можно не только посмотреть фильм, но и ознакомиться с дикторским текстом литературного сценария, снабженным подробными научными комментариями (они всплывают в «окнах» перед заинтересованным читателем). Такого рода фундированными обоснованиями снабжены самые публицистически заостренные моменты фильма, способные вызвать вопросы, сомнения, а то и упреки в «передергивании». Автор как бы говорит: да, мы отстаиваем собственное понимание значения истории Византии, но посмотрите – мы ни в чем не погрешили против общепризнанных фактов. Для тех же, кто захочет, «оттолкнувшись» от фильма, самому погрузиться в византологические глубины, предлагаются статьи и лекции по византистике, фотогалереи византийского искусства, целые научные монографии (в том числе – классический труд покойного выдающегося отечественного исследователя И.С. Чичурова «Политическая идеология Средневековья. Византия и Русь»)… Таким образом, заново вводится в общественный оборот целый пласт нашего цивилизационного наследия.

О чем же собственно фильм? – Конечно, о византийском уроке для России. Причем России сегодняшней. Требования жанра памфлета таковы, что автор высвечивает явно напрашивающиеся параллели. Вкратце охарактеризовав величие и блеск византийской цивилизации («правовое государство – первый университет в V веке – 1000 городов» и т. п.) о. Тихон концентрирует внимание зрителя на «самом главном сокровище» Византии, значение которого сумели понять тогдашние варвары-русские. А самым главным сокровищем империи был Бог, точнее – вера в него. И вот, с какого-то момента это богоцентричное царство начало утрачивать жизненные силы. Фильм четко, «по полочкам», раскладывает причины падения Византии. Их перечень не столь велик.

Государство выпустило из своих рук механизмы контроля над торговлей и промышленностью, в результате чего иностранцы оказались хозяевами в экономике и на рынке. Государство ради «благих целей» добровольно отказалось от части своих стратегических функций и передало их в руки нескольких семейств, в результате чего невиданно расцвела олигархия и коррупция. Некоторые олигархи обосновались за границей и оттуда пытались влиять на дела в империи. Частая смена направлений политики, отсутствие стабильности и преемственности государственной власти подтачивало ресурсы страны, а накопленные императорами средства («стабфонд») в какой-то момент начали работать против империи. С какого-то момента перестала работать прежняя единая имперская идентичность – «ромейская», т. е. римская: были ромеи – стали греки, армяне, славяне. Национальное превозношение начало раздирать оскудевающую державу. Постепенно нарастала утрата государственного контроля над отдельными областями и провинциями, усиливались противоречия между центром и окраинами, забытая столицей провинция начала нищать. Демографический коллапс привел к тому, что империю начали заселять чуждые народы, которые уже не успевали становиться ромеями – произошло это потому, что государство в какой-то момент сложило с себя миссию вести об-

разование и просвещение своих разноплеменных граждан, воспитывая их на общей системе ценностей в имперском духе. Насаждавшийся частью интеллигенции пиетет перед Западом влек за собой непродуманные решения. Вредные реформы. И, наконец, последним ударом стала сдача позиций православия, заключение унии с папским Римом.

Общий вывод фильма – кризис державного целеполагания (в том числе – государственной идеологии) привел к тотальному бессилию. Нельзя не увидеть за внешним схематизмом фильма приглашение к гораздо более глубокому осмыслению роли и места Византии в российской истории, культуре, родовой памяти. Классик русофобии Александр Янов в свое время заявил: «к XII веку свою историческую функцию – сохранить для будущего наследие античного мира империя уже исполнила»; дальше, по словам политолога, была лишь «кровавая стагнация». Между тем, именно позднее византийское влияние, связанное с пронизавшей всю культуру империи мистикой исихазма, сыграло особенно важную роль в становлении русской духовной самости – это прекрасно показано, например, в работах прот. Иоанна Мейендорфа... Но духовная традиция – не то, чем живет новоевропейское (точнее, постъевропейское сознание). Почти фрейдистское «вытеснение» византийской темы из западного мышления ярко описал Аркадий Малер: «Для современного европейца отношение к Византии – это отношение к убитой матери, которую невозможно забыть, без которой тебя вообще бы не было, но которая своим отсутствием напоминает тебе о преступлении, лежащем в основе твоего нового существования. Новая Европа возникла в результате убийства Византии... хотя бы одним только нежеланием спасти свою мать».

Фильм о Тихона, а еще в большей степени – его широкое (и продолжающееся!) обсуждение – еще раз подтверждает то, что и прежде хорошо было известно византиноведом: самоопределение по отношению к Византии есть живой вопрос культурно-цивилизационной ориентации для Руси. Так было и в эпоху становления государственности, и в кризисные моменты русской истории. «Именно благодаря Византии Москва, а не Вильна (или Тверь) стала столицей Российской империи», – писал о. Иоанн Мейендорф. «Византинизм организовал нас... Изменяя, даже в тайных помыслах наших, ему, мы погубим Россию. Византинизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы», – заключал К. Леонтьев.

Началом «реабилитации византийской идентичности русской культуры» назвал Аркадий Малер развернувшееся после появления фильма «Гибель империи» интеллектуальное движение. Как заметил один из участников обсуждений, историк Николай Лисовой, «Византия погибла из-за того, что истощила свои ресурсы именно на то, чтобы создать великое наследие, которое в нас живет до сих пор».

Проблематика «византизма» (с неизбежностью конфессионально окрашенная) продолжает оставаться одной из самых востребованных в исторических исследованиях в современной России.

«Священство и царство»: в поисках утраченной симфонии?

Тема государственно-церковных отношений имеет солидную историографию. Привлечению нового внимания к ней в середине-конце первого десятилетия XX века, очевидно, способствовали изменения конфигурации силовых линий, протянувшихся между российской властью и Русской Православной Церковью.

1990-е годы были временем, когда в условиях неустойчивости социальных, административных и идейно-культурных форм новой жизни православие воспринималась многими как некая твердая «платформа», на которой возможно выстроить обновленное обоснование государственности, политической и национальной идентичности россиян. На рубеже веков романтически-теократический идеал потускнел, утратил свою привлекательность даже во внутрицерковной среде. Произошло упорядочивание пространства государственно-религиозных контактов: ведущие конфессии страны отказались от выдвижения собственных политических программ, от участия в парламентской борьбе и выражения поддержки определенным партиям, движениям или отдельным политикам. Вместе с тем, у российских верующих различных исповеданий пробудился интерес к социальному измерению собственной традиции; Церковь начала активно осваивать новые для себя правовые и интеллектуальные сферы. На официальном уровне признано за благо выстраивать отношения религиозных общин и государства на принципах «партнерства» – однако, контуры этого партнерства различными авторами очерчиваются по-разному... Все это, несомненно, создает среду, в которой прошлое и современное состояние взаимоотношений «священства и царства» предстает остроактуальной темой, интересной как для историка и богослова, так и для государственного чиновника – практика административного строительства.

В последнее время появился ряд интересных публикаций, рассматривающих данную проблематику с научных позиций, с привлечением богатого корпуса источников. И почти каждая подобная работа получает большой «конфессиональный резонанс»! В качестве ярких, характерных примеров следует привести, в частности, исследования Андрея Логинова «Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности»²⁰ и Михаила Бабкина «Священство и царство (Россия, начало XX века – 1918 год)»²¹. О книге А. Логинова (историка и действующего государственного чиновника) можно сказать, что она представляет в основном традиционный взгляд на динамику взаимоотношений государственных и религиозных институтов и выдержана в сдержанно-этикетском и в целом оптимистичном духе. Работа М. Бабкина (с предшествующим ей рядом статей), напротив, многими воспринимается как «бомба», подложенная под устоявшиеся представления о симфонии Церкви и монархического начала в поздней Романовской империи.

Андрей Викторович Логинов – историк по специальности, выпускник истфака МГУ им. М.В. Ломоносова (1979 г.). В его биографии госслужащего

были такие страницы, как работа в Посольстве СССР в Афганистане и деятельность в качестве специалиста-эксперта Отдела по делам СНГ Аппарата Правительства РФ. С середины 1990-х гг. А.В. Логинов последовательно занимает ряд высоких постов, связанных с осуществлением взаимодействия между органами верховной власти и общественными организациями. В течение определенного времени он выполнял обязанности ответственного секретаря Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, что, несомненно, обогатило его исследовательский потенциал. В 2000 году Андрей Логинов был назначен Полномочным представителем Правительства РФ в Государственной Думе.

Тот факт, что не слишком публичный чиновник высокого ранга решается выступить с программной монографией о взаимодействии «власти и веры», не может не наводить на размышления. Очевидно, что своим трудом А.В. Логинов решал не только чисто научные задачи, но и концептуализировал идеи, влиятельные и востребованные в определенных кругах российского истеблишмента. В интервью корреспонденту «НГ-религий»²² Андрей Викторович рассказывает, что «участвовал в подготовке и принятии нынешней редакции Закона о свободе совести» и далее признается: «Своей книгой я пытаюсь подвести серьезный исторический фундамент под принятые тогда решения и обосновать их правильность». Следует отметить, что к проекту издания книги были подключены весьма солидные издательства – «Православная энциклопедия», «Большая Российская энциклопедия», специалисты которых осуществляли выверку огромного фактографического материала... Итак, в чем же суть концепции автора «Власти и веры»?

Эту позицию в определенном смысле можно охарактеризовать как «неовизантийскую». А.В. Логинов выстраивает «цивилизационный ствол» (один из его любимых терминов) от сегодняшней России к эпохе византийской империи. В понимании исследователя цивилизационный подход обязательно должен учитывать конфессиональный фактор. Ведь религия, помимо того, чтобы связывать людей между собой (само значение слова «religio» означает связь), призвана создавать условия для сохранения традиций, их углубления и, соответственно, сохранения цивилизации.

Автор идет далее и высказывает нетривиальную и научно плодотворную мысль о том, что не только область духовной культуры как таковой, но и контактная зона «священства и царства» обладает самостоятельной ценностью и значением для познания цивилизаций. В книге обосновывается тезис о том, что сфера государственно-вероисповедных отношений наряду с культурой, языком, ментальностью, укладом жизни и религией является неотъемлемым цивилизационно-образующим компонентом. И, так же, как и сама вера, тонкая область взаимодействия власти и конфессий не терпит резких решений и резких модификаций.

Дух нынешней эпохи, везде и во всем ищущей «эффективности», словно подсказывает ученому-государственнику, под каким ракурсом следует рассматривать Византию. Логинов оценивает империю Нового Рима как уни-

кальное явление именно с точки зрения ее *цивилизационной эффективности*: тысячелетний опыт православного царства помог сформировать глубину взаимоотношений профанной и сакральной жизни общества, и результатом этого была стабильность цивилизационных форм. И хотя Византийская империя пала (как подчеркивает А.В. Логинов, под ударами не только со стороны Востока, но и со стороны Запада, римо-католических сил) – тем не менее, духовный потенциал византийской эпохи сохранил свое значение. Заиграв новыми красками на Руси и в Московии, византийское наследие наложило определенный отпечаток и на весь петербургский период истории России.

Ключевое звено всей византийской идейно-духовной системы – концепция *симфонии* священства и царства. Как историк А.В. Логинов отмечает идеальный характер этой концепции, ее практическую неосуществимость даже в саму византийскую эпоху. В то же время, автор «Власти и веры» убежден в продуктивности самой идеи симфонии и даже в определенной применимости ее принципов в нынешних условиях. В интервью известному православному публицисту Евгению Никифорову он высказывается без обиняков: «гармония, лежащая в основании этой концепции, даст свой результат, даже будучи частично претворенной в жизнь, даст свой результат в поднятии духовного потенциала российского общества. И я считаю, в этом смысле она требует своего дальнейшего изучения и поисков форм ее применения в сегодняшнем дне».

Рецензенты отметили «провизантийское» звучание некоторых положений работы А.В. Логинова. Так, доктор философских наук, профессор РАГС при Президенте РФ М.О. Шахов отмечал: «Автор утверждает, что во все периоды византийской истории Церковь сохраняла духовную самостоятельность и в итоге неизменно брала верх. Несмотря на многочисленные нарушения личной симфонии между императорами и патриархами, византийская идея согласия и плодотворного сотрудничества священства и царства как двух богоустановленных властей показала себя более гармоничной и позитивной, нежели утвердившийся в Западной Европе римско-католический клерикализм»²³.

Любопытно современное смысловое наполнение, которое обретает древняя богословски-юридическая категория: «симфония» для А.В. Логинова означает «гармония». Именно в этом значении недавно употребил заветное для многих церковных интеллектуалов слово Президент России. На встрече с православной общественностью в рамках X церковно-общественной выставки-форума «Православная Русь» 5 ноября 2011 года Д.А. Медведев, подчеркнув, что «история нашей страны неразделимо связана с Православием», сказал, обращаясь к аудитории: «Здесь есть те, кто принял сан и служит Русской православной церкви, помогая огромному количеству наших людей справляться с их жизненными трудностями, находить себя, находить свой жизненный путь. Это очень важно даже в тот период, когда между государством и церковью существует высокая степень гармонии, или, как обычно говорит Святейший Патриарх, симфонии». Слово-пароль было произнесено. И услы-

шано! Уже 7 ноября на круглом столе в рамках все той же выставки глава синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин особо отметил важность того факта, что из уст Президента прозвучало слово «симфония»: «Мы не должны и не будем отказываться от этого понятия. Да, наше государство является светским, что нормально, но наше общество в значительной степени состоит из православных христиан, поэтому симфония церкви, государства и общества – это естественная вещь, это отношения не разноприродных вещей, а отношения в рамках одного тела, которое одновременно является значительной частью телом народа и телом Христовым – Церковью», – подчеркнул священник. По его убеждению, «симфония возможна», как возможна и нужна «христианская политика, экономика, культура».

Небезынтересной представляется трактовка А.В. Логиновым судеб византийского идеала на русской почве. Исследователь дает свою формулу «древнерусской симфонии»: сочетание ведущей роли княжеской власти в церковном устройении и одновременно добровольного ее самоограничения в пользу Церкви при тесном сотрудничестве и взаимоподдержке обеих властей. При этом, принцип симфонии священства и царства, предполагая единство целей, вполне допускал несовпадение интересов и возможное вмешательство двух властей в дела друг друга. В частности, это проявилось в решении вопросов, касающихся иммунитетных и имущественных прав архиерейских кафедр и монастырей: корпоративно-сословные интересы церковной иерархии нередко вступали в открытое противоречие с потребностями государственной власти, что требовало от нее действий, не наносящих ущерба самой Церкви и православной вере. Последнее, как полагает А.В. Логинов, удавалось далеко не всегда...

«Неовизантизм» А.В. Логинова предполагает, что опыт Византии применим к истории и современности России «с поправками». Важнейшая из этих «поправок» – поликонфессиональный характер русской цивилизации, исторически складывавшаяся веротерпимость. Это – особая черта российского общества и один из краеугольных камней в фундаменте Российской империи. Государственно-образующими религиями в России являются как Православие, так и ислам.

Большой интерес представляет раздел, посвященный современной концепции государственно-вероисповедных отношений в России. Опираясь в ряде случаев на творческое наследие таких мыслителей, как Лев Тихомиров и Иван Ильин, автор «Власти и веры» остается прежде всего прагматиком-этистом. Церковь для него – не богочеловеческое явление, не мистическое «тело Христово», а, прежде всего, общественный институт, существование которого обусловлено антропологическими, социально-психологическими моментами. Природа, которая породила и государство, и религию – одна и та же: это природа человеческого сознания. Путь разрешения трудностей государственно-конфессиональных отношений – «демократический союз власти и веры».

Андрей Логинов описывает две базовые модели религиозной политики, существующие в демократических государствах: сепарационную и кооперационную. Первая связана с либеральным стандартом свободы совести. В ее рамках религия признается сугубо частным делом (при этом подразумевается, что частная жизнь – самодовлеющая ценность, обслуживаемая государственной властью). Вторая модель предусматривает, что государство признает значение религии для сохранения традиций и устоев общественной жизни и выстраивает отношения с религиозными сообществами. По мнению Андрея Логинова, именно кооперационная модель оптимальна для России, поскольку она полностью выражает дух ее истории и цивилизационную специфику. По наблюдениям Андрея Логинова, в первой половине 1990-х годов российское государство пыталось применить в области государственно-конфессиональных отношений преимущественно либеральный подход, который по форме очень напоминал ту модель отношений, что была продекларирована декретами Временного Правительства в 1917 году. «Бездумное восприятие этого либерального стандарта религиозной свободы, – поделился Андрей Логинов своим мнением с порталом “Религия и СМИ” – привело к серьезным последствиям, искажающим общий цивилизационный фон развития нашего общества». Однако принятие Закона о свободе совести и религиозных объединениях в 1997 году стало важной вехой и ярким примером соработничества двух властей – духовной и государственной. «Именно опора на исторически сложившиеся цивилизационные ценности и их адаптация к современным правовым и общественно-политическим условиям, – заключает Андрей Логинов в интервью “НГ-религиям”, – позволили выстроить национально ориентированную конструкцию государственно-вероисповедных отношений». Однако, необходимо время, чтобы сложилась общественная традиция понимания и исполнения принятых правовых норм.

Книга М.А. Бабкина «Священство и Царство», как следует из заглавия, посвящена судьбам все того же византийского идеала на крутом изломе русской истории. Работа получилась весьма солидная, как по фактическому объему (920 страниц), так и по широкому кругу привлеченных источников²⁴.

Михаил Анатольевич Бабкин – выпускник физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1993). По собственным словам М.А. Бабкина, в историческую науку его привел сформировавшийся еще на студенческой скамье интерес к теме, ставшей затем основным направлением его исследований. С 1999 года Михаил Бабкин целиком посвящает себя историческим изысканиям. В 2003 году он защитил кандидатскую, а в 2007 году докторскую диссертации по специальности «Отечественная история»; в настоящее время является профессором факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ.

Труды М.А. Бабкина среди всех церковно-исторических и религиозно-исторических работ последнего времени имели, вероятно, наиболее впечатляющий «конфессиональный резонанс». Они буквально всколыхнули не только достаточно узкую прослойку церковных интеллектуалов, профессионально рабо-

тающих в сфере гуманитарного знания, но и широкие круги православной общественности. Среди как сторонников, так и противников точки зрения исследователя оказались яркие, заметные проповедники и публицисты, в том числе и служители алтаря. Вступительное слово к монографии «Священство и Царство» – представляющейся многим спорной и небезупречной именно с церковной точки зрения – написал маститый церковный интеллектуал, магистр богословия, профессор протоиерей Валентин Асмус. Но, разумеется, этот текст, в котором исследования Михаила Бабкина характеризуются как «фундаментальные», не стал для автора «Священства и Царства» индульгенцией, защищающей от критики со стороны церковных историков (в частности, со стороны доцента ПСТГУ Федора Гайды, постоянного автора сайта «Православие.Ру»). Ведь работы М.А. Бабкина объективно взрывают ту картину трагической истории Русской Церкви XX века, что обрела в последние два десятилетия статус канонической. Они поднимают тему ответственности высшего духовенства Российской Православной Церкви за свержение монархии в России, за разрушение православного царства. Автор прямо говорит о духовном соперничестве Церкви и монархии в предреволюционные годы и даже ставит вопрос об участии высшего епископата в антимонархическом заговоре.

Прочитываем несколько пассажей из «Заключения» монографии: по своей тональности они близки если не приговору, то обвинительному заключению: «...С рубежа XIX–XX вв. вплоть до начала Февральской революции представителями высшей иерархии РПЦ проводилась деятельность, направленная на ограничение участия императора в церковном управлении и на “отдаление” церкви от государства. В то же время духовенство едва ли не демонстративно уклонялось от разработки богословского взгляда на царскую власть... Меры, предпринимавшиеся представителями епископата в предреволюционные годы, были направлены на десаκραлизацию власти российского самодержца. Они сводились к укоренению в сознании паствы представлений о царе не как о духовно-харизматическом лидера народа и “Божием установлении” (помазаннике), а как о мирянине, находящемся во главе государства... Стремясь увеличить свою власть за счет умаления прав верховной власти в области церковного управления, видные представители высшего духовенства работали, по существу, на революцию...»²⁵.

Кульминацией исторического повествования в книге и, безусловно, наиболее мощно фундированной и аргументированной частью исследования является рассмотрение событий февраля 1917 г. и первых послереволюционных месяцев. Здесь автор также беспощаден в своих выводах: «Члены синода фактически признали революционную власть... уже днем 2 марта, до отречения от престола Николая II... Позиция высшего духовенства свидетельствовала о том, что иерархи решили воспользоваться политической ситуацией для осуществления своего желания получить освобождение от влияния императора (“светской” власти) на церковные дела и фактически избавиться от царя как своего “харизматического конкурента”... Священнослужителям принад-

лежит временной приоритет в узаконивании российской демократии (народовластия)... Духовенству РПЦ принадлежит приоритет и в изменении государственной, исторически сформировавшейся монархической идеологии Российской империи... Члены Св. синода, приведя православную паству к присяге на верность Временному правительству и не освободив народ от действовавшей присяги на верноподданство императору, сподвигли, по сути, российских граждан на клятвопреступление»²⁶.

Исследователь задается вопросом: а была ли у Синода реальная историческая альтернатива тому пути, по которому он следовал в революционные дни? Большинство исследователей данного периода считают, что Церковь была преимущественно пассивным участником событий; она была вовлечена в революционный поток силой непреодолимых обстоятельств и шла на мучительные компромиссы, не желая окончательно порвать и без того истончившуюся связь с паствой. Михаил Бабкин уверен в обратном: «вероятность монархической альтернативы политического развития России» была «ликвидирована в результате позиции церковной власти»; «ни одна из мер по поддержке или трона, или самого института монархии, или арестованной царской семьи предпринята не была». М.А. Бабкин приводит целый список таких мер, которые, по его мнению, Церковь могла бы предпринять в дни революции для охраны самодержавия. В их числе упоминаются епитимьи, анафематствования и даже «интердикт» (запрет богослужений)... Следует отметить, что практически все эти меры или были технически неосуществимы, или же оказались бы абсолютно бездейственными в февральские дни. Список свидетельствует о романтическом представлении Михаила Бабкина о России 1917 года как о стране средневековой теократической утопии.

Основной текст исследования завершается вполне морализаторски звучащей инвективой: «второй религиозный переворот» 1917 года для архипастырей и пастырей РПЦ был неким историческим «возмездием» за осуществление ими «“первого” – Февральского»²⁷.

Оценивая книгу М.А. Бабкина с точки зрения ее продуктивности для развития процесса исторического познания, следует в первую очередь отметить глубокую источниковедческую базу монографии. Автор не только проанализировал богатую подборку традиционных документальных источников, но и привлек малоизученный и остающийся на периферии внимания светских историков пласт источников специфически церковного происхождения – текстов богослужебных, ставленнических и других чинов. Изменения в данных текстах, а также в порядке поминовения императора на проскомидии, в титуловании монарха и архиереев, в поминовении на ектениях, в календаре праздников, в церковной символике и т. п. – все это внимательно исследуется и истолковывается автором. Однако порой обилие привлекаемого материала способно сыграть злую шутку с исследователем: М.А. Бабкину, увлеченному своей разоблачительной идеей, временами очень явно отказывает «методологическое трезвение» и элементарное умение отличить второстепенный факт от факта первоочередного значения. Как заметил оппонент М.А. Бабкина

Ф. Гайда: «при большом желании в истории можно найти факты, подтверждающие любую теорию, какой бы замысловатой и искусственной она не являлась. Однако профессионализм историка заключается не в «подтягивании фактов к теории», а в попытке воссоздать, насколько это возможно, реальную картину прошлого. Она всегда будет непростой и требующей не огульного осуждения, а хотя бы элементарного человеческого понимания. А в научном исследовании такое понимание требует от историка знания широкого исторического контекста той темы, которую он изучает. Только тогда история оживает, а не превращается в безжизненную схему». Недостаточное знание социального, культурного, политического контекста эпохи объективно ослабляет позицию исследователя.

Дело осложняется тем, что моральная непредвзятость и конфессиональная неангажированность автора в целом ряде случаев вызывает обоснованные сомнения: во всяком случае, для любого читателя книги очевидна критическая настроенность М.А. Бабкина по отношению к иерархии РПЦ в XX веке.

На страничке личных данных Научного богословского портала «Богослов.Ру» М.А. Бабкин указывает – в характерной для него манере с применением правил дореволюционной орфографии – свое вероисповедание как «христианскую православную католическую веру восточного исповедания»²⁸. Сайт «Православие.Ру» в биографической справке характеризует его как «старобрядца-беспоповца»²⁹. Данное определение выглядит довольно загадочно на фоне безусловно позитивных оценок, которых удостоивается у М.А. Бабкина синодальный период истории Русской Церкви и деятельность по церковному устройению православных императоров. Ситуацию проясняет сам историк. В интервью Александру Солдатову³⁰, Михаил Бабкин вполне внятно говорит о связи своих научных поисков и конфессионального выбора. На вопрос «Имели ли Вы сами опыт церковной жизни?» он отвечает: «Когда-то я был в РПЦ МП, в которой и крещен. Как я понял много позже – крещен по “чину кентавра”, т. е. обливанием лишь головы и рук по локоть. Углубившись же в тему “Духовенство РПЦ и свержение монархии” и сделав для себя некоторые выводы, в том числе и вероисповедного содержания, я оставил юрисдикцию этой структуры». Читателю трудно избавиться от ощущения, что в отношении явно несимпатичной М. Бабкину «структуры» каждое лыко оказывается в строку: автор привлекает в свое объемное исследование любые сюжеты, работающие на выстроенную им концепцию. И, надо сказать, что порой не просто выходит за рамки не только академической корректности, но и научного дискурса как такового. Вот один показательный пример.

Во вступлении к своей монографии, озаглавленном «От автора. Из истории написания книги» исследователь объявляет, что будет руководствоваться не «церковно-иерархическим», а «научно-историческим» подходом. Однако трудно считать научно-исторически выверенным следующий, например, пассаж: М.А. Бабкин посвящает целую главу истории явления Коломенской иконы Божией Матери «Державная». Как известно, в храме подмосковного села Коломенского 2 (15) марта – в день отречения императора Николая II от

престола – был обнаружен образ Богородицы необычной иконографии – восседающей на царском троне со скипетром и державой в руках. Обретение иконы получило церковное истолкование как утешительное и благодатное событие, как «великое событие проявление милости Божией к страждущему народу русскому»: Богоматерь, взяв как бы «на сохранение» царские регалии, приняла на себя и особое попечение о России. Восприятие такого события, как мистическое обретение иконы, в принципе, лежит даже вне сферы теологии как строгой герменевтической системы: это в чистом виде вопрос веры. Однако Михаил Бабкин посвящает немало страниц опровержению именно сложившегося на основе веры истолкования истории обретения образа «Державной». И в итоге приходит к следующему выводу: «По нашему мнению, официально принятое толкование “чуда явления Державной иконы” фактически является одним из средств богословского оправдания духовенством свержения в России царской власти. Создатели мифотворческого “Сказания о явлении Державной иконы”, руководствуясь известными мотивами, вытекающими из проблемы “священства-царства”, преследовали цель не только «оправдать» в глазах своей паствы революцию, но и подчеркнуть, что наличие в государстве царя как помазанника Божиего, как “проводника” Его воли и не нужно, что воля Царя Небесного на земле определяется только через священство, что “священство выше царства”». Далее историк фактически предлагает читателю свое собственное, альтернативное истолкование чудесного явления: «В контексте вышеизложенного, на наш взгляд, более логично предположить, что изображенная на “Державной” иконе Богородица приняла скипетр и державу скорее не от земного царя, а от... Царя Небесного. Т.е. Она, в определенном смысле, “подобрала” царские регалии после того, как Царь Небесный, с позволения сказать, “бросил” их, разгневавшись, видя свержение людьми Своего помазанника – земного царя, через которого Он незримо проводил Свою волю»³¹. Подобная «включенность» автора в проблематику веры – вплоть до субъективного ощущения собственной миссии – объясняется, на наш взгляд, не только особенностью личности М.А. Бабкина, но и характерным признаком постмодернистской «конфессионализации» исторического дискурса. Михаилу Бабкину явно импонирует реакция на его труды в церковных, околоцерковных и антицерковных кругах. Он скрупулезно приводит в Приложении к своей монографии сведения о резонансе, который произвели его идеи в среде таких экзотических и малочисленных раскольнических группировок, как «РосПЦ», «РИПЦ» (почему-то они включены в раздел «Документы и материалы по истории РПЦ»). В уже цитировавшемся интервью А. Солдатову историк так отвечает на вопрос «Предвидели ли Вы резкое неприятие Вашего исследования со стороны официальной Церкви?» – «Встречный вопрос: “А что есть Церковь?” ... В некоторых юрисдикциях (в первую очередь – в РосПЦ) мои исследования вдохновили священноначалие, клириков и мирян на предметное рассмотрение “проблемы Февраля 1917 г.”. В период 2008–2009 годов там даже был произведен масштабный пересмотр богослужебных текстов. Согласно определениям Архиерейских Соборов, был

совершен возврат богослужбной практики РосПЦ к дореволюционным («до-февральским») молитвословиям». Более значимым, на наш взгляд, является то звучание, которое обретают работы М.А. Бабкина в современной борьбе идей вокруг исторического наследия и учения Церкви. Существующие как внутри церковной ограды, так и вне ее группы, чья деятельность объективно ведет к дестабилизации Православия, опираются на работы М.А. Бабкина. Среди них – и последователи бывшего епископа Анадырского и Чукотского Диомида, и всевозможные «царебожники» (требующие именовать св. Царя-мученика Николая Царем-Искупителем). Ф. Гайда справедливо замечает: «В полемической деятельности бывшего епископа Диомида можно легко заметить два периода – до и после лета 2008 года. Если на первом этапе ключевыми лозунгами были антилиберализм, антиглобализм и антиэкуменизм, то затем они отошли на второй план, уступив место двум другим тезисам – о «цареборчестве» и «имяборчестве» Русской Православной Церкви. Причем под эти утверждения подводились определенные исторические «основания»: обе «ереси» усматривались уже в деятельности российского Святейшего Синода в начале XX века и Поместного Собора 1917–1918 годов. В своих исторических экскурсах Диомид... ссылался как на непререкаемый авторитет на труды М.А. Бабкина... Очевидно и то, что ныне работы Бабкина – основное средство вдохновения борцов с «цареборчеством»³². Разумеется, назвав свою работу «Священство и Царство», М.А. Бабкин не мог не коснуться и темы симфонии. Он уделяет ей особое внимание в главе «Полномочия василевсов в Православной Церкви». Исследователь примыкает к тем дореволюционным правоведам и канонистам, которые отстаивали правомочность распространения власти царя на область церковно-правительственного управления, на охрану вероучения и соблюдение церковного благочиния. В этой перспективе синодальный период истории Русской Церкви предстает не как время господства «канонически ущербной» формы управления, не как период «порабощения», «пленения» Церкви государством, а как эпоха полного и легитимного воплощения византийского теократического идеала. В интервью «Порталу-Credo.Ru» М.А. Бабкин рассказывает о своем личном отношении к проекту симфонии: «“Симфония властей” – это “преданье старины глубокой”, но явно – не Священное Предание. Она не относится ни к области догматов, ни даже к области теологуменов. Она (в ее нынешней расхожей трактовке) – полупапистский миф... Как таковая, “симфония властей” (в ее нынешней трактовке) в истории никогда и не существовала. Главами православных царств (империй) всегда являлись василевсы, которые сосредоточивали в своих руках и царскую (условно говоря, светскую), и духовную власти... Я разделяю точку зрения тех немногочисленных историков, которые оценивают положение Церкви в императорской России как период высшего развития Православия за всю его российскую историю. В синодальный период Церковь и Империя (как две ипостаси) составляли единое и нераздельное церковно-государственное тело, единый организм, находившийся под скипетром и державой православных императоров – христов [т. е. “помазанников”. – А.С.] Господних...

Я оцениваю синодальный период как расцвет Православия в России: но с оговоркой на появившуюся в связи с Расколом во 2-й половине XVII века в земной Церкви, как “теле Христовом”, неисцельной болезни. А синодальную форму управления РПЦ я считаю канонически и исторически полностью обоснованной, а также наиболее удобоприемлемой для существования Церкви в православном Царстве».

Увлеченный обличительным пафосом и самодержавно-теократической романтикой своей схемы, М.А. Бабкин не замечает слишком многого: ни конкретно-исторических причин (совершенно внецерковных и даже внерелигиозных), обусловивших введение любимым им царем Петром Алексеевичем синодальной формы правления, ни многочисленных примеров жестокого и волюнтаристского самоуправства «православных василевсов» в церковной сфере в XVIII и даже в XIX вв., ни секуляризации церковных имуществ и подрыва монастырской жизни (вызвавшего страшное духовное оскудение Церкви) в «век Просвещения», ни отсутствия у большинства представителей династии Романовых (а до Павла I – практически у всех) сколько-нибудь явно проявленного, живого интереса к собственным преимущественным церковным правам – в их мистическом, а не административном измерении. Остается «за кадром» и главный вопрос: если в синодальный период, под властью царей Церковь процветала (оставаясь опорой Трона), почему же начиная с рубежа XIX–XX веков в ней стали вызревать – следуя версии М.А. Бабкина – оппозиционные или даже заговорщицкие настроения? Что такого фатального принесла с собой эта грань веков, почему начало меняться самосознание высшего духовенства (доселе строго монархическое)?.. Впрочем, надо отметить, что само возникновение подобных вопросов является подтверждением креативного потенциала книги.

Образовательный аспект: ОПК/ОРКСЭ

Невозможно представить себе жизнь гуманитарного сообщества в начале XXI века без напряженных дискуссий о «преподавании религии в школе» и без целого ряда смежных обсуждений, касающихся государственных стандартов, будущего специальности «теология» и т. п. К этим спорам оказались привлечены академические структуры и многие крупные историки. Сама по себе тема, конечно, имеет не только историческое и конфессиональное, но и педагогическое, психологическое, национальное и другие измерения.

Вопрос о преподавании основ религиозной культуры в государственных учебных заведениях вызревал в обществе с конца 1980-х годов. Во многих субъектах Российской Федерации в 1990-е проблема преподавания конфессионально ориентированных предметов решалась на региональном уровне. Немалую роль здесь играла инициатива местного архиерея: например, в Смо-

ленской области, в епархии образованного и активного будущего Патриарха Кирилла, курс «Основы православной культуры» изучался в некоторых школах еще с 1991; в школах были также введены предметы «История православной культуры земли Смоленской» и «Азбука Смоленского края» (фактически – православное краеведение). Еще одним фактором, способствовавшим продвижению православных предметов в школе, была активность региональной власти, зачастую искавшей в сотрудничестве с Церковью дополнительную идеологическую и социальную опору. Так, оппозиционно настроенный курский губернатор Александр Руцкой 15 декабря 1996 года подписал постановление «Об утверждении программы изучения православной культуры в Курской области». Следует отметить, что Русскую Православную Церковь подталкивало к более решительным действиям широко развернувшееся в 1990-е годы проникновение в государственные образовательные учреждения представителей нетрадиционных конфессий и оккультных школ. В некоторых случаях работники системы образования, в силу недостатка компетенции, просто не могли опознать последователя той или иной «системы развития личности» как миссионера вполне конкретного религиозного или парарелигиозного учения.

Принятый 26 сентября 1997 года Федеральный Закон «О свободе совести и религиозных объединениях», предусматривающий возможность обучения детей основам вероучения в помещениях государственных (муниципальных) образовательных учреждений вне рамок образовательной программы, создал качественно новую ситуацию. 1 июля 1999 года был создан консультативный Координационный совет по взаимодействию Минобразования РФ и Московской патриархии РПЦ. Вскоре был подписан и договор о сотрудничестве, регламентирующий работу Совета. В циркулярном письме «Всем епархиальным преосвященным» от 9 декабря 1999 года Патриарх Алексей II предлагал архиереям «организовать преподавание основ православной культуры в государственных (муниципальных) образовательных учреждениях вверенной Вам епархии».

В тот, ранний период истории ОПК ни сам Святейший Патриарх, ни епархиальные архиереи, ни государственные чиновники от образования в большинстве случаев не проводили четкой границы между *культурологическим изучением религии* и *миссионерским обучением религии*. Не слишком принималось во внимание и положение закона (разъясненное в документах Министерства образования) о том, что обучение детей религии в помещениях государственных школ должно проводиться вне рамок обязательных образовательных программ. В цитирувавшемся выше циркуляре (вызвавшем большое количество откликов и комментариев в СМИ) «преподавание вероучения» и «преподавание основ православной культуры» не вполне четко разграничиваются. А пункт 7 даже содержит следующий практический совет епископату: «Если встретятся трудности с преподаванием основ православного *вероучения* называть курс «*Основы православной культуры*», это не вызовет возражений у педагогов и директоров светских учебных заведений, воспитанных на атеи-

стической основе». Очевидно, и со стороны Церкви, и со стороны государственных образовательных структур, и со стороны «обеспокоенной общественности» имело место определенное непонимание специфики нового предмета. Именно поэтому история ОПК в российских школах столь запутана, изобилует всевозможными «шараханиями» из одной крайности в другую, принятием и дезавуированием деклараций, сменой формулировок и т. п. Сложные перипетии, связанные с предметом, обобщены в ряде работ (например, в исследовании Н. Митрохина «Клерикализация образования в России: к общественной дискуссии о введении предмета «Основы православной культуры» в программу средних школ»³³).

Своеобразным памятником того периода стала книга Аллы Бородиной «Основы православной культуры»³⁴ (М.: Покров, 2002). По мнению известного публициста-антиклерикала Николая Митрохина, А.В. Бородина «предложила не просто учебник, а цельную концепцию, означающую, по сути, введение в школьную программу нового предмета, охватывающего все классы». Автор широко вводила в свой курс (рассчитанный на 10 лет обучения) исторический компонент: в 5 классе дети должны были овладевать церковнославянским языком, знакомиться с текстами древнерусской литературы и славянской Библии, с 7 по 9 классы – изучать историю христианства, в 10-м изучать древние религии, а в 11 – обозревать современную конфессиональную картину мира. Учебник подвергся критике со стороны либеральной общественности и ряда экспертов-религиоведов. Так, историк религии Н.В. Шабуров обнаружил в нем «некорректные высказывания, способствующие разжиганию религиозной и национальной розни». Второе издание «Основ православной культуры» в 2003 году (уже в виде «учебного пособия») сохранило целый ряд фрагментов, вызывавших протесты. Тем не менее, даже такой радикальный критик, как Н. Митрохин, признает: «В руках педагогов учебник Бородиной стал источником полезных сведений и примеров и, возможно, задавал общее направление курса».

22 октября 2002 года министром образования В. Филипповым было подписано и разослано в регионы письмо, включавшее «Примерное содержание образования по учебному предмету “Православная культура”». Либеральной интеллигенцией это было воспринято как очередная победа церковных лоббистов и начало «массированного введения ОПК в школах». В 2003–2005 годах, в условиях продолжавшейся на весьма повышенных тонах дискуссии, войны писем, заявлений общественности и экспертных заключений курс ОПК (преподававшийся преимущественно по учебнику Аллы Бородиной) продолжал продвигаться в субъектах Российской Федерации. С 1 сентября 2006 года ОПК преподавался в 15 регионах России в рамках регионального компонента образования, то есть по решению законодательного органа региона, без общей для всех регионов программы и учебников. В четырех регионах (Белгородской, Калужской, Брянской и Смоленской областях, предмет был утвержден в качестве обязательного компонента школьной программы. Еще в 11 регионах (Рязанская, Орловская, Тверская, Московская, Курская,

Самарская, Владимирская, Новгородская, Свердловская, Архангельская область и Мордовия) предмет преподавался на факультативной основе.

Однако такое положение не могло устроить сторонников утверждения предмета в качестве обязательной составляющей образовательного цикла. В 2007 году региональный и школьный компоненты были ликвидированы, и вопрос о судьбе ОРКСЭ вновь встал со всей остротой... В итоге в 2009 году был найден компромисс, сложная формула которого продолжает дорабатываться и уточняться в процессе введения в жизнь и апробации нового предмета – «Основы религиозных культур и светской этики». Согласно распоряжению Правительства РФ от 29 октября 2009 года, курс ОРКСЭ вводился с 1 апреля 2010 года в 19 субъектах РФ. Затем к эксперименту присоединились еще два региона. Было объявлено, что при успешной реализации эксперимента с 2012 года курс будет включен в школьную программу уже во всероссийском масштабе. Осенью 2011 года Минобрнауки объявило об успешном завершении эксперимента (новшество проверяли на 242 тысячах учеников 9980 школ). График введения нового предмета был, однако, несколько скорректирован: его обязательное введение для всех планируется только в 2014 году.

ОРКСЭ включает 6 модулей, из которых ученики по своему выбору или выбору родителей могут избрать один для изучения. Данные модули включают: основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур и основы светской этики. В структуре курса – 4 блока занятий (всего 34 часа, по 17 часов в четвертой четверти 4 класса и первой четверти 5 класса). По словам статс-секретаря, замминистра образования и науки Игоря Реморенко, «после установочного занятия, где речь пойдет о добре и зле, месте человека в мире и остальных вечных вопросах, ребята разделятся на группы по модулям, так у них пройдут еще 16 уроков до конца учебного года. Еще десять уроков будут в сентябре – октябре. После этого весь класс снова соберется вместе. Ребята будут делать презентации и рассказывать своим одноклассникам, посещавшим другие модули, о том, что они узнали о своей религии или светской этике»³⁵.

Разработчики идеологии ОРКСЭ обозначили некоторые принципиальные особенности курса, важные с точки зрения развития гражданского общества и укрепления национального единства. Так, материал должны преподавать светские педагоги; курс должен носить не вероучительный, а культурологический характер; школьники, выбравшие для изучения определенный модуль, должны получать общие представления и о содержании других модулей. Примечательно, что «изучение курса завершается большим общим школьно-семейным праздником, посвященным Дню народного единства, который отмечается 4 ноября»³⁶. Кроме того, модули не должны были содержать критику в адрес других религий и утверждения, которые могли бы быть использованы как аргументы о превосходстве одной религии над другой.

Новый формат предмета потребовал и нового учебника. 1 июля 2009 года по распоряжению Патриарха Кирилла были образованы Редакционный Совет

и Редакционная коллегия по написанию учебника «Основы православной культуры» под руководством протоиерея Андрея Кураева. В марте 2010 года новый учебник ОПК (сразу получивший неофициальное название «учебник Кураева») был напечатан в издательстве «Просвещение» – и сразу подвергся критике как «справа», так и «слева». Для не склонных к диалогу и компромиссу с современностью ультраортодоксов данная книга – опасный пример «модернизма», сдача позиций (по сравнению с учебником А. Бородинной). Для церковных и внецерковных либералов «учебник Кураева» – продолжение все той же «мракобесной», обскурантистской, средневековой политики «активистов РПЦ», стремящихся к «теизации» всей системы образования. «РПЦ выпустила джинна из бутылки», – заявил рецензент учебника, заместитель директора Института философии РАН А. Смирнов. «Забавная диалектика, – откликнулся на критику о. Андрей Кураев. – Для либеральной прессы наш курс – это клерикализация школы, а для некоторых церковных людей он же оказывается профанацией православия. Как еще назвать разговор нецерковных педагогов с нецерковными детьми о православных святых?».

Введение ОПК именно в таком варианте – как одного из модулей светского культурологического предмета – было непростым компромиссом как для Церкви, так и для государства. И одной из первых «жертв» этого компромисса оказалась историческая составляющая предмета (при том, что чаще всего преподавание нового курса берут на себя именно учителя-историки). Составленный по принципу «гипертекста» учебник ОПК, изобилующий врезками и текстовыми иллюстрациями, содержит немало исторических примеров. Но – в нем практически нет последовательно изложенного церковно-исторического материала (который, заметив в скобках, включает в себя любое пособие по «Закону Божьему»). Даже там, где рассказ об исторических событиях объективно требуется по самой логике изложения материала, авторы ограничиваются весьма общими и лапидарными формулировками. Вот, например, первый урок цикла 5 класса (то есть 18-й в общей структуре цикла) – «Как христианство пришло на Русь»³⁷. Открывается он своеобразным смысловым эпиграфом – притчей, суть которой в том, что «Бог так устроил, что люди должны научиться от людей». Затем следует глава под многообещающим заглавием «Церковь в истории», в которой речь, однако, идет о социально-культурной роли Церкви вне каких-либо исторических координат (лишь в конце замечается, что «Христос жил в той стране, которая сегодня называется “Святая Земля”, Палестина или Израиль (а во дни Его жизни на земле это была часть Римской Империи)»). Далее без особых подробностей приводится летописная версия Крещения Руси св. князем Владимиром. И, наконец, глава «Святая Русь», почти целиком состоящая из цитаты – лирических размышлений А.И. Солженицына о храме как основном зрительном акценте среднерусского пейзажа...

Думается, что при составлении учебника авторы стремились вместить в ограниченный объем максимум содержательных с их точки зрения сведений. И предпочтение здесь отдавалось моментам скорее нравственно-бого-

словским, нежели культурно-историческим. Но дело не только в этом. История любой конфессии изобилует спорами, ересями, расколами, анафемами и столкновениями с последователями иных исповеданий. Следование любой религии – это всегда *выбор*: экзистенциальный, философский, политический... А формат курса требует безусловно позитивного изложения, без какой-либо исторической конфликтности. Сам о. Андрей признавался, что составителям учебника пришлось сильно сократить историю Крещения Руси, убрав из нее один из смыслообразующих эпизодов – «выбор веры» князем Владимиром (дабы не создавать антагонизма православных школьников с их сверстниками мусульманами, иудеями и католиками). Очевидно, поэтому из понятия «Святая Русь» оказалось выхолощено его вполне очевидное государственное (монархическое!) содержание.

На сегодняшний день очевидно, что новый предмет – вызов всей системе гуманитарного знания в рамках основного общего образования. Воспринять этот вызов творчески, превратить его в стимул для улучшения ситуации в школе – задача, стоящая перед педагогами, родителями и обществом. Показательно, что первые итоги эксперимента – скорее положительные. Так, по сведениям газеты «Комсомольская правда», 78 % родителей, чьи дети изучали ОРКСЭ, позитивно отнеслись к занятиям. Но православных энтузиастов нового предмета не может ни тревожить тот факт, что модуль «основы светской этики» выбирается чаще, чем ОПК... Так, в регионах, где проводился эксперимент, «основы светской этики» выбрали 42 % школьников (или, точнее, их родителей), «основы православной культуры» – 30 %, «основы мировых религиозных культур» – 18 %, «основы исламской культуры» – 9 %, «основы буддийской культуры» – 1 % и «основы иудейской культуры» – менее 1 % учащихся.

Президент России убежден, что эксперимент показал жизнеспособность нового предмета и сплоченность российского общества. На встрече с «православным активом» 5 ноября 2011 года Д.А. Медведев, по его собственным словам, «приоткрыл небольшой секрет». Вопрос о введении курса приватно обсуждался им с Патриархом Кириллом: «Святейший сказал, что ему представляется, что ситуация вызрела. И некоторое время подумав, мы снова встретились, и я сказал, что я согласен. Я думаю, что мы сможем ввести соответствующий курс, но именно так, как, собственно, в своем вступительном слове сказал Святейший Патриарх. Мы ввели его, для того чтобы никого не пугать, создав возможность выбора между преподаванием и, соответственно, ознакомлением с основами религиозной культуры различной (православной культуры, мусульманской культуры, буддийской культуры и так далее) или же изучением некоего общего культурологического курса для тех, кто пока не готов, допустим, для своего чада что-либо выбрать или у кого есть какие-то колебания. Тем самым, мне представляется, мы сняли наибольшее количество страхов и опасений, которые были или оправданы, еще раз говорю, или же генерировались в разных целях, иногда даже, скажем откровенно, в провокационных целях. Все это прошло, все эти решения прошли абсолютно

спокойно и тихо, и вот Ваши слова это в полной мере подтверждают. И что самое главное на самом деле, эти решения были приняты не только родителями, потому что родители все-таки, конечно, все желают блага для своих детей, но не они в школе находятся. Эти решения были в общем и целом с радостью приняты и самими учениками, и мы не раскололи классы, как это иногда нам пытались внушить: “Вот вы поделите класс, там будут сидеть уже не просто дети определенного возраста, а будут сидеть православные, мусульмане, представители других конфессий, те, кто вообще не относит себя к какой-либо религиозной конфессии. И в результате это приведет к стычкам внутри”, – но не произошло этого. Не произошло этого, причем нигде: ни в местах, где больше или где доминируют православные; ни в местах, где смешанное проживание; ни в местах, где большинство населения составляют мусульмане. Все в общем и целом абсолютно нормально. Это означает, что мы приняли это решение сбалансировано и, в общем, создали, мне кажется, нормальную основу для того, чтобы развивать этот курс»³⁸.

Проведенный анализ показывает, что на характер взаимодействия мира веры и мира позитивного, рационального гуманитарного знания оказывает влияние немало обстоятельств – историческая специфика развития научной традиции в России; формат отношений государственной власти, Церкви, общества и интеллектуального цеха; особенности процессов, протекающих сегодня на стремительно расширяющемся и трансформирующемся информационном пространстве. Историко-конфессиональный дискурс по-прежнему остается актуальной темой в России – как для научного сообщества, так и для Церкви и социума в целом. Важно отметить, в заключение, что рассмотренные в статье процессы протекают в культурной ситуации, которую многие исследователи и аналитики описывают как «постсекулярный мир», «постсекулярное общество». Некоторые социологи (например, Майкл Кинг) говорят о приходящей на смену тотальному секуляризму эпохе новой духовности, способной примирить веру и разум, науку и религию. Другие (в частности, Юрген Хабермас) понимают постсекулярное как своего рода новый инструмент секулярного общества, у которого отпала нужда в антирелигиозной идеологии и возникла необходимость налаживания отношений с религиозными сообществами, не переживавшими процессов секуляризации.

Так или иначе, экспансия постсекулярного лишь в глазах крайних реакционных романтиков и радикальных ортодоксов вроде Джона Милбанка предстает как шанс для восстановления культурной гегемонии христианства и вечной оппозиции «священное-мирское». Большинство трезвых наблюдателей отмечают лишь фактическое завершение проекта «Просвещение», дискредитацию таких прежде непререкаемых идеалов, как прогресс, безграничные возможности научного познания, свободная конкуренция обществ и индивидуумов, сближение народов и цивилизаций... Ценности «большого Модерна» – эпохи, претендовавшей на всеобщую демифологизацию и «раскрепощение разума» – в итоге сами зацвели пышным мифологическим цветом и породили

чудовищ, более грозных, чем средневековые... Применительно к российской ситуации эксперты (А. Кырлежев, А. Морозов, А. Малер и др.) говорят, что в постсекулярную эпоху происходит реванш религиозного начала – но не как целостной системы, а как некоего общего интеллектуального фона. Постмодерн «растворил» в себе религию – и теперь она может присутствовать везде, преодолевая любые институциональные рамки, входя в пространство научного дискурса и оказывая влияние на развитие общественного диалога.

Думается, что осмысливаемая сегодня ситуация постсекулярного мира содержит в себе немало креативных возможностей для развития историко-конфессионального дискурса как в направлении диалога церковных и светских интеллектуалов (в том числе и агностиков, и атеистов), так и в более важном отношении взаимного обогащения двух миров. По Хабермасу, религия вновь впускается в общественно-идеологическое пространство – но не для того, чтобы вытеснить секулярную идеологию, а для того, чтобы насытить ее новыми смыслами. Продолжая мысль немецкого социолога, можно предположить, что присутствие конфессиональной составляющей в историческом дискурсе будет творчески провокативным и, в итоге, плодотворным фактором развития гуманитарного знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Научный богословский портал «Богослов.ru», 18 декабря 2008 года: <http://www.bogoslov.ru/text/367172.html>

² Вводный том «Русская Православная Церковь» и I алфавитный том вышли в начале 2000 года. В ноябре 2011 года издан XXVII том энциклопедии (статьи «Исаак Сирий» – «Исторические книги»). В 2012 г. планируются к изданию XXVIII – XXX тт. Об истории проекта см.: К 10-летию выхода 1-го тома «Православной энциклопедии» // Вестник церковной истории. 2010. № 1–2 (17–18). С. 324–330.

³ См. материалы круглого стола: <http://www.pravmir.ru/religiovedenie-nauka-ateistov/>

⁴ Имя А.Б. Зубова в рассматриваемый период развития отечественной историографии стало ассоциироваться с двухтомником «История России. XX век» (М., 2009), редактором которого выступил профессор (проект объединил более 40 авторов из России и Зарубежья). Книга вызвала острую полемику; критики ставили в вину авторам недобросовестный подход к изложению материала, касающегося советской эпохи, что привело к выражено-антисоветской ориентированности издания. На наш взгляд, дискуссия вокруг двухтомника характеризует преимущественно уровень развития общественно-политического, нежели историко-конфессионального дискурса.

⁵ Синельников С.П. О методологии и междисциплинарности в исследованиях истории церковно-государственных отношений // Научный богословский портал «Богослов.ru». 12 апреля 2011 г.: <http://www.bogoslov.ru/text/1610787.html>

⁶ См.: Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. – М., 2004. Синелина Ю.Ю. Изменение религиозного мировоззрения россиян. Православные и мусульмане. – М., 2006.

⁷ Синелина Ю.Ю. Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 89–97.

⁸ www.pravoslavie.ru

⁹ www.bogoslov.ru

¹⁰ www.blagovest-info.ru

¹¹ www.pravlib.narod.ru

¹² www.pravmir.ru

¹³ www.missioncenter.ru

¹⁴ www.portal-credo.ru

¹⁵ www.religare.ru

¹⁶ Багдасаров Р.В. Свастика: священный символ. Этнорелигиоведческие очерки. – М., 2001.

Багдасаров Р.В. Мистика огненного креста. – М., 2005.

¹⁷ Багдасаров Р.В. Мистика русского православия. – М., 2011.

¹⁸ Багдасаров Р.В. Творцы священной истории. – М., 2010.

¹⁹ www.vizantia.info

²⁰ Логинов А.В. Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. – М., 2005.

²¹ Бабкин М.А. Священство и царство (Россия, начало XX века – 1918 год). – М., 2011.

²² Петров Александр. Нельзя использовать религию в политических целях // НГ-религии. 13.07.2005. См.: http://religion.ng.ru/people/2005-07-13/4_politika.html

²³ Шахов М.О. Симфония государства и религии // Национальные интересы. № 5, 2006. См.: http://www.ni-journal.ru/archive/2006/n_506/1e4762dc/075b3379/

²⁴ Появлению данного труда предшествовали монография «Духовенство Русской православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.)» (М., 2007), сборник документов «Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви» (М.: Индрик, 2006; 2-е изд. – М., 2008), а также большая серия статей и ответов на рецензии, опубликованных в исторической и общественно-политической периодике.

²⁵ Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX века – 1918 год). – М., 2011. С. 593–595.

²⁶ Там же. С. 597–598.

²⁷ Там же. С. 592.

²⁸ См.: <http://www.bogoslov.ru/u2u/562045/index.html>

²⁹ См.: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/29621.htm>

³⁰ Портал-Credo.Ru. 12 октября 2011 года: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=86985>

³¹ Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX века – 1918 год). – М., 2011. С. 425–426.

³² Гайда Ф. Русская Церковь и Русская революция. <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/29621.htm>

³³ См.: <http://krotov.info/history/21/1/2006mitrohin.htm>

³⁴ Бородина А.В. Основы православной культуры. – М., 2002.

³⁵ Дуэль Алексей. Почти половина школьников хотят изучать светскую этику, а не религиозную культуру // «Комсомольская правда». 11.11.2011.

³⁶ Страница ОРКСЭ на сайте изд-ва «Просвещение»: http://www.prosv.ru/umk/ork/info.aspx?ob_no=20402

³⁷ См. полный текст учебника на сайте протодиакона А. Кураева: http://opk.kuraev.ru/downloads/opk_22.02.2010.doc

³⁸ См. стенограмму на официальном сайте Президента: <http://президент.рф/%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/13374>

Ирина РЕБРОВА

Устная история:
от всеобщего увлечения и критики
к профессионализации

Понятие «устная история» – одно из наиболее употребляемых в лексиконе гуманитарного знания. Благодаря существованию широкого спектра дисциплин, школ и направлений, устную историю характеризует широкий диапазон интерпретаций термина. Устная история как метод познания прошлого влечет за собой иные подходы в объяснении прошлого. Актуальными становятся вопросы, связанные и исторической памятью, коллективной и массовой памятью группы людей, народа и общества в целом.

Устная история проделала долгий путь с того момента, как о ней впервые заговорили в академических кругах в конце 40-х годов XX века. Долгое время устную историю рассматривали как узкое направление в рамках библиотечного и архивного дела, однако постепенно она завоевала признание профессиональных историков, для которых устные воспоминания стали исключительно важным источником информации о прошлом¹. Первый энтузиазм в отношении возможностей устной истории, тем не менее, довольно скоро сменился критикой прямолинейного подхода к интерпретации воспоминаний и поиском новых методов их анализа. Устная история постепенно завоевала признание профессиональных историков, нашедших в устных воспоминаниях исключительный источник информации о прошлом.

С 1966 г. существует Ассоциация Устной истории². В России устная история появилась сравнительно недавно, но уже заняла серьезные позиции в академической науке. По мнению многих современных исследователей³, заниматься устной историей модно, а главное, интересно, поскольку XX в. нашей Отечественной истории еще можно изучать, как сказал П. Томпсон, по «прошлому в настоящем». Устная история или, скорее, «устные источники», по мнению А. Портелли, не умоляя других видов источников, восполняют лакуны источниковой базы.

Попытаемся подвести некоторых итоги развития устной истории в исторической науке (не беря во внимание использование метода устной истории в смежных гуманитарных науках, таких как социология, лингвистика, антропология и др.) России первого десятилетия XXI века и обозначим основные векторы ее дальнейшего развития. Для этого необходимо определить особенности устно-исторических исследований, рассмотреть основные тематические линии работ российских историков, наметить перспективы развития устной истории в России.

Возможности устной истории как метода анализа памяти о прошлом

Вопросы, связанные с классификацией устных источников, играют важную роль в их использовании. Обычно специалисты выделяют два пласта в содержащейся в устных источниках информации. Первый – архаичный, уходящий корнями в глубокое прошлое, представляет собой живую историческую традицию и своеобразную форму передачи социального опыта. А второй пласт – меморатный, представленный воспоминаниями очевидцев и участников событий недавнего прошлого. Нередко виды устных источников выделяются по их жанру: воспоминания, устные рассказы, легенды, народные частушки, песни и другие.

Ненадежность человеческой памяти – очевидный недостаток устной истории, вызывающий у некоторых недоверие к этому направлению. Однако для тех, кто реально имел дело с разного рода неточностями архивных документов, это не так уж страшно. Оптимистически настроенные исследователи восклицают, что устная история дает историку совершенно новую возможность создавать свидетельства. Можно сознательно искать новых свидетелей, сравнивать свидетеля с архивно-документальными свидетельствами и с полученными ранее другими устными свидетельствами. При этом историк в ходе интервью может воссоздать исторический контекст и создать атмосферу доверия⁴.

Как метод устная история позволяет сохранить прошлое, запечатленное в звуке и изображении для будущего, дополняя сведения, почерпнутые из официальных источников; дает возможность ощутить красоту и богатство устной повествовательной и бытовой речи, ее стилистику и колорит; восстанавливает утраченные традиции, связь между поколениями; объединяет историков всего мира, чьи усилия направлены на сохранение индивидуальной и коллективной памяти⁵. Использование в качестве источника устных воспоминаний позволяет получить информацию разного рода. Методика интервьюирования, вопросник, способ транскрибирования и, в конечном счете, интерпретация материалов в значительной степени зависят от исходных целей исследования, опирающегося на ту или иную академическую традицию. Устные рассказы – важный способ комплектования источниковой базы. В повествовании о жизни через информантов ярко проявляются те стороны жизни, которые не отразились или практически не отразились в других видах источников. В частности, источники личного происхождения, такие как дневниковые записи, мемуары, хроники содержат данные о повседневности, культуре, духовном мире.

Устные свидетельства изначально субъективны⁶. В этом состоит их особенность и главное достоинство, открывающие возможности приблизиться к осмыслению людьми своей истории, повседневной жизни, выявлять особенности менталитета. Другие виды источников, зачастую создаваемые разного

рода чиновниками, делопроизводителями пишутся с позиции государства, и человек в них остается объектом приложения его властных полномочий.

В перспективах исследовательского поля устной истории открывается значительная роль исследователя. Изначально историк принимает решение о проведении интервью, полученная информация во многом зависит от возникшего диалога, доверительности, гибкости исследователя. Всем известно, что «слово не воробей» и дважды услышать от человека информацию в неизменном виде невозможно. Даже два разных интервьюера могут у одного человека получить разную информацию.

Представляется интересным уже сам комплекс наработок в отношении проблемы «интервьюируемый – интервьюер» в контексте ценности материала для проекта, носящий психологическо-коммуникативный характер⁷. Вполне обоснованы опасения А. Томсона по поводу этических проблем, встающих перед устными историками. В ходе интервью может возникнуть ситуация, когда воспоминания слишком мучительны для интервьюируемого и в отличие от психотерапевта устный историк не сможет оказать помощь⁸. Для работы в области устной истории, безусловно, нужны хотя бы начальные знания психологии и навыки понимания человеческих взаимоотношений. Однако коммуникативные возможности устной истории открывают существенный потенциал интеграции науки и образования. В любом уголке страны найдутся темы для исследования и соответствующие информанты.

Многие очень быстро понимают простую истину о первоначальной кажущейся простоте методологии устной истории. Они понимают насколько вообще сложно историческое исследование вообще, но главное они наблюдают историю и осмысление истории «молчаливым большинством». П. Томпсон писал, что совместные, групповые проекты являются неразрывным сплавом «исследования и преподавания, в результате повышающего качество и того и другого»⁹.

Субъективное восприятие исторических событий (это напрямую связано и с устной историей) постепенно также становится предметом изучения для историка, как и собственно события прошлого. Неоднозначность его понимания, по мнению Е.Н. Стрекаловой, открывает возможности для творческого поиска и заставляет исследователей искать свою нишу в новой историографической культуре¹⁰. В связи с этим, новые исследовательские практики – реальность современной исторической науки. Рефлексия над интеллектуальным творчеством позволяет увидеть интенсивный методологический и инструментальный поиск¹¹.

Формирование в последней трети XX века принципиально новых полей исторического знания под влиянием лингвистического и культурного поворотов имело широкие последствия. Некоторые из новых исследовательских полей институционально оформились под их влиянием: историческая антропология с историей ментальностей и историей повседневности, историческая культурология, интеллектуальная история, новая биографика, микроистория

и новая локальная история и др. Понимание культурного многообразия мира стало условием новой интеграции в науке. Интеграции в широком понимании, как в сфере науки, так и в сфере научного сообщества.

В понимающей социологии – объективность социальных явлений не нечто данное, поскольку она возникает и формируется из субъективно ориентированных действий отдельных людей. Общество идеально, а не материально; оно не объективная реальность, а искусственное явление, созданное людьми, то есть культурный продукт. Поэтому работающие в данной парадигме исследователи стремятся понять, почему нормальный общественный человек воспринимает социальные явления как объективные, хотя они объективны лишь в той мере, в какой находят подкрепление в человеческой вере и действиях, ее подкрепляющих (причем в исторически определенный момент)¹².

Качественная социология все чаще использует устные источники (биографические, нарративные интервью) для анализа социальной действительности. Е. Мещеркина на протяжении нескольких лет занимается анализом взаимоотношений устной истории и коммуникативной памяти общества, что предполагает осознанием исследователями своей идентификации со своим социальным слоем, полом, поколением¹³.

Качественный подход в социологии включает в себя несколько техник: обоснованную теорию, этнографию, историю жизни, разговорный анализ. Некоторые более специфические техники применяются к более частным темам. Придавая первостепенное значение историческому контексту событий, «качественники» используют теорию для критики социальных условий и вскрывают глубинные структуры социальных отношений. Поэтому они анализируют субъективные значения, метафоры, символы, специфические случаи, которые не поддаются прямому измерению путем приписывания числовых значений. Жесты, взгляды, атмосфера, приказы – все это приобретает особую значимость¹⁴.

Социологи Е. Здравомыслова и А. Темкина при анализе материалов биографического интервью используют методику «анализа категоризации». Смысл методики заключается в исследовании того, как в текстах «производятся» описания повседневности, доступные для понимания. Описывая что-либо, индивиды используют категории, имеющие интерсубъективный смысл и поэтому обеспечивающие возможности понимания в рамках данной культуры¹⁵. Текст интервью, таким образом, представляет собой нарратив, содержащий категории, посредством которых индивид описывает социальные взаимодействия в конкретном поле исследования.

Итак, представляется целесообразным выделить основные направления использования устных источников как самостоятельных и первостепенных в исторических исследованиях. В первую очередь, собирая и анализируя устные воспоминания, мы выходим на проблему их изучения как свидетельств о прошлом. Память, несмотря на определенную неполноту, способна удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого. В этой

перспективе устные записи воспоминаний – исторический источник о социальной истории определенного периода истории, повседневности, психологии людей. Даже много лет спустя участники и свидетели каких-либо значимых событий для истории государства, региона или района, могут рассказать о разных сторонах жизни того периода гораздо больше, подробнее и эмоциональнее, нежели чем архивные материалы и официальные обезличенные документы. В архивах мы находим справки, отчеты, партийные решения, методы их реализации, но источники личного происхождения: дневники, мемуары, письма, свидетельствующие о «голосе молчаливого большинства» чаще всего являются редкой исследовательской находкой.

Тоталитарный режим, культ личности, репрессии и неприятие инакомыслия в нашей стране не давали возможности накапливать источники личного происхождения. Наверняка, как показывает личный исследовательский опыт, значительное количество документов такого рода хранится у граждан, иногда бездумно уничтожается, но не попадает в архивы. Если же такого рода материалы накапливаются в архивах, то для исследователей имеется 75-летний период недоступности к полным текстам его-документов в связи с конфиденциально-персональной информацией. По своей сути архивы – государственные учреждения, отражающие развитие этого государства и лишь только отчасти социума, его наполняющего. Эта, объективно существующая ситуация, иногда оборачивается для историка неразрешимостью исследовательских задач. Опросы свидетелей «истории давно минувших дней» могут помочь в формировании источниковой базы для антропологического и социального прочтения прошлого.

Вторая исследовательская линия изучения устных источников связана с функционированием и эволюцией политики памяти. Под политикой памяти мы понимаем меры, применяемые государством по влиянию на механизм коллективного запоминания или забвения исторических событий¹⁶. По рассказам информантов можно наблюдать, как менялось, трансформировалось содержание и структура памяти. В воспоминаниях, где встречаются моменты, не вписывающиеся в ранее общепринятую концепцию истории войны, информанты подчеркивают: «раньше об этом нельзя было говорить». Воспоминания, таким образом, являются одним из источников отражения исторического сознания и, как следствие, исторической памяти народа о событиях прошлого. По ним можно рассматривать проблемы динамики взаимоотношения зафиксированных в коллективной памяти представлений о прошлом, сохраняемых в силу традиции или востребованных меняющейся общественно-политической реальностью. Более того, благодаря рассказам участников и очевидцев конкретных событий (например, голода 1930-х гг., Великой Отечественной войны, Хрущевской оттепели или строительства БАМа) о своем опыте создавались и продолжают создаваться образы и представления, которые включаются в состав культурной памяти. Эти рассказы проливают свет на картины прошлого и, одновременно, на содержание, структуру и механизмы передачи исторической памяти.

Ж.Т. Тощенко, анализируя историческое сознание и историческую память, подчеркивает, что историческая память нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения человека в данный период времени. Таким образом, в отличие от исторического сознания, историческая память представляет собой определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Она избирательна, так как нередко делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие. Эти замечания исследователя доказывают значимость сбора устных воспоминаний для гражданского и, возможно, патриотического воспитания, востребованного в современном обществе¹⁷.

Наконец, третья тематическая линия, связанная с анализом устных источников, выводит нас на исследование функций памяти и форм ее воплощения в литературе, кино, средствах массовой информации, о значении памяти о событиях истории для современного общества. Интервью свидетельствуют, как официальная историческая версия или свидетельства других людей вплетаются в индивидуальную память. Происходит так называемое «забвение источника». Благодаря исследованиям памяти известно, что человек может встраивать в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые событийные ряды, происходящие не из его собственного опыта, а из совершенно иных источников: из учебников, из рассказов других людей, из романов, из документальных и художественных фильмов и т. д. Устные свидетельства дают возможность наблюдать и «забвение прошлого». Теодор В. Адорно понимает под этим желание подвести черту под прошлым и по возможности стереть его из памяти¹⁸. Забвение необходимо для стремящихся к примирению, стремящихся все забыть, иногда все простить за давностью лет. Например, бывшие фронтовики этими аргументами мотивируют свое нежелание рассказывать о штрафных ротах, пребывании в плену, или женщины-участницы Великой Отечественной войны практически не затрагивают вопросы о сексуальных насилиях.

Вместе с тем, явственно выделяются две параллельно действующие формы памяти о прошлом, официальная и неофициальная. Не можем согласиться с исследователями, утверждающими, что не вошедшие в официальную память о войне события ушли в «коллективное бессознательное»¹⁹. Неофициальная память о событиях прошлого, ставшая частью семейной памяти, существует параллельно выхолощенной, отредактированной, героической концепции официальной истории. Неофициальная, но тоже коллективная память передается, она влияет на современное молодое поколение граждан России, на формирование их идентичности. Память, выявляемая устной историей, в целом обладает значительным потенциалом гражданственности. «Говорящая», как иногда называют устную историю, она открывает диалог поколений.

Тематическая палитра устно-исторических исследований в современной России

В начале XXI века процесс становления устной истории как влиятельного течения новой исторической науки переживает стадию возрождения на новом теоретико-методологическом и практическом уровнях²⁰. В последнее десятилетие в России наблюдается повышенный интерес ученых-гуманитариев к устной истории. Вторая волна развития устной истории в стране связана с возникновением новых центров и лабораторий в различных городах. Большинство центров имеют свою страницу в Интернете, что значительно облегчает общение устных историков между собой, позволяет обмениваться опытом, ставить новые исследовательские задачи. Проблемами устной истории параллельно занимаются отдельные историки как в центре, так и в регионах. Продвижение устного исторического источника в массы – прерогатива общественных организаций.

Основной исследовательской темой в последние десятилетие, без сомнений, является изучение памяти о Второй мировой войне. Разные стороны этого события освещаются как профессиональными устными историками, так и общественными и ветеранскими организациями, активно проводится сбор воспоминаний фронтовиков, а также работников тыла, жителей оккупированной территории, восточных рабочих, детей войны.

Устно-исторические исследования о Второй мировой войне в России – явление достаточно новое. Большинство из таких работ появляется с конца 1990-х гг. и особенно в связи с празднованием шестидесятилетия Великой Победы. Практически в каждом регионе России ведется работа по сбору интервью ветеранов войны. Уровень исследований и профессионализм интервьюеров в каждом регионе различный и зависит от уровня подготовленности исследователя в области использования метода устной истории. Зачастую инициатором сбора устных свидетельств становятся общественные организации, советы ветеранов, а не профессиональные историки.

Так, например, в течение 2004–2005 гг. длился международный проект «Живые голоса истории», разработанный Институтом проблем гражданского общества в Москве. Среди основных идей проекта – воспитание гражданской ответственности и патриотизма у молодежи, укрепление духовной связи молодого и старшего поколений, создание уникального аудиоархива воспоминаний о Великой Отечественной войне. В проекте участвовали 400 организаций из 85 городов и поселков России. В рамках проекта добровольцы – в основном из молодежных организаций – записывали на аудио пленку воспоминания ветеранов фронта и тыла²¹. Создание таким путем аудиоархива призвано укрепить связь поколений, общую для народов память о войне и Победе.

В 2000 году начал свою работу веб-сайт «Я помню», который посвящен записям устных интервью с ветеранами Великой Отечественной войны²². Руководитель проекта А. Драбкин старается сохранить и передать память о войне благодаря фиксации свидетельств самих участников. Его исследова-

тельская группа состоит из инициативных людей, живущих в разных городах России и за рубежом. Они собрали более 300 интервью с начала 2000-х годов. Собранный материал представлен на сайте в полном объеме и объединен по родам войск, в которых служили бывшие фронтовики. Публикация устного интервью сопровождается краткими биографическими данными и фотографией информанта. На сайте можно найти устные истории на разных языках, что говорит об интернациональном решении проекта. Более того, любой пользователь интернета, по мнению авторского коллектива, может внести свой вклад в меморатизацию истории Второй мировой войны. Для этого на странице представлены примеры анкеты и даны краткие инструкции по проведению интервью. Подобные сайты появляются в последнее время достаточно много и посвящены они как правилу военной истории. Устные интервью, опубликованные в сети Интернет выполняют важную просветительскую задачу, но они не всегда могут стать полноценным устно-историческим источником благодаря купированию и редактированию.

Большую роль в сборе воспоминаний о Второй мировой войне играет научно-информационный и просветительский центр «Мемориал». Сотрудники центра разрабатывают программы и выделяют средства для изучения войны на основе личных свидетельств. Ежегодный школьный конкурс «Россия. XX век» привлекает молодое поколение к работе с устными источниками. Изучение Второй мировой войны через индивидуальный опыт родственников – неизменная тема проектов школьников²³. Методические рекомендации для школьников, выложенные на сайте конкурса, призваны усилить качество работы юных исследователей, дать информацию о методе устной истории.

Сбором устных воспоминаний занимаются и профессиональные историки. Интерес представляет публикация по результатам двух исследовательских проектов, реализованных в Центре устной истории Европейского университета²⁴ в Санкт-Петербурге в 2001–2003 гг. «Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества»²⁵ состоит из двух частей. В первой части представлены интервью с людьми, пережившими блокаду Ленинграда 1941–1944 гг., а также представителями послевоенного поколения, чьи родители находились в городе во время блокады. Вторая часть сборника посвящена анализу интервью. Исследователей интересовали особенности передачи памяти о ленинградской блокаде в воспоминаниях жителей города – непосредственных свидетелей блокады и следующего за ним поколения ленинградцев. Исследователей интересовали прежде всего причины и условия возникновения того взгляда на блокадное прошлое, которое нашло отражение в анализируемых интервью. Третью часть книги составили исследования, в которых рассматривается коллективная память советского общества о блокаде Ленинграда.

Данная публикация является фундаментальной работой по использованию метода устной истории при изучении индивидуального опыта во Второй мировой войне. обстоятельное предисловие знакомит читателя с особенностями устно-исторического повествования. Приведенные интервью напечатаны без

сокращений, а исследовательская часть книги интересна высокой степенью научности.

В Воронеже действует региональный центр по устной истории (руководитель Н.П. Тимофеева). Здесь устная история представлена с весны 2000 г., когда в Воронежском государственном педагогическом университете начал свою работу факультативный семинар «Образ Германии и немцев в восприятии участников Великой Отечественной войны СССР». В июне 2007 г. решением Ученого совета ВГПУ Воронежский центр устной истории вошел в структуру педагогического университета в качестве Регионального центра устной истории в г. Воронеж²⁶. Сотрудники центра реализуют несколько устно-исторических проектов («Человек и эпоха: портреты современников», 2008 г., «Индивидуальные воспоминания и коллективная память об оккупации и военных действиях в Воронежской области в 1942–1943 гг.», 2009 г.), участвуют и являются организаторами круглых столов и тематических конференций. Одним из приоритетных направлений деятельности центра становится обучение школьных учителей методу устной истории и внедрение его в преподавательскую практику. Этому посвящена реализация продолжающегося проекта «Устная история и проблемы Второй мировой войны» (2011–2013 гг.). Устная история и память о Второй мировой войне в регионе – главная тематическая линия работы центра²⁷. Международное сотрудничество сотрудников центра с исследователями из Германии и Польши позволяют обмениваться научными контактами, реализовывать совместные проекты.

В Ставрополе имеется свой опыт создания коллекции устно-исторических воспоминаний о Второй мировой войне. Преподаватели и студенты Ставропольского государственного университета в 2004 г. стали участниками проекта, посвященного шестидесятой годовщине Победы. Его сутью стал сбор свидетельств семейной памяти о Второй мировой войне. Это, с одной стороны – дань уважения, признания и памяти молодого поколения тем, кто погиб и выжил в трагичный период нашей истории, с другой – проба новых методологических подходов в историческом знании, сбор устных источников и отражение мировоззрения, духовного мира, общественного сознания современных россиян.

Создателей проекта интересовала «историческая память отдельной личности, отдельной семьи, вписанная в локальную и глобальную историю, наполненная эмоциональностью (как положительной, так и отрицательной), повседневностью, мировоззрением, мотивацией и ценностными ориентирами»²⁸. Итогом работы стало издание воспоминаний ставропольчан – участников и свидетелей Второй мировой войны под общим названием «Никто из нас войны забыть не сможет»²⁹. В этих рассказах описание трагических событий боевой действительности, оккупации, военной повседневности происходит на фоне упоминаний о семейных традициях, ярких моментах личной биографии.

В 2006 году в Ставрополе имеется был создан кружок по устной истории как одно из направлений деятельности межвузовского научно-образовательного центра «Новая локальная история» (руководитель Е.Н. Стрекалова)³⁰.

Главной тематической линией кружка стало создание архива устных воспоминаний о Великой Отечественной войне в регионе. В 2007 году совместно с коллегами из Краснодара, был осуществлен проект «Память о Великой Отечественной войне в трансформирующемся социокультурном пространстве современной России (на материалах устных воспоминаний)». Проект был направлен на применение новых методологических подходов устной истории для изучения актуальной научной проблемы – исторической памяти российского социума о Великой Отечественной войне. День Победы и трагические даты войны, мемориальные памятники, музеи, фильмы и телевизионные передачи о войне привычны для многих с детства. Однако весь комплекс визуальных образов памяти («мест памяти», по выражению П. Нора) складывался постепенно. Путем устных опросов и записи интервью была предпринята попытка выявления путей и способов формирования мемориальной традиции на локальном уровне Ставрополья и Кубани, изучения роли ветеранов, общества и власти в ее формировании. Одновременно был проведен опрос представителей современной молодежи для выяснения того, что для них значит память о Великой Отечественной войне, как их представления зависят от связи семьи с событиями 1941–1945 гг., какие компоненты влияют на формирования целостного представления о прошедшей войне³¹.

В 2007 году Краснодарским обществом по устной истории при Кубанском государственном технологическом университете совместно со ставропольскими коллегами был реализован очередной проект РГНФ по созданию информационного ресурса по устной истории «Повседневная жизнь за линией фронта»³². Идея публикации собранных устных воспоминаний в сети Интернет возникла под влиянием нескольких факторов. Во-первых, как показывает зарубежный опыт, публикация устных источников все чаще происходит одновременно и в форме транскрипции, и в виде звукового файла. Во-вторых, практический опыт участников проекта, к сожалению, выявил весьма скромные возможности региональных архивов в деле каталогизации и хранения собранных устных воспоминаний, и, тем более, организации доступа к ним исследователей. В результате те устные воспоминания людей фронтового поколения, которые были собраны, фактически обречены на постепенную гибель уже в стенах местных архивов. Создание подобного информационного ресурса решает эту проблему, открывает свободный доступ к источникам.

Перечисленные сборники устно-исторических воспоминаний – отдельно взятые примеры публикаций, которые интересны, прежде всего, своей региональной направленностью. В публикациях интервью и воспоминаний о Второй мировой войне, изданных в Санкт-Петербурге, Воронеже, Краснодаре, Ставрополе, равно как и в других городах России, поднимаются проблемы локального масштаба. Каждое издание имеет свою историю создания, цели и задачи, отличается методами сбора и обработки интервью, качеством подачи материала. Объединяющим фактором всех изданий последнего пятилетия можно считать стремление увековечить опыт ныне живущих дедов и прадедов. Научность и следование устно-исторической методологии в подобных

изданиях иногда становится второстепенным фактором, уступая место непосредственно публикации интервью с ветеранами. В таком случае публикации воспоминаний имеют ярко выраженный прикладной характер, являются источниками для исследователей военной повседневности, быта, психологии «человека воюющего», а также особенностей формирования исторической коллективной и индивидуальной памяти о Второй мировой войне.

Нужно отметить, что тема войны – актуальное направление применения метода устной истории. И если сбором устных воспоминаний о Великой Отечественной войне занимаются как профессиональные историки, так и общественные организации, то запись устных рассказов и воспоминаний ветеранов об их участии в локальных войнах XX века – прерогатива преимущественно ветеранских организаций³³. Так, в 2008 были опубликованы воспоминания и устные истории об участии советских и российских солдат в 27-летней гражданской войне в Анголе. На сайте ветеранов войны в Анголе содержатся в том числе и неопубликованные воспоминания и рассказы непосредственных участников военных действий³⁴. На сайте ветеранов войны в Афганистане устных воспоминаний гораздо меньше, зато имеются мемуары и иные документы личного происхождения воинов-афганцев³⁵. Реконструкция военной повседневности, рефлексия самих военных о военных конфликтах, вопросы травматического опыта и возможные пути его преодоления – задачи будущих устных военных историков.

Другим важным тематическим полем для работы отечественных устных историков в последнее время становится изучение локальной или региональной истории. Устные свидетельства помогают воссоздать социальную и культурную историю отдельного села или города, реконструировать повседневные практики российского крестьянства, казачества или иной социальной группы.

Так, сотрудники сектора этнографии и устной истории на базе лаборатории по историческому краеведению Барнаульского государственного педагогического университета (руководитель – Т.К. Щеглова) на протяжении нескольких лет проводят широкомасштабную работу по изучению повседневности и истории исчезнувших и исчезающих сел Алтая³⁶. Ежегодные полевые экспедиции студентов и преподавателей позволили накопить огромный эмпирический материал по теме исследования, создать архив устных воспоминаний жителей Алтая. Сектор ставит приоритетным направлением своей деятельности изучение «деревенского информационного пространства с его материальными и духовными следами прошлой жизни и культуры, с мыслительными конструктами деятельности этнокультурных и этносоциальных групп алтайского села»³⁷. Результатом многолетних летних этнографических экспедиций студентов и аспирантов в сельскую местность стали аудио архив голосов деревенских жителей и монография Т.К. Щегловой «Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке»³⁸. И если архив интервью не доступен для широкой общественности, то исследование получила отклик в научных кругах³⁹. Также Т.К. Щеглова – активный участник российской устно-

исторической жизни и бессменный руководитель секции по устной истории на конгрессах этнологов и антропологов России. Тесное сотрудничество с Институтом этнологии и антропологии РАН оказывает воздействие и на характер устно-исторических исследований Барнаульского центра, который больше ориентирован на сохранение этнографического наследия Алтайской деревни, нежели чем на глубокое осмысление и интерпретацию собранного материала.

В. Бердинских – один из представителей исследователей, занимающихся устной историей еще с советских времен. Последняя его работа «Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке»⁴⁰ – своеобразный итог его научной деятельности по сбору и анализу устных историй. В монографии на основе устных рассказов воссоздается быт, нравы, устройство семьи, народные праздники, сохранившиеся или возникшие у крестьян после Октябрьской революции. Рассчитывая на массового читателя, автор при публикации источников, возможно, сознательно делал купюры и концентрировался на интересных деталях в рассказах информантов при реконструкции крестьянского быта. Профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета О.В. Матвеев долгое время интересуется историей кубанского казачества. Работая в научно-исследовательском центре «Кубанский казачий хор», исследователь является постоянным членом этнографических экспедиций в сельскую местность Краснодарского края, целью которых является сбор и последующая интерпретация этнографического материала. Собранные устные свидетельства автор рассматривает не только как этнографический, но и устно-исторический источник⁴¹.

В конце 2004 года при историческом факультете Петрозаводского государственного университета был образован Центр устной истории, и в марте 2005 года центр был введен в структуру университета (руководитель Алексей Голубев)⁴². Основными направлениями деятельности центра стали изучение взаимодействия власти и общества в советский период, а также история Карелии как советской приграничной территории. Сотрудниками центра осуществлялись проекты по изучению изменений повседневных культурных практик в СССР в 1930–1950-е гг., по истории финской иммиграции в Советскую Карелию в 1930-е гг., по истории финской оккупации Карелии и ее месте в памяти населения республики. В настоящее время коллектив центра занимается изучением истории советско-финляндского туризма и повседневностью советской науки. Методология устной истории позволяет расширять тематические поля исследований, что наглядно видно на примере деятельности Центра устной истории ПетрГУ. Результатом работы центра стало основание серии «Устная история в Карелии», в рамках которой опубликовано четыре сборника исследований и интервью⁴³.

Выложенные в сети Интернет материалы сборников существенно облегчают использование результатов Карельских проектов учеными из других регионов. Сотрудники центра участвовали в крупных международных и все-российских конференциях, посвященных устной истории. В настоящее время

в работе центра активное участие принимают студенты исторического факультета ПетрГУ. Судя по публикациям и осуществляемым проектам, сотрудники центра сотрудничают с устными историками из России, Белоруссии, Украины и Финляндии.

Тематическое разнообразие исследований истории регионов методами устной позволяет ожидать максимальную вовлеченность в эту работу студентов, что благоприятно сказывается и на воссоздании «истории снизу», выработке гражданской позиции молодежи и развитии научных центров.

Еще одним тематическим направлением исторических исследований, использующих метод устной истории, можно считать изучение трагических или знаковых событий Советского прошлого. Например, в 2006–2007 гг. сотрудники центра по устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге работали над проектами «Бамовцы» о БАМе: история последней стройки социализма» (руководитель Т.Ю. Воронина) и «Повседневность эпохи позднего социализма в памяти последнего советского поколения» (руководитель Е. Мельникова)⁴⁴.

С момента своего создания в 1988 году «Мемориал» ведет «борьбу за прошлое, сопротивление официальной версии истории, которая создавалась не самим обществом, а особо уполномоченными на то партийными идеологами»⁴⁵. Сотрудники центра разрабатывают программы и выделяют средства для изучения событий 1930–1940-х гг. в Советском Союзе. Сотрудничество с известными международными правозащитными организациями (например, фонд им. Г. Белля) позволило сотрудникам «Мемориала» реализовать немало проектов. Так, с 2003 года ведется совместная работа по освоению темы «Судьбы женщин в сталинское время». Кроме издания книги памяти «Узницы АЛЖИРА» сотрудники центра провели несколько десятков интервью с детьми бывших узниц и собрали обширную коллекцию писем матерей и детей⁴⁶. Всего в центре устной истории и биографии общества «Мемориал» собрано более 300 аудио и видео интервью с бывшими узниками концлагерей.

Устная история проникает и в гендерные исследования. Интересен тезис Т. Клименковой в статье «Феминистские стратегии интервьюирования и анализа данных (По страницам статьи М. Девулт)» о том, что «опыт обосновывающего и невысказанного познания есть у обеих женщин – у исследовательницы и респондентки, и взаимное понимание основывается на нем»⁴⁷. Опыт исследовательницы, безусловно, важен. Можно сказать, что ее личный интерес и формирует тему будущего исследования. Однако в устно-исторических исследованиях тема не всегда порождена личным интересом и опытом. К примеру, исследуется восприятие событий прошлого, очевидцами которых были женщины, по возрасту гораздо старше исследовательницы. И тут только опыт рассказчицы становится актуальным, а задача исследовательницы – из всего комплекса материала сконструировать свой личный «виртуальный» опыт о тех событиях, которые для нее представляют исследовательский интерес.

В статье «Интерактивное интервьюирование: концепция Энн Оукли» В. Константинова сравнивает традиционную и феминистскую парадигмы проведения интервью. Безусловно, феминистская парадигма более привлекательна и отвечает требованиям современной социогуманитаристики⁴⁸. Интересен сюжет о знаках вовлеченности, которые означают, что информантки скорее принимали цели исследования, чем демонстрировали желание участвовать в установлении отношений. Однако знаки вовлеченности могут демонстрировать не только женщины женщинам. Все зависит не от пола информанта, а оттого, насколько значима для него или нее тема исследования. К примеру, если у фронтовика брать интервью, предположим, о послевоенном периоде, его адаптации в мирных условиях, он будет менее вовлечен в процесс интервьюирования, чем когда происходит беседа о главном периоде его жизни – участии в войне.

Наряду с использованием метода устной истории, отечественные историки продолжают развивать общетеоретические и методологические вопросы. Например, И.Б. Орлов попытался обобщить опыт создания устной истории в России в начале XXI века⁴⁹. Он следует за известным историком Д. Урсу, который первым предпринял попытку описать состояние устной истории позднего советского периода⁵⁰. Кроме того, И.Б. Орлов фокусируется на исследовании жанра слухов в качестве одного из видов устных источников. Его последняя монография «Советская повседневность» содержит отдельную главу, посвященную авторской интерпретации слухов в контексте устно-исторического наследия советской культуры⁵¹. Данная интерпретация устной истории и использование слухов в качестве основного устного источника представляется спорной, тем не менее, такая интерпретация не противоречит использованию устных свидетельств в качестве иллюстраций событий прошлого.

Н.Л. Пушкарева использует метод устной истории в изучении гендерной истории. Одно из ее исследований посвящено анализу биографических интервью с женщинами-учеными⁵². Ключевыми понятиями в ее анализе является выявление различий и механизмов запоминания событий прошлого мужчинами и женщинами. Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлынина предприняли попытку описания развития устной истории в Южном регионе⁵³. Цель их публикаций во многом носит просветительский характер. Авторы стремятся описать результаты исследований других ученых, входящих в круг их обозрения или сотрудничества, а также обозначить свое место на карте устно-исторических исследований России.

В 2010 году Т.К. Щеглова издала учебное пособие по устной истории⁵⁴, которое претендует пока на единственное издание в виде учебной литературы в России. На международной конференции по устной истории в Харькове в 2009 году был поставлен вопрос о практической значимости и содержательной наполняемости учебника по устной истории. Тогда специалисты так и не пришли к единой точке зрения, что наверно и не возможно в связи с неоднозначностью термина и вариативностью его понимания и использования в ис-

следованиях. Тем не менее, публикация учебника заслуживает пристального внимания хотя бы как стартовая точка, от которой исследователи могут идти в переосмыслении-дополнении-объяснении основных компонентов устно-исторического знания. Например, на Западе распространена практика публикации сборника статей, покрывающих основные сферы применения устной истории в социо-гуманитарных исследованиях⁵⁵. Узкие специалисты в своих статьях показывают работу с устной историей на практике или в теории и уже интересующиеся преломляют полученное знание на практике в своих исследованиях. К сожалению, подобного опыта в России пока нет, и появление авторского учебного пособия – важный шаг на пути развития устно-исторического сообщества.

Уровень научных исследований по устной истории и профессионализм интервьюеров в каждом регионе отличаются и зависят от навыков исследователей в области использования метода устной истории. Объединяющим фактором большинства изданий последнего десятилетия вне зависимости от тематики исследований можно считать стремление увековечить опыт наших ныне живущих представителей старшего поколения. Научность и следование устно-исторической методологии в подобных изданиях иногда становится второстепенным фактором, уступая место непосредственно публикации интервью со свидетелями. В таком случае публикации воспоминаний имеют ярко выраженный прикладной характер, являются источниками для исследователей повседневности, быта, психологии человека XX века, а также особенностей формирования исторической коллективной и индивидуальной памяти о событиях прошлого.

На базе Барнаульского университета и снова благодаря активной деятельности Т.К. Щегловой в 2006 году состоялся Всероссийский научный семинар «Устная история: теория и практика»⁵⁶. Наверное, это единственная встреча специалистов, занимающихся проблемами устной истории. Представленные доклады и тематика круглых столов на семинаре, а также презентация деятельности основных центров по устной истории позволяет судить о состоянии развития устной истории в России. Представляется, что заседания секции по устной истории на конгрессе этнологов и антропологов один раз в два года имеют небольшой резонанс в связи с достаточно узким пониманием устной истории как метода репрезентации этнографического материала⁵⁷. Вместе с тем, факт проведения Всероссийского семинара по устной истории всего один раз говорит о возможной изоляции ученых или о несхожести в методологическом понимании задач устной истории.

Вместе тем, факт развития устной истории в России, образование и успешная деятельность многих региональных центров показывает значимость и актуальность метода в исторических исследованиях. Благодаря рассказам очевидцев у нас есть уникальная возможность писать историю «снизу», исследовать жизненные миры обычных жителей, изучать влияние государственной машины в виде законов, экономической и социальной политики на

рядового подданного государства. В этом уникальность и своеобразие устной истории: официальная, фактографическая история обретает жизненную мощь благодаря свидетельствам очевидцев. Мы видим, что реконструкция жизненных практик отдельных социальных групп в конкретных исторический период – приоритетное направление деятельности отечественных историков. Другим важным отличительным свойством устно-исторических исследований является изучение политики памяти, соотношение индивидуального и коллективного уровней социальной памяти. Такого рода исследования ставят своей целью не реконструкцию событий прошлого, а анализ временных наслоений на память рассказчика, изучение биографического нарратива и его дальнейшее объяснение с точки зрения работы памяти.

Исследования последних лет показали, что многие вопросы, стоящие сейчас перед специалистами в области устной истории, актуальны и для других областей гуманитарных наук: истории, антропологии, социологии, фольклористики. Если исторические исследования используют устные воспоминания для изучения человека в прошлом, то качественная социология прибегает к нарративу для анализа социальных проблем настоящего. Выходит, что меняется лишь предмет исследования у историков, антропологов, фольклористов, социологов. Устная история в настоящее время становится все более социально ориентированной областью истории, которая как методологически, так и концептуально дает представление о новых перспективах социального познания. Сейчас устная история имеет все основания считаться междисциплинарной практикой, позволяющей извлекать информацию из устных источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. – М., 1989. С. 3–32; Интернет ресурс Центра по устной истории в Европейском университете в Санкт-Петербурге // www.eu.spb.ru.oralhist.

² Лоскутова М.В. Введение. // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003. С. 13.

³ Арутюнов С.А., Рыжова С.И. Культурная антропология. – М., 2004. с. 121; Крылов П.В. «Устная история» и проблемы доверия между источником и историком // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». – М., 2005. С. 72.

⁴ Горелик Г.Е. Устная история, история науки и искусство истории // http://www.echo-net.ru/2002/rus_str/paper2.doc

⁵ Интернет ресурс Центра по устной истории в Европейском университете в Санкт-Петербурге // www.eu.spb.ru.oralhist

⁶ Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003. С. 39.

⁷ Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003. С. 322–356; Томсон А. Легенда об АНЗАКе: исследую национальную мифологию и память в Австралии // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003. С. 189–202.

⁸ Томсон А. Легенда об АНЗАКе: исследую национальную мифологию и память в Австралии // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003. С. 201.

- ⁹ Томпсон П. Голос прошлого: Устная история. – М., 2003. С. 23.
- ¹⁰ Стрекалова Е.Н. «Устная история» в контексте новой локальной истории // <http://www.newlocalhistory.com/ustnaya/>
- ¹¹ Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории. // Новая локальная история. Вып.1. – Ставрополь, 2003. С. 3–24; Румянцева М.Ф. Новая локальная история в проблемных полях современного гуманитарного знания // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». – М., 2005. С. 130–133.
- ¹² Малышева М. Интерактивное интервьюирование и нетрадиционные способы интерпретации данных // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях: Материалы семинаров/ Под ред. М. Малышевой. – М., 1997. С. 103.
- ¹³ Устная история и биография: женский взгляд / Ред. и сост. Мещеркина Е.Ю. – М., 2004. с. 8.
- ¹⁴ Neuman W.L. Social Research methods. Qualitative and Quantitative Approaches. – Alyn & Vason, 1994 (Цит. по: Малышева М. Интерактивное интервьюирование и нетрадиционные способы интерпретации данных // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях: Материалы семинаров/ Под ред. М. Малышевой. – М., 1997. С. 91–103).
- ¹⁵ Здравомыслова Е., Темкина А. Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности // В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. С. 549–558.
- ¹⁶ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. / Сост. И.В. Реброва, С.С. Сачук, Е.Н. Стрекалова. – СПб., 2008. С. 12–13.
- ¹⁷ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 4.
- ¹⁸ Адорно Теодор В. Что означает «проработка прошлого»? // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. – М., 2005. С. 64–83.
- ¹⁹ Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян. // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. – М., 2005. С. 89.
- ²⁰ Еще в бывшем Советском Союзе в 1989 году была создана Ассоциация устной истории России. Под ее эгидой были проведены три всероссийских конференции (две в Кирове и одна в Калининграде – 1989, 1991, 1992 гг.), участниками которых стали в основном историки из региональных вузов средней полосы России и Поволжья (См.: Хубова Д.Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – М., 1992).
- ²¹ <http://www.pobeda-60.ru/main.php?trid=5587>
- ²² <http://www.iremember.ru/> (Дата обращения 11.11.2011 г.).
- ²³ <http://www.konkurs.memo.ru> (Дата обращения 11.11.2011 г.)
- ²⁴ Центр создан в 2001 году при поддержке Института «Открытое общество» (фонд Сороса). Основная задача Центра заключается в организации и поддержке академических ресурсов, способствующих использованию устных данных, см. <http://old.eu.spb.ru/oralhist/index.htm> (дата обращения 25.10.2009 г.). Однако на текущей странице Европейского университета, информации о центре устной истории уже не содержится.
- ²⁵ Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования / Под ред. М.В. Лоскутовой. – М., 2006.
- ²⁶ <http://www.historyvoice.ru> (дата обращения 13.11.2011 г.)
- ²⁷ <http://www.historyvoice.ru/index.php?file=kop3.php> (дата обращения 13.11.2011 г.)
- ²⁸ Стрекалова Е.Н. Возможности «устной истории»: к постановке проблемы // Новые исследовательские практики изучения местной истории. Интернет-конференция. 20.10.2005 – <http://newlocalhistory.com>
- ²⁹ Никто из нас войны забыть не сможет. – Ставрополь, 2005.
- ³⁰ <http://www.newlocalhistory.com/ustnaya> (дата обращения 25.10.2009 г.)
- ³¹ См.: Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования / Сост. И.В. Реброва, С.С. Сачук, Е.Н. Стрекалова. – СПб., 2008.

³² <http://oralhistory.kubstu.ru> (Дата обращения 13.11.2011 г.)

³³ См. напр. Воспоминания непосредственных участников и очевидцев гражданской войны в Анголе. Устная история забытых войн. Изд. 2-е. – М., 2009.

³⁴ <http://www.veteranangola.ru/main/general/Soyuz> (Дата обращения – 15.11.2011 г.)

³⁵ <http://www.rsva.ru/> (Дата обращения – 15.11.2011 г.)

³⁶ Щеглова Т.К. Центр устной истории БГПУ: исследовательская работа, документирование устных исторических источников и их интерпретация // Устная история (oral history): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сентября 2006 г.) – Барнаул, 2007. С. 16.

³⁷ Там же. С. 17.

³⁸ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. – Барнаул., 2008.

³⁹ См. напр.: Реброва И.В. «Молчаливое большинство» алтайской деревни. Рецензия на монографию Щегловой Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. – Барнаул., 2008 // Клио. Журнал для ученых. № 3 (46). – СПб, 2009. С. 156–157.

⁴⁰ Бердинских В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. – М., 2011.

⁴¹ См. напр. Матвеев О.В. Устная традиция как фактор сохранения исторической памяти кубанского казачества // Проблемы развития казачьей культуры. – Майкоп, 1997. С. 31–35. *Его же.* Категория пространства в устной истории кубанского казачества // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 год. Дикаревские чтения (7). – Краснодар, 2001. С. 52–73. *Его же.* Партизанская война в устной истории кубанских станиц (по материалам полевых исследований) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г. Ростов-на-Дону–Таганрог / Отв. ред. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д. С. 273–280 и др.

⁴² <http://oralhist.karelia.ru/index.html> (Дата обращения 13.11.2011 г.).

⁴³ Устная история в Карелии: Сборник научных статей и источников. Вып. I / Науч. ред. А.В. Голубев, А.Ю. Осипов. – Петрозаводск, 2006. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Сост. и научн. ред. И.Р. Такала, А.В. Голубев. – Петрозаводск, 2007. Вып. III. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / Науч. ред. А.В. Голубев, А.Ю. Осипов. – Петрозаводск, 2007. Вып. IV. Карелия и Беларусь: повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–50-е гг. / Сост. и научн. ред. И.Р. Такала, А.В. Голубев, И.Н. Романова, И.С. Маховская. – Петрозаводск, 2008.

⁴⁴ <http://old.eu.spb.ru/oralhist/index.htm> (дата обращения 25.10.2009 г.).

⁴⁵ Козлова А.Г. «Узницы АЛЖИРа» и «Дочки АЛЖИРа»: проекты НИПЦ // Устная история (oral history): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сентября 2006 г.) – Барнаул, 2007. С. 8.

⁴⁶ Козлова А.Г. «Узницы АЛЖИРа» и «Дочки АЛЖИРа»: проекты НИПЦ // Устная история (oral history): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сентября 2006 г.) – Барнаул, 2007. С. 8–12.

⁴⁷ Клименкова Т. Феминистские стратегии интервьюирования и анализа данных (По страницам статьи М. Девулт) // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях: Материалы семинаров / Под ред. М. Малышевой, М., 1997. – С. 127.

⁴⁸ Константинова В. Интерактивное интервьюирование: концепция Энн Оукли // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях: Материалы семинаров/ Под ред. М. Малышевой. – М., 1997. – С. 132–143.

⁴⁹ Орлов И.Б. Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. 2006. № 2. С. 136–148

⁵⁰ Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории, 1989. – М., 1989. С. 3–24.

⁵¹ Орлов И.В. Советская повседневность: Исторический и социологический аспекты становления. – М., 2010. С. 44–64.

⁵² Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и сопоставление понятий // Социальная история. 2004. С. 93–112.

⁵³ Кринко Е.Ф. Устная история, ее проблемы и возможности // Вопросы теории и методологии истории. Сб. научных трудов. Вып. 3. – Майкоп, 2001. С. 37–48; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940 гг.: современная российская историография. – Ростов-на-Дону, 2009.

⁵⁴ Устная история: учебное пособие. – Барнаул, 2010.

⁵⁵ См. например: The Oxford Handbook of Oral History/ Ed. by Donald A. Ritchie. – Oxford press, 2011.

⁵⁶ Устная история (oral history): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сентября 2006 г.) – Барнаул, 2007.

⁵⁷ См. напр. тезисы выступлений: VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / редкол.: В.А. Тишков [и др.]. – Оренбург, 2009. С. 400–406.

Екатерина ЩЕРБАКОВА

Визуальная история: освоение нового пространства

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И.А. Бунин

С Буниным вряд ли можно согласиться. «Звучать» могут и визуальные образы. Но чтобы «прочитать» визуальный источник (произведение изобразительного искусства или архитектуры, фотографию или фильм) исследователю необходимы особые методики и технологии.

Любой записанный текст рационализирован, тогда как визуальный источник обращен, прежде всего, к эмоциональному восприятию. В последнее время все большее распространение получает представление о человеке, как о носителе логики эмоций, пристрастий, впечатлений. И в связи с этим обращение к визуальным источникам особенно важно. Главный постулат визуалистики зиждется на том, что противопоставлять чувственное и рациональное знания неправомерно. Как писал патриарх изучения визуальных источников Эрвин Панофски (1892–1968), «свойством реальности наделено лишь то, что постигается посредством зрительного представления,.. которое ни при каких обстоятельствах не может быть рациональным»¹.

Такой подход позволяет интерпретировать зрительные образы не как иллюстрацию к письменному источнику, а в качестве особого вида текста, требующего «расшифровки» в рамках того дискурса, в котором он возник.

В отечественной историографии традиция использования визуальных источников непродолжительна. Наша академическая наука достаточно консервативна и ориентирована преимущественно на письменные материалы. И хотя в любом курсе истории присутствуют «вспомогательные исторические дисциплины», такие как геральдика, нумизматика, сфрагистика и др., имеющие дело с визуальными образами, обращение к ним носит именно *вспомогательный* характер.

Интерес историков к визуальным объектам как самостоятельным источникам познания прошлого наметился в 80-х годах XX в., что совпало с поворотом от макроистории к миру повседневности «маленького» человека, участника истории, не оставившего письменных свидетельств о прожитой жизни. Визуальные образы могут отражать такие трудноуловимые в письменных источниках аспекты социальной действительности, которые кажутся современникам само собой разумеющимися, общеизвестными и именно поэтому не акцентируются в текстах. Искажение реальности, зависящее от воли создате-

ля или потребителя изображения, тоже представляет собой источник для изучения менталитета эпохи или социума. Кроме того, сегодня очевидно развитие междисциплинарных подходов к изучению истории, и именно в этой сфере визуалистика предоставляет широчайшее поле деятельности для исследователей².

Точки зрения

Функционированию визуальных образов и их роли в конструировании действительности посвящен сборник статей «Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия» (Челябинск. 2008), подготовленный на основе международной конференции «Образы в истории, история в образах: визуальные источники по истории России XX в.», которая проходила в Челябинске осенью 2007 г. Авторы сборника, к которому мы будем обращаться неоднократно, на разнообразнейшем материале демонстрируют потенциал визуальных источников для изучения исторического прошлого. Пока хотелось бы выделить две концептуальные статьи.

Андрей Соколов в работе «Текст, образ, интерпретация: визуальный поворот в современной западной историографии», выявляя предпосылки «визуального поворота», отмечает изменение статуса истории в современном обществе. «Сегодня в западном историописании, – справедливо утверждает он, – стираются четкие границы между так называемой профессиональной историографией и историей для широкого читателя»³. Привлечение визуальных источников можно рассматривать как ответ на потребность читающей публики в более «зримой» и эмоционально насыщенной картине истории.

Среди теоретических предпосылок визуального поворота автор выделяет появление новой «стратегии» работы с визуальными источниками. Подобно письменному тексту, изображение может быть «прочитано» в контексте соответствующего дискурса.

Наиболее распространенной является модель, предложенная немецким исследователем культуры Эрвином Панофски еще в 60-х годах. Анализируя содержания произведения искусства, исследователь продвигается от доиконнографического описания (идентификации предметов и событий с изображением) через иконографический анализ (атрибуцию события, например, «битва как битва при Ватерлоо») к иконологической интерпретации (отражению внешних, временных, национальных, религиозных и других основ произведения). Таким образом исследователь может выявить репрезентацию смыслов, неосознаваемых самим художником и воплощающих дух его эпохи.

Следует заметить, что сегодня рамки этого подхода значительно расширены, свидетельством чему служит статья Игоря Нарского «Проблемы и возможности исторической интерпретации семейной фотографии (на примере

детской фотографии 1966 г. из г. Горького)»⁴. Иконология Панофски требует серьезных корректив, ее стоит дополнять иными методиками, чтобы вместо трудноопределимого «духа времени» увидеть «с помощью изображения следы менталитета и эмоций людей прошлого, отраженных в способах репрезентации, в мимике и жестах изображенных персон»⁵, – пишет Нарский.

Структуралистско-семиотический подход к дешифровке изображений вне знания «обстоятельств возникновения и использования визуального объекта» также неэффективен. Применяя его в чистом виде для анализа явных и скрытых форм, структур и смыслов, запечатленных в изображении, невозможно избежать «подмены восприятия конкретных исторических актеров восприятием анализирующего субъекта»⁶. Наиболее продуктивен социологический подход, интерпретирующий создание и использование визуальных образов как социальную практику. Но в реальной работе исследователя все эти разнообразие методик не должны исключать друг друга, их следует использовать в совокупности, чтобы изображение «звучало». Главная задача историка, считает Нарский – контекстуализация источника (как визуального, так и вербального). Вне контекста мы не сможем его «прочитать». Следует также учитывать, что «визуальный образ открыт для различных интерпретаций», которые завязят «от постановки вопросов и познавательного интереса исследователя»⁷.

Фотография, как и всякий исторический источник, представляет собой своего рода код или текст с зашифрованной информацией, которая с определенной долей вероятности может быть раскрыта внимательным исследователем.

К фотоматериалам обращается и Оксана Гавришина в работе «Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности», опубликованной в 2011 г. издательством НЛЮ в серии «Очерки визуальности». Статьи, составляющие книгу, посвящены условиям фотографического «видения» и возможности извлечения информации из самой фотографии.

Светопись. Но не фото

Свет является главным объектом исследования авторов интереснейшего сборника «Огонь и свет в сакральном пространстве» (М. 2011), составленного по материалам международного симпозиума, который был организован Центром восточнохристианской культуры под руководством Алексея Лидова.

Историка искусства Алексея Лидова можно с полным правом считать основоположником новой научной дисциплины – иеротопии, выросшей в недрах искусствоведения, которая изучает создание и функционирование сакральных пространств. Эта сфера гуманитарного знания находится на стыке истории искусства и культурной антропологии, археологии и религиоведения, и визуальные источники играют в ней ведущую роль.

«Драматургия огня и света» рассматривается как отдельный вид художественного творчества, вне которого многие богословские идеи, литургические практики и художественные образы остаются не достаточно понятными. При разрушениях и переделках архитектурных сооружений «эфмерные световые эффекты исчезали в первую очередь», и реконструировать световую среду довольно сложно, но эту задачу нельзя считать неразрешимой. Огонь и свет оказывается одним из важнейших средств создания сакральных пространств в византийской и древнерусской традиции. В контексте иеротопии становится очевидным, что свет во многих случаях используется в качестве «конституирующей основы, по отношению к которой архитектура, изображения, обряды и даже звучащее слово отступают на второй план»⁸.

Ярким примером истинности этого утверждения является храм Святой Софии Константинопольской, одно из величайших произведений раннесредневекового зодчества. Согласно описаниям храма, которые подтверждают археологические данные и архитектура этого грандиозного сооружения, свет, льющийся из сорока подкупольных окон, сочетался с огнем лампад, расположенных на огромном круглом паникадиле-хоросе и на концах свисающих с купола полутора сотен цепей с серебряными дисками; откосы подкупольных окон, выложенные золотой мозаикой, служили рефлекторами. «Светопространственной композицией» храма создавался эффект светового облака, «зримо воплощавшего идею “Облака славы” ... в образе которой, согласно библейской традиции, в мир является невидимый и всемогущий Бог». От себя добавлю, что над центральным входом в Святую Софию изображен мозаичный Пантократор, перед которым простирается император Лев VI. Христос держит в руке раскрытую книгу, на страницах которой написано: «Я – Свет миру» (Евангелие от Иоанна (8:12)).

«Сейчас становится ясно, – пишет Лидов, – что Святая София – это ... великий иеротопический проект, грандиозная пространственная икона, созданная сложнейшей драматургией огня и света. Вспомним, что, помимо солнечного света и огня светильников, в этом действе участвовали мерцающее золото мозаичных сводов, мраморная инкрустация, вызывающая образ “стены из драгоценных камней” (Горнего Иерусалима – *Е.Щ.*), блистающее золото и серебро алтаря, преграды, амвона, а также бесчисленных литургических сосудов»⁹.

Анализ этого архитектурного памятника с точки зрения иеротопии оказывается очень плодотворным, объясняя непонятые ранее аспекты его визуального образа, такие, например, как отсутствие на стенах юстиниановской Святой Софии фигуративных плоских изображений, которые явно диссонировали бы с «пространственной иконой невидимого Бога, созданной светом».

Гипотезу Лидова подкрепляет исследование «Пространство Софии Константинопольской и позднеантичная наука о свете». Его автор, Александр Годованец, прослеживает преемственность античной научной традиции в работах византийских архитекторов VI в. Строители Святой Софии, Анфимий из Тралл и Исидор из Милета, были хорошо знакомы с основами математиче-

ской астрономии Птолемея, используя именно его модель при расчетах ориентации храма. Более того, Анфимий был выдающимся оптиком. До нас дошли фрагменты его трактата «Об удивительных машинах», где разрабатываются способы направления света в определенную точку с помощью зеркал. Возможно, его интересовало и использование отражательных поверхностей в архитектуре.

Рассматривая храм Святой Софии как «один из предельных случаев максимальной осознанности и содержательной значимости свето-пространственной композиции», Годованец подчеркивает: «Представляется весьма закономерным решение Юстиниана привлечь к работе именно ученого-оптика. Очевидно, что именно световая составляющая храмового пространства, тщательно разработанная в Св. Софии, входила в число приоритетов в грандиозном замысле императора»¹⁰.

Иеротопическая проблематика находит отражение еще в одном сборнике под редакцией Лидова – «Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси» (М. 2011). Книгу составили 24 статьи ведущих отечественных и зарубежных ученых из США, Японии, Европы, посвященные «пространственным иконам» – иконическим образам, возникающим в пространстве, помимо плоских изображений.

Перед читателем раскрывается совершенно непривычный аспект визуального источника – это «икона», призванная соединить горнее и дольнее в реальной практике. «Важнейшая особенность пространственных икон, – пишет Лидов, – их «перформативность». Они пребывают в постоянном движении, изменяясь, как живая среда, формируемая ритуальными жестами, светом, запахами и, наконец, самим подвижным человеческим восприятием, каждую секунду по-новому реагирующим на окружающий мир»¹¹. Разработка «перформативного» подхода к визуальным материалам – явлениям изобразительного искусства и архитектуры – тоже представляет собой одно из новшеств современной сферы гуманитарных наук.

Перечислим некоторые из тем, представленных в сборнике, чтобы лучше представить себе новаторство его авторов. Например, материал для статьи Даницы Попович о сакральном пейзаже представлен не привычной иконографией, а сербским пещерным монастырем Архангела Михаила в Расе. Микеле Баччи изучает ритуальные и медитативные практики, создающие в сознании верующего иконический образ Святой Земли, и приходит к выводу о том, что «Стации» – изображения основных эпизодов Страстей Господних – стали главной формой «воображаемого паломничества», нашедшей зримое воплощение почти в каждом католическом храме. Слободан Чурчич обращается к изображениям криторов, «живым иконам», которые должны были восприниматься как единое динамическое целое с ликами святых в общем храмовом пространстве. Елена Тркуля рассматривает систему декорации фасадов как подготовку к восприятию интерьера храма во взаимодействии зрителя и визуального образа. Наталья Тетерятникова исследует мозаичные иконы Святой Софии Константинопольской, которые были рассчитаны на

восприятие в движении, «оживая перед глазами верующих, превращаясь из изображений на плоскости в фигуры, действующие в трехмерном пространстве»¹².

В целом, следует отметить, что иеротопия со всеми ее теоретическими и методологическими наработками раскрывает широчайшие горизонты для изучения визуальных источников, позволяет вскрыть ранее не познанные пласты культуры, ставить новые и новые вопросы.

Краткий обзор этого сборника хотелось бы закончить, снова обратившись к «Великой Церкви» византийской империи. Продолжая разработку темы значения света в архитектурном и символическом замысле Святой Софии, Годованец делает общий вывод о роли этого важнейшего визуального объекта. «...Что, как не свет, служит ... объединяющим началом в архитектурном целом? Свет образует, конституирует пространство. Свет – одно из основных выразительных и изобразительных средств в архитектуре... В разные эпохи архитекторы по-своему использовали возможности света... Но когда речь идет об архитектуре византийской ... свет ... приобретает еще одну важнейшую функцию – *функцию проводника смысла*»¹³.

Город как «визуальная среда обитания»

Марк Меерович в статье «Соцгород как визуализация структуры власти: принципы проектирования среды сталинских городов», Евгения Коньшева – «Советская система в зеркале градостроительства: архитектурный образ Челябинска 1930–1950-х гг.», Александр Антощенко и Валентина Волохова – «Монументальный образ «провинциальной» столицы (прогулка по центру Петрозаводска)» убедительно показывают, что эту «каменную летопись» вполне можно читать. Замечу, что сегодня в сетях всемирной паутины Интернета нарабатывается еще недостаточно артикулированный обширный материал о структуре городской застройки как одном из элементов визуальной среды¹⁴.

Интересную методику анализа городской среды обитания предлагают коллегам Константин Лидин (кандидат технических наук) и Марк Меерович (доктор исторических наук и кандидат архитектуры), представляющие пример плодотворного сотрудничества исследователей разного профиля.

Разнородные элементы визуальной среды обитания человека формируют «*визуальный образ жизни*», понимаемый как «зрительное отражение матрицы отношений между социальными группами, социально предписанной системы ценностей и форм поведения»¹⁵. Причем содержание визуального образа жизни имеет в основном эмоциональный характер. Разработанный авторами метод «визуального кадра» исходит из математического анализа эмоциональных проявлений и проводится в рамках «пространства эмоций» – модели,

классифицирующей эмоциональные состояния как характеристики потока информации. В статье представлена схема, на разных полюсах которой: совесть, страх; печаль, интерес-возбуждение; стыд, гнев; отвращение, радость-гордость; в центре, на пересечении разнонаправленных векторов – апатия.

Исследователи подвергли анализу около 2000 пропагандистских плакатов времен Второй мировой войны (отечественных, германских и союзнических) и советских торговых плакатов 1920–50-х годов. В результате статистически обоснованы устойчивые корреляционные связи между характеристиками изображения и его эмоциональным содержанием, что послужило алгоритмической основой для компьютеризированной методики выявления эмоционального содержания визуального образа.

Необходимо отметить, что авторами тщательно учитывался исторический контекст. Анализ позволил увидеть, как менялось эмоциональное содержание рекламных плакатов в процессе движения от нэпа к государственному социализму, и какие гипотезы о развитии советского общества можно построить на основании этих визуальных источников.

В 20-е годы «после аскетического периода войн и революций массовому потребителю была предложена модель поведения, аналогичная схеме возврата кредитов... Советская власть, согласно официальной идеологии, авансом дала трудящимся небывалое счастье, и основной задачей каждого становилась выплата этого кредита с максимальным напряжением сил. Несоответствия между реалиями разоренной страны и мифическими образами рекламы никого не останавливали – плакат, как и остальные СМИ, выполнял социальный заказ, формируя общественное мнение»¹⁶.

К середине 30-х годов эмоциональный накал снижается, визуальные образы стимулируют направленность к будущему, «инвестирование» на самых разных уровнях. Исторический контекст – создание тяжелой индустрии, как основы государственной экономики, которое невозможно без привлечения огромных материальных и людских ресурсов.

В 50-х годах рекламные плакаты становятся еще более уравновешенными и менее эмоциональными. Фиксируется постепенно овладевающее советскими людьми безразличие и эмоциональная апатия, важнейшая черта, которая характеризует советское общество, идущее к застою, вероятно, одна из причин уже недалекого в исторической перспективе краха Советского Союза. Причем, это непросто уловить по письменным источникам, и практически невозможно – на макроуровне, где отмечаются серьезные социально-экономические успехи СССР.

Желаемая реальность

Авторы сборника «Очевидная история...», по утверждению редколлегии, «едины в убеждении, что циркулировавшие в обществе изображения – будь то крестьянский лубок XIX в., официальная городская фотография, фотографи-

ческая или живописная иллюстрация в советском журнале – воспроизводили не реальную действительность, а желательное положение вещей, конструируя социальные пожелания и ожидания, поддерживая идентичность и целостность группы»¹⁷.

К подобным выводам приходит и Елена Вишленкова, опубликовавшая в 2011 г. монографию «Визуальное народоведение империи, или «увидеть русского дано не каждому»». Предмет ее исследования – представления подданных Российской империи о России и о самих себе. Объект – графические образы народов России. Хронологические рамки – XVIII – начало XIX в.

Это время выбрано чрезвычайно удачно, поскольку при низком уровне грамотности населения в России вплоть до начала XX в. визуальные образы не могли не занимать доминирующего положения в культурной коммуникации, формируя представления о национально-государственной идентичности. Кроме того, в эпоху Просвещения художнику предназначалась особая социальная роль. «Охваченный страстью или энергией творческого замысла, мастер должен был показать зрителям скрытые миры и “пролагать новые пути”... Предполагалось, что созданные им творения не просто зафиксируют реальность, а создадут желаемую действительность. Посредством зрения она проникнет в головы зрителей, они облекут ее в слова (тем самым, завербовав новых единоверцев), а потом воплотят в жизнь через отношения, дела и поступки»¹⁸.

Главный вопрос, которым задается автор, – какую роль играли эмоции и визуальные образы в процессе осознания подданным Российской империи своего места в этой масштабной структуре. Вишленкова решает этот вопрос на материале изображения народов России на гравюрах, лубках, карикатурах, посудной росписи, медалях, табакерках, шкатулках, этнографических портретах, картушах на картах. Исследуя эти визуальные источники с помощью методов семиотики и лингвистики как «коммуникативную систему со сложной знаковой кодификацией», автор реконструирует представления жителей России о себе и своих ближайших соседях. Изобразительные искусства оказываются одним из средств социального дизайна, а эстетические каноны способствуют интеграции людей в единое сообщество.

В монографии выясняется, как именно визуальные образы программируют в современниках восприятие реальности. Вишленкова видит «в национальном проекте российских интеллектуалов эпохи Просвещения успешный опыт культурного манипулирования, осуществленный посредством художественных практик»¹⁹. Этот аспект исследования представляется чрезвычайно актуальным, поскольку современные властные элиты активно используют визуальные образы для формирования у населения определенных представлений.

Образ мира

Тема восприятия освоенного пространства в эпоху Просвещения, когда наиболее остро стал вопрос о человеческом разнообразии мира, а развитие географии давало пищу для знакомства с «иными» по сравнению с «цивилизованной» Европой народами, разработана в книге Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу». Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» (М., 2003). Восточная Европа представлена как «объект целого набора интеллектуальных операций»²⁰.

Автор уделяет серьезное внимание картам Европы, которые «представляли собой ту географическую основу, которая упорядочивала другие отрасли знания, от естественной историй до историй национальных»²¹. На многочисленных примерах Ларри Вульф показывает, как картографы формировали картину мира, далеко не всегда руководствуясь в своей деятельности исключительно объективными данными.

Технология создания географических карт неуклонно совершенствовалась, но, хотя в большинстве своем карты XVIII столетия печатались типографским способом, раскрашивать их продолжали от руки. В процессе этой работы международные договоренности, которые перекраивали карту континента, могли трактоваться по-разному. К примеру, Карловицкий мирный договор 1699 г. зафиксировал освобождение Венгрии от турок, но картографы продолжали закрашивать венгерские земли тем же цветом, что и прочие европейские владения Османской империи. И дело не только в профессиональном консерватизме картографов, но и в том, что классифицировать новую Венгрию оказалось нелегко. Освободившись от турок, страна сразу же попала под власть Габсбургов, и с 1703-го по 1711 г. восставшие под руководством Ференца Ракоци безуспешно пытались добиться ее независимости. Формальному подходу к политико-географическим реалиям европейские картографы противопоставляли «правду образов и ассоциаций, которая часто перевешивала, казалось бы, незыблемые факты международных отношений».

При этом Ларри Вульф все же идет от текстов, в которых осмысливалась географическая перспектива Европы эпохи Просвещения, тогда как недавно отечественная историография обогатилась рядом эвристических работ Игоря Фоменко, который использует географическую карту как основной источник своих исследований.

Монография Фоменко «Образ мира на старинных портоланах (Причерноморье конец XIII – XVII вв.)» (М. 2007) посвящена отражению знаний об этом регионе на морских картах, которые, помимо сугубо утилитарной функции навигационного руководства, исполняли роль одного из важнейших средств наглядного выражения представлений человека Средневековья об окружающем мире. Автор предпринимает попытку выявить и проанализировать сведения о социальной среде, к которой принадлежали создатели и заказчики портоланов, рассматривает процесс производства и функционирования морской карты.

Основной целью работы является раскрытие значения и особенностей средневековой морской карты как исторического источника. На конкретном материале автор отрабатывает и обобщает те специальные исследовательские подходы и процедуры, с помощью которых можно извлечь информацию того или иного рода из такого специфического визуального источника.

К примеру, в топонимике находят отражение природные особенности Причерноморья, его флора и фауна. Основным инструментом реконструкции политической ситуации в регионе по морской карте являются изображенные на ней флаги. Появление новых флагов или замена одних другими фиксирует политические перемены. Правда, нередко картографы намеренно искажали существовавшие политические реалии, что могло быть связано с психологической реакцией на изменение ситуации. Некоторое время игнорировался захват Константинополя турками (1453 г.), картографы упорно помещали над городом знамя Палеологов. Несовпадение размещения флагов с действительным положением вещей может объясняться и тем, что картографы отражали территориальные притязания определенных государств, руководствовались традицией или эстетическими критериями, а порой просто не обладали информацией об изменениях, произошедших в регионе. Помимо флагов, картографы уделяли большое внимание фигурам правителей. Их внешний вид в сочетании с датой изготовления карты может многое сказать о восприятии того или иного государства. Огромные фигуры ханов Золотой Орды, Ильханидов, османских султанов – «Гран Турко», а также размеры фигур европейских монархов на картах свидетельствовали об их политическом весе в Европе.

Исследование Фоменко носит ярко выраженный междисциплинарный характер. Автор обращается к лингвистическим проблемам (вопросы происхождения топонимов, языковые взаимовлияния на картах), анализирует художественные особенности декоративных элементов портолана, иконографии, особенностей шрифта, цветового оформления и др.

Последняя из вышедших в свет работ Игоря Фоменко также базируется на визуальных источниках. Это «Царьград на старинных картах (XVI – нач. XX вв.)» (М., 2011). Уникальность данного издания заключается, прежде всего, в том, что книга представляет собой первый опыт историко-географического описания Константинополя и позволяет создать масштабную и многогранную картину развития Великого города на основе графических источников.

Географические карты стали основным источником книги Игоря Фоменко «Скифия–Тартария–Московия–Россия – взгляд из Европы. Россия на старинных картах» (М. 2008). Автор показывает, как воспринимали европейцы «Скифскую пустыню», «чего ожидали они со стороны Гиперборейской, какие воспоминания сохранила для нас Клио ... на просторах географических таблиц»²².

Изучая лучшие образцы западноевропейской картографии XI–XVIII вв., Фоменко выясняет, в каком направлении и в зависимости от чего менялись представления о «Скифии–Тартарии–Московии–России» у античных интеллектуалов, средневековых книжников, человека Нового времени и эпохи

Просвещения. Впервые в мировой историографии на картографическом материале прослеживается процесс рождения в сознании европейцев фобий и вымыслов, касающихся обширных пространств далекой и неведомой России.

Сопоставление нарративных и других материалов с главным источником работы – географической картой, позволяет показать результаты взаимодействия различных факторов, влиявших на отражение реалий региона в разные эпохи. Автор убедительно доказывает, что до середины XVI в. знания о «Скифии-Тартарии» носили фантастический характер. Развитие дипломатических и торговых контактов с Московским государством привнесло в его изображение более реалистичные черты. Однако и в Новое Время, и в конце XVIII в., русские земли оставались для европейцев столь же загадочными, как и прежде. На карте мира Пьера Деселье 1550 г. территорию России по диагонали пересекают «Рифейские горы», унаследованные от античной традиции, а в северо-восточной области страны (Colmogoga) изображен охотник-промысловик с собачьей головой.

Имманентная позиция Запада по отношению к России, по мнению Фоменко, базируется на антично-средневековом фундаменте, который сцементирован, в первую очередь, непониманием и настороженностью.

Кривое зеркало

Если говорить об искаженных образах, самое широкое поле для исследователя, несомненно, предоставляет карикатура. С середины XIX в., благодаря развитию периодических изданий, сатирическая графика становится общественно значимым явлением. Язык карикатуры, художественные приемы ее авторов и механизм воздействия на читателя раскрывают в своей работе «Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре» (М. 2010) А.Г. Голиков и И.С. Рыбаченок. Исследователи показывают, как те или иные животрепещущие проблемы эпохи рассматривались карикатуристами разных стран, «осуществляя «обратный перевод» созданных воображением художника зрительных образов на язык логических понятий».

«Язык карикатуры, – отмечают авторы, – во многих случаях перекликался с лексикой публицистических статей, и некоторые устойчивые выражения нашли образное отражение в сатирической графике»²³. Примером могут служить выражения «политическая кухня» или «европейский концерт», часто изображавшийся в виде музыкального трио членов Тройственного союза.

Характерной чертой карикатуры является символика, легко «прочитывавшаяся» современниками. Например, каждая мировая держава обладала собственными атрибутами, достаточно внятыми для воспринимающих субъектов. Образ Франции воплощался в лице Марианны во фригийском колпаке. Германию обычно изображали в виде крупной вооруженной до зубов фигуры

в каске с шишаком. Англию, как правило, представлял Джон Буль – коренастый сэр в костюме для верховой езды; или высокий сухощавый джентльмен в клетчатом пальто. Россия выглядела либо как девушка в кокошнике и с длинной косой, либо как огромный мужичище зверообразного вида. Среди представителей животного мира символом Франции служил петух, Германии – черный орел, Британии – лев или хитрая лисица, России – медведь. «Иногда, чтобы обозначить какую-либо державу, художнику было достаточно изобразить лишь мундир или головной убор»²⁴.

Остановимся на том, как с помощью визуальных образов у читателей формировался стереотип восприятия Русско-японской войны. Причины войны образно показаны в карикатуре «Капризный мальчишка». Неприятного вида младенец в фуражке, на которой читается «Япония» жадно тянет ручонку к пирогу под названием «Манчжурия». Нянюшка в чепце с надписью «Дипломатия», лицо которой обладает чертами портретного сходства с Витте, сдерживает его порывы. «Карикатурист тем самым хотел сказать, что именно в лоне той политики, которая осуществлялась этим государственным деятелем на Дальнем Востоке, и была в значительной степени “вынянчена” Русско-японская война»²⁵.

Япония чаще всего предстает в русской сатирической графике этого периода как плохо воспитанное дитя, наделенное некоей инфантильной агрессивностью. Тот же момент подчеркивают авторы книги «Россия и Япония: имиджевые войны» (М. 2007) Александр Куланов и Василий Молодяков²⁶. Сатирической графике в их работе посвящена глава «Литография вместо палубной брони». Исследователи приводят плакат следующего содержания: девушка в русском национальном костюме выволакивает из-за стола маленького и отвратительного на вид японца в военной форме. За столом сидят чинные дамы, и стоит самовар с надписью «Международное право». Подпись под карикатурой гласит: «Пошел, пошел прочь отсюда, дрянной мальчишка! Тебя еще слишком рано, как оказывается, посадили за один стол с большими... Ты еще не умеешь вести себя как следует»²⁷. В этом изображении подчеркнут один из аспектов проблемы – Япония напала на русские корабли, стоявшие на рейде Порт-Артура, до объявления войны, нарушив нормы международного права.

Япония – *маленькая* страна, неразумный ребенок, которого толкают на неверный путь злонамеренные взрослые, «третья сила» в Русско-японской войне. Голиков и Рыбаченок приводят еще одно интересное наблюдение над визуальными образами держав. «У немецких карикатуристов Англия предстает в виде бульдога, что вполне оправдано, как и изображение России – в виде псовой борзой, специально выведенной отечественной породы. Но появление таксы (Япония) требует пояснений. В Японии в то время еще не вывели своих пород собак, поэтому показывая ее в виде таксы, немецкий художник намекал на отличительное свойство этих собак: старательность и исполнительность»²⁸.

Превратный образ Японии сложился в сознании русского общества и властных элит задолго до начала вооруженного конфликта. С.Ю. Витте говорил: «Если бы не было такого мнения о японцах как о нации апатичной, ничтожной и бессильной, то не втюрились бы мы в эту войну...»²⁹. Распространенная идея превосходства России над «желтопузыми макаками» сослужила ей недобрую службу. Но, продолжая эту линию, русская пропаганда той эпохи, в частности визуальная, была направлена на унижение противника.

Учитывая исторический контекст и специфику сатирической графики, из этого визуального источника можно извлечь важную информацию о процессах формирования массового сознания. «На языке зрительных образов сатирическая графика предлагает определенное толкование и оценку того, что произошло, обращаясь при этом не только к сознанию человека, но, прежде всего, к его эмоциональному восприятию»³⁰.

Не глазом единым

Огромной силой эмоционального воздействия обладает такой аудио-визуальный источник как кино. Недавно я на собственном опыте столкнулась с контрастом впечатлений, которые производит просмотр фильма и прочтение текста, сопровождающего видеоряд. Знаменитый фильм Тихона Шевкунова «Гибель империи. Византийский урок», вышедший на экраны в 2008 г., я смотрела с интересом и благодарностью за обращение к давно не всплывавшей на экране истории Византии. Несмотря на наличие «блох», которые любят вылавливать в кино историки, и на все, на мой взгляд, слишком громкое пропагандистское звучание этого «урока», фильм «смотрелся». Недавно для семинарских занятий со студентами я обратилась к авторскому тексту, и вне визуального ряда он оказался просто плоской агиткой.

Историческим источником может служить и документальный и художественный фильм. Валери Познер, изучающий советскую кинохронику Второй мировой войны³¹, отмечает, что документальное кино, рождающееся в сочетании госзаказа, творческого замысла режиссера и оператора, а также того, что попало в кадр вне их намерений, источник далеко не однозначный. Разнородность продукции фронтовых кинооператоров он объясняет, в частности, диссонансом между пропагандой и свидетельством о «жизни врасплох», которое фиксировал документальный фильм. Причем, анализ дает возможность увидеть в этих материалах «реальность, далеко выходящую за рамки снятого»³².

Связь истории кино с историей страны во всей своей многогранности отражена в сборнике статей под редакцией Сергея Секиринского, опубликованном в 2004 г. «Кино вернуло человечество к доминанте визуального образа в массовых коммуникациях»³³, – справедливо утверждает один из авторов книги.

В кинематографе заложена богатейшая культурно-историческая и социальная информация. Художественный фильм невозможно оценить с точки зрения достоверности исторических фактов. Характер субъективности автора и отражение ментальности социума дают информацию не о той истории, которая показана в фильме, а о том времени, когда он снят. Не разделяя научно-познавательное и художественно-эстетическое восприятие мира, мы должны признать, что игровое и документальное кино, по сути, является системой знаков, подлежащих прочтению и осмыслению при помощи исследовательских принципов текстологии, герменевтики и семиотики.

В семиотике произведения искусства получили название «вторичной моделирующей системы» в отличие от первичной – языка устно-письменной речи. «Потенциальная возможность трансформации произведения экрана в исторический источник заключается в родовом проклятии кинематографа (и телевидения), а именно в имманентной достоверности фотоизображения, звукозаписи и звуковоспроизведения. При этом художественный текст надо «вывернуть наизнанку», рассматривая его не как произведение искусства, а как специфический источник знаний о человеке и обществе определенного исторического периода»³⁴, – пишет известный кинокритик Кирилл Разлогов.

Кроме того, давно уже признано, что «важнейшее из искусств» является мощным средством пропаганды нормативных представлений того или иного социума. Татьяна Дашкова отмечает, что в последнее время исследователей заинтересовали способы проявления идеологии не как набора политических тезисов, а в качестве «сложного сочетания вербальных и визуальных стратегий»³⁵. В этом смысле кинематограф способен сознательно конструировать новые образы, воспринимаемые как нормы желательного поведения.

В любом случае, «из ярких и запоминающихся экранных образов складывается художественный код времени, без расшифровки которого всякая попытка понять это время будет страдать очевидной неполнотой»³⁶.

Продемонстрировав потенциал визуальных источников, необходимо заметить, что ни одна из имеющихся методик их исследования не совершенна сама по себе и не эффективна вне культурно-исторического контекста. Наиболее перспективно, на мой взгляд, комбинировать различные подходы к анализу изображений, исходя их конкретной исследовательской задачи. Для адекватного понимания прошлого нужна совокупность различных источников и различных методов их изучения.

Визуальные источники информации, несущие мощный заряд эмоционального воздействия таят в себе и немалые опасности. Экспансия фильмов и цифровых изображений, которые для многих становятся основным источником получения знаний об исторической действительности, создает некоторую легковесность восприятия истории. Визуальные образы, выступающие как способ порождения желаемой реальности, предоставляют массу возможностей для манипуляции человеческим сознанием. Однако эти особенности функционирования визуальных образов находятся за рамками моего обзора.

В целом, можно констатировать, что визуалистика уверенно отвоевывает себе пространство в исторической науке. Это новое направление познания прошлого предоставляет широкое поле для развития междисциплинарных исследований, что также является одной из актуальных тенденций современной историографии. Значимость его развития заложена еще в святоотеческой литературе, признававшей зрительное восприятие одним из средств познания истины. «Часто, *что* ум не схватывает с помощью выслушанных слов, зрение, воспринимая не ложно, растолковывает яснее»³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Оче-видная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. – Челябинск, 2008. С. 14.

² Мне хотелось бы сосредоточить внимание на визуальных образах как материале для работы ученого-исследователя, не касаясь в данной статье визуальных средств обучения или проблемы использования визуальных образов для формирования представления широких масс населения об историческом прошлом. В конечном счете, историки-профессионалы существуют не только и не столько внутри академического сообщества, работая для социума в целом. Не рассматривая текущие процессы и явления, связанные с экспансией визуальных образов в нашу жизнь, я говорю об изучаемых, а вернее уже изученных, артикулированных феноменах. В противном случае эта статья должна была бы превратиться из обзора работы, проделанной исторической наукой в этой области за последние 15 лет, в самостоятельное исследование, для которого я не чувствую себя достаточно подготовленным автором.

³ Соколов А.Б. Текст, образ, интерпретация: визуальный поворот в современной западной историографии // Оче-видная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. – Челябинск, 2008. С. 11.

⁴ Более подробно эта тема раскрыта И.В. Нарским в книге «Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). – Челябинск, 2008.

⁵ Нарский И.В. Проблемы и возможности исторической интерпретации семейной фотографии (на примере детской фотографии 1966 г. из г. Горького) // Оче-видная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. – Челябинск, 2008. С. 61.

⁶ Там же. С. 63.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Лидов А.М. Иеротопия огня и света // Огонь и свет в сакральном пространстве. – М., 2011. С. 12.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 61.

¹¹ Лидов А.М.. Византийский мир и пространство перформативного // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. – М., 2011. С. 6.

¹² Там же. С. 11.

¹³ Годованец А.Ю. Икона из света в пространстве Св. Софии Константинопольской // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. – М., 2011. С. 133.

¹⁴ В качестве примера могу привести жж Николая Калашникова, на протяжении многих лет путешествующего по промзонам и другим не туристическим маршрутам российских городов. Он не одинок, его фотографии, выложенные в журнале, находят горячий отклик. Между посетителями сайта идет постоянный обмен интереснейшими материалами, которые могли бы пополнить копилку любого серьезного исследователя.

¹⁵ Лидин К.Л., Меерович М.Г. «Визуальный кадр» как метод анализа элементов визуальной среды обитания (на примере рекламно-пропагандистских плакатов 1920–1950-х гг.) // Оче-видная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. – Челябинск, 2008. С. 26.

- ¹⁶ Там же. С. 31–32.
- ¹⁷ Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. – Челябинск, 2008. С. 8.
- ¹⁸ Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «увидеть русского дано не каждому». – М., 2011. С. 18–19.
- ¹⁹ Там же. С. 14.
- ²⁰ Вульф Ларри. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М., 2003. С. 519.
- ²¹ Там же. С. 227.
- ²² Фоменко И.К. Скифия–Тартария–Московия–Россия – взгляд из Европы. Россия на старинных картах. – М., 2008. С. 14.
- ²³ Голиков А.Г., Рыбаченок И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. – М., 2010. С. 24.
- ²⁴ Там же. С. 31.
- ²⁵ Там же. С. 203.
- ²⁶ Следует отметить еще одного автора, активно использующего в своих исследованиях сатирическую графику начала XX в. Это Борис Колоницкий, главной темой последних исследований которого является дискредитация власти. В 2010 г. издательство «Новое литературное обозрение» в серии «Historia Rossica» выпустило его монографию «“Трагическая эротика”: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны».
- ²⁷ Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. – М., 2007. С. 82.
- ²⁸ Голиков А.Г., Рыбаченок И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. – М., 2010. С. 214.
- ²⁹ Цит. по: Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. – М., 2007. С. 79.
- ³⁰ Голиков А.Г., Рыбаченок И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. – М., 2010. С. 294.
- ³¹ Фильмы о войне, правда, не документальные, а художественные, являются объектом исследования российских и немецких авторов сборника «Россия и Германия в XX веке» под редакцией Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова и Астрид Фольперт, изданного АИРО-XXI в 2010 г. В 3-м томе книги опубликованы статьи Ральфа Шенка «Между двумя фронтами. Образы немцев и русских в военных фильмах ГДР и ФРГ» и Неи Зоркой «Незаживающие раны войны. Великая Отечественная война на советском экране 1945–1990 годов».
- ³² Познер В. Советская кинохроника Второй Мировой войны: новые источники, новые подходы // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. – Челябинск, 2008. С. 52.
- ³³ Ципоркина И. «Утоли моя печали»: интеллигенция и кинематограф Андрея Тарковского // История страны. История кино. – М., 2004. С. 431.
- ³⁴ Разлогов Кирилл. Специфика игрового кино как исторического источника // История страны. История кино. – М., 2004. С. 26.
- ³⁵ Дашкова Татьяна. Любовь и быт в кинофильмах 1930-х – начала 1950-х годов // История страны. История кино. – М., 2004. С. 233.
- ³⁶ Секиринский С. Кинематографичность истории, историзм кинематографа // История страны. История кино. – М., 2004. С. 9.
- ³⁷ Цит. по: Огонь и свет в сакральном пространстве. – М., 2011. С. 58.

Владимир СОМОВ

Социальная история.
Феномен «советского»

В каждое историческое «сегодня» мы имеем то общество, которое сами формируем, оценивая наше историческое «вчера». В 2011 году исполнилось двадцать лет с тех пор, как юридически прекратило существование государство, небезосновательно относимое его исследователями к феноменальным, специфическим формам социальной организации. Действительно, трудно найти аналогии в мировой и отечественной истории, которые так же масштабно, как и проект под названием «СССР», отражали бы всю полноту и противоречивость отношений в системах «человек – общество», «индивид – государство», «индивид – индивид».

Феноменальность советского общества определяется не только «наложением» разнонаправленных традиций в экономике, политике и идеологии, которые в своеобразных сочетаниях становились доминирующими в разные периоды существования СССР, но и тем обстоятельством, что советское общество изначально задумывалось именно как «проект», то есть строилось по принципу «от общего к частному». Общие идеологические установки призваны были определять элементы социальной жизни, быта, личной и даже интимной сферы. Отсутствие единства в восприятии советским человеком идеологических констант, открытое или скрытое противостояние тоталитарному мышлению, равно как и искреннее следование социалистическим ценностям порождали уникальные «цепочки» взаимосвязей в названных системах, которые во многом и определяли, собственно, «живую ткань» советской повседневности.

Двадцать лет – не слишком большой временной отрезок для формирования полноценного научного представления о феномене советского общества. Еще не схлынули эмоции при обсуждении ключевых вопросов советской истории¹, еще велика степень политизированности «авторитетных» суждений, а главное – еще не сформировано общей методологической базы для постановки исследовательской проблемы. Ведь прежде чем будет получен позитивный результат историк (и обществовед в целом) должен четко представлять тот круг вопросов, на которые предстоит дать научный ответ. Именно поэтому на сегодняшшний день историческое изучение советского общества как феноменального объекта находится на уровне своеобразной «рекогносцировки»², определения целей, и, как следствие, характеризуется значительной эклектичностью как в определении исследовательского «сектора», так и в формулировке оценочных критериев.

«Черты советского человека»

В разгар Великой Отечественной войны в СССР была выпущена небольшая брошюра писателя Н. Тихонова «Черты советского человека»³. В ней в форме небольших повестей раскрывался и одновременно пропагандировался позитивный образ советского человека, коммуниста, готового пожертвовать всем и самой жизнью ради общего дела. Пожалуй это одно из первых изданий, в котором внимание читателя фокусируется на некоторой «особости» советского человека⁴. Интересно, что современный дискурс о сущности феномена советского также включает подобные определения⁵, но в понимании «особости» оценки, не в пример прошлому, существенно разнятся.

Так Н.С. Смолина обращая внимание на «непроработанность» концепта «советское»⁶, отмечает, что в современной социальной философии происходит поиск теоретической рамки для описания и интерпретации советской действительности⁷. А. Заярнюк считает, что с одной стороны ««советское» – это то, что принадлежало к периоду существования Советского Союза на территории того же таки СССР»; с другой, говорит о «разорванности» советской эпохи: «очевидно, что 1920-ые отличались от 1930-х, как и 1950-ые от 1970-х или 1980-х годов»⁸. Опираясь на работы С. Коткина, Д. Гофмана и др. автор считает, что «в контексте этих исследований становится понятно, что советский опыт – это не только опыт репрессий и промывания мозгов, а также опыт гражданственности, модерной индивидуальной субъективности и коллективной идентичности, современного образования, технологий управления и социального контроля, участи в публичной сфере»⁹.

Это замечание очень важно для действительно беспристрастного изучения феномена советскости, поскольку признает наличие у советских граждан индивидуальной воли и сознания, наделяет их качествами активного субъекта исторического процесса, не позволяет сводить их ментальный облик к характеристикам банального «совка».

Действительно, в первые годы существования постсоветского пространства в оценках советской истории преобладали негативные оценки. Кроме влияния текущей политической атмосферы это объясняется тем, что основным критерием самоидентификации в этот краткий переходный период был коллективный отказ от «плохого» прошлого. В качестве эмоциональной базы подобных оценок выступал фактор позитивного прогнозирования. Надежда на то, что за «плохим», «неправильным» советским прошлым настанет «хорошее» будущее в значительной степени захватила и ученых-обществоведов, что не могло не отразиться на их оценках.

Схлынувшая «эйфория» как реверсивная реакция на несбывшиеся «радужные» прогнозы заставили научную общественность относиться к советской исторической реальности более внимательно, но не менее критично. На смену негативизму, порой граничившему с очернением, пришло понимание уникальности советской цивилизации¹⁰. Переход к более объективным формам изучения советского прошлого связан, прежде всего, с анализом повсе-

дневности советского быта¹¹. С другой стороны период научного осмысления и рефлексии выразился в появлении обобщающих работ, посвященных ключевым экономическим, социологическим и философским аспектам. Вследствие этого «первенство» в изучении советских реалий «перехватили» представители смежных историческому гуманитарных направлений: философы, социологи, культурологи, антропологи.

При этом, несмотря на наметившуюся устойчивую тенденцию формирования объективного взгляда на советское прошлое, современные исследования не обходятся без (пусть и неявной) политической окраски. Создается впечатление, что негативные оценки советской действительности используются авторами в качестве оправдания всех происходивших в России 1990–2000-х гг. изменений. С помощью концентрации исследовательского ракурса, например, на проблемах советского быта осуществляется вполне политически объяснимая попытка доказать бессмысленность поиска позитивных компонентов в системе «неправильных» («бесчеловечных», «тоталитарных» и т. п.) советских ценностей.

Используя данные дефиниции в качестве отправных критериев анализа советского менталитета, непримиримые критики советского строя нередко наделяют советского человека монстроподобными чертами. Так, например, М.В. Рац, выступая на междисциплинарном семинаре «Советский Союз и советское общество – что это было?», состоявшемся 25 октября 1999 г., так прямо и заявил: «...я для себя придумал такую формулу, относящуюся, по видимому, в основном ко второй половине существования Союза ССР. Это инкубатор по производству социокультурных уродов... ненормальных людей, нечеловеков (здесь и далее курсив автора)»¹². И такие оценки не единичны.

Симптоматично, что именно отношение к советским людям как к *нечеловекам* не оставляет шанса на действительно научное изучение феномена советскости, поскольку представляет собой не столько научную методику, сколько выраженное в резкой форме субъективно-личностное отношение к советской действительности. «Обличители» советского государства не признают в качестве исторического феномена искренне позитивного отношения граждан к той части действительности, которая стала частью их личности, определяла поведение, поступки, выбор жизненного пути. Вообще, отношение к советскому человеку как к неполноценной личности, «совку» делает довольно прозрачной систему морально-идейных установок самих обличителей.

В противоположность такому взгляду на характер советского человека существует точка, зрения, которую наиболее четко выразил С.Г. Кара-Мурза¹³. Здесь интересно заметить, что и в период позднего СССР преобладание в сознании человека (особенно трудящегося) чувства долга как главного поведенческого императивов не было коммунистическим рудиментом. Например, практически все творчество такого известного поэта, барда 1960–1970-х гг. как Ю.И. Визбор, проникнуто специфическим духом советского строительства. Его радиорепортажи, песни, пьесы, повести и рассказы рисуют образ «на-

стоящего» советского человека, трудового романтика, для которого личный успех и, тем более, материальное накопительство отнюдь не являются целью жизни¹⁴. А ведь многое из того, о чем писал Ю.И. Визбор, носит практически документальный характер. Это тоже, своего рода, «Энциклопедия советской жизни».

Во всем многоголосье постсоветской полемики по поводу советского прошлого подлинно научными представляются те работы, авторы которых пытаются по возможности непредвзято разобраться в «хитросплетениях» факторов, исторически формировавших типаж «советского человека».

К таким работам, безусловно, относятся исследования Ш. Фицпатрик. Особое внимание она уделяет анализу самого важного, с точки зрения формирования советского человека, периода – 1930-м годам. Одна из ее основных работ посвящена изучению советской действительности в чрезвычайное время¹⁵. Уже во введении автор предваряет содержательную часть книги перечислением главных (или, по крайней мере, знаковых) атрибутов советской повседневности¹⁶. И хотя автор предупреждает читателя о том, что главным содержанием советской повседневности было «всеохватывающее влияние государства», что заставило ее «в основном исключить из рассмотрения темы любви, дружбы, некоторые аспекты досуга и личного общения»¹⁷, знакомство с содержанием книги оставляет впечатление некоторой «заданности». Можно, например, из всего многообразия российской погоды описывать лишь холод, дождь, вьюгу и слякоть. Повседневность же представляется еще более объемным понятием, и ограничивать исследовательский «сектор» определенными рамками, вероятно, оправдано лишь отчасти.

В результате автор делает вывод, который, принимая во внимание сужение предмета исследования, представляется излишне обобщенным: «Ното sovieticus дергал за нужные веревочки, проворачивал всякие махинации, нахлебничал, кричал лозунги, и т. д. и т. п. Но прежде всего он боролся за выживание»¹⁸. Представляется, что такое впечатление о советском человеке 1930-х гг. у иностранного исследователя могло сложиться после длительной и скрупулезной работы в архивах. Но, к сожалению, в архивных документах часто отражается не норма повседневности, а *отклонение* от нее.

Более удачным и обоснованным представляется философский анализ содержания и механизмов социокультурного и антропосоциетального генезиса и эволюции феномена советскости, который был проведен М.Е. Поповым¹⁹. Решая задачи выявления сущностных характеристик советскости и раскрытия антропологической сущности советского человека, автор ожидаемо приходит к выводу об уникальности советской социокультурной идентичности (советскости)²⁰.

При этом он признает, что одним из главных факторов, способствовавших формированию советскости, была почти постоянная необходимость сохранения государственно-политического единства страны в условиях внешней агрессии и внутренних противоречий. Именно поэтому, считает М.Е. Попов, власть сконструировала с помощью идеологии и пропаганды советскую

идентичность как форму полиэтнической общегосударственной консолидации²¹.

Основу советскости, ее фундамент, М.Е. Попов видит в советском патриотизме, который «представляет собой диалог этнической (моноэтнической), надэтнической (полиэтнической) и внеэтнической (идеологической, классовой) социокультурных консолидаций»²². Пожалуй, это одна из самых верных характеристик советскости как феномена.

В то же время из поля зрения исследователя не ушли и те диалектически обусловленные противоречия, которые, в конечном счете, возобладали в типаже советского человека. С одной стороны «можно говорить о наличии двух уровней самосознания у советских людей: о возможности одновременно ощущать себя представителем и собственного этноса более широкой надэтнической «интернациональной» общности – советского народа»²³. С другой – «...между социальной реальностью советскости, как она была дана советскому человеку в его фундаментальных жизненных самоощущениях, и ее научными и идеологическими рационализациями в форме идеологии марксизма-ленинизма образовался разрыв»²⁴. В результате – «Сущностные черты культуры советского человека представлены советской социокультурной доминантой, связанной с амбивалентными ценностями идеализма и материализма»²⁵.

Особое внимание автор диссертации уделяет анализу функциональной направленности советской идеологической «повседневности». Позитивный образ советского человека – «строителя социализма», культивируемый властью, становился «фактором индивидуального и массового сознания»²⁶. Это было необходимым условием реализации тех социальных и культурных задач, которые стояли перед советским обществом. Другими словами советская идеология поднимала «культурную планку», до которой должен был «дотягиваться» советский человек. Это тот случай, при котором, выражаясь словами советского психолога С.Л. Рубинштейна, *образ становится образцом*²⁷.

Комплекс идеологических мероприятий, который «пронизывал» советскую повседневность, «не оставлял в покое» советского человека, постоянно требовал «расти над собой», формировал особое советское мировосприятие, которое разделялось, безусловно не всеми, но при этом стало «визитной карточкой» советскости. И если, например, П. Вайль и А. Генис пишут об этом не без доли сарказма и иронии²⁸, то М.Е. Попов считает, что «позитивная эмоциональная доминанта сыграла центральную роль в формировании культурности советского человека, стала фундаментальной основой коллективной советской общекультурной идентичности»²⁹.

Различие оценок в определении сущностных характеристик советскости должно (в идеале) способствовать формированию консолидированного научно обоснованного вывода. В этом смысле конструктивным представляется взгляд «со стороны». Так профессор Лодзинского университета Анджей де Лазари обращает внимание на то, что в Польше имеет место отождествление «русскости» и «советскости», причем преимущественно в негативном, прак-

тически в националистическом контексте³⁰. Это очень важное замечание: «советский» – это не только порождение большевистской революции, но и некая довольно устойчивая традиция, уходящая корнями в глубь российской истории. Может быть, негативное отношение к «Советам» и «советскому» – это не столько реакция на «человеконенавистническую» идеологию коммунизма, сколько на исторически главную этническую составляющую России как государства?

Свою трактовку ментального облика советского человека дает Н.Б. Лебина. Для нее это тот же «совок», который «удивительным образом сочетал в себе политический инфантилизм, эгалитаризм, идейную нетерпимость с навивной высокой верой в «светлое будущее», самоотречением, истинно христианским долготерпением». Он обладал «чертами варвара и интеллектуала, жертвы и палача». При этом автор замечает, что «ментальность советского человека – величайшая загадка в истории в значительной степени сформировалась под влиянием повседневной жизни»³¹. Факторы советской повседневности, по мнению Н.Б. Лебиной, суть – «особые формы жилья, специфическая структура потребления, новая сексуальная мораль, господство так называемой пролетарской, а позднее социалистической культуры, политизация досуга». Эти факторы и явились «почвой для развития конформизма, антидемократизма, свойственных советским людям»³².

Кроме того, Н.Б. Лебина обращает внимание на смену парадигм исторического развития советского общества, что в определенные периоды отразилось на структуре повседневности и на отношении к ней советских людей³³.

М.В. Воробьева предлагает искать специфические качества «советскости» в многоуровневой советской культуре, официальной и неофициальной, пронизанной идеологической задачей воспитания «нового» человека и стихийным желанием населения вернуться к старому быту³⁴. Автор справедливо отмечает периодичность в формировании советского быта и советской повседневности: в каждый исторический период на первый план выступали определенные факторы влияния. При этом исследователь обращает особое внимание на такие свойства советского быта как аскетичность, презрение к «мещанству», к жизни «для себя». «Частное бытование человека оттеснялось государством на окраину жизни»³⁵ – пишет М.В. Воробьева. Причину подобного отношения она небезосновательно видит во взгляде власти на самого человека – как на орудие, средство, при помощи которого государство выполняет свои задачи. При этом советские люди, по мнению автора, «вовсе не собирались жить аскетично, как им предписывали идеологи и деятели культуры. По крайней мере, мало было людей, отказывавшихся от материальных благ в пользу идеала бедности»³⁶.

Данная позиция характерна для исследователей, склонных к противопоставлению государства и общества как структур решающих разные, нередко противоположные задачи. Ценность такой позиции очевидна – она остро ставит проблему взаимоотношений в системе «Власть – общество», способствуя т.о. научному объяснению феномена советской повседневности.

Будучи достаточно полемичным, тезис автора заставляет задуматься о сути этого феномена. «Добровольный отказ» от материальных благ и впрямь не совсем нормален для любого человека. Но если речь идет о сознательном отказе от вещей как цели деятельности, от накопительства, о том, чтобы осознанно пойти на лишения ради решения более важных общих задач, то аскетизм в этом случае представляется не столько навязываемым властью *идеалом*, сколько результатом конкретно-исторических условий, в которых существовала вся страна. Например, тот же А.А. Зиновьев, описывая ужасающий быт советской деревни и московских коммуналок 1930-х годов, именно как ученый, как современник эпохи, не склонен связывать его с «двойным сознанием» советского человека³⁷.

На чрезвычайный характер формирования советского менталитета указывает Ю.В. Чернявская. В результате сформировался «пусть наивный и схематичный», но единственный проект советской идентичности, «который утверждал спаянность и правоту всех перед лицом общей беды... особенно в войну, когда образ “они” (в противоположность “мы” – *В.С.*) кристаллизуется в “образ врага” и на фоне его сглаживаются групповые трения»³⁸.

Довольно подробный социологический анализ «советского человека» как идеально-типической конструкции был дан Ю. Левадой и его коллегами. Основные черты его образа, по мнению ученых, составляют представления: об исключительности, или особости «нашего», советского человека, его превосходств над другими народами, «его принадлежность» государству (в смысле приоритета ценностных ориентаций – *В.С.*), уравнивательные, антиэлитарные установки, соединение превосходства с ущемленностью (комплекс неполноценности)³⁹. К особым чертам советского человека социологи Левада-центра относят также его изолированность, массовидность, даже зависть⁴⁰.

Л.Д. Гудков, директор центра Ю. Левады, представляющий данное исследование, считает, что каждый из признаков «простого советского человека» является «свернутым или конденсированным выражением истории институционализированных практик и идеологических трансформаций на протяжении, по крайней мере, с 20-х гг. XX века». При этом автор обращает внимание на то, что часть из этих признаков «имеет гораздо более длительную предысторию или укорененность в традициях русского политического и социального крепостничества»⁴¹.

Размышляя о «советском духе», Л.А. Булавка не считает его «некоторой абстракцией, оторванной от реальной жизни»⁴². По ее мнению «советский дух» был своего рода особой духовной энергией, составляющей потенциал исторического поступка (тем самым социального творчества) общественного индивида⁴³. Автор приводит в качестве одной из основных черт, присущих индивиду с «советским духом», «потребность в историческом поступке», которая предполагает «идейную определенность, нравственную ответственность индивида за происходящее вокруг, а также волю к действию»⁴⁴. Это замечание особенно актуально сегодня, поскольку явно контрастирует с современными доминирующими настроениями апатии, депрессии, аполитично-

сти и потери мотивации деятельности значительного числа, в особенности молодого, населения современной России.

Таким образом, результаты приведенных исследований красноречиво свидетельствуют о конструктивной динамике в философском и историко-социальном осмыслении феномена советскости как главной ментальной составляющей соответствующего периода нашей истории. При всей политизированности проблемы отчетливо проявляется отказ от резких, однозначных, субъективных оценок, характерных для 1990-х гг. Этот позитивный процесс сопровождается не только обобщением фактического (очень обширного) материала, но и, что особенно важно, поиском методологических приемов наиболее адекватно отвечающих специфике и задачам исследования.

В поисках методологии

Активность человека в процессе общественной практики обусловлена взаимодействием в его сознании нескольких мотивационных факторов. Принимая какое-либо решение, индивид руководствуется разными ментальными «расчетами»⁴⁵. Реакция на внешние и внутренние условия (страх перед наказанием, страх смерти, голода, родственные чувства, корысть, альтруизм, вера в социалистические идеалы, любовь к Родине, ненависть к врагу и многое другое) так или иначе отражается на деятельности человека. При этом сложность историко-антропологической реконструкции менталитета заключается в том, что образ мышления (менталитет) составляет определенную тайну не только для историков (потомков), но даже для современников. Специфика сознания (массового и индивидуального) скрыта для исследователя, является для него «вещью в себе». Поскольку всякая реакция общества в целом и отдельных граждан есть проявление общественного сознания, постольку все, что дает представление о поступках и их мотивации, может рассматриваться как источник для изучения менталитета. Видовое и содержательное разнообразие источников⁴⁶ с необходимостью предполагает применение междисциплинарного⁴⁷ подхода к изучению ментальностей⁴⁸.

На сегодняшний день плюрализм методологических подходов, который объясняется как различием задач, так и различием авторских позиций по отношению к изучаемому объекту, имеет естественным результатом отсутствие устоявшихся оценок советского общества. Н.Н. Козлова с сожалением констатирует: «мы, действительно, знаем о советском обществе непростительно мало. Нет теоретической картины того, что именно представляли собой общественные структуры советского типа»⁴⁹.

При этом проблема преодоления субъективности авторских оценок продолжает оставаться одним из главных условий изучения человека советского общества. А.А. Зиновьев считал, что критики советского общества 1930-х гг.

смотрят на эпоху «глазами репрессированных»⁵⁰. Многие современные авторы «сужают» (как правило, не преднамеренно) репрезентативный сектор точкой зрения интеллигенции, читателей «толстых журналов», как выразились А. Генис и П. Вайль⁵¹. В результате адекватно реконструировать все многообразие проявлений советскости становится все труднее.

Один из путей познания этого феномена – семиотический анализ вербальных практик. Н.Н. Козлова считает, что «советскую цивилизацию можно называть цивилизацией в том смысле, что ее код имеет вербальный характер, базируется на проговаривании текстов»⁵².

И. Коженевска-Берчинска предлагает для осмысления концепта «советский» изучить динамику формирования и развития «ключевых» слов, которые, по ее мнению, составляют основу советского социополитического пространства⁵³. При этом автор справедливо замечает, что излишняя негативизация образа «советского», особенно в современной публицистике, не способствуют конструктивному изучению феномена⁵⁴. Исследователь обращает внимание на то, что подобные ненаучные оценки, тем не менее, активно замещают в общественном сознании исторический образ советского человека сложно идентифицируемым термином «совок». Такой подход, безусловно, снижает возможность непредвзятого анализа феномена «советского» в его антропологическом аспекте: «Самоуничжительные, крикливые тона заглушают истину о человеке как о предмете нескончаемых манипуляций»⁵⁵.

«Увлеченность» анализом смысловых и символических характеристик повседневности, может, по мнению ряда авторов, сыграть с исследователем «злую шутку». На это, в частности, указывается в весьма интересной и поучительной статье известного российского лингвиста, доктора филологических наук Р.М. Фрумкиной⁵⁶. Во-первых, она справедливо критикует современных исследователей за излишнее стремление к «гиперсемиотизации» изучаемой эпохи⁵⁷. Во-вторых, автор предлагает принять во внимание зависимость качественных характеристик советского человека от исторических условий формирования его как личности⁵⁸.

Д.В. Юрганова в качестве метода изучения применяет историческую реконструкцию, «микроанализ и погружение в повседневную практику жизни провинциального крупного промышленного города» с целью «понять и оценить насколько сложно и легко было жить простому советскому человеку в условиях тотального дефицита»⁵⁹. Общий вывод автор связывает с ответом одного из своих респондентов: «Мы не жили, а выживали»⁶⁰. При этом хотелось бы заметить, что с точки зрения «реконструкции» взаимосвязи между дефицитом, как постоянным фактором советской повседневности, и спецификой менталитета, последний зачастую формировался диалектически противоречиво. Например, сегодня трудно понять какую неподдельную радость испытывал советский человек, приобретая дефицитную вещь. В гипертрофированном варианте приобретение дефицита становилось для некоторых почти целью повседневности.

Большие возможности в процессе изучения феномена советскости представляет применение когнитивно-информационного подхода. Концепция когнитивной истории, разработанная О.М. Медушевской (1922–2007), предполагает изучение целенаправленного человеческого поведения на основе методов классического источниковедения. Когнитивная история – «наука о человеческом мышлении, которое проявляет себя созданием интеллектуального продукта вовне, созданием информационного продукта своей целенаправленной деятельности (с позиций исторической науки он выступает в качестве исторического источника, содержащего намеренно заложенную создателем и ненамеренную информацию)»⁶¹.

Сходную позицию занимает А. де Лазари: «Каждое «Я» кроме генов «программируется» культурой, в которой вырастает, сначала семейной, потом школьной, «общественной» средой, в которой вращается, книгами, которые читает (или же не читает), телевидением, которое смотрит (или же не смотрит), и т. д.»⁶².

Близка к когнитивно-информационной теории концепция Н.С. Смолиной. Она обращает внимание на неэффективность теории тоталитаризма, поскольку с ее помощью невозможно объяснить все многообразие советских «реальностей»⁶³. Для полноценного социально-философского анализа Н.С. Смолина предлагает «установить и описать систему и структуру ценностных представлений, образующих «коллективное мы», процесс возникновения и производства этого «мы», формы и механизмы воспроизводства коллективной идентичности». Автор уверена: «именно социально-философский анализ помогает понять, что в основании идентичности лежит конструкция, продукт коллективного воображения, поддерживаемая различными дискурсивными практиками»⁶⁴.

А.Н. Медушевский, связывая мотивацию поведения человека с понятием информационного обмена⁶⁵, применяет данный подход при изучении сталинизма и общества сталинского периода⁶⁶. Сталинизм определяется автором как «реализованный продукт целенаправленного социального конструирования, основанного на ложных когнитивных предпосылках»⁶⁷, и является, по его мнению, «отклонением от нормы». При этом под «нормой» понимается «опыт западных демократий Нового и Новейшего времени»⁶⁸.

Основными оценками, характеризующими советское общество 20–30-х гг. XX века, которые приводятся в работе А.Н. Медушевского, являются выводы об «эксплуатации низменных качеств человеческой природы» в процессе конструирования «нового человека»⁶⁹, о «замене истинных мотивов поведения ложными»⁷⁰, о «двоемыслии» как «основном когнитивном законе социализма»⁷¹. Наконец, со ссылкой на исследование Ш. Фицпатрик⁷² автор определяет советского человека 1920–1930-х годов как «несомненно, психологически ущербный социальный тип, основной мотив поведения которого определялся как стремление к выживанию в биологическом смысле»⁷³.

Дистанцируясь от историко-философской дискуссии по поводу «норм» общественно-политического развития России и Запада, можно заметить, что

именно такая ценностная ориентация во многом ограничивает действительно богатые возможности когнитивно-информационного подхода. Подобная односторонность в оценке жизни советского общества (все же более эмоционально и событийно богатой, нежели животная борьба за существование) является индикатором если не политически, то социально ограниченного применения данного метода. Такой взгляд на советское общество характерен для представителей интеллигенции, органически не принимавшей и не принимающей ни сталинизм, ни советское общество в целом⁷⁴. Можно предположить также, что некоторые из приведенных черт имеют характер невольной самооценки.

Действительно, для большинства советских граждан было очень большой роскошью иметь возможность «системно осмыслить ситуацию», или «отличить имитационную информационную модель от подлинной»⁷⁵ – они были заняты тяжелым физическим трудом. Но это не должно являться основанием для отказа от исследования их внутреннего мира, их «информационной среды», которую лишь относительно можно именовать «истинной» или «ложной». От исследования, проведенного, например, А.А. Зиновьевым⁷⁶. Труды А.А. Зиновьева хорошо известны и в России и за ее пределами, поэтому останавливаться на них подробно не будем. Отметим лишь, что концепция А.А. Зиновьева заслуживает самого уважительного и внимательного отношения. Современник великой эпохи, участник войны, ученый-логик, диссидент, эмигрант, вновь вернувшийся на Родину, он сумел в анализе советской действительности подняться до поистине беспристрастных научных высот⁷⁷. К сожалению, современные исследования советской эпохи лишь отчасти отвечают таким требованиям.

В качестве главного методологического подхода А.А. Зиновьев предложил логическую социологию, основанную на допущении единства социальных законов для различных эпох в развитии общества⁷⁸. Он обратил внимание на необходимость глубокого, всестороннего и беспристрастного социально-исторического анализа для понимания сущности того или иного общества⁷⁹. Только такой скрупулезный анализ даст возможность судить о феномене советского без «автоматического перенесения» мнения той или иной социальной группы на общество в целом.

А.А. Зиновьев, последовательно вскрывая все противоречия, «язвы», недостатки советской социально-политической структуры, те не менее считал советское общество одной из самых высоких ступеней социальной организации, а советского человека – продуктом конструктивного идеологического воздействия со стороны власти⁸⁰. При этом А.А. Зиновьев в своих работах неоднократно подчеркивает важность именно таких качеств для преодоления нестандартных критических ситуаций⁸¹.

Утверждение о качествах психотипа советского человека как об одном из главных условий победы в Великой Отечественной войне представляется одной из важнейших «точек опоры» при выработке методологии исследования

общества периода СССР. Коллективистская психология, самоотречение как важнейшие компоненты массового сознания, «прививались» властью «новому человеку» в преддверии ожидаемой мировой войны. После ее окончания наступил кризис мобилизационной идеологии, который так и не был разрешен, что и привело к полуофициальному «отходу» от «моральных принципов строителя социализма», к «двойной морали» и, в конечном счете, к крушению СССР. Таким образом, логичным представляется рассматривать феномен советского человека, во-первых, в его динамике, во-вторых – учитывать, что с точки зрения его «качественных характеристик» мы можем говорить, как минимум, о двух больших «когортах» советских людей – «довоенных и военных» и «послевоенных». Различия между ними, связаны, прежде всего, с конкретно-историческими условиями формирования их как представителей определенного поколения. Конструктивным элементом изучения советского менталитета и советской повседневности должно стать применение поколенческого анализа, который позволит достичь адекватных эпохе научных результатов⁸².

Мы родом из детства

О необходимости применения поколенческого подхода при изучении феномена советского общества пишут, в частности, В.Д. и З.Р. Жукоцкие: «Если мы вообще хотим оставаться в рамках *реалистической методологии* анализа культурных эпох, то необходимо отдавать себе отчет в том, что за всякой эпохой стоят конкретные люди, организованные в поколения. Именно они являются действительными живыми субъектами, носителями конкретных идей, образующих смысловое поле той или иной эпохи»⁸³.

Поколения сменяют друг друга постепенно, в этом процессе большую роль играет «инерционность» их взаимодействия. Как отмечает Т.М. Смирнова: «К началу 1930-х гг. границы между представителями различных в прошлом социальных слоев все больше размывались... Процесс “перевоспитания”, “переделки” представителей социально чуждых слоев (т. е. *несоветских* людей – В.С.) проходил крайне сложно и болезненно, затянувшись на долгие годы»⁸⁴.

С другой стороны психологической доминантой большевиков «ленинского призыва» зачастую были качества также трудно совместимые с категорией «совестности». По определению В.С. Тяжельниковой, в 1920-е гг. «социальная основа коммунистической власти» оказалась «серьезно больна и физически и нравственно». «Поэтому – отмечает автор – надо было лечить эту основу или заменить ее на более здоровую. Это делает Сталин, опередившись на новое поколение коммунистов, заменив каторжные страдания и заунывную «Песню о Щорсе» на «Марш энтузиастов»⁸⁵.

Таким образом, можно считать, что хронологически начальный этап формирования «советского человека» пришелся, в основном, на конец 1920-х – 1930-е гг. Не случайно Т.М. Смирнова прослеживает феномен «бывших людей» до 1936 г. – периода, когда на историческую «арену» начинают все активнее выступать представители нового, собственно советского поколения.

Ш. Фицпатрик также обращает внимание на молодое поколение 1930-х гг. как на социально-политическую основу советской власти. «Городская молодежь – пишет она, – а также многие молодые крестьяне, имеющие некоторое образование, по-видимому, усвоили советские ценности, которые ассоциировались у них с отречением от всего нудного, продажного, беспринципного, старого, рутинного и *всей душой* приняли советские идеалы. Они готовы были на любой риск во имя советской власти»⁸⁶. Или, как утверждают авторы одного из исследований массового сознания советских людей предвоенной эпохи, «к началу 1940-х гг. выросло поколение, безоговорочно доверявшее официальной информации»⁸⁷.

Сущность поколенческого подхода заключается в признании и развитии тезиса о формировании социально-психологических качеств определенного поколения в ходе переживания его представителями событий конкретно-исторического этапа⁸⁸.

Этот тезис перекликается с концепцией «психогенной теории истории» Л. Демоза, которую последний понимает как «теорию, гласящую, что история включает проигрывание взрослыми групповых фантазий, основанных на мотивации, которая в исходном виде является результатом эволюции детства»⁸⁹. Американский исследователь утверждает, что «главная причина всех исторических изменений – психогенез, закономерная смена стилей воспитания детей под давлением поколений»⁹⁰.

В последние годы проведен ряд диссертационных исследований, авторы которых не без успеха реконструируют отдельные аспекты характерных черт молодого поколения, период воспитания которого приходится на 1930-е годы. Д.Е. Ермолаев в своей кандидатской диссертации отмечает высокий уровень подготовленности молодежи, заложенный в довоенное время, в том числе в отношении духовных ценностей. Становление поколения победителей, по мнению автора, «проходило в условиях нового общественного строя, который сформировал их мировоззрение систему ценностей»⁹¹. Л.В. Кульгускина на основе анализа многочисленной учебно-методической литературы и периодических изданий делает вывод о приоритете общегосударственных социалистических ценностей в воспитании молодого поколения⁹². А.А. Дик обращает внимание на существование в среде сельской молодежи 1920-х годов двух противоположных «лагерей» в процессе «культурной революции»: «одни легко поддавались нововведениям, посещали избы-читальни, участвовали в работе всевозможных кружков и обществ, другие были склонны к антиобщественным действиям (хулиганству, пьянству и т. п.)»⁹³. Л.С. Цветлюк показывает, что для мобилизации молодежи на модернизацию и индустриализацию страны 1930-х гг. государство использовало «ментальные особенности

русского народа и социоцентризм, образ врага, архетип «свой – чужой», образ «героя и толпы»⁹⁴. Еще ряд диссертаций затрагивают разные аспекты формирования поколения 1920–1930-х гг.⁹⁵. В.В. Семенова характеризует мораль этого поколения как «индустриальный тип трудовой морали, свойственный обществу советского типа раннеиндустриального периода развития». Целеполагающая установка этого поколения – жизнь ради труда⁹⁶.

Несмотря на все противоречивость формирования рассматриваемого поколения, которое во многом объясняется совмещением влияния на детскую психику целого комплекса факторов – от семейного традиционного уклада, влияния людей старшего поколения, до государственной идеологии и влияния «улицы», т. е. сверстников⁹⁷, в ментальном облике его представителей можно выделить определенную доминанту.

Молодежь 1930-х гг. в значительной степени отличалась энтузиазмом и социальной активностью. Отчасти это было обусловлено участием (вольным или невольным) в грандиозном строительстве, развернувшемся в этот период. На поколение предвоенного времени также оказал влияние процесс урбанизации, вызванный необходимостью развития промышленного производства.

Советский человек, рожденный во второй половине 1920-х гг., был воспитан в традициях трудовой дисциплины и воинской обязанности. Конституция СССР 1936 года, – определяла защиту Отечества как священный долг каждого гражданина, а, соответственно, измену Родине – нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж – как «самое тяжкое злодеяние» (ст. 133).

Характерно, что присяга, как морально-правовая форма ответственности, сопровождала советского человека с детства и до зрелого возраста. Правила для учащихся, пионерская клятва, воинская присяга – это морально-правовые обязательства, в рамках которых во многом формировались личностные установки⁹⁸ нового поколения. С детского возраста в сознание человека закладывались идеалы, образы, в значительной степени определяли его отношение к окружающей действительности.

Обращает на себя внимание торжественная форма и обстоятельства пионерской клятвы, которая принимала характер ритуала посвящения. Прием в пионеры приурочивался, обычно, к главнейшим советским праздникам (1 мая, 7 ноября). Торжественная клятва, произнесенная в присутствии сверстников, взрослых, родителей, общественности, представителей партии и комсомола⁹⁹ производила неизгладимый эффект в сознании юного пионера, активизировала чувство ответственности и долга, удовлетворяла потребность в признании (по А. Маслоу)¹⁰⁰.

Текст обещания являлся своеобразной формулой, атрибутом новой социальной общности со своими понятиями о чести и достоинстве¹⁰¹. Практическое участие детей в социально-политических мероприятиях власти усиливало в сознание молодого поколения воздействие идеологических установок. Желание подражать взрослым, быть частью организации, участвовать в проводимых ею мероприятиях, играх и т. п.¹⁰² формировало у детей потребность

в признании со стороны сверстников. Параллельно с этим в духовную структуру личности органически «встраивались» чувство ответственности и долга перед обществом.

Воздействие государства на формирование духовных качеств личности во многом связано со школьным образованием. 3 сентября 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимают Постановление «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе»¹⁰³. «Правила для учащихся» появились уже в годы войны. Утвержденные СНК РСФСР 2 августа 1943 г., эти Правила не только показывают направление развития советской педагогической мысли, но и отражают концепцию социального поведения советского человека.

Следование этим правилам должно было, по замыслу их создателей, сформировать личность, направленную на приоритет общественных интересов. Учеба рассматривалась не столько как личная необходимость, сколько как процесс общегосударственного значения¹⁰⁴. Чувство долга как определяющая установка личности была настолько действенной, что даже приобретенный послевоенный и постсоветский опыт не внесли существенных изменений в ценностную ориентацию изучаемого поколения. Исследования, проведенные в марте 2000 г. Ю.А. Левадой, показали, что более 50 % опрошенных представителей т. н. поколения «сталинизма» считают чувство долга «очень важным» в структуре ценностных показателей¹⁰⁵.

Эмоционально-ценностное отношение к действительности, мировоззренческие константы молодежи второй половины 1930-х гг. формировались методами педагогической и воспитательной работы в школе¹⁰⁶.

Безусловно, одним из самых важных учебных предметов в процессе воспитания патриотизма у нового поколения была история¹⁰⁷. Современные исследователи неоднократно обращали на это внимание¹⁰⁸. Как известно новые принципы преподавания были заложены постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школе» от 15 мая 1934 г.¹⁰⁹. Воспитательная концепция второй половины 1930-х годов органически отражала оборонительно-патриотические тенденции в идеологии советского государства. Тактический отказ от курса на мировую революцию не снимал, а напротив, еще более актуализировал вопросы мобилизационной готовности граждан страны в любой момент встать на защиту своей Родины. Преподавание истории в средней школе становилось в контексте решения этих задач одним из самых действенных методов. Связь мировоззрения, патриотизма, и военизации школы прямо подчеркивалась методистами¹¹⁰. В первую очередь обращает на себя внимание мобилизационный, военизированный характер, который приобретают уроки истории¹¹¹. Как следствие – в сознании подрастающего поколения начала формироваться система ценностей, которая включала в себя любовь к Родине и готовность защищать ее с оружием в руках, что полностью соответствовало исторической ситуации – необходимости выживать в окружении далеко не дружественных соседей¹¹².

О результатах подобного воспитательного опыта нельзя судить в абсолютных выражениях. Морально-нравственный облик советского школьника складывался под воздействием нескольких факторов – семья, улица, игра, кино, музыкальная культура и др.

Тем не менее, есть все основания утверждать, что в процессе школьного воспитания во второй половине 1930-х гг. была сформирована определенная ценностно-ориентационная доминанта, которая включала в себя готовность искренне и самоотверженно защищать социалистическую родину от любого врага. Как точно выразил эту готовность в «Балладе о детстве» В. Высоцкий: «*А в подвалах и полуподвалах ребятишкам хотелось под танки!*» Именно эта доминанта, трансформируясь после войны в более «мирные» мотивы поведения, и стала своеобразным «стержнем советскости». Яркий представитель этой возрастной когорты Ю. Визбор (1934–1984) в 1983 г. в одной из своих песен заметил «Да, уходит наше поколение, рудиментом в нынешних мирах...»¹¹³. Действительно, уходило поколение советских людей, воспитанных на ценностях, связанных с ощущением любви к Родине, гордости за нее, особого отношения к труду и т. д. На смену ему приходило поколение, имевшее иную личностную установку. Называть его «советским» можно, в основном, лишь по формальным признакам. И хотя по законам инерции элементы «советскости» существуют и до сего дня, корни «перестройки», как «начала конца» советского общества, следует искать, в том числе, и в этом объективном процессе.

Назад в будущее?

Для современных исследователей одним из самых сложных вопросов является причина распространения ностальгических настроений в отношении советской эпохи не только со стороны «не встроившихся» в новую Россию советских людей, но и среди молодежи. Например, в течение 2010–2011 учебного года студенты-культурологи Высшей школы экономики, прослушавшие курс, посвященный советской повседневности, писали по заданию преподавателя короткие тексты со своим видением проблемы. Они пытались понять, чем актуален СССР, как советская тематика работает в рыночной экономике, хотели разобраться в причинах советской ностальгии. Анализ этих ответов дает заинтересованному читателю серьезную пищу для размышления. Как отметил в своем блоге в Живом Журнале преподаватель, проводивший опрос: «Самое популярное объяснение «ностальгии по советскому» состоит в том, что для старшего поколения – это воспоминание о молодости, а для младшего – о чем-то таком, чего они не переживали, а потому интересно. Однако все чаще кажется, что “советское” заполняет собой вакуум, который стихийно образуется, *потому что новая эпоха не создала ни позитивных символов, ни общепризнанных достижений*»¹¹⁴.

Оценивая дефицит как постоянный «спутник» советской экономики, студенты обратили внимание на тот диалектический эффект, который вызывал в сознании человека позитивные эмоции от факта приобретения товара, «перекрывающая» негативные ощущения от осознания его нехватки¹¹⁵.

Другая причина ностальгического отношения к СССР, по мнению автора блога в том, что «Советское общество воспринимается как общество с коллективными целями, которые действительно достойны того, чтобы к ним стремиться. В свою очередь, современное общество либо таких целей не предлагает, либо студенты себя с этими целями не ассоциируют, не считают их духовно и культурно достойными»¹¹⁶. Это объяснение отражает интересную особенность советского человека, сформированную практикой коллективного творчества, – способность преодолевать трудности и желание побеждать. «Не созданы мы для легких путей, и эта повадка у наших детей» – так пелось в одной из советских песен. Это могло бы считаться лишь пропагандистским штампом, если бы не десятки тысяч молодых людей, которые по всей стране с искренней нескрываемой радостью праздновали победу сборной России на чемпионате мира по хоккею весной 2008 года. Забытые и желанные эмоции победы. «Видимо, дело не столько в том, что в СССР было так хорошо, а в том, что позднее было утрачено многое из того, что имелось в те времена»¹¹⁷ – отмечает автор публикации.

Итак, единство общей цели, масштабные достижения в разных областях как предмет общей гордости, романтика дефицита – вот то, что сегодня не просто отсутствует, а низведено до уровня «мечты идиота». При этом потребность в таких проявлениях *человечности* среди молодого поколения сегодня настолько сильна, что затемняет в воспоминаниях об СССР те негативные черты (тоталитаризм, репрессии), которые так активно преподносит им система образования.

Советская повседневность была лишена «волчьей сущности» капитализма и поэтому она ностальгически привлекательна. Можно сказать, что тоска по советскому – это тоска по человеческой доброте, выраженной в повседневной практике. Советскому человеку был органически чужд житейский лозунг «Ничего личного – только бизнес», ставший практически олицетворением современности. Современный «офисный планктон», вынужденно принимая «условия игры», все больше ощущает эмоциональную опустошенность от работы «на дядю», не испытывает удовлетворения от своего труда и ищет эмоциональную отдушину в воспоминаниях о советских всенародных, комсомольских и т. д. великих стройках. Эмоциональные переживания от участия в большом *общем* деле как нельзя более ярко проявились в слезах зрителей по улетающему олимпийскому мишке в Москве 1980 года, которые были одновременно и слезами по уходящему СССР. Двадцать лет прошло с тех пор, как прекратила свое существование историческая форма политического общежития народов России в XX веке – Союз Советских Социалистических Республик. За это время новая реальность в значительной мере оттеснила эмоциональные воспоминания о прошлом, как в повседневной практике, так и в сфере науч-

ного изучения советского общества. Во многом благодаря этой тенденции были достигнуты серьезные успехи в анализе неоднозначного и поэтому непростого для изучения советского периода нашей истории. Сам факт постановки проблемы красноречиво свидетельствует о ее актуальности, связанной с продолжающимся поиском критериев национальной идеи и коллективной идентичности.

Выработка научного подхода к пониманию «советского» неизбежно медленна, поскольку обусловлена диалектическим преодолением конъюнктурно-личностного понимания эпохи. Осмысление исторических событий и, что сегодня более важно, их оценок «по кирпичику» формирует конструкцию научного знания. Материала для этого в наш информационный век более чем достаточно. С этой точки зрения интересна полемика по поводу «советскости», развернувшаяся на страницах известных российских периодических изданий, между писателем и журналистом Д. Быковым и ныне проживающим в США философом М. Эпштейном. Если позиция последнего вполне понятна¹¹⁸ (она близка к упоминавшейся выше оценке М.В. Раца), то Д. Быков тяготеет к научному анализу. Он сумел отстраниться от характеристик советскости, основанных на сугубо личных, эмоциональных переживаниях (чем немало удивил оппонента), одновременно поднявшись на необходимую для широкого социально-исторического обзора высоту¹¹⁹.

Современный этап изучения феномена советского общества можно охарактеризовать как период конструктивной дискуссии ученых различных направлений по ряду ключевых вопросов относящихся к предмету исследования¹²⁰. Оценивая достигнутые результаты можно отметить ряд основных аспектов в рамках данной проблематики.

Прежде всего, требует уточнения термин «советскость» и его производные. Учитывая динамику развития советского общества под влиянием различных факторов как внутреннего, так и внешнего характера, многообразие форм повседневных практик, сделать это будет непросто. Исследовательская литература, которая концентрируется на изучении городской повседневности, имеет в качестве основной репрезентативной базы взгляд на советскую действительность со стороны интеллигенции, по определению более критично настроенной по отношению к власти и проводимым ей мероприятиям. Такая концентрация не позволяет расширить поле исследовательских возможностей и таким образом существенно скорректировать смысл понятия «советский человек», отказавшись от ненаукообразного термина «совок».

Эта проблема тесно переплетается с выработкой наиболее отвечающей решению этой задачи методологии исследования. Уже сегодня ясно, что решить эти задачи в рамках какого-либо одного направления не представляется возможным. Для научного анализа необходима корректировка совместных усилий представителей практически всех наук о человеке. С точки зрения историко-антропологического исследования представляется, что огромный резерв кроется в сочетании когнитивно-информационного и поколенческого подходов.

Кроме этого следует заметить, что до тех пор, пока результаты исследований будут находиться в жесткой зависимости от политической конъюнктуры, трудно ожидать позитивных выводов, которые станут основой для консолидированной оценки Советского общества как исторической реальности. Представляется, что в обозримом будущем проблема не будет решена кардинальным образом. Наметившаяся тенденция деполитизации истории, толерантность и терпимость как мировоззренческие установки имеют все же не столько научную, сколько конъюнктурную основу. Должно пройти время для того, чтобы всестороннее изучение советского общества перестало представлять какую-либо опасность для современности.

Тем не менее, феномен «советского общества» и «советского человека» является сегодня одним из самых привлекательных предметов изучения для представителей гуманитарных наук. Постоянный активный научный поиск «составляющих» этого феномена свидетельствует о его актуальности и, хочется надеяться, сулит нам немало открытий на этом пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подтверждением этому может служить активное эмоциональное обсуждение проблем советской истории и советской повседневности на «просторах Интернета». Так, в Живом Журнале на поисковый запрос «ностальгия по советскому» находится более тысячи записей, которые сопровождаются самыми разнообразными комментариями, отражающими всю сложность общественных оценок.

² «Сегодня российское интеллектуальное сообщество вовлечено в процесс масштабной рефлексии по поводу советского прошлого» / *Смолина Н.С.* Тема «советского» в социально-философском дискурсе 2000-х: проблематизация коллективной идентичности на постсоветском пространстве // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 155.

³ *Тихонов Н.* Черты советского человека (Ленинградские рассказы). – М., 1942.

⁴ В таком определении явно прослеживается проекция сталинского «Мы, коммунисты, люди особого склада. Мы скроены из особого материала», сказанного в январе 1924 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 6. С. 46.

⁵ См.: Стенограмма пятого открытого семинара проекта «Демократия в России» «Человек советский или современный? Политическая культура и ценности россиян». 20 сентября 2011 // <http://www.levada.ru/stenogramma-pyatogo-otkrytogo-seminara-proekta-demokratiya-v-rossii-chelovek-sovetskii-ili-sovremenn>

⁶ *Смолина Н.С.* Ук. соч. С. 156.

⁷ Там же.

⁸ *Заярнюк А.* Повседневная советскость постсоветского настоящего // <http://www.mankurty.com/statti/zayarniuk.html>

⁹ Там же.

¹⁰ *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Кн. вторая. От Великой Победы до наших дней. – М., 2002; *Синяевский А.Д.* Основы советской цивилизации. – М., 2001.

¹¹ *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. – СПб., 2006; *Воробьева М.В.* Городской советский быт: клише идеологии и реальность / Социокультурное развитие горда: история и современность (сборник научных трудов). Екатеринбург, 2006. С. 24–40 // <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/640>; *Утехин И.В.* Очерки коммунального быта. – М., 2004 и др.

¹² <http://www.sakharov-center.ru/projects/ussr-museum/seminar11.htm>

¹³ «...невыраженное чувство Общего Дела в те годы наблюдалось в очень многих проявлениях советской жизни. Это иногда называли коллективизмом, но, по-моему, прямой связи с этим понятием это “чувство муравья” не имело... Мы были соборными личностями, хотя этого слова и не знали, и все вместе составляли симфонию. Поэтому вопрос о ценности каждого был просто некорректен, несоизмерим с реальностью. Обо многих можно было сказать: этот ценен тем-то и тем-то. Но ни о ком нельзя было сказать, что он “не имеет ценности”» // *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Кн. вторая. От Великой Победы до наших дней. – М., 2002. С. 71.

¹⁴ См.: *Визбор Ю.И.* Сочинения. В трех томах. – М., 2001.

¹⁵ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. – М., 2001.

¹⁶ В книге рассказывается «о переполненных коммуналках, о брошенных женах и уклоняющихся от уплаты алиментов мужьях, о нехватке продуктов и одежды, о бесконечных очередях. О том, как роптал народ из-за таких условий жизни, и как на это реагировало правительство» // Там же. С. 8.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 272

¹⁹ *Понов М.Е.* Антропология советскости: философский анализ. Дисс... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2004. С. 12.

²⁰ Там же. С. 15.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 99.

²³ Там же. С. 89.

²⁴ Там же. С. 100.

²⁵ Там же. С. 108.

²⁶ Там же. С. 112.

²⁷ «Идеал может выступать в качестве совокупности норм поведения; иногда это образ, воплощающий наиболее ценные и в этом смысле привлекательные человеческие черты, – образ, который служит образцом... Идеал человека – это, таким образом, и то, и не то, что он есть. Это предвосхищенное воплощение того, чем он может стать. Это лучшие тенденции, которые, воплотившись в образе-образце, становятся стимулом и регулятором его развития» // *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб., 1999. С. 531.

²⁸ *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. – М., 1996.

²⁹ *Понов М.Е.* Цит. соч. С. 112–113.

³⁰ *Лазари А. де.* «Советскость» и «русскость» в польской культурной запрограммированности (зарисовка вопроса) // Россия – Польша: Философский и историко-культурный дискурс / Под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск, 2005.

³¹ *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. – СПб., 2006. С. 10.

³² Там же.

³³ Там же. С. 25.

³⁴ См.: *Воробьева М.В.* Ук. соч.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ «Несмотря на бедность в современном смысле слова, жили мы весело. Мы не воспринимали свое положение как бедность. Мы вообще не оценивали его в этом плане. Я не помню ни одного случая, чтобы в нашем доме говорили о богатстве и бедности как о чем-то таком, что касалось нас лично. Достижение богатства не входило в круг наших интересов» // *Зиновьев А.А.* Исповедь отщепенца. – М., 2008. С. 47.

³⁸ *Чернявская Ю.В.* На rendez-vous с эпохой: советский интеллигент в поисках идентичности // Человек. 2007. № 5. С. 29.

³⁹ *Гудков Л.Д.* «Советский человек» в социологии Ю. Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 22–23.

⁴⁰ Стенограмма пятого открытого семинара проекта «Демократия в России» «Человек советский или современный? Политическая культура и ценности россиян». 20 сентября 2011 // <http://www.levada.ru/stenogramma-pyatogo-otkrytogo-seminara-proekta-demokratiya-v-rossii-chelovek-sovetskii-ili-sovremenn>

⁴¹ Гудков Л.Д. «Советский человек» в социологии Ю. Левады // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 25

⁴² «Пройдя через горнило реальных противоречий, сплетавших воедино трагедии сталинского произвола и высокую радость социального созидания, «советский дух» обретал особое экзистенциалистское звучание, не встречающееся прежде в других культурах» // *Булавка Л.А.* «Русская душа» и «советский дух» как два феномена отечественной культуры // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2008. № 3. С. 68.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: *Тяжельникова В.С.* Материалы специального курса «Картина мира» советского человека и ее эволюция в современной России // <http://ecsocman.hse.ru/text/19292790/>

⁴⁶ Е.Ю. Зубкова и А.И. Куприянов считают, что «нет такого источника, в котором в той или иной форме не нашли свое отражение взгляды, мнения, настроения людей, их личные или групповые пристрастия, то есть все то, что характеризует ментальный фонд. Меняется лишь иерархия источников: для изучения ментальностей важны в первую очередь не официальные документы, а материалы личного происхождения» // *Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И.* Ментальное измерение истории: поиски метода (вместо введения) / *Российская ментальность: методы и проблемы изучения / Мировосприятие и самосознание русского общества*. Вып. 3. – М., 1999 // <http://www.auditorium.ru/books/744/vved.pdf>

⁴⁷ «В плане методологии требование междисциплинарности или, лучше сказать, полидисциплинарности никогда не звучало столь повелительно, как в наше время, причем именно в связи с постановкой проблем исторической антропологии. Нет такого аспекта жизни человека, от трудовой деятельности и отношений собственности и до аффективной и художественной жизни, от биологических и экологических основ до религиозных озарений и «пограничных» состояний психики, который не входил бы в сферу компетенции исторической антропологии» / *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология // *Вопросы философии*. 1988. № 1. С. 69.

⁴⁸ *Могильницкий Б.Г.* Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. – М., – 2005.

⁴⁹ *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. – М., 2005. С. 472.

⁵⁰ *Зиновьев А.А.* Сталин – нашей юности полет: Социологическая повесть. – М., 2002. С. 28.

⁵¹ *Вайль П., Генис А.* Ук. соч. С. 6.

⁵² *Козлова Н.Н.* Ук. соч. С. 482.

⁵³ *Кожневска-Берчинска И.* О статусе концепта «советский» (и производных) в современном публицистическом дискурсе // http://publib.upol.cz/~obd/fulltext/Rossica-38/Rossica-38_67.pdf

⁵⁴ «Публицистические тексты страдают последовательным отращиванием к советскому человеку как генотипу» // Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Фрумкина Р.* Рефлектирующий абориген / *Знамя*. 2005. № 2 // <http://www.msses.ru/education/faculties/sociology/frumkina/aborigen.doc>

⁵⁷ «В качестве бывшего советского аборигена я готова предъявить ученым, изучающим нас и наше время, упреки в гиперсемиотизации, то есть усмотрения скрытых смыслов там, где для моих современников их не было» // Там же.

⁵⁸ «Я склонна видеть в уходящей (ушедшей) культуре такие смыслы, которые, быть может, являются составляющей сознания всего лишь моей малой социальной группы, да и то за короткой временной промежуток» // Там же.

⁵⁹ *Юрганова Д.В.* Советская повседневность: жизнь в дефиците // <http://maiskoechtivo.pstu.ru/2008/1/8/1b.html>

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Медушевский А.Н. Современная аналитическая история: теоретические проблемы и направления исследований // <http://unc.rggu.ru/article.html?id=90360>

⁶² Лазару А. де. В защиту польского гонора // http://www.intelros.ru/2007/04/20/andzhejj_de_lazari_v_zashhtu_polskogo_gonora.html

⁶³ «Теория тоталитаризма, согласно которой власть манипулирует массами, слишком абстрактна, чтобы объяснить социальную динамику советского общества» // Смолина Н.С. Ук. соч. С. 159.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ «Ключевое значение для когнитивной концепции гуманитарного познания имеет именно понятие опосредованного информационного обмена – специфической человеческой способности обмена информацией через посредство целенаправленной человеческой деятельности – осознанного поведения индивида, направленного к достижению поставленной цели» / Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 5

⁶⁶ Медушевский А.Н. Сталинизм как модель социального конструирования. К завершению научно-издательского проекта // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29.

⁶⁷ Там же. С. 25.

⁶⁸ Там же. С. 26.

⁶⁹ Там же. С. 6.

⁷⁰ Там же. С. 7.

⁷¹ Там же. С. 18.

⁷² «Номо sovieticus дергал за нужные ниточки, проворачивал всякие махинации, угодничал, нахлебничал, кричал лозунги и т.д. и т.п. Но прежде всего он боролся за выживание» // Цит. по: Медушевский А.Н. Сталинизм... С. 15.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Как пишет А.Н. Медушевский, «Данный режим был репрессивным в отношении всех социальных слоев, но основной удар наносился по интеллигенции как социальной среде, способной системно осмыслить ситуацию и выступить в качестве организованной оппозиции» // Там же. С. 19.

⁷⁵ Что, по словам А.Н. Медушевского, «было дано не всем интеллектуалам» // Там же. С. 22.

⁷⁶ Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца. – М., 2008 и др.

⁷⁷ Он считал, что к числу принципов научного познания относится «прежде всего, принцип субъективной беспристрастности, т.е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, не зависимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат ли результаты исследований интересам каких-то категорий людей или нет» // Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М., 2006. С. 172

⁷⁸ «Социальные законы универсальны, т.е. одни и те же для всех времен и народов, где являются социальные объекты, к которым они относятся, и соответствующие условия» // Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М., – 2006. С. 194.

⁷⁹ «Если хотите знать основу сталинизма – проделайте хотя бы самое примитивное социологическое исследование. Выберите характерный район с населением, хотя бы в один миллион. И изучите его хотя бы по таким показателям. Численность населения, его социальный состав, профессии, имущественное положение, образованность, культура, число репрессированных, передвижения людей (куда люди покидали район и куда появлялись в нем вновь) Изучите, что стало с теми, кто покинул район. Сделать это надо по годам, а иногда – по месяцам, ибо история неслась с ураганной скоростью... И вы бы тогда увидели, что репрессии в ту эпоху играли не такую уж огромную роль, какую вы им приписываете теперь» // Зиновьев А.А. Сталин – нашей юности полет! – М., – 2002. С. 28

⁸⁰ «Не следует думать, будто советская идеология стремилась прививать людям отрицательные качества – эгоизм, карьеризм, двуличность, ненадежность, продажность, подхалимство, лень, склонность к халтуре и обману и т.п. Как раз наоборот, эти качества порицались, сдерживались и ограничивались. Поощрялись самые лучшие качества – честность, отзывчивость, скромность, правдивость, трудолюбие, самоотверженность, преданность родине, стрем-

ление к образованию, к овладению культурой, к развитию способностей, к достойному поведению в коллективе и т.д... И это не было лицемерие» // *Зиновьев А.А.* Фактор понимания... С. 397.

⁸¹ «Органы власти, деловые коллективы, школа, общественные организации и идеологические учреждения прилагали титанические усилия к тому, чтобы сделать людей и целые народы именно такими, сделать их своего рода коммунистическими ангелами. Если бы этого не делалось, то жизнь в стране превратилась бы в кошмар. Советский Союз не выжил бы в труднейших условиях и десятка лет, *не победил бы в войне 1941–1945 годов Германию*, не стал бы второй сверхдержавой планеты» // Там же.

⁸² Об изучении советского человека с точки зрения поколения неоднократно заходила речь в ходе открытого семинара «Человек советский или современный? Политическая культура и ценности россиян», проходившего в Москве 20 сентября 2011. В частности, участники семинара отмечали, что «1920 год рождения – это чистый советский человек» (о. Я. Кротов) и что «дело в среде» (С. Магарил), имея в виду среду его формирования. См.: <http://www.levada.ru/stenogramma-pyatogo-otkrytogo-seminara-proekta-demokratiya-v-rossii-chelovek-sovetskii-ili-sovremenn>

⁸³ *Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р.* Русская реформация XX века: статьи по культурфилософии советизма. – М., 2008. С. 6.

⁸⁴ *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917–1936). Автореф... дисс. д.и.н. – М., 2010. С. 26.

⁸⁵ *Тяжельникова В.С.* Самоубийства коммунистов в 1920-е годы // *Отечественная история*. 1998. № 6. С. 173

⁸⁶ Там же. С. 268.

⁸⁷ *Мусорина О.А., Алешина Е.Ю., Кочетова Е.В.* Язык как способ воздействия властей на массовое сознание в советские годы (на примере Пензенского региона). – Пенза, 2005. С. 274–275.

⁸⁸ Понятие «поколение» в данном случае равнозначно «социально-возрастной «когорте», т.е. тем, кто в результате близости дат их рождения следует параллельно схожими этапами собственного биологического развития и социально-очерченного жизненного пути в рамках истории определенных обществ» / *Шанин Т.* История поколений и поколенческая история // *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России*. – М., 2005. С. 21

⁸⁹ *Демоз Л.* Психология. – Ростов-на-Дону, 2000. С. 8.

⁹⁰ Там же. С. 177. Заметим, что под «давлением поколений» может пониматься и сила традиции, и решения властей – *В.С.*

⁹¹ *Ермолаев Д.Е.* Молодежь Чувашии на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): поколение победителей. Автореф... дисс. к.и.н. – Чебоксары, 2003. С. 23

⁹² *Кульгускина Л.В.* Государство и молодое поколения в конце 1920-х – 1930-е годы: опыт создания новой ментальности. Автореф... дисс. к.и.н. – Барнаул, 2005.

⁹³ *Дик А.А.* Сельская молодежь 1920-х гг.: учеба, досуг, военная служба (на материалах Тамбовской губернии). Автореф... дисс. к.и.н. – Саратов, 2008. С. 14

⁹⁴ *Цветлюк Л.С.* Политика компартии и государства по привлечению молодежи к строительству социалистического общества 1917–1941 гг. Автореф... дисс. д.и.н. – М., 2006. С. 6.

⁹⁵ *Долгова И.Л.* Социальный характер советской молодежи Дальнего Востока 1930-х годов. Дисс... к.и.н. – Хабаровск, 2003; *Резник И.Б.* Государственный социальный заказ в советском музыкальном искусстве 1930-х годов. Автореф... канд. искусствоведения. – Магнитогорск, 2005 и др.

⁹⁶ *Семенова В.В.* Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России*. – М., 2005. С. 92

⁹⁷ Например, характеризуя антирелигиозное воспитание школьников в 1920–1930-х гг., В.А. Шевченко пишет: «Дети часто находились меж двух огней. С одной стороны верующие родители, с другой – антирелигиозная школа. Такое положение отрицательно сказывалось на их психике» // *Шевченко В.А.* Юные безбожники против пионеров. – М., 2009. С. 197.

⁹⁸ «Установка личности – это занятая ею позиция, которая заключается в определенном отношении к стоящим целям и выражается в избирательной мобилизованности и готовности к деятельности, направленной на их осуществление... Всякая установка – это установка на какую-то линию поведения, и этой линией она и определяется... Складываясь в ходе развития личности и постоянно перестраиваясь в процессе ее деятельности, установка как позиция личности, из которой исходят ее действия, включает в себя целый спектр компонентов, начиная с элементарных потребностей и влечений и кончая мировоззренческими взглядами или позициями личности» // *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб., 1999. С. 520.

⁹⁹ Вожатому села. Хрестоматия для курсов вожатых деревенских пионеротрядов. – М.–Л., 1930. С. 78.

¹⁰⁰ *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. Пер. с англ. – СПб., 1999.

¹⁰¹ «Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что...» Далее перечислялись «законы пионеров», среди которых можно выделить те, которые содержат образец поведения советского человека // Вожатому села. С. 80.

¹⁰² В качестве ролевых игр и «мероприятий» пионерам постоянно предлагались разнообразные задания с трудовой тематикой – «Участвовать в культурном ведении сельского хозяйства», «Создавать мастерские», «Бороться за горячие завтраки в школе», «Подготовим отрядный клуб к зиме», «Поможем благоустроить наши улицы» и т.д. Все они, выполняемые коллективно и на общее благо, формировали соответствующие приоритеты в поведении и образе мышления // *Страницы истории юных ленинцев.* – М., 1976. С. 51.

¹⁰³ В документе отмечалось: «В основу правил поведения учащихся положить строгое и сознательное соблюдение дисциплины, вежливое отношение к преподавателям, товарищам и старшим, привитие культурных навыков, бережливое отношение к школьному и общественному имуществу, а также меры решительной борьбы с проявлением хулиганства и антиобщественным поступкам среди детей» // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР.* 19 сентября 1935 г. № 47. Ст. 391. С. 704.

¹⁰⁴ Школьник, согласно правилам, должен был «упорно и настойчиво овладевать знаниями для того, чтобы стать образованным и культурным гражданином и принести как можно больше пользы Советской Родине» // Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9550. Оп. 6. Д. 340. Л. 1.

¹⁰⁵ *Левада Ю.А.* Поколения XX века: возможности исследования // *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России.* – М., 2005. С. 50.

¹⁰⁶ *Кульгускина Л.В.* Государство и молодое поколения в конце 1920-х – 1930-е годы: опыт создания новой ментальности: Автореф. дисс... к.и.н. – Барнаул, 2005; *Цветлюк Л.С.* Политика компартии и государства по привлечению молодежи к строительству социалистического общества 1917–1941 гг.: Автореф... дисс. д.и.н. – М., 2006; *Юинг Е.Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. – М., 2011.

¹⁰⁷ Как отмечает И. Сандомирская: «Таким образом, в конструкции великой социалистической Родины родная история и родной язык оказываются едва ли не базовым идеологемами. Без национальной истории и национального языка нет и государства» // *Сандомирская И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. *Wiener slawistischer almanach sonderband 50.* – Wien, 2001. С. 79.

¹⁰⁸ См., например: *Гордина Е.Д.* История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // <http://pish.ru/articles/articles2010/648>; *Дик А.А.* Сельская молодежь 1920-х гг.: учеба, досуг, военная служба (на материалах Тамбовской губернии): Автореф... дисс. к.и.н. – Саратов, 2008; *Фукс А.Н.* Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – 1930-е гг.): Автореф... дисс. д.и.н. – М., 2011.

¹⁰⁹ В постановлении подвергалась критике безэмоциональная методика преподавания: «Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей – учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами» / «О преподавании гражданской истории в шко-

ле». Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 15 мая 1934 г. // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16624>

¹¹⁰ *Андреевская И.* Воспитательная работа на уроках истории // Исторический журнал. 1937. № 12. С. 89

¹¹¹ «Надо помнить, что мы воспитываем не пацифистов, мечтающих о мирной ликвидации войны: советский ученик должен понять, что война является неизбежным порождением классового общества. Наша социалистическая родина живет в капиталистическом окружении. Фашистские правительства открыто говорят о нападении на советский союз. Поэтому нужно воспитывать у советских учеников готовность отразить фашистских агрессоров, вызвать сознание необходимости быть готовы к отпору, т.е. усиливать мощь и техническое оснащение Красной Армии, которая в случае нападения на нашу родину должна бить врага на его территории» // Там же. С. 91–92. Последнее высказывание, без сомнения, можно отнести к воспитательным факторам, которые сыграют «злую шутку» в начале войны (*В.С.*)

¹¹² Например, генерал В.И. Манойлин (1929 г.р.) так оценивал результаты школьного образования: «Если перевести на казенный язык все то, что в каких-то образах, понятиях, мыслях наполняло мою детскую голову, и попробовать все это систематизировать, получится примерно следующее:

– социализм, а затем и коммунизм – единственный образ жизни, к которому надо стремиться;

– мировая социалистическая революция неизбежна, надо все делать, чтобы она произошла как можно скорее;

– буржуазия ни за что не успокоится и начнет войну с СССР, война будет скоро, надо готовиться;

– Сталин приведет нас к победе» // *Манойлин В.И.* Базирование Военно-морского флота СССР. – СПб., 2004. С. 26.

¹¹³ *Визбор Ю.И.* Соч. в 3-х т. Т. 1: стихотворения и песни. – М, 2001. С. 387.

¹¹⁴ <http://am0rella.livejournal.com/3845.html>

¹¹⁵ В советское время радость от победы над дефицитом воспринималась иронически, была сюжетом шуток и сатирических миниатюр. Вспомним Жванецкого: «Дефицит – великий двигатель общественных специфических отношений. Представь себе, исчез дефицит... Все ходим скучные, бледные, зеваем. Завсклад идет – мы его не замечаем. Директор магазина – мы на него плюем! Товаровед обувного отдела – как простой инженер! Это хорошо? Это противно! Пусть будет изобилие, пусть будет все! Но пусть чего-то не хватает!» // Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ См.: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2011-10-27/4_vektor.html

¹¹⁹ См.: <http://www.novayagazeta.ru/politics/49265.html>

¹²⁰ Примером в этом отношении стал уже упоминавшийся семинар «Человек советский или современный? Политическая культура и ценности россиян», проведенный 20 сентября 2011 г. в рамках проекта «демократия в России». В нем принимали участие социологи «Левада-центра» Л. Гудков, Б. Дубин, экономисты Л. Борусяк (НИУ-ВШЭ), С. Магарил (РГУ), представители политических партий и общественных движений. Несмотря на то, что участники семинара не смогли прийти к единому мнению о сущности феномена советскости, конструктивное корректное обсуждение свидетельствует о позитивном потенциале такого рода дискуссий.

Андрей КУЗНЕЦОВ, Артем МАСЛОВ

Диктатура юбилеев. Мемориальный бум как призрак иной повседневности

Представление проблемы изменяло свой структурный облик, стилистические характеристики, а также заглавие, как минимум, трижды. Первоначальный замысел сводился к написанию очерка (своего рода case-study), который был бы посвящен развертыванию коммеморативной традиции, связанной с так называемым завершением Смуты начала XVII столетия и включающей в себя ряд юбилейных торжеств и праздников XIX – начала XXI вв. Желание обсудить значение этой традиции в свете грядущего «десятилетия коммемораций» (2012–2022), за счет обращения к максимально широкому спектру процессов в сфере культурной памяти, привело к появлению несколько затянутой «постановочной части», в которой проблематизируется феномен юбилеев, как таковой, и попыткам сопоставить юбилейные торжества с иными проявлениями мемориальной политики. Необходимость привлечь внимание к тем характерным чертам юбилеев, которые обусловлены своеобразным *диалогом* элит и общества на локальном, региональном и российском (а применительно к большей части XX столетия еще и общесоветском) уровне, отмечены соответствующими конфликтами интерпретаций и различным (как содержательно, так и формально) вмешательством профессиональных историков, заставила вернуться к тематике «Смутного времени». Продвигать ее на современном мемориальном рынке авторам приходится в силу своего географического испомещения и причастности к ряду, скажем так, околоисторических проектов. Задуматься о понимании целого – значит одновременно задуматься и о себе.

К постановке проблемы

Историк, задавшийся целью прояснить специфику осмысления юбилеев в современной гуманитарной традиции, сталкивается с рядом характерных трудностей концептуального и методического плана. К их числу стоит отнести, прежде всего, чрезмерную размытость семантического поля понятий «юбилей» или «круглая дата», а также особую сопряженность исторической профессии с эксплуатацией категории временного цикла, частным проявлением которой, безусловно, является любой конкретный случай «юбилеемании» в жизни больших и малых групп. Исследование юбилейной топики – даже применительно к самым отдаленным во времени эпохам – всегда грозит пе-

перерасти в критику эпистемологических оснований исторической науки как таковой и в этом отношении, по-видимому, может быть классическим примером обесценивания фундаментальной аналитической оппозиции «субъект–объект» на постклассическом этапе научного познания.

Обозначение общих контуров феномена юбилейных торжеств в бескрайнем море разнообразных коммеморативных событий, высвечивание различий между «большими» и «малыми» юбилеями (а также «юбилярами»!) в условиях мультикультурности, распада масштабных национальных и религиозных проектов, плюрализма смысло- и «цикло»-полагания по отношению к прошлому (которое, если довериться модным веяниям, либо вовсе исчезло из современного опыта темпоральной организации мира, либо вот-вот сольется с агрессивной стихией «вечного сегодня»), потребность развести функции юбилея и иных «хронологически заряженных», повторяющихся по истечении того или иного срока праздников, годовщин, «дней скорби» (кто сказал, что круглые даты не бывают «грустными»?) – есть наиважнейшие и, увы, навряд ли разрешимые задачи, с которыми здесь придется иметь дело исследователю.

Первоначальные критерии определения юбилейного времени (восходящие к иудейскому обычаю выделять по завершении каждого 49-летнего цикла, т. е. «семи седмиц», особый год отдохновения и милости) утратили свою актуальность еще в рамках средневековой традиции, когда возрожденные по инициативе римских пап «святые юбилейные годы» постепенно стали провозглашать и отмечать несколько чаще, чем один раз в пятьдесят лет¹. Не факт, что «магия чисел» с тех пор претерпела сколь-нибудь заметное ослабление сама по себе: накопленные на сегодня изменения свидетельствуют не столько об утрате ею прежней роли в жизни общества, сколько об увеличении количества «магов» и используемых ими «колдовских» средств. Юбилеи в наши дни можно объявлять и каждые пять лет, и раз в двенадцать месяцев, и ... в общем-то, когда угодно, – естественно, при наличии «весомого» повода и средств. Однако, с другой стороны, *весомость повода*, отождествляемая обычно со степенью (интенсивностью, глубиной и т. п.) включенности какого-то события в культурную память больших групп, и *объем затраченных средств* (денег, слов, нервов и т. д.), традиционно связываемый с заинтересованностью в мемориальном «подогреве» сообщества элитами, *представляют достаточными условиями для объяснения восприятия юбилеев лишь при самом упрощенном использовании конструктивистского подхода*. В реальности взаимодействие и корреляция двух факторов выглядит несколько сложнее: «надежная» память группы о том или ином событии может как избавлять элиту от необходимости «дополнительных» затрат при организации юбилея, так и провоцировать ее на траты чрезмерные. Последний вариант наиболее вероятен, к примеру, если в период времени между двумя юбилеями принято отмечать годовщины или другие «промежуточные» праздники («малые юбилеи»): военный парад, посвященный 60-летию Победы в понимании обывателя априори должен быть грандиознее, чем парад в честь 55-й или 56-й годовщины, традиционность празднования дня города заставляет

местные власти выделять больше средств на празднование «круглых дат» в истории того или иного центра. Традиционность «промежуточных» праздников, таким образом, способна не облегчить, а усложнить подготовку к юбилейным торжествам. Но если в итоге подготовка к юбилею стала действительно масштабной и потребовала от сообщества существенной корректировки повседневной деятельности, ожидаемое торжество может быть... проигнорировано значительной частью сообщества, символически («Надоел весь этот официоз!») или физически отторгнуто его вполне сознательными, социализированными и «традиционно настроенными» членами, превратившись в мероприятие, затратное вдвойне. В случае «инновационных» юбилеев (как и всех праздников, инициируемых «внезапно», «наспех»), которые, по идее, должны осложняться дополнительными тратами на привлечение внимания публики, многих материальных и символических издержек можно, напротив, легко избежать за счет обращения к неизвестному для большинства сообщества мемориальному поводу (1000-летие русской ложки) или выбору нетривиального формата торжеств. В этом плане многие «надуманные» (в терминологии историков, разумеется) и «неадекватные» юбилеи последних двадцати лет при желании легко перекодировать как мероприятия, которые направлены на снижение символических и материальных рисков внутри «мемориально перегретого» сообщества и, в конечном итоге, – благодаря своей «надуманности» и «неадекватности», – социально ориентированы, способствуют относительному «охлаждению» культурной памяти общества в целом, его коммеморативной «праздности» или, если угодно, неотягощенности большими мемориальными проектами уходящей эпохи модерна.

Согласие внутри группы... Не этой ли цели, если верить здравому смыслу, призвана служить любая коммеморативная процедура, не исключая и юбилей? Да, но в реальности многие праздники и юбилеи способны привести в то или иное сообщество открытый конфликт либо существенно усилить имевшиеся ранее противоречия. Значит ли наличие у юбилея «конфликтного потенциала», «скандальной ауры» его несостоятельность в качестве коммеморативного акта? Конечно, однако подобная несостоятельность вовсе не обязательно выводит «конфликтный» юбилей или праздник за рамки групповой памяти. Превращаясь в своего рода мемориальную травму, он может быть со временем замещен более нейтральным комплексом мероприятий, но на какое-то время остается актуальным информационным поводом, влияя на восприятие хронологически, «тематически» (и «формально»!) близких коммеморативных процедур, оставляя тем самым свой собственный след в истории культурной памяти. Поэтому, например, без учета привнесенного Днем народного Единства (4 ноября) мемориального конфликта (точнее, его неспособности заместить «травматические последствия» празднования советского 7 ноября) сложно понять трансформацию смыслов, вкладываемых сегодня большинством россиян в 9 мая. Воспоминания же о 70-летнем юбилее «вождя народов» в пространстве групповой памяти вряд ли отделимы от образа его похорон, памятных травматизмом (к сожалению, не только символическим).

Таким образом, истолкование значений, вкладываемых в тот или иной юбилей определенным сообществом, следует, по возможности соотносить со смысловым наполнением смежных в историческом пространстве и времени торжеств и коммемораций (как общепринятых в какой-нибудь большой группе, так и вполне себе «локальных»). Будучи своеобразным «венцом» сложных коммеморативных моделей, юбилеи предстают полноценным выражением интеллектуальных и культурных предпочтений их организаторов только по мере сопоставления с иными звеньями мемориальных стратегий, реализуемых в рамках отдельного социума. При этом немаловажно, что самые грандиозные и «раскрученные» юбилеи (или, скажем так, преимущественно юбилеи) имеют обыкновение легко преодолевать символическую стену, которая отделяет их от повседневности, отчасти сливаясь с последней, – прежде всего, за счет многочисленности своих материальных воплощений (от громоздких монументов до юбилейных монет или этикеток на спичечных коробках) и соответствующей их размаху плотности информационных «бомбардировок».

Нам, безусловно, не удалось выше и, разумеется, не удастся далее предложить сколь-нибудь непротиворечивый способ четкого разграничения понятий «юбилей», «праздник», «памятная дата», «хронологическая метка». Осознание различий между ними видится не столько исходной точкой, сколько потенциальным результатом инициируемой дискуссии, и вряд ли может быть отлито в формы классических дефиниций «через род и видовое отличие». Для авторов куда как важнее подчеркнуть необходимость рассмотрения феномена юбилеев в составе воображаемого «мемориального поля» того или иного исторического события – такого поля, которое объемлет, в равной мере, и модусы восприятия этого события в повседневности (невыделенность из «общего массива» прошлого, забвение, разные степени припоминания, включенность в разряд «памятных дат») больших и малых групп, и способы его актуализации во время «промежуточных» праздников, торжеств (годовщин) или более масштабных юбилеев, и параметры пролонгации последних в сферу рутинных воспоминаний о некогда случившихся коммеморативных актах. В данном плане юбилеи напоминают нам своеобразные сгустки мемориальных «проекций», образующиеся при желании наделять особыми историческими смыслами значительные, протяженные зоны пространства повседневности, сообщить черты яркости (тоталитарной «про-свещенности»?) максимальному кругу обыденных явлений – явлений, подчас откровенно враждебных телеологическим (и, разумеется, мемориальным) основаниям социального строительства и прожектерства. Если бы нас попросили припомнить какой-нибудь осязаемый образ, который олицетворяет суть этого противоречия, таким символом, без сомнения, стал бы *металлический* рубль с портретом Ленина, выпущенный в честь 100-летия со дня рождения революционного лидера и, подобно ленинским изображениям на бумажных купюрах («Уберите Ленина с денег!»), но, все-таки, с несколько большей силой легитимировавший самую «неприглядную» сторону повседневной жизни в обществе строителей ком-

мунизма – «железное» сохранение денежных отношений. Юбилеи, рассматриваемые в качестве особой разновидности коммеморативных процедур, – это, прежде всего, *про*-явления мемориальной бестактности, нарушения устоявшихся границ между высоким и низким, достопамятным и обыденным. Как всякого рода смещения смыслов они всегда будут потенциально смешны, как объекты беспощадной исторической деконструкции – мало *про*-зрачны и смутны.

С учетом именно этого подхода к определению роли исторических юбилеев, нам и хотелось бы взглянуть на мнения, высказывавшиеся и высказываемые «экспертами» и неспециалистами относительно юбилейных торжеств, которые посвящены 1612 г. (и шире – «окончанию Смуты» начала XVII века), на разных этапах истории Отечества, включая современность. Взглянуть, как водится, на фоне иных юбилейных торжеств. Насколько, однако, соотносим предлагаемый взгляд с существующими в профессиональном историческом сообществе стандартами осмысления юбилеев? Моделируя выше более-менее широкий вопросник, мы отнюдь не планировали с головой окунуться в «полноценный историографический анализ» десятков или даже сотен исследований, так или иначе соотносимых с высвеченной проблематикой. Может быть, данная задача и будет посилой для какого-нибудь академического учреждения или участников крупной международной конференции, но в рамках работы, написанной вдали от больших библиотек и архивов, она явно неподъемна. Гораздо полезнее, по мнению авторов, сосредоточиться на выявлении своего рода проблемных зон, возникающих при попытках исследовать юбилейную топику.

Стоит заметить, что при всей необъятности публикаций по проблемам культурной памяти, профессиональных работ, которые бы всерьез обеспечивали трансформацию «юбилееведческих» штудий в отдельное направление исторических исследований, в нашей стране за последние годы появилось относительно немного. Обсудить тематические, классифицирующие стандарты наиболее интересных текстов, с которыми приходилось сталкиваться в последнее время, – вот скромная задача, стоящая перед авторами. Мы намеренно отступаем от множества несомненных достоинств характеризуемых ниже работ, заостряя внимание на самых спорных моментах. И, разумеется, просим извинения у коллег за те сентенции и вопросы, которые покажутся слишком резкими: критиковать всегда легче, нежели обобщать, а давать ответы – сложнее, чем спрашивать.

Первой из работ, которые однозначно привлекают внимание в связи с проблемами исторической рефлексии по поводу роли юбилеев, является книга Г.А. Бордюгова «Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти»², вышедшая в 2010 г. Представляя собой публикацию в серии «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ», этот труд, безусловно, относится к разряду добротных и содержательных попыток анализа юбилейной темы применительно к истории советского и российского общества. Как следует из предисловия, автор вполне разделяет противопоставле-

ние истории и памяти в духе знаменитого тезиса П. Нора³ Рассматривая мемориальные проекты лишь в качестве «отраженной в реалиях минувшего конъюнктуры настоящего», Г.А. Бордюгов обращается к истории осмысления и празднования юбилейных дат, связанных с Октябрьской революцией, биографией Сталина, победой в ВОВ. В каждом из трех случаев автор представляет своеобразные срезы памяти общества об Октябре, Сталине и Победе – срезы, маркированные юбилейными торжествами по истечении 10-летних циклов. Эффект такого рода методики как будто бы налицо: даже читатель, неискушенный в теории культурной памяти и перипетиях мемориальной политики, сталкиваясь с последовательным, пошаговым рассмотрением мутаций коллективных представлений о прошлом, проникается критическим настроением по отношению к его образам, утверждаемых в рамках официальных коммеморативных проектов.

Что принципиально нового, однако, сообщает книга о времени юбилея, как символическом пространстве, в котором линии «традиционных» мемориальных проектов, предельно искривляются, обретают заворачивающе гротескные формы? Какими особыми средствами, недоступными в рамках иных коммеморативных процедур, достигается парадоксальное смешение в юбилейном «локусе» прошлого, настоящего и будущего? Каковы те пределы театрализации, помпезности, вычурности, достигнув которых юбилей начинает восприниматься в качестве опасности для памяти сообщества (становиться объектом исторической критики, иронического острашения или, напротив, сознательного умолчания)? И, главное, необходимо ли, вслед за автором «Культы юбилеев», делать ставку на существование неких обособленных юбилейных циклов («октябрьского», «сталинского», «победного»), проходящих стадии становления, развития и упадка? Циклов, добавим мы, несомненно, взаимодействующих между собой (в «Культе юбилеев» прекрасно демонстрируется связующая роль сталинского образа в деле трансляции мифов об Октябре и Победе), но при этом остающихся лишь двухмерными фигурами на размеченной одинаковыми отрезками плоскости. Не уместнее ли выдвинуть на первый план не «тематический» (так и хочется сказать «сериальный»), но структурно-функциональный критерий, очерчивая юбилейное пространство «периода индустриализации», «военных лет», «послевоенного десятилетия», «оттепели», «застоя» и т. п., поставив целью выявление своего рода вспышек «юбилейной болезни», связанных с масштабными (ли?) социо-культурными движениями, а, следовательно, и абрис этапов своеобразного охлаждения интереса к данной разновидности (или интенсивности) коммемораций?

В этой связи еще одним важным ориентиром могут послужить статьи К.Н. Цимбаева «Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX – начала XX вв.»⁴ и «Православная церковь и государственные юбилеи императорской России»⁵, увидевшие свет в 2005 г. Автор объясняет смысл «юбилейной лихорадки», охватившей Россию с 80-х гг. XIX в. и особенно усилившейся в начале XX столетия, необходимостью преодоления об-

ществом тех шоковых последствий, которые влекла за собой внутри- и внешнеполитическая нестабильность Российской империи. Именно в указанный период, как подчеркивает К.Н. Цимбаев, «совершается отход от традиционной трактовки термина «юбилей» как числа кратного пятидесяти (в исключительных случаях – двадцати пяти) годам», и «в конце 1900-х и особенно в 1910-е годы термин «юбилей» обесценивался так быстро, что уже в 1914 г. стало возможным говорить о двухлетнем юбилее»⁶. Данные выводы, добавим мы, как будто бы заостряют активно обсуждаемый современными историками вопрос об историчности понятий, задействуемых российским (и не только) обществом Нового времени в процессе переустройства темпоральной картины мира на стыке эпох. Немаловажной, хотя и не вполне удачной, представляется также попытка автора разграничить понятия юбилея и праздника: основным различием между ними К.Н. Цимбаеву видится то, что юбилеи, в противоположность ежегодным праздникам, «заставляют выстраивать историческую перспективу, создают некую линию исторического развития, протягивая нить не только от прошлого к настоящему, а и к будущему»⁷. Заметим здесь, во-первых, что примерно таким же образом принято отделять друг от друга, собственно, пространство праздника и повседневности, а, во-вторых, то, что *ежегодный праздник* совсем не обязательно выступает синонимом *годовщины*: торжественная встреча последней, как и юбилей, может не быть праздничной акцией в привычном для всех понимании. Тем не менее, остается крайне полезным сам кадр размышлений о корреляции «юбилеямани» с переустройством образов времени. Множественность юбилеев в данной связи способна оборачиваться чрезвычайным разнообразием проектов прошлого и будущего, маркировать своего рода «временные вывихи» общественного сознания, периоды «починки» или «апгрейда» социумом собственной «темпоральной оптики». Станным здесь, однако, кажется то, что, осознавая в целом принципиальное значение вихря юбилеев для выявления трансформаций культурной памяти, К.Н. Цимбаев не ставит в обсуждаемых текстах вопрос об отношении к «юбилеямани» российского профессионально-исторического сообщества конца XIX – начала XX вв., которое, если нам не изменяет память, заявляет о себе, как феномене общеевропейского и мирового масштаба, именно в этот период. Насколько востребованным оказывалось мнение данной части социума в разгар юбилейного «выстраивания исторических перспектив», понять сложно.

Вопрос об отношении историков к юбилейным торжествам по-своему неплохо раскрыт в диссертационном исследовании А.И. Буслаева «Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом» (2010)⁸. Но можем ли мы поставить такого рода «штучные», нагруженные признаками «эпохальности» мемориальные проекты на одну доску с юбилеями, посвященными относительно недавним событиям? Что бы ни говорилось выше о юбилейной экспансии в зону повседневности, последняя будет тем податливее этому вторжению, чем более «внезапным», редким, лишенным «дурной»

серийности явлением предстанет *стихия* юбилея. Разве не к ощущению редкости, уникальности разворачивающегося коммеморативного спектакля апеллируют всякий раз организаторы 300-, 500-, 1000-летних юбилеев? И разве не уместнее, «резоннее» в случае такого рода торжеств выглядит высказывание историками своего «решающего» мнения?

Вообще, проблема соотношения взятого тем или иным обществом курса на «большие юбилеи», юбилейные волны (и войны!) с позициями «экспертов по прошлому» – довольно интересна и деликатна. Исходя из бытующей в современной научной традиции точки зрения о существовании более-менее устойчивой границы между «живой» («коммуникативной») и, собственно, культурной памятью группы (эта разновидность коллективной памяти выкристаллизовывается обычно спустя 80–100 лет после завершения событий, являющихся предметом воспоминаний, и подлежит ведению «знатоков», «хранителей традиции» и т. д.), мы предполагаем, что мнения профессиональных историков по поводу явлений, укладываемых в данную временную нишу, не наделены для других членов сообщества *никакой особой ценностью*. Никакой особой ценностью – в том смысле, что комментировать эти явления с равной вероятностью успеха (или обвинений в конъюнктурности, ангажированности) могут любые иные представители «интеллектуальной элиты» (будь то антропологи, политологи, экономисты, социологи и т. д.), средств массовой информации, да и просто «широко образованные люди с активной жизненной позицией». Здесь, конечно же, необходимы самые разные оговорки. Нужно учитывать очевидное «уплотнение» в последние десятилетия «исторического времени», ускорение темпов развития, постоянно раскрываемые (за счет крайней неоднородности социокультурных процессов и соответствующих разрывов в темпоральной картине мира современников) возможности обнаруживать «прошлое» («радикально иное», «удивительное» и т. п.) в относительно недавних событиях. Следует «выводить из под удара» специалистов по дальнему зарубежью (современная история Никарагуа – чем не *жизнь других?*), «первооткрывателей» рассекреченных и не очень архивных фондов (власть фактам!), «выдающихся генерализаторов» (они еще остались?), да мало ли кого еще, – но, в целом, область высказываний о событиях и процессах, охватываемых живой памятью группы, принципиально открыта для влияний и вбросов мемориальных инициатив / стратегий извне. Ситуация меняется лишь по мере приближения к обозначенной выше отметке, «позитивные» для историков изменения в отборе воспоминаний (и «экспертов»!) становятся ощутимыми примерно в середине пути, т. е. спустя 40–50 лет. В коммеморативных проектах, связанных с менее удаленными историческими вехами, специалисты-историки, при наилучшем раскладе, выступают лишь первыми среди равных. По крайней мере, пока...

Из вышесказанного вовсе не следует, что мемориальные затеи, соотносимые с тем прошлым, которое подлежит ведению профессиональных специалистов, свободны от мифотворчества, «фальсификаций» и прочих проявлений недобросовестной исторической политики. Скорее, даже наоборот. Речь

идет лишь о том, что в отношении удаленных за рамки «живой памяти» сюжетов позиция историков может быть с большими основаниями объективирована, отделена от суждений иных заинтересованных лиц⁹. В рефлексии историков по поводу 20-летия августовского путча 1991 г. слабо различимы черты *иного разговора об Ином*. Нетривиальность мемориального повода обосновывается исходя из понятных (пусть и не общепринятых) критериев, формулирование которых не является уделом историков, не есть результат соприкосновения последних с настоящим «мертвым» прошлым.

Размышления, касающиеся обесценивания позиций историков по мере приближения того или иного мемориального повода к сфере «живой памяти», по большому счету, необходимы нам, чтобы более-менее адекватно представлять отличия «юбилеев вообще» от *исторических юбилеев*. Сущность последних должна определяться исходя не только из абстрактной соотнесенности с прошлым (с ним соотносим бесконечно широкий спектр явлений), но и в обязательной связи со значимостью (инаковостью, необычностью) мнения историков. Другими словами, «подлинно исторический юбилей» есть такое посягательство на сферу повседневности, которое влечет за собой открытие сообществом фигуры историка. На практике речь чаще всего идет именно о юбилеях, поводом к которым служат события, вытесненные из зоны «живой памяти», отстоящие от современности на срок жизни трех и более поколений, связанные с важнейшими для сообщества проблемами религиозной, национальной, цивилизационной идентичности. Рассматривать их в едином ключе с юбилеями, посвященными событиям из зоны «живой памяти» довольно сложно. Вместе с тем, именно по отношению к ним уместнее ставить вопрос о степени опосредованности мемориальных интенций власти и общества мнением нашей корпорации. Именно здесь ютится возможность, сохранив хоть какое-то подобие профессиональной дистанцированности, более-менее осмысленно подойти к диалогу общества, политических элит и историков, внести лепту в обсуждение соотнесенности историописания с социальным и государственным заказом на разных этапах развития общества. Наш интерес к долгой истории «мемориального поля», сформировавшегося вокруг событий Смутного времени, определен, в конечном счете, и такой логикой.

Заострение фокуса внимания на высказываниях историков разных эпох требует, впрочем, и оговорок противоположного толка. Хотя авторы не слишком жаждут поступаться верой в продолжающееся существование историографической традиции, нам кажется непродуктивным в той части разговора, которая касается последних двадцати лет, выстраивать обсуждение исключительно вокруг письменных текстов, выдержанных в научно-академическом ключе и опубликованных в соответствующего рода издательствах. Историки сегодня не только пишут статьи и книги, но ведут блоги, общаются в социальных сетях, дают пространные интервью, активно дискутируют в телевизионном эфире и т. д. Проходить мимо многообразия медийных и дисциплинарных ситуаций, в контексте которых при участии историков поднимается и обсуждается проблематика юбилейных дат, становится

непродуктивным¹⁰. Указать на собственную заинтересованность в мемориальном разогреве общества, на обстоятельства «нетекстового» взаимодействия историков с представителями власти – не значит ли, в конечном счете, усилить критический заряд и востребованность «традиционного историографического дискурса»?

Память о Смуте и юбилеи событий начала XVII столетия:
размышления о судьбах «одного» «главного» «праздника»
накануне десятилетия коммемораций

XVII век – это столетие «отдания праздника» Смуты. Политический курс первых Романовых на ликвидацию ее последствий требовал больших затрат и жертв со стороны общества, а потому ответом были восстания и масштабные социальные движения. Романовы были озабочены легитимацией своей недавно обретенной власти в условиях, когда в народе за два первых десятилетия XVII в. укрепились антицаристские настроения. В основе легитимации, как несложно догадаться, лежала идея Божественного провидения, приведшего Михаила Федоровича на трон в 1613 г. Влиянием этой идеи объясняется актуализация праздничной даты 22 октября (связанного с почитанием иконы Казанской Божьей Матери) как ключевого дня в деле преодоления Смуты¹¹.

При необходимости обоснования прав на престол поднимать на щит торговца мясом и земского старосту Минина, сыгравшего первостепенную роль в возведении новой династии, было бы довольно опасно. Быстрому забвению народной инициативы в 1611 г. способствовал относительно быстрый уход из жизни и самого Кузьмы Минина (1616 г.), и его бездетного сына Нефедя (1632 г.), которого, впрочем, достаточно быстро включили в «обойму» дворцовой элиты (он был «стряпчим с платьем», занимал присутственные должности на двух свадьбах Михаила Романова). После смерти вдовы Кузьмы Минина (матери Нефедя) все земельные пожалования Мининым перешли в руки князей Черкасских, а позже – к Шереметевым¹². Пресекались и роды возможных родственников Кузьмы Минина. Поэтому людей, заинтересованных в сохранении памяти о роде Мининых, в XVII в. не осталось.

Заметим, что до настоящего времени в ученой среде из-за дефицита источников нет единства мнений о месте погребения Минина. Уже в XIX в. получили распространение две версии: 1) Кузьма Минин был похоронен около кафедрального Спасо-Преображенского собора и лишь в 1672 г. его прах был перенесен в новое здание храма; 2) Минин изначально был погребен в Спасо-Преображенском соборе, и при всех перестройках здания прах народного героя аккуратно там перезахоранивался. В конце 1794 г. посетивший Нижний Новгород Н. Ильинский долго не мог найти могилы Минина в Спасо-Преображенском соборе. Возмущение гостя, вскоре ставшего первым биографом

Минина¹³, подтолкнуло московское купечество, церковное начальство и власти Нижнего Новгорода оформить надлежащим образом погребение, отождествляемое с могилой Минина¹⁴.

Невнимание к месту памяти о Минине в XVIII в. крайне показательное. Показательно и то, что в Нижнем Новгороде конца XVII в. сам мининский подвиг был позабыт. В *Полной редакции* Нижегородского летописца (1680-е гг.)¹⁵ и в последующих редакциях, читается такое сведение: «В лето 7120 году. В Нижней Новгород пришел князь Димитрии Михайлович Пожарской, и в Нижнем нижегородские жители, всяких чинов люди, выбрали нижегородца посацкого человека добра Козму Минина в полк ко князю Димитрию Михайловичу Пожарскому»¹⁶. Чем объяснить стремление нижегородского Нестора не давать пальму первенства «спасения отчизны» земляку? Возможно, проявлением «народной» инициативы в сборе денег. Упоминание о ней в последней трети XVII в., – когда четко обозначился вектор усиления российской монархии, когда власти только-только перевели дыхание после крупных городских восстаний, когда был сбит первый, и самый опасный, всплеск массового сопротивления церковной реформе, когда был потушен пожар «Разинщины», а стрелецкие полки могли влиять на судьбы царского престола, – было политически опасным и непродуманным. Поэтому, вероятно, в Нижегородском летописце на первое место в деле организации ополчения поставлен князь Дмитрий Пожарский¹⁷.

Чем объяснить возобновление славы Минина и Ополчения в царствование Екатерины II? Скорее всего, лишь прозаичным стремлением отдельных подданных Российской империи получить льготы и преференции в торговой и промышленной деятельности. Во второй половине XVIII в. отмечаются вполне себе корыстные попытки отдельных мещан и купцов Российской империи приобщиться к памяти Минина. Корыстные, так как податели прошений и заявлений со сведениями о родстве с Кузьмой Мининым, желали получить те или иные преференции, льготы или субсидии.

Новый виток почитания Минина и Пожарского пришелся на время после Отечественной войны 1812 г. Культ народной войны вызвал к жизни античные образы Минина и Пожарского в монументе на Красной площади в Москве (скульптор И.П. Мартос), обелиск в Нижегородском кремле (скульптор А.И. Мельников). Но ведь изначально в основе замысла памятника И.П. Мартоса лежала другая идея – готовившийся в 1803–1809 гг. юбилей 200-летия правившей династии Романовых. Именно тогда появился рисунок Г.И. Угрюмова «Минин взывает к князю Пожарскому о спасении Отечества». Рисунок интересен тем, что выполнен в классицистической манере (фигуры облачены в античные одежды), на нем «изображен тот же момент, что и в окончательном варианте Мартоса»¹⁸. Примечательно здесь то обстоятельство, что памятник Мартоса является мемориалом несостоявшемуся в 1813 г. 200-летию юбилею династии. Состояться данному коммеморативному проекту в начале XIX в. не позволили Отечественная война и Заграничный поход, а «пышный юбилей» 1913 г. был дискредитирован провалом в Первой миро-

вой войне и полностью аннигилирован агрессивной исторической политикой Советской власти. В данном случае, однако, важно именно то, что мотив несостоявшегося юбилейного праздника в его формальной оболочке был впитан праздником победы над Наполеоном. Идея народного движения, избавившего страну от интервентов и, тем самым, утвердившего новую монархию, с некоторыми метаморфозами передавалась в монументе Мартоса. Теперь народный подвиг, неотъемлемой частью которого стали ополчения, также был связан с тем, что армия Наполеона была вынуждена убраться с территории России, а порядок и династия были сохранены.

Еще один вектор прославления подвига 1612 г. в царствование Екатерины II был связан с культом Петра I. В конце XVIII в. в труде одного из первых историков царствования Петра I – И.И. Голикова – появляется информация о том, что Петр I, посетив в 1722 г. Нижний Новгород и его кафедральный Спасо-Преображенский собор, «благоволил спросить, в котором месте церкви погребен Козьма Минин; и когда Его Величеству место оное показано, тогда сей Великий Государь, знающий прямую цену заслуг, поклонился месту оному до земли, сказав: на сем месте погребен свободитель и избавитель России. Что можно больше сего придать к славе его? Истинна сего происшествия в Нижнем Новгороде от отцов детям преподается и поныне»¹⁹. В последующих текстах, посвященных данному сюжету, была добавлена информация о сожалении царя по поводу того, что из мининского потомства в живых никого не осталось²⁰. Исследования показали, что в основе такого рассказа лежали сведения, исходившие из нижегородской церковной среды. Сведения эти нельзя пока ни подтвердить, ни опровергнуть в рамках источниковедческой критики. Как установил А.В. Морохин, сцена поклонения Петра I праху Минина быстро вошла в исторические и просветительские тексты рубежа XVIII–XIX вв. Однако пережить подлинный апогей этой сцене будет суждено в 1830–1840-е гг. Пик ее востребованности придется на визит Николая I в Нижний Новгород (1834 г.). Для этого царя Петр I, как известно, был несомненным авторитетом. Николай I стремился подражать своему пращуру, и на данном обстоятельстве, по-видимому, попытался сыграть П.И. Мельников-Печерский – человек, желавший получить высшую поддержку своим изысканиям в области нижегородской истории.

Задержимся на обстоятельствах визитов Николая I в Нижний Новгород. Царь тогда посетил только что построенный (взамен обветшавшего) Спасо-Преображенский собор и «изволил спускаться в склеп», в котором находилось погребение Минина. Еще в 1815 г. стараниями епископа Моисея над захоронением были установлены три чугунные доски с описанием «значения Нижнего и Минина», список со знамени Пожарского и 5 знамен нижегородского ополчения 1812 года. Когда в 1836 г. Николай I вторично приехал в Нижний Новгород, он встречался с нижегородским городским главой, купцом Ф.П. Переплетчиковым – встречался как с представителем «купцов... и сограждан знаменитейшего из этого сословия Козьмы Минина». Известно, кстати, и то, что Ф.П. Переплетчиков занимался разысканием потомков Минина²¹.

Визиты Николая I в Нижний Новгород подогрели «мининские» изыскания П.И. Мельникова-Печерского. Губернские власти поручили ему найти потомков Минина, поскольку царь, поклонившийся могиле Минина, спросил о его родственниках. Так, по крайней мере, можно заключить из Автобиографии П.И. Мельникова. Однако, как указывалось выше, интерес к потомкам Минина ранее приписывался и Петру I. Потомков Минина в XIX в. найти не удалось, зато в нижегородской среде появился знаменательный текст о визите Петра I к праху Минина 30 мая 1722 г. Этот рассказ был создан в 1845 г. учеником П.И. Мельникова-Печерского – С.В. Ешевским, будущим крупным историком и одноклассником еще одного историка-академика К.Н. Бестужева-Рюмина. После публичного зачитывания доклада С.В. Ешевского его текст был опубликован в «Нижегородских губернских ведомостях», которые редактировал все тот же П.И. Мельников. Уже после скорой смерти С.В. Ешевского П.И. Мельников много сделал для того, чтобы ученическое исследование стало достоянием нижегородцев и российской публики²². Благодаря стараниям его и А.С. Гациского, мемориальная традиция обогатилась знакомым (и цельным!) сюжетом, связывающим Минина, который способствовал воцарению Романовых, и Петра I, который стал преобразителем России и основателем империи. Связующим локусом данной фигуры памяти стал Нижний Новгород – место происхождения Минина, возникновения народного Ополчения, пребывания первого императора. Показательно, что С.В. Ешевским (П.И. Мельниковым – ?) в характеризующем тексте сопрягались два юбилея: *50-летие Петра I* и *500-летие Нижнего Новгорода* (хотя город был основан в 1221 г.)²³. Такая связка служила, очевидно, дополнительным удостоверяющим элементом для всего рассказа о поклонении Петра I мининскому праху²⁴.

В 1849 г. в Спасо-Преображенском соборе подвальная усыпальница Минина была перестроена в трехпрестольный храм, главный алтарь которого был посвящен Казанской Божией Матери, а южный и северный алтари соответственно – Димитрию Мироточивому и Козьме и Дамиану. Так в Нижнем Новгороде XIX в. «вспоминались» главные участники Ополчения 1611–1612 гг. В дни, когда отмечалась память перечисленных святых (26 октября и 1 ноября по юлианскому календарю), особо торжественно совершались поминовения по князю Пожарскому и Минину.

Можно полагать, что именно ко второй половине XIX в. Нижний Новгород обзавелся мемориальным комплексом, имевшим всероссийскую известность и соотносенным с идеологией самодержавия. Такая соотношенность влекла за собой весьма прогнозируемые последствия: к примеру, в первое десятилетие XX в. имя Козьмы Минина носила нижегородская черносотенная газета. В целом же, Минину суждено было стать своеобразным историко-культурным брендом Нижнего Новгорода, наряду с фигурой основателя города – князем Георгием (Юрием) Всеволодовичем. В 1889 г. широким всероссийским празднованием 700-летнего юбилея этого князя заявила о себе сформированная чуть ранее (в 1887 г.) Нижегородская губернская ученая архивная комиссия. Вслед за этим юбилеем, как вспоминал в 1912 г. А.Я. Садовский, речь

зашла и о подготовке 300-летнего юбилея ополчения: «Нижегородская архивная комиссия уже в следующем заседании 11 апреля 1889 г., рассматривает вопрос о настоящем праздновании. Самая идея празднования была предложена первым Председателем Комиссии Александром Серафимовичем Гацисским, избравшим для этого 22 октября 1912 г. – день очищения Московского Кремля от поляков». «Многих из нас в 1912 году, конечно, не будет, говорил Александр Серафимович, тем с большим жаром должны мы подготовить людям 1912 года почву для достойного чествования величайшей, главнейшей во всей русской истории эпохи 1612 года, когда за дело спасения страны путем крепкого совета и соединения взялась чистая половина страны, последние люди Московского государства, коренные основные люди, в виде Сироты народа»²⁵.

В этом свидетельстве обращают на себя внимание почти непрерывная связь продуцируемых юбилеев основания города и создания там ополчения, выбор даты праздника – 22 октября – и признание 1612 г. *главнейшей эпохой «всей русской истории»*. На самом деле, Московский кремль был освобожден от поляков позже, а 22 октября ополченцы взяли Китай-город. 1612 год и в конце XIX в. можно было признать главнейшей датой отечественной истории, если мыслить ее как путь к воцарению Романовых.

Позже было решено всероссийские празднества 1912 г. перенести в Москву, а Нижнему Новгороду была отдана для празднования дата 25 августа 1911 г. – 300-летие прибытия в Нижний Новгород грамоты патриарха Гермогена, давшей толчок созданию Ополчения. Оказавшись связанными между собой юбилеи 1911 г. и 1912 г., были ознаменованы публичной лекцией С.Ф. Платонова в Нижнем Новгороде²⁶, изданием сборника документов по истории Смутного времени – совместного проекта нижегородских архивистов и академических ученых, возглавляемых С.Ф. Платоновым²⁷, – публикацией ряда брошюр и сочинений популярного характера. Эти торжества, прежде всего для историков, остаются ярким юбилейным «воспоминанием» о преодолении Смуты, поскольку связаны с усилиями коллег по подготовке этого праздника в виде научных изданий.

Юбилеи 300-летия прибытия грамоты Гермогена в Нижний Новгород и освобождения Москвы заслонены в современном восприятии более пышными юбилеями начала XX в., связанные со Смутным временем, – 300-летием освобождения Троице-Сергиевой лавры от осады поляков (1910 г.), 300-летием смерти патриарха Гермогена (1612 г.), 300-летием династии Романовых (1913 г.). Именно в 1613 году Николай II совершил вояж по городам, сыгравшим важную роль в воцарении Михаила Романова, – включая Ярославль, Кострому (с которой связывался образ Ивана Сусанина), Нижний Новгород, где было открыто здание банка с высокохудожественным декором (остающееся и поныне памятником тому юбилею), а 17 мая произведена закладка памятника Минину)²⁸. Эти празднества были порождены либо императорской средой, либо церковной и приобретали отчетливо официальный характер. Казенный характер помпезного празднования юбилея династии

в глазах будущих поколений был компенсирован добротным вкладом историков – пятитомным изданием «Три века» (впрочем, забытым до перепубликации в 1990-е гг.)²⁹. Еще одной причиной забвения династического юбилея стало крушение монархии. Подобные предпосылки «выветривания» из мемориального поля череды юбилеев были и у векового юбилея 1812 г. (ставшего своеобразной репетицией к юбилею воцарения Романовых) – грядущие неоднозначные действия русской армии в принципиально новой войне (которую, кстати, под влиянием недавнего юбилея, попытались окрестить Второй Отечественной) и свежая память о морально тяжелом поражении в русско-японской войне.

Первая мировая война обусловила желание историков и встречный заказ со стороны властей воскресить образы прошлого для консолидации армии и тыла, общества в целом. Удобным в этом оказались многие фигуры, прежде всего, Александр Невский, но свою роль сыграли и юбилеи. В мае 1916 г. в Нижний Новгород съехались крупные историки и ряд высокопоставленных чиновников, дабы почтить день кончины Кузьмы Минина. В речи профессора А.А. Кизеветтера ощущалось горячее дыхание войны в союзе с Англией и Францией³⁰. А.А. Кизеветтер, формулируя типы национальных героев, на одну доску поставил Минина и Жанну д'Арк, реанимировав идею Н.И. Храмцовского середины XIX столетия.

Все это вскоре оказалось перечеркнуто революционными событиями и установлением Советской власти. В трудном 1921 г. в Нижнем Новгороде по инициативе еще живших энтузиастов-архивистов было проведено празднование 700-летней годовщины основания города. Воспоминания о прошлом, в том числе о Минине, были сведены к *minimum minimorum*, но присутствовавшие говорили о социально-экономических и политических аспектах бытия полиса в начале 1920-х гг.

Историки в трудных для себя условиях наступления школы М.Н. Покровского либо отстаивали прежние, не раздражавшие власть юбилеи, либо конструировали новые памятные даты. Примером первого служат «воспоминания» об открытии Академии Наук в 1725 г., второго – 100-летие восстания декабристов. Ученым-историкам надо было вернуть общественно-политическую востребованность. Поэтому А.Е. Пресняков, С.Н. Чернов занялись исследованиями восстания декабристов и истории освободительного движения в России XIX в. Многие образы героев и их деяний, скомпрометированные связью с дореволюционной Россией, были потеснены высказываниями о них как выразителях чуждых классовых интересов.

Почти два десятилетия героев императорской России вспоминали исключительно как провозвестников воли феодалов, купцов, буржуазии, дворянства. В частности, в Нижнем Новгороде в 1929 г. был взорван Спасо-Преображенский собор – усыпальница нижегородских князей, Минина и членов его семьи.

Реабилитация некоторых из тех исторических деятелей, кого до 1917 г. в России считали положительными героями, начнется после разгрома школы М.Н. Покровского, во время написания учебников по истории для школы

и вузов. «Важнейшим из искусств» в этом деле стало, естественно, кино. Фильмы об Александре Невском, Минине и Пожарском, Кутузове и Суворове определяют появление данных правителей и полководцев в военных речах И.В. Сталина.

С 700-летием празднования Ледового побоища полного юбилея не получилось – мешали обстоятельства оккупации территорий Псковщины и Новгородчины. К образам Минина и Пожарского судьба была более благосклонна. На родине первого в 1942 г. произошло переименование центральной площади города – Советской (!) – в площадь Минина и Пожарского (в обыденной речи остающуюся именно «площадью Минина»), а прилегающей улицы (Университетской) – в улицу Минина. Осенью 1943 г. на площади Минина земскому старосте будет установлен памятник (скульптор А.И. Колобов). В том же году в Горьковском педагогическом институте выйдет сборник «Великое дело Минина и Пожарского» (его начали формировать еще во второй половине 1930-х гг.). После войны (1955 г.) на углу площади и улицы Минина будет установлен еще и бюст в его честь (скульптор А.В. Кикин). В 1962 г. – в ознаменование 350-летия подвига Ополчения – в г. Горьком произошло торжественное перезахоронение останков, приписываемых Минину и переданных из областного краеведческого музея. Прах был погребен на территории Нижегородского кремля, в Михаило-Архангельском соборе – памятнике архитектуры XVII в., одной из немногих церковных построек, которые уцелели в советское время. Одновременно была проведена музеефикация погребения. В 1989 г. памятник Минину на одноименной площади будет заменен скульптурой О.К. Комова.

Следующие шаги в развитии мемориальных мероприятий в связи с Мининским были сделаны в 1990-е гг. В 1991 г. горьковским (нижегородским) историком В.П. Макарихиным (1946–2003) была защищена докторская диссертация, посвященная, помимо прочего, деятельности НГУАК. Последующие события распада советской государственности, ситуация социокультурного хаоса подтолкнули Макарихина и его единомышленников поднять на щит мининскую тему, которая некогда находилась в центре внимания сотрудников НГУАК. В рамках этой деятельности примечательны инициативы В.П. Макарихина по мемориализации Минина и Ополчения. Именно он предложил губернатору Нижегородской области И.П. Склярову ввести в Нижегородской области День Памяти Нижегородского Ополчения – 4 ноября и День Кузьмы Минина – 30 мая. Даты этих праздников были высчитаны неправильно – исходя из соотношения григорианского и юлианского календарей в XX в., то есть, неверно по отношению к времяисчислению XVII столетия. 4 ноября было неверно высчитано В.П. Макарихиным по дате 22 октября по старому стилю, взятой из документов НГУАК. Предложения В.П. Макарихина были развиты Фондом Минина и Пожарского, используя средства которого, при поддержке областных властей, на Ивановской башне кремля был в 2001 г. водружен бронзовый барельеф, посвященный Ополчению и гласящий: «В 1612 году через эти ворота вышло Нижегородское ополчение на спасение

веры и Отечества». Согласно устоявшемуся мнению в нижегородском краеведении, вблизи Ивановской башни Минин обращался к нижегородцам, от нее же выступали в путь воины, которым суждено было освободить Москву. Когда И.П. Скляров уже покинул пост губернатора, но оставался влиятельной фигурой в областных политических кругах, он инициировал «возвращение» в 2005 г. памятника Мартоса (т. е. его копии, выполненной небезызвестным Зурабом Церетели) в Нижний Новгород. Памятник был установлен на Ивановском спуске рядом с одноименной башней. Так завершилось оформление в Нижнем Новгороде мемориального пространства, связанного с Мининым и Ополчением. Показательно, что мероприятия по переносу памятника сопровождались речами о приближающемся юбилее, ожидания которого подогревало и введение праздника Национального единства. Кстати, из рассказа В.П. Макарихина одному из авторов этих строк известно, что нижегородский губернатор И.П. Скляров в свое время обращался к Президенту РФ (видимо, еще к Б.Н. Ельцину) с предложением сделать 4 ноября общероссийским праздником. Инициатива не получила развития, но была востребована позже.

Важным средством в реализации замысла В.П. Макарихина стали им организованные конференция и сборник «Мининские чтения». В 1991 г. историк организовал и провел конференцию по истории Отечества – «Нижегородские чтения». Конференция была приурочена к 770-летию основания Нижнего Новгорода и к 380-летию созыва ополчения К. Мининым и Дм. Пожарским. В.П. Макарихин апеллировал к тем хронологическим меткам в прошлом Нижегородчины, которые до 1917 г. успешно разворачивались в большие мемориальные проекты. Поэтому инициатива нижегородского историка была «обречена на успех»³¹.

К началу 2000-х гг. вовсю набирал обороты поиск замены празднику 7 ноября. Логичным казалось сделать из главного советского праздника день национального примирения, нагрузив его дополнительной символикой, связанной с Парадом 7 ноября 1941 г. Однако за этими предложениями сложно было спрятать праздничную дату, ассоциирующуюся с огромным количеством иных мемориальных проекций советского времени. Ее нельзя было просто отменить или «перекрасить», ее следовало *затмить*. В сентябре 2004 г. с инициативой отмечать 4 ноября на государственном уровне «день окончания Смутного времени» выступил Межрегиональный совет России. Идея была поддержана думским Комитетом по труду и социальной политике. 29 сентября 2004 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II поддержал инициативу. 23 ноября 2004 г. на рассмотрение Думы депутатами от «Единой России» и ЛДПР был предложен законопроект, предусматривающий внесение поправок в Трудовой кодекс РФ: отмену празднования 7 ноября – годовщины Октябрьской революции – и введение нового праздника 4 ноября. В тот же день члены Президиума Межрегионального совета России обратились к председателю Госдумы с просьбой рассмотреть заявление Совета, посвященное установлению в качестве праздничного дня даты 4 ноября. Совет поддержал инициативу введения нового праздника. 27 декабря 2004 г. проект

был принят и стал законом. 327 депутатов проголосовали «за», 104 (фракция КПРФ) – «против», двое воздержались.

Можно сказать, что нижегородская составляющая в этом движении, была весомой и значимой, но не исключительной. Все инициативы рубежа XX–XXI вв. развивались, в общем-то, на фоне осознания большинством населения (в том числе и историками) событий 1990-х гг. как своего рода «новой Смуты». Курс на политическую и общественную стабилизацию, проводившийся во время исполнения В.В. Путиным обязанностей Президента РФ, мог восприниматься как выход из этой смуты. Метафоры в данном случае могли подталкивать к созданию Праздника 4 ноября. Никуда не уходило и ожидание юбилея событий 1612 г.

Празднование окончания Смуты в связке с почитанием церковных святых в светском государстве, мягко говоря, смущает (хватает праздничной подоплеки иконы Казанской Божьей Матери) и противоречит консолидирующей функции праздника (именно в это время нижегородская мусульманская община активно стала разрабатывать версию о татарском происхождении Минина и ключевой роли служилых татар в преодолении Смуты). 2013 год как празднование воцарения Романовых обесмыслен событиями 1917 года. Отсутствие проработки хронологической сетки Смутного времени в общественном сознании чревато конфликтами разного вида при подготовке юбилея.

В 2008 г. губернатор Нижегородской области В.П. Шанцев выступил с инициативой о проведении юбилейных торжеств, связанных с преодолением Смуты, осенью 2012 г. в Нижнем Новгороде. Директором Института Российской истории РАН А.Н. Сахаровым было представлено такое обоснование этой даты, с которым не согласился ряд его коллег. Они доказывали, что Смутное время завершилось, как минимум, в 1618 г. Одновременно развернулось соперничество между отдельными субъектами Российской Федерации в борьбе за право считаться наследниками тех, кто «завершил Смуту» в 1612 г. Среди конкурирующих регионов значились Нижегородская, Ярославская, в меньшей степени Ивановская области и др. Спор, инвестиционная подоплека которого очевидна, закончился «соломоновым решением» Президента РФ: юбилейные торжества 2012 г. должны пройти в Москве. После этого дискуссия приутихла, но власти различных областей продолжают готовиться к обещанному юбилею. Кроме того, на грядущие торжества накладывается и курс на празднование юбилея 1812 г.

Тематика Смутного времени не была заслонена на Нижегородчине юбилеем 1812 г. Подобно событиям столетней давности, праздник, переведенный в Москву, заместился нижегородскими торжествами меньшего масштаба. 2011 год – год 400-летия со дня призыва Минина – Губернатором Нижегородской области В.П. Шанцевым был объявлен Годом Гражданина Минина, а в 2012 г. ко Дню Национального единства собираются приурочить торжества, связанные с памятью об Ополчении, созданном благодаря земскому старосте. Почин В.П. Шанцева был фактически отпечатан в 2011 г. на фасаде Нижего-

родского педуниверситета, которому исполнилось 100 лет. Старейшему вузу Нижнего Новгорода присвоили имя Козьмы Минина.

Эти и другие инициативы прочно связаны с разворачиванием политических транспарантов партии «Единая Россия» в преддверии выборов. Идея консолидации общества для преодоления кризиса, гражданского противостояния убедительно выводится из созданного в «нулевые годы» праздника и без упоминания исторической подоплеку совпадает с лозунгами пресловутого «Народного фронта». Отсутствие Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского на знаменах «Единой России» в 2011 г. было на руку КПРФ. Коммунисты стали разыгрывать карту Минина и Пожарского, их дела в борьбе за электорат. 16 июля 2011 г. руководством коммунистической партии было объявлено о создании «Всенародного ополчения имени К. Минина и Д. Пожарского» под лозунгом: «Вставайте, люди русские!». Этот лозунг подразумевает «возвращение власти русскому народу и другим коренным народам России»³². Предвыборный проспект, рассказывающий о целях и методах одного возвращения, снабжен изображением памятника Минину и Пожарскому. Сам лозунг – «Вставайте, люди русские!» – отсылает к известной песне из фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский». Наиболее опасные конкуренты «Единой России», как это ни странно, пытаются спекулировать на тех же самых образах, что и «партия власти».

А судьи кто? Историки на страже юбилеев

Рассмотрение истории грядущего юбилея 1612 г. показательно в плане выявления закономерностей разрастания отдельной хронологической метки и памятной даты до большого праздника в культурной памяти россиян. Средством удостоверения и легитимации этого праздника выступает как будто бы сам факт предстоящих в 2012 г. торжеств по поводу 400-летия «окончания Смуты». Вызревание данного юбилея прошло через разные периоды отечественной истории: московское Царство – императорская Россия – советский период – «смутные 1990-е гг.» – «начало нового тысячелетия». Такой «биографией» (и, что немаловажно, географией!) не могут похвастаться иные *исторические юбилеи*.

Советские хронологические метки типа Дня взятия Бастилии, Дня Геолога, Дня Медицинского работника уже в советском кинематографе зафиксированы как повод для превращения будней в праздник. Некоторые из них стали памятными датами для выстраивания групповой идентичности: День Пограничника, День ВДВ, День Военно-Морского флота и День Милиции. Нетрудно заметить, что эти памятные даты связаны с силовыми структурами, которые ныне обеспечивают сохранение государственной идентичности. А потому они имеют хотя бы опосредованную моральную поддержку со стороны вла-

стей. День милиции наиболее зримо подпитывается идеологической подоплекой еще советского праздника. Советские праздники, связанные с Днем международной женской солидарности и Днем Советской армии (и военно-морского флота) превратились в повод для демонстрации россиянами, скажем так, «гендерной идентичности»

Знаковые вехи советской истории – ее памятные даты, юбилеи которых торжественно и ритуально отмечались – либо подверглись смысловой эрозии и обесцениванию (7 ноября, 22 апреля, 30 декабря), либо замещению (День Конституции). Исключительную оговорку надо сделать для Дня Победы. Этот праздник, по словам Г.А. Бордюгова, «давно стал решающим фактором для конструктивного национального согласия, в котором нуждаются и власть, и общество», и ему 7 ноября передало «свое пафосно-праздничное содержание главного государственного праздника»³³.

Новые праздники постсоветской России, в том числе и 4 ноября, для большинства ее населения означают пока «лишь дополнительный выходной»³⁴. Вытягиваемые из прошлого России памятные даты, которые власти пытаются встроить в мемориальное поле, «заюбилееить», воспринимаются как экзотика. В этом смысле предлагаемые политической элитой праздники и юбилеи по степени эффектности кратковременного воздействия на умы и забвения подобны новинкам российского кинопроката (в том числе, посвященным событиям истории России). Вначале идет шумная рекламная «раскрутка», подогревающая ожидания, потом премьера, как правило, не оправдывающая надежд публики, и спад.

В качестве характерного примера можно привести проект «Имя России», стартовавший в июне и завершившийся в декабре 2008 г. «победой» Александра Невского. Данный проект стал репликой британского и украинского публичных мероприятий «Сто великих...». Отметим также, что еще 1 мая 2008 г. в российский кинопрокат вышел фильм «Александр. Невская битва». Его рабочее название – «Александр Невский» – прямо связывается с популярным телешоу (хотя режиссер фильма Игорь Каленов заявлял о реализации своей юношеской мечты увековечить в кинокартине Александра Ярославича). Высшей точкой действия, как известно, стало не само определение имени России, а празднование победы Александра Невского в сентябре 2009 г. Удачей нижегородских областных властей стало «притягивание» праздника к своей «земле». Хотя торжества проходили в Москве, Новгороде, Пскове, Переславле-Залесском³⁵, Владимире и др. городах, Нижегородская область оказалась самой раскрученной «мемориальной площадкой», которая связывается с Александром Невским, несмотря на то, что ранее она никогда таковой не была.

Это во многом произошло благодаря визиту и коллективной «проповеди» патриарха Кирилла во Дворце Спорта 12 сентября 2009 г. Вряд ли данное событие можно считать совпадением, поскольку в Нижнем Новгороде и области с начала 2009 г. уже велась подготовка к этому действу. На время она даже снизила интенсивность организации юбилейных торжеств 2012 года. Именно

в 2009 г. Президент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Председатель Общественной Палаты Нижегородской области, профессор Р.Г. Стронгин на встрече с деканом исторического факультета и авторами данных строк поставил задачу усилить исторические изыскания преподавателей и студентов университета в связи с биографией Александра Невского и создать сайт, посвященный этому историческому персонажу. После были официальные встречи представителей руководства области, города, историков, духовенства, творческой интеллигенции, на которых обговаривались торжества в честь «имени России».

Такое пристальное внимание в Нижегородской области к Александру Невскому (нелогичное в силу отсутствия соответствующей традиции) оказалось связанным с двумя обстоятельствами. Первое относится к истории: Александр Ярославич Невский умер в Городце (1263), древнейшем городе на территории современной Нижегородской области. Второе обстоятельство происходило из почти двадцатилетнего поиска нижегородцами памятных мест, способных стать центром притяжения туристов. К 2008 г. таковым после обретения мощей Серафима Саровского отчасти стало Дивеево. Благодаря пушкинскому юбилею в 1999 г. было благоустроено Болдино. Меккой для разношерстной публики, которая ищет «духовного прозрения» на мистически окрашенном, но экологически чистом фоне, сделалось озеро Светлояр, известное благодаря своей связи с корпусом преданий о граде Китеже. Однако с 2008 г. политические, идеологические и финансовые инвестиции стали осуществляться в «раскрутку» как туристического и историко-культурного бренда самого древнего из ближайших соседей Нижнего Новгорода – Городца. Утверждению исторической значимости этого городка в общественном сознании способствовали и его «археологическое открытие», осуществляемое с конца 70-х гг. экспедицией под руководством Т.В. Гусевой, и празднование городчанами в 2002 г. 850-летнего юбилея (на самом деле, Городец был заложен в промежутке 1164–1172 гг., а дата 1152 г. появилась в историографии XIX в. в связи с интерпретацией не подтверждающегося источниками предположения В.Н. Татищева³⁶). Если ранее факт смерти Александра Невского использовался как конструкт в утверждении древности городецкого монастыря иконы Федоровской Божией Матери, то, начиная с 2009 г., наблюдается обратная последовательность: сам «древнейший монастырь» Нижегородской земли (первое упоминание Федоровского монастыря относится к XVIII в.) якобы укрепляет почитание здесь Александра Невского.

В феврале 2009 г. были проведены в Нижнем Новгороде – «Георгиевские чтения», посвященные Александру Невскому, а в Городце – «Александр-Невские чтения». Летом того же года телевизионной компанией «Образ», организационно связанной с Русской Православной Церковью, был снят фильм «Александр Невский. Воин. Правитель. Святой». Один из авторов этих строк стал консультантом и участником этого фильма. Стоит заметить, что консультации воспринимались выборочно: все то, что не укладывалось в заранее заданную схему, отсекалось.

Празднование памяти Александра Невского в сентябре 2009 г. в Нижнем Новгороде (и в России) было быстро подготовлено властями, церковью и историками. Последние выступали как квалифицированные и активные эксперты, инициаторы и участники этого проекта. В своей работе они опирались на стихийно развивавшиеся в середине 1990-х гг. в историографической среде процессы «юбилеезации» Александра Невского³⁷. Исходя из положения, что Александр Ярославич Невский родился в 1220 (21) г., историки – в связи с его 775-летним юбилеем – в 1994–1997 гг. выдали на-гора целый ряд трудов³⁸. В связи с памятью о Невской и Чудской битвах в начале 1990-х и 2000-х гг. книжный депозит «Александр Невский» еще более пополнился. Именно 750-летние юбилеи битв на Неве и на Чудском озере (в 1990 г. и в 1992 г.), «шедшие» из среды историков, подтолкнули их и на «подготовку» 775-летия со дня рождения князя (в историографии существует несколько версий по этому поводу). В конце концов, эту инициативу историков перехватило государство³⁹. Но, невзирая на вышеуказанные обстоятельства, память об осеннем празднике 2009 г. и о связанном с ним герое достаточно быстро рассеялась.

На «ратном поле» истории Александр Невский в 2009 г. затенил другого правителя-полководца – Петра I. 300 лет Полтавской битвы готовились встречать и историки, и кинематографисты. В 2009 г. на экраны РФ вышел фильм «Слуга государев», действие которого развернулось в 1709 г. Историки отметили этот юбилей рядом конференций. Однако памяти об этих событиях осталось мало.

В 2010 г. выходит фильм «Ярослав. Тысячу лет назад». Слоган кинокартины весьма юбилеен: «Millennium ago Russian land». Юбилейность фильма проглядывает в том, что именно в 2010 г. Ярославль, якобы основанный Ярославом Мудрым, отметил «1000-летию» своей истории. На самом деле, достоверных источников, подтверждающих эту дату основания города, чья связь с князем Ярославом прослеживается только через созвучие имени и топонима, в распоряжении исследователей нет. Это признают и ярославские историки в сборнике, посвященном 1000-летию Ярославля. Они указывают, что дата основания города в интервале 989–1010 гг. появилась в историографии XVIII в., а закреплена была в 1960 г.⁴⁰. Если фильм забылся достаточно быстро, то на самом юбилее Ярославля стоит задержаться. В связи с ним внимание на себя обращает 1000-рублевая купюра. На ней изображены виды Ярославля, прежде всего, памятник Ярославу Мудрому. Случайность это или нет – остается пока гадать. Если нет, то «юбилей» Ярославля начал готовиться раньше, чем подобный «юбилей» Казани.

Неудачный опыт воспроизводства дореволюционных праздников в постсоветской России обусловлен дискретностью мемориальной традиции, прерывистостью коллективной памяти с сознательным исключением политически и идеологически чуждых примет старого мира. Признаем здесь справедливость высказывания Г.А. Бордюгова: «Неожиданно всплывают и совсем кажущиеся странными даты типа четырехсотлетия Дома Романовых. Хотя по-

следнее обстоятельство... укладывается в развернувшуюся новую волну "возвращения исторических названий" московским улицам или в те же попытки... власти перекроить историческое прошлое под нужды сегодняшнего политического процесса (например, всячески "обустроить" дату 4 ноября – и политически, и кинематографически)⁴¹.

Разберем положения этой цитаты по порядку. Празднование юбилея династии не только актуализирует замалчивающиеся в советское время достижения истории России в 1613–1917 гг., не только меняет «полярность» в оценке исторических событий за этот период, но и превращает сегодняшних потребителей и адресатов меседжей от политико-исторической элиты в прямых наследников и правопреемников России, «которую мы потеряли». Про социально-генеалогическую парадоксальность такой ситуации говорится мало: не учитывается факты соотношения городского и сельского населения до революции (округленно 17 % и 83 %), кардинальной смены качества населения городов, сознательной классовой политики по вымыванию элементов «эксплуататорских» слоев... Последнее обстоятельство было связано с декларированной защитой интересов рабочих и крестьян. Теперь их наследникам предлагается поверить, что власти предрержащие и монархия в России до 1917 г. – это их истоки.

Такова же цель новой волны возвращения исторических названий, которая идет не только в Москве. Во время закрытых и публичных обсуждений этого вопроса в Нижнем Новгороде в 2009–2010 гг. авторы этих строк указывали на неоднозначность самой его постановки⁴².

Кинематографическое обустройство праздника 4 ноября подразумевает выход в 2007 г. художественного фильма «1612». Его слоган: «Хроники Смутного времени». Несмотря на то, что фильм опять-таки быстро «затерся» последующими киноопусами, праздник 4 ноября сумел устоять, – сумел *потому*, что отчасти заместил 7 ноября, но при этом вобрал в себя дореволюционные традиции, развитые в советское время, *потому*, что ассоциируется с прошлым нескольких провинциальных центров не менее, чем со столицей.

Свой вклад в развитие памяти российского общества о преодолении Смуты вносили и вносят очень разные (по калибру и качеству штудий) исследователи прошлого. К ним относятся и любители-энтузиасты (вспомним упомянутых П.И. Мельникова-Печерского, Н.И. Храмцовского, А.С. Гациского и др.), и профессионалы. Кто бы сейчас вспомнил о 300-летних юбилеях созыва ополчения в Нижнем Новгороде, освобождении Москвы от польского гарнизона и воцарения Романовых, если бы не выход в свет сборника нижегородских архивистов под патронажем С.Ф. Платонова, его коллег и пятитомника «Три века»? Они и сейчас остаются значимыми историографическими фактами и факторами, подталкивающими историков к возобновлению юбилейной традиции. Последняя способствует конструированию «памяти» общества о тех событиях, о которых оно не имеет никаких представлений.

Иначе и быть не может в контексте письменной культуры, когда текст аккумулирует информацию и ретранслирует ее. Создатели текста об истории –

историки – осознают эту роль и считают ее своей миссией. Поэтому они так чутки к юбилеям, завершающим и начинающим циклы. В принципе, историков можно назвать и родителями, и порождениями этих дискурсов. В квалификационных сочинениях историки, обосновывая их актуальность, подчеркивают важность результатов своих исследований для современности, прописывают их общественно-политическую значимость и т.п.. Отдавая дань жанру исторического нарратива, историки демонстрируют свою профпригодность тем, что выхватывают из плотного и однородно-естественного исторического потока событие, факт, процесс и доказывают назидательную необходимость их постижения для своих современников. Волей-неволей служители Клио создают хронологическую метку, которая при доказательном оформлении приобретает качество юбилея, завершающего цикл: начало – исторический факт, а конец – это представление историком нарратива об этом факте.

В реализации своего профессионального долга историки эксплуатируют и формальную сторону исторических юбилеев. Вспомним научные форумы, труды и сборники статей, посвященные «закруглению» цикла памятной даты, хронологической метки. В них неизбежно манифестируются важность и значимость исторических исследований. Но есть еще один «жанр» юбилеев, любимых всеми учеными, а не только историками, – это юбилеи коллег, научных школ, важных трудов или сборников и т. д.⁴³. В истории создание нарратива связано с творением историком (или их группой) текста, несущего в себе целостный образ какого-то сегмента прошлого. Устаревший нарратив «преодолевается» представлением следующего нарратива, зачастую содержащего модернизированный образ того же сегмента. Этот процесс в истории постоянен. Многие труды историков быстро устаревают, попадая в «темный чулан историографии». Такая травма в сознании рефлексирующего историка, сознательно или нет, компенсируется попыткой остаться хотя бы в истории исторической науки. Аналогию можно найти в мемориальных практиках современной России – памятники живущим политическим, спортивным и культурным деятелям, доски на культурно-исторических объектах с указанием того, по чьей инициативе или на чьи средства они были отреставрированы. С суетным желанием любого смертного остаться в памяти совпадает и стремление профессионального историка не дать пропасть своему труду.

Привычка историков с радостью откликаться на юбилейные проекты, вбрасываемые в мемориальное поле того или иного сегмента прошлого властью, нередко объясняется исходя из норм, которые складывались еще в советский период: «Советская власть назначала юбилеи, а историки их обслуживали». Инициативы историков подвергались строжайшей самоцензуре, обусловленной политико-идеологической конъюнктурой. Так, 5 апреля 1942 г. исполнялось 700 лет со дня Ледового побоища. В связи с этим горьковский историк Н.М. Добротвор, чьи диссертации были посвящены комбедам и фракции большевиков в Думе, отметил в личном дневнике 3 апреля 1942 г.: «Идея возникла в связи с 700-летием Ледового побоища. Переименовать

г. Городец [место кончины Александра Невского] в г. Александровск. Поддержат ли меня вышестоящие инстанции?»⁴⁴. Отметим, юбилей столь важного для советской стороны события в годы противостояния германской агрессии, события, связанного с историографически активно представляемым Александром Невским⁴⁵, был «смазан» катастрофой 1942 г. Тем не менее, инерция готовящегося, но не состоявшегося юбилея выразилась в большом количестве текстов историков в войну и после нее вплоть до 1995 г. В советское время наиболее ярко появился тип лакействующего историка, который за номенклатурное включение или приближение готов был обосновать нужное власти историческое значение того или иного факта.

Такие историки имеются и сейчас, но они, как кажется, уступили место коллегам, которые не столько улавливают политический заказ на юбилей, сколько этот самый юбилей формируют. В данном смысле принципиально оспорить идею Г.А. Бордюгова, прописанную на обложке его книги «Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти»: «Вместе с тем сообщество историков – не священная корова с презумпцией безгрешности. Все потуги власти политизировать историю оказывались бы изначально неконкурентоспособными, если бы на них не работали лакеи от исторической науки. Так было и будет всегда, а потому настоящий историк – подобно Плутарху, Тациту, Прокопию Кесарийскому⁴⁶ и многим-многим их последователям – обречен не только на исследовательское одиночество, но и на умение находить общий язык с теми, которые вершат ту историю, о которой эти историки пишут».

В современном историографическом сообществе имеются и те, кто трудится по принципу «Чего изволите?!», и те, кто честно выполняет исследовательский долг, создавая тексты в связи с юбилеями, и те, кто в силу профессиональной инициативы продуцирует юбилеи, памятные даты, чтобы сообщество обрело память о них. Назвать две последние группы историков лакеями не поворачивается язык. Пропеть оду их гражданской позиции и мужеству все-таки тоже нельзя. Сейчас в элите, из среды которой выходят сигналы по конструированию общественной памяти, сложилась интересная ситуация. Чиновно-административной прослойке ввиду вала запросов из Кремля относительно юбилеев, предназначенных для «выработки национального идеи», сплачивания общества, вывода его из духовно-идейного кризиса, поддержания культурно-исторической самоидентификации, *нужны тексты историков, но не интересно их содержание*. Революционные ли, реакционные ли мнения историков важны сегодня, по большей части, для подкрепления медийных поводов как таковых. Историки же, настраиваясь на эту волну, получая минимальную финансовую и организационную поддержку, в связи с юбилеями и праздниками выполняют свою профессиональную миссию и получают отчетные публикации⁴⁷.

Историки могут спорить и в связи с этим делиться на группы, конкурирующие в борьбе за политические и денежные инвестиции, но практически не видно того, что было раньше, когда власть вставала на сторону тех, чья

позиция была ей более удобна. А потому историкам – и «лакеям», и «правдолюбцам» – в данных условиях достаточно комфортно и перспективно творить юбилеи, а из событий, лежащих в их основе, якобы извлекать «уроки» государственного строительства, социальной консолидации, этноконфессиональной толерантности...

Так, 1000-летие Казани, в основе которого лежала чешская монета, найденная и интерпретированная археологами, позволило утвердить культурно-историческую укорененность татарского этноса (через Волжскую Булгарию) и его роль в созидании российской государственности. Исламская и татарская доминанты казанского юбилея внесли обеспокоенность в татарское и тюркское сообщество России. В связи с казанским «миллениумом» произошло выделение в особый этнос татар-крящен (христиан), фиксируемых теперь в переписях населения. С другой стороны, в соседней Башкирии были найдены монеты, значительно удревняющие Уфу и делающие ее старше Казани. И здесь важную роль сыграли археологи.

Мотив утверждения татарской значимости в деле политогенеза на территории Поволжья и Приуралья заставил соседние субъекты РФ искать праздники, приглушающие подобный эффект за счет акцента на «вековых связях» с Россией. В мае 2008 г. в Удмуртии по почину властей были проведены торжества в связи с 450-летием добровольного вхождения региона в состав России. Необходимый научно-гуманитарный конвой мероприятия был разработан историками и археологами Удмуртского университета. Итогами этого стали международная научная конференция и интересный по содержанию сборник гуманитарных работ «Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства» (Ижевск, 2008). В Республике Мордовия в 2008–2009 гг. почтили вниманием тысячелетие вхождение мордвы в орбиту древнерусской (а значит, и российской) государственности, исходя из недатированной в «Повести временных лет» записи о том, что мордва платит дань Руси. Все эти недавно обретенные праздники этнической самоидентификации отмечались беспроblemно по отношению друг к другу.

Историки России не только откликнулись на призывы, исходившие от президента В.В. Путина в начале его первого срока, по изысканию в древнерусской истории «самых первых начал российской государственности», но и, на самом деле, стали их создавать. При этом активно использовались самые разные средства визуализации. Скульптурная композиция во Владимире, возведенная в 2007 г., связана с историей основания этого города, олицетворяет одну из версий его возникновения – в конце X в.: памятник несет мысль о том, что город основан князем Владимиром Святославичем (980–1015). Таким образом «перекрывается» идея, лежащая в основе монумента, который был возведен здесь в 1958 г., но только к 850-летию города. В интернет-материалах предлагаются две трактовки 850-летия города: одна связана с Мономахом и с 1108 г., другая – с Андреем Боголюбским (перенес велико-

княжеский престол во Владимир после 1157 г.). Новый владимирский мемориал противостоит устоявшейся среди специалистов версии истории города. Последняя обычно восстанавливается по косвенным данным Львовской летописи, статьи «А се князи Русьстии» и археологии, связывается с отсутствием упоминания града в Повести временных лет: г. Владимир был заложен по воле Владимира Мономаха в 1108 г., чтобы перекрыть пути набегов булгар⁴⁸. Согласно же версии, пропагандируемой инициаторами и создателями нового памятника, – версии, опирающейся на недостоверные сведения летописей XV в., – г. Владимир основан в конце X в. князем, ранее крестившим Русь. Такие известия появились в ходе ростовско-владимирской полемики XIV–XV вв. о христианских древностях в Залесской земле. В ростовской версии основание Владимира в конце X в. уравновешено появлением легендарного первого ростовского епископа Феодора, построившим в Ростове великолепную деревянную церковь Успения и известием об основании Владимира Владимиром Мономахом («А се князи Русьстии»)⁴⁹. В этом упрощенном виде князь Владимир Святославович и епископ Феодор предстают конкурентами в деле утверждения христианства в Северо-Восточной Руси.

Вторая версия, судя по памятнику, ныне преобладает, хотя с историко-ведческой точки зрения и с точки зрения исторических реалий предпочтительней та, что ведет историю г. Владимира с начала XII в. Во Владимире стоит монумент, который с научной точки зрения посвящен реальному князю, видимо, никогда не бывавшему в этом месте, и легендарному епископу, появившемуся в летописании XV–XVI вв. Такие исторические погрешности, сочетание достоверного и недостоверного в монументах естественно в силу двух обстоятельств: 1) стремление Русской Православной Церкви быть причастной ко всем значимым событиям российской истории; ради этого и произошло закрепление в исторической памяти этих епископа Феодора; 2) стремление современной политической элиты найти исконность, изначальность русской истории в домонгольских древностях (доска на памятнике во Владимире с перечислением лиц местной политической и бизнес-элиты, способствовавших возведению монумента). Еще один ракурс проблемы – это месторасположение памятника. Во Владимире он находится в древней части города, рядом с самыми ранними из сохранившихся храмами – Успенским и Дмитровским собором (XII в.). Образно они несут идею связи между возникновением города и политикой Андрея Боголюбского, но поставленный рядом памятник перечеркивает эту традицию.

То обстоятельство, что монумент был воздвигнут в 2007 г., за год, до ожидаемого юбилея, замыкающего 900-летний цикл владимирской истории, начавшийся в XII в., показывает, что власть в данном случае противопоставила себя историкам. Вместе с тем, такое удревнение не могло не сыграть на руку ныне активно поддерживаемому историками проекту 1150-летия российской государственности, центральное место в котором отведено именно бывшей столице Северо-Восточной Руси, а отнюдь не Новгороду Великому и, в целом, русскому северо-западу. В связи с этим надо обратить внимание еще на

одно обстоятельство, связанное с мемориальным пространством современной России. Противоречащие друг другу юбилеи, памятные даты, хронологические метки бесконфликтно сосуществуют здесь относительно бесконфликтно. Так, 2011 г. был объявлен во Владимирской области годом Андрея Боголюбского: инициатива в данном случае исходила от областных властей. Фишки Андрея Боголюбского на «исторической бирже» стали подниматься до уровня его отца Юрия Долгорукого – основателя Москвы. Правда, выбор года для 900-летнего юбилея князя сомнителен. Историк XVIII в. В.Н. Татищев без ссылок записал, что князь Андрей Боголюбский жил 63 года⁵⁰. Вычитание из 1174 г. (год гибели Андрея Боголюбского) 63 лет дает 1111 год рождения князя. В известных исторических источниках подобных временных указаний не содержится, что позволяет отказаться от указания В.Н. Татищева⁵¹. Тем не менее, 15 июля (дата гибели князя по юлианскому календарю!) во Владимире и области был отпразднован День Андрея Боголюбского.

Этот юбилей, направленный на то, чтобы стать для владимирцев новой мемориальной константой, сопровождался и публикацией некоего научно-исторического продукта. Последний, правда, был создан еще советским классиком изучения прошлого Северо-Восточной Руси – Н.Н. Ворониным (1904–1976). Его рукопись научной биографии князя зубодробительными рецензиями коллег в 1946–1947 гг. не была допущена к печати. Извлеченная сыном исследователя Н.Н. Ворониным из домашнего архива рукопись книги «Андрей Боголюбский» была предоставлена для публикации руководству Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ⁵². На глянцевого картонного футляре, в который помещается книга «Андрей Боголюбский», читаются две красноречивые надписи: «К 900-летию Великого князя Андрея Боголюбского», «К 1150-летию основания Российской государственности».

На презентации книги, проходившей в рамках программы научно-практической конференции «Российская государственность: истоки, современность и перспективы развития» (Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ для публикации, 14 октября 2011 г.), историки Р.В. Евстифеев и А.К. Тихонов, сыгравшие активную роль в издании книги, подчеркивали, что понимают условность даты рождения князя, а значит и юбилея, но видят необходимым предоставление владимирцам возможности взглянуть на себя «на фоне Андрея Боголюбского», «в связи времен». Подтверждением этой установки стало безболезненное восприятие выступления одного из авторов данных строк с темой «Спорные факты биографии Андрея Боголюбского». На наш взгляд, такое положение вещей подтверждает обозначенный выше тезис о функциональной ценности для современных российских историков тех или иных юбилеев. В массе праздничных мероприятий значима, прежде всего, сама возможность встретиться и обсудить с коллегами проблемы исторической науки. Поводом же для встречи могут быть сколь угодно разные и противоречащие друг другу мемориальные инициативы.

Во время работы владимирской конференции 14 октября (праздник Pokрова, введенный по инициативе Андрея Боголюбского) 2011 г. организаторы заявили, что ею завершается цикл мероприятий, связанных с именем Андрея Боголюбского, и начинается реализация проекта по празднованию 1150-летия Российской государственности в 2012 г. Последний юбилей во многом также можно считать порождением научной среды. В 2010 г. по инициативе тогдашнего директора Института российской истории РАН А.Н. Сахарова в Санкт-Петербурге и Ладого была проведена конференция «Начало русского мира» связи с 1150-летием российского государственности. В основе юбилея – известие о походе руссов на Константинополь в 860 г. с последующим заключением договора. Антинорманистская подоплека данного юбилея была очевидна и вызвала негативную реакцию оппонентов на недостоверное обоснование праздника⁵³. В «Живом журнале» сторонники 860 г. проявлялись на странице «oldrus», а их противники – под логином «old_rus». Полемика и порой неакадемичная дискуссия привели к тому, что большинство членов исторического сообщества выдвинуло дату 862 г. – призвание варягов – как от-правную точку развития русской государственности. Именно она, как ни странно, и была воспринята властью.

На 2012 г. в России придется сразу три «больших» исторических юбилея – это юбилеи событий 862, 1612 и 1812 гг. В таком наложении проявляется еще одна черта культурной памяти современных россиян – всеядность, которая отчасти девальвирует предложенные элитой юбилеи в праздничные и памятные даты, а отчасти стимулирует появление странных мемориальных гибридов, обыгрывающих (как смежные во времени юбилеи 862 и 1612 гг.) совершенно разные аксиологические ряды и идеологические схемы. Роль историков здесь весьма неоднозначна. В постсоветское двадцатилетие историки, освободившиеся от догм, научились деловито и спокойно ориентироваться в суждениях элиты, творящей юбилеи для смены идеологических полюсов, систем ценностей, сплачивания и, одновременно, новой сегментации общества, научились активно продвигать самые различные мемориальные проекты. Однако появление историков в числе зажигающих созвездия юбилеев все так же не избавляет последние от противоречий, от несовпадения надежд, на них возлагаемых, и от последствий, вносящих разрушительную вибрацию и конфликтную ноту в жизнь общества. Как не усомниться – на фоне темпоральной и коммеморативной сумятицы – в исцеляющей силе грядущего «юбилейного бума»? Как не уверовать в его неизбежность по мере размывания временных границ и смещения ценностных горизонтов?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В качестве одной из немногочисленных работ, посвященных истории юбилеев в средневековой Европе, стоит упомянуть текст Н.А. Селунской: *Селунская Н.А.* «Святой год» и «Вечный город»: образ юбилейного Рима // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2008. С. 447–466.

² Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО–XXI, 2010.

³ Там же. С. 9–10.

⁴ Цимбаев К.Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.

⁵ Цимбаев К.Н. Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Вопросы истории. 2005. № 12. С. 42–51.

⁶ Цимбаев К.Н. Феномен юбилеемании. С. 100

⁷ Там же. С. 98

⁸ Буслаев А.И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.: МГУ, 2010. С. 65 и след. См. также: Майорова О.Е. Бессмертный Рюрик: Празднование Тысячелетия России в 1862 // Новое литературное обозрение. № 43. 2000. С. 137–165. Доступно в сети: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/s6.html>

⁹ Круг последних, естественно, будет меняться в зависимости от того, стоит ли на кону 1150-летие российской государственности или 320-летие хохломской росписи, но историки, как корпорация, вряд ли останутся незамеченными со стороны тех членов группы, которые к какому-нибудь из мемориальных проектов равнодушны и только принуждаются к его исполнению.

¹⁰ Чисто теоретически особый акцент здесь надлежит сделать на способах репрезентации юбилейной тематики в зависимости от специфики медийных ограничителей, различий между дискурсивными кадрами индивидуального высказывания и группового обсуждения, степени удаленности озвучиваемых позиций от интересов «официальной власти». Тем, кто сомневается в целесообразности подобной траектории проблематизации, настоятельно рекомендуем перечитать стенограмму недавнего совещания президента РФ с историками во Владимире: http://www.minnation.senat.org/minnat/Russia_1150.html.

¹¹ Дата 22 октября появилась в связи с явлением в ночь с 21 на 22 октября Арсению Елеасонскому (Архангельскому епископу) Сергия Радонежского. На это видение наложились почитание иконы Богородицы, явленной в Казани девочке Матроне в 1579 г. Основными сведениями о развитии данной традиции мы обязаны статьям В.Д. Назарова – см.: Назаров В.Д. Что мы празднуем 4 ноября? // Мининские чтения: Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 220–238. В данной работе читаем: «Автор Нового летописца говорит о Казанской иконе дважды. Впервые... сообщается, что в лагерь Первого ополчения был принесен из Казани благовещенским протопопом... список (копия) чудотворного образа... Но нет здесь сведений ни о последующей судьбе этого списка, ни о его чудотворениях. Более обширный текст помещен среди статей лета – осени 1613 г. Это сюжетно выстроенный рассказ о событиях 1611–1624 гг., составленный..., как и памятник в целом, около 1630 г. Из него видно, что икона оставалась в таборах Первого ополчения до зимы 1611/1612 гг., а затем тот же протопоп перенес ее в Ярославль, куда в конце марта 1612 г. привел свою рать Д.М. Пожарский. Именно тогда в умах руководителей Земского ополчения возникла мысль о ее “помощи” при взятии летом 1611 г. Новодевичьей обители под Москвой... Согласно “Летописцу”, почитание образа ополченцами началось в Ярославле. Икона стала палладиумом рати, она сопровождала ополчение в походе к столице, сотворив “многия чудеса”. «В 1624–1625 гг. по распоряжению царя Михаила и отца его, патриарха Филарета, князь Пожарский “украши мною утварию» икону «по обету своему» в храме Введения Богородицы на Сретенке. Именно там в Москве первоначально и почиталась икона». «В апреле 1632 г. в Москве побывала старица Мавра, которой в 1579 г., когда она звалась Матроной, явилась икона. В октябре 1632 г. “осенняя Казанская” праздновалась в церкви Введения Богородицы “златоверхия”, находившейся поблизости от подворья Романовых на Варварке. В ту же осень был спешно построен особый храм для иконы, и 17 декабря состоялось его освящение... Возведение каменного собора завершилось в сентябре 1636 г.». «Побудительные мотивы... понятны. В августе 1632 г. началась война с Речью Посполитой. Казанская Одигитрия, т.е. Путеводительница, должна была “привести” русские войска к победе в начавшейся войне с Речью Посполитой, к возвращению отторгнутых

земель». Почитание иконы «...более утвердилось оно с рождением у девятнадцатилетнего царя Алексея Михайловича в ночь на 22 октября 1648 г. первенца, царевича Дмитрия. Это событие было воспринято как знак особого покровительства Царицы Небесной царской семье, явленного через Казанский ее образ. Собор получил большие вклады, а в ноябре 1649 г. в Коломенском, любимой тогда резиденции царя Алексея под Москвой, освятили храм Казанской Богоматери с двумя приделами (Аверкия Иерапольского и, естественно, Дмитрия Солунского). Окружной грамотой от 29 сентября 1649 г. устанавливалось повсеместное празднование иконы Казанской Богоматери: “во всех городех, по вся годы”». См. также статью В.Д. Назарова: «Что будут праздновать в России 4 ноября 2005 года?» в журнале «Отечественные записки» № 5 (20) за 2004 г. (электронная версия доступна по адресу: <http://strana-oz.ru/print.php?type=article&id=938&numid=20>).

¹² *Привалова Н.И.* Нефед Минин // Мининские чтения: Материалы научной конференции. – Нижний Новгород, 2005. С. 54–57.

¹³ *Ильинский Н.* Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа нижегородского купца Козьмы Минина. Впрочем, этот биографический опыт был облачен в стихотворные одежды. См.: *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Нижний Новгород, 1998. С. 542–544 (прим. 261).

¹⁴ *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода... С. 152.

¹⁵ *Шайдакова М.Я.* Нижегородский летописец о нижегородском ополчении 1612 года // Мининские чтения. Труды научной конференции. – Нижний Новгород, 2007. С. 180.

¹⁶ *Тексты // Шайдакова М.Я.* Нижегородские летописные памятники XVII в. – Нижний Новгород, 2006. С. 158 (цитата отсюда), 175–176, 190, 204, 219, 232, 244, 254–255, 264.

¹⁷ *Шайдакова М.Я.* Нижегородский летописец о нижегородском ополчении 1612 года... С. 182.

¹⁸ *Маршова И.В.* Кузьма Минин в русском изобразительном искусстве // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2010. С. 240.

¹⁹ *Голиков И.И.* Дополнение к деяниям Петра Великого. Т. 2. – М., 1790. С. 383–384. В данном случае авторы пользуются результатами изысканий А.В. Морохина.

²⁰ *Морохин А.В.* К вопросу о посещении Петром I гробницы Кузьмы Минина в мае 1722 г. // Записки краеведов. – Нижний Новгород, 2010. С. 95–98.

²¹ Сведения о разворачивании почитания Минина в связи с визитами императора Николая I взяты из труда Н.И. Храмцовского (1857 г.) – см. переиздание: *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Нижний Новгород, 1998. С. 228–230, 233, 386

²² *Кузнецов А.А.* С.В. Ешевский и нижегородская историографическая традиция // Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 204–212.

²³ «30 мая в среду настал день рождения Петра, особенно замечательный для него по тогдашним обстоятельствам. Государю минуло 50 лет, исполненных непрерывными заботами и трудами, борьбою с врагами внешними и внутренними... Юбилей Петра Великого был юбилеем и Нижнему, которому минуло ровно 500 лет со времени его основания» – см.: Пребывание Петра Великого в Нижнем Новгороде в 1722 году (Публичное чтение ученика VII класса Нижегородской гимназии С.В. Ешевского на торжественном акте гимназии 22 октября 1845 года) // *Гациский А.С.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 357. Данная идея была подхвачена в 1857 г. Н.И. Храмцовским, первым давшим сводный текст по истории Нижегородского края: «Этот год второго прибытия Петра Великого в Нижний Новгород, год пятидесятилетнего юбилея жизни государя, был годом пятисотлетнего юбилея существования самого города и замечателен еще пожаром, опустошившим 17 сентября Благовещенский монастырь, часть посада по Оке и несколько церквей» (*Храмцовский Н.И.* Очерк истории // *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Нижний Новгород, 1998. С. 135). Мимо этого «факта» не прошел также и церковный историк Нижегородчины в 1850–1860-х гг.: «Из собора, где он осматривал памятники и воздал честь думному дворянину Козме Минину..., государь... был опять у... Питирима, пригласил его к обеденному столу, за которым праздновал пятидесятилетие своей жизни, на 500 году существования Нижнего Новгорода» (*Архимандрит Макарий.* История Нижегородской иерархии // *Архимандрит Макарий.* Памятники церковных древностей. – Нижний Новгород, 1999. С. 101).

²⁴ Кроме указанной выше статьи А.В. Морохина см. по поводу речи Петра I над прахом Минина: Кузнецов А.А. Нижегородские тексты С.В. Ешевского // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. Материалы Всероссийской научной конференции. – М., 2009. С. 260–263; Кузнецов А.А. С.В. Ешевский и нижегородская историографическая традиция // Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 204–212; Морохин А.В., Кузнецов А.А. «Спаситель Отечества»: о начале формирования образа Кузьмы Минина в отечественной историографии // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. – Н. Новгород, 2011. С. 186–206.

²⁵ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 3098. Оп. 1. Д. 26 – «Речь председателя Нижегородской губернской ученой архивной комиссии А.Я. Садовского в честь 300-летия подвига нижегородцев». Л. 1, 2.

²⁶ Речь профессора С.Ф. Платонова на торжественном заседании Нижегородской ученой архивной комиссии 25 августа 1911 года (публ. Е.Б. Марахановой) // Мининские чтения. Материалы научной конференции. – Нижний Новгород, 2005. С. 7–14.

²⁷ Памятники истории нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. Действия НГУАК.Т. 11. – Нижний Новгород, б/г. Данный сборник до сих пор не потерял своего научного значения.

²⁸ Сведения взяты из: Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века. С. 98–108.

²⁹ Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник под редакцией В.А. Каллаша. В 5 тт. – М., 1912. (М., 1991–1992).

³⁰ Речь профессора А.А. Кизветтера на совместном заседании Городской думы Нижнего Новгорода и архивной комиссии в память 300-летия со дня смерти Минина 8 мая 1916 г. // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. – Н. Новгород, 2011. С. 11–17.

³¹ Две темы (Владими́ро-Сузда́льская Русь и Смуты) представлены в первой крупной конференции, проведенной В.П. Макарихиным, развиты в последующих «Мининских чтениях». Материалы конференции 1992 г. были опубликованы в сборнике под названием «Мининские чтения». Это новое название свидетельствовало не об узости научных приоритетов, а о том предпочтении, которое отдавалось материалам самого широкого круга. Критерием для отбора материалов стало обращение к славным событиям прошлого, с целью напомнить о большой ответственности за наследие предков. Такое положение дел сложилось в непростых условиях начала 1990-х гг., которые воспринимались обществом в качестве новой Смуты. Гражданственность и партийность стали важными показателями для отбора материалов в сборник «Мининские чтения» в 1992 г. Круг статей и сообщений в этом сборнике обширный: от Древней Руси до советской истории; от источниковедения до историософии. В 2006 г. тематика конференции и сборника была сужена до средневековья и начала Нового времени в России, а раздел, посвященный Смутному времени, занял половину сборника. В дальнейшем блок по истории Смутного времени занимал все больше и больше места сборниках «Мининские чтения». Организаторам конференции и редколлегии сборника «Мининские чтения» удалось, акцентируя внимание на приближающемся юбилее, получить финансирование со стороны Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (2000, 2002, 2004 гг.) и Полномочного Представительства Президента РФ в Приволжском федеральном округе (2006 г.) сборников. Конференция «Мининские чтения» в 2008 г. проходила при финансировании Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского (ННГУ). Его руководство уже патронировало проект. Сборник по итогам конференции-2008, вышедший в 2010 г., состоялся благодаря выигранному историками ННГУ и работникам Центрального архива Нижегородской области гранту, предоставленному Министерством промышленности и инноваций Нижегородской области. Сборник научных статей «Мининские чтения», изданный в 2011 г., также увидел свет благодаря подобному гранту. Авторы этих строк на презентации проекта «Мининские чтения» во время конкурса на получение гранта упор сделали на приближающемся юбилее, славном для нижегородской истории и на том, что «Мининские чтения» являются единственным полноценным продуктом нижегородской гуманитаристики, по которому область «узнают» в России и мире.

³² Патриотическая платформа Всенародного ополчения имени Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского.

³³ *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа. С. 236, 84 (нумерация страниц в порядке цитирования). Однако первой тенденции мешают реализоваться в нечто осязаемое ряд причин, среди которых все более четко начинает выходить внешняя. Это процессы переформатирования Победы в бывших республиках СССР. Конечно, в России мало кого могут уже удивить легализация и дальнейшее конструирование позитивной памяти о прибалтийских эсэсовцах, ревизия взглядов на Великую Отечественную войну в Украине, уничтожение памятника героям той войны в Грузии... Но мы мало знаем о том, что происходит с праздником Победы в среднеазиатских республиках. Тревожным сигналом о метаморфозах праздника Победы, инициируемых властью, стала информация о переориентировании в Казахстане памяти (т. н. ее «бандеризации» в лице Мустафы Чокая) о войне 1941–1945 гг.: *Идрисов Р.А.* Образ Великой Отечественной войны в Казахстане: научный поиск или попытка пересмотра // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. – Чебоксары, 2010. С. 195–199. А посему парадное прохождение по Красной площади сводного полка Казахстана 9 мая 2010 г. выглядит двусмысленным. Такие импульсы будут вторгаться в российское мемориальное поле Победы.

³⁴ *Бордюгов Г.А.* Указ. соч. С. 241.

³⁵ См., например изданную в связи с итогами конкурса «Имя России» книгу с названием «напоминанием»: Переславль-Залесский – родина Александра Невского. – Переславль-Залесский, 2010.

³⁶ См. подробнее: *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. – М., 1998. С. 37–38, 324 (Прим. 49); *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984. С. 85; *Кузнецов А.А.* Городец на Волге: от основания до 1238 года // Городецкие чтения: Материалы научно-практических конференций VI Городецкие чтения (6 декабря 2008 г.) и II Александро-Невские чтения (27 февраля 2009 г. – Городец, 2009. С. 7–17; *Кузнецов А.А.* О происхождении недостоверной даты основания Городца на Волге // RUTHENICA. Т. X. – Киев, 2011 (в печати).

³⁷ *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). – М., 2007. С. 482–483.

³⁸ Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26–28.09.1995. Новгород, 1996; Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. – СПб., 1995; *Горский А.А.* Александр Невский // Родина. 1993. № 11. С. 26–31; *Егоров В.Л.* Александр Невский и чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 48–58; *Кирпичников А.Н.* Ледовое побоище 1242 года. Новое осмысление // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 162–166; *Кучкин В.А.* Александр Невский. Государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–33; *Лурье Я.С.* К изучению летописной традиции об Александре Невском // Труды отдела древнерусской литературы. 1996. Т. 50. С. 387–399; *Лурье Я.С.* Ордынское иго и Александр Невский. Источники и историография XX в. // *Он же.* Россия древняя и Россия новая. – СПб., 1997. С. 100–130...

³⁹ См. подробнее: *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. С. 482–483. («правительство Российской Федерации после 1993 г. яснее заявило о своих притязаниях над памятью об этом герое. Особенно очевидным это стало 6 января 1995 г., когда Ельцин распорядился о праздновании 30 мая того же года 775-й годовщины со дня рождения Александра Невского. Указанию президента последовали Переславль-Залесский, Новгород, Псков и Санкт-Петербург, которые встретили этот памятный день под девизом “Венок славы Александру Невскому”... “Открытие” дня рождения Александра Невского в 1995 г. связано, очевидно, с тем, что в мае того же года по всей стране проходило празднование 50-летия победы в Великой Отечественной войне. Память об Александре Невском после войны установилась как неизменная составная часть дискурса о 1941–1945 гг.»).

⁴⁰ *Спиридонова Е.В.* Основание Ярославля: легенды и факты // Город в античности и средневековье: общеевропейский контекст. Доклады международной научной конференции, посвященной 1000-летию г. Ярославля. Ч. 1. – Ярославль, 2010. С. 74–75.

⁴¹ *Бордюгов Г.А.* Указ. соч. С. 242.

⁴² Как одиозный пример вспоминалась дискуссия о топонимах *Царицын, Сталинград, Волгоград*. Какой из двух первых надо вернуть, если второй полисоном наполнился отономастическим смыслом в 1942–1943 гг. В Нижнем Новгороде давно канули в лету канатно-прядельные мануфактуры. Из нижегородцев, кроме историков, почти никто не сможет сказать, где они находились. В связи с этим уместен вопрос: «Захотят ли жители улицы Короленко, названной так в советское время из-за того, что в доме на ней проживал В.Г. Короленко, вернуть ее первоначальное имя *Канатная?*». Также ставились проблемы о возвращение прежних названий улицам Белинского (бывшая *Напольная*, переименованная по прошению ее жителей в 1911 г.) и Славянской (бывшая *Немецкая*, названная так из-за компактного проживания немцев, переименованная в 1914 г.).

⁴³ В случае с историками красноречивым примером являются ежегодные большие конференции Российского общества интеллектуальной истории, проводящиеся в разных городах (из последних: осень 2009 г. – Казань, сборник: Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. Материалы Всероссийской научной конференции. – М., 2009; осень 2010 г. – Нижний Новгород, сборник: Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследство. – М., 2010; ноябрь 2011 г. – Челябинск; в 2012 г. конференция будет проводиться в Москве). В информационных письмах и сборниках тезисов конференций всегда дается юбилейная привязка к жизни и трудам крупных историков: Н.И. Кареева, С.В. Ешевского, В.И. Герье, В.О. Ключевского и др. Пока неизданный сборник «Мир историка», выпускаемый в Томске, в 2011 г. по тематике приурочен к столетию ухода из жизни В.О. Ключевского. В 2010 г. по ряду российских вузов и академических учреждений прокатились конференции, посвященные 150-летию со дня рождения С.Ф. Платонова: Всероссийская конференция, посвященная 150-летию С.Ф. Платонова. 23–30 июня 2010 г. (Санкт-Петербургский государственный университет, Отделение историко-филологических наук Российской Академии Наук; Российская национальная библиотека); Научное наследие С.Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Платонова. Нижневартовск, 2010 (Празднование платоновского юбилея в Нижневартовском государственном университете объясняется тем, что там работает специалист по исследованию научного творчества С.Ф. Платонова – В.В. Митрофанов).

⁴⁴ Из дневниковых записей Н.М. Добротвора 19 июня 1941 г. – 9 мая 1945 г. // Забвению не подлежит: Страницы нижегородской истории (1941–1945 годы). Книга третья. Нижний Новгород, 1995. С. 525. Автобиография Н.М. Добротвора представляет его и как историка, выполняющего государственные заказы по юбилеям, и как историка, чье творчество фиксировалось юбилеями, разрешаемыми властью. См., например: «Кафедра истории СССР возглавила в 1949 г. подготовку и проведение общегородской учительской конференции, посвященной 725-летию г. Горького. Я на этой конференции делал доклад на торжественном заседании. В апреле 1947 г. было публично отмечено мое пятидесятилетие»; «Мной вместе с А.П. Смородинным, в связи с 50-летием революции 1905 г. был поднят вопрос, что в г. Горьком неправильно изображаются события 1905 г., в частности, недооценивается значение Сормовского совета уполномоченных, который был не вполне оформившимся Советом рабочих депутатов»; «В апреле 1957 г. было отмечено мое 60-летие. Я получил почетный значок “Отличник просвещения”»; «Так, в апреле 1962 г. я выступал с докладом о ленинских днях в Н. Новгороде и Сормове на конференции института истории АН СССР, проведенной в Харькове». (ЦАНО. Ф. 2743. Оп. 9а. Д. 32. Л. 161; 163; 165).

⁴⁵ См.: *Шенк Ф.Б.* Указ. соч. С. 395–430. На выбор темы Ф.Б. Шенком, кроме важных причин, повлиял опосредованно и юбилейный бум Победы в Великой Отечественной войны («Все началось в ноябре 1996 г., когда я оказался в Музее Великой Отечественной войны в Москве. В витрине, установленной у входа в Зал славы, я увидел огромный золотой меч. Изготовленное тульскими мастерами оружие представлялось посетителям как меч князя и военачальника Александра Невского. Меч – подарок российского президента Бориса Ельцина, переданный музею в мае 1995 г. к 50-летию победы над нацистской Германией» – Там же. С. 5) и «юбилейными» инициативами историков (Там же. С. 483).

⁴⁶ Исследовательское амплуа авторов этой главы вынуждает их указать, что честный труд историка Прокопия Кесарийского в переводе на русский язык звучит «Тайная история» и стал известен много позже его смерти, тогда как его официально-панегирические «штудии» с тем же предметом исследования сближают автора с «лакеями исторической науки».

⁴⁷ См. например, коллективные монографии: Историческая наука в Московском университете, 1755–2004. – М., 2004 (книга выпущена к 70-летию истфака МГУ и 250-летию Московского университета); История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 2005; Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006). – Нижний Новгород, 2006 (издание в связи с 60летним юбилеем открытия историко-филологического факультета в Горьковском университете); Век на педагогической ниве. К 100-летию юбилею Нижегородского государственного педагогического университета. Нижний Новгород, 2011;

⁴⁸ *Насонов А.Н.* «Русская земля» образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. – СПб., 2006. С. 165; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984. С. 72; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 199; *Карнов А.Ю.* Юрий Долгорукий. – М., 2006. С. 44, 375 (Прим. 30).

⁴⁹ Более подробный текстологический анализ летописных сведений об основании Владимира и его результаты отражены в: *Кузнецов А.А.* К изучению летописных дат основания Владимира-на-Клязьме // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1. С. 3–14.

⁵⁰ Примечания от издателя указывают, что эта фраза была вставлена по списку ЦГАДА (ЦГАДА.Ф. 181, Т 33/41, т. II) и по изданию 1774 г.: варианты к тексту «Истории Российской» // *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. – М., 1963. С. 283.

⁵¹ Установленный историками интервал рождения Юрия Долгорукого – 1098–1100 гг., дата его свадьбы в 1108 г., указание его сына Андрея вторым в числе его детей обуславливают вывод, что мать Андрея Боголюбского, если судить по В.Н. Татищеву, родила его 13-летнем возрасте, а ему еще предшествовал старший брат!

⁵² *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский. Владимир: Транзит-ИКС, 2011. – 204 с. Издание книги было в 2007 г.: *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 320 с. Оно нарушило права наследников Н.Н. Воронина, и его сын выиграл судебный процесс. Тираж книги, опубликованный в 2007 г., был передан ему. Дополненное при участии сына Н.Н. Воронина материалами из фонда отца издание «Андрей Боголюбский» 2011 г. считается первым.

⁵³ См.: Без нас. О дискуссии с предержавным результатом. Открытое письмо историков о конференции «Начало Русского мира» 28–30 октября 2010 г. – http://www.polit.ru/article/2010/10/25/open_letter_history

Дмитрий АНДРЕЕВ

Снова о выборе, но о другом.
Послесловие

По прочтении статей сборника первое, что надсадно лезет в голову, вытесняя какие бы то ни было попытки рассудочного осмысления текстов, – это мысль: да, научились жить наши историки за минувшее восьмилетие! Сумели обустроить свои профессиональные «аллоды» (позаимствую эту удачную метафору Натальи Потаповой, использованную Геннадием Бордюговым во введении). Худо-бедно, но обрели ниши в поглотившем всё пространство нашего бытия рынке. Под причитания о «грантах для избранных» и «невозможности опубликоваться» заставили работать издательскую и серийно-полиграфическую индустрию с надрывом и неоправданно затратной (а потому и диктующей запредельные цены) бесперебойностью первого фордовского конвейера начала минувшего века. В общем, как и все остальные россияне, пообвыкли вертеться, а за охватываемый в сборнике период наступившего века – делать это с ещё большей скоростью.

Исторические представления за это время окончательно превратились в ходовой товар, который можно выгодно продать – причём, что порой так сильно задевает адептов Клио (да, задевает, как правило, именно это, а отнюдь не несоответствие заведомой конъюнктуры неким идеалам «чистой науки»), вне зависимости от качества его исполнения. А если учесть, что нынешняя Россия – это очередная эманация Вавилона по сведённому на её пространстве воедино несовместимому и даже противоположному друг другу разнообразию, то можно себе представить, сколь непохожими оказываются востребованные на здешнем рынке (точнее, если уж прибегать к месопотамским аналогиям, восточном базаре) исторические представления. Вернее, продукты с тем или иным содержанием компонентов, имеющих отношение к восприятию прошлого. Ну, в самом деле, в царских дворцах совершенно искренне понимают рыночную ценность образов прошлого вполне определённым образом и готовы оплачивать только лишь соответствующие таким представлениям историосодержащие изделия. Совсем по-другому хочется видеть минувшее из зиккуратов, а потому для интеллектуального шоппинга жреческих корпораций отведены совершенно другие торговые ряды, чем для царских порученцев. Обслуживающим ирригационные сооружения среднечеловекам (которые назло всем заклинаниям об их социальном небытии в полном соответствии с учением Галилея–Декарта тоже вертятся и, следовательно, существуют) нужна своя потребительская корзина образов прошлого. А над изготовлением масскультового комбикорма, способствующего позитивному видению того, что было в Вавилоне недавно или даже очень давно, и пред-

назначенного для подсаживания на него маргиналов из глинобитных и чересчур долго вымирающих депрессивных территорий, следует работать с особым тщанием. Ведь от того, насколько легкопроходимой и прозрачной станет граница между пребыванием в социальном анабиозе от потребления такого комбикорма и зоной с ограниченной ответственностью Нергала и Ко, напрямую зависит качество сомнамбулической стабильности. О бессловесных (в прямом смысле этого слова – плохо понимающих и ещё хуже говорящих по-вавилонски) рабах из пределов некогда Большого Вавилона опять-таки никак нельзя забыть. Мультикультурализм и тому подобная политкорректная туфта в соответствии с распространёнными в цивилизованном Средиземноморье (в отличие от безнадежно отставшего Междуречья) нормами отношения ко всяким там меньшинствам диктуют свои жёсткие правила. А потому требуется обязательное чёткое квотирование доступных для рабочего культурного уровня комиксов в общем вавилонском столпотворении картинок на исторические темы. Что же до астрологов и хиромантов – вавилонского научного сообщества, – то они отнюдь не претендуют на монопольное толкование истории. Эти люди прекрасно понимают, что в хаосе восточного базара раскол вавилонского общества по вертикали и по горизонтали не только необратим, но и стремительно прогрессирует. Каждый из десятков, а то и сотен маленьких вавилончиков в границах пока ещё де-юре единого месопотамского государства хочет эксклюзивного, отвечающего его привычкам и пристрастиям потребления информации о прошлом. В такой ситуации самое правильное для умов вавилонских – говорить об истории на своём, понятном только им языке исключительно в собственном узком кругу. И при этом не поучать остальных, какими историческими продуктами с интеллектуального и тем более медийного рынков питаться можно, а какими – ни в коем случае нельзя. Но вместе с тем непрестанно заниматься своеобразным маркетингом – отслеживать, какой хотят видеть историю в том или ином сегменте вавилонского потребляюще-торгующего народа.

Все вавилоняне клянут такой Вавилон, но при этом каждый из них изо всех сил обустроивает собственное жизненное пространство, фактически совпадающее с пространством его потребления, то есть социального бытия как рыночной единицы. И в общем-то другого Вавилона и не желают. Простоять такой Вавилон может ещё очень долго – во всяком случае, пока за пределами вавилонскими в очередной раз не рухнут цены на дары недр вавилонских... Блудница Вавилонская!

Нет, ни за что не могу согласиться со своим другом, коллегой и многолетним соавтором Геннадием Бордюговым, что «присвоение прошлого» более невозможно «кем бы то ни было». По-моему, всё как раз ровно наоборот. Мы сами, по собственной воле (да-да, не надо самообмана, сладость вавилонского рыночного пленения грезилась советскому обывателю ещё задолго до того, как это самое пленение наступило 20 лет назад) захотели «нормальной жизни», «как у людей». Мы превратили в фундаментальное и никем не оспариваемое (на самом деле, а высокопарную риторику на сей счёт можно не

рассматривать всерьёз) правило максимуму: «Жить – значит потреблять». И до сих пор не можем насытиться – каждый сообразно планке отпущенных ему возможностей. Поэтому именно потребление прошлого как наиболее очевидная и осязаемая форма его присвоения стала для современного российского общества единственно возможным способом его постижения. Главное, чтобы история была повкуснее, поострее, поинтереснее. Или – как вариант – побольше соответствовала критериям, сообразно которым (оставим пока в стороне нашу родную русскую неформализованную так сказать «поддержку») выдаются гранты. Не следует предаваться иллюзиям, что доступность и открытость Сети способны стать средствами против приватизации исторического знания. Тоталитарная и непреодолимая кастовость блогосферы как раз наглядно свидетельствует, что в этом пространстве есть и свои «директоры», и свои «материальные факторы», и свои «корпоративные связи», а значит, и свои «зависимости». Для гомовиртуалов своя история, для гетероузоров – своя. И всё это с безапелляционным цинично-вульгарным и демонстративно приниженным объективизмом. Такой «новый формат дискуссий» сродни какофонии вампирских отрыжек...

Авторы настоящего сборника придерживаются двух ярко выраженных способов подачи материала.

Одни просто каталогизируют побывавшие за отмеренные 8 лет на рынке исторических знаний товары. То есть поступают, как описанные выше вавилонские мудрецы, которые стремятся не к пресловутой и недостижимой правде истории, но к тому, чтобы обладать всей полнотой информации о том, на какие исторические представления существует спрос в наиболее репрезентативных группах современного вавилонского общества. И по ходу высказывают собственные субъективные суждения о должном – в противоположность, выражаясь наукообразным языком, полидискурсивным практикам исторических нарративов, или – иными словами – истории, превращённой в товар. А что ещё остаётся делать, чтобы и выжить, и при этом не погрязнуть всё-таки ещё пока не отменённые представления о профессиональной этике?

Другие же пытаются с позиций некоей объективной науки (само существование которой для гуманитарного знания представляется недоказуемым) обличать дефекты исторических интерпретаций, ставших продуктами потребления и продажи. То есть сравнивают холодное с зелёным и сладкое с длинным. Стоит ли? Бисера не хватит! Но в то же время если перестать оценивать окружающую действительность по гамбургскому счёту и отказаться от упёртой савонарольской испущённости, то можно легко поддаться искушению и капитализировать имеющиеся профессиональные компетенции сообразно с существующей рыночной конъюнктурой. Причём пойти на такой шаг с полной уверенностью в его разовости, продиктованной насущной потребностью решить сиюминутные проблемы за счёт подобного компромисса с самим собой.

С одной стороны, историки – плоть от плоти того общества, в котором они живут и работают, а не того, которое изучают. А посему вправе ли мы требо-

вать от этого весьма специфического – brutally проживающего несколько жизней одновременно (собственную и исследуемых героев) и через это влекущего свою особость – цеха гуманитариев следовать каким-то другим, а не господствующим вокруг них, поведенческим нормам? С другой стороны, кому как не историкам, регулярно соприкасающимся с иными представлениями о смысле и предопределённом этим смыслом стиле жизни, бросить вызов историческому знанию как всего лишь одному из способов интеллектуального или эмоционального потребления?

Каким путём пойти – дело личного выбора каждого. Симптоматично, что сборник начался и заканчивается рассуждениями о выборе – действии, на которое способна лишь подлинно свободная и действительно субъектная личность. И заниматься историей стоит уже хотя бы потому, что подобные изыскания помогают создать такую личность. Но правомерно и обратное утверждение. Личность, обязанная своими лучшими качествами постижению истории, в долгу перед последней и должна отплатить своей воспитательнице хотя бы неравнодушным и подлинно ответственным к ней отношением.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абель Р. – 253
Абинякин Р.М. – 207, 415
Аблажей Н. – 249, 353
Аблизин В.А. – 279, 286
Аблова Н.Е. – 372
Абраменко Л.М. – 251
Абрамов А.В. – 248
Абрамов М.А. – 157
Абрикосов Д. – 72
Аверьянов В.В. – 372
Авторханов А. – 145
Агапов А.Б. – 282
Агеева О.Г. – 141
Аденауэр К. – 328, 329
Адлер М. – 157
Адорно Т. В. – 459, 470
Азамов О.В. – 414
Айдаев Ю. – 248
Аймермахер К. – 314, 488
Айрапетов О.Р. – 189, 207, 414
Айсман Дж. – 334, 342
Акопов А.А. – 207
Аксельрод Л.И. – 157
Аксельрод П.Б. – 157
Аксютин Ю.В. – 174
Алданов М. – 347
Александр I – 413
Александр II – 118, 122, 125, 133, 141
Александр III – 111, 122, 128
Александр Невский – 104, 427, 532–535, 538, 546, 547
Александров – 70, 71
Александров А.А. – 143
Александров Б.Ю. – 206, 413
Александров К.М. – 32, 215, 245, 303, 304, 315, 359, 360, 371, 374, 411
Алексашин М. – 177
Алексеев Д.Ю. – 365, 375
Алексеев К.Э. – 414
Алексеев Н.Н. – 213, 221
Алексеев Р. – 334
Алексеев Ю.Г. – 411
Алексеевко В.И. – 289
Алексий II – 425, 426, 446, 530
Алексушин Г.В. – 178
Алехин Д.В. – 94, 209
Алехина Е.В. – 90, 209
Алешина Е.Ю. – 511
Алтухов В.Т. – 177
Андерсон К. – 153
Андреев Д.А. – 52, 111, 115, 140
Андреевская И. – 513
Андроников Н.Г. – 314
Андропов Ю. – 102, 127, 142, 336
Аникеев А.В. – 416
Анисимов В.В. – 414
Анна Иоановна – 128
Аношкин – 339
Антонов В.С. – 287
Антошин А.В. – 348
Антощенко А. – 478
Антуфьев А.А. – 249
Анфилов В.А. – 262, 282, 288
Анфимий – 476, 477
Аптекарь П. – 222, 285
Аранович А.В. – 413
Арафат Я. – 335
Арбатов А. – 318, 319, 341
Аристотель – 432
Арманд И. – 147, 152
Арон Л. – 142
Артамонов В.А. – 412
Артеменко С. – 178
Артемов В.А. – 176
Артизов А. – 178, 180, 247
Арутюнов А. – 152, 158, 283, 469
Арцыбашев В.А. – 289
Асад Х. – 335
Астафьев В. – 59
Асташов А.Б. – 191, 192, 207, 208, 211, 406
Астров Н.И. – 118, 140
Аурилене Е.Е. – 252, 353, 372
Аурова Н.Н. – 413
Афанасьев А.А. – 178
Афанасьев В.Г. – 157
Афанасьев Ю.Н. – 10–12, 144, 157
Аффлербах Г. – 197
Ахиезер А.С. – 213, 221
Ахромеев С.Ф. – 104
Ачалов В.А. – 339

Б

- Бабаева Л.М. – 176
Бабель И. – 176
Баберовски Й. – 174, 176, 235, 249
Бабкин М. – 435, 439–445, 453
Багаутдинов Р.О. – 415
Багдасаров Р.В. – 428–431, 453
Багдасарян В.Э. – 233, 250, 287, 290
Бажанов Е.П. – 135, 143
Баженов Н.Н. – 316
Баженова К.Е. – 209
Базанов П.Н. – 349, 364, 365
Базанов С.Н. – 189, 206, 211, 370, 373, 375, 414
Байерляйн Б. – 175, 296
Бак Б.А. – 244

- Балашов Е.А. – 285
 Балашов Н. – 175, 285
 Балина М. – 178
 Балицкий В.А. – 240
 Балла Т. – 205
 Балмасов С.С. – 223, 251, 358, 371–373
 Балуев А. – 65
 Бандера С. – 98–101, 309
 Барабаш В.В. – 52
 Бардин А.В. – 175
 Бардыго Н.С. – 414
 Баринов В. – 104
 Барнес Г.Э. – 34
 Барон Н. – 176
 Бар-Селла З. – 227, 248
 Барсенков А.С. – 18, 42–44, 51
 Барышников В.Н. – 285
 Барышников Н.И. – 285
 Барятинский А.И. – 413
 Басенко Ю.В. – 178
 Басистов Ю.В. – 298
 Батулин Ю. – 253
 Батырбаева Ш.Д. – 176, 249
 Батюшков К.Н. – 351
 Бауэр О. – 157
 Бахметев Б.А. – 348, 370
 Бахтурина А.Ю. – 208
 Баччи М. – 477
 Бегунова А.И. – 413
 Бедный Д. – 169
 Безбородов А.Б. – 52
 Безруков С. – 68
 Безыменский Л.А. – 279, 281, 282, 286–288
 Бей Е.В. – 413
 Бек Л. – 74
 Беккер С. – 390, 395
 Беликов Г.А. – 219, 223
 Белинский В.Г. – 351
 Белковец Л.П. – 176, 237, 251
 Белов Е.А. – 92, 415
 Белова И.Б. – 209
 Белогурова Т.А. – 207
 Белоусов С.В. – 412
 Белых Н.Ю. – 175
 Бельчич Ю.В. – 356, 373
 Беляков В.В. – 372
 Бен Ладен У. – 319
 Бенвенути Ф. – 228
 Бенедиктов К. – 51
 Бенеш Э. – 286
 Берг А. – 334
 Бергсон А. – 372
 Бердинских В. – 465, 471
 Бердяев Н.А. – 355, 372
 Берельковский И.В. – 179
 Берия Л.П. – 82, 94, 171, 177, 227, 228, 248, 252, 265
 Берман М.Д. – 243
 Берхман Г.Э. – 205
 Бестужев-Рюмин К.Н. – 526
 Бешанов В.В. – 32, 83
 Бжезинский З. – 328, 334
 Бжезинский М. – 334
 Бибииков М.М. – 52
 Бивор Э. – 31, 308, 316
 Бикметов Р.С. – 250
 Бим-Бад Б.М. – 179
 Биннер Р. – 175, 234, 247, 249, 250
 Бирон Э. – 128, 129, 142
 Битюков К.О. – 370
 Бичевин Л. – 103
 Блиев М.М. – 51
 Блок М. – 417
 Блюм А. – 176, 178
 Блюхер В. – 72
 Бобков А.С. – 222
 Бобров М.А. – 282, 289, 411
 Бобылев П.Н. – 227, 288, 289
 Бобылов Ю. – 227
 Богданович А.В. – 141
 Боголюбский А. – 539–542, 548
 Богомолов В. – 90
 Богуславская О. – 159
 Богущкий А.Е. – 415
 Боева Л.А. – 232, 249
 Бок Ф., фон – 87
 Бокарев Ю. – 281
 Болгарин И. – 67
 Болотов С.А. – 227
 Болтаевский А.А. – 205
 Болтунова Е.М. – 412
 Большакова А. – 215, 221
 Бомсдорф Ф. – 50
 Бондаревская Т.П. – 157
 Бондаренко В. – 430
 Бордюгов Г.А. – 24, 35, 50, 52, 115, 136, 140, 142, 143, 145, 157, 159, 182, 249, 298, 310, 311, 314, 317, 348, 488, 518, 519, 533, 535, 538, 543, 546, 549, 550, 604
 Борецкий Р. – 337, 338, 343
 Борисова Л.В. – 232, 249
 Бородин А.П. – 132, 143, 447
 Бородин Л. – 213
 Бородина А. – 447, 449, 453
 Бородкин Л.И. – 175, 250
 Бортко В. – 63, 65
 Бос С. – 87
 Боханов А.Н. – 48, 52, 116, 117, 140
 Бочарова З.С. – 348, 356, 359, 370, 373
 Брайович С.М. – 157
 Брандт В. – 329
 Брахман Р. – 165, 179
 Брежнев Л.И. – 60, 97, 101, 126, 127, 139, 142, 149, 163, 172, 174, 311, 322, 327, 331, 332, 341
 Бровко О.А. – 414
 Бродский Ю. – 250
 Брусилов А.А. – 188, 206, 411, 413
 Брюллов К.П. – 351
 Буббайер Ф. – 170, 176, 181
 Буденный С.М. – 66, 74, 75
 Будницкий О.В. – 348, 357, 362, 370, 373, 374
 Бузгалин А.В. – 174, 180, 182

Букалова С.В. – 209
 Буков К.И. – 157
 Булавка Л.А. – 495, 509
 Буланин Д. – 56
 Булатова Л.В. – 209
 Булгаков М.А. – 23, 154, 179
 Булгаков С.Н. – 346
 Булдаков В.П. – 114, 140, 174, 208, 217, 222, 223, 231, 238, 249, 252, 344, 370
 Булыгина Т.А. – 470
 Бунин И.А. – 346, 473
 Буравой М. – 12
 Бургина А. – 367
 Бурденко Н.Н. – 296
 Бурдс Д. – 249
 Буртин Ю. – 155, 159
 Буслаев А.И. – 520, 543
 Бутулис И. – 317
 Бухарин Н.И. – 144–146, 170, 172, 283, 337
 Бухарин С.Н. – 283
 Бушин В.С. – 24
 Бушуева Т.С. – 280
 Буяков А.М. – 252
 Быков В. – 59, 316
 Быков Д. – 506
 Быстрова И.В. – 415

В

Вайль П. – 493, 497, 508, 509
 Вайскопф В.Я. – 180
 Вайскопф М.Я. – 167, 168, 179–181
 Вакулов В.Е. – 413
 Валева Е.Л. – 281, 286
 Валентинов Н. – 158
 Валиахметова Г.Н. – 281
 Валлетти Э. – 375
 Ваньят Т.Г. – 176
 Василевский А.М. – 80
 Василий II – 432
 Василий III – 123, 404, 411
 Васильев А. – 240
 Васильев В.В. – 240, 414
 Васильева О. – 71, 419
 Васькин А.А. – 170, 181
 Ватлин А.Ю. – 174, 175, 205, 239, 252
 Ватутин Н.Ф. – 80, 297, 314
 Вацетис И.И. – 233
 Вдовин А.И. – 18, 35, 42–44, 51
 Вебер Г. – 175
 Вейдле В.В. – 355, 372
 Великанова О. – 154
 Величанская Л.А. – 174
 Вепрев О.В. – 254
 Веревкин С.И. – 32, 35, 305, 316
 Верес Л. – 145
 Вернадский Г.В. – 355
 Верт Н. – 174, 178, 235, 236, 250
 Верт П. – 387
 Визбор Ю.И. – 491, 492, 504, 508, 513
 Вильгельм II – 358

Вильсон В. – 149, 241, 320
 Виноградов В.Н. – 186, 194, 205
 Виноградов П.В. – 205
 Виола Л. – 175, 232
 Виппер Р.Ю. – 119, 141
 Вирфель Н.А. – 208
 Вишлев О.В. – 279–283, 287, 290
 Вишленкова Е. – 480, 488
 Влади М. – 347
 Владимирский М. – 148
 Власов А.А. – 21, 51, 86, 87, 304, 305, 315, 359, 360, 363, 374, 411
 Водолацкий В.П. – 21
 Водопьянова З.К. – 176
 Войнович В. – 60
 Войнровский О.В. – 415
 Войтиков С.С. – 223, 233, 250, 414, 415
 Войтинский В.С. – 157
 Волков В. – 223
 Волков В.А. – 411
 Волков В.К. – 281, 282, 286
 Волков Е.В. – 415
 Волков И.В. – 412
 Волков С.В. – 251, 411, 415
 Волков Ф. – 156, 159
 Волгогонов Д.А. – 148, 149, 156, 158, 338
 Волобуев О.В. – 46, 52, 149
 Волобуев П.В. – 185
 Володарский Э. – 64
 Володихин В. – 44
 Володихин Д.М. – 123, 124, 141, 411
 Волокитина Т.В. – 176
 Волохова В. – 478
 Волошин М. – 213
 Вольтер Г. – 178
 Воробьев К. – 104
 Воробьева М.В. – 494, 507, 508
 Воронин Н.Н. – 541, 548
 Воронина Т.Ю. – 466, 548
 Воронова М. – 87
 Воронцов Ю. – 69, 70, 341
 Ворошилов К.Е. – 75, 78, 80
 Воскочков Л.В. – 126
 Востокова Н.С. – 371
 Вошинский Б. – 178
 Врангель П.Н. – 220, 222, 223, 415
 Врубель М. – 154
 Вульф Л. – 481, 488
 Выскочков Л.В. – 140, 142
 Высоцкий В.С. – 98, 221, 504
 Вышеславцев Б.П. – 355, 372
 Вяземский Е.Е. – 52
 Вяземский П.А. – 351

Г

Габрилович Е. – 221
 Гавриков Ф.А. – 209
 Гаврилов П. – 82–85, 287
 Гавришина О. – 475

- Гагарин Ю.А. – 104
 Гагин В.В. – 285
 Гагкуев Р.Г. – 211, 222, 415
 Гайда Ф.А. – 122, 123, 141, 207, 440, 442, 444, 453
 Гайдар А. – 218
 Гайдар Е.Т. – 106
 Гайдук И.В. – 341
 Гайдук Н.В. – 320
 Галилей Г. – 549
 Галин В.В. – 215
 Галицкий В.П. – 206, 285
 Галкин В. – 66
 Гальдер Ф. – 410
 Ганелин Р.Ш. – 34, 282
 Ганин А.В. – 206, 219, 223, 415
 Гарбулева Л. – 362, 374
 Гареев М.А. – 288, 314, 401
 Гасаналиев М. – 412
 Гатрелл П. – 209
 Гациский А.С. – 526, 527, 536, 544
 Гашенко В.А. – 244, 254
 Гвишиани М.М. – 228, 248
 Геббельс Й. – 282
 Гевуркова Е.А. – 52
 Гегель Г. – 153, 158
 Гейтс Р. – 338
 Гельман В. – 12
 Гендлин Л. – 74
 Генис А. – 493, 497, 508, 509
 Герасимов В.Л. – 188, 205, 287, 288
 Герасимов Г.И. – 289
 Герасимов И. – 380, 382, 384, 385, 390, 392, 395, 396
 Герасимов С.А. – 316
 Гергилева А.И. – 206
 Геринг Г. – 98
 Гермоген, патриарх – 527
 Геродот – 420
 Герцен А.И. – 350, 351, 507
 Гесс Р. – 261, 282
 Гессен М. – 181
 Гефтер М.Я. – 144, 157
 Гимон Т.В. – 181
 Гитлер А. – 21, 34, 74, 76–78, 80, 81, 84, 87, 90, 99, 101, 262, 271, 279–283, 286, 287, 293–297, 306, 313, 314, 319, 325, 358, 359, 361, 373
 Главацкий М.Е. – 350, 370
 Гладков Т.К. – 245, 253, 254
 Глазкриницкая С.С. – 372
 Гланц Д. – 107, 316
 Глебов С. – 384, 385, 392, 395, 396
 Глинская Е. – 61
 Глэд Д. – 347
 Глэнц Д. – 89, 307
 Гоголь Н.В. – 23
 Годованец А. – 476–478, 487
 Годунов Б. – 125, 141, 430
 Голдин В.И. – 219, 222, 240, 252, 358, 373, 415
 Голдман В. – 174, 176, 235, 250
 Голиков А.Г. – 289, 483, 484, 488, 544
 Голиков И.И. – 525
 Голицын В.В. – 282
 Голлербах С. – 346, 347
 Голованов В.Я. – 219, 223
 Головин Н.Н. – 184, 217, 398, 410
 Голоскоков И.В. – 254
 Голуб П. – 214, 219, 223, 286
 Голубев А. – 465
 Голубев А.В. – 290, 471
 Голубев К.Д. – 86, 290
 Голубин Р.В. – 209
 Голубинов Я.А. – 209
 Голубовский А. – 51
 Гольц Г.А. – 215, 221
 Гончаренко О.Г. – 359, 373
 Гончаров А. – 219
 Гончаров В. – 156, 159, 252, 285
 Горбач В.Г. – 307, 316
 Горбачев М.С. – 22, 106, 134, 135, 143, 177, 324, 327
 Горбушин Н.Г. – 373
 Гордина Е.Д. – 512
 Горелик Г.Е. – 469
 Горецкий В.В. – 247
 Горидько М.И. – 372
 Горлицкий Й. – 177, 179
 Городецкий Г. – 175, 297
 Горский А.А. – 546
 Горький М. – 169, 181, 371, 475, 529, 547
 Горьков Ю.А. – 274, 288
 Горяева Т.М. – 176, 298
 Горянин А.Б. – 366, 375
 Гофман Д. – 490
 Гофман И. – 308, 316
 Гранин Д. – 357
 Грациози А. – 175, 176, 181, 233
 Грачев-Седых В. – 341
 Гребенкин И.Н. – 192, 205, 206, 208, 210, 414, 415
 Гребнева Г.А. – 372
 Грегори П. – 175, 176, 250, 327, 336
 Грецкий М.Н. – 157
 Грибоедов А.С. – 154
 Григоров А.И. – 194, 210
 Григорьев Б. – 69
 Григорьев В.В. – 53, 58
 Григулевич И. – 253
 Гринберг Р.Н. – 374
 Гринев В.М. – 247
 Гриневич Н. – 74
 Грицаева А.Н. – 210
 Гриценко Н.К. – 140
 Гришин Я.Я. – 337, 343
 Громов А.В. – 254
 Громыко А.А. – 322, 332, 333, 336
 Громыко М. – 428
 Гросул В.Я. – 122, 141, 286, 350, 351, 370
 Грушин П. – 334
 Гудериан Г. – 84, 264, 410
 Гудков Л.Д. – 182, 470, 495, 508, 509, 513
 Гужва Д.Г. – 207
 Гуль Р.Б. – 347

Гумилев Н. – 355
 Гуревич А.Я. – 509
 Гуров В.А. – 416
 Гусева Е. – 84
 Гусева Т.В. – 534
 Гусман Л.Ю. – 352, 371
 Гушин Ф.А. – 206, 209, 410
 Гуэрра Т. – 347
 Гэддис Д.Л. – 325
 Гэтрелл П. – 158

Д

д'Арк Ж. – 528
 Давидсон А.Б. – 353
 Давыдова В. – 74
 Даладье Э. – 279
 Даллин А. – 101
 Даниелс Р.В. – 174
 Данилевский И. – 45, 51
 Данилин П.В. – 26, 302
 Данилов А.А. – 20, 21, 23, 39–41, 48, 52, 309
 Данилов В.П. – 20, 21, 23, 40, 41, 48, 152, 174, 213, 242, 247, 309
 Данилов Е. – 152
 Даниэль А. – 182
 Дашичев В.И. – 280
 Дашкова Т. – 486, 488
 Двуреченский О.В. – 411
 Девулт М. – 466, 471
 Дегоев В.В. – 412
 Дегрелль Л. – 360
 Дегтев Д.М. – 316
 Дегтярев К. – 253
 Дедков Н.И. – 149, 158
 Декарт Р. – 549
 Декстер-Уайт Г. – 241
 Делез Ж. – 141
 Делягин М.Г. – 136, 137, 143
 Демидов С.В. – 279
 Демидова М.П. – 375
 Демина И.С. – 209
 Демоз Л. – 501, 511
 Демьянов А. – 88
 Деникин А.И. – 188, 206, 216, 222, 358, 373, 415
 Деннингхаус В. – 176, 249
 Деревянко П. – 67
 Деселье П. – 483
 Джераси Р. – 387, 388, 395
 Джесюпов Э.С. – 412
 Джордж Л. – 149
 Джуха И.Г. – 249
 Дзержинский Ф.Э. – 148, 172, 247
 Дик А.А. – 501, 511, 512
 Димитров Г. – 278, 290
 Диомид, епископ – 444
 Дицш Ш. – 177
 Дичбалис С. – 374
 Дмитриева И.А. – 163, 164, 174, 177
 Добренко Е. – 178, 234, 250
 Добротвор Н.М. – 537, 547

Добрынин А. – 319, 329, 331, 340, 341, 343
 Дойков Ю. – 220, 223
 Дойков Ю.Н. – 220
 Докучаев М.С. – 244, 254
 Долгова И.Л. – 511
 Долгополов Н. – 253
 Долгорукий А. – 346
 Долгорукий Ю. – 541, 548
 Долинин В.Э. – 365, 371, 375
 Долуцкий И.И. – 38, 50
 Домников С.Д. – 215, 221
 Домрачева Т.В. – 176
 Донгаров А.Г. – 284
 Дорошенко В.Л. – 280
 Досталь Н. – 91
 Достоевский М.М. – 64
 Достоевский Ф.М. – 64, 65
 Драбкин А. – 315, 460
 Дриг Е.Ф. – 289
 Дроздовский М.Г. – 415
 Дубин Б.В. – 10, 12, 182, 513
 Дубинин Ю.В. – 341
 Дубровин В.П. – 254
 Дубынин В.П. – 339
 Дударев А.В. – 310
 Дулатбеков Н.О. – 248
 Дульян А.Г. – 331, 342
 Дундович Е. – 174
 Дунский Ю. – 221
 Дутов А.И. – 188, 206, 415
 Дуэль А. – 453
 Дыбенко П. – 74
 Дьюкс П. – 146
 Дэвис Р. – 236
 Дэвлин Дж. – 171, 181
 Дюков А.Р. – 26, 178, 280, 310
 Дюллен С. – 176

Е

Евдокимов Е.Г. – 227
 Евладова Е.Б. – 52
 Евсеева Е.Н. – 178
 Евстифеев Р.В. – 541
 Егоров В.Л. – 546
 Егоров Н.Д. – 415
 Егорова Н.И. – 320, 321, 341
 Ежов Н.И. – 75, 94, 164, 175, 240, 247, 252, 253
 Екатерина II – 98, 112, 141, 525
 Елизаров М.А. – 219, 223
 Ельцин Б.Н. – 222, 95, 127, 134, 135, 142, 149, 163, 174, 298, 530, 546, 547
 Емелин В.С. – 27
 Емельянов А. – 149
 Емельянов Б.В. – 372
 Емельянов Ю. – 150, 177
 Енко К.И. – 152
 Епишев А. – 311
 Еременко А.И. – 86
 Еременко В. – 145

Еремин И.А. – 209
 Ерещенко М.Д. – 286
 Ермолаев Д.Е. – 501, 511
 Ермолов А.П. – 413
 Ермолов И.Г. – 316
 Ерофеев В. – 145
 Есаков В.Д. – 176
 Есин С.Н. – 152
 Ефремов М. – 87
 Ешевский С.В. – 526, 544, 545, 547

Ж

Жванецкий М.М. – 513
 Жданова Г.Д. – 174, 247
 Ждановская З.В. – 157
 Жебровский С.С. – 206, 410
 Желтов И.Г. – 289
 Жилин П.А. – 397, 410
 Жилин С. – 219
 Жиромская В.Б. – 248
 Жуков Г.К. – 80, 88, 91, 98, 107, 275, 288, 289,
 302, 315, 316
 Жуков Д.А. – 316
 Жуков Ю.Н. – 165, 179, 228, 287
 Жукоцкая З.Р. – 511
 Жукоцкий В.Д. – 511
 Жукоцкий З.Р. – 500
 Жумадилова Н.Т. – 248
 Журавель В.А. – 281
 Журавлев В.В. – 372
 Журавлев В.И. – 178
 Журавлев П.С. – 415
 Журавлева М.Д. – 208
 Журавский А.В. – 420
 Жухрай В.М. – 262, 282

З

Загайнова В.Л. – 254
 Загладин Н.В. – 48, 52
 Зайончковский П.А. – 397, 406, 413
 Залевски М. – 197
 Залепеев В.Н. – 279, 281–284
 Залесский К.А. – 210, 533
 Захаров В.М. – 285, 288
 Заярнюк А. – 490, 507
 Зверева Г.И. – 27
 Зверева Л.А. – 178
 Зворыкин В. – 346
 Зданович А.А. – 243, 254
 Здравомыслова Е. – 457, 470
 Зезина М.Р. – 127, 142
 Земляной С.Н. – 115
 Земсков В.Н. – 249
 Зефиоров М.В. – 307, 316
 Зима В.Ф. – 233, 250
 Зимовец Л.Г. – 372
 Зимянина Е.В. – 372
 Зиновьев А.А. – 495, 496, 499, 508–511
 Зиновьев Г.Е. – 165, 181

Зитцер Э. – 119
 Златина М.А. – 209
 Златоустова В.И. – 178
 Злобин Н.В. – 325, 333, 342
 Золотарев В.А. – 210, 240, 253, 314
 Золотарьев В.А. – 247, 252
 Зорге Р. – 80, 287
 Зоркая Н. – 488
 Зубаров И.Е. – 209
 Зубачев И. – 82, 83, 85, 86
 Зубкова Е.Ю. – 35, 176, 178, 249, 267, 284, 285,
 297, 298, 509
 Зубов А.Б. – 214, 221, 303, 304, 419, 421, 452
 Зубок В. – 177, 320, 341
 Зунда А. – 317
 Зюзев Н.Ф. – 372
 Зюзина И.А. – 178

И

Иван III – 123, 404, 411
 Иван IV (Грозный) – 59, 61, 62, 65, 98, 119, 123,
 124, 141, 216, 411
 Иванов В.Н. – 72
 Иванов Д. – 206
 Иванов Р.Ф. – 179
 Иванов С.А. – 26
 Иванов Ю.С. – 282
 Иванова Л.В. – 371
 Иванова Н.М. – 210
 Иванова Р.М. – 43
 Ивашко М.И. – 414
 Ивлев И.И. – 299, 300, 315
 Ивченко Л.Л. – 413
 Игнашов А. – 254
 Идрисов Р.А. – 546
 Измозик В.С. – 48, 52
 Ионов В.В. – 205
 Илизаров Б.С. – 166, 180
 Илличевский Н.В. – 314
 Ильенков С.А. – 299, 315
 Ильин В. – 95
 Ильин И.А. – 355, 372, 438
 Ильина Т.Н. – 413
 Ильинский Н. – 523, 544
 Ильиных В.А. – 175
 Ильюхов А.А. – 177
 Илюхин В.И. – 283
 Ионцев В.А. – 352, 370, 371
 Иосифян А.Л. – 334
 Иоффе Г. – 158, 223, 347
 Ипполитов Г.М. – 206, 415
 Ипполитов С.С. – 354, 372
 Иринчев Б. – 285
 Исаев А.В. – 307, 316
 Исаев В.И. – 250
 Исайкина С.Д. – 52
 Исидор – 476
 Исламов Т.М. – 286
 Истер Дж. – 166, 176, 179

К

- Кабацков А.Н. – 251
 Кабаченко А.П. – 118, 141
 Кабытов П.С. – 132, 133, 143
 Кавалерчик Б.К. – 289, 314
 Кавтарадзе А.Г. – 206
 Каганович Л.М. – 247
 Каддафи М. – 335
 Кадочников П. – 92
 Казаков А.В. – 254
 Казаков М. – 102
 Казанцев А.А. – 207
 Кайдановский А. – 69
 Кайдашев С.В. – 52
 Калашников К.А. – 289
 Калашников Н. – 487
 Каледин А.М. – 188, 206, 415
 Каленов И. – 533
 Калинин М.И. – 74, 75
 Каллаш В.А. – 545
 Калугин О. – 103
 Кальтенбрунер Э. – 98
 Каменев Л.Б. – 165, 181
 Каменский А.Б. – 52
 Каминский Б. – 305
 Каминский В.В. – 223, 415
 Каневская Г.И. – 354, 361, 372, 374
 Канищева Н. – 158
 Кантор Ю.З. – 415
 Капистка В.В. – 281
 Капитонова Н.К. – 279
 Капель В.О. – 68, 415
 Капран И.К. – 362, 374
 Каптан Н. – 67
 Капто А.С. – 280
 Капченко Н.И. – 179
 Капчинский О.И. – 239, 252
 Карагодина С.В. – 124, 141
 Карамзин Н. – 61
 Кара-Мурза С.Г. – 133, 137, 138, 143, 217, 221, 491, 507, 508
 Карапетян Г. – 341
 Карасин Г.Б. – 31
 Караченцов Н. – 347
 Караш Ю. – 334
 Кареев Н.И. – 547
 Карелов Е. – 221
 Карнаев О.В. – 254
 Карнер С. – 375
 Карпенко С.В. – 215, 221
 Карпов А.Ю. – 548
 Карпов В.В. – 228
 Карпов В.С. – 374
 Карпов Н.Д. – 415
 Карпович М.М. – 355
 Каррер д'Анкокс Э. – 154, 174
 Карсакова Г.Н. – 247
 Картер Дж. – 328
 Карьер д'Анкокс Э. – 154
 Карякин Ю. – 149
 Касаев А.Ч. – 142, 348
 Кастро Ф. – 330, 331
 Каутский К. – 147, 157
 Качелин А.С. – 248
 Каширин В.Б. – 187, 205, 210
 Кашкаров Ю. – 347
 Квакин А.В. – 354, 372
 Кемпе Ф. – 323, 327–330
 Кен О. – 285, 416
 Кеннан Дж. – 325, 332, 342
 Кеннеди Дж. – 327–331, 342
 Керенский А.Ф. – 105, 106, 208, 359, 373
 Керсновский А.А. – 184, 398, 410
 Кибовский А. – 206
 Кижаева Т.А. – 208
 Кижеватов А. – 85
 Кизеветтер А.А. – 528, 545
 Кикнадзе В.Г. – 188, 205, 287
 Килин Ю.М. – 285
 Киличенко А.А. – 342
 Киличенков А.А. – 334, 342
 Кинг М. – 451
 Кип Дж. – 177, 238, 248
 Кириенко Ю.К. – 206, 415
 Кирилл, патриарх – 425–428, 448, 450
 Кирпичников А.Н. – 404, 546
 Кирпонос М. – 80
 Кирьянов Ю.И. – 207
 Киселев А.Ф. – 370
 Киселев П.Д. – 413
 Кисс Г. – 205
 Киссинджер Г. – 319, 322, 323, 331–333
 Китанина Т.М. – 208
 Кларк К. – 234
 Клемансо Ж. – 149
 Клещевский В.А. – 159
 Клименкова Т. – 466, 471
 Климов Е.В. – 118
 Климов Э. – 94, 141
 Клинтон Б. – 324
 Клоков В.А. – 46, 52
 Клыпа П. – 85
 Ключевский В.О. – 49, 52, 547
 Ключник Р. – 217, 221
 Кнышевский П. – 71
 Ковалев Б.Н. – 209, 284, 304, 315
 Ковалев С.Н. – 283, 284, 334, 416
 Коваленко А.Ю. – 412
 Ковригина С.В. – 178
 Ковтун И.И. – 316
 Кожановская И. – 174
 Кожевин В.Л. – 206, 207
 Коженевска-Берчинска И. – 497, 509
 Козенко Б.Д. – 204
 Козленко С.И. – 52
 Козлов А.Г. – 471
 Козлов А.И. – 206, 373, 415
 Козлов В.А. – 145, 157, 159, 174, 178, 179, 228
 Козлов Д.Ю. – 187, 205, 411
 Козлова Н.Н. – 496, 497, 509
 Козляков В.Н. – 125, 141

- Койгелдиев М.К. – 248
Кокошин А.А. – 314
Кокурин А.И. – 178, 247, 252
Колганов А.И. – 152, 158, 174, 180, 182
Колесников А.С. – 252
Коллонгай А. – 74, 285
Колобов А.И. – 529
Коломиец М.В. – 285
Колоницкий Б.И. – 190, 207, 488
Колосова В.О. – 371
Колпакиди А.И. – 240, 250, 253
Колчак А.В. – 21, 68, 69, 72, 357, 415
Кольчев И. – 62
Комаровская В.П. – 414
Комнин А. – 432
Комов О.К. – 529
Кондаков А. – 45, 46, 51
Кондратьев Н.Д. – 214
Кондратьева Т.С. – 174
Кондрашин В.В. – 175, 218, 222
Коновалов А.Б. – 178
Коновалова О.В. – 373
Константинов Д. – 374
Константинов С.В. – 206, 363
Константинова В. – 467, 471
Коньшев Е. – 177, 478
Копелев Л.З. – 316
Копылов Е.Ю. – 205, 207
Кораблев Ю.И. – 222
Корни Ф. – 119
Корнилов Л.Г. – 105, 106, 188, 206, 415
Коровин В.М. – 205
Коровина Л. – 208
Королев М.А. – 413
Короленко В.Г. – 547
Короленков А.В. – 283, 287
Коростелев О. – 347, 374
Коротков А. – 253
Корф М.А. – 141
Косаковский А.А. – 247
Косик В.И. – 371
Костиков В. – 149
Костырченко Г.В. – 176, 178, 248, 249
Косыгин А.Н. – 332
Котеленец Е.А. – 52
Коткин С. – 490
Котовский Г.И. – 66, 67, 96
Коттэ А. – 85
Котюков К.Л. – 411
Котюкова Т.В. – 208
Кочетков В.В. – 245
Кочетова Е.В. – 511
Кошелева Л.П. – 158
Коэн С. – 12, 135, 136, 143, 178, 250
Кравцов А.Н. – 372
Кравчук А. – 68
Крамаров Н.И. – 52
Крамер М. – 324
Красильников С.А. – 175, 232, 237, 247, 249–251
Красин Л. – 71
Краснов П.Н. – 21, 359, 415
Краснопольская Н.Е. – 279
Красовицкая Т.Ю. – 178
Краус С. – 78
Крейд В. – 347
Крекшин И. – 372
Кремлев С. – 177
Кремнев С.С. – 374
Крестинский Н. – 148
Кривошеев Г.Ф. – 299–301, 315, 409
Кривошеин С. – 84
Кривушин И.В. – 343
Крикунов П. – 358, 373
Кринко Е.Ф. – 467, 472
Кроманов Г. – 69
Кронер Э. – 220, 223
Кропачев С.А. – 229, 248
Кротков А. – 152
Кротов Я. – 511
Кротова М.В. – 356, 373
Круз Р. – 387
Крумин К.Я. – 245
Крумм Р. – 176
Крутов В. – 145
Кручинин А.М. – 219
Крыленко Н. – 71
Крылов В.М. – 413, 469
Крылов П.В. – 469
Крылова Н.Л. – 353, 372
Крючков В. – 106, 327
Кудрявцев В. – 233, 250
Кузин А.В. – 416
Кузнецов А.А. – 23, 207, 544–546, 548
Кузнецов В.А. – 413
Кузнецов Д.А. – 23, 206, 514
Кузнецов Н. – 92
Кузнецов Н.А. – 374
Кузнецов Ю. – 62
Кузьмин А.Б. – 75, 414
Кузьмина Ю. – 74, 75
Кузьминых А.Л. – 410
Кукушкин В.Е. – 370
Кукушкин Ю.С. – 42
Кулагин К.Л. – 316
Кулаев И.В. – 347
Куланов А. – 484, 488
Кулешова Н.Ю. – 290
Куликов В.Г. – 338, 339
Куликов В.Ф. – 412
Кульгешев П.Г. – 211
Кульгускина Л.В. – 501, 511, 512
Кульков Е.Н. – 281, 282
Куманев Г.А. – 279, 282, 285
Кунгуров А.А. – 258, 280
Кунце М. – 84
Куприн Д.Л. – 370
Куприянов А.И. – 509
Купцов И.В. – 415
Купцова И.В. – 205, 208
Кураев А. – 426, 449, 453
Кургинян С. – 105, 106
Куреньшев А.А. – 355, 373

Курин Л. – 157
 Курляндский И. – 41, 166, 170, 180
 Курмышов В.М. – 283, 285
 Куромия Х. – 235
 Куропаткин А.Н. – 210, 411
 Курукин И.В. – 112, 128, 129, 140, 142
 Кусбер Я. – 384, 385, 392, 395, 396
 Кускова Е.Д. – 356, 373
 Кутузов М.И. – 529
 Кучкин В.А. – 546, 548
 Кырлежев А. – 452
 Кюнг П.А. – 209

Л

Лавров А.М. – 262
 Лавров В. – 41
 Лавров В.М. – 150, 151
 Лавров В.С. – 261, 282
 Лавров С. – 341
 Лавроненко К. – 72
 Лазарев М.П. – 413
 Лазари А. де – 493, 498, 508, 510
 Лакер У. – 367, 375
 Лампе А.А. фон – 373
 Ландис Э. – 220
 Ланьков А.Н. – 174
 Лапин В.В. – 406, 412
 Лапина И.Ю. – 412
 Ларин Ю. – 148
 Ларьков Н.С. – 218
 Латышев А. – 156
 Лахузен Т. – 234
 Лашманова Л.Н. – 157
 Лебедева Н.М. – 283, 349, 352, 370, 371
 Лебедева Н.С. – 178, 280, 282–284
 Лебина Н.Б. – 494, 507, 508
 Лев VI – 476
 Левада Ю. – 54, 160, 161, 172, 174, 182, 495, 503, 508, 509, 512, 513
 Леве Х.Д. – 177
 Леви П. – 157
 Левина Е.С. – 176
 Левитан И.И. – 23
 Левицкий С.А. – 355, 372
 Левкин Г.Г. – 250
 Лешошко С.С. – 370
 Легойда В. – 420
 Лежнева О. – 158
 Лейбович О.Л. – 177
 Лейко М. – 177, 180
 Лельчук В.С. – 367, 375
 Леман В. – 73
 Ленин В.И. – 10, 16, 86, 104, 130, 144–159, 163, 165, 170, 171, 174, 175, 177, 181, 227, 228, 239, 283, 292, 350, 517
 Ленский А.Г. – 290
 Леонов М.М. – 129, 130, 142
 Леонтьев К. – 434
 Леонтьук А.М. – 180
 Летнев А.Б. – 353, 372

Либих А. – 348, 366, 367, 370
 Ливенцев Д.В. – 416
 Лившин А.Я. – 177
 Лиддел Г.Б. – 410
 Лидин К. – 478, 487
 Лидов А. – 475–477, 487
 Лимонов Ю.А. – 548
 Лисовой Н. – 434
 Литвин А. – 177, 220, 223, 231, 238, 246, 248, 249
 Литворния А. – 375
 Лихарев Д.В. – 414
 Лобачевский Н.И. – 534, 545, 548
 Логинов А.В. – 435–439, 453
 Логинов В.Т. – 145, 147, 152, 156, 158
 Ломоносов М.В. – 43, 173, 418, 419, 435, 439
 Лопуховский Л.Н. – 289, 307, 314, 316
 Лосев М. – 159
 Лоскутова М.В. – 469, 470
 Лосский Н.О. – 355, 372
 Лубков А.В. – 48, 52
 Лукин М.Ф. – 87
 Лукомский А.С. – 210
 Лунгин П. – 62
 Лунева И.А. – 371
 Лупанова Е.М. – 413
 Лурье С.В. – 213, 221, 287, 546
 Лурье Я.С. – 546
 Любимов Л.Д. – 366
 Любина Г.И. – 370
 Люкс Л. – 174
 Лялин С. – 90
 Ляшенко Л.М. – 125, 141

М

Магарил С. – 511, 513
 Магеровский Е.Г. – 364
 Магницкий С. – 105
 Мазепа И. – 405, 412
 Мазов С.В. – 339, 340, 343
 Мазус И.А. – 174
 Май-Маевский В.З. – 67
 Майнер С.М. – 176, 296
 Майорова О.Е. – 543
 Майский И.М. – 281
 Макара И.П. – 274, 288
 Макаренко П.В. – 205
 Макарихин В.П. – 529, 530, 545
 Макаров А.А. – 230, 249
 Макаров В.Г. – 178
 Макаров В.М. – 282
 Макаров П. – 67
 Макеев В. – 334
 Маклаков В.А. – 348, 370
 Макмиллан М. – 326
 Маковецкий С. – 94
 Максименков Л.В. – 178, 180
 Малафеев К.А. – 279
 Малашенко О.А. – 413, 416
 Малер А. – 432, 434, 452

- Малинова О.Ю. – 393, 396
 Маловичко С.И. – 470
 Малхазова Ф.В. – 127, 142
 Малышева М. – 470, 471
 Малышева О.Г. – 127, 142
 Мальков В.Л. – 185, 194, 204, 205, 210, 281, 283
 Мамонов А.В. – 122, 141
 Мамонов П. – 62
 Манвелов Н.В. – 413
 Маннергейм К. – 78, 285
 Манойленко Ю.Е. – 412
 Манойлин В.И. – 513
 Мануйлов В.И. – 157
 Манштейн Э. – 410
 Маньков С.А. – 360, 374
 Мараханова Е.Б. – 545
 Марков С.Л. – 415
 Маркс К. – 145, 146, 151, 153, 292
 Мартин Т. – 175
 Мартиросян Д.Г. – 205, 411
 Мартов Ю.О. – 157
 Мартос И.П. – 524, 525, 530
 Маршева И.В. – 544
 Марьина В.В. – 286, 290
 Масарик Т.Г. – 346
 Маслаков А. – 206
 Маслов А.В. – 413
 Маслов А.Н. – 23
 Маслоу А. – 502, 512
 Матвеев О.В. – 465, 471
 Матвеева Н.Л. – 209
 Матишов Г.Г. – 471
 Махно Н. – 67, 219, 223
 Маховская И.С. – 471
 Мацудайра Цунео – 72
 Мацузато К. – 388, 395
 Машков В. – 98
 Машкова Н.Н. – 208
 Медведев Д.А. – 22, 24, 29, 31, 41, 51, 101, 131, 133, 135, 143, 224, 291, 345, 425, 437, 450
 Медведев Д.Н. – 245, 254
 Медведев Ж.А. – 279
 Медведев Р.А. – 143, 148, 166, 179, 180, 279
 Медичи К. – 141
 Медушевская О.М. – 498
 Медушевский А.Н. – 143, 498, 510
 Меерович М. – 177, 181, 487
 Меерович М.Г. – 170, 181, 478, 487
 Мейендорф И. – 434
 Мельвиль А. – 12
 Мельников А.И. – 524, 526
 Мельников П.И. – 525, 526
 Мельников-Печерский П.И. – 536
 Мельтюхов М.И. – 32, 82, 279–290, 297, 314
 Менжинский В.Р. – 253
 Меншиков А.Д. – 412
 Меньшиков О. – 95
 Меньшиков В.Н. – 209
 Меринг Ф. – 147
 Меркулов Н.Д. – 72, 73
 Меркулов С.Д. – 72, 73
 Мерчи С. – 375
 Мещеркина Е. – 457
 Мещеркина Е.Ю. – 470
 Мещерский В.П. – 129, 130, 142
 Микоян А.И. – 331, 342
 Милбанк Д. – 451
 Миллер А.И. – 15, 28, 33, 34, 309, 317, 389, 390, 395
 Миллер Е.К. – 415
 Милов Л.В. – 48, 52
 Милютин Д.А. – 400, 411
 Милютин Н. – 148
 Минаков С.Т. – 215, 221, 287, 408, 416
 Минер В.Л. – 414
 Минин К. – 523–532, 544–546
 Минин Н. – 523, 544
 Минский Н. – 64, 339
 Минц М.М. – 289
 Мироненко С. – 57, 178, 179, 250, 283
 Миронов Б.Н. – 35, 64, 215
 Миронов В.В. – 208, 211
 Миронов Е. – 64, 90, 92–94
 Миронова Е.И. – 371
 Митрофанов В.В. – 547
 Митрохин В. – 240, 447
 Митрохин Н. – 447
 Митта А. – 221
 Михайлов А.А. – 413
 Михайлов В.В. – 187, 205, 247
 Михайлов В.С. – 193, 208
 Михалев О.Ю. – 207
 Михалев С.Н. – 288
 Михалков Н. – 60, 94–97, 347
 Михеев В.И. – 242, 253
 Мицкевич А. – 99
 Млечин Л. – 98–101, 127, 142, 152
 Мнухин Л. – 371
 Могильнер М. – 380, 382, 384, 385, 390, 392, 395, 396
 Можегов В.И. – 180, 182
 Мозохин О.Б. – 242, 247, 253, 254
 Молодяков В.Э. – 279, 282, 288, 292, 293, 314, 484, 488
 Молотов В.М. – 75, 77, 78, 81, 131, 261, 274, 279, 280, 282, 290, 292, 293, 295, 303, 341
 Мороз Ю. – 92
 Морозов А. – 452
 Морозов К.Н. – 250
 Морозов Л.Е. – 52
 Морозов М.Э. – 307, 316
 Морозов П. – 248
 Морозова Н.В. – 207
 Морозова О.М. – 218, 220, 222, 223
 Морохин А.В. – 525, 544, 545
 Мосейкина М.Н. – 348, 366, 371, 375
 Москвин В.А. – 345
 Мочар М. – 337, 338
 Мраморнов А. – 418
 Муравьев-Амурский Н.Н. – 413
 Мурашкин М.А. – 143

Мурин Ю. – 181, 246
 Мусаев В.И. – 370
 Мусорина О.А. – 511
 Муссолини Б. – 87
 Мустафина Г.М. – 51
 Муханов В.М. – 413
 Мухин Ю.И. – 283, 289, 314
 Мэтлок Дж. – 323, 324, 332
 Мюллер-Гиллебранд Б. – 410
 Мягков М. – 86, 280

Н

Нагорная О.С. – 188, 206, 410
 Наджафов Д.Г. – 259, 280, 284
 Надькин Т.Д. – 175, 250
 Нажесткин О.И. – 340, 343
 Назаренко К.Б. – 414
 Назаров А.Н. – 208, 413
 Назаров В.Д. – 543, 544
 Назаров Г. – 228
 Назаров М.В. – 212, 352, 370, 371
 Назаров С. – 66
 Найман Э. – 234
 Намазова А.С. – 52
 Нансен Ф. – 356
 Наполеон I – 154, 183, 405, 410, 412, 525
 Наринский М.М. – 335, 343
 Нарочницкая Н.А. – 26, 28, 284, 296
 Нарский И.В. – 192, 204, 208, 218, 222, 474, 475, 487
 Нарышкин С.Е. – 25
 Насер Г. – 87, 335
 Насонов А.Н. – 548
 Наумкин В.В. – 28
 Наумов В. – 346
 Наумов В.П. – 144, 157, 177, 178, 180, 242, 247
 Наумов И.В. – 252
 Наумов О. – 178
 Нафтали Т. – 330, 342
 Нахапетов Б.А. – 175, 250
 Нахимова Е.А. – 172, 182
 Невежин В.А. – 120, 141, 168, 177, 179, 180, 288, 290, 297, 298, 314
 Недбаевский В.М. – 354, 372
 Неймарк Н. – 230, 249
 Некрасов А.П. – 372
 Некрасов Н.А. – 65, 151, 154
 Нелипович С.Г. – 187, 205, 315
 Немова В.В. – 210
 Ненароков А.П. – 348, 370
 Нерар Ф.К. – 177
 Нерянин А.Г. – 360
 Нефедкин А.К. – 411
 Нефедов С.А. – 215
 Никандров Н. – 253
 Никитина Т. – 175
 Никифоров Е. – 437
 Никифоров Ю.А. – 274–276, 289
 Николаевский Б.И. – 367
 Николай I – 111, 126, 133, 140–142, 525, 526, 544

Николай II – 125, 126, 128, 150, 440, 444, 527
 Никольский С.А. – 180, 182
 Никонов А. – 43
 Никонов В.А. – 113, 140
 Никсон Р. – 321, 322, 326, 331
 Никулина О.Л. – 159
 Ниманов Б.И. – 206
 Нитобург Э.Л. – 353, 371
 Нікольський В.М. – 253
 Новак В. – 220
 Новиков А.П. – 355, 373
 Новиков В.А. – 218
 Новиков О. – 54, 56, 58
 Новиков П.А. – 415
 Новикова И.Н. – 56, 206, 208
 Нойтатц Д. – 179
 Нольде Б. – 386
 Нор П. – 463, 519
 Носовский Г. – 58

О

О'Коннел Дж. – 335
 Обичкина Е.О. – 280
 Оболенский Н.Л. – 348
 Овечкин П.А. – 207
 Огарев Н.П. – 351
 Огородник А. – 102
 Ожегова О.А. – 223
 Окороков А.В. – 34, 352, 364, 370, 371, 375, 415
 Олбрайт М. – 323
 Олефиренко В.Л. – 248
 Онищенко В.В. – 244, 254
 Оппенгеймер Р. – 241
 Ордынский В. – 204
 Орел Е.В. – 287, 419–421
 Оришев А.Б. – 281, 282
 Орлик И.И. – 342
 Орлов А. – 88, 283, 287, 289, 326, 342
 Орлов И.Б. – 467, 471
 Орлов И.В. – 471
 Осипов А.В. – 254, 471
 Осипов А.Ю. – 471
 Осипова Т.В. – 218, 222
 Османов Е.М. – 414
 Осокина Е. – 175, 177
 Островский А.В. – 134, 135, 143, 165, 179
 Оськин М.В. – 206, 410
 Оукли Э. – 467, 471

П

Павел I – 412, 445
 Павлов А.Ю. – 205
 Павлов В.С. – 135
 Павлов Д. – 80
 Павлов И.В. – 289
 Павлов М.В. – 289
 Павлов М.Ю. – 342
 Павлова И.В. – 229, 248, 280
 Павлюков А.Е. – 240, 252
 Павлюц К.Н. – 372

- Пазин Р.В. – 52
 Пайпс Р. – 147–149
 Паламарчук П. – 145
 Панин А. – 94
 Панков Н.А. – 371
 Панофски Э. – 473–475
 Пантина Л.Ю. – 175–177
 Панфилов Г. – 221, 346
 Паперно А.Л. – 316
 Папков С.А. – 229, 248, 253
 Папчинский А.А. – 287
 Парвус А. – 152
 Парсаданова В.С. – 175, 264, 282, 283, 296
 Пасат В.И. – 286
 Паскевич И.Ф. – 413
 Пастернак Б.Л. – 346
 Пастухов В.Л. – 374
 Пачковский А. – 337
 Пейн Р. – 154, 155, 159
 Пепеляев А.Н. – 243
 Перегудов С. – 102
 Переплетчиков Ф.П. – 525
 Пернавский Г.Ю. – 211
 Перов В.Г. – 64
 Перов Г.Б. – 279
 Перри М. – 119
 Песков В.М. – 416
 Песков Д. – 324
 Петр I – 59, 65, 112, 119, 141, 183, 248, 412, 445, 525, 526, 535, 544, 545
 Петриковская А.С. – 372
 Петров А. – 219, 453
 Петров А.Е. – 28, 48, 52, 179
 Петров Б.Н. – 283, 288
 Петров М.Н. – 237, 238, 247, 251
 Петров Н.В. – 35, 48, 175, 176, 178, 240, 242, 247, 248, 252
 Петров П. – 217
 Петров П.В. – 284, 285
 Петров С.Г. – 247
 Петров Ю.А. – 179
 Петров-Водкин К.С. – 154
 Петровичева Е.М. – 209
 Петросова Н.А. – 178
 Петрухин В.Я. – 52
 Петрухинцев Н.Н. – 112, 140, 412
 Петрушин А.А. – 243, 248, 254
 Печатнов В. – 281, 320, 325, 341, 342
 Печерица В.Ф. – 375
 Печковский М.М. – 210
 Пивовар Е.И. – 367, 375
 Пивоваров А.В. – 28, 82–84, 86, 88
 Пивоварчик С.А. – 208
 Пикуль В.С. – 204
 Писарев Ю.А. – 185, 204
 Писарькова Л.Ф. – 112, 121, 122, 140, 141
 Пихоя Р.Г. – 127, 134, 135, 142, 143, 149
 Плаггенборг Ш. – 178
 Платон – 432
 Платонов А. – 170
 Платонов С.Ф. – 527, 536, 545, 547
 Плеханов А.А. – 247
 Плеханов А.М. – 231, 242, 243, 247, 249, 252, 254
 Плеханов Г.В. – 350
 Плимак Е.Г. – 145, 149, 157–159, 287
 Плутарх – 410, 538
 Победоносцев К.П. – 128, 142
 Погодин И.В. – 372
 Подалко П.Э. – 351, 371
 Пожамчи Н. – 70, 71
 Пожаров А.И. – 244, 254
 Пожарский Д.М. – 524, 525, 529, 530, 532, 543
 Пожигайло П.А. – 132, 143
 Поздняков В.В. – 360
 Познанский В.С. – 248
 Познер В. – 485, 488
 Покивайлова Т.А. – 286
 Покровский М.Н. – 528
 Покровский Н. – 149, 247
 Полетаев А.В. – 26
 Поликарпов В.В. – 206
 Положа Г. – 346
 Полоскова Т.В. – 374
 Полуаршинов А.В. – 210
 Полулях В.И. – 248
 Полунов А.Ю. – 128, 142
 Поляков В.Е. – 305, 316
 Поляков Ю.А. – 279
 Полян П.М. – 228, 230, 248, 249, 363, 374
 Полянский А.И. – 253
 Пономарев М.В. – 46, 52
 Пономарева В.И. – 179
 Попов А.В. – 350, 363, 365, 370, 374, 375, 492
 Попов М.Е. – 492, 493, 508
 Попов О.Н. – 414
 Попович Д. – 477
 Пореченков М. – 69
 Портелли А. – 454, 469
 Поршнева О.С. – 191, 207, 208, 406, 413
 Посадский А.В. – 372, 415
 Потапова Н. – 12, 549
 Потеев – 103
 Почепцов Г.Г. – 138, 143
 Пресняков А.Е. – 528, 546
 Пржевальский М.Л. – 205
 Привалова Н.И. – 544
 Приймак Н.И. – 157
 Примаков Е.М. – 334, 335, 343
 Прожогина С.В. – 372
 Пронин А.А. – 280
 Простнев С. – 219
 Проханов А.А. – 24
 Прохоров Д.П. – 250
 Прудникова Е. – 166, 177, 180, 283
 Пуго Б.К. – 104
 Пузанов В.Д. – 412
 Пуркаев М. – 80
 Путин В.В. – 9, 10, 16, 20, 22, 24, 31, 34, 38, 41, 50, 52, 101, 102, 114, 115, 127, 128, 131, 136, 137, 140, 142, 143, 224, 283, 318, 324, 341, 425, 426, 531, 539

Путятова Э.Г. – 370
 Пушкарев Б.С. – 221, 222, 352, 360, 365, 368, 371, 374, 375
 Пушкарев Н.Л. – 467
 Пушкарев С.Г. – 352
 Пушкарева Н.Л. – 472
 Пушкеш А.И. – 286
 Пушкин А.С. – 64, 154, 221
 Пчелов Е.В. – 123, 141
 Пятигорский А.М. – 15

Р

Раак Р.Ч. – 280, 290
 Рабинович А. – 130, 142, 146
 Радзинский Э. – 165, 179
 Радзишевский В. – 82
 Радков А.В. – 415
 Раев М.И. – 349
 Раевская-Хьюз О. – 347
 Разгон В.Н. – 247
 Разин С. – 220
 Разлогов К. – 486, 488
 Ракицкий Н.М. – 283
 Ранке Л. фон – 387
 Ратьковский И.С. – 223, 231, 249
 Рахматуллин М.А. – 141
 Рац М.В. – 491, 506
 Реброва И.В. – 470, 471
 Ревенко Е. – 428
 Ревякин А.В. – 52
 Резник А. – 154, 511
 Рейган Р. – 324, 325, 337, 379
 Рейман М. – 130, 131, 142
 Рейфилд Д. – 252
 Реморенко И. – 448
 Ренфилд Д. – 240
 Репников В. – 372
 Решин Л.Е. – 178
 Ржешевский О.А. – 197, 280, 281, 289
 Риббентроп Й., фон – 75, 264, 279, 280, 290, 292, 293, 295, 303, 314
 Рид К. – 154
 Рогинский А.Б. – 12, 171, 174, 181, 182, 224, 229, 246
 Рогов Г.Ф. – 232, 250
 Рогожкин В.А. – 46, 52
 Родзянко Т.А. – 347
 Родионова Н.А. – 356, 373
 Родригес К.Р. – 330
 Рожнева Ж.А. – 250
 Розенталь Г. – 469
 Рокоссовский К.К. – 91, 337, 343
 Рольф М. – 177
 Романенко А.П. – 167, 177, 180, 286
 Романенко К. – 177
 Романов А.В. – 210
 Романов И.Н. – 471
 Романов М. – 210, 523, 527
 Романовский Г.Д. – 210

Ронин В.К. – 351, 353, 371, 372
 Ротфельд А.Д. – 337, 343
 Рубинштейн С.Л. – 493, 508, 512
 Рубцов Ю.В. – 31, 314, 336, 343
 Рудаков И.С. – 414
 Руденцова Ю.И. – 354, 372
 Руднин С.Н. – 52
 Ружицкая И.В. – 141
 Рузвельт Ф. – 77, 281, 328
 Румянцев Р.А. – 413
 Румянцев М.Ф. – 470
 Рупасов А. – 285
 Рутыч Н.Н. – 348, 398, 410
 Руцкой А. – 106, 446
 Рыбас С.Ю. – 166, 174, 179, 180, 182
 Рыбаченок И.С. – 483, 484, 488
 Рыбкин А. – 39
 Рыбников В.В. – 178
 Рыдз-Смиглы Э. – 77
 Рыжиков А.В. – 239, 252
 Рыжков Н.И. – 135
 Рыжова С.И. – 469
 Рыков А.И. – 148
 Рынков В.М. – 218, 221
 Рывек К. – 116
 Рябов А. – 12
 Рябов Я. – 102

С

Сабенникова .В. – 356
 Сабенникова И.В. – 373
 Савин А.И. – 247, 249
 Савинков Б. – 247
 Савич Н.В. – 348
 Савченко А.И. – 370
 Савченко В.Н. – 208
 Садат А. – 335
 Садов Ю.В. – 413
 Садовский А.Я. – 526, 545
 Саламатова М.С. – 175, 250, 251
 Салмин А. – 149
 Салчинкина А.Р. – 412
 Самарская Е.А. – 157
 Самуэльсон Л. – 35, 174, 175, 239, 247, 252, 285
 Сандалов Л.М. – 86
 Сандомирская И. – 512
 Сапир Б.М. – 367
 Саприкина О.В. – 52
 Сарнов Б. – 169, 179, 181
 Сахаров А.Н. – 41, 48, 52, 150, 166, 174, 179, 182, 414, 531, 542
 Сахаров В. – 179
 Сахновский Н.И. – 360
 Сацкий А.Г. – 413
 Сачук С.С. – 470
 Саяпин В.В. – 52
 Сванидзе Н.К. – 26, 42, 43, 51, 105, 106
 Светенко А. – 58
 Светова З. – 42, 51

- Свечин А.А. – 188, 206
 Свиридов В.А. – 205
 Свирин М.Н. – 289
 Свищев В.Н. – 289
 Свольшак П. – 206
 Себаг-Монтефиоре С. – 179
 Северин Г. – 334
 Секиринский С. – 485, 488
 Селезнев Ю.В. – 220, 223
 Селиверстова Н.А. – 56, 58
 Селунская Н.А. – 542
 Семанов С.Н. – 126, 127, 142
 Семенов А. – 384, 385, 392, 395, 396
 Семенов В.Г. – 415
 Семенов Г.М. – 68, 395
 Семенов К.К. – 374
 Семенов Ю. – 69, 71, 72, 103
 Семенова В.В. – 502, 511
 Семенов Н.А. – 248
 Семин Ю.Н. – 274, 288
 Сенин А.С. – 206
 Сенина М.А. – 209
 Сенников Б.В. – 218, 222
 Сень Д.В. – 413
 Сенькевич Т.Ю. – 342
 Сеньвин Д.Н. – 413
 Сеньявская Е.С. – 190, 191, 201, 207, 211, 308, 311, 316, 317, 411
 Сервис Р. – 153
 Сергеев Е.Ю. – 41, 178, 185, 188, 202, 205, 211, 354, 413, 414
 Сергеев Ф. – 354
 Сергеевский Е. – 210
 Сердюков А.Э. – 32
 Серебряков А. – 84
 Серов И.А. – 240, 252
 Сетин Ф. – 301, 315
 Сигачев Ю.В. – 247
 Сигельбаум Л. – 169, 177, 180
 Сидельников Р.С. – 360
 Сидикова Л.Е. – 174
 Сидихин Е. – 103
 Сидихина П. – 103
 Сидоренко В.П. – 248
 Сидоровнин Г.П. – 157
 Сизов С.Г. – 179
 Сизоненко А.И. – 353, 371
 Симиндей В.В. – 284
 Симония Н.А. – 52, 174, 177, 250
 Симонов Н.С. – 289
 Синелина Ю.Ю. – 422, 452
 Синельников С.П. – 422, 452
 Синкевич В. – 347
 Синявский А.Д. – 507
 Сиполс В.Я. – 262, 279, 281–283, 285–287
 Ситников М.Г. – 219
 Скларов И.П. – 529, 530
 Скобелев М.Д. – 413
 Скобелкин А.Н. – 174
 Скоркин К.В. – 227, 232, 242–244, 248, 250, 254
 Скорцени О. – 360
 Скоукрофт Б. – 327
 Скуратов М. – 62
 Славин Б.Ф. – 152
 Слащев Я.А. – 67
 Случ С.З. – 258, 260, 280–282, 315
 Смехов В. – 346
 Смирнов А.А. – 288, 306, 316, 307, 449
 Смирнов Г.Л. – 157
 Смирнов Л.В. – 332
 Смирнов М.Б. – 178, 248
 Смирнов С.С. – 84, 177
 Смирнова А.М. – 208
 Смирнова М.И. – 163, 164, 174, 177
 Смирнова Н.Д. – 281
 Смирнова Т.М. – 500, 501, 511
 Смолененкова В.В. – 160, 167, 168, 173, 179, 180
 Смоленцев-Соболь Н. – 219, 222
 Смолина Н.С. – 490, 498, 507, 510
 Смоляк В.Г. – 250
 Смородинный А.П. – 547
 Снежкин С. – 101
 Снесарев А.Е. – 210
 Сниткина А.Г. – 64
 Соболев Г.Л. – 152, 157, 158
 Соболева Н.А. – 118, 140
 Соколов А.Б. – 474, 487
 Соколов А.М. – 314
 Соколов Б.В. – 32, 35, 126, 142, 152, 180, 222, 252, 282, 287, 298, 314, 315, 337, 343, 415, 416
 Соколов В.В. – 279
 Соколов Д.В. – 227
 Соколов М.В. – 355, 373
 Соколов Н. – 51
 Соколов Н.П. – 301, 315
 Соколов О.В. – 412
 Соколов Ф.Х. – 415
 Соколовская О.В. – 209
 Солдатов А. – 424, 442, 443
 Солженицын А.И. – 136, 137, 143, 178, 184, 219, 221, 345, 346, 348, 449
 Солнцева С.А. – 206, 208
 Соловей В.Д. – 114, 140, 212, 213, 221
 Соловьев – 218
 Соловьев Б.Г. – 179, 282
 Соловьев В. – 64, 254, 413
 Соловьев Я.В. – 52
 Солодухин Д.Т. – 372
 Солоед К.В. – 182, 252
 Соломеш И.М. – 412
 Соломон П.Г. – 176
 Солоневич И.Л. – 352
 Сопонин М.С. – 32, 82, 289, 314
 Солоухин В.А. – 145, 156, 222
 Сопельняк Б. – 239, 252
 Сорель Дж. – 171

Сорокин Б.М. – 416
 Сорокин В. – 61
 Сорокин И.Л. – 415
 Сорокин П.А. – 214, 215, 221, 355, 372
 Сорокина О.Ю. – 207
 Сороко-Цюпа А.О. – 52
 Сорос Дж. – 470
 Соскин В.Л. – 251
 Соцков Л.Ф. – 253
 Спиридонова Е.В. – 546
 Сталин В.И. – 177
 Сталин И.В. – 10, 12, 16, 21, 22, 24, 25, 27, 35, 40, 60, 73–75, 77–81, 84, 86, 88, 93–97, 99, 100, 104, 119–121, 130, 131, 133, 139, 141, 145, 146, 148, 149, 152, 153, 155, 156, 158, 160–182, 216, 225, 228, 229, 235, 236, 239, 240, 243, 244, 247–252, 258, 259, 262, 264, 270, 272, 274, 278–291, 293–297, 301–304, 306, 310–317, 325, 373, 500, 507, 509, 510, 518, 519, 529, 538, 543, 546
 Старицкий В.А. – 61
 Старков Б.А. – 251
 Старков Д.А. – 209
 Степаков В.Н. – 285
 Степанов А.С. – 281, 289, 306, 316, 416
 Степанов М.Г. – 248
 Степун Ф.А. – 355
 Стецко Я. – 99
 Стогов Д.И. – 129, 130, 142
 Стольпин А.Д. – 292
 Столыпин П.А. – 10, 22, 24, 104, 131–133, 142, 143, 150, 292
 Стоулер Э. – 384
 Страхов В.В. – 69, 208
 Стрекалов И.И. – 414
 Стрекалова Е.Н. – 456, 462, 470
 Стрелова О.Ю. – 52
 Стрелянов П.Н. – 411
 Стронгин Р.Г. – 534
 Струве Н.А. – 345
 Субетто А.И. – 155, 159
 Сувениров О. – 79, 272, 287, 288
 Суворов В. – 84, 273, 280, 287, 314, 403, 529
 Судаев Н.Д. – 211
 Судоплатов П.А. – 241, 254, 286, 287
 Сукарно А. – 87
 Султанов Р. – 176
 Супрун М.Н. – 310, 316, 317
 Суровцева Е.В. – 160, 181
 Суслов А.Б. – 175, 250
 Суслов М.А. – 338
 Сулова А. – 64
 Сутулин П. – 316
 Суханов Н.Н. – 157
 Сухарев С.Л. – 158
 Суходеев В.В. – 167, 178–180
 Суходрев В. – 341
 Сухомлинов А.В. – 252
 Сухомлинов В.А. – 413
 Сыч А.И. – 211

Т

Тагиров И.Р. – 50
 Таирова-Яковлева Т.Г. – 412
 Такала И.Р. – 412, 471
 Такер Р. – 146, 179
 Тальков И. – 221
 Танин С.Ю. – 371
 Танинберг Т. – 176
 Тараканова Л.М. – 157
 Тарасов М.Г. – 415
 Тарасова Е.Г. – 179
 Тараторин Д. – 213, 221
 Тарковская М. – 346
 Тарле Г.Я. – 349, 365, 368, 370, 375
 Тарле Е.В. – 397
 Тархова Н.С. – 175
 Татищев В.Н. – 534, 541, 548
 Таубман У. – 323, 341
 Тацит – 538
 Твардовский А.Т. – 23
 Телегин С. – 137, 143
 Темкина А. – 457, 470
 Тепляков А.Г. – 249, 251, 252
 Тепцов Н.В. – 158
 Терешина Е.П. – 207
 Тесемников В.А. – 371
 Тетеревлева Т.П. – 366, 371, 375
 Тетерятникова Н. – 477
 Тимирева А. – 68
 Тимофеева Н.П. – 462
 Тимофеев-Ресовский Н.В. – 357, 373
 Тимошенко С.К. – 80
 Тинченко Я. – 219, 223
 Тиркельтауб С.В. – 285
 Тихомиров А.В. – 205, 414
 Тихомиров Л. – 438
 Тихон (Шевкунов), архимандрит – 423, 432–434, 485
 Тихонов А.К. – 541
 Тихонов Н. – 490, 507
 Тишков В.А. – 28, 472
 Ткачев В.М. – 210
 Ткачук И.И. – 52
 Тлеубаев Ш.Б. – 248
 Годорский А.И. – 206, 210
 Токарев В.А. – 279, 280, 282, 290
 Толстой А.Н. – 169, 184, 204
 Толстой Л.Н. – 64, 151
 Толстолуцкая О.С. – 52
 Томпсон А. – 456, 469
 Томпсон П. – 454, 456, 470
 Томпсон Т. – 329
 Топорков А.Л. – 27
 Торкунов А. – 326, 337, 342, 343
 Торчинов В.А. – 180
 Тощенко Ж.Т. – 459, 470
 Тревор-Ропер Х. – 34
 Трифионов Ю. – 59
 Трифионов Ю.В. – 334, 342
 Тркуля Е. – 477

Троицкий Н.А. – 363
 Трофимов Ж. – 156, 208
 Троицкий Л.Д. – 145, 146, 152, 158, 165, 170, 172, 223, 250, 415
 Трусов А. – 233, 250
 Тряпицын Я.И. – 232
 Тудоряну Н.Л. – 370
 Тумаркин Н. – 158
 Тумаркина Н. – 154
 Тумшис М.А. – 252, 287
 Туполев Б.М. – 194, 210
 Тургенев И.С. – 64, 65, 151
 Туровский Б.С. – 374
 Тухачевский М.Н. – 73–75, 78, 79, 96, 222, 287, 288, 408, 415
 Тучапский А.К. – 415
 Тучкова Т.В. – 372
 Тюменцев И.О. – 221
 Тютюкин С.В. – 194
 Тяжелникова В.С. – 500, 509, 511

У

Уваров А.С. – 429
 Уваров П.Ю. – 23, 27
 Угрюмов Г.И. – 524
 Уйманов В.Н. – 250, 252, 254
 Уинфред Б. – 176
 Уиткрофт С. – 236
 Уколов В.Г. – 416
 Уколова В.И. – 52
 Уланов А.А. – 290
 Улуния А.А. – 413
 Ульбрихт В. – 328, 329
 Ульянкина Т.И. – 364, 375
 Ульянов И.Н. – 152
 Ульяновский В. – 221
 Уолдрон П. – 112, 113
 Уортман Р. – 117, 120, 140, 385
 Упорников А.А. – 210
 Урсу Д. – 467, 469, 471
 Урсуляк С. – 69–71
 Усов В.Н. – 250
 Успенский А.И. – 240
 Устинов Д.Ф. – 336
 Устрялов Н.В. – 157
 Утехин И.В. – 507
 Уткин А.И. – 198, 199, 211, 414
 Ушаков А.И. – 206, 415
 Ушаков П.А. – 52
 Ушаков Ю. – 251, 347
 Ушакова С.Н. – 175, 250

Ф

Фабрика Ю.А. – 209
 Файфер Г. – 327, 336, 342
 Фалин В.М. – 28, 279
 Федорова Т.В. – 413
 Федотов Г.П. – 355, 372
 Федотов И.Ю. – 251
 Федюк В.П. – 206, 207, 415

Фей В. – 315
 Феклисов А. – 327, 342
 Фельштинский Ю. – 219, 223
 Ферретти М. – 182
 Феськов В.И. – 289
 Филимонов С.Б. – 251
 Филипп, митрополит – 62, 63
 Филиппов А.В. – 20, 39–41, 51, 302, 309
 Филиппов В. – 156, 159, 447
 Филиппов В.М. – 38
 Филиппов Э.М. – 416
 Филиппова Т.А. – 35, 50
 Филозов А. – 92
 Филюшкин А.И. – 411
 Фирсов С.Л. – 125, 126, 141, 419
 Фицпатрик Ш. – 175, 177, 234, 492, 498, 501, 508
 Фишер Л. – 153, 158
 Фишер Я. – 206
 Флам Л.С. – 374
 Флам-Оболенская Л.С. – 345, 364
 Флейшман Л. – 240, 252
 Флоринский М.Г. – 355
 Флоровский Г. – 355, 372
 Фольперт А. – 314, 488
 Фоменко А. – 58, 284
 Фоменко И.К. – 481–483, 488
 Фоменко Н. – 92, 93
 Фоменцов В.В. – 414
 Фомин Е. – 82, 85, 86
 Форд Г. – 70
 Форд Дж. – 320
 Фостер Л.А. – 347
 Франк С.Л. – 355, 372
 Фрид В. – 221
 Фролов Д.Д. – 285
 Фрумкина Р.М. – 497, 509
 Фуко М. – 121, 141
 Фукс А.Н. – 512
 Фурсенко А.А. – 330, 342

Х

Хабенский К. – 68
 Хабермас Ю. – 451, 452
 Хавкин Б. – 174
 Хаген М. ван – 149
 Хазанов Д.Б. – 307, 316
 Халфин И. – 234
 Хальвег В. – 158
 Хансен Р. – 327
 Хардести В. – 334, 342
 Хардинг Н. – 153
 Харламов В.А. – 254
 Хархордин О. – 234
 Хауз Дж. – 316
 Хаустов В. – 174, 239, 242, 252
 Хаустов В.Н. – 239, 242, 247, 252–254
 Хеделер В. – 177
 Хеллбек Й. – 234
 Хемингуэй Э. – 241

Хисамутдинов А.А. – 353, 370–372
 Хисс О. – 241
 Хлевнюк О.В. – 166, 174, 175, 177, 179, 235, 240, 242, 248, 250, 252
 Хлопов В.Г. – 247
 Хлынина Т.П. – 467, 472
 Хмельницкий Д.С. – 170, 177, 181
 Ходаков И.М. – 373
 Ходяков М.В. – 48, 52
 Холмогоров Е.С. – 24
 Хомченко С.Н. – 410
 Хорошавин В.А. – 254
 Хоскинг Дж. – 116
 Хотиненко В. – 64
 Хоффман Д. – 323, 327, 341, 342
 Хохлов Е.В. – 289
 Хохлова В.П. – 353, 372
 Храпцовский Н.И. – 528, 536, 544
 Храпачевский Р.П. – 411
 Христофоров В.С. – 178
 Хромов С.С. – 166, 179, 180
 Хрущев Л.Н. – 244
 Хрущев Н.С. – 22, 60, 82, 106, 130, 163–165, 172, 174, 244, 265, 323, 326–332, 341, 342
 Хубова Д.Н. – 470
 Худяков К. – 430
 Хумарьян С.Г. – 254
 Хусейн С. – 335
 Хусейн, король – 335

Ц

Царуски Ю. – 176, 249
 Цветков В.Ж. – 206, 217, 222, 371, 415
 Цветлюк Л.С. – 501, 511, 512
 Цеглеев Э.А. – 412
 Цепилова В.И. – 350, 370
 Церетели З. – 530
 Цеткин К. – 147
 Цетлин М. – 347
 Цзедун М. – 326, 342
 Цимбаев К.Н. – 117, 118, 140, 519, 520, 543, 545
 Цобехия Г.Ш. – 413
 Цурганов Ю.С. – 304, 305, 316, 358, 371, 373
 Цуриков В. – 347
 Цыбин А.Ю. – 252
 Цыкалов Д.Е. – 207

Ч

Чадаев Я.Е. – 262
 Чапенко А.А. – 284
 Чапкевич Е.И. – 205, 206
 Чапман А. – 102, 103
 Чебыкин В.А. – 159
 Чевтаев А.Г. – 281
 Чеканцева З.А. – 174
 Чельшев И.А. – 281
 Чередникова А.Ю. – 372
 Черкасов А.А. – 219
 Черкасов А.И. – 374
 Черкашенка М.Т. – 62

Черкашин В. – 327, 342
 Черкашин Н. – 334
 Черников А.В. – 205
 Черникова Н.В. – 122, 141
 Черникова Т.В. – 52
 Черниловский А.А. – 188, 205
 Черниченко С.В. – 266, 284, 285
 Чернобаев А.А. – 180, 181, 206
 Чернов М.Н. – 52
 Чернов С.Н. – 528
 Чернова М.Н. – 52
 Черноусов А.А. – 413
 Черных В. – 101
 Чернышевский Н.Г. – 157
 Чернышова О.О. – 178
 Чернявская Ю.В. – 495, 508
 Чернявский С.И. – 370
 Черняев В.Ю. – 355, 373
 Чертищев А.В. – 207
 Черчилль У. – 325, 336, 342
 Четвертков Н.В. – 359, 373
 Чехов А.П. – 23
 Чехов Г. – 374
 Чехов М.П. – 346, 347
 Чигирин И. – 283
 Чингисхан – 390
 Чиняков М.К. – 205, 206
 Чичагов П.В. – 413
 Чичуров И.С. – 433
 Чмыхало А.Ю. – 289
 Чокай М. – 546
 Чубайс А. – 106
 Чубарьян А.О. – 48, 52, 181, 281, 282, 284–286, 314
 Чубыкин И.В. – 250
 Чудаков О.В. – 209
 Чудодеев Ю.В. – 35
 Чурчич С. – 477

Ш

Шабуров Н.В. – 447
 Шадт А.А. – 231, 249
 Шайдакова М.Я. – 544
 Шамбаров В. – 217
 Шамрай Ю.В. – 52
 Шанин Т. – 247, 511
 Шанцев В.П. – 531
 Шапошников Б.М. – 80, 316
 Шарапов Ю. – 180
 Шарова А.В. – 52
 Шатов М.В. – 360, 374
 Шаттенберг С. – 176
 Шатуновская О. – 229
 Шахнович М.М. – 419, 420
 Шахов М.О. – 437, 453
 Шацилло В.К. – 194, 211, 414
 Шацилло К.Ф. – 397
 Шацилло Л.А. – 414
 Шашков В.И. – 208
 Швед В.Н. – 283, 314

Шеварднадзе Э.А. – 135
 Швелева О.В. – 209
 Шевченко В.А. – 511
 Шевченко М.М. – 126, 142
 Шевчук И.Н. – 247
 Шевчук М. – 89
 Шеин Д.В. – 290
 Шекшеев А.П. – 218, 249
 Шелепин А. – 265
 Шелехес Я. – 70, 71
 Шелленберг В. – 73
 Шелохаев В.В. – 132, 143
 Шендерюк М.Г. – 361, 374
 Шенк Р. – 488
 Шенк Ф.Б. – 546, 547
 Шеремет В.И. – 228
 Шерстнев С.С. – 414
 Шестаков В.А. – 48, 52
 Шилова С.Г. – 104, 415
 Шинский П. – 233
 Ширер Д. – 236
 Широкопад А.Б. – 283
 Шишкин В.И. – 217, 218, 250
 Шишов А.В. – 187, 205
 Шкаренков Л.К. – 364, 375
 Шкаровский М.В. – 419
 Шкловский В. – 153, 384
 Шкундин Г.Д. – 194
 Шлегель К. – 175, 235, 250, 375
 Шлипер Ф. – 83
 Шмид М. – 197
 Шмидт В.В. – 419
 Шмидт М. – 329
 Шмит Н.П. – 147
 Шолохов М. – 169, 181, 227, 248
 Шохин В.К. – 419, 421
 Шошина О.В. – 254
 Шродер Х.Х. – 127
 Штамм А.Ю. – 371
 Штейн М. – 145
 Штейнберг М. – 234
 Штернберг У. фон – 415
 Штудер Б. – 176
 Штурман Д. – 145, 148, 158
 Штырбул А.А. – 219
 Шубин А. – 41, 279, 283, 285, 286
 Шубин Н.А. – 204
 Шукшин В. – 59
 Шуляков В.А. – 218
 Шулежкова С.Г. – 508
 Шуленбург Ф. – 282
 Шульгин В.В. – 144, 157
 Шухевич Р. – 100, 101, 309

Щ

Щагин Э.М. – 48, 52
 Щеглова Т.К. – 464, 467, 468, 471
 Щербаков – 103
 Щербакова И.Л. – 103, 182

Щеров И.П. – 209
 Щипков А. – 425
 Щорс Н.А. – 500
 Щученко В.А. – 372

Э

Эдельман О.В. – 179, 247
 Эйдук Д.В. – 207
 Эйзенхауэр Д. – 328
 Эйзенштейн С. – 65, 532
 Эймс О. – 327
 Эйхе Р.И. – 228, 233
 Эктон Э. – 158
 Элиас Н. – 120, 141
 Эллисон Г. – 127
 Энгель В.В. – 368, 369, 375
 Энгельс Ф. – 145, 146, 151, 290
 Эндрю К. – 240
 Энеева Н.Т. – 357, 373
 Энкер Б. – 154, 158
 Эннкер Б. – 174
 Эпплбаум Э. – 178, 250, 252
 Эпштейн М. – 506
 Эрлих С.Е. – 117, 140
 Эшпай А.А. – 61

Ю

Юденич Н.Н. – 188, 205, 206, 410, 415
 Юинг Е.Т. – 177, 512
 Юлин В.А. – 413
 Юнге М. – 175, 234, 247, 249, 250
 Юрганов а Д.В. – 509
 Юрганов А.Л. – 179
 Юрганова Д.В. – 497
 Юркевич Е.И. – 412
 Юрский С. – 347
 Юстиниан – 477
 Ющенко В. – 100, 143

Я

Яблоков А.Ю. – 175, 283, 296
 Ягода Г. – 246
 Яжборовская И.С. – 175, 283, 296, 337, 338, 343
 Якимович К.В. – 285
 Яковлев А.Н. – 135, 149
 Яковлева Е.В. – 283
 Яковлева М.А. – 239, 252
 Якубовский-Лерке П. – 347
 Янаев Г. – 106
 Янгез Д.И. – 416
 Янгель М.К. – 334
 Янгиров Р. – 346
 Янковская Г.А. – 179
 Янковский О. – 62
 Янов А. – 434
 Янсен М. – 175, 240, 247, 252
 Япончик (Винницкий) М. – 66
 Яриновские – 368

Ярослав Мудрый – 119, 535
 Ярославский Е.М. – 170
 Ярузельский В. – 320, 336–339
 Ярцев Б.К. – 157
 Яхимович З.П. – 194, 196
 Ячменихин К.М. – 413

А

Afflerbach H. – 210
 Alexander II – 141
 Anderson K. – 158
 Andrew C. – 253
 Angelow J. – 210
 Appleby J. – 12

В

Baberowski J. – 251
 Barnes G. – 34
 Beyer T. – 375
 Bordjugov G. – 52
 Brandenberger D. – 35
 Breyfogle N.B. – 395
 Brzezinski M. – 343

С

Chinsky P. – 250
 Cohen S.F. – 143
 Coquin F.-X. – 12
 Corney F.C. – 141

Д

Davies R.W. – 251
 Deleuze G. – 141
 Devlin L. – 343
 Devyatov S. – 52

Е

Ellison H.J. – 142

Ф

Feifer G. – 343
 Filippov A.V. – 35

Г

Gates R. – 343
 Gavrov S. – 12
 Geraci R. – 395
 Geyer D. – 210

Н

Hagen M. von – 158
 Harding N. – 158
 Haynes J.E. – 253
 Hedenskog J. – 142
 Hegel G. – 158
 Hosking G. – 140
 Hunt I. – 12

Ж

Jacob M. – 12
 Jaruzelski W. – 343

К

Kempe F. – 341, 342
 Khodorkovsky M. – 395
 Kissinger H. – 341
 Klehr H. – 253
 Konnander V. – 142
 Kotelenets E. – 52
 Kramer M. – 341

Л

Lenin V. – 158, 159
 Liebich A. – 375

М

MacEachin D.I. – 343
 Macmillan M. – 342
 Maesalu A. – 317
 Matlock J. – 341, 342
 Medvedev R.A. – 158
 Mommsen W. – 210
 Morrow J.H. – 210

Н

Neuman W.L. – 470
 Nicholas II – 141
 Nygren B. – 142

О

O'Connell J. – 343
 Oldberg I. – 142

Р

Perrie M. – 141
 Petrov N. – 252
 Putin V. – 35, 142

Р

Rabinowitch A. – 142
 Read C. – 158
 Resnik A. – 158
 Ristaino M. – 375
 Ritchie D.A. – 472
 Ryavec K.W. – 140

С

Sakwa R. – 142
 Schmid M. – 210
 Service R. – 158
 Shearer D.R. – 251
 Solonari V. – 35
 Steinberg J. – 207

T

Tannberg T. – 317
Thobie J. – 210
Thompson N. – 342
Titkov A. – 52

V

Vassiliev A. – 253
Velikanova O. – 158

W

Waldron P. – 140
Werth N. – 249, 251

Werth P. – 395
Werth P.W. – 395
Wheatcroft S.G. – 251
Wortman R.S. – 141, 395

Y

Yeltsin B. – 142

Z

Zhuk S. – 395
Zitser E.A. – 141

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акульшин Петр, доктор исторических наук, профессор, заведующий научно-образовательным центром историко-гуманитарных и социально-экономических исследований Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Автор монографии «П.А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России» (Москва, 2001). Один из авторов, руководитель авторских коллективов книг «История Рязанского края. 1778–2007» (Рязань, 2007), «История рязанской власти: руководители Рязанского края, 1778–2008» (Рязань, 2008). Научный руководитель рабочей группы многотомного издания Рязанской области «Солдаты Победы. 1941–1945 гг.» (Рязань, 2010, 2011).

Андреев Дмитрий, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член Международного Совета АИРО-XXI.

Антоненко Сергей, редактор отдела истории религии Российского исторического журнала «Родина», шеф-редактор Вестника актуальных прогнозов «Россия: Третье Тысячелетие», старший преподаватель Международного университета в Москве, преподаватель Московского духовного училища Русской Православной Старообрядческой Церкви.

Антошин Алексей, доктор исторических наук, доцент кафедры евразийских исследований Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. Автор книг и статей: «Российские эмигранты в условиях “холодной войны” (середина 1940-х – середина 1960-х гг.)» (Екатеринбург, 2008); «Российская эмиграция: история и современность» (Екатеринбург, 2006); «Международные отношения в эпоху “холодной войны”: взгляд российской эмиграции» (Екатеринбург, 2004); «Меньшевики в эмиграции после Второй мировой войны» (Отечественная история. 2007. № 1) и др.

Белова Ирина, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Автор книги «Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г.» (М.: АИРО-XXI, 2011).

Бордюгов Геннадий, кандидат исторических наук, профессор МГЛУ, руководитель Международного Совета АИРО-XXI

Голечкова Ольга, аспирантка кафедры истории России XIX века – начала XX века Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, автор статьи «Дневник А.А. Половцова (1893–1909 гг.): источниковедческие и археографические проблемы реконструкции» (Российская история, 2010. № 6).

Гребенкин Игорь, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-образовательного центра историко-гуманитарных и социально-экономических исследований Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Автор книг «Добровольцы и Добровольческая армия: на Дону и в “Ледяном» походе» (Рязань, 2005), «Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг.» (Рязань, 2010), «На пороге Гражданской войны... Добровольческая армия в “Ледяном» походе» (Saarbrücken, 2010).

Котеленец Елена, доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов (РУДН), автор монографий и учебников: «В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография» (1999), «Russia: A History of the Twentieth Century» (2009, в соавт.), «Образы России в мире» (2010 и 2011, в соавт.) и др.

Кузнецов Андрей, доктор исторических наук, заведующий кафедрой историографии и источниковедения исторического факультета ННГУ. Автор книг: «Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии» (Нижний Новгород, 2006); «Нижегородский государственный педагогический университет: вехи большого пути» (в соавторстве с Р.В. Кауркиным, В.П. Сапоном) (Нижний Новгород, 2011); «“100 лет на педагогической ниве”: к столетию НГПУ» (в соавторстве с Р.В. Кауркиным, В.П. Сапоном). (Нижний Новгород, 2011). Отв. редактор сборника «Мининские чтения».

Лурье Светлана, кандидат исторических наук, доктор культурологии. Автор 3 книг и более чем 200 статей, в которых представлена оригинальная авторская концепция этнического сознания и функционирования этноса (культуры), а так же многочисленные примеры применения этой концепции к эмпирическому материалу, в том числе к Российской и другим империям, а также работы о внешнеполитическом действии и становлении внешнеполитического субъекта.

Макаров Андрей, кандидат физико-математических наук, генеральный директор НИЦ «АИРО-XXI», автор книг и публикаций (в соавторстве с С.Э. Макаровой): «К истокам “Тихого Дона”» // Загадки и тайны «Тихого Дона». Итоги независимых исследований текста романа. 1974–1994 (М., 1996); «Вокруг “Тихого Дона”: от мифотворчества к поиску истины» (М., 2000); «Цветок-Татарник. В поисках автора “Тихого Дона”: от Шолохова к Крюкову» (М., 2001); «В углу: начало гражданской войны глазами русских писателей. П.Н. Краснов. Ф.Д. Крюков. И.А. Родионов» (М., 2001); «“Тихий Дон”: два романа в одном тексте. Трагическая судьба России в XX веке»; «Загадки и тайны “Тихого Дона”: десять лет поисков и находок, Шолоховские рукописи “Тихого Дона”»; «Литературный архив Ф.Д. Крюкова: к вопросу об истории формирования и хранения» («Загадки и тайны “Тихого Дона”: двенадцать лет поисков и находок». М., 2010). С 2001 г. издает и редактирует серию «АИРО – Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”». Публикатор работ из

научного наследия академика С.Б. Веселовского: «Из старых тетрадей. Страницы дневника 1917–1923» (М., 2004); «Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия» (М., 2008); «С.Б. Веселовский. Семейная хроника. Три поколения русской жизни» (М., 2010).

Маслов Артем, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков исторического факультета ННГУ. Автор статей: «Легенды прошлого. Троянская война в средневековой западной традиции» (Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008); «Légendes pseudo-historiques de l'Occident médiéval en Russie (XVIe–XVIIIe): Le cas de l'Histoire de la destruction de Troie de Guido de Columna» (Cahiers du Monde russe. Vol. 50 (Avril-septembre 2009). No. 2–3); «Смесь французского с... Переводы книги А. Пиренна о средневековых городах как историографическая и филологическая проблема» (Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. С.И. Архангельского. Нижний Новгород, 2009); «“Страсти по Александру”: к вопросу об изучении образа Александра Невского в современном историческом сознании» (Георгиевские чтения 2004–2009 гг. / Под. ред. А.А. Кузнецова. Нижний Новгород, 2009) и др. Ответственный редактор «Альманаха по истории Средних веков и раннего Нового времени». Член редколлегии сборника «Мининские чтения».

Мельтюхов Михаил, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД). Специализируется по военно-политическим проблемам межвоенного периода и начала Второй мировой войны в Восточной Европе. Автор монографий: «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения)» (М., 2000, 2002, 2008); «Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.» (М., 2001, 2004); «Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.)» (М., 2006); «17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939» (М., 2009); «Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940» (М., 2010).

Молодяков Василий, доктор политических наук, доктор философии, кандидат исторических наук. Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, приглашенный профессор Университета Такусёку (Токио). Член Международного совета АИРО-XXI. Основные работы: «Первая мировая: война, которой могло не быть» (М., 2012); «Вторая мировая: война, которой не могло не быть» (М., 2012); «Россия “японизма”. Неизвестные страницы истории российско-японских культурных связей» (Токио, 2011 (на яп. яз.)); «Валерий Брюсов. Биография» (СПб., 2010); «Риббентроп. Упрямый советник фюрера» (М., 2008); «Эпоха борьбы. Тосио Сиратори (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель» (М., 2006) и мн. др.

Посадский Антон, доктор исторических наук, профессор кафедры истории российской государственности и права Поволжского института им. П.А. Столы-

пина РАНХиГС. Автор монографий: «Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии)» (Саратов, 2002); «Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905–1945 годах» (Саратов, 2004); «От Царицына до Сызрани. Очерки Гражданской войны в Поволжье» (М.: АИРО, 2010) и более 90 научных статей.

Реброва Ирина, кандидат исторических наук, магистр социологии, доцент кафедры истории и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета. Автор статей: «Другая война: гендерный анализ одного устного интервью» (Европа: новое соседство 2008. Вильнюс, 2009); «Oral History im heutigen Russland: Tätigkeitsfeld, Probleme und Perspektiven» (BIOS. Zeitschrift für Biographieforschung, Oral History und Lebensverlaufsanalysen. 2009. № 2. (22. Jahrgang)); «Связь поколений: Великая Отечественная война глазами “детей войны” и ее восприятие современной молодежью» (Вторая мировая война в детских «рамках памяти». Краснодар, 2010); Редактор сборников: «Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования (Сост. совм. с С.С. Сачук, Е.Н. Стрекаловой)» (СПб., 2008); «Вторая мировая война в памяти поколений: Сборник научных статей (Ред. совм. с Н.А. Чугунцовой)» (Краснодар, 2009); «Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: Сборник научных статей» (Краснодар, 2011).

Соколов Борис, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, историк, литературовед, писатель, член Русского ПЕН-Центра. Член Международного Совета АИРО-XXI. Автор 69 книг, среди них: биографии Тухачевского, Жукова, Берии, Буденного, Рокоссовского, Иосифа и Василия Сталиных, Инессы Арманд и Надежды Крупской, Леонида Брежнева, Вольфа Мессинга, энциклопедий «Булгаков» и «Гоголь», очерки по истории Великой Отечественной и финской войн, труды по жизни и творчеству Достоевского, Пастернака, Есенина и Владимира Сорокина.

Сомов Владимир, доктор исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Автор публикаций: «“Вера в жизнеспособность социалистического строя получила значительный ушиб”. Два письма периода Великой Отечественной войны» (Исторический архив. 2005. № 3); «Письма участников Великой Отечественной войны» (Вопросы истории. 2007. № 8); «Духовный облик трудящихся периода Великой Отечественной войны» (Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010); «Музыкальное произведение “Священная война” как фактор формирования мотивации сопротивления в начальный период Великой Отечественной войны» (Клио. 2010. № 4 (51)); «Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» (Нижний Новгород, 2008).

Суровцева Екатерина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Филологического факультета МГУ. Автор книг: «Жанр “письма вождю” в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е годы)» (М.: АИРО-XXI, 2008); «Жанр “письма вождю” в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.)» (М.: АИРО-XXI, 2010); «Жанр “письма царю” в XIX – начале XX века» (М.: АИРО-XXI, 2011).

Тепляков Алексей, канд. историч. наук, Новосибирск, независимый исследователь. Автор книг: «“Непроницаемые недра”: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг.» (М.: АИРО-XXI, 2007); «Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах» (М., 2007); «Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг.» (М.: АИРО-XXI, 2008); «Опричники Сталина» (М., 2009).

Филиппова Татьяна, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора Российского исторического журнала «Родина», научный сотрудник Института востоковедения РАН. Член Международного Совета АИРО-XXI. Автор книг и статей: «Начало гражданского раскрепощения» (Наше Отечество. Опыт политической истории. (Учебное пособие для вузов). М., 1991. Т.1); «Родословная российской свободы» (М., 1993); «По пути контролируемой модернизации» (Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. Т.1. (Учебное пособие для вузов.)); «“Свое” и “чужое” прошлое или поиск новых идентичностей в постсоветских государствах (Материалы обсуждения на Международной научной конференции “Создание национальных историй”» (М., 1999); «Приоритеты поздней империи. В: Россия: государственные приоритеты и национальные интересы» (М., 2000); «Идея самобытности России в школьных учебниках истории» (Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы. М., 2002); «Логика иррациональности, или стоит ли бегать от самих себя?» (Родина. 2010. № 10) и др.

Черёмушкин Пётр, журналист и исследователь, собственный корреспондент агентства «Интерфакс» в США. Основная сфера научных интересов: российско-американские отношения, история «холодной войны», история Польши XX века, тоталитарное искусство и скульптура Германии и Европы XX века. Автор публикаций: «Russian-Polish Relations: A Long Way From Stereotypes to Reconciliation» (2002) (<http://ece.columbia.edu/research/intermarium/vol5no3/ruspol.pdf>); Leaks Damage and Batman, Russia Now), December 14, 2010 (<http://russianow.washingtonpost.com/2010/12/leaks-damage-and-batman.php>); Reset Ambassador, June 8, 2011 (http://rbth.ru/articles/2011/06/08/the_reset_ambassador_13009.html); «Противоречия творческой судьбы немецкого скульптора Арно Брекера» (Скульптура: город и музей. «Дом Бурганова»: Сб. науч. ст. М., 2006); «Карл Эльдт, Кай Нильсен и Герхард Хенинг: выдающиеся представители скандинавской скульптуры первой половины XX века» (Пространство культуры: Научно-аналитический журнал «Дом Бурганова»: Сб. ст. М., 2007); «Арно Брекер – портретист» (Искусствознание. 2011. №№ 1–2).

Щербакова Екатерина, кандидат исторических наук, автор книг и публикаций: ««Отщепенцы». Путь к терроризму (60-е – 80-е годы XIX века)» (М.: АИРО-XXI, 2008); «Россия под надзором (1827–1869). Отчеты III отделения. Сборник документов (в соавторстве с М.В. Сидоровой)» (М. 2006); «Агентурная работа политической полиции Российской империи (1880–1917). Сб. документов» (М.–СПб., 2006); «Под Государевым присмотром: III отделение СЕ-ИВк (1826–1880)» (Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004); «Политическая полиция и политический терроризм в России (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Сборник документов» (М. АИРО—XXI, 2001).

Издания АИРО в 2007–2011 гг.

2007

- Я.В. Леонтьев.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).
- Стивен Коэн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?
- Ирина Каргина.* Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.
- А.Г. Тепляков.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).
- Р.А. Гоголев.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).
- И.А. Алексеева.* История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).
- В.И. Колесов.* Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).
- Фридрих Фирсов.* Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).
- С.И. Валянский.* Язык мой – враг мой.
- Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина / Предисловие А.П. Ненарокова.
- Эльгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, А.Е. Куланов.
- Япония открыта миру. Коллективная монография.
- В.Г. Воловников.* О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).
- В.Д. Соловей.* Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).
- Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.
- С.Ф. Платонов.* Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.
- Александр Рабинович.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).
- Николай Андреев.* Первые стихи.
- Владимир Путин. Рано подводить итоги.
- Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер.
- Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова. (совместно с ТПП РФ).

2008

- Сиратори Тосио.* Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).
- Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.
- Константинов С.В.* «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.
- Леонид Козлов.* В диалоге с прошлым.
- Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Козна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.
- Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.
- Стивен Козн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).
- А.А. Куреньшев.* Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).
- Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера.
- Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).
- Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.
- Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.
- Роберт Эдельман.* Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.
- А.Г. Тепляков.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

2009

- В. Волков, С. Соколов.* Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).
- Н.В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).
- В.А. Рябинин.* Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.
- В.Н. Томилин.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).

- Н.И. Бурнашева.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).
- Эрик Кулевиц.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).
- Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*
- Ф.Д. Крюков.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя.
Возвращаясь на улицу Юности.
- Л.А. Боева.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).
- Б.В. Соколов.* Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).
- Япония 2009. Ежегодник.
- Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.
- А.К. Конопацкий.* Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.
Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

- Пётр Баратов.* «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Венков А.В.* «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО-XXI. 2010 г. – 884 стр.
- Кравчук Н.В.* История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII – XV вв. – М.: «АИРО-XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).
- Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 284 с.
- Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 320 с.
- Ю.М. Коликов.* Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 432 с.
- Виктор Кригер.* Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 104 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Н.К. Веселовская.* Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940 – 1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2010. – 184 с.
- Г.А. Бордюгов.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Посадский А.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО-XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.

- Цыганок А.Д.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина.* Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО–XXI, 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО–XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XXI, 2010. – 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО–XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО–XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО–XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Стивен Козн.* Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 256 с.

2011

- И.Б. Белова.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО–XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.
- Стивен Козн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 216 с.
- А.А. Куреннышев.* Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 118 с.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 164 с.
- Г.А. Бордюгов.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).

- Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- З.С. Бочарова.* Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
- Стивен Коэн.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.
- Б.В. Соколов.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).
- Р.А. Медведев.* «Тихий Дон». Загадки и открытия великого романа. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 228 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 520 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В РОССИИ – III.
Пятнадцать лет спустя

Под редакцией Геннадия Бордюгова

ISBN 591022176-0

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 05.12.2011
Формат 70×100/16. Усл. изд. л. 73,0
Тираж 1000 экз. Зак.

Типография ООО «Пробел-2000»